

stratumplus
Культурная антропология и археология

ISSN: 1608-9057

№2. 2010

ЛИКИ ДАЛЁКИХ ПРЕДКОВ

Символическое мышление в преистории

Африканские истоки восточноевропейского неолита

Представления о богатстве в балканском энеолите

Реалистическая антропоморфная пластика Триполья

Феномен пустого дольмена

Соляной промысел в раннем бронзовом веке

Stratum plus. Nr. 2.

Images of Remote Ancestors

Symbolic Thinking in Prehistory
African Origins of East European Neolithic
Ideas of Wealth in the Balkan Eneolithic
Realistic Anthropomorphic Figurines in Tripolye
Phenomenon of Empty Dolmen
Salt Production in Early Bronze Age

Volume Editor — Igor V. Manzura
Co-editors: L. Nikolova, E. Pernicka

St.-Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.

2010

Stratum plus. Nr. 2.

Chipurile strămoșilor îndepărtați

Gândirea simbolică în preistorie
Originile africane ale neoliticului Europei de Est
Viziunea asupra bogăției în eneoliticul balcanic
Sculptura realistă antropomorfă din Tripolie
Fenomenul dolmenului gol
Producția de sare la începutul epocii bronzului

Redactorul volumului — Igor V. Manzura
Co-redactorii: L. Nikolova, E. Pernicka

S.-Petersburg. Chișinău. Odessa. București

2010

The Supreme Council for Science and Technical Development of Moldovan Academy of Sciences and the National Council for Accreditation and Attestation of the Republic of Moldova, through their decision, recognized Stratum plus as a specialized journal in history disciplines (decision nr. 4 of 14 October 2004 and nr. 208 of 24 December 2009)

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**
Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**
Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School University and Stratum plus editorial board, the name of Mark Borisovich Shchukin shall be written forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

- G. Atanasov** — doctor of historical sciences (Museum of Archaeology, Silistra, Bulgaria)
M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania)
S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
V. Borşevich — doctor habilitat of Physics and Mathematics (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova)
I. Borziac — doctor habilitat of history (International Free University of Moldova (ULIM), Kishinev, Moldova)
I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum, Odessa, Ukraine)
V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania)
S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage, Moldovan Academy of Sciences, Kishinev, Moldova)
V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage, Moldovan Academy of Sciences, Kishinev, Moldova)
A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine)
E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
B. Govedarica — professor (German Archaeological Institute, Eurasian Department, Germany)
M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS – French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France)
V. Kirilko — candidate of historical sciences (Institute of Archaeology, Ukraine National Academy of Sciences, Simferopol, Ukraine)
A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova)
K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
V. Myts — candidate of historical sciences (Institute of Archaeology, Ukraine National Academy of Sciences, Simferopol, Ukraine)
E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania)
L. Nikolova — doctor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA)
N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova)
O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
P. Shuvalov — candidate of historical sciences (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage, Moldovan Academy of Sciences, Kishinev, Moldova)
L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia)
V. Zuev — candidate of historical sciences (State Hermitage, St.-Petersburg, Russia)

Address: MD 2024, Republic of Moldova, Kishinev, Zimbrului St. 10a,
High Anthropological School University, STRATUM plus Journal
Tel./fax (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Prin hotărârea Consiliului Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică al AȘ RM, și a Consiliului Național pentru Acreditare și Atestare al RM, revista STRATUM plus este recunoscută ca revistă de profil în domeniul științelor istorice (hotărârea no. 4 din 14.10.2004 și nr. 208 din 24.12.2009)

Redactor șef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**
Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**
Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacțional:

M. B. Shchukin. *Prin Decizia Senatului Universității Școala Antropologică Superioară și a redacției revistei Stratum plus, în memoria meritelor savantului de seamă Mark Borisovici Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componența colegiului redacțional.*

- G. Atanasov** — doctor în științe istorice (Muzeul arheologic, Silistra, Bulgaria)
M. Babeș — doctor în istorie (Institutul de arheologie “Vasile Pârvan”, București, România)
S. Beletsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
V. Borșevici — doctor habilitat în fizică și matematică (Filiala RM al Academiei internaționale de informatizare pe lângă ONU, Chișinău, Moldova)
I. Borziac — doctor habilitat în istorie (Universitatea Liberă Internațională din Moldova, Chișinău, Moldova)
I. Bruyako — doctor în științe istorice (Muzeul Arheologic din Odesa, Ucraina)
V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România)
S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al AȘM, Chișinău, Moldova)
V. Dergacev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al AȘM, Chișinău, Moldova)
A. Dobrolyubsky — doctor în științe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina)
E. Girya — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
B. Govedarica — profesor (Institutul German de Arheologie, Departmentul Eurazia, Germania)
M. Kazanski — doctor în științe istorice (Centrul Național pentru Cercetări Științifice din Franța, Centrul pentru Studii în Istorie și Civilizație Bizantină, Paris, Franța)
V. Kirilko — candidat în științe istorice (Institutul de arheologie, Academia Națională de Științe din Ucraina, Simferopol, Ucraina)
A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediției arheologice internaționale în Azia Centrală (Universitatea de Stat din S.-Petersburg, Rusia)
I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea Școala Antropologică Superioară, Chișinău, Moldova)
K. Marchenko — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
V. Myts — candidat în științe istorice (Institutul de arheologie, Academia Națională de Științe din Ucraina, Simferopol, Ucraina)
E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie “Vasile Pârvan”, București, România)
L. Nikolova — doctor (Institutul Internațional de Antropologie, Salt Lake City, SUA)
N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea Școala Antropologică Superioară, Chișinău, Moldova)
O. Sharov — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
P. Shuvalov — candidat în științe istorice (Universitatea de Stat din S.-Petersburg, Rusia)
O. Shcheglova — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.-Petersburg, Rusia)
N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al AȘM, Chișinău, Moldova)
L. Vishnyatsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, S.- Petersburg, Rusia)
V. Zuev — candidat în științe istorice (Ermitajul de Stat, S.-Petersburg, Rusia)

Adresa: MD 2024, Republica Moldova, Chișinău, str. Zimbrului 10a,
Universitatea Școala Antropologică Superioară, revista STRATUM plus
Tel./fax (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Решением Высшего Совета по Науке и Техническому Развитию АН РМ и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации РМ журнал «STRATUM plus» признан профильным в области исторических наук (решения от 14.10.2004/№4, от 24.12.2009/№208)

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**
Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**
Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжик**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М. Б. Щукин. *Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.*

Г. Г. Атанасов — доктор исторических наук (Археологический музей, Силистра, Болгария)

М. Бабеш — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)

С. В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

И. А. Борзияк — доктор хабилитат истории (Международный Свободный Университет Молдовы (ULIM), Кишинев, Молдова)

В. И. Боршевич — доктор хабилитат физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии Информатизации при ООН, Кишинев, Молдова)

И. В. Бруяко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей, Одесса, Украина)

Л. Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Е. Ю. Гирия — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Б. Говедарица — профессор (Германский Археологический Институт, Отдел Евразии, Германия)

В. А. Дергачев — доктор хабилитат истории (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)

А. О. Добролюбовский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)

В. Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния)

М. Казанский — доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция)

В. П. Кирилко — кандидат исторических наук (Институт Археологии НАНУ, Симферополь, Украина)

А. А. Ковалев — чл.-корреспондент Германского Археологического Института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

С. И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)

И. В. Манзура — доктор истории (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

К. К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

В. Л. Мыц — кандидат истории наук (Институт Археологии НАНУ, Симферополь, Украина)

Л. Николова — доктор (Международный Институт Антропологии, Солт-Лейк-Сити, США)

Е. Николае — доктор истории (Институт Археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния)

Н. Д. Руссев — доктор хабилитат истории (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

Н. П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия АН РМ, Кишинев, Молдова)

О. В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

П. В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

О. А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Адрес: MD 2024, Республика Молдова, Кишинев, ул. Зимбрулуй 10 а,

Университет «Высшая антропологическая школа», журнал «STRATUM plus»

Тел. / факс (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Stratum plus — международный журнал по археологии и культурной антропологии. Издается университетом «Высшая антропологическая школа», г. Кишинев, Республика Молдова. Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной эпохе, либо отдельной достаточно актуальной научной проблеме. Все материалы рецензируются.

*Издан при поддержке
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко*

Редактор номера — Игорь В. Манзура

Редколлегия номера:

Лолита Николова

Эрнст Перницка

Все права защищены.

© университет «Высшая антропологическая школа»

© Издательство «Stratum plus»

© Обложка: Д. А. Топал

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина

Перевод на государственный язык Республики Молдова: А. Патракова

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник

Корректор: Г. В. Засыпкина

60-летию
Яна Ходдера
посвящается

Dedicated to 60th anniversary of Ian Hodder
Se dedică aniversării de 60 de ani a lui Ian Hodder

Ян Ходдер является одним из ведущих мировых специалистов в области антропологии и археологии. В 1971 году он получил степень бакалавра искусств в Лондонском Университете, а в 1975 году защитил докторскую степень в Кембридже, где в 1977 году получил звание профессора. В настоящее время Ян Ходдер является профессором антропологии Стэнфордского университета. Кроме того, он является членом Британской Академии Наук, профессором Института Ван Гриффена в Амстердаме, Парижской Сорбонны, SUNY в Бингхэмтоне, а также Калифорнийского Университета в Беркли.

Основные научные интересы Яна Ходдера связаны с такими областями, как неолит Европы и Ближнего Востока, теория археологии, этноархеология, а также символическая и структурная археология. В своих исследованиях он практикует принципы пост-процессуальной археологии при интерпретации древних социальных, хозяйственных и религиозных структур. К числу его наиболее известных работ относятся такие книги, как “*Symbols in Action*” (1982), “*Reading the past*” (1986), “*Domestication of Europe*” (1990), “*The archaeological process. An introduction*” (1999), “*The Leopard’s Tale: Revealing the Mysteries of Çatalhöyük*” (2006).

С 1993 года Я. Ходдер руководит археологическим проектом, связанным с полевыми исследованиями ранненеолитического поселения Чатал-Хёюк в Турции. Проект рассчитан на 25 лет и преследует три основные цели: поместить находки в их природный, хозяйственный и социальный контекст, сохранить сырцовые стены с росписью и скульптурами, а также провести музеефикацию памятника для последующего экспонирования.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

- Б. Миличич (*Солт-Лейк-Сити, США*). Изучение родства, символическое мышление и преистория в антропологии XXI века 15
- Л. Николова (*Солт-Лейк-Сити, США*). О теории накопления и тезаврации богатства в преистории (на основе балканских источников) 23

ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

- А. В. Дяченко (*Киев, Украина*). Эвстатические колебания уровня Черного моря и динамика развития населения кукутень-трипольской общности 37
- С. В. Иванова (*Одесса, Украина*). Природные ресурсы и экономика древних обществ . . . 49
- Э. Кайзер (*Берлин, Германия*). Эгалитарное пастушеское общество *versus* войны-кочевники? Попытка реконструкции социальной структуры ямной и катакомбной культур. 99

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

- Н. Б. Бурдо (*Киев, Украина*). Реалистическая пластика Триполья-Кукутень: систематизация, типология, интерпретация 123
- А. М. Смирнов (*Санкт-Петербург, Россия*). Пустой дольмен: утрата источника или норма погребальной практики. 169

ДИСКУССИИ

- Е. Избицер (*Нью-Йорк, США*). Колесница с тормозом, или реконструкции без тормозов . . 187
- А. А. Романчук (*Кишинёв, Молдова*). Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной Керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (На А — На В 1) 195

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- Д. Л. Гаскевич (*Киев, Украина*). Северо-понтийское импресо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы. . . . 213
- М. Спасич (*Белград, Сербия*). Персонифицированные типы сосудов в изучении хронологии сербского энеолита: ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΦΟΡΑ 253
- Т. Фернандес Креспо (*Витория-Гастейс, Испания*). Использование огня в массовых захоронениях неолита-энеолита: определение, попытка интерпретации и дифференцированная диагностика. 261
- М. Бакович (*Подгорица, Черногория*), Б. Говедарица (*Берлин, Германия*). Находки из «княжеского» кургана Груда Больевича в Подгорице, Черногория 269
- Д. А. Топал, С. В. Церна (*Кишинёв, Молдова*). Позднетрипольский могильник и поселения у с. Кунича (Флорештский р-н, Республика Молдова) 281
- Б. Говедарица (*Берлин, Германия*), И. В. Манзура (*Кишинёв, Молдова*). Новые материалы раннего бронзового века на Тилигульском лимане. 299
- С. Н. Попович (*Кишинёв, Молдова*). Новые находки антропоморфных стел в Пруто-Днестровском междуречье 309

РЕЦЕНЗИИ

- Л. С. Клейн (*Санкт-Петербург, Россия*). Еще раз о так называемых зооморфных скипетрах. Polemическая заметка о книге В. А. Дергачева «О скипетрах, о лошадях, о войне» 315

Список сокращений. 323

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet 324

Требования к материалам, предоставляемым в редакцию журнала «Stratum plus» 334

Requirements to contributions to *Stratum plus*. 338

CONTENTS

ANTHROPOLOGICAL STUDIES

- B. Miličić (Salt Lake City, USA). Kinship Studies, Symbolic Thought, and Prehistory in the 21st Century Anthropology 15**
- L. Nikolova (Salt Lake City, USA). Toward Theory of Accumulation and Treasuring of Wealth in Prehistory (With Reference to the Balkans) 23**

ECO-SOCIAL RECONSTRUCTIONS

- A. V. Dyachenko (Kiev, Ukraine). Eustatic Fluctuations of the Black Sea Level and Dynamics of the Development of Cucuteni-Tripolye Community Population 37**
- S. V. Ivanova (Odessa, Ukraine). Natural Resources and Economics of Ancient Societies. 49**
- E. Kaiser (Berlin, Germany). Egalitarian Pastoral Society Versus Nomadic Warriors? An Attempt to Reconstruct the Social Structure of the Yamnaya and Catacomb cultures . . . 99**

ARCHAEOLOGY OF REPRESENTATIONS

- N. B. Burdo (Kiev, Ukraine). Realistic Figurines of the Tripolye-Cucuteni Culture: Systematization, Typology, Interpretation 123**
- A. M. Smirnov (St.-Petersburg, Russia). Emptiness of Dolmens: Lost Source or a Norm of Burial Practice 169**

DISCUSSIONS

- E. V. Izbitser (New York, USA). The Chariot with the Brake, or Reconstructions off the Handle 187**
- A. A. Romanchuk (Kishinev, Moldova). Axe-Celts, Sickles and Incised Pottery Community in Carpathian-Dniester Region during Ha A — Ha B1 Period 195**

RESEARCH AND PUBLICATIONS

- D. L. Gaskevych (Kiev, Ukraine). North-Pontic Impresso: Origin of the Neolithic Pottery with Comb Decoration in the South of Eastern Europe 213**
- M. Spasić (Belgrade, Serbia). Personalized Vessel Types in The Study of Chronology of Serbian Eneolithic: ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΦΟΡΑ 253**
- T. Fernández Crespo (Vitoria-Gasteiz, Spain). Use of Fire in Neo-Eneolithic Mass Graves: Definition, Attempt of Interpretation and Differential Diagnosis. 261**
- M. Baković (Podgorica, Montenegro), B. Govedarica (Berlin, Germany). Finds from the Princely Burial Mound Gruda Boljevića in Podgorica, Montenegro. 269**
- D. A. Topal, S. V. Țerna (Kishinev, Moldova). A Cemetery and Settlements of the Late Tripolye Culture near the Village of Cunicea (Florești District, Republic of Moldova) 281**
- B. Govedarica (Berlin, Germany), I. V. Manzura (Kishinev, Moldova). New Material of the Early Bronze Age at the Tiligul estuary 299**
- S. N. Popovici (Kishinev, Moldova). New Discoveries of Anthropomorphic Stellae in the Prut-Dniester Interfluve. 309**

REVIEWS

- L. S. Klejn (St.-Petersburg, Russia). Once Again on the So Called Zoomorphic Scepters. A Polemic Note on V. A. Dergachev's Book «About Scepters, Horses and War». 315**
- Abbreviations 323**
- References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet 324**
- Requirements to contributions to *Stratum plus*. 338**

C U P R I N S

STUDII ANTROPOLOGICE

- B. Miličić** (*Salt Lake City, SUA*). Studiarea fenomenului de rudenie, gândirea simbolică și preistoria în antropologia sec. XXI 15
- L. Nikolova** (*Salt Lake City, SUA*). Considerații asupra teoriei acumulării și teaurizării bogăției în preistorie (cu referință la Balcani) 23

RECONSTRUCȚII ECO-SOCIALE

- A. V. Dyachenko** (*Kiev, Ucraina*). Fluctuațiile eustatice ale nivelului Mării Negre și dinamica dezvoltării populației Cucuteni-Tripolie 37
- S. V. Ivanova** (*Odesa, Ucraina*). Resursele naturale și economia societăților antice 49
- E. Kaiser** (*Berlin, Germania*). Societatea egalitară a păstorilor față de ostași nomazi? O încercare de a reconstrui structura socială a culturii Iamnaia și culturii catacombelor . . . 99

ARHEOLOGIA REPREZENTAȚIILOR

- N.B. Burdo** (*Kiev, Ucraina*). Sculptura realistă a culturii Tripolie-Cucuteni: sistematizare, tipologie, interpretare 123
- A.M. Smirnov** (*S.-Petersburg, Rusia*). Dolmen gol: pierderea sursei sau norma practicii funerare 169

DISCUȚII

- E.V. Izbitser** (*New-York, SUA*). Carul cu o frână, sau reconstrucții fără frâne 187
- A.A. Romanchuk** (*Chișinău, Moldova*). Culturi, seceri și Culturi cu Ceramica Incizată ale hallstattului timpuriu în regiunea Carpato-Nistreană (Ha A-Ha B1). 195

CERCETĂRI ȘI PUBLICAȚII

- D. L. Gaskevych** (*Kiev, Ucraina*). Impreso de tip Nord Pontic: originea ceramicii neolitice cu ornament cu pieptene din sudul Europei de Est. 213
- M. Spasić** (*Belgrad, Serbia*). Tipuri de vase personalizate în studiul cronologiei eneoliticului din Serbia: ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΦΟΡΑ 253
- T. Fernández Crespo** (*Vitoria-Gasteiz, Spania*). Utilizarea focului în înmormântările în masă neo-eneolitice: definiția, tentativă de interpretare și diagnostic diferențial. 261
- M. Baković** (*Podgorița, Muntenegru*), **B. Govedarica** (*Berlin, Germania*). Descoperirile din tumulul princiar Gruda Boljevića în Podgorița, Muntenegru. 269
- D. A. Topal, S. V. Țerna** (*Chișinău, Moldova*). O necropolă și așezări din etapa tardivă a culturii Cucuteni-Tripolie de lângă s. Cunicea (raionul Florești, Republica Moldova) . . . 281
- B. Govedarica** (*Berlin, Germania*), **I. V. Manzura** (*Chișinău, Moldova*). Materiale noi din epoca bronzului timpuriu pe limanul Tiligului. 299
- S.N. Popovici** (*Chișinău, Moldova*). Noi descoperiri de stele antropomorfe în spațiul Pruto-Nistrean 309

RECENZII

- L. S. Klejn** (*S.-Petersburg, Rusia*). Încă o dată despre așa numite sceptre zoomorfe. O notă polemică despre cartea de V. A. Dergacev «Despre sceptre, cai și război» 315
- Lista de abrevieri 323
- Datele bibliografice transliterate din grafia cirilică în cea latină 324
- Cerințe pentru materialele prezentate redacției *Stratum plus* 334

**Антропологические
ЭТЮДЫ**

Anthropological studies
Studii antropologice

Б. Миличич

Изучение родства, символическое мышление и преистория в антропологии XXI века

B. Miličić.

Kinship Studies, Symbolic Thought, and Prehistory in the 21st Century Anthropology.

Recent advances in linguistics, primatology, and cultural and cognitive anthropology have brought the study of kinship back into focus. This paper suggests that the house as material culture is the depository of meanings about kinship and social organization of distant human past. Since the symbolic thought is necessary to produce kinship categories, the house can also provide valuable insights into human cognition in the past.

B. Miličić.

Studierea fenomenului de rudenie, gândirea simbolică și preistoria în antropologia sec. XXI.

Cercetările recente în domeniul lingvisticii, primatologiei, antropologiei culturale și cognitive din nou au atras atenția specialiștilor asupra studierii fenomenului rudeniei. În acest articol, se pronunță ideea conform căreia locuința, în calitate de obiect al culturii materiale, reprezintă un depozit specific al valorilor de rudenie și organizare socială a omului din trecut. Ținând cont de faptul, că gândirea simbolică este necesară pentru constituirea categoriilor de rudenie, locuința este de asemenea capabilă să ofere date prețioase despre cognitivitatea umană în trecut.

Б. Миличич.

Изучение родства, символическое мышление и преистория в антропологии XXI века.

Последние исследования в области лингвистики, приматологии, культурной и когнитивной антропологии снова обратили внимание на изучение феномена родства. В данной статье выдвигается идея, что жилище в качестве предмета материальной культуры является своеобразным хранилищем значений родства и социальной организации давнего прошлого человека. Учитывая, что символическое мышление является необходимым для построения категорий родства, жилище также способно предоставлять ценные данные о человеческих когнитивных возможностях в прошлом.

Keywords: cognition, prehistory, kinship, symbols, house.

Cuvinte cheie: cognitivitate, preistorie, rudenie, simboluri, casa.

Ключевые слова: познание, преистория, родство, символы, дом.

В 1977 г. Пьер Бурдьё сформулировал концепцию «габитуса» в качестве «образующего принципа». Когнитивные и мотивирующие структуры составляют габитус путем диалектических взаимоотношений между общими социальными условиями и частным состоянием структуры, в которой практикуется габитус (Bourdieu 1977: 78). Эти практики фильтруются объективными условиями и опосредуются индивидуальной деятельностью. Габитус кодирует ряд социальных значений и практик в одно из своих физических проявлений — дом. Особенно заметным обра-

зом габитус Бурдьё и дом выступают в работах Яна Ходдера. Для Ходдера материальная культура — это действие и практика (Hodder 2003). Одной из областей действия и практики, которая близко соотносится с жилищным пространством и закодирована в нем, является область организации родства. Родство обладает поведенческими, материальными и когнитивными аспектами.

Бурдьё определил родственные взаимоотношения в качестве структурирующих принципов социального мира, которые, как таковые, всегда исполняют политические

функции и вместе с матримониальными стратегиями являются необходимыми силами для социального воспроизводства (Bourdieu 1977: 41). В традиционных обществах родство связано не только с политикой, но и с экономической системой в плане разделения труда, часто с корпоративной сущностью родственных групп, равно как с празднествами и обменом. Эти отношения проявляются в материальной культуре традиционных обществ.

В данной работе я хочу рассмотреть то, как современные исследования феномена родства способны предоставить более глубокое понимание социальной организации и когнитивной деятельности в далеком прошлом человечества. Дом в качестве жилища в традиционных обществах является знаком, индексом, символом, метафорой и метонимом, стоящим за родственными группами, и в этом качестве фундаментальным звеном между материальной культурой, родством и социальной организацией. Если подобное определение применимо и для древних обществ, что весьма вероятно, то дом может также представлять собой хранилище информации о человеческом познании, вовлеченном в производство символов и метафор.

Организация и терминология родства являются областью человеческого бытия, представляющей фундаментальный интерес для широкого спектра исследователей, от культурных антропологов до исследователей когнитивных процессов и специалистов по возникновению языка, а также психологов-эволюционистов, лингвистов и археологов. Благодаря своим характеристикам, терминология родства является мощным инструментом для изучения человеческой когнитивной деятельности, преистории и социальной организации, что отражено в недавних работах целого ряда исследователей. В последнее время родство и терминология родства свели воедино несколько дисциплин: культурную антропологию, археологию, биологическую антропологию, историческую лингвистику, когнитивную антропологию и эволюционную экологию (Allen et al. 2008; Chapais 2008; Jones and Milicic, в подготовке). Подобный подход особенно необходим в нашем столетии, которое угрожает разложением классических основ антропологии и отделением многих субдисциплин от ее расколотого центра.

Гоулетт указывает на присутствие значительного количества информации о социокультурном поведении прошлого в археологических данных, что контрастирует с досадным отсутствием исследования родства в археологических книгах, которые «попросту не со-

держат глав с таким названием, как “Родство и брак”» (Gowlett 2008: 41). Гэмбл подытоживает характеристику статуса родства в археологии следующим наблюдением: «... чаще всего археологи не заходят дальше, чем изучение таких понятий, как семья и домашнее хозяйство, обобщено, например, в определении Ходдером домуса и рассуждениях о том, где в неолите жилище, очаг и сосуд стали материальными метафорами домостроения общества» (Gamble 2008: 30). Гэмбл недвусмысленно подчеркивает, что образование великой человеческой диаспоры 60000 лет назад стало возможным благодаря не только освоению новых технологий, но и экспансии социальных сетей, которые предполагали существование когнитивных путей классифицирования социального мира, в частности, родства и сходства, равно как и их метафорических проявлений. «Родство никогда не являлось только генетическим или лингвистическим, но было также и материальным свойством» (Gamble 2008: 32). В силу этого археологи не только должны расшифровать его символические проявления в материальной культуре и определить его роль в социальной организации прошлого, но и могут использовать эти сведения для построения гипотез об архитектуре человеческого разума, который сделал все это возможным.

С того момента, как Леви-Стросс предложил концепцию «sociétés a maison», или «обществ дома», в культурной антропологии были проведены обширные исследования в этом направлении (Lévi-Strauss 1979; 1984). «Общества дома», как определял их Леви-Стросс, не следуют строгим правилам происхождения и брака, концентрируясь на «доме», который соотносится со своими не только настоящими, но и прошлыми обитателями, их союзниками и иногда клиентами, которые контролировали материальную и нематериальную собственность (1984: 190). Жилище часто ассоциируется со специфическим именем и становится показателем социальных отношений и моральных принципов общества (Rogers 1991; Milicic 1992, 1998). Таким образом, жилище является как физической сущностью, так и культурной и материальной категорией. Оно является средоточием семейной и общественной жизни, в котором семья продолжает свое биологическое и социальное воспроизводство, а также служит хранилищем предметов, содержащих символические значения, соотносенных с последовательностью поколений и их социальными отношениями.

Математик и логик Г.С. Пирс выделял три категории знаков (Buchler 1940): нечто, что соотносится с другой вещью, с его объектом,

№2. 2010

в отношении какого-то качества; изображения, которые соотносятся с предметом через внешнее сходство и через его внутреннюю организацию. Например, изображение дома является просто изображением дома, в то время как карта является знаком организации сегмента пространства. Признак является знаком, который соотносится со своим денотатом посредством влияния, которое оказывает денотат на этот знак. Например, в недавних исследованиях по соотношению размера общности, размеров мозга и коммуникативным возможностям было предположено, что размер группы является признаком когнитивных способностей приматов (Dunbar 2001; Gamble 2008). Символ является тем знаком, который соотносится со своим денотатом посредством условного кода. Один и тот же знак может рассматриваться и как изображение, и как признак, и как символ. Например, определенные татуировки полинезийцев представляют собой изображения балок, из которых построено жилище, но они также являются признаками подчинения, вплоть до страданий во время получения татуировки, а также символами гендера и политических отношений (Gell 1993; Hage et al. 1996). Способность интерпретации одного и того же знака в качестве изображения, признака и символа является отличительным качеством человеческих когнитивных способностей и символических соотношений, которые позволяют пространственные и временные перестановки (Deacon 1997).

Жилища часто метафорически соотносятся как с человеческим, так и с космическим телом (Carsten, Hugh-Jones 1995; Fox 1993). Построение метафор является фундаментальным свойством современного человеческого разума, признаком человеческой когнитивной деятельности. Леви-Стросс предположил, что использование метафор является основополагающим в «науке конкретного», где процесс классификации является необходимым для организации мира и, мы бы добавили, для выживания в нем (Lévi-Strauss 1966). Тотемизм является показательным примером того, как взаимоотношения между социальными группами концептуализированы как взаимоотношения между природными категориями (Lévi-Strauss 1963).

В качестве когнитивной операции метафора была провозглашена «величайшей способностью нашего мозга» (Barber and Barber 2006). Метафоры структурно связаны с образным мышлением: мы используем метафоры для выражения малознакомых или сложных концептов в более понятных нам терминах. Лакофф и Джонсон различают пространственно-

ориентирующие метафоры, которые основаны на нашем физическом опыте в качестве млекопитающих, и метафоры, основанные на культуре (Lakoff, Johnson 1980). Они указывают, что метафоры не только определяют существование целых областей культуры, таких как религия и искусство, но и наш повседневный опыт также во многом жидется на них. Метафоры пространственного ориентирования исследовались в интерпретационной археологии, например, в изучении расположения частей тела в погребении (Shanks, Tilley 1982). Хорошо известно, что метафоры родства представлены в большом количестве во многих, если не во всех культурах. Метафорическое расширение понятий родства, таких как фиктивное или ритуальное родство, этничность, членство в определенной религиозной конгрегации и т.д., расширяет социальные сети за пределы области родства. Метафоры родства часто материализуются в использовании таких мотивов, как лозы, ветви и другие растительные композиции, которые распространены в различных культурах (Fox 1971, Milicic 1992; 1996; Gell 1993).

Метафоры, основанные на культуре, требуют понимания феномена социального договора. Например, у африканского народа ндембу три цвета — черный, белый и красный — содержат все самое важное для этой культуры (Turner 1967). Эти три цвета правильнее рассматривать в качестве группы из четырех цветов, поскольку понимание ндембу красного цвета является амбивалентными (Milicic 1989). Эти четыре значения обозначают несколько смысловых уровней: уровень физиологии народа, выраженный видами еды, телесных жидкостей и понятиями отцовства и материнства; уровень социальных взаимоотношений между друзьями и врагами, выраженный верованиями в колдовство, и уровень родства, включая конфликт между счетом родства по женской линии и вирилокальным проживанием и конкуренцией за контроль над детьми. Эти три уровня построены в качестве метафор друг для друга. Метонимы также используются в отношении к дому. Например, в австронезийских обществах большинство домов обладают «ритуальным аттрактором», который является метонимом дома как такового (Fox 1993: 31).

Гэмбл доказывает, что использование материальной культуры в археологии может быть рассмотрено сквозь призму метафор. В частности, следуя Лакоффу и Джонсону (Lakoff, Johnson 1980), использование различных форм вместилищ может быть рассмотрено

в качестве метафор категорий родства, основанных на опыте тела в качестве вместилища (Gamble 2008: 38). Четверная модель родства по Аллену, которая описывает наиболее простейшую форму социальной организации, основанную на четырех категориях родства, также определяет, что категории родства не обязательно зависели от языковых категорий (Allen 1982; 1986; 2008). Родственные группы могли быть символически обозначены, например, различными цветами во время участия в «танце родственников», «зажигательного» ритуального события (Durkheim 1915), которое собирало общество с целью социального и культурного воспроизводства. Вопрос состоит в том, стало бы возможным достижение подобного уровня символического мышления без полностью развитой языковой способности. Стивен Митен использовал архитектурную метафору, собор, для иллюстрации своего понимания когнитивного прорыва, который позволил человеческому разуму переступить через четыре ранее отдельные «часовни», или типы интеллекта: социальный, природный, технический и лингвистический (Mithen 1997). «Покорение» возвышающихся между «часовнями» «стен» стало возможным посредством языка, т.е. символического мышления. Именно разрушение этих «стен», которые разделяли «часовни», или когнитивные модули, позволило появиться метафорам и образному мышлению.

Гэмбл предполагает, что изначальное четверное общество Аллена может быть рассмотрено, прежде всего, как материальная метафора вместилища с четырьмя отделами (Gamble 2008: 34). В этнографических обществах существует множество примеров двойной и четверной организации пространства и его соответствий в других формах материальной культуры, иногда в сопровождении социальной организации и организации родства. Например, административное деление империи инков состояло из четырех суйу, или частей (Zuidema 1990), и эта четырехчастная структура до сих пор присутствует в организации многих городов и деревень по всему Андскому региону. То же четырехчастное деление отражено и в ткачестве, и есть многочисленные данные, которые указывают на то, что кипу инков также основывалось на бинарном коде (Urton 2002; 2003). Для исследования того, насколько эти четырехчастные структуры соответствуют организации родства, следует воссоздать древние андские модели брака. Хэйдж реконструировал систему родства и брака у прото-мая в качестве четырехчастной системы Карьера для

общества прото-мая и периода архаического мая (Hage 2003). Майя разработали сложную космологическую схему, в которой четыре кардинальных направления соответствовали цветам, богам, небесным и метафизическим концепциям, аналогичным мировоззрениям ацтеков. Хэйдж показал, что космология была изоморфной по отношению к четырехчастной системе родства мая.

Кэлвин и Бикертон определили появление комплексного мышления периодом в примерно 50000 лет назад (Calvin, Bickerton 2000). Согласно этим исследователям, данный процесс был сопряжен с развитием долговременного планирования, логической последовательности связей, игр с придуманными правилами и открытием скрытых моделей. Почти за сорок лет до этого Леви-Стросс указал, что в традиционных обществах исчисление родства требует выдающихся когнитивных способностей и что оно содержит все те характеристики, которые много лет спустя были перечислены Кэлвином и Бикертонем (Lévi-Strauss 1965). В своем исследовании совместной эволюции языка и родства А. Барнард соотнес предложенную Кэлвином и Бикертонем (2000) модель трех революций в развитии языка с тремя этапами организации родства (Barnard 2008). Первая «революция обозначения», связанная с возникновением прото-языка и прото-родства, соотносится с *Homo habilis* и *Homo erectus*. Второй была «синтаксическая революция», для которой характерно зарождение рудиментарных форм родства, она соотносится с архаическим *Homo sapiens*. Третья, «символическая революция», ознаменовала собой появление полноценного языка и полноценной системы родства, она соотносится с *Homo sapiens sapiens*. Символическая революция предполагает существование полностью развитой способности к выражению метафор и символизма. В свою очередь, это соотносится с универсальной категоризацией родства, четкими правилами распределения, равно как и с полным набором родственных действий, таких как обмен и разделение (Barnard 2008: 235).

Находясь у истоков социальной организации древнего человека, родство, несомненно, и сегодня является значимым фактором во многих современных обществах. Несомненно, как писал Леви-Стросс, оно являлось определяющим признаком человека. В своей недавней книге «Первобытное родство» приматолог Бернар Шапэ объединил эволюционную перспективу и структуралистскую теорию Леви-Стросса о человеческом родстве, убедительно показав структурное единство ор-

№2. 2010

ганизации человеческого родства (Charpais 2008). Он четко обосновывает необходимость интеграции неисторического структуралистского подхода и диахронического воссоздания процесса организации родства у гоминидов в качестве необходимого условия для функционирования человеческого общества. Терминология родства могла быть тем самым определяющим шагом, который отделил общность приматов от социальной организации гоминид. Терминология родства позволила преждевременное составление союзов с использованием символических связей и перестановок, которые являются отличительным признаком языка человека (Deacon 1997). Исчисление родства требовало установления символических связей и способности классифицирования родственников по категориям, что, в свою очередь, нуждалось в образном мышлении — т.е. в продукте современного разума.

Многие лингвисты проводят лексические реконструкции, которые символически воспроизводят социальный и материальный мир древних культур. Что мы можем вывести из лингвистических реконструкций понятий родства? Основываясь на воссоздании фонетических, семантических, эволюционных и поведенческих аргументов и связей для обширной выборки языков со всего мира, Бенсел с коллегами (Bancel, Mathey de L'Etang 2002; 2005; 2006; Bancel et al., в печати) показывают, что понятия родства «мама» и «папа» представляют собой древнейшие сохранившиеся слова человеческих протоязыков и могут стоять у возникновения языка как такового. Соответствие смысла этих связей на глобальном уровне может быть объяснено общим наследием языка прото-сапиенс, существовавшего еще до первичного распространения современного человека, между 200000 и 50000 лет назад. В пользу этого смелого предположения Бенсел с коллегами приводит также недавние археологические и генетические исследования, которые указывают на южно-африканское происхождение современных гомо сапиенс с анатомической и поведенческой точки зрения.

Кристофер Эрет проводит попытку воссоздания терминологии родства трех африканских прото-языков, вплоть до периода в 15000 лет назад. Лингвистически воссозданные лексиконы четырех известных африканских языковых семей — афразийской, нило-сахарской, нигеро-кордофанской и койсанской — в сочетании с недавними археологическими и генетическими открытиями указывают дату в 15000—13700 лет назад (Ehret 2008; в печати). Терминология родства этих древних носителей языка предоставляет данные об их родственной и социальной организации. Данные Эрета подчеркивают наличие материнского родства в этих древних системах среди представителей как афразийской, так и нило-сахарской семей. Хэйдж (2006) обнаружил лингвистические свидетельства дравидийских систем родства в Африке, в то время как другое исследование терминов родства (Hage, Marck 2003) подтверждает существование матрилокального проживания у древних полинезийцев, что прекрасно соотносится с генетическими данными (Kaeuser et al. 2006).

Археологический памятник не отображает прямо социальную организацию, но реконструкции систем родства в преисторических обществах способны предоставить тот самый поведенческий контекст, в котором материальная культура обретает значение. Сегодня это задача археологов, занимающихся изучением когнитивных и символических структур — ответить на вызов, брошенный многочисленными данными, собранными лингвистикой, приматологией, когнитивными исследованиями и культурной антропологией.

Изучение материальной культуры в археологии, прежде всего пространства обитания, но также и ритуального пространства и погребальных практик, на основе представленных здесь положений о видах организации родства, должно способствовать появлению новых таксономий смыслов в археологическом исследовании и способствовать установлению соотношения материальной культуры с габитусом и действиями, присущими феномену родства.

Литература

- Allen N.J. 1982. A dance of relatives. *Journal of the Anthropological Society of Oxford* 13, 139—46.
- Allen N.J. 1986. Tetradic Theory: An approach to kinship. *Journal of the Anthropological Society of Oxford* 17, 87—109.
- Allen N.J. 1989. The evolution of Kinship Terminologies. *Lingua* 77, 173—85.
- Allen N.J. 2008. Tetradic Theory and the Origin of Human Kinship. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*.
- Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). 2008. *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Bancel P., Matthey de L'Etang A. 2002. Tracing the Ancestral Kinship Systems: Global Etymon KAKA. Part I: A Linguistic Study. *Mother Tongue* 7, 209—243.
- Bancel P., Matthey de L'Etang A. 2005. Kin Tongue. A Study of Kin Nursery Terms in Relation to Language Acquisition, with a Historical and Evolutionary Perspective. *Mother Tongue* 9, 171—190.
- Bancel P., Matthey de L'Etang A. 2006. Kin Terms (P)APA, (T)ATA, (M)AMA, (K)AKA and the Origin of Articulate Language. *Cognitive Systems* 7—1, 79—102.
- Bancel et al., in print: Bancel P., Matthey de L'Etang A., Ruhlen M. The Proto-Human Words PAPA and MAMA and the Origin of Articulate Language. In: Jones D., Milicic B. (eds.) *Kinship and Language: Per Hage and the Renaissance of Kinship Studies*.
- Barber E.W., Barber P.T. 2006. *When They Severed Earth from Sky: How the Human Mind Shapes Myth*. Princeton: Princeton University Press.
- Barnard A. 2008. The Co-Evolution of Language and Kinship. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.) *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Bourdieu P. 1977. *Outline of a Theory of Practice*. R. Nice, trans. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buchler J. (ed.) 1940. *The philosophy of Peirce. Selected writings*. New York: Harcourt, Brace, and Company.
- Calvin W.H., Bickerton D. 2000. *Lingua ex Machina: Reconciling Darwin and Chomsky with Human Brain*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Carsten J., Hugh-Jones S. 1995. *About the House: Lévi-Strauss and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chapais B. 2008. *Primeval kinship*. Cambridge: Harvard University Press.
- Deacon T. 1997. *The symbolic Species*. New York: W.W. Norton.
- Dunbar R.I.M. 2001. Brains on Two Legs: Group size and the Evolution of Intelligence. In: de Waal F.B.M. (ed.). *Tree of Origin: What Primate Behavior can Tell Us About Human Social Evolution*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Durkheim E. 1915. *The Elementary Forms of the Religious Life*. J.W. Swain, trans. London: Cohen and West.
- Ehret C. 2008. Reconstructing Ancient Kinship in Africa. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*.
- Ehret C., in print. Reconstructing Ancient Kinship: An African Case Study. In: Jones D., Milicic B. (eds.). *Kinship and Language: Per Hage and the Renaissance of Kinship Studies*.
- Fox J.J. 1971. Sister's child as a plant: metaphors in an idiom of consanguinity. In: Needham R. (ed.). *Rethinking Kinship and Marriage*. London: Tavistock.
- Fox J.J. (ed.). 1993. *Inside Austronesian Houses: Perspectives on Domestic Design for Living*. Canberra: Research School of the Comparative Austronesian Studies, ANU.
- Gamble C. 2008. Kinship and Material Culture: Archaeological Implications of the Human Global Diaspora. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*.
- Gell A. 1993. *Wrapping in Images: Tattooing in Polynesia*. Oxford: Clarendon Press.
- Gowlett J.A.J. 2008. Deep Roots of Kin: Developing the Evolutionary Perspective from Prehistory. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*.
- Hage P. 2003. The Ancient Maya Kinship System. *Journal of Anthropological Research* 59, 5—21.
- Hage P. 2006. Dravidian Kinship system in Africa. *L'Homme* 177—8, 395—408.
- Hage et al. 1996: Hage P., Harary F., Milicic B. Tattooing, gender, and social stratification in Micro-Polynesia. *Journal of the Royal Anthropological Institute incorporating Man* 2 (2), 335—350.
- Hage P. Marck J. 2003. Matrilineality and the Melanesian origin of Polynesian Y-chromosomes. *Current Anthropology* 44, 121.
- Hodder I. 1982. *Symbolic and Structural Archeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hodder I. 1989. *The Meanings of Meaning: Material Culture and Symbolic Expression*. London: Unwin Hyman.
- Hodder I. 2003. *Reading the Past: Current Approaches to Interpretation in Archeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones D., Milicic B., in press. *Kinship and Language: Per Hage and the Renaissance of Kinship Studies*.
- Keyser et al 2006: Keyser M., Bauer S., Crodaux R., Casato A., Lao O., Zhivotovsky L.A., Moysse-Faurie C., Rutledge R.B. 2006. Melanesian and Asian Origins of Polynesians: mtDNA and Y-Chromosome Gradients Across the Pacific. *Molecular Biology and Evolution* 23 (11), 2234—2244.
- Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lévi-Strauss C. 1965. The Future of Kinship Studies. *Proceedings of the Royal Anthropological Institute for 1965*, 13—22.
- Lévi-Strauss C. 1966. *The Savage Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lévi-Strauss C. 1979. *La Voie de Masques*. Paris: Plon.
- Lévi-Strauss C. 1984. *Paroles Données*. Paris: Plon.
- Lévi-Strauss C. 1963. Totemism. R. Needham, trans. Boston: Beacon Press.
- Milicic B. 1989. A Group Model of Ndembu Color Symbolism. *Semiotica* 73 (1—2), 121—132.
- Milicic B. 1992. Vine of Kinship, fields of lavender: Kinship, gender, and social stratification in an insular Mediterranean community. Ph.D. dissertation. Salt Lake City: University of Utah.
- Milicic B. 1998. The Grapevine Forest: Kinship, Status, and Wealth in a Mediterranean Community. In: Schweizer T., White D. (eds.). *Kinship, Networks, and Exchange: New Directions in Kinship Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 15—35.
- Mithen S. 1997. *The Prehistory of the Mind: The Cognitive Origins of Art, Religion and Science*. London: Thames and Hudson.

№2. 2010

- Rogers C. 1991. Shaping Modern Times in Rural France: The Transformation and Reproduction of an Aveyronnais Community. Princeton: Princeton University Press.
- Schweitzer T., White D. (eds.). *Kinship, Networks, and Exchange: New Directions in Kinship Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shanks M., Tilley C. 1982. Ideology, Symbolic Power and Ritual Communication: A reinterpretation of Neolithic Mortuary Practices. In: Hodder I. (ed.). *Symbolic and Structural Archeology*. Cambridge [Cambridgeshire]; New York, N.Y.: Cambridge University Press, 129—54.
- Turner V. 1967. *The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual*. Ithaca: Cornell University Press.
- Urton G. 2002. *Narrative threads: Accounting and Recounting in Andean Khipu*. Austin TX: University of Texas Press.
- Urton G. 2003. *Signs of the Inca Khipu: Binary Coding in the Andean Knotted-String Records*. Austin: University of Texas Press.
- Zuidema T. 1990. *Inca Civilization in Cuzco*. Translated from the French by J.-J. Decoster. Austin: University of Texas Press.

Статья поступила 29 ноября 2009 г.

Вojka Miličić (Salt Lake City, USA). Associate Professor. Anthropology Department, University of Utah.

Вojka Miličić (Salt Lake City, SUA). Conferențiar universitar. Departamentul Antropologie, Universitatea din Utah.

Миличич Бойна (Солт-Лейк-Сити, США). Доцент. Отдел антропологии, Университет Юты.

E-mail: bojka.milicic@anthro.utah.edu

Л. Николова

О теории накопления и тезаврации богатства в преистории

(на основе балканских источников)

L. Nikolova.

Toward Theory of Accumulation and Treasuring of Wealth in Prehistory (With Reference to the Balkans).

Wealth was a leading social construct in prehistoric societies. It is one of the fundamental reproductive means incorporated into complex systems of multilevel social relationships. Accordingly, the topic of wealth is of primary importance for the prehistoric cultural anthropology and in particular for Balkan Prehistory. The prehistoric meaning of wealth has peculiarities, as well as there are many lost or invisible traces that complicate the problem even if we use the best archaeological records, theory, and prospective case studies.

Based on the existed data four levels of social complexity are projected from the perspective of the wealth:

1. Level of reproduction of subsistence only;
2. Level of accumulation of wealth;
3. Level of reproduction of wealth and possible increase of surplus;
4. Level of treasuring of wealth.

Reproduction and treasuring of wealth mean any valuable material product/object, which is beyond the level of subsistence.

This study is offered to stimulate future critical research in similar or alternative directions. The author reserves the right to make updates and appreciates critical comments and suggestions.

L. Nikolova.

Considerații asupra teoriei acumulării și teaurizării bogăției în preistorie (cu referință la Balcani).

Bogăția era o construcție socială de vîrf în preistorie. Este unul dintre mijloacele fundamentale de reproducere incorporate în sistemele complexe de relații sociale la diferite nivele. Respectiv, problema bogăției este de o importanță primară pentru antropologia culturală preistorică și, în particular, pentru preistoria peninsulei balcanice. Semnificația preistorică a bogăției posedă o serie de particularități, dat fiind și faptul, că există o mulțime de urme pierdute sau invizibile care complică problema chiar și în condițiile utilizării celor mai precise date arheologice, a teoriei și studiilor prospective de caz.

În baza datelor existente, se disting patru nivele ale complexității sociale, definite prin prisma fenomenului bogăției:

1. Nivelul reproducerii doar a mijloacelor de subsistență;
2. Nivelul acumulării bogăției;
3. Nivelul reproducerii bogăției și a măririi posibile a surplusului;
4. Nivelul teaurizării bogăției.

reproducerea și teaurizarea bogăției se referă la orice produs/obiect ce posedă valoare și se află în afara nivelului de subsistență.

Acest studiu își propune să stimuleze în viitor cercetări critice în direcții similare sau alternative. Autorul își rezervă dreptul de a completa studiul și va aprecia orice comentarii și sugestii critice.

Л. Николова.

К теории накопления и тезаврации богатства в преистории (на основе балканских источников).

Богатство являлось ведущей социальной конструкцией в преисторических обществах. Это одно из фундаментальных средств воспроизводства, инкорпорированных в сложные системы многоуровневых социальных взаимоотношений. Соответственно, значение вопроса о богатстве первостепенно для преисторической культурной антропологии и, в частности, для преистории Балкан. Преисторическое значение богатства обладает рядом особенностей, поскольку существует множество потерянных либо невидимых следов, которые усложняют

проблему, даже при условии использования самых точных археологических данных, лучших теоретических разработок и предстоящих конкретных исследований.

На основе существующих данных предлагаются четыре уровня сложности социальной структуры, с точки зрения феномена богатства:

1. Уровень воспроизводства средств существования;
2. Уровень накопления богатства;
3. Уровень воспроизводства богатства и возможного увеличения прибавочного продукта;
4. Уровень хранения богатства.

Воспроизводство и хранение относятся к любому ценному продукту/предмету, который находится над уровнем средств существования.

Предполагается, что эта работа сумеет стимулировать дальнейшие критические исследования в сходном или альтернативном направлении. Автор сохраняет за собой право дополнения данного исследования и приветствует любые критические комментарии и предложения.

Keywords: Balkans, Prehistory, Wealth, Accumulation, Treasuring, Social Structure.

Cuvinte cheie: peninsula balcanică, preistorie, bogăție, acumulare, teaurizare, structură socială.

Ключевые слова: Балканы, преистория, богатство, аккумуляция, тезаврация, социальная структура.

В память о моей матери

...если известно, что у человека есть пять беку, то он считается 'богатым', но также и опасным человеком, поскольку беку являются необходимыми атрибутами для колдовства и компенсационных выплат... «Для Киривина, беку», — как мне часто говорили, — «являются очень важными, но и очень опасными предметами»...

Аннетт Б. Вейнер (1983)

Накопление и тезаврация богатства в преистории

Существуют различные подходы к проблеме тезаврации богатства в преистории. В целом, для рассматриваемого времени это один из составных элементов проблемы, связанной с таким понятием, как «ценность». Относительно недавно эта тема обсуждалась в коллективной монографии под редакцией Дугласа Бэйли (см. работы Russell 1998; Palavestra 1998 и, в особенности, Quesada 1998; для общего обзора преистории Балкан см. Bailey 2000; 2005; Nikolova 1999 с последующей литературой). Основываясь на материалах эпохи бронзы Северо-Западной Европы, Ричард Брэдли предположил, что некоторые наборы вещей, такие как погребальный инвентарь, грунтовые и водяные клады, а также единичные находки были «фактически взаимосвязаны в качестве вариантов одной базовой модели, в основе которой лежало преднамеренное избавление от собственности» (Bradley 1982). Автор считает, что богатые клады и богатый погребальный инвентарь обладают сходным значением, и разница в контексте их размещения объясняется существованием периода «социальной конкуренции и разрывности». В целом, все упомянутые практики щедрых «вотивных приношений» рассматривались автором в качестве «одного из способов установления личного прести-

жа», что, по его мнению, аналогично потлачу и другим сходным церемониям. Позже, в своем основательном исследовании по кладам в поздней европейской преистории, Ричард Брэдли проводит различие между погребениями и кладами, используя противопоставление индивида и общины, различая также утилитарные и ритуальные клады (Bradley 1990). Накопление богатства могло относиться к обоим видам кладов, в то время как тезаврация богатства связана преимущественно с ритуальными кладами. Позднее этот же автор рассматривает более подробно бытовую и ритуальную преисторическую археологию Европы (Bradley 2005).

Нет сомнений, что депонированию богатства в преистории сопутствовали разнообразные значения и социальные практики. В ракурсе межличностной и межгрупповой коммуникации тезаврация богатства создавала символические социальные связи (в наблюдаемом мире, а также между видимым реальным и невидимым иррациональным миром). Например, вполне возможно, что некоторые члены разных социальных групп использовали свое материальное богатство в качестве средства социальной сплоченности и воспроизводства определенного социального статуса. Но взаимодействие между социальным и иррациональным мирами, похоже, доминировало, и депонируемые вещи фактически использовались в качестве даров священному миру

№2. 2010

в лице предков и богов. С нашей точки зрения, многие из предметов обладали жертвенным смыслом. Социальное богатство имитировало природное богатство и разнообразие, и депонирование являлось выразительным способом соединения обоих миров в изображении вечности. Для преисторических людей предметы могли содержать в себе божественные силы и силы предков. Похоже, что чем более престижным и ценным являлся (включая метрические критерии) предмет, тем большей апотропаической силой он обладал.

Четырехуровневое структурирование сложности социальной структуры на основе критерия богатства

При анализе погребальных данных многие археологи рассматривают захоронения в качестве прямых указаний на социальную структуру и ее сложность. Тогда, согласно прямой интерпретационной модели (схема 1):

1. Отсутствие погребального инвентаря = бедное население (семейства, общины);
2. Скромный погребальный инвентарь = небогатое население (семейства, общины);
3. Богатый погребальный инвентарь = богатое население (семейства, общины);
4. Чрезвычайно богатый погребальный инвентарь = лидеры, вожди, жрецы и др.

Эта модель применима, если могильник и погребение функционируют в качестве социального отражения мира живущей общины (для более подробного обсуждения и теоретической основы см. Nikolova 2002 с упомянутой там литературой).

Наоборот, антропологический подход к погребению и, в особенности, к преисторическому погребению предполагает, что захоронение могло рассматриваться в качестве способа налаживания связи между миром живых и миром предков. В традиционных, а также и во многих современных обществах, эти два мира духовно не разделены, и предки считаются рефлексивной частью бытия живых. В таком случае, сущность погребения заключается в оказании дани уважения предкам, что также способствует их превращению в невидимых партнеров в повседневной жизни. Рассматриваемое в качестве церемонии, преисторическое погребение также отражало социальный статус, пол и возраст индивида. Оно даже могло выступать этническим индикатором принадлежности к определенной макросоциальной группе. В качестве полифункциональной социальной стратегии живущих общин по-

гребение способствовало эффективному воспроизводству социальных взаимоотношений в домохозяйстве и общине (дополнительно о поведенческих стереотипах в рамках домохозяйства см. Jongtsma, Greenfield 2002 с дальнейшей литературой).

Наше предположение относительно аккумуляции богатства находится в контексте четырехуровневой классификационной схемы сложности социальной структуры семей (из последних работ по сложности социальной структуры см. Bentley, Maschner 2008). Это попытка реструктурирования преисторической повседневности в качестве комплекса социальных действий по социальному и культурному воспроизводству. Изначально погребения как активные элементы в социальных стратегиях семей рассматривались на примере неолитических захоронений на поселениях (Nikolova 2006a). Мы расширили нашу базу данных, включив в нее анализ экстрамуральных могильников (см. Nikolova 2002).

Предложенная теоретическая модель была впервые представлена в 2006 г. на 71-й ежегодной встрече Организации по Американской Археологии в Пуэрто Рико (Nikolova 2006a). Согласно этой модели, существуют, по меньшей мере, четыре уровня сложности социальной структуры общин, выделенные на основе ряда критериев богатства (схема 2):

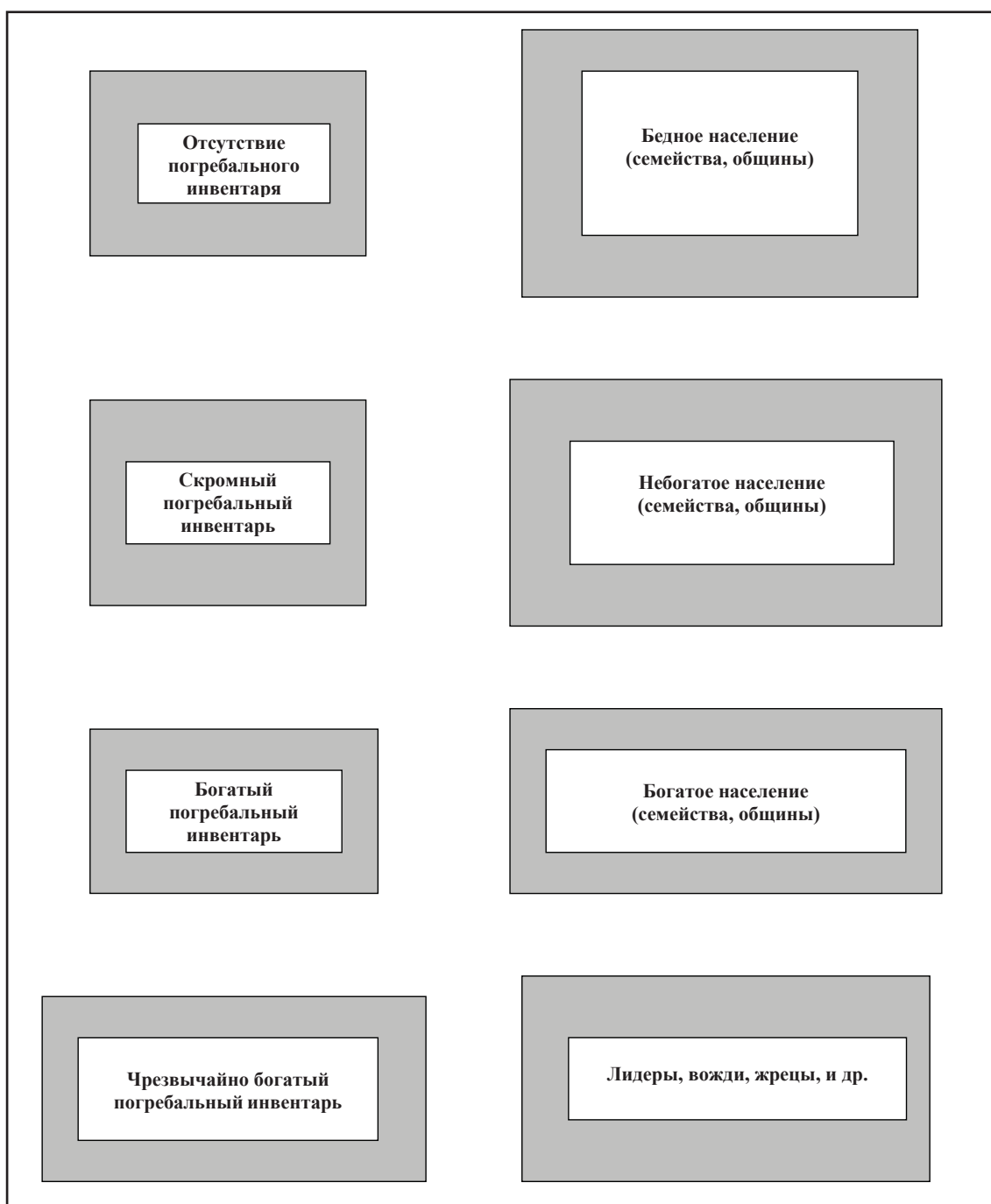
1. Уровень воспроизводства средств существования;
2. Уровень накопления богатства;
3. Уровень воспроизводства богатства и возможного увеличения избыточного продукта;
4. Уровень накопления, воспроизводства и тезаврации богатства для его использования за пределами практических нужд.

С этой точки зрения, общинам первого уровня, возможно, должны сопутствовать погребения, в которых умершие связаны как с миром предков, так и с соответствующими общинами посредством материальных и нематериализуемых социальных символов. Эти символы могут включать традиционный костюм, акцентирование гендерных различий посредством положения тела или использования погребальных приношений, принятых в качестве стандарта в данной общине и доступных для церемонии.

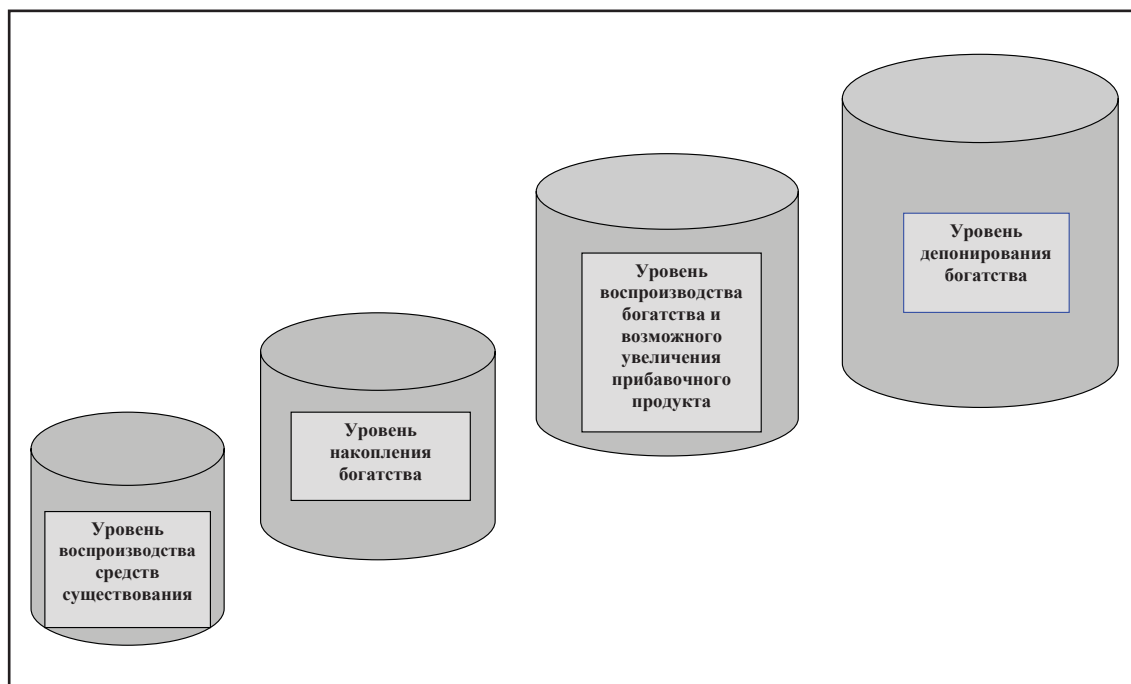
Многие «бедные захоронения» принадлежали семьям, находившимся на уровне воспроизводства средств существования, и их богатство заключалось преимущественно в существовании как можно более широкой сети родичей и партнеров, причем усопшие предки могли включаться в этот круг со-

циальных связей. Соответственно, данные представления о богатстве могли выражаться в ритуальных действиях, включая обряды поминовения предков. В целом, неолит являлся периодом значительного развития почитания предков в человеческой цивилизации. В рассматриваемых теоретических рамках на любом из трех первых уровней сложности социальной структуры могли практиковаться «бедные захоронения», если отсутствовала особая необходимость в тезаврации богатых специализированных предметов.

Второй уровень стратегии социального воспроизводства включает ритуал передачи богатства (при его наличии), такой, как передача украшений от старших к молодым. Другими словами, первоначальное богатство могло быть унаследованным. В зависимости от характера погребальной церемонии — семейного или общинного — мы можем ожидать более четкое проявление богатства посредством социального статуса, несмотря на то, что оно могло быть отображено не только умершими социальными субъектами, но и их наследни-

Схема 1. Прямая интерпретационная модель определения стратифицированного общества.

Схема 2. Четырехуровневая структурная модель социальной сегментации в преистории.

ками. Тем не менее, в таком случае мы можем ожидать присутствие более существенных свидетельств поминальных церемоний и, возможно, наличие богатых детских погребений.

На третьем уровне, включающем воспроизводство богатства и возможное увеличение избыточного продукта, домохозяйства могли использовать в своей социальной стратегии богатые погребальные дары, поскольку обладали возможностью их воспроизводства. Это тот уровень, на котором можно ожидать появление не только отдельных детских, но и взрослых богатых захоронений. Тем не менее, археологически документируемое богатство отличается от его реального социального содержания по причине невозможности фиксации несохранившихся форм богатства (схема 3).

Несмотря на несколько спорный и упрощенный характер опубликованной информации, похоже, что на нео-энеолитическом могильнике Дуранкулак (Todorova 2002), например, богатство отдельных домохозяйств выражалось тремя различными способами:

1. Депонирование черепов животных, оставшихся после поминального пира, или депонирование черепа любимого животного умершего, который сохранялся после смерти этого животного.

2. Богатые украшения: ожерелья, пояса, накладки, серьги, кольца и т. п.

3. Богатый погребальный инвентарь, включающий не только украшения.

Четвертый уровень, предусматривающий депонирование мобильного специализированного богатства, должен был отражаться в необычайно богатых погребениях. Погребальная церемония, возможно, выражала не только высокий статус погребенных, но и их преданность по отношению к предкам.

В нашем представлении, необычайно богатые захоронения не всегда отображают этот уровень тезаврации богатства. Возможно, эти погребения появляются в периоды социального кризиса в качестве жертвоприношений и стратегий разрешения социальных конфликтов (одна из возможных интерпретаций могильника Варна). Данные археологии в основном являются фрагментированными и неполными по своей природе, и по этой причине решение данной проблемы не должно опираться на поиск каких-то прямых соответствий.

Мы ограничим наше исследование некоторыми возможными прикладными моделями, обращаясь к дальнейшим проблемам интерпретации археологических данных погребений. В свете имеющейся информации централизованные экстрамуральные могильники, как правило, появляются очень поздно в балканском неолите. Культура Хаманджия, локализуемая в Добрудже, является фактически первой преисторической культурой Балкан, отображающей наличие четких связей с миром предков. В пределах этого культурного ареала удаленные общины собирались для

Варианты	Примеры
Несохраняющееся богатство	Злаки, плоды, дерево и изделия из него, определенные виды сырья, и т. д.
Движимое постоянное и полупостоянное (искусственное и полуйскусственное)	Украшения и предметы из благородных металлов, бронза/медь, экзотические виды сырья, полудрагоценные местные минералы, повозки и др.
Недвижимое постоянное (искусственное)	Дома
Символическое	Сестры, жены, знания и т. д.

Схема 3. Варианты богатства в преистории.

формирования некрополя в качестве центрального культового места. Могильник также мог являться своеобразным ответом на растущие социальные различия, выступая своего рода попыткой сохранить групповую солидарность в повседневной жизни как дань традиции и необходимый механизм для успешного воспроизводства социальных связей.

На ранних поселениях культуры Хаманджия не заметны какие-либо четкие археологические свидетельства наличия социальных различий. В этой взаимосвязи нужно учитывать, что, судя по всему, хаманджийские общины вели полукочевое хозяйство, и долговременные поселения, помимо прочего, обладали также функцией центрального места. К таковым, например, можно отнести поселение в Дуранкулаке, относящееся к позднему этапу культуры Хаманджия.

К сожалению, хронология многих захоронений времени Хаманджия I—III определена авторами раскопок недостаточно точно (Todorova 2002). В нашей работе предполагается, что самые богатые погребения принадлежали к позднему этапу Хаманджии, несмотря на то, что в той области, откуда начал развиваться могильник, некоторые могилы были отнесены к периоду Хаманджия III только на основе присутствия в них инвентаря. Могут ли некоторые из них относиться к более раннему периоду, особенно те, в которых отсутствует керамика? В силу отсутствия детального хронологического определения погребений достаточно сложно провести надежный культурно-антропологический анализ,

и все данные должны использоваться с осторожностью, учитывая доказанные допущенные ошибки, противоречивость опубликованной информации и непрофессиональную публикацию могильника.

На основе имеющихся в распоряжении данных и согласно современному состоянию публикации некрополя, мы можем выделить несколько групп погребений, относящихся к раннему периоду культуры Хаманджия («I—II» — поздний неолит):

1. Без погребального инвентаря.
2. Стандартный погребальный инвентарь, состоящий из зубов животных.
3. Стандартный погребальный инвентарь, состоящий из фрагментированной керамики.
4. Погребальный инвентарь, состоящий из сочетания зубов и фрагментированной керамики.
5. Погребальный инвентарь, состоящий из некоторого количества украшений.
6. Погребальный инвентарь, состоящий из кремня, камня и керамики.
7. Погребальный инвентарь, состоящий из кремня, камня, керамики и украшений.
8. Погребальный инвентарь, состоящий из большого количества украшений.
9. Черепа животных.
10. Фрагментированные черепа животных.

На ранних этапах культуры Хаманджия керамика по-прежнему редко использовалась в качестве погребального инвентаря. Это могло быть связано с полуоседлым образом жизни, практикуемым населением, и возможным существованием деревянных сосудов.

№2. 2010

Учитывая, что развитие Хаманджия I—II охватывает, по меньшей мере, два столетия, мы находим неправомерным считать, что ритуал сложился в начале культурной фазы и воспроизводился без каких-либо изменений. Другими словами, первые четыре группы могут относиться к 1-й и 2-й уровням сложности социальной организации общин, представленных в нашей модели.

В пределах общины украшения однозначно являлись своеобразным способом инвестирования и методом аккумуляции богатства независимо от его социального значения (например, владение определенным предметом по той причине, что он приносит удачу). Возможно, начало развертывания активной межрегиональной торговли определило значение украшений в качестве одного из самых популярных средств инвестирования, с линией развития от изделий из раковин *Spondylus* к медным украшениям (бусины, браслеты, кольца и др.).

Богатые украшения, происходящие из горизонтов с расписной керамикой, появляются в преистории Балкан уже в раннем неолите в некоторых ведущих культурных центрах, таких как Хока Чешме и Гьлыбник (Todorova, Vajsov 2001). Социальная стратегия инвестирования в украшения была, похоже, заимствована культурой Хаманджия с юга.

Мы считаем, что обладание различными видами украшений являлось типичной социальной стратегией для всех трех уровней хаманджийского общества, а именно уровней 2—4 нашей модели сложности социальной организации (уровень домохозяйства). В позднем медном веке топоры и золотые украшения стали выражением тезаврации богатства, и позже, в раннем бронзовом веке II, появился первый обширный горизонт распространения золотых украшений, наряду с серебряными, медными и бронзовыми топорами, а также другими металлическими предметами.

Теоретические приложения

Мы можем проверить нашу модель сложности социальной организации культуры Хаманджия путем привлечения дополнительных археологических, этнографических и теоретических данных.

Археологические данные евразийского неолита позволяют нам определить ряд моделей практик социального воспроизводства в многоуровневом региональном контексте.

Можно предположить, что носители культуры Хаманджия представляли собой взаи-

мосвязанные группы полуоседлых общин. Их основная стратегия развития определялась направлением от воспроизводства средств существования до стратифицированного общества с различными стадиями аккумуляции богатства, такими как: первоначальная аккумуляция, воспроизводство и экспансия, а также тенденция к тезаврации на высшем структурном уровне сложности социальной организации.

Данные, происходящие с поселений и могильников, дополняют картину возрастания сложности социальной организации в поздней Хаманджии. Можно предположить, что обмен обладал первостепенным значением для процветания носителей культуры Хаманджия. Скот, возможно, обменивался на предметы роскоши в качестве средства инвестирования. Те не менее, в нашем распоряжении нет свидетельств какой-либо иерархической привилегированности в данном обмене или существования развитых систем типа вложений в богатство или вложений в основной продукт (напр., зерно) (Liu 2004: 247 и процитированные там ссылки).

Присутствие самого раннего золота в мире в погребениях указывает на то, что этот металл рассматривался и аккумулировался в качестве личного сокровища. Это противоречит некоторым примерам из традиционных обществ. Например, Бернар Жюйера показывает, что у яфаров из провинции Западный Сепик, небольшой общины в Папуа-Новой Гвинее, золото являлось коллективно распределяемым доходом, который сегодня чаще всего используется для открытия магазинов в деревне. Будучи наиболее существенным источником дохода, оно добывалось из местного ручья (Juillerat 1996: 519). Согласно другому примеру из традиционных обществ, вожди контролировали торговлю экзотическими вещами, такими, как золотые украшения, и увеличивали свою локальную власть посредством демонстрации своих связей с далекими людьми и местами (Helm 1996).

Сложность социальной организации, иерархия и солидарность в неолите Евразии являются взаимосвязанными.

Пример культуры Хаманджия является типичной демонстрацией того, что, несмотря на очевидную сложную социальную организацию и иерархию, основанную на богатстве, в нашем распоряжении отсутствуют данные о пространственном разделении стратифицированных обществ. Поселения и могильники являлись местами не только для осуществления и воспроизводства социальных различий, но и для поддержания и воспроизводства со-

лидарности общества посредством прожигания и погребения в одних и тех же общих условиях. Развитие культа предков через отведение специальных мест для погребения усопших является аспектом инкультурации, который остается одним из значительнейших вкладов в динамику человеческой цивилизации. Мы предполагаем, что горизонтальные (социальные региональные взаимодействия) и вертикальные аспекты инкультурации (передача традиций и социальных ценностей от поколения к поколению) были равными по значению.

Согласно оригинальной концепции Т. Эрла, основной продукт и богатство рассматриваются в качестве двух аспектов средств платежа. В основной продукт входят продукты питания и технические средства (другими словами, средства существования и орудийный комплекс), в то время как богатство включает предметы символической значимости (Earle 1991: 3; Vandkilde online: 3; также Kristiansen, Rowland 1996). Символические предметы были приняты в качестве высшего показателя социального уровня в период вождеств.

В контексте преистории избыточные продукты в сфере средств существования являлись крайне ценными для семей и, возможно, аккумулировались постепенно от поколения к поколению. С другой стороны, как основной продукт, так и богатство представляют собой аспекты товарообмена (вариант денег). Предложение Т. Эрла является своего рода модернизацией преисторической политической экономии, тогда как, с нашей точки зрения, значение избытков в сфере существования и ценных предметов зависит от контекста. Их функции частично совпадали или дополняли друг друга.

Многочисленные примеры многоуровневых функций тленного и постоянного богатства в традиционных обществах можно найти в этнографических исследованиях. Исследование народности киривина, проведенное А. Вейнер, показало, что богатство развивалось вместе с долгом, и оба они воспроизводились в качестве средства создания вертикальных и горизонтальных коммуникационных сетей, которые существовали среди людей, вовлеченных в долговую процесс (концепт Дала) (Weiner 1983: 149). Особая форма богатства, называемая беку «... не воспроизводит новые и продолжающиеся взаимодействия посредством базового процесса прикрепления богатства и ценностей “к другим” ... (но) предоставляет защиту против “других”, и эта защита определяется больше

“страхом”, чем “любовью” и “щедростью”» (Weiner 1983: 159).

Специальным вопросом является проблема различения многоуровневой сложности социальной организации не только на основании погребальных, но также и поселенческих данных. Мы предполагаем, что существовали предметы, обладающие постоянной ценностью и престижностью, что отражало определенный уровень развития сложности социального устройства поселений. Например, обсидиановый нож с раннеолитического поселения Климент-Баня (Tsonev 1995) в верховьях Струмы указывает на существование далеких контактов данной общины на позднем этапе раннего неолита Фракии. Этот предмет может послужить признаком существования общины, которая, возможно, принадлежала ко второму уровню предложенной модели. Обсидиан являлся малораспространенным видом сырья в балканском неолите, и ценность данного предмета может быть сопоставима с ценностью более поздних украшений из различных металлов.

Социальные применения: богатство и социальная стратификация

Взаимосвязь между социальной стратификацией и богатством в преистории так и не стала предметом определенного детального культурно-антропологического исследования. Как правило, допускается, что *большое богатство = высокий социальный уровень = высокий социальный статус* (т.н. социальная элита). В этом контексте можно указать на некоторые общие социальные применения предложенной четырехуровневой модели.

Прежде всего, искусственные предметы могли обладать различной ценностью в области их распространения и на различных хронологических этапах. Например, постепенно распространяющаяся в раннем неолите Балкан расписная керамика обладала очень высоким качеством. Исследование Я. Ходдером народа лози показало, что тщательно украшенные росписью сосуды использовались в качестве подарков со стороны короля и королевы особо почетным гостям (Hodder 1982: 120). На Балканах, учитывая более низкий уровень социальной стратификации в раннем неолите, расписная керамика могла поначалу служить способом обретения более высокого социального статуса в качестве нового стиля. Когда стилистика этой керамики стала широко распространенной, ее символические функ-

№2. 2010

ции в обществе претерпели изменения (в результате процесса эмуляции) (Bradley 1990: 35 с дальнейшей литературой).

Интересным исследовательским вопросом является то, каким образом раннеолитические предметы могли также использоваться для формирования и стабилизации богатых социальных слоев на преисторических Балканах. Этноархеологическое исследование Я. Ходдера содержит примеры выражения различий в «размерах и формах домов, изгородей определенной формы или изготовленных из определенного материала...», типах оружия, прическе, шрамах, украшениях, металлических ошейниках, способах ношения посохов, ношении официальных цветов (зеленого и красного); посланник короля нес в руках пестуха или парадный меч с золотой рукояткой» (Г. Далтон по Hodder 1982: 121).

Тогда, во многих случаях непостоянное, символическое выражение обладало первоначальной значимостью для обретения статуса в повседневной жизни традиционных обществ. Косвенные данные также указывают и на возросшую ценность специализированных материальных символов в преистории.

Формирование культурного концепта социального статуса может быть предположено на основе некоторых данных из мобильного антропоморфного искусства. Типичным примером является лицевой сосуд из Градешницы (Николов 1974: рис. 15), на котором антропоморфизм дополнен космогоническим символическим контекстом (орнамент из ромбов, зигзагов, треугольников, меандра и вертикальных полос). Можно предположить, что птицевидный лик символически изображал предков — их невидимую силу и тайное наблюдение за бытием живущей общины. Этот синкретизм между социальным бытием, космологией и природой указывает на существование упорядоченных социальных систем воспроизводства в неолитическом обществе, в которых нематериальное лучше всего выражалось, возможно, через мифы, танцы, празднества и религиозные ритуалы.

Небольшая статуэтка с удлиненной шеей и коническим головным убором, выражающая более индивидуализированную личность, была обнаружена на том же поселении, в слое раннего медного века (Николов 1974: рис. 35). Этот образ объединяет мужеподобные черты лица с женскими символами: двумя округлыми налепа, обозначающими грудь, и слитно оформленными ногами, переданными в стиле, известном и для других статуэток с углубленным орнаментом (Николов 1974: рис. 58). Глаза и брови этой фигурки очень

хорошо обозначены, что является необычным. Учитывая, что мир антропоморфных фигурок балканской преистории — это мир мифов, религии и художественного воображения, одной из возможных интерпретаций может быть идея, согласно которой фигурка является отображением человеческого социального положения в живущей общине, сочетая мужские и женские характеристики. К тому же, кукутенский тип танцующей фигурки (Николов 1974: рис. 93) мог являться символом плодородия.

В данном контексте мы можем интерпретировать ромбовидные фигуры на одном позднеолитическом антропоморфном сосуде (Николов 1974: рис. 14) в качестве символов мужского и женского дуализма с возможным сопутствующим вербальным мифологическим контекстом.

Сравнивая статуэтки культуры Градешница с пластикой культуры Хаманджия, можно заметить не только стилистические различия, но и многообразие концептов социального достоинства. Например, облик фигурок культуры Хаманджия более драматичен, с различной осанкой и выражением внутренней силы (о построении социальной идентичности см. Bailey 2005: 140—142).

Богатые ненарушенные захоронения культуры Хаманджия показывают, что, несмотря на различия внутри общины, раннеземледельческие общества обладали мощной системой моральных ценностей, в которой грабеж не существовал в повседневной жизни. Мы не знаем, стоял ли за этим страх перед жестоким наказанием, или же общество просто не допускало существования незаконных мер обогащения в своих социальных практиках. Этот факт показывает, что стремление к богатству не являлось абсолютной самоцелью, а играло второстепенную роль.

Поскольку социализация индивидов проходила в небольших общинах, развитие условий для появления антисоциальных личностей было сложным или даже невозможным. В этом случае богатство являлось сильным моральным мотивирующим фактором, что в корне отличается от современного нам мира.

Даже в более поздних периодах регистрируются лишь отдельные случаи экстраординарного аккумуляирования и тезаврации богатства (напр., Варненский могильник). Это указывает на то, что богатство было не целью, но одним из механизмов социального воспроизводства, который не нарушал равновесие в обществе. Недавние раскопки позднеолитического телля в Хотнице показали, что золотые украшения были распространены

среди различных семей. Они могли функционировать в качестве предметов престижа или даров богам и предкам. Существуют некоторые культурно-антропологические примеры, согласно которым боги были инкорпорированы в жилище. Л. Кендалл пишет, что в корейских семейных традициях «некоторые семьи оказывают дань уважения особенно могущественным домашним богам, отмечая их присутствие сосудами с зерном или бумажными гнездами» (Kendall 1985: 113). Аналогично, в рамках постепенного развития преисторического общества вполне вероятно, что украшения, которые изначально служили, главным образом, в качестве апотропаических символов, трансформировались в средства накопления богатства. Однако это, в сущности, явилось результатом попыток приобрести более надежную защиту со стороны богов и предков. Аккумуляция и тезаврация золота в Варне, которые интерпретировались в качестве признака появления богатства (Renfrew 1986), контрастируют с обществом позднего медного века, основанном на домохозяйстве, но его существование демонстрирует, что в поздней балканской преистории существовали предпосылки для аккумуляции большого количества богатства. Тем не менее, эта перспектива, похоже, так никогда и не развилась в широко распространенную, целенаправленную стратегию.

Дополнения

Упомянутый выше тезис Д. Брэдли можно несколько расширить, исходя из перспектив нашего исследования. Преднамеренное избавление от собственности соответствует превращению богатства в сокровище 4-го уровня либо уровней 2—4 в периоды возможных кризисов. Формирование персонального престижа посредством тезаврации богатства могло представлять собой социальную интеграцию видимого и невидимого миров через выражение уважения и единства по отношению к другим членам общины. Наконец, утилитарное и сакральное значения могли частично совпадать или существовать в качестве синкретичных кладов.

Необходимые дальнейшие исследования

Остается неясным, как сильно современность влияет на предложенную четырехуровневую модель сложности социальной структуры. Дальнейший детальный анализ требует рассмотрения различных типов мобильных ценных предметов, в частности, украшений,

для выяснения того, были ли они просто дорогими вещами либо обладали апотропаическими и/или специфическими ритуальными функциями.

Также не совсем понятно, как взаимодействовали идеи богатства и ритуальная практика в разных поколениях, а также между ними, от семьи к семье и от общины к общине. Каким образом (если это вообще происходило) соотносились специализированные, относящиеся к сфере богатства предметы, с такими моральными категориями, как социальный статус, и как они могли содействовать процессу категоризации гендера и возраста? Дальнейшие конкретные исследования могут уточнить, каким образом тезаврация богатства содействовала семейной и общинной идеологии стратификации и/или солидарности. Почему вещи из богатых погребений не становились предметом грабежа? Соответственно, почему же некоторые археологи не выказывают должного уважения к предкам и раскапывают могилы без четкого научного подхода, руководствуясь одним лишь желанием быть связанными с большим количеством исследованных могил и, соответственно, с возможными богатыми находками?

Очень важным также является вопрос о том, как богатство и достаток содействовали дифференциации взаимных контактов между стратифицированными семьями и социальными группами. Как сильно социальная стратификация и аккумуляция богатства в преистории регулировали и стимулировали, например, брак? Выявление в будущем факторов, которые стимулировали аккумуляцию богатства или содействовали деволюции воспроизводства богатства в некоторых преисторических периодах, может оказаться весьма плодотворным.

Заключение

Мы верим, что представленные здесь гипотезы и тезисы о богатстве в преистории способны стимулировать дальнейшее исследование одного из самых фундаментальных компонентов социального образа действий — аккумуляцию, воспроизводство и тезаврацию богатства, в частности, в преистории. В этом исследовании были предложены четыре уровня сложности социальной структуры домохозяйств на основе критерия богатства. Это идеализированная модель, поэтому конкретные исследования всегда способны предоставить дополнительные варианты или, вероятнее всего, опровергнуть некоторые из приведенных здесь аргументов. Тем не менее, представляется вероятным, что

№2. 2010

будущие исследования способны расширить данные построения до уровня общей модели сложности социальной структуры, в то вре-

мя как конкретные исследования могут улучшить и усовершенствовать ее основные компоненты

Литература

- Николов В. 1974. *Градешица*. София: Наука и искусство.
- Bailey D.W. 2000. *Balkan Prehistory. Exclusion, Incorporation and Identity*. London & New York: Routledge.
- Bailey D.W. 2005. *Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic*. Routledge, London and New York: Taylor & Francis Group.
- Bentley R.A., Maschner H.D.G. 2008. Complexity Theory. In: Bentley R.A., Maschner H.D.G., Chippindale C. (eds). *Handbook of Archaeological Theories*. Lanham: AltaMira Press, 245—270.
- Bradley R. 1982. The Destruction of Wealth in Later Prehistory. *Man* (N.S.) 17: 1, 108—122.
- Bradley R. 1990. *The Passage of Arms: An Archaeological Analysis of Prehistoric Hoards and Votive Deposits*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bradley R. 2005. *Ritual and Domestic Life in Prehistoric Europe*. London & New York: Routledge.
- Earle T. 1991. The Evolution of Chiefdoms. In: Earle T. (ed.). *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1—15.
- Helms M. 1979. *Ancient Panama: Chiefs in Search of Power*. Austin: University of Texas Press.
- Hodder I. 1982. *Symbols in Action: Ethnoarchaeological Studies of Material Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jongsma T., Greenfield H.J. 2002. The Household as Behaviour: An Anthropological Perspective. In: Nikolova L. (ed.). *Material Evidence and Cultural Pattern in Prehistory*. Salt Lake City & Karlovo: International Institute of Anthropology, 1—11.
- Juillerat B. 1996. *Children of the Blood. Society, Reproduction and Cosmology in New Guinea*. Oxford & New York: Berg.
- Kendall L. 1985. *Shamans, Housewives, and Other Restless Spirits: Women in Korean Ritual Life*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Kristiansen K., Rowland M. 1998. *Social transformations in archaeology: Global and local perspectives*. New York: Routledge.
- Liu L. 2004. *The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miller R.L. 1963. The Theory of Household Saving. *The Review of Economics and Statistics* 45 (1), 1—15.
- Nakassis D. 2009. Financing the State in the Aegean Bronze Age (Abstract): <http://www.utexas.edu/research/pasp/people/nakassis.html>
- Nikolova L. 1999. The Balkans in Later Prehistory. *BAR International Series* 791.
- Nikolova L. 2002. Diversity of Prehistoric Burial Customs: Part 1. Towards the Structure and Meaning of the Burials in Settlements and in Graveyards in Later Balkan Prehistory. In: Nikolova L. (ed.). *Material Evidence and Cultural Pattern in Prehistory*. Salt Lake City & Karlovo: International Institute of Anthropology, 53—87.
- Nikolova L. 2006a. Social Complexity during the Neolithic and Anthropology of Everydayness. *Society for American Archaeology*. 71st Annual Meeting April 26 — April 30, 2006. San Juan, Puerto Rico. Abstracts. Washington: Society for American Archaeology, 298.
- Nikolova L. 2006b. Village-Interments and Social Reproduction During the Neolithic. In: Gatsov I., Schwarzbach H. (eds). *Aegean — Marmara — Black Sea: The Present State of Research on the Early Neolithic*. Langenweissbach: Beier & Beran, 95—114.
- Quesada F. 1998. From Quality to Quantity: Wealth, Status and Prestige in the Iberian Iron Age. In: Bailey D.W. (ed.). *The Archaeology of Value. Essays on Prestige and the Processes of Valuation*. BAR International Series 730, 70—96.
- Palavestra A. 1998. Landmarks of Power: Princely Tombs as in the Central Balkan Iron Age. In: Bailey D.W. (ed.). *The Archaeology of Value. Essays on Prestige and the Processes of Valuation*. BAR International Series 730, 55—69.
- Patch J.A. 2003. Gold. In: Orr J. *International Standard Bible Encyclopaedia*. Blue Letter Bible: <http://cf.blueletterbible.org/isbe/isbe.cfm?id=3869>
- Renfrew C. 1986. Varna and the Emergence of Wealth in Prehistoric Europe. In: Appadurai A. (ed.). *The Social life of Things*. Cambridge: Cambridge University Press, 141—168.
- Russell N. 1998. Cattle as Wealth in Neolithic Europe: Where's the Beef? In: Bailey D.W. (ed.). *The Archaeology of Value. Essays on Prestige and the Processes of Valuation*. BAR International Series 730, 42—54.
- Todorova H. (Hrsg.). 2002. *Durankulak. Die prähistorische Gräberfelder*. 1—2. Berlin & Sofia: Deutsches Archäologisches Institut.
- Todorova H., Vajsov I. 2001. *Der kupferzeitliche Schmuck Bulgariens*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Tsonev Ts. 1995. Collection of Flint Artefacts from the Upper Valley of the Stryama River, Karlovo Region. In: Nikolova L. (Ed.), *Early Bronze Age Settlement Patterns in the Balkans*. Part 1. Sofia: Prehistory Foundation and Agatho, 57—63.
- Vandkilde H. (Online). *Metallurgy, Inequality and Globalization in the Bronze Age: A Commentary on the Papers in the Metallurgy Session*: <http://www.aal.au.dk/global/nyheder/nyt/halle>.
- Weiner A.B. 1983. A World of Made Is not a World of Born: Doing Kula on Kiriwina. In: Leach W.J., Leach E. (eds). *The Kula. New Perspectives on Massim Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 147—170.

Статья поступила в номер 9 января 2010 г.

Lolita Nikolova (Salt Lake City, USA). Doctor. International Institute of Anthropology.

Lolita Nikolova (Salt Lake City, SUA). Doctor. Institutul Internațional de Antropologie.

Николова Лолита (Солт-Лейк-Сити, США). Доктор. Международный институт антропологии.

E-mail: lnikol@iianthropology.org

Эко-социальные реконструкции

Eco-social reconstructions
Reconstrucții eco-sociale

А. В. Дяченко

Эвстатические колебания уровня Черного моря и динамика развития населения кукутень-трипольской общности

A. V. Dyachenko.

Eustatic Fluctuations of the Black Sea Level and Dynamics of the Development of Cucuteni-Tripolye Community Population.

The article covers the analysis of the dynamics of the development of Cucuteni-Tripolye community population in the context of climatic changes marked with eustatic fluctuations of the Black Sea level. Crisis phenomena revealed in the settlement fortification and long distance migrations are typical for the periods of arid climate and time of the stabilization of "military and political situation" is typical for the periods with higher precipitations level.

A. V. Dyachenko.

Fluctuațiile eustatice ale nivelului Mării Negre și dinamica dezvoltării populației Cucuteni-Tripolie.

În acest articol se analizează dinamica dezvoltării populației comunității Cucuteni-Tripolie în contextul schimbărilor climatice, marcate de fluctuațiile eustatice ale nivelului Mării Negre. Fenomenele de criză ce s-au manifestat în fortificarea așezărilor și migrațiile pe distanțe lungi, sunt caracteristice pentru perioade cu o climă uscată, iar timpul de stabilizare a situației "militar-politice" — pentru perioade cu un nivel ridicat de precipitații.

А. В. Дяченко.

Эвстатические колебания уровня Черного моря и динамика развития населения кукутень-трипольской общности.

Статья посвящена анализу динамики развития населения кукутень-трипольской общности в контексте климатических изменений, маркируемых эвстатическими колебаниями уровня Черного моря. Кризисные явления, проявившиеся в фортификации поселений и миграциях на длинные расстояния, характерны для периодов с засушливым климатом, а время стабилизации «военно-политической ситуации» — для периодов с более высоким уровнем осадков.

Keywords: Climate, Cucuteni-Tripolye community, migrations, eustatic fluctuations.

Cuvinte cheie: climă, comunitatea Cucuteni-Tripolie, migrații, fluctuații eustatice.

Ключевые слова: климат, кукутень-трипольская общность, миграции, эвстатические колебания.

Эвстатические колебания уровня Черного моря как фактор, оказывавший существенное влияние на культурно-исторические процессы в прилегающих регионах, — одна из наиболее активно обсуждаемых в последние годы проблем археологии каменного и бронзового веков. Предметом развернувшихся дискуссий стали многочисленные экономико-социальные реконструкции, концепции культурогенеза и миграций древнего населения в Причерноморье, основанные на палеогеографических данных (Дергачев 2005; Залізник 2005; Yanko-Hombach et al.

2007; Бруяко, Сапожников 2009; Dolukhanov, Arslanov 2009; Dolukhanov et al. 2009; Velichko et al. 2009 и др.). Обзор мнений по основным вопросам можно найти в специальной работе В. Б. Ф. Райана (Ryan 2007).

Своеобразным «толчком» для написания этой статьи стала опубликованная во втором номере «Stratum plus» за 2005—2009 гг. работа И. В. Бруяко и И. В. Сапожниковой. Авторы справедливо указывают на перспективность детализации приведенной ими схемы эвстатических колебаний уровня Черного моря В. А. Карпова в части абсолютного датирова-

ния трансгрессивных и регрессивных фаз. Схема основана на серии радиоуглеродных дат, полученных по раковинам из скважин на северо-западном шельфе (Бруяко и др. 1991: 16—17; Бруяко, Сапожников 2009: 307, 310—311). Задачей предлагаемого исследования является корреляция данных по абсолютной хронологии памятников кукутень-трипольской общности и колебаниям уровня моря.

Вслед за рядом исследователей мы склонны рассматривать эвстатику Черного моря в контексте масштабных изменений природно-географических условий, на которые были направлены адаптивные стратегии человеческих коллективов (Бруяко, Сапожников 2009; Dolukhanov, Arslanov 2009; Dolukhanov et al. 2009 и др.). Таким образом, *рабочая гипотеза* сформулирована в следующем виде: кардинальные изменения в локализации памятников кукутень-трипольской общности и материальной культуре населения должны соотноситься во времени с климатическими трансформациями, маркируемыми трансгрессиями и регрессиями Черного моря (Дергачев 2005: 6—7, 30—31).

Эвстатические колебания уровня Черного моря в свете календарных дат

Ввиду полученных за последнее десятилетие т. н. «новых», гораздо более ранних, дат для поселений периода Прекукутень-Триполье А (Бурдо, Ковалюх 1998; Бурдо, Відейко 2007: 19), учтены 35 дат из указанной серии по эвстатике Черного моря в хронологическом диапазоне от 6600 ± 100 до 4330 ± 100 ВР. Данные соответствуют трем фазам регрессии и двум фазам трансгрессии уровня моря (Бруяко, Сапожников 2009: 31—311, Прил. 1). Для калибровки дат использована программа OxCal Version 3.8. Использованы результаты калибровки для базовой вероятности 95,4% (2σ). Календарный возраст образцов определялся как полный интервал для 2σ соответствующих дат.

Принимая во внимание критические замечания исследователей относительно точности т. н. «новых» дат, полученных в Киевской лаборатории после 1998 г., особенного внимания заслуживает проблема соответствия «киевских» дат данным, полученным в других лабораториях (Гаскевич 2007: 138—141; Круц 2008: 230 и др.). Поскольку даты, приведенные И. В. Бруяко и И. В. Сапожниковым по работе П. Ф. Гожика и его коллег, и даты Киевской лаборатории (отметим, что они при-

надлежат к т. н. «старым» и впервые опубликованы в 1991 г.) не противоречат друг другу, использованы обе их группы.

Полученные данные сведены в таблицу (табл. 1). Поправка на резервуарный эффект на данном этапе не учитывалась. Теперь необходимо выделить определенные узкие хронологические интервалы, в которые ложатся даты каждой из трансгрессий и регрессий. Хотя такой подход чреват «потерей» начальных и конечных дат каждой из субфаз, его применение оправдано возможностью получения максимально корректных календарных дат для каждого из интересующих нас отрезков времени, связанных с повышением или понижением уровня моря. Для коррекции результатов небезосновательным представляется выделение широких интервалов, ограниченных группами наиболее ранних и наиболее поздних дат.

Выделены следующие интервалы.

Трансгрессия (+1). Группа наиболее ранних дат может быть выделена в интервал 5650—5340/5320 лет до н. э. Группа наиболее поздних дат — в интервал 5250—4850/4800 лет до н. э. Узкий интервал может быть ограничен 5480—5100/5050 гг. до н. э.

Регрессия (–8). Группа наиболее ранних дат может быть выделена в интервал 4800/4700—4450 лет до н. э. Возможно, этот интервал следует «сузить» до 4730—4450 лет до н. э. Наиболее поздние даты соответствуют интервалу от 4250, возможно, 4170 до 4000/3950, а вероятнее — до 3800/3750 лет до н. э.

Трансгрессия (0 — +1). Выделен интервал: 3800—3530 лет до н. э.

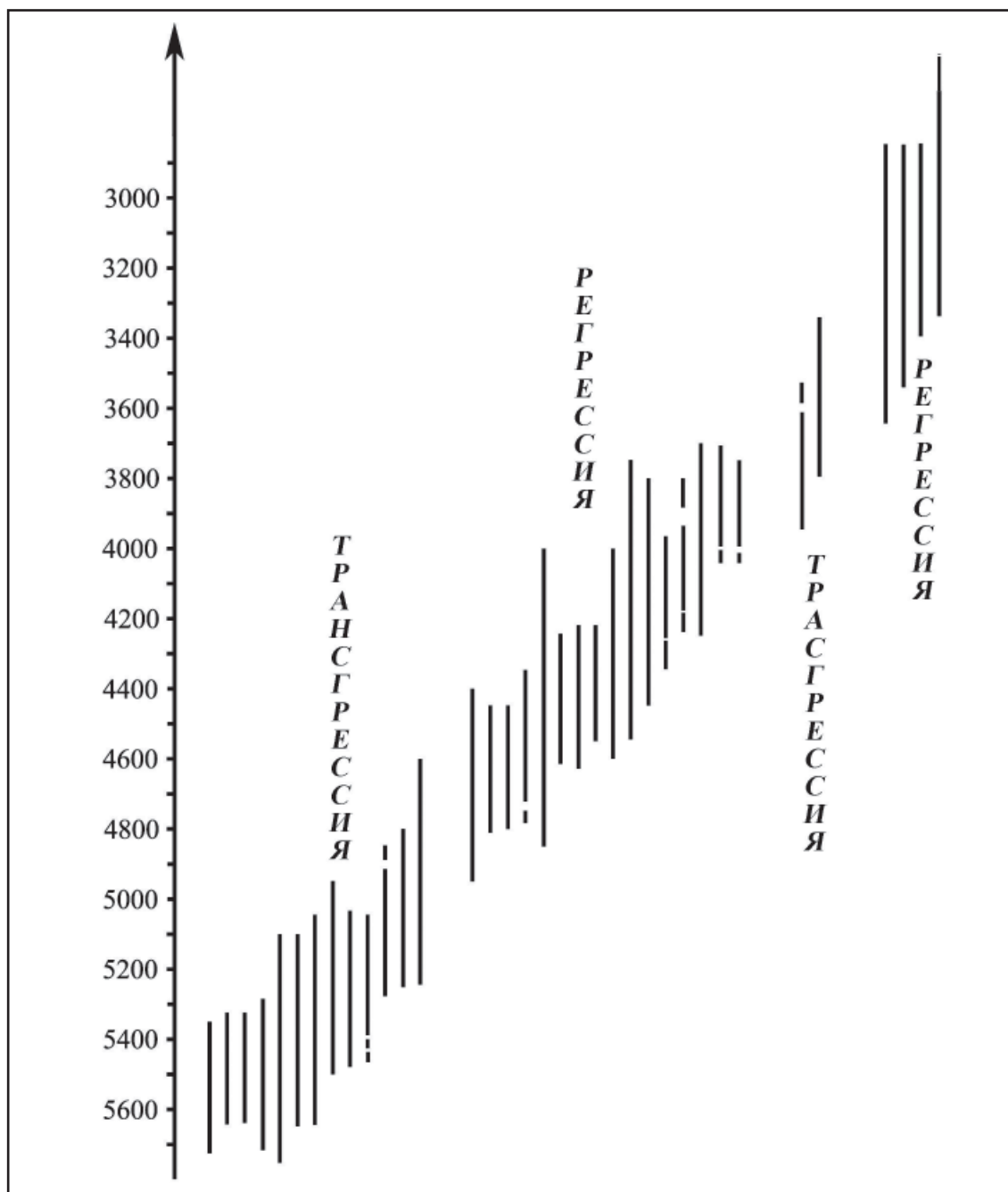
Регрессия (–2 –3). Выделен интервал: 3350—2850 лет до н. э. (табл. 1).

Для уточнения времени смен трансгрессивных и регрессивных фаз привлечена серия из 97 дат, собранных В. Янко-Гомбах (Yanko-Hombach 2007) в интервале от 6670 ± 130 до 4290 ± 50 лет назад. Данные калибровки сведены в таблицу (табл. 2). На данном этапе поправки на резервуарный эффект не делались.

Рубеж раннекалитской трансгрессии, связанной с поднятием уровня моря до отметки +1, и предшествующей регрессии, приходится на 5750—5640 лет до н. э. Два пика последующей регрессии среднекалитского времени локализируются в интервалах 4800/4700—4350 лет до н. э. и 4250—3800 лет до н. э. Трансгрессию в интервале 3800—3350 лет до н. э. сменяет регрессия, длившаяся до 2900/2850 лет до н. э. Интересно отметить, что в таком виде хронология эвста-

Таблица 1.

Колебания уровня моря по данным И. В. Бруяко и И. В. Сапожникова
(без поправки на резервуарный эффект)

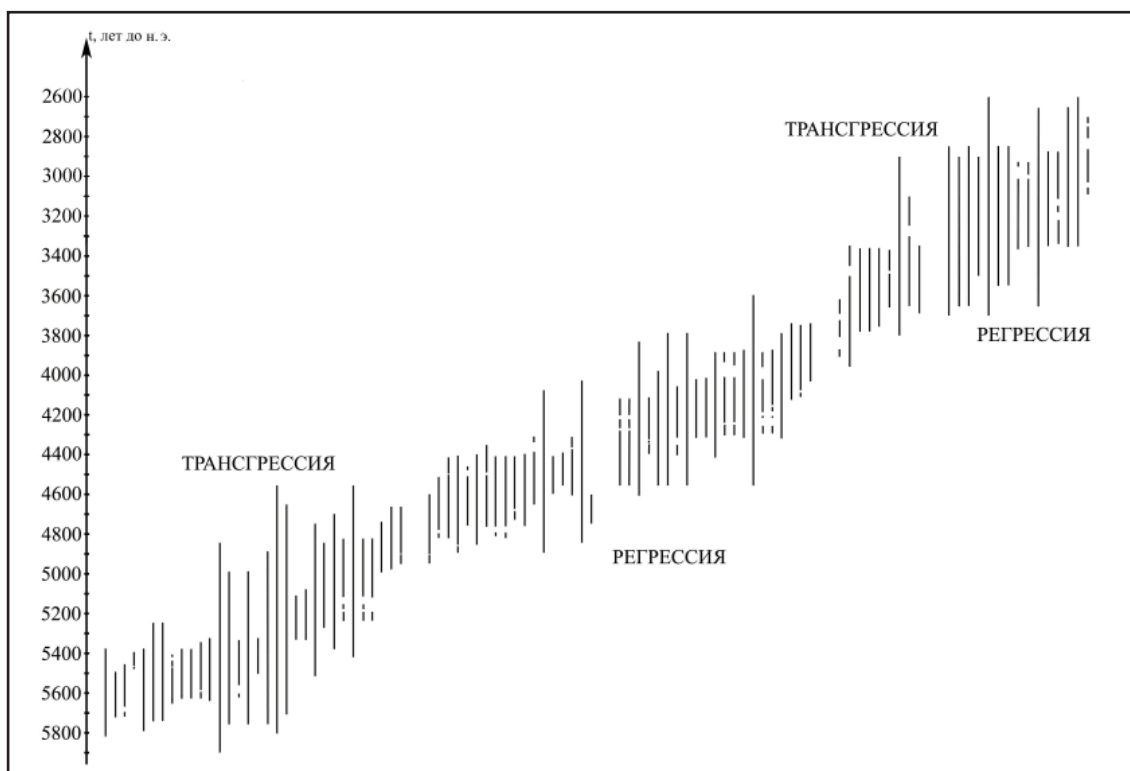

тических колебаний уровня моря достаточно хорошо соотносится с абсолютной хронологией памятников кукутень-трипольской общности (календарные даты). Ко времени около 4600 лет до н. э. относят смену прекукутеньских памятников памятниками Кукутень А. Дата 3800 лет до н. э. маркирует переход от Триполья В II к Триполью С I (по К. М. Лазарович — от Кукутень А-В к Кукутень В), 3350 лет до н. э. — переход к позднему Триполью или памятникам типа Хородиштя-Фолтешть

(Mantu 1998; Lazarovici, Lazarovici 2007: 158—159; Бурдо, Відейко 2007: 19). Ранее такую закономерность отметил В. Г. Петренко, основываясь на некалиброванных датах по эвстатике Черного моря и памятникам Кукутень-Триполья (Петренко 1989: 116—117). Между тем, приведенная схема требует коррекций в части абсолютного датирования трансгрессивных и регрессивных фаз. Проблема заключается в т. н. «мнимом возрасте» образцов, происходящих из водных резервуаров (Jones

Таблица 2.

**Колебания уровня моря по своду дат В. Янко-Гомбах
(без поправки на резервуарный эффект)**

2001 и др.). Типичным примером таких образцов являются раковины моллюсков. Для коррекции результатов мы воспользовались стандартной поправкой на морской резервуарный эффект — 400 лет. Ввиду необходимости добавления региональных поправок (Ван дер Плихт и др. 2007: 40) полученные данные требуют корреляции с палеоклиматическими и археологическими данными.

**Эвстатика Черного
моря в контексте
палеоклиматических
и археологических данных**

С поправкой на резервуарный эффект рубеж первой фазы каламитской трансгрессии и предшествующей регрессии датируется не ранее 5250 лет до н. э. На регрессивную фазу приходится существование опорного для Республики Молдова поселения культуры Криш Сакаровка I (5480—5440 лет до н. э.), сопоставимого со «старшей» КЛЛК. Диаграммы разрезов памятника свидетельствуют о кратковременной аридизации климата в конце АТ-1 (Ларина, Охрименко 2007: 99). Иссущение отмечено и на материалах поселений КЛЛК Вольни (Безусько, Котова 1997: 140—143). Важно отметить, что при более высоких температурах не наблю-

дилось повышение уровня осадков (Ларина, Охрименко 2007: 99).

Широко известны палеоклиматические данные по последующей трансгрессии Черного моря. Данные споро-пыльцевых диаграмм памятников культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) и периода Прекукутень-Триполье А в Днестровско-Прутском междуречье свидетельствуют о сокращении Бельцкой степи и распространении лесостепных ландшафтов, обусловленном более влажными, по сравнению с сегодняшними, климатическими условиями (Кременецкий 1991: 76—81). Границу лесостепи и степи маркируют памятники КЛЛК Дурлешть I, Дэнчень I, Русешты Ной I в районе современного г. Кишинев (Ларина, Охрименко 2007: 101).

Продолжительность двух пиков регрессии среднекаламитского времени может быть уточнена по дендрохронологической колонке. По многочисленным палеоклиматическим данным, собранным Д. В. Энтони, начало климатических изменений приходится на период 4200—4100 лет до н. э. Первые холодные годы — между 4120 и 4040 г. до н. э. «стали предвестником 140-летнего резко холодного периода, длившегося с 3960 по 3821 г. до н. э., с температурами более холодными, чем когда-либо за предшествующие две тысячи лет».

№2. 2010

В интервале 4200—3900 лет до н. э., согласно исследователю, были сожжены и оставлены более 600 теллей культур Гумельница, Караново VI и Варна. Отмечается прекращение регенерации лесов в Южной Германии, что приводило к распространению открытых участков. Мягкий климат возвращается после 3760 г. до н. э. (Anthony 2007: 227). Идентичны данные по климату равнинной части Западной Украины. Для периода значительного похолодания известна дата 5180±80 лет назад (4230 [7%] 4180, 4170 [88,4%] 3790 лет до н. э.) (Безусько, Котова 1997: 142). Второй пик похолодания, судя по соответствующему «узкому» интервалу, приходится на время 3600—3400 лет до н. э.

Позднекаламитская трансгрессия соответствует времени 3400—2950 лет до н. э. Такая датировка противоречит реконструкциям И. В. Бруяко и И. В. Сапожникова, согласно которым данная фаза соотносится с Трипольем С I. Впрочем, сами исследователи отмечают наличие лишь одной даты для этого отрезка времени (погребение Катаржино) (Бруяко, Сапожников 2009: 306). Видимо, отмеченные разногласия связаны с отсутствием периода некоторого потепления климата между двумя пиками среднекаламитской регрессии в схеме В. А. Карпова, что возвращает нас к тезису о трех пиках каламитской трансгрессии (Бруяко, Сапожников 2009: 304—305).

Хаджибейская регрессия в интервале 2950—2500/2450 лет до н. э. соответствует смене атлантического периода голоцена суббореальным. Климат становится более сухим и континентальным, сокращаются площади широколиственных лесов. Племена с животноводческим укладом хозяйственной деятельности появляются в некоторых районах современной лесной зоны Евразии. Максимум аридности наблюдается в первой половине III тыс. до н. э. (Кременецкий 1991: 143—144; Пашкевич 2004: 121).

Обобщенные данные сведены в таблице (табл. 3). Справедливым будет отметить и другие мнения исследователей. Так, в работе П. М. Долуханова и К. К. Шилика период до середины IV тыс. до н. э. соответствует значительному повышению уровня моря — до +2 м («New Black Sea transgression») (Dolukhanov, Shilik 2007: 314, fig. 4). В том же ключе климатическая ситуация в указанный отрезок времени интерпретирована в статье П. М. Долуханова и Х. А. Арсланова. «Джеметинская трансгрессия», связанная с поднятием Черного моря до теперешнего уровня, локализуется в интервале 4600—4200 лет до н. э. (Dolukhanov, Arslanov 2009: 38). Согласно И. В. Бруяко и И. В. Сапожникову, джеметинская регрессия относится ко времени суббореала и приходится на период культур ранней и средней

Таблица 3.

Эвстатические колебания уровня Черного моря и абсолютная хронология Кукутень-Триполья

Колебания уровня моря	Календарные даты с поправкой на резервуарный эффект	Развитие Кукутень-Триполья	Календарные даты с поправкой на резервуарный эффект
Первая фаза каламитской трансгрессии	5250—4300?/4200 лет до н.э.	Прекукутень-Кукутень А4 (Триполье А, В I)	4900?/4800—4300?/4200 лет до н.э.
Первый пик регрессии среднекаламитского времени	4300?/4200—3800 лет до н. э.	Кукутень А4-Триполье В II	4300?/4200—3800 лет до н.э.
Вторая фаза каламитской трансгрессии	3800—3600 лет до н. э.	Триполье С I	3800—3600 лет до н.э.
Второй пик регрессии среднекаламитского времени	3600—3400 лет до н.э.	Триполье С I-II	3600—3400 лет до н.э.
Третья фаза каламитской трансгрессии	3400—2950 лет до н. э.	Триполье С II	3400—2750? лет до н.э.
Хаджибейская регрессия	2950—2500/2400? лет до н.э.		

степной бронзы (Бруяко, Сапожников 2009: 306—307).

Трансгрессии обычно связывают с более теплым и влажным, а регрессии — с более холодным и сухим климатом (Петренко 1989: 116; Dolukhanov, Arslanov 2009: 38; Dolukhanov et al. 2009: 33 и др.). Высказывалась и противоположная позиция (Безушко, Котова 1997: 146). Принимая во внимание данные по повышению температурных режимов, не сопровождавшиеся ростом уровня осадков, для времени существования поселений «старшей» КЛЛК, мы будем оперировать лишь коррелятами трансгрессивных и регрессивных фаз с режимом осадков при условии четких данных о температурных режимах.

Динамика развития населения кукутень-трипольской общины на фоне климатических изменений

Фундаментом исследований хозяйственной деятельности трипольского населения за последние два десятилетия является тезис об установившемся в период 4800—3500 лет до н. э. «климатическом оптимуме» и последующей аридизации климата, с неизменными ссылками на монографию К. В. Кременецкого (Кременецкий 1991). Между тем, специалисты отмечают и неоднократные изменения природных условий в конце атлантического и начале суббореального периода (Пашкевич 2004: 121 и др.). Последний тезис подтверждается как эвстатическими колебаниями уровня Черного моря, так и данными по изменению климата в общемировом масштабе (Virtoughs 2005: 237—246).

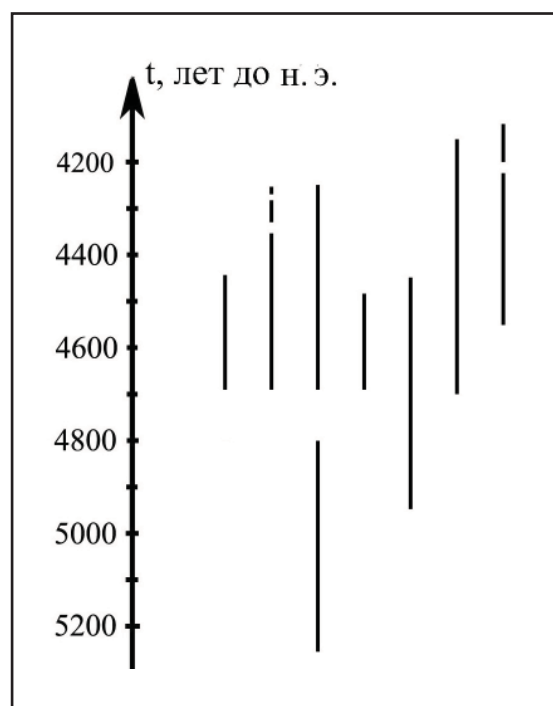
Переходя к проблемам динамики развития кукутень-трипольского общества, следует остановиться на вопросе о времени формирования памятников Прекукутень I.

Наиболее ранние даты, как уже отмечалось выше, получены в Киевской лаборатории и активно отстаиваются Н. Б. Бурдо и М. Ю. Видейко. В частности, памятник Бернашевка на Днестре (Збеневич 1989) датирован следующим образом: 5376 ± 76 лет до н. э. и 5450 ± 65 лет до н. э. (2σ) (Бурдо, Ковалюх 1998: 61, табл. 2). Столь раннее время существования поселения этапа Прекукутень II противоречит не только относительной хронологии раннеземледельческих культур региона (Гаскевич 2007: 136—137), но и палеоклиматическим данным. Споро-пыльцевые диаграммы прекукутенских поселений, согласно К. В. Кременецкому, свидетельствуют

о существовании последних в условиях более влажного климата, в то время как названные «новые даты» четко соотносятся с максимумом аридизации и регрессией Черного моря (табл. 3).

Полученным календарным датам не противоречит тезис о формировании культуры Прекукутень в интервале 5200—5050/5000 лет до н. э. (Mantu 1998; Lazarovici, Lazarovici 2007: 158; Anthony 2007: 164 и др.). Однако и эти даты выглядят несколько «удревненными». Калибровка дат, собранных К.-М. Лазарович, позволяет датировать памятники Прекукутень III не ранее 4700 лет до н. э. Интервал для единственного образца из слоя позднего Прекукутень II ограничен 4800—4540 гг. до н. э. (Mantu 1998: 246, tab. 7). Принимая во внимание немногочисленные поселения Прекукутень I, формирование культуры Прекукутень, видимо, следует локализовать во времени не ранее 4900[?]/4800 лет до н. э. (табл. 4). Такая позиция хорошо соотносится с тезисами В. Г. Збеновича о быстротечности миграции, сопровождавшей переход от формативной фазы к фазе Прекукутень II, возможной ассимиляции «прекукутенцами» местного неолитического населения (Збеневич 1989: 180—182) и календарными датами памятников КЛЛК региона, не выходящими за рубеж 4800 лет до н. э. (Lazarovici, Lazarovici,

Таблица 4.
Абсолютная хронология памятников Прекукутень II и III (по своду дат К.-М. Лазарович)

№2. 2010

2006: 461—462, fig. IIIh.2a; Гаскевич 2007: 132, Табл. 7 и др.). Предложенная дата также подтверждается хронологической позицией гумельницких памятников, нижний интервал календарных дат которых приходится на время не ранее 4800 лет до н. э. (Lazarovici, Lazarovici 2007: 82). Культуры Гумельница и Прекукутень формируются на основе культуры Боян (подробнее см.: Збеневич 1989: 168—171).

Продолжительная регрессия между первой и второй фазой каламитской трансгрессии (4300?/4200—3800/3750 лет до н. э.) соотносится с памятниками этапов Кукутень А4, Кукутень АВ и началом Кукутень В или Триполье В I, Триполье В I—II, Триполье В II (табл. 3). Среди исследователей есть разногласия по поводу хронологических рамок каждого из периодов. Так, К.-М. Лазарович датирует памятники Кукутень АВ в пределах 4100—3850 лет до н. э., а Н. Б. Бурдо и М. Ю. Видейко — в интервале 4400—4100 лет до н. э. (Mantu 1998; Бурдо, Видейко 2007: 19). Ввиду относительной хронологии поселений западнотрипольской (ЗТК) и восточнотрипольской культуры (ВТК) в междуречье Южного Буга и Днестра, более вероятными представляются даты, предложенные Н. Б. Бурдо и М. Ю. Видейко для этапа Триполье В II (табл. 3).

Период Кукутень А – Триполье В I характеризуется наибольшим распространением укрепленных поселений в Прикарпатской зоне. В период Кукутень АВ – Триполье В I—II наблюдается смещение наивысшей плотности поселений к северу и отчасти к востоку — в междуречье среднего и верхнего течения Прута и Днестра, Побужье, метко охарактеризованное В. А. Дергачевым как «не столько расселение, а скорее массовое переселение». При этом фиксируется сокращение числа фортифицированных населенных пунктов (Дергачев 2007: 41). Признаки стабилизации, проявившиеся в отсутствии укрепленных населенных пунктов в последующий период (Кукутень В – Триполье С I) (Дергачев 2007: 36—41), тем не менее, сопряжены с несколькими волнами миграций населения Поднестровья и Побужья в Буго-Днепровское междуречье (Е. В. Цвек, Т. Г. Мовша, В. А. Круц, Т. А. Попова, С. Н. Рыжов и др.). В частности, С. Н. Рыжов отмечает участие раковецкого и мерешовского населения, а также постклищевских общин в формировании поселений владимировской группы ЗТК, шипинецкого и, отчасти, петренского населения в формировании поселений небелевской, а позже — томашовской группы ЗТК (Рижов 2007: 445—453, 469).

Вторую фазу каламитской трансгрессии, по-видимому, следует соотносить с памятниками этапа Триполье С I. Возможно, некоторое потепление способствовало распространению трипольских материалов в южном направлении (Манзура 2003—2004: 74) (табл. 3).

Второй пик регрессии среднекаламитского времени (3600—3400 лет до н. э.) в целом охватывает переход от конца Триполья С I к началу Триполья С II. В этот засушливый период, видимо, укладываются памятники лукашевской группы, для многих из которых отмечена сравнительно низкая топография. Это довольно невысокие (5—10 м над уровнем поймы) боровые террасы (Круц 1977: 79—80) или склоны и края лессовой террасы (Бузян 2003: 288). Эпонимное поселение Лукаши расположено на равнине, у края болота (Круц 1977: 79). В Поднестровье существуют поселения бадражской и кошиловецкой групп (Рижов 2007: 468—469). В междуречье Южного Буга и Днестра на это время приходится исчезновение томашовских поселений и, после непродолжительной хронологической лакуны (Круц 1989: 130—131; Рижов 2007: 469; Дяченко 2009а: 291—298), появление косеновских поселений. Косеновская группа является восточным ответвлением брызненской (по В. А. Дергачеву) или жванецкой (по Т. Г. Мовше) группы Среднего Поднестровья. Приход этого населения является последней «миграционной волной» днестровского населения в Буго-Днепровское междуречье. Заметим, что, как и предыдущие «волны», последняя сопряжена во времени с похолоданием и иссушением климата.

На увлажнение в период 3400—2950 лет до н. э. приходится образование локальных групп позднейшего Триполья или памятников типа Хородиштя-Фолтешть (табл. 3).

Хаджибейская регрессия и аридизация климата приходятся на интервал 2950—2500/2450 лет до н. э. На начало этого периода приходится существование позднейших усатовских памятников и последующее появление носителей ямной культуры. Для позднейшего Триполья в целом В. А. Дергачев также отмечает общее сокращение количества памятников, сконцентрированных в междуречье верховьев Днестра и Прута, на Вольни одновременно с ростом в этих зонах числа фортифицированных поселений (Дергачев 2007: 35, 41, карта 5, 10). Для более ранних позднетрипольских поселений выхватинской группы укрепления не известны (Дергачев 1980: 98).

Фиксируется четкая взаимосвязь между кризисными явлениями в среде кукутень-трипольского населения, маркируемыми ро-

стом удельного веса укрепленных поселений, а также миграциями на длинные дистанции, и аридизацией климата. Согласно расчетам В. А. Круца, на протяжении всего времени существования кукутень-трипольских памятников в междуречье Прута и Днестра искусственно поддерживался «запас» неиспользуемой территории за счет оттока «избыточного» населения в смежные регионы (Круц 1993: 32). С демографической точки зрения, такой «избыток» не мог быть обеспечен за счет неконтролируемого воспроизводства населения с очень высокими показателями естественного прироста (Hassan 1978: 67—69, Neustupný 1984: 112—113). Таким образом, перенаселенность следует рассматривать как результат сокращения ресурсного потенциала обжитой территории. Вполне логичным будет усматривать в этом факторе и причину обострения взаимоотношений между разными группами кукутень-трипольского населения, а также миграции как способ снятия демографического давления на регион. В междуречье Южного Буга и Днестра, где плотность населения была ниже, по крайней мере, до томашовского времени (Триполье С I), поселения ВТК (Цвек 2006: 13—56) и ЗТК не были укреплены.

Примечательно, что резкое увеличение числа построек на хронологически последовательных поселениях, оставленных генетически связанным населением, хорошо соотносится с притоком мигрантов из других локальных образований кукутень-трипольской общности в междуречье Южного Буга и Днестра. В таблице представлены изменения в числе построек на поселениях средних (35—80 га) и крупных размеров (100—350 га) (табл. 5) двух пространственных вариантов (ПВ) памятников владимировско-томашовской линии ЗТК (Дяченко 2009б). Инновации в морфологии и стилистике посуды, находки импортов и подражаний дали возможность С. Н. Рьжову указать на время существования поселений владимировской группы, первой фазы небелевской группы, первой и третьей фаз томашовской группы как на периоды активного влияния носителей ВТК (для владимировской группы), населения Поднепровья и Побужья на формирование материальной культуры племен владимировско-томашовской линии ЗТК (Рижов 1993: 110—112; 2000: 469—471). Указанным отрезкам времени соответствует существование поселений-гигантов Небелевки, Сушковки, Майданецкого (табл. 5а: 3, 6, 9). Появление нового населения в регионе диагностируют населенные пункты средних или крупных размеров Федоровка (владимиров-

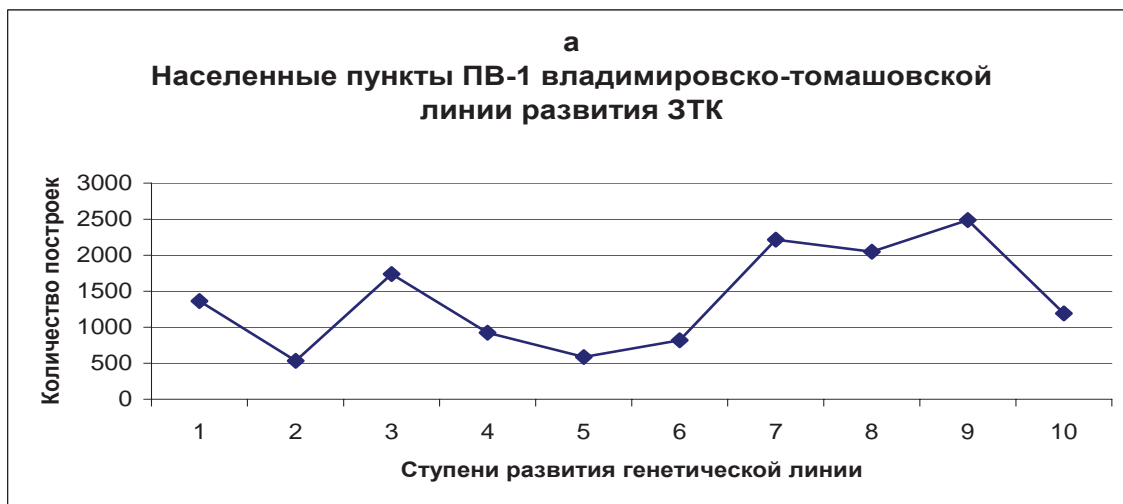
ская группа), Косеновка, Аполянка (косеновская группа). Видимо, с притоком мигрантов в конце первой фазы томашовской группы также следует увязывать последующие крупные памятники второй фазы томашовской группы — Доброводы и Чичиркозовку (табл. 5а: 7, 5б: 7). Это подтверждает выдвинутую нами гипотезу о формировании поселений больших размеров в междуречье Днестра и Южного Буга в результате притока мигрантов из других регионов распространения кукутень-трипольской общности (Дяченко 2008: 16—17).

Несколько слов о «степном факторе» в динамике развития населения. Появление в степи культур с комплексным производящим хозяйством связано с памятниками новоданиловской (суворовской) группы или, по Ю. Я. Рассамакину, скелянской культуры (Манзура 2003—2004: 68—72; Рассамакин 2004: 4; Дергачев 2007: 22—24 и др.). В. Я. Сорокин предлагал рассматривать степное население в качестве своеобразного катализатора, ускорившего распространение влияния традиций группы (или культуры) Болград-Алденя на формирование керамических комплексов поселений этапа Кукутень А (Сорокин 1989: 45—54). С такой хронологической позицией рассматриваемых памятников отчасти соглашается Ю. Я. Рассамакин, осторожно высказываясь о «формировании специализированного пастушеского хозяйства в степной зоне» в конце первой половины V тысячелетия до н. э. (Рассамакин 2004: 4). Не противоречат этой датировке и данные по эвстатике Черного моря — на рубеж Прекукутень III—Кукутень А (табл. 3), по-видимому, приходится пик первой каламитской трансгрессии с более высокой влажностью в сравнении с предыдущим периодом, что должно было способствовать ведению хозяйственной деятельности в рассматриваемой ландшафтной зоне (земледелие в речных долинах). Что касается возможной миграции населения группы Болград-Алденя в кукутень-трипольскую среду, то ее, скорее, следует увязывать не с давлением «новоданиловцев», а с изменением гидрохимического режима дунайского эстуария на пике трансгрессии (Бруяко, Сапожников 2009: 305).

Наиболее активно влияние «степного фактора» просматривается на рубеже Кукутень А — Кукутень АВ, в частности, по появлению кухонной керамики с примесями толченой раковины в составе формочной глины. С военной экспансией новоданиловского населения В. А. Дергачев

Таблица 5.

Тенденции изменения численности населения средних и крупных поселений владимировско-томашовской линии развития ЗТК в Буго-Днепровском междуречье

и Д. В. Энтони (вслед за М. Гимбутас) связывают отмеченные выше кризисные явления в кукутень-трипольской среде (Дергачев 2007; Anthony 2007 и др.). Аридизация климата (4300?/4200—3800 лет до н. э.) в степи с ее недостаточной увлажненностью (Петренко 1989: 117), видимо, заставляла население продвигаться в северном направлении — к южной границе ареала Кукутень-Триполья. Безусловно, взаимоотношения с земледельцами в этом случае далеко не всегда могли иметь «мирный характер». Однако если новоданиловское население выступало в качестве одной из сторон конфликтов, то этот фактор, по нашему мнению, накладывался

на уже существующую кризисную ситуацию в кукутень-трипольской общности.

Снижение объема осадков, маркируемое вторым пиком регрессии среднекаламитского времени (3600—3400 лет до н. э.), а соответственно, и ухудшение условий для ведения хозяйственной деятельности в этой зоне, служит очередным критическим аргументом в адрес гипотезы Т. Г. Мовши о частичном оттоке в степную зону населения томашовской группы ЗТК (Мовша 1984: 60—83; 1990: 59 и др.). Увязываемая исследовательницей с «томашовцами» трипольская керамика, происходящая с поселений Новорозановка, Ташлык II и III, а также курга-

нов в Ротмистровке и Серезлиевке, по своим морфолого-стилистическим особенностям относится к небелевской группе (Рижов 2007: 466—467). Вызывают серьезные сомнения и тезисы Е. К. Черныш и В. А. Круца о формировании крупных томашовских поселений для защиты от степной угрозы (Черныш 1977: 20; Круц 1989: 121; 2003: 72—73) ввиду некоторого улучшения климатических условий в течение второй фазы каламитской трансгрессии. Интересно отметить, что только для населенных пунктов средних и крупных размеров этой локальной группы ЗТК в Буго-Днепровском междуречье не характерны тенденции сегментации (до третьей фазы включительно) (Дяченко 2009а: 292, табл. 1). По-видимому, режим влажности способствовал некоторым успехам в хозяйственной деятельности и позволял обеспечивать жителей крупных населенных пунктов продуктами питания.

Некоторое увлажнение в последней трети IV тысячелетия до н. э. (третья фаза каламитской трансгрессии), на которое, в частности, приходится существование неукрепленных выхватинских поселений в юго-западной части кукутень-трипольского ареала, сменяется длительной аридизацией (2950—2500/2450), связанной с переходом к животноводческому укладу хозяйственной деятельности на юге и появлением носителей ямной культуры раннего бронзового века.

Выводы

Подводя итоги, можно констатировать четкую взаимосвязь между колебаниями климата и динамикой социально-исторического развития населения кукутень-трипольской общности. Между тем, одни лишь изменения есте-

ственной среды обитания не объясняют всей глубины культурной эволюции населявших ее коллективов.

Засушливые периоды, главным образом, сопровождавшиеся похолоданиями, послужили причиной кризисных явлений в кукутень-трипольской среде, что отразилось в резком возрастании числа укрепленных поселений на соответствующих хронологических этапах и миграциях как форме снятия демографического давления на ресурсные потенциалы регионов. Продвигавшееся в южную часть земледельческого ареала степное население во время снижения объема осадков, по нашему мнению, могло лишь обострять уже сложившиеся конфликтные ситуации, но не являться их первопричиной. Периоды с более теплым и влажным климатом соответствуют стабилизации «военно-политической» ситуации и не сопровождаются масштабной фортификацией поселений.

Перспективным направлением дальнейших исследований, на наш взгляд, является уточнение календарных дат для каждой из локально-хронологических групп, входивших в состав культур рассматриваемой общности, и изучение специфики хозяйственной деятельности их населения в контексте особенностей климатической ситуации. Чрезвычайно интересна дальнейшая разработка гипотезы о формировании крупных поселений в связи с миграциями отдельных племен кукутень-трипольской общности.

Благодарности

Пользуясь случаем, хотелось бы выразить искреннюю признательность Рассамакину Ю. Я. и Манзуре И. В. за ценные замечания, высказанные в ходе обсуждения статьи.

Литература

- Безусько Л. Г., Котова Н. С. 1997. Культура линейно-ленточной керамики на Украине и ее природное окружение. В: Булагович С. А. и др. (ред.). *Археология и этнология Восточной Европы (материалы и исследования)*. Одесса: Гермес, 140—153.
- Бруяко и др. 1991: Бруяко И. В., Карпов В. А., Петренко В. Г. 1991. Изменение уровня Черного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа). *Изучение памятников истории и культуры в гидросфере 2*. Москва, 8—18.
- Бруяко И. В., Сапожников И. В. 2009. Колебания уровня моря в конце плейстоцена — первой половине голоцена (около 40—4 тыс. лет назад) и археология Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (2), 299—314.
- Бузян Г. 2003. Пізнотрипільське поселення Крутуха-Жолоб на Лівобережжі Дніпра. В: Черняков І. Т. та ін. (ред.). *Трипільська цивілізація у спадщині України*. Київ: Просвіта, 288—298.
- Бурдо Н. Б., Ковалюх М. М. 1998. Нові дані про абсолютне датування Трипілья А. *АВУ 1997—1998 рр.*, 60—61.
- Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю. 2007. Феномен Трипілья у цивілізаційній історії України (Походження, хронологія, зв'язки, етнокультурний та цивілізаційний аспекти трипільської культури). В: Відейко М., Кот С. (ред.). *Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст*. Київ: ТОВ «Спадщина» ЛТД, 15—27.
- Ван дер Плихт и др. 2007: Ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Хеджес Р. Е. М., Зазовская Э. П., Севастьянов В. С., Чичагова О. А. Резервуарный

№2. 2010

- эффект и результаты датирования катакомбных культур Северо-Западного Прикаспия, *РА* 2, 39—47.
- Гаскевич Д. 2007. Синхронізація буго-дністровського неоліту і неоліту Східної Європи. Проблема радіовуглецевих дат. In: Bakalarska L. (red.). *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Warszawa: Krajowy ośrodek badań i dokumentacji zabytków, 115—147.
- Дергачев В. А. 1980. *Памятники позднего Триполья*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В. 2005. Неолитизация Северо-Понтийской зоны и Балкан в контексте разливов морей. *RA (S. N.)* 1 (1), 4—44.
- Дергачев В. А. 2007. *О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Дяченко А. В. 2008. Крупные поселения в системе носительной хронологии западнотрипольских памятников Буго-Днепровского междуречья. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 8, 10—19.
- Дяченко А. В. 2009а. К проблеме относительной хронологии памятников томашовской и косеновской локальных групп западнотрипольской культуры (палеодемографический аспект). В: Васильев С. А., Кулаковская Л. В. (ред.). *С. Н. Бибииков и первобытная археология*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 291—298.
- Дяченко О. В. 2009б. Просторова організація західно-трипільського суспільства у межиріччі Південного Бугу та Дніпра. *Magisterіum. Археологічні студії*, 36. Київ, 19—26.
- Залізник Л. Л. 2005. Чорноморський потоп та його археологічні наслідки. *Археологія* 3, 3—12.
- Збеневич В. Г. 1989. *Поселение Бернашевка на Днестре*. Киев: Наукова думка.
- Кременецкий К. В. 1991. *Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины*. Москва: ИГ АН СССР.
- Круц В. А. 1977. *Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья*. Киев: Наукова думка.
- Круц В. А. 1989. К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра. *Первобытная археология. Материалы и исследования*. Киев: Наукова думка, 117—132.
- Круц В. О. 1993. Питання демографії трипільської культури. *Археологія* 3, 30—36.
- Круц В. О. 2003. До проблеми поселень-гігантів трипільської культури в Буго-Дніпровському межиріччі. *Трипільські поселення-гіганти*. Київ: Корвін Пресс, 71—73.
- Круц В. 2008. Относительная и абсолютная хронология памятников трипольской культуры Буго-Днепровского междуречья и Среднего Поднепровья (даты не калиброванные). В: Корвин-Пиотровский А., Менотти Ф. (ред.). *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки*. Киев: Институт археологии НАН Украины, 227—238.
- Ларина О., Охрименко Г. 2007. Крайняя восточная периферия западной линейной керамики (пространственно-географический аспект). *RA (S. N.)* III (1—2), 89—109.
- Манзура И. В. 2003—2004. Северо-Западное Причерноморье в энеолите и начале бронзового века: степени колонизации. *Stratum plus* 2, 63—85.
- Мовша Т. Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе. *Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н.э.* Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 60—84.
- Мовша Т. Г. 1990. Косеновская локальная группа трипольско-кукутенской общности. Тез. докл. междунар. науч.-практич. истор.-краевед. конфер. *Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья* 1. Белгород-Днепровский, 57—59.
- Пашкевич Г. О. 2004. Природні умови існування племен трипільської культури: В: Відейко М. Ю. (гол. ред.). *Енциклопедія трипільської цивілізації в 2-х томах*. Т. 1. Кн. 1. Київ: Укрполіграфмедіа, 116—122.
- Петренко В. Г. 1989. Усатовская локальная группа. В: Патокова Э. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю. *Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 81—124.
- Рассамакин Ю. Я. 2004. Степи Причерноморья в контексте розвитку перших землеробських суспільств. *Археологія* 2, 3—26.
- Рижов С. М. 1993. Небелівська група пам'яток трипільської культури. *Археологія* 3, 101—114.
- Рыжов С. Н. 2000. Расписная керамика томашевской локально-хронологической группы трипольской культуры. *Stratum Plus* 2, 459—473.
- Рижов С. М. 2007. Сучасний стан вивчення культурно-історичної спільності Кукутень-Трипілля на території України. В: Рассамакин Ю., Рижов С. (ред.). *О Ольжич. Археологія*. Київ: Вид-во ім. Олени Теліги, 437—477.
- Сорокин В. Я. 1989. Культурно-исторические проблемы племен Среднего Триполья Днестровско-Прутского междуречья. *Известия АН МССР. Серия общественных наук* 3. Кишинев: Штиинца, 45—54.
- Цвек О. В. 2006. *Поселения схи́днотрипільської культури (короткий нарис)*. Київ: КП ОТІ.
- Черныш Е. К. 1977. Формирование локальных вариантов трипольской культуры. Тез. докл. Всесоюз. конфер. «Новейшие открытия советских археологов». Москва, 18—21.
- Anthony D. W. 2007. *The Horse, the Wheel and Language. How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton: Princeton University Press.
- Burroughs W. J. 2005. *Climate Change in Prehistory. The end of the Reign of Chaos*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dolukhanov P. M., Arslanov K. A. 2009. Ecological crises and early human migrations in the Black Sea area. *Quaternary International* 197, 35—42.
- Dolukhanov et al. 2009; Dolukhanov P. M., Kadurin S. V., Larchenkov E. P. 2009. Dynamics of the coastal North Black Sea area in Late Pleistocene and Holocene and early human dispersal. *Quaternary International* 197, 27—34.
- Dolukhanov P. M., Shilik K. K. 2007. Environment, sea-level changes, and human migrations in the Northern Pontic area during late Pleistocene and Holocene times. In: Yanko-Hombach V., Gilbert A. S., Pannin N., Dolukhanov P. (eds). *The Black Sea Flood question. Changes in Coastline, Climate and Human Settlement*. Dordrecht: Springer, 297—318.
- Jones M. 2001. Reservoir Offset Models for Radiocarbon Calibration. *Radiocarbon* 43 (1), 119—124.
- Hassan F. A. 1978. Demographic Archeology. *AAMT* 1, 49—90.
- Lazarovici C.-M., Lazarovici Gh. 2006. *Arhitectura neoliticului și epocii cuprului din România. Ne-*

- oliticul*. I. Iași: Trinitas.
- Lazarovici C.-M., Lazarovici Gh. 2007. *Arhitectura neoliticului și epocii cuprului din România. Epoha Cuprului*. II. Iași: Trinitas.
- Neustupný E. 1984. Mobilität der äneolitischen Populationen. *Slovenska Archeologia XXIX (1)*, 111—119.
- Ryan W. B. F. 2007. Status of the Black Sea flood hypothesis. In: Yanko-Hombach V., Gilbert A. S., Panin N., Dolukhanov P. (eds). *The Black Sea Flood question. Changes in Coastline, Climate and Human Settlement*. Dordrecht: Springer, 63—88.
- Velichko et al. 2009: Velichko A. A., Kurenkova E. I., Dolukhanov P. M. 2009. Human socio-economic adaptation to environment in Late Paleolithic, Mesolithic and Neolithic Eastern Europe. *Quaternary International* 203, 1—9.
- Yanko-Hombach V. 2007. Table of Radiocarbon Dates from USSR and non-USSR Sources. In: Yanko-Hombach V., Gilbert A. S., Panin N., Dolukhanov P. (eds). *The Black Sea Flood question. Changes in Coastline, Climate and Human Settlement*. Dordrecht: Springer, 861—878.
- Yanko-Hombach et al. 2007: Yanko-Hombach V., Gilbert A. S., Panin N., Dolukhanov P. (eds). *The Black Sea Flood question. Changes in Coastline, Climate and Human Settlement*. Dordrecht: Springer.

Статья поступила в номер 19 февраля 2010 г.

Alexander Dyachenko (Kiev, Ukraine). Junior research fellow. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences.

Alexander Dyachenko (Kiev, Ucraina). Colaborator științific inferior. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Дяченко Александр Викторович (Киев, Украина). Младший научный сотрудник. Институт археологии НАН Украины.

E-mail: sasha_djachenko@ukr.net

С. В. Иванова

Природные ресурсы и экономика древних обществ

S. V. Ivanova.

Natural Resources and Economics of Ancient Societies.

The beginning period of the Bronze Age is featured by both active cultural and historical processes, and cultural transformations. Usatovo Culture that is included into Western Pontic cultural horizon, turns out to be related to Southern-Eastern Europe and Anatolia with their technical achievements. Meanwhile, the population develops metallurgic traditions of its own. Partnership is mainly based on salt trade. Salt is produced in the estuaries of the Black Sea region that has been proved by the relics of cultic and industrial centers (Usatovo, Mayaki). The other trade way was the Dniester, which connected the population with the Tripolye as well as steppe with forest-steppe. The Usatovo tribes can be seen as the first salters in the Southern-Western Black Sea Region, whose activity was reflected in archaeological artifacts. The Region as it is should be considered as a unique natural object and a vast salt production area; its development has contributed into cultural process in different historical epochs.

S. V. Ivanova.

Resursele naturale și economia societăților antice.

Perioada timpurie a epocii bronzului în Europa de Sud-Est se caracterizează prin procese active cultural-istorice și transformări culturale. Cultura Usatovo, inclusă în orizontul cultural pontic de vest, se dovedește a fi legată de Europa de Sud-Est și Anatolia, de realizările lor tehnice. În același timp, populația dezvoltă tradițiile metalurgice proprii. Drept bază pentru dezvoltarea acestor relații de parteneriat este comerțul cu sare extrasă de pe estuarele Mării Negre, după cum reiese din rămășițele centrelor de cult și de producție (Usatovo, Maiachi). O altă cale comercială era râul Nistru care lega populația din Usatovo cu cea din Tripolie, precum și pe stepă cu silvostepă. Triburile din Usatovo pot fi considerate ca primii sărari din spațiul nord-vest Pontic ai căror activitate s-a reflectat în artefacte arheologice. Regiunea însăși ar trebui recunoscută ca un obiect natural unic, ca o zonă grandioasă de producție de sare, a cărei dezvoltarea a contribuit la procesele de culturogeneză în diferite epoci istorice.

С. В. Иванова.

Природные ресурсы и экономика древних обществ.

Начальный период бронзового века в Юго-Восточной Европе характеризуется активными культурно-историческими процессами и культурными трансформациями. Культура Усатово, включаемая в западнопонтийский культурный горизонт, оказывается связанной с Юго-Восточной Европой и Анатолией, с их техническими достижениями. В то же время, население развивает и свои собственные металлургические традиции. Основой развития этих партнерских отношений является торговля солью, получаемой из причерноморских лиманов, о чем свидетельствуют остатки культово-производственных центров (Усатово, Маяки). Другим торговым путем был Днестр, связывающий усатовское население с трипольским, а степь — с лесостепью. Усатовские племена можно считать первыми солеварями Северо-Западного Причерноморья, чья деятельность отразилась в археологических артефактах. Сам регион следует признать уникальным природным объектом, грандиозным районом соледобычи, освоение которого способствовало процессам культурогенеза в различные исторические эпохи.

Keywords: Northwest Pontic Region, Usatovo culture, trade routes, salt springs, cultural and historical processes.

Cuvinte cheie: spațiul nord-vest Pontic, cultura Usatovo, căi comerciale, izvoare de sare, procese cultural-istorice.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, усатовская культура, торговые пути, соляные источники, культурно-исторические процессы.

Своеобразие усатовского материального комплекса привлекло внимание исследователей с момента выделения особой культуры, названной по месту первых систематических раскопок вблизи сел Усатово и Большой Куяльник под Одессой. С усатовской культурой связывают начало бронзового века в причерноморских степях: с ней соотносятся не только неординарные импортные изделия, но и собственное металлургическое производство. Со временем рост числа археологических памятников позволил определить основные компоненты, связанные с формированием этой культуры. Ими считаются нижнедунайская культура Чернавода I, а также культурные группы позднего Триполья (выхватинская и гординештская). Вероятно, не случайным является сложение новой культуры именно в Северо-Западном Причерноморье. Этот регион является особым не только потому, что его считают «связующим звеном» и «контактной зоной» двух миров, земледельцев Балкан и скотоводов степи, или же потому, что именно здесь соединялись импульсы из нескольких очагов культурогенеза. Уникальность ему придают особенности геологического строения: наличие в прибрежной зоне лиманов, в которых в силу климатического фактора происходит естественный процесс кристаллизации соли.

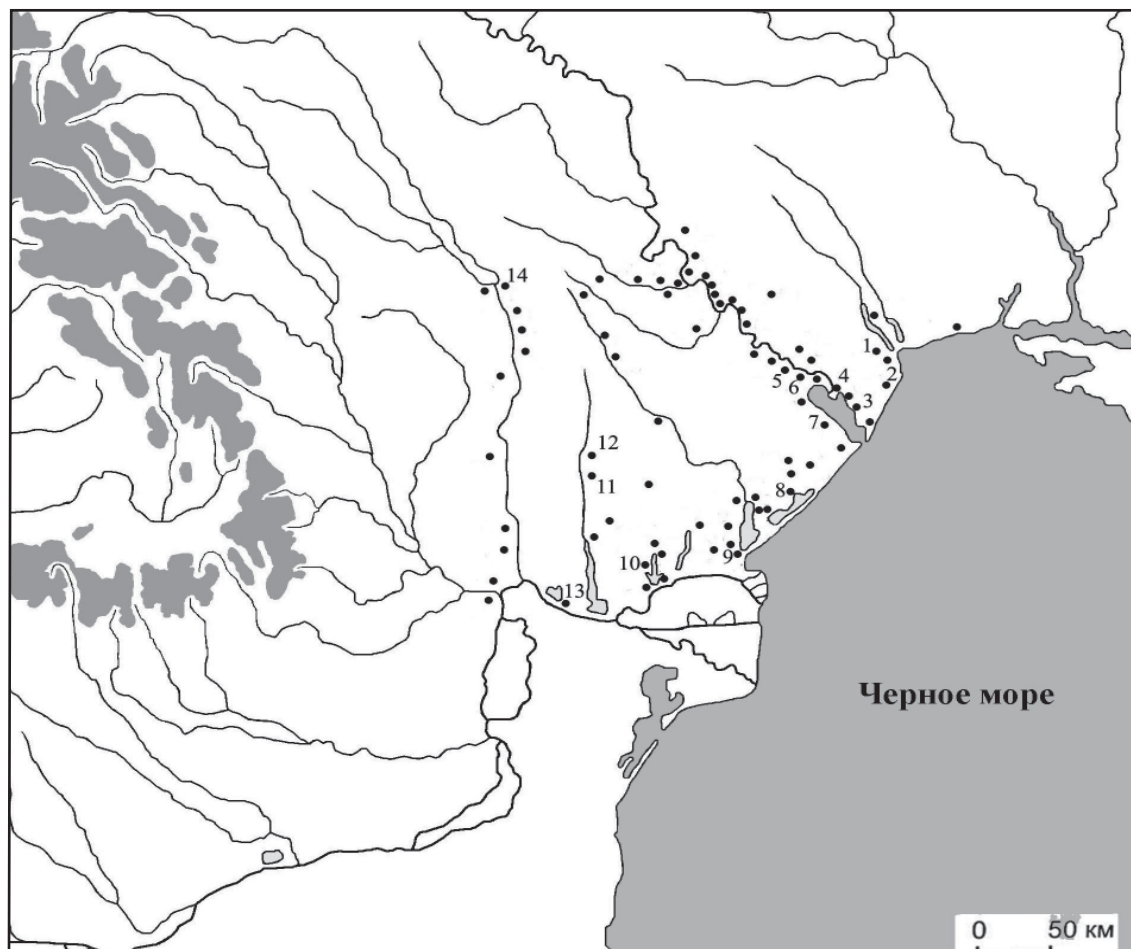
Наличие различных традиций в усатовской керамике, изделиях из металла, украшениях, по всей вероятности, отражает не только сам процесс сложения культуры, но и культурные контакты, формирование торговых путей, которые связывали различные регионы Юго-Восточной Европы и Передней Азии, лесостепь и Причерноморские степи. Усатовское население на заре бронзового века оказалось на перекрестке этих путей, несмотря на сравнительно небольшой ареал расселения и сравнительно короткий временной интервал существования культуры, длившийся около 700 лет (с 3500 по 2800 гг. до н. э.). Именно включение населения в обменно-торговые сети привело и к активизации культурно-исторических процессов в регионе Северо-Западного Причерноморья, и к формированию усатовской культуры как таковой. Находки импортных артефактов, прежде всего из бронзы и серебра, свидетельствуют не только об обменных отношениях между различными группами населения, но и о существовании равноценного эквивалента, включенного в эти отношения. На наш взгляд, таким эквивалентом могла быть соль, которую усатовские племена добывали из солеродных лиманов Северо-Западного Причерноморья.

Соль является, пожалуй, самым специфическим объектом из той немногочисленной группы полезных ископаемых, которая была освоена человеком в энеолите и бронзовом веке: в отличие от изделий из металла, камня, кремня и глины, она не могла функционировать как долговременный артефакт. Тем не менее, именно соль могла служить тем продуктом, который и «создал» усатовскую культуру, способствуя формированию ее материального комплекса. Причем присущий этой культуре набор металлических артефактов импортного и местного происхождения позволил включить ее в наиболее ранний бронзовый горизонт западнопричерноморского ареала (Nikolova 2005: 92).

Исследователи бронзового века Европы полагают, что его следует считать веком торговли, именно торговля была одним из основных видов деятельности уже в период поздней бронзы, хотя обмен сформировался гораздо раньше (Kristiansen, Larsson 2005). Маркерами торговых отношений выступают чаще всего инокультурные артефакты (керамика, изделия из металлов, украшения) или полезные ископаемые, отсутствующие в рассматриваемом ареале: руда или слитки металла, кремневые заготовки и пр. Поэтому определение импортных вещей или традиций дает возможность реконструировать направление и интенсивность взаимосвязей между усатовским населением и синхронными культурами начала бронзового века.

Рассмотрение технологических приемов добычи соли на фоне имеющихся усатовских комплексов позволяет предположить, что именно с усатовскими племенами следует связывать начало масштабного получения этого продукта в лиманах Северо-Западного Причерноморья, которое продолжалось (повидимому, с перерывами) вплоть до первой половины XX века. Добыча соли стала той основой, на которой построили свое благополучие усатовские, а затем и ямные племена рассматриваемого региона в раннем бронзовом веке. В обмен на соль усатовское население получало не только высококачественные бронзовые изделия, парадную трипольскую керамику и экзотические средиземноморские украшения, но и, что важнее, технологии и сам металл; в конечном итоге сложился особый усатовский очаг металлообработки.

О том, что благородные металлы и медная руда (или слитки металла) поступали в Северо-Западное Причерноморье путем обмена на месте, свидетельствует отсутствие каких-либо следов продвижения усатовских племен к источникам меди и серебра, отсут-

Рис. 1 Карта памятников усатовской культуры (по данным И.В. Манзуры). Памятники, упоминающиеся в статье: 1 — Усатово; 2 — Александровка; 3 — Николаевка; 4 — Маяки; 5 — Пуркары; 6 — Тудорово; 7 — Садовое; 8 — Желтый Яр; 9 — Нерушай; 10 — Утконосовка; 11 — Тараклия; 12 — Казаклия; 13 — Орловка; 14 — Данку.

ствие следов военных походов, миграций или колонизации в Карпато-Балканском регионе (рис. 1). Правда, предполагается, что усатовское население могло принимать участие в генезисе культуры Езеро (Николова 2000: 449). Но это направление движения носителей усатовской культуры весьма гипотетично, в отличие от хорошо документированного погребальными памятниками северного направления по Днестру, в направлении ареала позднетрипольских племен.

Чтобы определить, были ли у древнего населения Северо-Западного Причерноморья технические возможности добывать соль, нам представляется целесообразным рассмотреть свойства соли, свойства солеродных лиманов, виды соледобычи и исторические сведения по добыче соли в Северо-Западном Причерноморье. Чтобы получить представление о том, насколько товар был конкурентоспособным, необходимо сопоставить имеющиеся данные о наличии соляных источников и сведения о добыче соли в других регионах

Юго-Восточной Европы. Определение круга импортных изделий на фоне культурного окружения (рис. 2) даст возможность установить участников обменных операций, торговых партнеров усатовских племен.

Часть 1. Усатово: торговля и обмен, импорт и экспорт

Вопросы обмена и торговли всегда были в центре внимания исследователей, изучающих историю древних обществ, т. к. касаются они не только экономики, но и социальной жизни, культурно-исторических процессов, передвижений и миграций населения в те или иные исторические эпохи. Работы археологов во многом изменили бытовавшие ранее представления об историческом прошлом Европы. В последние несколько десятилетий особый акцент делается на аналитические методы исследования археологических источников. На эмпирическом уровне анализируется химический состав артефактов, что позволяет

Рис. 2. Усатовская культура и ее окружение.

выявить источники сырья и технологии. На теоретическом (или реконструктивном) уровне формируются новые, более сложные, подходы, с помощью которых интерпретируются археологические факты, имеющие отношение к системе торговли и обмена. Определение происхождения археологических артефактов является лишь первым звеном в цепочке, которая может включать в себя такие понятия, как изготовление, употребление, транспорт, циркуляцию и сохранение (в последнем случае — не только самих артефактов, но и традиций и технологий). Реконструкция всей этой последовательности действий необходима для понимания человеческой мотивации и принципов поведения. Успешные исследования торговых отношений европейских обществ энеолита и бронзового века, анализ природных материалов и искусственных сплавов, утилитарных и престижных артефактов предоставили важную информацию о социаль-

ных и экономических системах и о том, как они меняются с течением времени.

Торговля в современном мире определяется как процесс обмена товарами, услугами, ценностями и деньгами; в широком смысле — вид деятельности, связанный с куплей-продажей товаров. Обмен является более широким понятием, чем торговля (она является одной из форм обмена), и определяется как движение товара от одного владельца к другому. Это предполагает наличие меры эквивалентности товаров, что требует соизмерения разных по виду, качеству, форме и назначению вещей (что ведет, в конечном итоге, к формированию единой основы, которой является стоимость товаров). Обмен является не просто социальной сделкой, но и включает в себя социальные связи, которые могут быть основой человеческой деятельности.

Антропологи при изучении древних обществ выделяют три режима обмена: взаи-

№2. 2010

мообмен, перераспределение и рыночный обмен, которые связаны с разными уровнями развития общества. Взаимообмен означает сбалансированный обмен между относительно равными лицами бытовыми предметами или подарками. Обмен подарками позволяет строить новые социальные отношения, т. к. создает определенные обязательства между сторонами. Перераспределение требует централизованной организации в приобретении товаров и обычно ассоциируется с вождями или производится на государственном уровне общества. В целом, обмен товарами приводит и к обмену культурным и социальным опытом (Dillian, White 2009).

Обмен в узком смысле — переход продуктов труда из собственности одних лиц в собственность других, возмещаемый встречным движением материальных благ. Исторически первой формой обмена был обмен подарками, или дарообмен, суть которого состояла в создании новых или поддержании старых социальных связей; дарообмен всегда был связан с множеством обычаев и ритуалов и имел совершенно отчетливую этническую специфику. Самой известной и широко распространенной формой обмена был товарообмен, или обмен товаров, который существовал и существует в обществах самых различных типов. Если при дарообмене возможно встречное движение одних и тех же вещей, то при товарообмене всегда противостоят друг другу разные потребительские стоимости, т. е. он предполагает уже зачаточную форму общественного разделения труда и производственной специализации человеческих коллективов. Первоначально обмен ведется нерегулярно, и пропорция, в которой обмениваются товары, является во многом случайной. Более поздняя стадия обмена характеризуется тем, что он ведется систематически, часть продукта начинает создаваться специально для обмена. Пропорции, в которых один товар обменивается на другой, становятся все более устойчивыми. Следующий этап эволюции товарообмена характеризуется появлением всеобщей формы стоимости, когда из массы товаров выделяется один, который становится всеобщим эквивалентом. В таком качестве выступают соль, скот, ткани, металлические изделия и пр. (Семенов 1986: 93—96).

Немаловажными элементами в процессе реконструкции являются данные этнологии и истории первобытного общества. По этнографическим данным для обществ, находящихся на стадии первобытной родовой общины (земледельцам, скотоводам, охотникам, собирателям), выделяется три разные системы обмена.

1. Межобщинный (внутри самой народности, племени), исходя из того, чем богаты; такой обмен зачастую мог не иметь хозяйственной ценности и служил для создания или укрепления социальных связей.

2. С ближайшими иноэтничными соседями; в этом случае уже присутствует специализация и поставляются те предметы обмена, которых нет в других обществах.

3. Дальний обмен с населением, обитавшим на значительном (до 300—400 км) расстоянии.

Первые две системы предполагают индивидуальное партнерство, вторая иногда требовала специальных «торговых походов», третья не могла существовать без дальних экспедиций; при этом в одном обществе могли существовать несколько видов обмена. Люди обменивали те предметы, которыми они были богаты, на то, в чем нуждались; в свете такого обмена особые преимущества получали группы, на территории которых находились какие-либо ценные природные ресурсы, в первую очередь соль. В ряде случаев отдельные этнические группы или общины, специализировавшиеся на межплеменном обмене, получали определенные преимущества в социальном развитии, выделялись богатством (Шнирельман 1988: 341—344).

Т. Г. Мовша, рассматривая проблемы взаимодействия древних земледельцев трипольско-кукутеньской общности с носителями культур понтийских степей, пришла к выводу, что в энеолите система обмена была довольно многообразной: отдельные общины одновременно входили с иноэтничным чужеродным населением в несколько систем межплеменного обмена. Исследовательница приходит к выводу, что обмен (который она относит к третьему типу, т. е. «дальние экспедиции») носил опосредованный характер, через представителей других дальних экспедиций, занимающих промежуточные отрезки пути, связанные лишь с определенными пунктами. Экспедиции не преодолевали все расстояние от исходного пункта до конечного и в обратном направлении, а только отдельные участки маршрута дальнего пути. Экспедиции, длившиеся по нескольку месяцев, планировались заранее из нескольких десятков мужчин, обладавших высоким статусом; руководили ими лидеры отдельных поселков (Шнирельман 1988: 340—345).

Внешние торговые связи фиксируются между аграриями Днепро-Карпатского региона (Триполье этапа А 3, В I, Кукутень А 2-А 4), Балкан (Гумельница А 2-В 2), домайкопской культурой в Прикубанье и скотовод-

ческими обществами скелянско-стоговой генетической линии в Нижнем Поднепровье и Нижнем Подонье. Обмен мог носить опосредованный характер и внутри самой новоданиловской группы. Поселения и погребальные памятники, расположенные у переправ, бродов и перевозов, являются следами специально организованных экспедиций и охраняемых перевалочных пунктов в местах природных ресурсов или готовых изделий (Мовша 2000: 40—41). В контексте предложенной Т. Г. Мовшей реконструкции торгово-обменных связей археологические памятники и этнографические исследования удачно дополняют друг друга. По всей вероятности, таким же образом мог осуществляться обмен и в бронзовом веке, по крайней мере, в среде того населения, которое выступало активной стороной взаимоотношений. В позднем энеолите распространение инноваций, а также определенные отношения между позднетрипольскими обществами, степными племенами Поволжья и Причерноморья, носителями майкопской культуры Северного Кавказа были связаны с передвижениями животиловской культурной группы (Rassamakin 2003: 50). Активизация обменных процессов, особенно в начале III тыс. до н. э., была вызвана формированием и развитием морских взаимосвязей между различными зонами Средиземноморья (Magan 2007), между Южной и Юго-Восточной Европой и Передней Азией (Kristiansen, Larsson 2005: 139—140). Предполагают, что стимулом развития морской торговли в Средиземноморье бронзового века была престижность экзотических вещей (Кларк 1998).

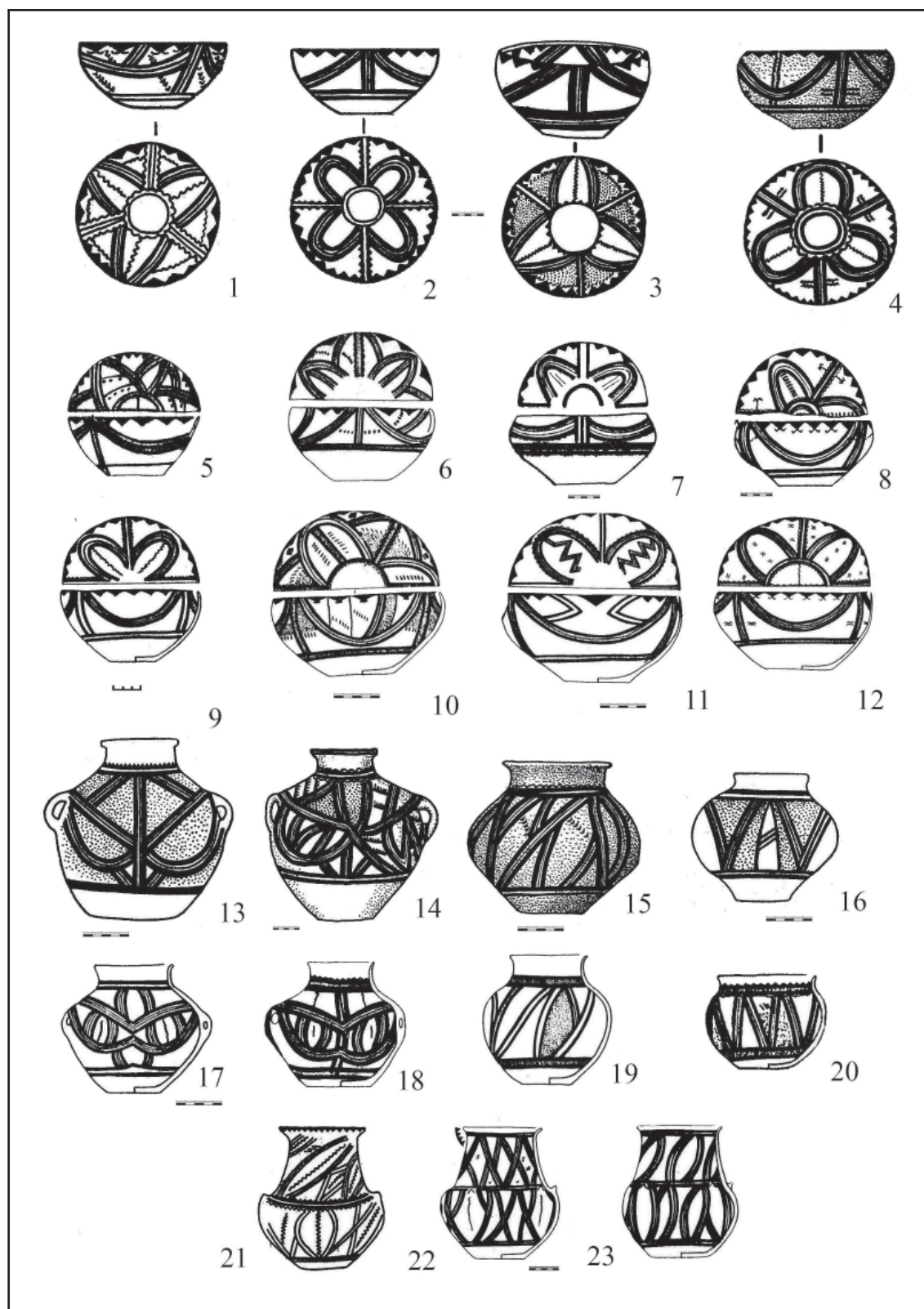
Но лишь часть археологических источников может свидетельствовать о существовании обменных отношений: из анализа исключаются, прежде всего, продукты питания, которые могут составлять значительную часть товарооборота. Поэтому традиционно к реконструкциям торговых и обменных сетей привлекаются металлы, керамика, минералы и прочие артефакты.

Импорт. Многие типы керамики являются универсальными для керамических комплексов целого ряда культур (горшки, миски, кубки, амфоры), поэтому они могут дать лишь общие представления о направлении культурных связей. Расписная керамика усатовских комплексов демонстрирует два хронологических периода, каждый из которых характеризуется связями с определенными локально-хронологическими культурными группами позднего Триполья С II. На ранней (старшей) ступени среди расписной кера-

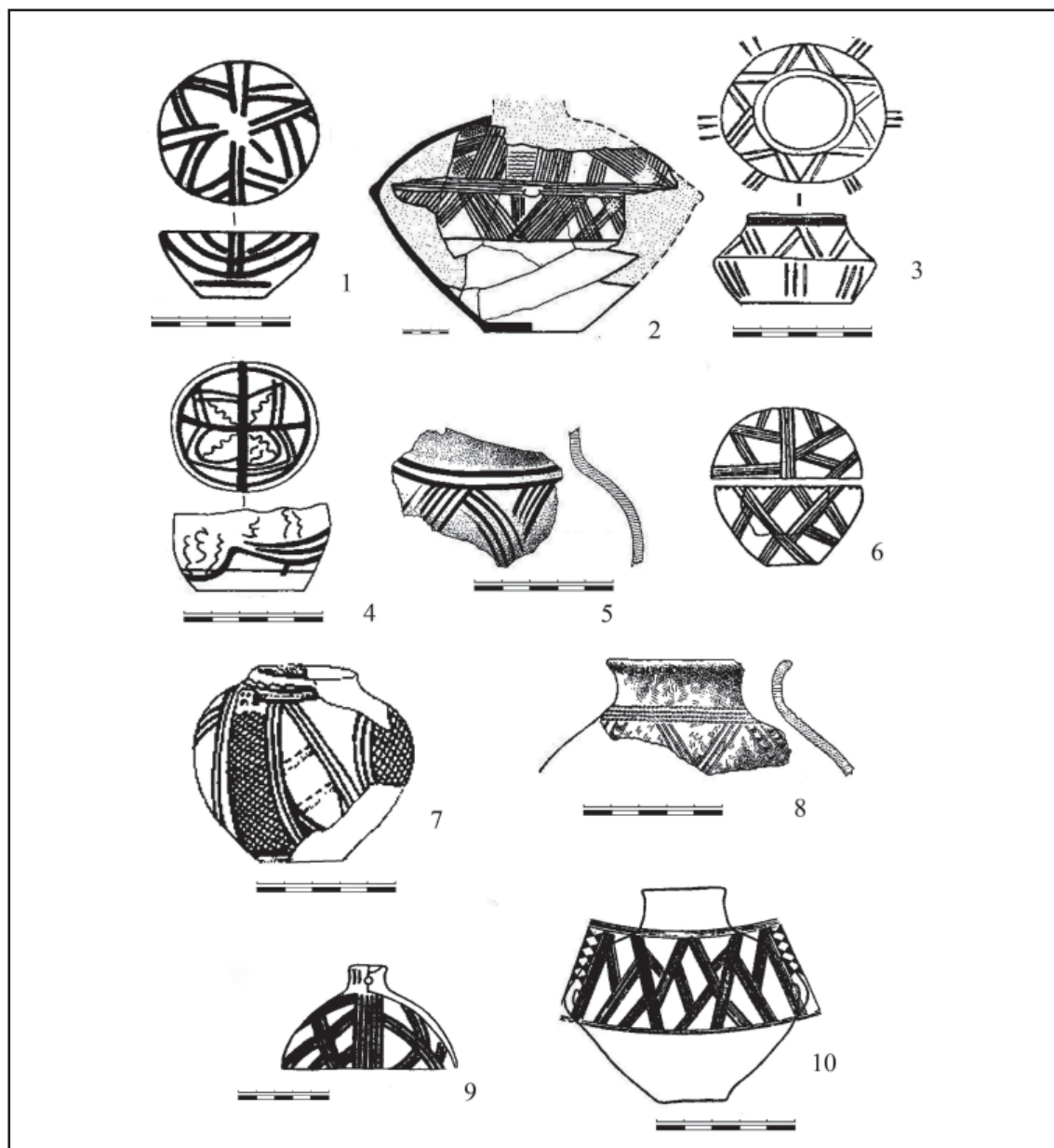
мики доминируют выхвятинские традиции, также имеются сосуды, типичные для брынзенской культурной группы. К первым относятся, прежде всего, полусферические миски (иногда используемые в качестве крышек) с моно- или бихромными метопами на наружной стороне, трех- или четырехлепестковым орнаментом на внутренней стороне (рис. 3: 1—12). Аналогии в выхвятинских памятниках находят амфоры с двумя или четырьмя ручками (рис. 3: 13, 14, 17, 18), сосуды с шаровидным туловом без ручек (рис. 3: 15, 16, 19, 20), орнаментированные «совиными ликами», сосуды с высокой усеченно-конической горловиной (рис. 3: 21—23). Более поздний (младший) этап определяется наличием как выхвятинской, так и гординештской посуды, в основном, при сохранении тех же форм, что на раннем этапе (Петренко 1989: 112—113; 1991: 74—75). С гординештским локальным вариантом связаны миски и сосуды с определенными типами орнамента (геометрического облика), причем сходные элементы встречаются и на расписной посуде, и в шнуровой орнаментации (рис. 4: 5, 8).

Выхвятинская и гординештская керамика (или отдельные их элементы) не только указывают на генетический субстрат усатовской культуры, но и маркируют длительные культурные контакты усатовского населения с представителями различных локально-хронологических групп Триполья С II. Расписные сосуды составляют незначительную часть керамического комплекса усатовской культуры на «поселениях» — около 8% в Усатово-Большом Куяльнике, несколько меньше — в Маяках. Иная картина наблюдается при рассмотрении курганов Поднепровья и курганных могильников в Усатово и Маяках, где во многих погребениях находят расписные сосуды, иногда в нескольких экземплярах (Петренко 1989: 110; Яровой 1990: 215). Такое соотношение расписной керамики в разных категориях памятников позволяет предположить ее импортный характер, отражающий обменные связи усатовского населения с локально-хронологическими группами Триполья С II (и, вероятно, С I). Включение этой расписной посуды в погребальный инвентарь неординарных захоронений указывает на ее высокий семиотический статус и возможную связь с определенной категорией населения, обладавшей особой социальной позицией.

Среди керамического комплекса усатовской культуры выделяются материалы, которые могут быть интерпретированы как импорты или подражания посуде балкано-дунайских культур. Некоторые формы имеют

Рис. 3. Импортная керамика и стилистические заимствования в усатовской культуре (выхватинские традиции). 1 — Усатово, курган 1—6; 2 — Усатово, курган 1—4, п. 2; 3 — Усатово, курган 1—12, п. 1; 4 — Усатово, курган 1—1, п. 1; 5, 6 — Терновка 2, из разрушенных погребений; 7 — Маяки, курган 8, п. 8; 8 — Маяки, курган 1 п. 4; 9 — Выхватинцы 1, п. 10; 10 — Выхватинцы 1, п. 13; 11 — Выхватинцы 1, п. 10; 12 — Выхватинцы 1 п. 12; 13 — Усатово, курган 1—7, п. 4; 14 — Усатово, курган 1—7, п. 1; 15 — Усатово, курган 1—1, п. 3; 16 — Усатово, курган 1—7, п. 3; 17 — Выхватинцы 1, п. 23; 18 — Выхватинцы 1, п. 18; 19 — Выхватинцы 1, п. 18; 20 — Выхватинцы 1, п. 33; 21 — Усатово 1—11, п. 2; 22 — Выхватинцы 1, п. 12; 23 — Выхватинцы 1, п. 30. (1—4, 13—16, 21 — по Патокова, 1979; 5—6, 9—12, 17—20, 22—23 — по Дергачев, Манзура 1991; 7—8 — по Петренко 1989).

Рис. 4. Импортная керамика и стилистические заимствования в усатовской культуре (гординештские традиции).

1 — Маяки, курган 5 п. 2; 2 — Кубей; 3 — Маяки, курган 7, п. 2; 4 — Маяки, комплекс III, п. 14; 5 — Маяки, ров; 6 — Гординешты; 7 — Городск; 8 — Маяки, ров; 9 — Тараклия II, курган 10, п. 17; 10 — Гординешты. (1—4 — по Петренко 1989; 5,8 — по Збенович 1974; 6, 9, 10 — по Дергачев, Манзура 1991; 7 — по Мовша, 1985).

надкультурный характер: так, двуручные амфоры являются общими для всего балканского культурного ареала, как в энеолите (например, Чернавода I, Хотница), так и в бронзовом веке (Манзура 2001—2002). Зафиксированы они и в усатовской культуре (Патокова 1979; Петренко 1989). Для раннеусатовских памятников отмечены связи с культурой Чернавода I, носящие, по-видимому, генетический характер, эти связи проявились в морфологии, орнаментации и обработке поверхности (лощение) столовой керамики (Петренко 1989; Манзура 2001—2002). Вероятно, именно с культурой Чернавода I (а в дальнейшем —

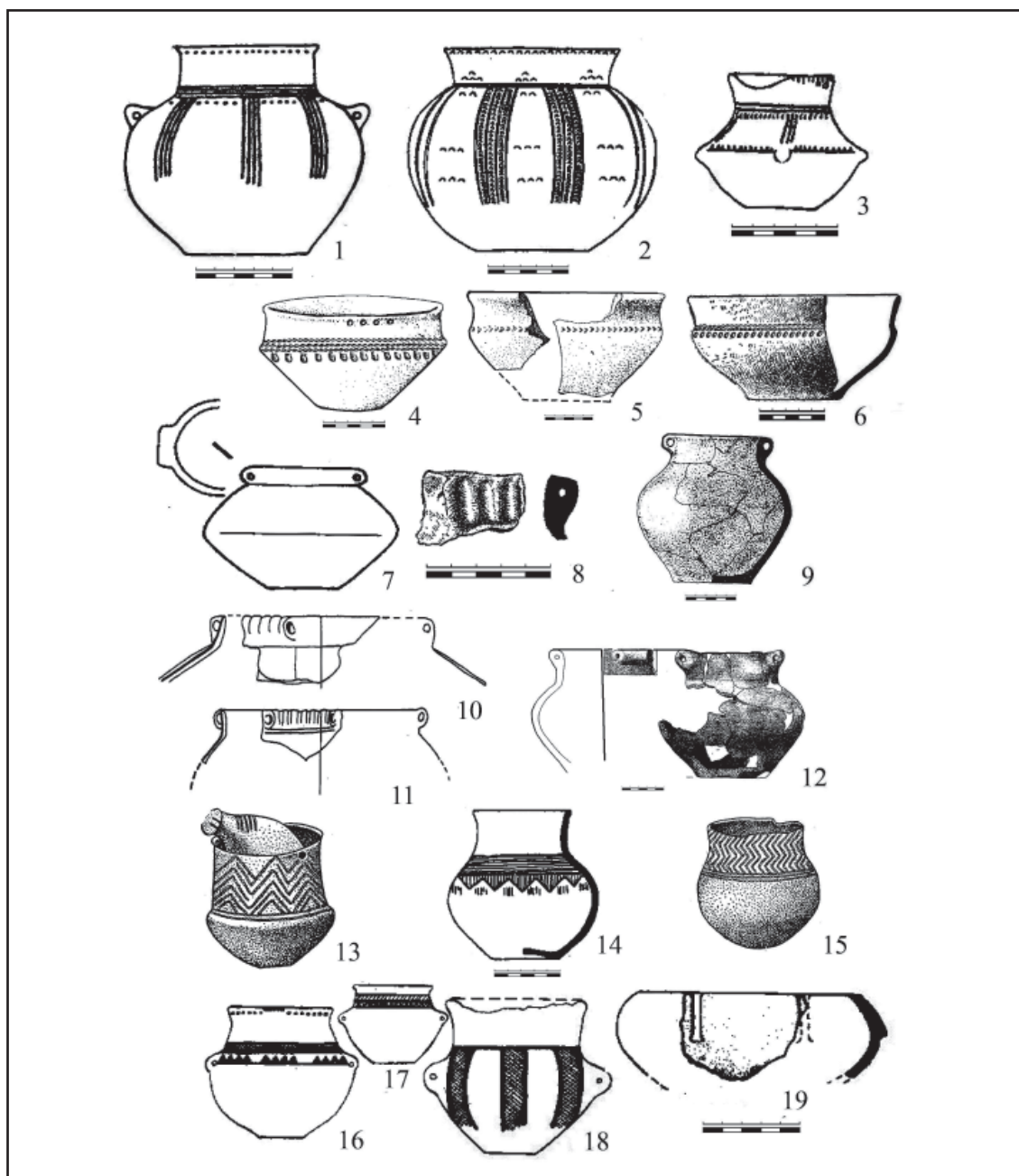
с Чернаводой III-Болераз) можно связать лощеную керамику со шнуровым орнаментом, инкрустированной пастой, вертикальное расположение орнаментальных схем на сосудах (рис. 5: 1—3). Шнуровая орнаментация составляет более 60% всех стилистических типов Чернавода I (Манзура 2001—2002: 474) и, видимо, с этой культурой (а не более поздним блоком культур шнуровой керамики) следует связывать распространение этого орнамента в усатовском керамическом комплексе.

Для позднеусатовской ступени характерны орнаментация шнуром или штампами: пояс и опущенные вниз пучки шнуровых линий

№2. 2010

в сочетании с отпечатками полой трубочки или округлого штампа, опоясывающие отпечатки шнура под венчиком или на плечиках, треугольники, выполненные шнуром или прочерченные и пр. (рис. 5: 14). Встречаются сосуды со шнуровым, со штампованным орнаментом, или с их сочетанием. Орнаментальные композиции могут быть инкрустированы белой и красной пастой. В целом, орнаменталь-

ные схемы усатовской керамики (Петренко 1989: 107, рис. 37) находят аналогии в композициях на сосудах Чернавода III (Манзура 2001—2002: 480, рис. 11), хотя в усатовском комплексе преобладает шнуровая орнаментация, а в Чернавода III — штампованный и резной узоры, валики, шишечки (Манзура 2001—2002: 479). На позднем этапе в усатовских памятниках исчезают амфоры с че-

Рис. 5. Импортная керамика и стилистические заимствования в усатовской культуре (традиции Чернавода I и III, Езеро, КВК). 1 — Маяки, курган 3, п. 12; 2 — Маяки, комплекс IV, п. 13; 3 — Маяки, курган 8, п. 2; 4 — Усатово, курган II — 3; 5 — Маяки, ров; 6 — Усатово-Большой Куяльник; 7 — Маяки, курган 8, п. 5; 8 — Маяки, ров; 9 — Пуркары, курган 5, п. 9; 10, 11 — Чернавода; 12 — Драма; 13 — Гура-Быкулуй курган 8, п. 16 — Желтый Яр; 17 — Кислица; 18 — Суворово; 19 — Усатово-Большой Куяльник. (1—3, 7, 16—19 — по Петренко 1989; 4—6, 8 — по Збеневич 1974; 9 — по Яровой, 1990; 11 — по Roman, 2001; 12 — по Lichardus, Krastev, 2001; 13, 15 — по Патокова 1979).

тырьмя ручками, появляются миски и сосуды с резким перегибом тулова (рис. 5: 4—6), сосуды с круглыми и туннельными ручками под венчиком (рис. 5: 7—9), которые известны в памятниках культуры Чернавода III (рис. 5: 10—12). Некоторые сосуды могут рассматриваться как подражание керамике культур Чернавода III и Езеро, например, происходящий из Усатово-Большого Куяльника фрагмент чаши с вертикальными валиками (рис. 5: 19). С Езеро сопоставляется и орнаментация, часто встречаемая на сосудах из курганов Буджака (Петренко 1989: 115). Она представляет собой инкрустированную пастой шнуровую ленту с косой штриховкой (рис. 5: 16—19).

На позднем этапе усатовской культуры появляются цилиндрические и усеченно-конические кубки (рис. 5: 13, 15). Исследователями отмечается взаимный импорт трипольских культурных групп и культуры воронковидных кубков в конце этапа С I — начале этапа С II (в середине IV тыс. до н. э.), что фиксируется на памятниках Вольни и Поднестровья. Импорт из ареала КВК в позднетрипольской среде известен и в более позднее время, на рубеже IV и III тыс. до н. э. (Мовша 1985; Відейко 2004). Но кубки на трипольских памятниках неизвестны; они получают распространение в ареале усатовской культуры и в других культурах и культурных группах финала энеолита и начала бронзового века (животиловский тип, ямная культура Северо-Западного Причерноморья), возможно, отражая не только связи населения, но и определенную моду. Отдельные элементы декора (ручки) могут быть объяснены влиянием КВК, но не прямым, а опосредованным, через трипольское население лесостепи (Петренко 1989: 111).

В целом, анализ керамического материала позволяет выделить внутри усатовского ареала два региона с различными культурными традициями (Петренко 1987; Дергачев, Манзура 1991: 11). Так, в Поднестровье преобладает керамика выхватинского облика, а в степном междуречье Днестра, Прута и Дуная доминируют гордишештские традиции. Наряду с этим необходимо отметить и влияние культуры Чернавода III, сильнее проявляющееся в Попрутье.

Украшения. Предполагается, что найденные в захоронениях бусы из лигнита и гагата, имеют, возможно, кавказское происхождение (Петренко 1989: 101). Следует все же учитывать, что залежи гагата в настоящее время известны и в других регионах: в Закарпатье, Крыму, Передней Азии. Отметим, что в палеолите Северо-Западного Причерноморья

известен обломок гагата, имеющий не кавказское или крымское, что подчеркивается особо, а западное происхождение (Петрунь 2000: 179). Поэтому для более точного определения источника поступления необходимы дополнительные исследования. Лигнит в Европе и других регионах, в том числе на Украине, распространен еще шире, чем гагат. Ряд артефактов происходит из довольно отдаленных территорий, свидетельствуя, скорее всего, в пользу многоступенчатого обмена. В кургане у с. Садовое, на западном берегу Днестровского лимана, определены бусы из белого фаянса, гагата, средиземноморских роговых кораллов (горгонарий) и подвеска-амулет из типично египетского «алебастра» (Петрунь 2000: 180). Костяные лабрисовидные пронизи из этого же кургана происходят из ареала постмариупольской культуры (Малюкевич, Петренко 1993). Сложно судить, откуда попала в регион бусина из красного янтаря, известная в Усатово (Петренко 1989: 102). Стекланные бусы, найденные во втором курганном могильнике археологического комплекса Усатово-Большой Куяльник (наряду с находками в Софиевском могильнике близ Киева и бусами из клада у с. Кетрошика в Молдове, в Среднем Поднестровье) являются древнейшим стеклом, известным в Старом Свете. Изготовлены они в ареале циркумпонтийской зоны (на это указывает присутствие в составе стекол мышьяка). Предполагают их местное происхождение — как продукции, сопутствующей металлургии бронзы (Klochko, Stolpiak 1995: 243—246), и импортное — из Анатолии или Южного Закавказья (Островерхов 2001—2002: 401). Украшения, изготовленные из кости (бусы), подвески из зубов животных и раковин, застежки-пуговицы имеют, по-видимому, местное происхождение.

Сырьем для производства кремневых артефактов служила как местная днестровская галька, так и высококачественный днестровский и вольнский кремень, поступавший, видимо, наряду с готовыми изделиями, из ареала трипольского населения Среднего или Верхнего Поднестровья (Патокова 1979: 20; Петренко 1989: 98). Ассортимент кремневых изделий довольно значителен, но включает в себя, в основном, орудия труда; предметы вооружения единичны. Фрагменты некоторых каменных усатовских топоров изготовлены из аргиллитоподобных пород и порфириовидного микродиорита, месторождения которого имеются за Дунаем (Петренко 1989: 98). Аргиллит, из которого изготовлены плоские реутилизированные топоры-тесла из упоми-

Рис. 6. Расположение меднорудных районов (по Черных 1976) и серебряных рудников различных эпох в Юго-Восточной Европе. Меднорудные районы: I — северная часть Восточных Карпат (районы Бая-Маре, Родна, Бая-Борша, Южная Буковина); II — Западные Румынские горы (Апусени), рудные районы Металич и Бихор; III — группа месторождений Банат, Бор, Видин; IV — врачанская группа; V — верхнефракийская группа; VI — Странджа. Серебряные рудники. 1 — Байя-Сприе, Кавник; 2 — горы Апусени, Вереспаток (Абруд); 3 — группа месторождений Бор, Рудна Глава, Майданпек; 4 — Рудник; 5 — Ново-Брдо; 6 — Сребреница; 7 — группа месторождений Шемниц, Пуканек, Нова Баня; 8 — Кремница; 9 — Олькуш; 10 — Нутна гора; 11 — Пшибрам; 12 — Яхимов; 13 — Мейсен; 14 — Рудные горы (Фрайберг, Хемниц); 15 — Раммельсберг (Гослар); 16 — рудный район Гарц (Андреасберг); 17 — Гессен; 18 — Виттихен (Шварцвальд); 19 — рудный район Тироль (Швац); 20 — рудный район Каринтия; 21 — Боттина (Лукна).

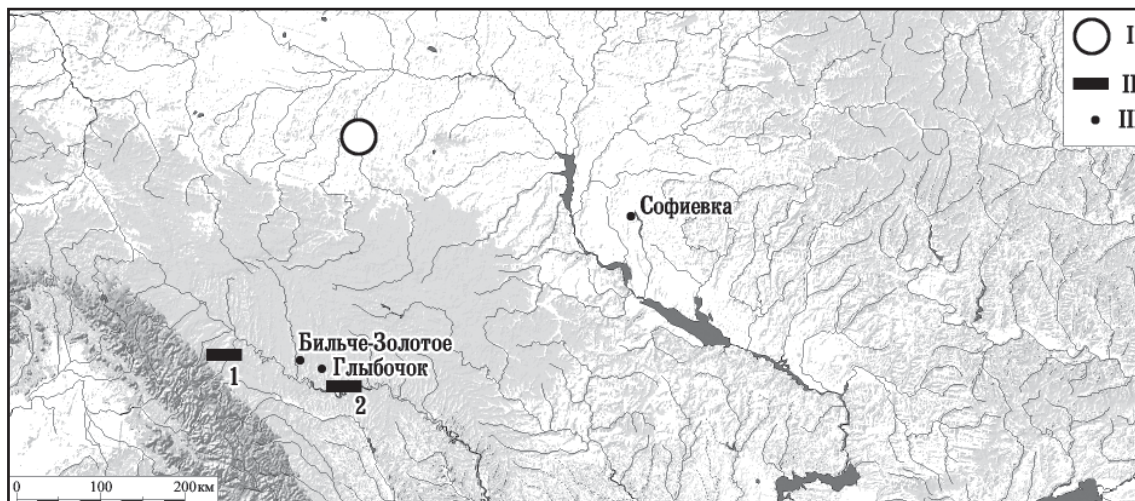
нашего кургана у с. Садовое, происходит с верховий Днестра, где в устье его левого притока Дерло имеются выходы этих пород, известные еще в Триполье В I-II (Петрунь 2000: 180).

Металлы. Медь и бронза. Считается, что распространение влияний различных металлургических очагов и горно-металлургических областей наиболее четко прослеживается по путям движения металла и отчасти готовых изделий. В системе Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) наблюдалось разное по силе воздействие трех горно-металлургических областей: Кавказа, Балкано-Карпатя и Урала. Под воздействием Балкано-Карпатского региона находилось Северо-Западное Причерноморье, где выделяется усатовский очаг металлообработки. Несмотря на имеющиеся особенности, он характеризуется преемственностью традиций обработки металла, которые сложились ранее,

в среднетрипольском очаге (Рындина 1993; Рындина, Дегтярева 2002). Вероятно, навыки и технологические приемы можно было получить при непосредственных контактах, которые и документируются импортной трипольской керамикой.

Изучение рудников и рудопроявлений Балкано-Карпатского ареала позволило исследователям выделить определенные медно-рудные районы (рис. 6), металл которых использовался или мог использоваться в древности в рамках ЦМП (Черных 1978: 16—23). Эти данные помогают определить характер и направление торговых связей различных групп населения эпохи палеометалла.

1. Донецкие медные песчаники. В настоящее время допускается возможность использования в степном ареале не только балкано-карпатского металла, но и днестровского, донецкого и из других рудопроявлений Украины (Черных 2002).

Рис. 7. Карта месторождений меди на территории распространения трипольской культуры (по Ключко 2004). I — самородная медь Воляни; II — медные песчаники: 1 — приднестровские; 2 — прикарпатские; III — геохимическое исследование металлических артефактов на памятниках трипольской культуры.

2. Северная часть Восточных Карпат (районы Бая-Маре, Родна, Бая-Борша, Южная Буковина).

3. Западные Румынские горы, рудные районы Металич и Бихор с медными и полиметаллическими месторождениями. Для этого района характерно богатство руд с выходами на поверхность участков оруденения.

4. Группа месторождений Банат, Бор, Видин. С юга, в Задунавье, непосредственно к сербской территории Баната к нему примыкает огромный меднорудный район Бор-Майданпек (куда входит знаменитый рудник культуры Винча — Рудна Глава).

5. Врачанская группа локализуется в пределах горных цепей Балкан, к юго-востоку и северо-западу от среднего течения р. Искыр; рудники этой группы являлись заметной базой горного дела и металлургии в средние века.

6. Верхнефракийская группа включает в себя месторождения и рудопоявления, приуроченные к выходам коренных пород на Фракийской низменности и южных склонах хребта Средна Гора. В эту группу входит и древнейший в мире рудник Ай-Бунар у болгарского города Стара Загора (V тыс. до н. э.).

7. Странджанский горно-металлургический район (на юго-востоке Болгарии и северо-западе европейской части Турции) выделяется тем, что наряду с колоссальными горными работами здесь имела место плавка меди. Основные разработки датируются античным и византийским периодами, но считается, что рудники могли эксплуатироваться и в энеолите.

Наиболее значительными и мощными месторождениями являются район Баната, горы Металич, верхнефракийская и странджанская группы. Но человеческий потенциал древ-

них обществ был относительно невысок, к тому же, скорее всего, у людей отсутствовали знания о всех месторождениях, поэтому население вполне могло разрабатывать и малоперспективные с современной точки зрения залежи. Считается, что усатовские металлурги работали с привозным металлом, состав которого близок продукции металлургического очага типа Езеро в Южной Болгарии (Черных 1978: 170; Конькова 1979: 175).

В этом контексте имеют значение источники металлических руд, которыми пользовались трипольские племена: усатовское население, скорее всего, получало от трипольцев не только технологические приемы металлообработки, но и часть металла. Определено, что металл по набору микропримесей сходен с седьмой и восьмой группами болгарского металла по Е. Н. Черных, но и имеет некоторые отличия (Каменский 1990: 248).

Существует точка зрения, что и усатовское, и трипольское население не знало металлургии как таковой и использовало привозной металл, занимаясь лишь металлообработкой. Медь поступала к трипольцам в слитках от южных соседей; изделия изготавливались по заимствованным образцам, из импортного сырья (Черных 1978; Рындина 1993). В то же время, исследования последних лет позволяют говорить о возможности использования трипольским населением местных, а не только карпато-балканских источников. Опираясь на геолого-геохимическое исследование артефактов и меднорудных проявлений, исследователи выделяют потенциальные источники сырья, которое могло использоваться трипольскими мастерами. Среди них — месторождения меди Прикарпатья

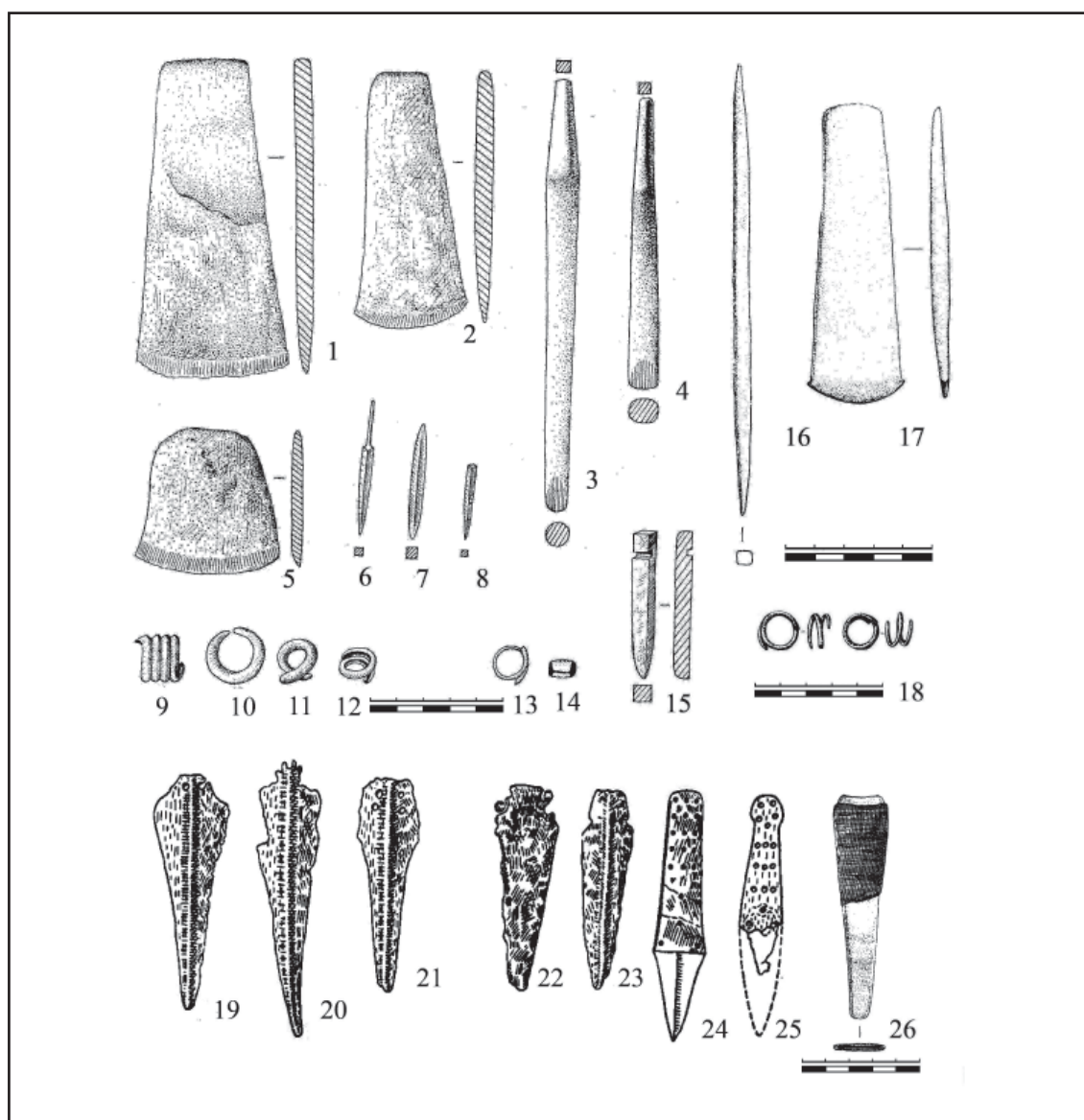
№2. 2010

и Приднестровья, а также самородная медь и медистые песчаники Волыни (рис. 7). При этом морфология изделий указывает на имевшиеся связи с балканским и южнокарпатским культурными центрами (Клочко, Манічев 2002; Клочко 2004: 221—222).

Усатовские изделия из металла типологически довольно разнообразны, что может свидетельствовать о мелкосерийности либо индивидуальном производстве вещей (Петренко 1989: 101). Это еще раз подтверждает наличие местной металлургии, хотя известны факты поступления готовых изделий, что документируется знаменитыми кинжалами анатолийского типа.

Имеются изделия из чистой меди и мышьяковой бронзы при преобладании последних. Украшения из меди немногочисленны — это несколько пронизок, изготовленных из металлических листочков. Основной ассортимент изделий включает в себя орудия труда и оружие: шилья, долота, плоские топоры-тесла, проушной топор и кинжалы двух видов: небольшие медные и крупных размеров с мышьяковым покрытием, создающим эффект серебра (рис. 8).

Происхождение больших кинжалов, характерной особенностью которых является наличие мышьякового покрытия, придающее изделию серебристый блеск (т. н.

Рис. 8. Изделия из металла в усатовской культуре. 1, 3, 9—11 — Усатово, курган I-13; 2, 4, 7, 13 — Усатово, курган I-12; 5 — Усатово, курган II-3; 6 — Усатово, курган I-3; 8 — Усатово, курган I-7; 12 — Сукляя, курган 3; 14 — Усатово, курган I-15; 15 — Тудорово, курган 1, п. 1; 16—18 — Пуркары, курган 1, п. 21; 19 — Усатово, курган I-3; 20 — Усатово, курган I-1; 21 — Сукляя, курган 3; 22 — Усатово, курган I-4; 23 — Усатово, курган I-9; 24 — Огородное, курган 1, п. 16; 25 — Нерушай, курган 9, п. 82; 26 — Пуркары, курган 1, п. 21.

кинжалы анатолийского типа), чаще всего связывали с Западной Анатолией (Конькова 1979: 175—176; Петренко 1989: 100). Но Д. Энтони считает, что в Анатолии такой тип кинжалов появился в результате заимствования из Европы, происхождение его автор связывает с культурой Бодрогерестур и датирует серединой IV тыс. до н. э. Затем, по его мнению, кинжалы такого типа получили распространение в Европе и на Балканах (Anthony 1996). На некоторых экземплярах кинжалов местного производства (из Усатово, из погребения у с. Утконосовка в Нижнем Подунавье) также были выявлены следы «серебристого» мышьякового покрытия (Петренко 1989: 101). Дальнейшими специализированными исследованиями было установлено, что существует три разновидности «серебристого» покрытия, одно из которых связано с процессами коррозии сплава, т. е. естественного происхождения, два являются искусственными. Изделия, связанные с «коррозийным» покрытием, наиболее многочисленны; к ним относятся,

к примеру, некоторые кинжалы майкопско-новосвободненской области, кинжалы и отдельные артефакты из Центральной Европы, Анатолии, Палестины и пр. (Рындина 2002: 93). Не исключается, что естественный процесс в дальнейшем мог быть искусственно повторен древними мастерами: изделия из бронзы с искусственным «серебром» тускнели не так быстро, как натуральные; к тому же медная руда более доступна, чем серебряная.

Большие «анатолийские» кинжалы из комплекса Усатово-Большой Куяльник имели другую, действительно искусственную, разновидность покрытия — т. н. ликвиационное покрытие (в этом случае необходимо покрытие матрицы литейной формы углеродом). Этой технологией владели и майкопские мастера, она зафиксирована на некоторых из имеющихся кинжалов. Еще одна разновидность покрытия (диффузионная) получается при натирании готового изделия пастой из смеси окислов мышьяка, растительной золы и древесного угля и последующем нагрева-

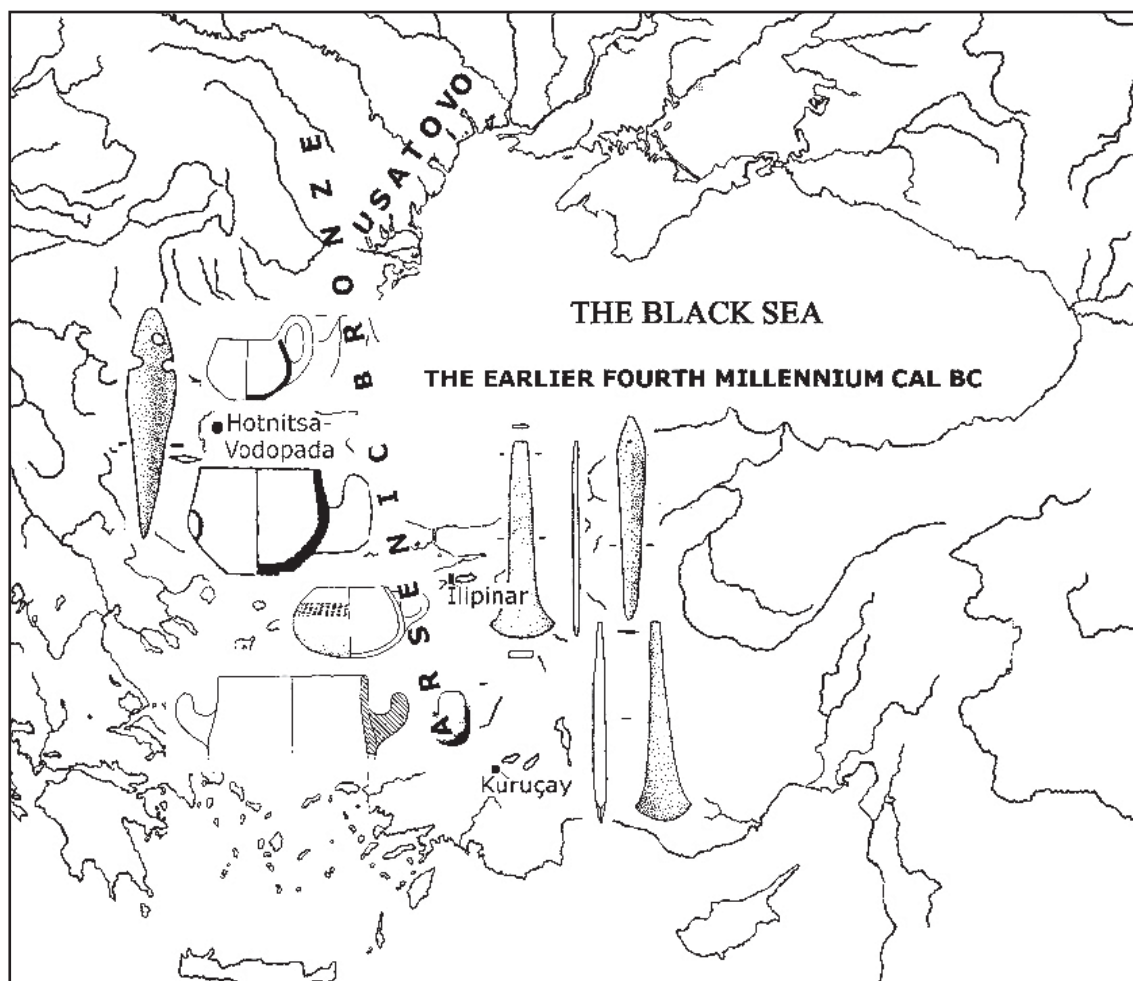

Рис. 9. Горизонт раннего бронзового века Западного Причерноморья (по Nikolova 2005).

нии изделия. Такое покрытие зафиксировано на кинжале усатовской культуры, найденном в кургане 5 у с. Утконовка, на некоторых майкопских кинжалах, на ритуальных фигурках бронзовых бычков из Хорозтепе в Анатолии (Рындина 2002: 93). Из-за недостатка аналитических данных сейчас трудно восстановить центры металлопроизводства, из которых распространились названные технологии. Некоторые исследователи не исключают того, что их открытие может быть приурочено к Северному Кавказу: изделия майкопско-новосвободненской общности являются более ранними, чем анатолийские. В таком случае в усатовских кинжалах можно предположить проявление центральноевропейских и кавказских (а не анатолийских) традиций.

Следует отметить тот факт, что серебряные поверхности прослежены также при микроструктурном анализе топоров и кинжалов из памятников культуры Мондзее (Мондзее-Вучедол) в Австрии (Рындина 2002: 95). Культура Вучедол синхронизируется с культурой Коцфени и поздним этапом культуры Фолтешть (Ciugudean 1996: 292) и, следовательно, отчасти синхронна усатовской культуре. Но с каким вариантом мышьякового покрытия сопоставляются эти изделия, не указывается.

В целом, медные ножи/кинжалы и золота из усатовских погребений принято относить к местной продукции (Клочко 2006: 35—37), но по морфологическим свойствам они имеют параллели среди изделий Балкано-Карпатского ареала и Малой Азии (Орловская 1990: 242). находка проушного топора в Александровском кургане, близ Сухого лимана под Одессой (Petrenko, Veilekchi 2000), позволила снять тезис об особенностях усатовского металлургического центра, которые выражались в отсутствии этого вида металлических артефактов.

Как уже отмечалось, ассортимент бронзовых изделий позволил Л. Николовой включить усатовскую культуру в наиболее ранний бронзовый горизонт западнопричерноморского ареала (рис. 9), наряду с культурой Хотница-Водопада (Балканы) и памятниками Şirinar IV и Kırısca 6A-6 в Северо-Западной Анатолии (Nikolova 2005: 92). Возможно, исследование усатовского металла на новом уровне позволило бы выявить взаимосвязи разных групп населения («прутского» и «днестровского») с разными меднорудными проявлениями.

Серебро. Наиболее ранние изделия из серебра, изготовленные человеком, датируются IV тыс. до н. э.: в Западной Анатолии,

на поселении Бейджи-Султан (XXIV слой), найдено серебряное кольцо, датируемое 3942—3650 BC (Primas 1995: 78). Долгое время предполагалась маргинальная роль европейских источников серебра при центральной позиции Малой Азии. Но оказалось, что в Европе серебро появилось одновременно с Ближним Востоком, в первой половине IV тыс. до н. э. (рис. 10). М. Примас выделяет два этапа распространения золотых и серебряных изделий в Европе и на Ближнем Востоке, первый из них датируется в диапазоне 3300—2600 BC. В это время артефакты из благородных металлов известны в Леванте, на Северном Кавказе, в Юго-Восточной Европе (курганная культура), Эгеиде, в Центральной и Западной Европе (начальный этап культуры колоколовидных кубков) (Primas 1995: 81—88).

Считается, что металлургия серебра возникла в прямой связи с добычей свинца из соединений, где свинец и серебро встречались вместе; археологические находки двух этих металлов синхронны. Впрочем, есть мнение, что впервые серебро попало в руки человека в виде самородных золото-серебряных сплавов с содержанием золота менее 50%; это подтверждается анализами древнеегипетских серебряных изделий, которые все содержат золото, иногда до 38%. (Лукас 1958: 381—382). В отличие от меди и золота, самородки серебра находятся в жиле, а не на поверхности, и их извлечение требует определенных навыков и усилий. К тому же чисто серебряных месторождений в мире мало; даже сейчас около 70—75% серебра извлекают попутно из цветных металлов. Эти технические сложности, а также менее заметный цвет (самородки серебра обычно покрыты черным налетом сульфида) обусловили более позднее открытие его человеком, а отсюда поначалу большую редкость и большую ценность серебра. Количество серебряных изделий в древности намного уступает золотым и медным. Можно предположить, что в энеолите и бронзовом веке именно серебро занимало приоритетную позицию среди драгоценных металлов, учитывая сложность его добычи и неординарный характер погребений, содержащих серебряные артефакты (Петренко 1997; Иванова 2001).

В период ранней бронзы (1-й этап по М. Примасу) в ареале Юго-Восточной Европы Северо-Западное Причерноморье привлекает внимание количеством украшений из серебра, найденных в подкурганых захоронениях усатовской и ямной культур. И если кавказские и донбасские (Нагольный кряж) источники серебра для культур восточного

Рис. 10. Находки серебряных изделий в Европе и Передней Азии в IV тысячелетии BC (по: Primas, 1995). 1 — Сардиния (Италия); 2 — Страмберк (Моравия); 3 — Бейисултан (Турция); 4 — Корукутене (Турция); 5 — Библос (Ливан); 6 — Урук/Варка (Ирак); 7 — Нагада (Египет).

ареала Причерноморья сомнений у исследователей как будто не вызывают, то происхождение этого металла на западе степной зоны довольно неопределенно. Можно констатировать, что в усатовской культуре зафиксированы древнейшие украшения из серебра на Украине и одни из древнейших в Европе; в основном это спиральные височные подвески, наконечник спиральной формы, перстень. Значительная часть серебряных изделий соотносится с ранней ступенью Усатова (Петренко 1997). Концентрируется большинство находок практически в двух центрах — в Усатовском курганном могильнике и Александровском кургане на побережье Сухого лимана. Всего в захоронениях усатовской культуры было найдено около 30 изделий из серебра; заметим, что в Триполье и степном энеолите подобного рода находки единичны. Вероятно, независимо от Усатова, серебряные украшения попадали в энеолитическую среду Северо-Западного Причерноморья, т. к. найденная на берегу озера Сасык (Траповка 10/14) подвеска в форме лунницы отлична по виду и от усатовских, и от ямных находок. Но этот тип подвесок известен в исполнении из золота (Саратены 1/7, Республика Молдова), для него имеется дата 5140±40 BP, или 3990—3810 BC (ЛУ-2454)

(Яровой 2000: 17). Датировка серебряного изделия отсутствует.

Б. Йованович предполагает для позднеэнеолитских могильников северо-понтийского побережья, Южной Украины и Молдовы местное производство серебряных височных колец, хотя серебро было импортировано, возможно, из Восточного Средиземноморья (Jovanović 1993; Йованович 1994). Серебряные и свинцовые серебросодержащие рудники раннего бронзового века есть на юге материковой Греции и в Эгеиде (Лаврион и Сифнос) (Gale, Stos-Gale 1982), однако в раннем бронзовом веке изделия из серебра на Балканах, достоверно связанные с этими рудниками, не зафиксированы. Напротив, высказывается предположение о появлении серебра на Балканах лишь с приходом сюда племен ямной культуры. Отмечается, что с исчезновением ямных памятников исчезает и серебро (Йованович 1994). Исследователь придерживается точки зрения, что самые ранние балканские рудники, расположенные в центральной и западной части Балкан, датируются позднебронзовым веком. Этот факт как будто противоречит возможности их использования в раннем бронзовом веке. На самом деле отсутствие открытых древних шахт не столь важно, многие из них

№2. 2010

могли быть разрушены более поздними и более мощными разработками. К примеру, в горах Троодос на Кипре в начале XX века остатки древних рудников использовались для целевых изысканий потенциальных рудных местонахождений и были уничтожены (Кнарр 2000: 12).

В Европе и Передней Азии известны месторождения и рудники с серебряными или серебряносодержащими рудами (рис. 9). Некоторые из них использовались уже в античности (упоминавшиеся Лаврион и Сифнос и пр.) и средневековье. Так, многочисленные рудники Анатолии и Румелии упоминает Эвлия Челеби. В средние века разрабатывалось рудное поле Пршибрам и рудник Яхимов в западной Чехии, Штемниц и Кремница в Татрах (последний к настоящему времени полностью выработан). Месторождения серебра и серебряносодержащих руд известны в Трансильвании (регион Бая-Маре), в районе Баната. Отметим ныне действующие рудники Алшар в Македонии, Горня Третча и Ново Брдо в центральной части Сербии; а серебряные рудники Боснии и Герцоговины (Сребреница) на сегодняшний день одни из самых больших и богатых в Европе (Евсеев 2000). На Балканах находится и Родопская рудная зона, охватывающая Рила-Родопский массив, которая характеризуется, прежде всего, наличием месторождений свинцово-цинковых руд, как известно, связанных с серебром (Черных 1978: 54). Во Врачанских горах, известных медным колчеданом, в руде преобладают серебряносодержащие галенит и сфалерит (Рудные полезные ископаемые 2009) (рис. 6). В принципе, любые из известных ныне месторождений могли начать разрабатываться в раннем бронзовом веке и служить источниками серебра для европейского населения, в том числе — для племен усатовской культуры.

Имеется и «восточный вариант» происхождения серебра, т. е. поставки его в усатовское время из майкопско-новосвободненской общности, а в ямное — из среды новотиторской культуры (Петренко 1997). Действительно, А. Н. Гей отмечает близость височных колец усатовской и новосвободненской культур (Гей 2000: 161). Но изделия таких же форм распространены очень широко — в Европе и Передней Азии, являясь универсальными в контексте украшений этой категории (Primas 1995).

Предположение о связях Северо-Западного Причерноморья с южными районами — Анатолией и Эгейдой — имеет давнюю историю (Болтенко 1925). Предпочтение отдавалось морскому торговому пути

(Болтенко 1925; Иессен 1947; Патокова 1979; Островерхов 1985; 2001—2002). С одной стороны, отрицать такую возможность нельзя. Считается, что морские связи Анатолии и Балкан были установлены в неолите, и именно морские пути сыграли решающую роль в неолитизации Европы (Budja 2001); в III тыс. до н. э. морские связи островов Средиземноморья с Анатолией были уже традиционны (Maran 2007). Другая гипотеза предполагает сухопутный торговый путь, связанный с многоступенчатым обменом. Предположение о получении усатовским населением серебряных изделий из Эгейды или Анатолии кажется вполне правдоподобным. Такая версия косвенно подтверждается наличием месторождений не только в материковой и островной Греции, но и в горах Тавра в Передней Азии (Yener et al. 1991; Sayre et al. 1992). На такое направление связей указывают и эгейские импорты в усатовских захоронениях, причем, что примечательно — в одних комплексах с серебряными украшениями (Петренко 1997: 32). Под сомнение связи с анатолийскими источниками серебра ставит отсутствие памятников, «связующих» два отдаленных региона. Но усатовское население, вероятно, производило обмен на месте, поэтому искать следы продвижения его к источникам серебра было бы нелогично. А пришлое население, осуществив обменные операции, стремилось вернуться домой и покидало чужие территории, не оставив следов пребывания. К тому же из данных этнографии известно, что дальние торговые экспедиции продвигались на расстояния не более 300—400 км; формировались торговые пути с определенными пунктами в узловых точках, что способствовало многоступенчатому обмену (Шнирельман 1988).

В то же время, из Восточного Причерноморья или Центральной Европы ювелирные изделия могли попасть к усатовским племенам и опосредованно, к примеру, сначала — в среде культурного блока Болераз-Чернавода III-Баден, а затем — непосредственно к носителям усатовской культуры. Связям этого блока с Анатолией уделяется достаточно много внимания в исследованиях последних лет. Вместе с тем, некоторые исследователи, отдавая приоритет Анатолии в освоении металлургии серебра, отмечают, что количество свидетельств о независимом происхождении ее на Балканах и в Иберии все увеличивается (Kassianidou, Кнарр 2004).

Подводя итоги, можно предположить поступление серебра (в виде изделий или слитков металла) и его имитаций (артефакты с сере-

брыстым мышьяковым покрытием) в усатовскую среду из Восточного Средиземноморья (Анатолия, Эгеида) и/или Центральной Европы. Медь и бронза, скорее всего, поступали не только из балкано-карпатских источников, но и из ареала носителей позднетрипольских традиций, которые освоили добычу меди на местах (Прикарпатье, Приднестровье, Вольнь). По крайней мере, металлические артефакты в ареале усатовской культуры тяготеют к Поднестровью (рис. 18).

Традиции погребального обряда. Тот факт, что основным генетическим компонентом в сложении усатовской культуры было не только (а может быть, и не столько) трипольское население, но и носители культуры Чернавода I, уже не вызывает сомнения у исследователей (Петренко 1989а; Манзура 2001—2002: 484—485). В этой культуре можно найти определенные параллели усатовскому погребальному ритуалу (использование грунтового и бескурганного обрядов захоронения, скорченное на боку положение умерших) и антропологическому (восточносредиземноморскому) типу населения (Verciu et al. 1973). Хотя следует отметить, что фиксируемые в усатовских некрополях средиземноморский и протоевропеоидный компоненты известны в то же время в энеолитических погребениях и степного ареала, и в энеолите Румынии, Болгарии, Греции (Потехина 1989: 128—130). С другой стороны, средиземноморский антропологический тип является характерной чертой культуры Триполье-Кукутень (Потехина 1994: 34). В позднетрипольском ареале (могильник Выхватинцы) также зафиксированы грунтовые захоронения со скорченными на боку погребенными. Но этот обряд в любом случае является инновацией: на раннем и среднем этапах трипольской культуры погребальные памятники отсутствуют.

Западным влиянием объясняют распространение в степной зоне курганной монументальной архитектуры (в том числе и в ареале усатовской культуры). Архитектура курганов характеризуется особой сложностью в Западно-Северо-Западном Причерноморье и упрощается по направлению к востоку. Считают, что мегалитическое строительство в значительной мере инициировано трипольским импульсом и началом продвижения трипольских коллективов в южном направлении, являясь своеобразным «идеологическим воздействием» (Манзура 2003—2004: 80—81). Однако собственно для трипольской культуры ни курганный обряд, ни сооружение каменных конструкций не характерны. Если в материальной культуре усатовских племен

контакты с ямным населением почти не прослеживаются, то, на наш взгляд, их можно найти в элементах погребальной обрядности: $16,3\% \pm 4,8\%$ умерших погребены скорчено на спине (Петренко 1989: 95—96). Эта поза традиционно соотносится с ямной культурой, хотя известна и в более ранних памятниках: тип Катаржино (или постстооговский), новоданиловская и суворовская группы памятников, захоронения энеолитической Днепро-Бугской группы. Но лишь в ямной культуре наблюдается такое же разнообразие в положении рук погребенного, как и в усатовской (Яровой 1985), к тому же ранние памятники ямной культуры частично синхронны позднему Усатово. Значительная часть погребений со скорченным на спине положением умершего можно связать именно с поздним этапом усатовской культуры (к примеру, часть захоронений могильника Усатово, могильник Маяки, с которыми связано большинство имеющихся радиоуглеродных дат усатовских комплексов). Большинство этих захоронений принадлежит женщинам (Петренко 1989: 73, рис. 29), что позволяет предположить контакты между носителями двух культур в социальной сфере (брачные отношения?).

С другой стороны, привлекают внимание традиции использования огня в погребальном обряде усатовской культуры. Это может быть, к примеру, кострище у кромлеха, окружавшего насыпь (Нерушай 9, п. 10), или на месте будущего погребения (Тараклия I, к. 1 п. 26), зольное пятно и культовая яма с золой и закопченными камнями под насыпью кургана (Тудорово I), зольные пятна на каменном закладе погребения (Усатово I-2), яма с угольками внутри погребальной камеры (Данку II, 1; Усатово I-12, п. 1), отдельные угольки или зола на дне погребальной камеры (Казаклия 3/18). В мощном кострище вокруг центрального погребения Усатово I-12 были найдены обожженные кости овцы (жертва или остатки жертвенной пищи?)

Особенно интересны частичные трупосожжения (частичный обжиг скелета), зафиксированные в могильниках Усатово, Данку, Желтый Яр. Кремации характерны для синхронного могильника Софиевка в Поднепровье. Но, возможно, в качестве источника обряда кремации (пусть и в «усеченном» его виде) следует обратить внимание на культуру Баден, широкое распространение которой по Европе отразилось не только в конкретных памятниках, но и в восприятии синхронными культурами отдельных ее черт (Horvath et al. 2008: 456). Считается, что некоторые компоненты культуры играли надрегиональную роль, другие проявлялись на определенных территори-

№2. 2010

ях; при этом определенные этапы Болераза и Бадена синхронны (Furholt 2008).

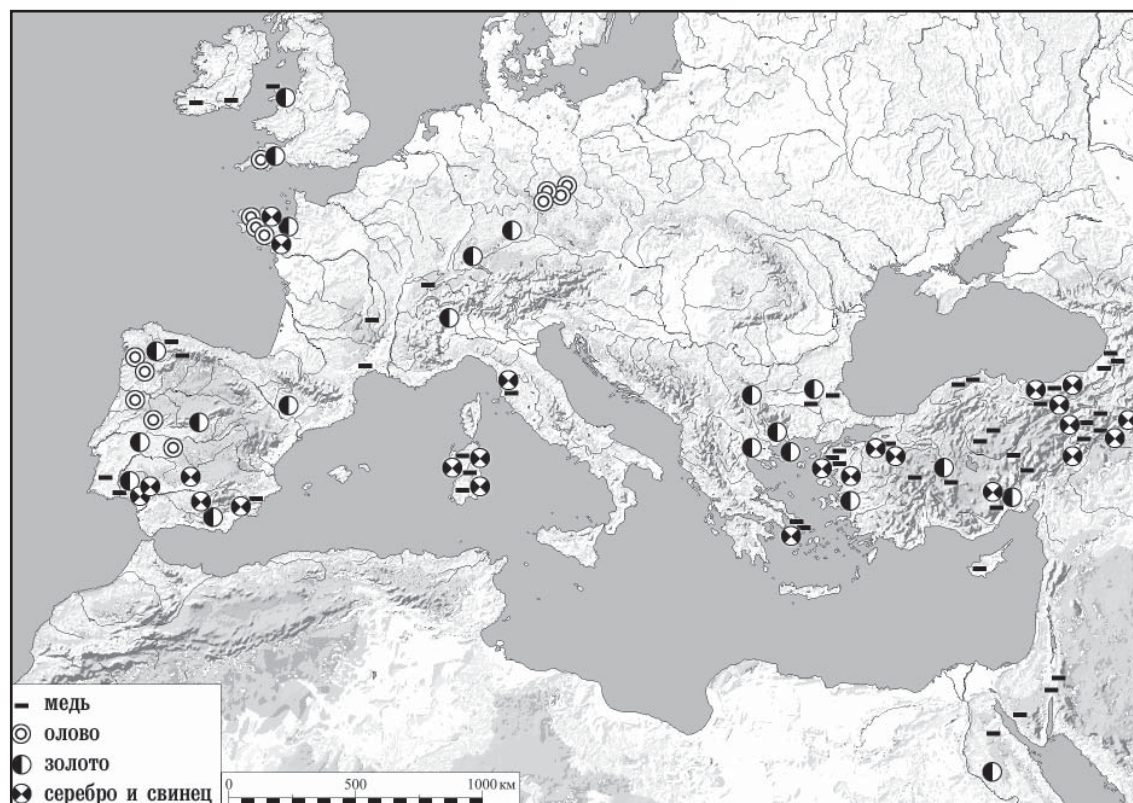
При изучении процессов обмена следует иметь в виду, что до нас доходят только те свидетельства, которые могут сохраняться. Обмен пищевыми продуктами или органическими материалами может быть реконструирован или воссоздан гипотетически, основываясь на косвенных данных. Вполне логично предположить импорт продуктов питания, причем не обязательно тех, которые усатовское население не имело возможности производить. Из данных этнографии известно, что в определенных регионах мира зачастую складывались парадоксальные ситуации, когда выменивались вещи, которые могли быть произведены самостоятельно (некоторые продукты питания, керамика). При прекращении обменных связей они начинали выращиваться и изготавливаться, при восстановлении — хозяйственные и производственные процессы вновь прекращались (Шнирельман 1988: 341—344). Отпечатки зерен культурных злаков на усатовских сосудах (Кузьминова, Петренко 1989: 119—120) в равной степени могут свидетельствовать как о собственном производстве, так и о получении этих продуктов питания (или какой-то их части) путем обменных операций.

Экспорт. Погребения усатовской культуры (или с усатовской керамикой) к западу от ее основного региона немногочисленны, располагаясь вдоль р. Прут в Румынской Молдове (Burtănescu 2002: 498—499). Сосуд со сквозными проколами под венчиком — характерным элементом оформления усатовской посуды — обнаружен в слое телля Дядово в Верхней Фракии (Nikolova 2005: 95, fig. 3: 11). Усатовская керамика, безусловно, проигрывала на фоне парадных трипольских экземпляров, поэтому вне своего ареала почти не встречена. Усатовские импорты (сосуды, статуэтки) известны в захоронениях выхватинской культурной группы (Выхватинский и Голерканский могильник), на поселении Сандраки гординештской группы (Збенович 1974: 100; Дергачев 1980: 191), отдельные изделия встречены в степной зоне Причерноморья. Могли ли эти вещи попасть в инокультурную среду путем обмена или же свидетельствуют о некоторых передвижках населения — неясно. Собственно усатовские изделия из металла вычленив из синхронных памятников без специальных исследований сложно. Можно говорить об экспорте технологий, учитывая знакомство ямных металлургов с некоторыми технологическими схемами, характерными для Усатова. Возможно, некоторые серебря-

ные спирали могли поступить в ямный ареал из усатовской среды, послужив импульсом для возникновения интереса и потребности в обретении изделий из этого металла.

Обменные операции. Можно предположить, что в обменных процессах (прямых и опосредованных) с Балкано-Карпатским регионом, Восточным Средиземноморьем, Центральной Европой усатовское население выступало пассивной стороной, получая металлы и украшения не в результате дальних экспедиций, а посредством определенных обменных отношений (не удаляясь на значительные расстояния от мест обитания). При этом вполне вероятно, что северное направление по Днестру, в ареал трипольских племен, было более привлекательным для активных связей усатовского населения, учитывая расположение многих памятников, в том числе неординарных, в Поднепровье (например, комплекс Маяки на восточном берегу Днестра, могильники Тудорово и Пуркары на западном и др.). Западное направление связей фиксируют памятники Подунавья и Попрутья. На левом берегу Дуная, в районе переправы (у сел Орловка и Новосельское Одесской области), расположен многослойный памятник, где, среди прочих, известны захоронения усатовской и ямной культур. Транскультурный характер феномена уже отмечался в литературе. Каменная гора господствует на равнинной местности, а дунайские берега удобны для переправы (Бруяко, Ярошевич 2001). Вполне вероятно, что, поддерживая связь между двумя обширными регионами, переправа являлась одним из узловых пунктов в торгово-обменной сети раннего бронзового века Юго-Восточной Европы. Скорее можно говорить не о поселении, блокирующем подход к переправе и путь от нее вглубь Буджака (Петренко 1989: 84), а о «связующем звене» в системе моста «Запад-Восток», который функционировал на протяжении тысячелетий (Manzura 1993). Вероятно, появление погребений с усатовской керамикой на территории румынской Молдовы связано с существованием переправ через реку Прут.

Для осуществления любых обменных операций необходим был, прежде всего, спрос на продукцию. Наличие транспортной и обменной инфраструктуры (торговые пути и опорные пункты в определенных точках этих путей) может способствовать интенсификации обменных процессов в эпоху палеометалла. В материальной культуре фиксируются связи усатовских племен с позднетрипольским населением, куда грузы могли доставляться по Днестру или вдоль его русла. Считается,

Рис. 11. Карта основных месторождений металлов в Европе и Передней Азии в IV—III тысячелетиях BC (по: Kassianidou, Knapp 2004).

что человечество очень рано начало осваивать окружающие его водные просторы. Плоты и лодки примитивнейших конструкций были изобретены им уже в конце каменного века. В Восточной Европе челны-однодревки стали использоваться со времен неолита (Котова 1997: 183). Но следов колесного или водного транспорта в памятниках усатовской культуры не обнаружено. Глиняное изделие в форме колесика из Маяк интерпретируется исследователями неоднозначно: как модель колеса и как пряслице (Петренко 1989: 100), поэтому служить достоверным подтверждением существования колесного транспорта оно не может. Для переноса тяжестей людьми придумано множество приспособлений: заплечные плетеные корзины и короба, переметные сумы и пр. На волокушах (где тягловой силой могли выступать как животные, так и люди) перевозили сено, громоздкие и тяжелые грузы. С этими приспособлениями могли быть знакомы и носители усатовской культуры. Считается, что сани появились ранее повозок и использовались населением Европы еще до изобретения колеса (Избицер 1993). В трипольской пластике известны скульптурные изображения саней, запряженных быками. Усвоили ли этот опыт усатовцы — неясно. Археологического подтверждения использования упряжных животных для усатовского населения не имеется.

Однако А. П. Журавлев отмечает, что лошадь без особых проблем можно использовать как вьючное животное (с мягкой уздой, без пса-лиев), что могло быть известно трипольским и усатовским племенам (Журавлев 2008: 18).

Обратившись к этнографическим данным для горных районов Юго-Восточной Европы (где также не был распространен колесный транспорт), отметим, что выделяется три вида транспортных средств: перенос грузов людьми, перенос вьюков на лошадях, мулах, ослах, волочение при помощи волокуш. Георг Агрикола сообщает об использовании в средние века специально обученных собак для транспортировки руды в горных районах. На усатовских памятниках найдены кости собак, но для каких целей (охранная, пищевая, транспортная) они использовались — неизвестно.

Рассмотрение задействованных в торговле артефактов показывает неравноценность обменных операций: экспорт, отразившийся в археологических реалиях, явно уступает импорту. Нет археологических свидетельств того, что престижные (или просто импортные) вещи были получены путем военных походов или миграций: погребальные памятники усатовской культуры (тем более — воинов) в Балкано-Карпатском регионе, как уже отмечалось, практически неизвестны. На по-

№2. 2010

селениях позднего энеолита и раннего бронзового века Балкано-Карпатского региона следов усатовского «нашествия» тоже не обнаружено. Поэтому речь может идти о получении импортных артефактов исключительно путем обмена. Картографирование усатовских захоронений указывает на их привязанность к Днестру. Возможно, по Днестру (или вдоль него) существовал торговый путь, связывающий усатовский и трипольский ареалы, но определить, был ли он речной или сухопутный, невозможно.

На наш взгляд, экзотические и престижные артефакты, найденные на памятниках усатовской культуры (при незначительном материальном свидетельстве экспорта), могут указывать на органические (пищевые) обменные эквиваленты, которые не сохранились. Основным, наиболее ценным, обменным эквивалентом была соль, которую усатовское население могло получать из лиманов Северо-Западного Причерноморья (собирая продукты естественной кристаллизации или же получая ее искусственным путем в бассейнах). Добыча соли усатовским населением не только повлияла на формирование его материальной культуры, но и отразилась в таких своеобразных комплексах (церемониальных центрах, по В. Г. Петренко), как Усатово и Маяки. Наше предположение о том, что эти комплексы представляют собой ритуально-производственные центры, связанные с добычей соли, подтверждается не только археологическими данными, но и историческими параллелями и письменными источниками, дающими характеристику технологических процессов на новороссийских промыслах в XVII—XIX веках.

Часть 2. Соль

О свойствах соли и ее важной роли в организме человека и животных было известно в древности. Об этом свидетельствуют мощные штольни соляных шахт, приуроченность части археологических памятников к соляным источникам, а также межгосударственные соглашения различных исторических периодов, где регулируется пользование соляными источниками. Отношение к соли в различных культурах могло быть разным из-за присущей соли амбивалентности, т. е. она обладала и диетическими (антисептическими, консервативными) свойствами, и деструктивными (коррозия). Эти моменты, а также физические свойства (растворимость, сезонные явления кристаллизации соли, разнообразная цветовая гамма самородной соли, от бледно-розовой до красной, синей, зеленой и черной,

в зависимости от вида обитающей в соленой воде одноклеточной водоросли), обусловили ее применение не только в пищевом рационе и медицине, но и в различных ритуалах, включая переходные (родильные и погребальные) (Rapp 2002: 220—221). Поэтому при рассмотрении использования соли древними людьми следует учитывать не только ее практические функции, но и символические.

Добыча лишь одного из четырех видов соли (каменной) надежно фиксируется археологически (известны шахты, штольни, галереи, открытые разработки). Солеварни, градирни и печи для выпаривания находят гораздо реже и во фрагментированном виде. Принадлежит к группе осадочных пород, а именно — к категории химических осадков, каменная соль отличается от всех прочих горных пород своей легкой растворимостью в воде, вследствие этого своей подвижностью и в особенности тем, что это единственная съедобная горная порода.

Общие сведения. Способы добычи. Поваренная соль — это неорганическое вещество, состоящее из ионов натрия и хлора NaCl. В природе данное соединение встречается в виде кристаллических отложений или в виде растворов. Кристаллические виды соли, содержащие 97—99,7% чистого хлористого натрия и некоторое количество других минеральных солей, добывают в шахтах или на соляных озерах. В зависимости от вида месторождения, добыча соли может осуществляться различными способами, но, с другой стороны, в разных частях света один и тот же вид соли добывается во многом сходными методами.

Минимальная суточная норма соли для человека составляет от 2,5 до 5 грамм, что составляет в год около 1,8 кг. По миру этот показатель колеблется в зависимости от традиций культуры: так, жители Японии потребляют в день до 40 грамм соли. Взрослой овце ежедневно с кормом надо давать 10—15 г, а ягненку — 5—8 г рассыпной поваренной соли, т. е. в год одно животное съедает около 3 кг соли, лошади требуется в сутки 5—9 грамм соли, молодняку — 5—7 г, т. е. около 2—2,5 кг в год. Корове в сутки необходимо 50—60 г соли, а в летнее время — 80—100 г, т. е. 15—16 кг в год. Естественно, значительную часть соли эти животные могут получать, поедая солончаковые растения, но в определенные сезоны им необходима подкормка (Барабаш и др. 2005).

Обычно выделяют следующие виды соли:

• *самосадочная соль* — добывается из соляных озер (отлагается сама в солеродных водоемах);

•*садовая поваренная соль* — производится бассейным способом (искусственным путем, используя естественные процессы кристаллизации) из морской или озерной воды;

•*выварочная соль* — добывается путем выварки ее из естественных и искусственных рассолов;

•*каменная соль (галит)* — добывается из осадочных пород (горные работы).

Самосадочная соль. Самосадочная соль образуется в естественных бассейнах, которые могут быть двух типов — морские и континентальные. Формирование первых происходит в результате отшнуровывания от моря участков (лиманов, лагун, прибрежных озер и т. п.) с морской водой. В обстановке сухого и жаркого климата, ограниченного притока воды, компенсируемого испарением, они засоляются, превращаясь в соляные и солеродные бассейны. Континентальные бассейны (озера) появляются в котловинах с ограниченным стоком в областях сухого и жаркого климата. Поступающие в них подземные и поверхностные воды выпариваются с осаждением растворенных в них солей. По фазовому состоянию солей в бассейнах различают рапные, сухие и подпесочные озера. В рапных озерах поверхностная рапа (рассол) сохраняется в течение всего года, а в сухих — лишь во влажный период; в подпесочных озерах поверхностная рапа отсутствует вообще: соляные отложения в них обычно перекрыты песчаными наносами (в этом случае необходимо сооружение колодцев для извлечения рапы). В результате естественного испарения под действием солнечного тепла летом или в результате охлаждения зимой на соленых озерах и лиманах происходит кристаллизация солей. Минеральное или солёное озеро — водоем, солёность (минерализация) которого превышает 1 промилле (1 г на 1 л). Минеральные озера подразделяются на солоноватые (до 25—35 промилле в зависимости от классификации) и солёные (свыше 25—35 промилле). В морской воде в среднем на 1 л приходится до 30 г различных солей, на долю поваренной соли приходится 24 г (Габдуллин 2005: 184). Технология получения хлорида натрия из морской или озерной воды всегда была довольно примитивной, с применением очень несложных устройств, хотя и требовала определенных климатических условий и определенного времени года. Выпадение соли на самосадочных озерах в высокой степени зависит от погоды. Иногда обильные дожди лишают озеро солеродности. Наоборот, засушливая погода приводит к полному пересыханию озера и образованию горькой соли (из-за присутствия солей магния,

чаще всего — сернокислой магнезии). Чтобы устранить эти неблагоприятные факторы, используют бассейны, что позволяет регулировать выпадение соли.

Садочная соль получается путем выпаривания воды океанов, морей, лиманов, озер, отводимой в искусственно создаваемые бассейны, неглубокие, но обширные по площади и сообщающиеся между собой. В этом случае вода концентрируется свободным испарением на воздухе под влиянием солнечного тепла. Однако не в каждой природной зоне происходят процессы естественной кристаллизации соли: климат должен быть теплым и сравнительно сухим. Обычно в одних бассейнах концентрируют соленую воду до 25° промилле и выделяют углекислый кальций, окись железа и гипс; такие бассейны называются приготовительными. Подготовленный таким образом раствор переводится в садочные бассейны, где садится соль (через каналы, шлюзы или вручную). На промыслах обыкновенно устраиваются резервуары для собирания маточных растворов и запасные глубокие рапохранилища-резервуары для хранения сгущенных растворов для кампании следующего года. Передвижение растворов производится самотеком и при помощи механических приспособлений. Запасной бассейн также выбирается рядом с приготовительным; их отделяют невысокими перемычками или валиками. Если приготовительный бассейн находится над уровнем естественного водоёма, вода посылается насосами, водоподъемными колесами и пр. Садочные бассейны зачастую устраиваются вдоль берега на открытом пологом месте, чтобы, по возможности, не затруднять проветривание местности и тем облегчить испарение растворов. Для интенсивного испарения слой рапы в бассейне должен быть небольшим; рапа испаряется медленнее, чем вода, так как давление водяного пара над рассолом меньше, чем над водой. Бассейны могут сообщаться между собой при помощи шлюзов. Делается это, с одной стороны, для того, чтобы избежать сильных волнений жидкости при ветрах (т. к. это может сопровождаться размыванием соли), а с другой стороны, чтобы правильнее распределить соляной раствор по участку независимо от неровностей почвы.

Соль, полученная из рапы соленых озер и лиманов, считается более высококачественной, чем та, что получена из морской воды. Современные технологии получения соли в бассейнах мало чем отличаются от тех, что известны по данным этнографии. Механизирован последний этап — сборка

соли солеуборочными комбайнами, хотя определенная часть готового (элитного) продукта собирается вручную. Работы на соляных промыслах начинаются в марте или в апреле; бассейны очищаются от слабого раствора, которым их покрывали на зиму для предохранения дна от высыхания и растрескивания, а также для растворения остатков соли. В приготовительные бассейны впускается морская вода, а в садочные — насыщенный раствор из запасного резервуара, в котором он хранился зимой. При определенном климате возможны две-три садки соли за сезон, длительность которого 4—5 месяцев). Среднегодовое количество осадков сильно колеблется для различных, даже сравнительно близких, районов. Полученная соль складывается на дощатом помосте в пирамидальные кучи (точки) для просушки, затем свозится на берег, где и складывается в бугры. Дождевая вода промывает их, выносит ненужные химические соединения; для этих процессов желательны сильные ветра, т. к. частые дожди могут уменьшить соленость продукта или даже растворить его полностью.

Бассейны используются не только для испарительной садки солей в летнее время, но и для зимней садки. При понижении температуры рапы происходит вымораживание солей. Соли, добываемые бассейнным способом, более чисты, чем извлекаемые из донных отложений озер, так как содержат значительно меньше ила и других механических примесей. Однако существенным недостатком бассейнного способа, так же, как и добычи самосадочной соли, является сезонность и зависимость от климатических явлений (Позин 1974).

Вываривание (градирование) соли. Добывание соли из соляных источников совершается и при помощи выпаривания или вываривания растворов на огне. Эта технология обычно используется в местах с более холодным климатом, где процессы испарения проходят недостаточно эффективно, и возможна лишь в тех местностях, где имеются леса или иные источники топлива. Солеварение состоит из следующих операций: получение рассолов, подготовка рассолов к выварке (концентрация и очищение), испарение рассолов, сушение и магазинирование. Градированием рассолов, кроме испарения воды, достигают выделения трудно растворимых солей (например, гипса, растворимость которого уменьшается с концентрацией рассолов). В то же время, происходит разложение некоторых солей и выделение их в нерастворимом виде (например, углекислых солей кальция, магния и железа, которые теряют часть углекисло-

ты и переходят в осадок). Наконец, во время градирования происходит отделение механических примесей. При устройстве градирен стараются, чтобы рассол приходил в наибольшее соприкосновение с атмосферным воздухом и чтобы при этом сохранялись наилучшие условия для проветривания; кроме того, полученный рассол должен быть защищен от дождя или снега. Существует довольно много систем градирования. 1. Вертикальное градирование, с помощью комплекта деревянных ящиков, стоящих один над другим. Рассол из верхнего ящика стекает постепенно до самого нижнего тонким слоем. 2. Градирование на наклонных плоскостях. Для этого служит обычно кровля резервуаров, где собирается рассол; кровля имеет небольшой уклон; на краю ее устраивается желоб, в котором собирается рассол; в нем находятся отверстия, ведущие в резервуар и закрываемые втулками. Градирни были довольно широко распространены в XVIII—XIX веках (Брокгауз, Ефрон 1992).

Каменная соль как природный минерал имеет особое название — *галит* (греч. ἄλις — соль). Галиты можно найти в пластах осадочных пород среди прочих минералов, а также в пересыхающих лиманах, озёрах, морях. Осадочный слой имеет толщину до 350 метров и простирается на огромные территории. Разработка залежей каменной соли производится обычными горными выработками и переводом соли в раствор. Горные работы применяются при нахождении достаточно чистой каменной соли в сравнительно мощных залежах и не слишком глубоко под землей; в этих условиях такой способ разработки является наиболее экономичным. Иногда каменная соль содержит большое количество глины, мергеля, гипса, которые перемешаны с солью, или месторождение скрыто очень глубоко; в этих случаях бывает удобнее переводить соль в раствор и в таком виде поднимать на поверхность земли. Дальнейшая переработка таких искусственных рассолов такая же, как и естественных. Горные работы при эксплуатации каменной соли редко ведутся на поверхности, разносом, так как только в немногих случаях месторождения каменной соли выходят на поверхность или лежат неглубоко. Каменная соль является самой чистой, но она была наиболее трудной в разработке из-за необходимости устройства шахт. Исключения составляют соляные купола, где соль можно добывать открытым методом, но в природе они чрезвычайно редки, в Европе можно назвать Соль-Илецк (Россия), Сланик (Румыния), Кардона (Испания).

Часть 3. Добыча соли: география, археология, история

Соляные источники Юго-Восточной Европы и Северо-Западного Причерноморья.

Прибрежные лиманы и соленые озера рассматриваемого региона являются потенциальными соляными источниками, несмотря на то, что все они почти не используются в настоящее время для промышленных разработок. Поэтому следует дать краткую характеристику их свойств и морфологии, что необходимо для реконструкции роли этих гидросистем в экономике древнего населения Юго-Восточной Европы и причерноморских степей. Следует установить два обстоятельства: во-первых, могли ли все лиманы и озера региона быть солеродными в интересующий нас период и, во-вторых, есть ли археологические (прямые и косвенные) данные, подтверждающие занятие населения соляными промыслами.

Характеристика лиманов Северо-Западного Причерноморья. Лиманы северного берега Черного моря представляют собой естественные водохранилища — озера, возникшие при ингрессии моря в речные долины. Для них характерны специфическая динамика морских берегов и образование пересыпей, а также формирование закономерно чередующихся песчаных кос, далеко выступающих в лиман. В настоящее время часть лиманов соединяется с морем естественным (Днепровско-Бугский, Березанский, Днестровский) или искусственным путем (Большой и Малый Аджалыкский, Сухой). Современные пересыпи образовывались постепенно в течение XIV века, в XIX веке еще прослеживались следы протоков, соединявших Хаджибеевский и Куяльницкий лиманы с морем (Скальковский 1853).

Водный режим лиманов связан с процессами внутреннего и внешнего водообмена. Составляющие водного баланса, определяющие характер внешнего водообмена, существенно отличаются и зависят от массообмена между лиманом и морем и поверхностного стока. Роль осадков в одних случаях может быть ничтожна, в других — существенна. Факторы внешнего водообмена определяют внутригодовые колебания уровня воды: максимум в период весеннего половодья, минимум в конце осени — начале зимы. Годовые и многолетние колебания уровня воды зависят от климатических условий и водообмена с морем, причем уровень воды в лиманах может быть и ниже, и выше уровня моря. При частых штормах, сопровождающихся пере-

ливами морских вод через пересыпи, уровень воды в лиманах повышается на 0,3—0,4 м.

Гидрохимический состав. Воды практически всех лиманов относятся к хлоридно-натриевому классу, хотя химический состав воды в акватории лиманов может колебаться. Как правило, соленость закрытых лиманов выше солености моря; спад уровня лимана ведет к повышению солености вод. Но следует иметь в виду, что на формирование гидрохимического состава режима лимана значительное влияние оказывают количество осадков, выпавших в данном году, время года, температура и влажность воздуха. Особенно они важны для водного баланса закрытых лиманов. С другой стороны, во все лиманы Причерноморья происходит разгрузка подземных вод, что влияет и на химический состав воды, и на ее уровень. В некоторых лиманах грунтовые воды разгружаются в виде нисходящих родников (Саськ, Тилигул имеют такие родники в северной части, Хаджибей — в центральной), в других лиманах такая разгрузка происходит путем напорной инфильтрации через донные отложения. Таким образом, лиманы характеризуются разной степенью содержания в воде солей; на современном этапе зафиксированы следующие уровни солености для крупнейших лиманов Украины (см. таблицу).

Помимо лиманов, в прибрежной зоне, на севере дельты Дуная, находятся многочисленные *лиманные и заливные озёра*, крупнейшими из которых являются Кагул, Каргал, Ялпуг, Кугурлуй, Сафьяны, Катлабух, Китай. Все озера исторически возникли как затопленные устья притоков Дуная. Современная дельта Дуная в энеолите фактически не существовала, а на ее месте был мелководный залив северо-западной части Черного моря, в которую впадал, не разветвляясь, Дунай. В наше время берега этого залива обозначены дугообразными песчаными грядами длиной в несколько десятков километров — Жебриянской грядой на территории Украины и грядой Летя на территории Румынии. Впадины современных озер в то время являлись морскими солоноводными и солоноватоводными лиманами, по типу современных лиманов Шаганы, Бурнас, Алибей и прочих северочерноморских лиманов. В результате наноса Дунаем твердого осадочного материала происходило обмеление прилегающего к устью участка моря, возникновение островов и, таким образом, формирование современной дельты. Солоноводные лиманы при этом постепенно теряли связь с морем и превращались в пресноводные озера. Минерализация их вод около 1—1,6 г/л, что не вполне соот-

Таблица

Уровень солености лиманов Северного Причерноморья

Название	Область	Площадь, км	Соленость, ‰
Днестровский	Одесская	360,0	1—17
Сасык (Кундук)	Одесская	204,8	1,2—2,5
Молочный	Запорожская	168,0	12—15
Тилигульский	Одесская, Николаевская	160,0	12—13
Шаганы	Одесская	74,0	14—110
Алибей	Одесская	72,0	20—140
Сасык-Сиваш	АР Крым	71,0	90—160
Хаджибейский	Одесская	70,0	22
Березанский	Николаевская	60,0	0,3—15
Куяльницкий	Одесская	58,0	74—296
Донузлав	АР Крым	48,2	90
Ангальское	АР Крым	37,0	14—22
Будакский	Одесская	30,0	12—26
Актаское	АР Крым	26,8	110—310
Красное	АР Крым	24,4	120—300
Узунларское	АР Крым	21,2	150—260
Кирлеуцкое	АР Крым	20,8	210—270
Тобечикское	АР Крым	18,7	40—180
Карачаус	Одесская	15,0	20—40
Кияцкое	АР Крым	12,5	220—260
Старое (Тузлы)	АР Крым	12,2	280—350
Нояское	АР Крым	10,0	210

ветствуют питьевым нормам (до 1 г/л). Тем не менее, источником садовой соли они служить не могут (Швебс 1988: 59).

Эвстатические колебания Черного моря напрямую влияют на гидрохимический состав воды и, тем самым, на солеродность лиманов. Наличие пересыпи, которая отшнуровывает лиман от моря, является обязательным фактором солеродности: за счет испарения больших площадей воды соленость лимана повышается. Пересыпи разного происхождения образуются в периоды трансгрессий под влиянием трех факторов: 1) морского гидродинамического, 2) лиманного гидрологического, 3) эолового. Волновой наносообмен обеспечивает динамическую стабильность пересыпей в течение сотен лет. У них чаще всего встречается ширина 150—200 м (с крайними показателями 40 и 500 м), высота 1,2—1,8 м (от 0,8 до 5,3 м).

В период трансгрессий штормовые волны по несколько раз в год перебрасывают нанос-

ной материал на лиманную сторону пересыпи, в результате чего она смещается в сторону суши, при этом одновременно сохраняются относительно неизменными ширина и объем наносов. Если бы этого не происходило, то любая пересыпь могла бы быть размита за довольно короткий период времени. Под влиянием действия ветров уровень моря и лиманов меняется; в тех случаях, когда уровень лимана ниже уровня моря, создается устойчивая фильтрация морских вод сквозь пористое тело пересыпи и питание лимана водой. Во время действия сильных штормовых ветров со стороны суши уровень воды в лимане может быть значительно выше уровня моря. Это явление, а также явление волнового переплескивания пересыпи выступают основными причинами образования временных прорыв, которыми море и лиман соединяются. В этом случае возникает активный обмен водой между ними, что также оказывает влияние на гидролого-гидродинамический режим лиманов. Кроме

того, сильные береговые ветры способствуют волновой переработке тыльной стороны пересыпи, что приводит к перераспределению наносов и выравниванию береговой линии со стороны лимана. В течение отдельных лет возможно существенное влияние поверхностных вод на гидрологический режим лиманов, особенно отчлененных от моря. Это влияние связано с выпадением обильных атмосферных осадков, что приводит к сильному опреснению лимана и длительному воздействию этого явления (Хромов 2004: 119—125).

Соленость лиманов подвержена колебаниям и во время регрессий, и в период трансгрессий. На начальных этапах трансгрессий соленость лимана близка к морской, далее имеет тенденцию увеличиваться до своего возможного максимума. При этом лиман периодически получает морскую воду через фильтрацию, штормовые волны или временные прорывы, что в этих случаях снижает соленость его южной части до уровня морской. При регрессиях лиман теряет связь с морем, соленость его увеличивается, но в дальнейшем начинает уменьшаться за счет питающих его рек или пресных источников (в местах их впадения в лиманы). Причем для полноводности рек (и, соответственно, пополнения ими лиманов) имеют большое значение климатические условия и уровень осадков не столько прибрежной зоны, сколько тех регионов, откуда берут истоки и получают питание впадающие в лиманы реки. Постепенный подъем уровня лиманов (в связи с притоком речной воды, которая не имеет выход в море), ведет к опреснению лимана и потери им солеродности, а также к тому, что уровень воды в лимане становится выше, чем в море. Это, в свою очередь, приводит к образованию прорыв, постепенному размыву пересыпи и соединению лимана с морем. Вода снова становится соленой и постепенно солеродность лимана начинает возрождаться. Но для того, чтобы соленость достигла нужной для кристаллизации соли концентрации, необходимы очередное образование пересыпи или создание искусственных ограждений для повышения уровня концентрации соли в воде лимана.

***

В отличие от многих других районов Европы (за исключением ареала соленых озер и лиманов западного побережья Болгарии), население Северо-Западного Причерноморья находилось в исключительно выгодном положении. Добыча соли здесь не требовала никаких дополнительных природных ресурсов

(топлива), связанных с выпариванием соли, или же значительных трудовых и организационных затрат (шахты); соль на местных лиманах садится естественным путем. Для естественной садки соли, как уже отмечалось, требуется сочетание нескольких факторов: наличие солеродных лиманов, определенная степень солености воды и соответствующая температура воздуха. Этим комплексом природных показателей регион обладал не только в XVIII—XIX вв., что подробно описано в исторических источниках (Скальковский 1853; Шмаков 1867), но и гораздо ранее.

В контексте работы имеет значение датировка эвстатических колебаний и соленость Черного моря, влияющая на соленость его лиманов. С бронзовым веком соотносится новочерноморский этап черноморской трансгрессии. Исследованиями последних лет подтверждены палеогеографические построения П. В. Федорова, согласно которым на новочерноморском этапе бассейн Черного моря обладал более высокой соленостью, чем в наше время (Федоров 1963). Анализ малакофауны из новочерноморских отложений свидетельствует об этапе повышенной (по сравнению с современностью) солености Черного моря (Коніков 2004; Konikov et al. 2007). Характерно, что в истории Азовского моря отмечается казантипский этап, синхронный новочерноморскому, с максимальной для голоцена соленостью (Антонова, Хоменко 2006). Следовательно, мы с уверенностью можем говорить о солеродности черноморских и азовских лиманов в период обитания здесь населения усатовской и ямной культур.

Соляные источники Юго-Восточной Европы. В разных регионах Юго-Восточной Европы соляные источники несколько отличаются друг от друга. Румыния занимает по количеству запасов галита (каменной соли) одно из первых мест в мире, в то же время внутри страны имеются многочисленные соленые озера, не связанные с морем, а также прибрежные лиманы. Часть озер является результатом антропогенной деятельности (заброшенные и выработанные соляные шахты), часть естественного происхождения, но также связана с залежами каменной соли. Многочисленные мелкие соленые озера Трансильвании и Южных Карпат (Слэник-Молдова Совата, Окна Сибиулуй, Окна Мурешулуй, Койокна, Турда, Окна Дежулуй, Окнеле-Мари, Братеш и др.) расположены вблизи соляных массивов, зачастую располагаясь группами. Группа солёных озёр есть в восточной части Мунтении: Сэрат, Амара, Балга-Албэ и др. Другой вариант соленых источников — это лиманы на побере-

№2. 2010

жье Черного моря. Заметим, что дельта Дуная и его северные лиманы — довольно новые образования, возникшие на месте Дунайского залива. Очертания дельты меняются даже в современное время. Наиболее крупными лиманами-лагунами являются Разелм, Синое и Головица. Разелм представляет собой крупную группу озёр, лиманов и лагун на побережье Чёрного моря, разделяется на две группы: северную с пресной водой и южную — с солёной. Озеро Синое является продолжением озера Разелм. Отделены озера от моря песчаной косой, возникшей из-за своеобразных течений и отложений. На западном побережье расположены лиман Текиргёл (в 15 км к югу от г. Констанца), который отделен от Черного моря небольшой песчаной косой и заполнен концентрированной соленой водой, а также озеро Мангалия (в 45 км к югу от Констанцы, у одноименного города).

Все соленые озера и болота на морском побережье Болгарии образовались из лиманов, на месте погрузившихся в море устьев рек. К северу от Варны расположены озера Дуранкулак, Шабла, Балчик. Варненское озеро, а также лиманное образование в устье Провадийской реки — самое большое и самое глубокое озеро на болгарском побережье Черного моря. От моря его отделяет постоянно увеличивающаяся песчаная полоса шириной около 2 км. Уровень воды в озере определяется главным образом изменением уровня моря и отчасти впадением рек Провадийской и Девни. От Варненского залива до расположенного в 45 км к югу от него Бургасского залива берег прорезан долинами многочисленных малых рек, небольшими озерами. В низине, невдалеке от Бургасского залива, находятся три озера: Мандренское, Бургасское и Атанасовское, в отгороженной южной части которого организована добыча соли в наше время. Город Помория в 10 км к северу от Несебра (в 20 км от Бургаса) расположен на полуострове и окружен солеными озерами, во многих из которых добывается морская соль. С севера от полуострова часть моря отрезана длинной косой, образуя Поморийское озеро. Поморийское озеро имеет продолжение на самом полуострове — Малое Соленое озеро. Известны соленые источники и вдали от морского побережья.

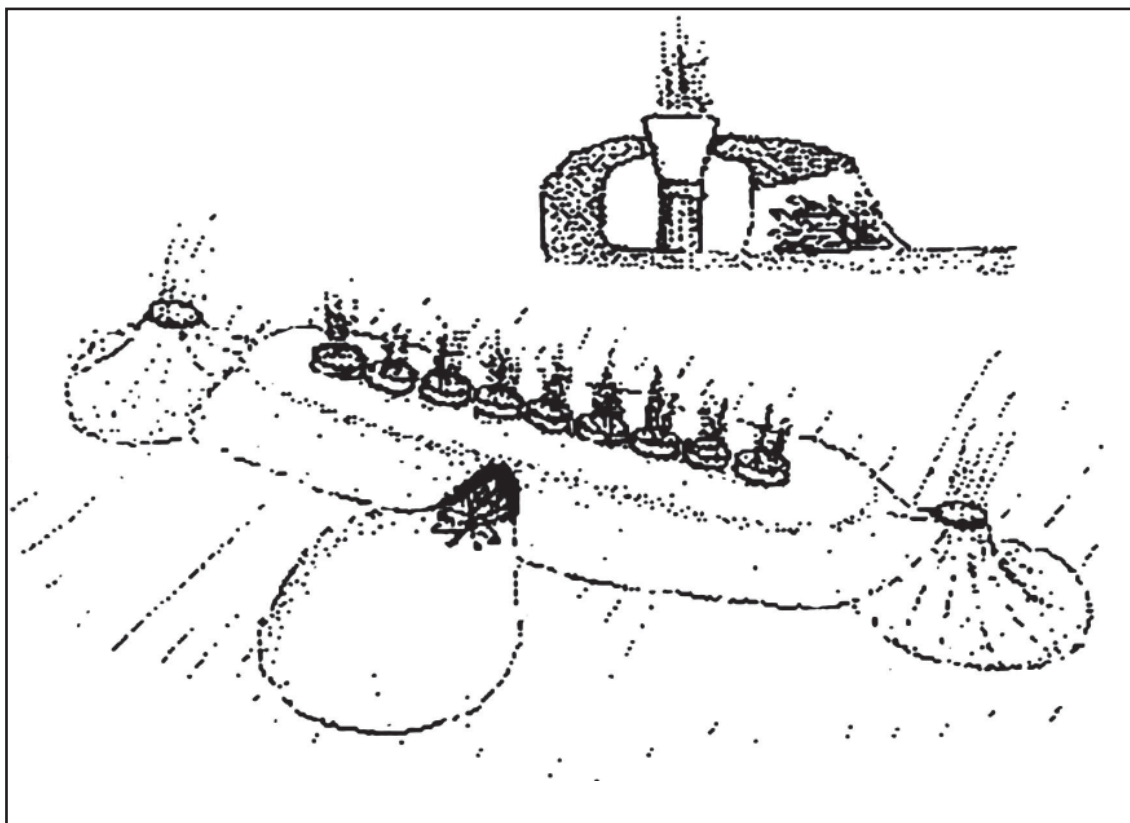
Археологические свидетельства производства соли в Европе

Изучение распространения неолитических культур и расположения соляных источников на территории Центральной и Юго-Восточной

Европы позволили Н. Тасичу прийти к выводу, что процесс неолитизации Европы в известной степени связан с добычей соли. Культура Старчево-Криш сложилась в ареале, где отсутствуют какие-либо значимые источники соли, а продвижение ее в другие регионы (и тем самым — распространение неолитических инноваций) обусловлено поисками и освоением соляных источников. С добычей соли он связывает и развитие обменно-торговых отношений в неолите, т. к. имеются археологические подтверждения тому, что уже в это время искусственно сформированные соляные брикеты стандартных форм и размеров служили обменным эквивалентом (Tasič 2000; Milisauskas 2002: 210).

Вплоть до недавнего времени археологические свидетельства добычи соли были связаны, за редким исключением, с шахтами по добыче каменной соли (например, Зальцбург, Гальштадт, Величка, Солотвино). Производственный поселок кобанской культуры со специфическими производственными постройками и инвентарем, связанным с выпариванием соли, был изучен в Абхазии (Соловьев 1947). Относительно недавно, благодаря научным проектам и целенаправленным исследованиям, в Юго-Восточной Европе открыты солеварни; древнейшие из них относятся к энеолитической эпохе. В 2003 г. вблизи соляного источника Солка-Слатина Маре (Сучава) было обнаружено поселение и получены доказательства разработок соли от культур Старчево-Криш, Прекукутень и Кукутень до средних веков (рис. 20). Толстые слои кострищ указывали на использование высоких температур для получения процессов кристаллизации, а многочисленные днища сосудов использовались как формочки для получения брикетов. Более всего находок связано с последней ступенью трипольской культуры. Исследователи считают, что соляные источники Карпат снабжали солью ареал трипольской культуры, а причерноморские лиманы — население степей (Mircea, Alexianu 2007; Monah 2008).

Поселение солеваров, датируемое серединой VI—V тыс. до н. э., открыто в Болгарии, у озера Провадия (Nikolov 2008). Соль добывалась методом выпаривания, найдены фрагменты посуды для выпаривания, химический анализ которой установил на внутренней и внешней поверхности наличие солей калия и хлорида магния, причем сосуды такого большого диаметра (40—50 см) на других поселениях (где добыча соли не зафиксирована) не встречены (Stoyanova 2008: 13). Конечный продукт имел стандартный вид и размеры

Рис. 12. Устройство для выпаривания соли на кельтском поселении Бад-Нойхайм. Реконструкция по археологическим остаткам (по Vogt 1996).

и предназначался для обмена. Центр добычи соли был окружен рвом правильной округлой формы, 105 м в диаметре, каменным валом, а также деревянным частоколом, покрытым толстым слоем глины. Исследователи предполагают, что богатство расположенного недалеко (около 20 км) знаменитого могильника Варна могло быть основано на добыче и торговле солью, а у производителей были веские причины для создания этой трудоемкой оборонительной системы. В IV в. до н. э. добыча соли на этом месте возобновилась (Николов 2008). Имеются археологические свидетельства добычи соли в Юго-Восточной Европе для более поздних эпох, на некоторых поселениях, расположенных вблизи соляных озер Румынии и Болгарии (Monach, Dumitroaia 2007; Gaidarska, Chapman 2007), хотя археологических подтверждений этому, кроме нескольких описанных выше объектов, пока не обнаружено. Считают, что отсутствие следов солеварения (при локализации памятников вблизи соляных источников) не означает того, что жители не занимались этим промыслом (Munteanu et al. 2007). В Центральной Европе более распространенными археологическими памятниками, связанными с соляным промыслом, являются шахты, самые ранние из известных соотносят с кругом гальштат-

ских культур. В то же время, при раскопках кельтского поселения вблизи Бад Нойхайм (Германия) были обнаружены остатки сооружения для выпаривания соли (рис. 12) (Vogt 1996: 181—182).

Что касается Северо-Западного Причерноморья, прежде всего следует указать, что целенаправленных изысканий по выявлению археологических объектов, связанных с солеварением, здесь не проводилось. Отсутствуют и обобщающие работы по этой теме, посвященные этнографическим и историческим источникам. Но в 2009 г. на западном берегу Днестровского лимана были найдены и частично раскопаны остатки средневековой солеварни, что подтверждает возможность добычи здесь соли при соответствующем (искусственном) сгущении рапы. В то же время, геологические исследования подтверждают существование лиманов и пересыпей в Северо-Западном Причерноморье в интересующий нас период, а изучение состава донных отложений свидетельствует о солености лиманных вод. Эти данные могут служить свидетельством в пользу сбора и производства соли обитателями региона в эпоху палеометалла.

На наш взгляд, существует возможность реконструировать процессы соледобычи на-

№2. 2010

селением Северо-Западного Причерноморья во второй половине IV—III тыс. до н. э. по археологическим источникам и этноисторическим параллелям. Если говорить о методах добычи соли — самосадочной (естественная кристаллизация) и садочной (искусственная кристаллизация путем сгущения рассола в бассейнах) — то, как мы это уже отмечали, она остается практически неизменной столетиями. Поэтому вполне допустимо экстраполировать известные по письменным и этнографическим данным способы добычи соли на более ранние эпохи, не оставившие после себя письменных источников. Методы добычи соли зависят от климатической зоны, что подтверждается, прежде всего, этнографическими данными.

Добыча соли в древности (по этнографическим и письменным данным)

В контексте работы нас интересует возможность добычи соли племенами усатовской культуры Северо-Западного Причерноморья. Для того, чтобы иметь возможность реконструировать этот раздел хозяйственной жизни населения раннего бронзового века, необходимо рассмотреть не только общие вопросы нахождения соли в природе, но и способы получения соли в различные исторические эпохи. Без этих сведений реконструированная картина будет неполной и, возможно, недостаточно достоверной. Сопоставление памятников археологии и сведений о соляных источниках позволяет уяснить, как и где могла осуществляться добыча соли как в степном Причерноморье, так и в Юго-Восточной Европе в широком хронологическом диапазоне (на протяжении энеолита и бронзового века).

Наиболее ранние письменные источники, где отражена добыча соли, связаны не с Европой, а с Передней Азией; они указывают на значительную роль соляного производства (причем даже в масштабе государств) в бронзовом веке. Ряд документов из Угарита, касающихся международных отношений Хеттского царства, свидетельствует о престиже соли и ее роли в хеттской экономике (Mogu 2009). Найденная не так давно бронзовая клинописная скрижаль из Богазкёя содержит договор о границах, подписанный в 1240 г. до н. э. хеттским правителем Tuthalia и царем соседнего государства Kurunta. В документе особо оговорены права на владения соляными источниками. Заметим, что поднятый нами вопрос о значительной роли соледобычи в хозяйственной жизни усатовских племен не противоречит

традиционному отнесению их к скотоводам. Напротив, на той же скрижали зафиксированы сведения, которые указывают, что добычей соли в Передней Азии в то время занимались именно пастухи. Скрижаль содержит постановления, по которым в одних случаях пастухам разрешается пасти овец на юге царства, которым владеет Kurunta, но без сбора соли, а в других — разрешен сбор соли без выпаса животных. В документе из Масат-Хююка, конца царствования Hatusšili III (вторая половина XIII в. до н. э.) зафиксировано словосочетание LUMEŠ MUN, что означает «люди соли». Этим обозначена категория населения, которая обязана была производить поставку 20 овец богам, что позволило исследователям прийти к выводу, что здесь добычей соли занимались пастухи. Такая трактовка подтверждается и другим документом, где упоминается, что «продавцы соли» занимались пастбой. Отметим, что и этнографические данные, относящиеся к более позднему времени (XIX век), свидетельствуют о совмещении функций сборщиков соли и пастухов: в Османской империи торговля солью была монополизирована кочевыми бедуинами (Moga 2009).

В мировоззрении древнего населения Месопотамии соль занимала важное место, что отражено в дошедших до нас записях обращений к божествам; к соли обращается человек, пострадавший от магии или колдовства. Приводимая ниже молитва важна в контексте работы еще и тем, что в ней фиксируется сакрализация не только соли, но и места ее добычи.

О Соль, что создана в месте священном!
В пище великим богам тебя предназначил Энлиль.
Без тебя не бывает и пира в Экуре,
Боги, цари и князья воскурения не вдыхают.
А я — имярек, сын имярека —
Злыми чарами я опутан,
Злыми кознями я охвачен.
Соль, наважденье с меня сними, развяжи мои чары!
Разрушь колдовство,
И как бога-создателя тебя да восславлю!
(Фрэнкфорт и др. 1984: 126).

К Северному Причерноморью относятся сведения античных и средневековых письменных источников (Herod. Hist. IV, 53). Об источниках самородной соли на Крымском Перекопе и торговле ею в средние века сообщают различные авторы, что указывает на значение и мощь находящегося здесь соляных источников (Рубрук 1957; Барбаро 1971; Д'Асколи 1902 и др.). Имеются письменные сведе-

ния о соляных источниках XVII—XVIII вв. в Западном Причерноморье, на территории Румынии и Болгарии (Кантемир 1973; Челеби 1961; Дюгамель 1966: 17). Наиболее ранние письменные сведения о добыче соли в Северо-Западном Причерноморье относятся к XVI веку. Это — межгосударственный договор польского короля Сигизмунда с татарским ханом Сагиб-Гиреем (1540 год), где Сигизмунд оставляет за собой право брать соль в озере, лежащем в окрестностях Хаджибея, и вывозить ее в Польшу, уплатив пошлину (Соловьев 2007). Для XVII в. известно, что соль здесь продолжали добывать, а турецкие солдаты, несшие службу в Хаджибее, получали жалование солью: «Когда султан Баезид завоевал Аккерман, один богатый человек, прозванный Бай... получив разрешение султана, построил в этом месте на скале прочное укрепление и поместил в нем отряд воинов. Он сделался обладателем пяти стад по тысяче пятьсот овец, и после долгой счастливой жизни его стали называть Ходжабай. До сих пор постройки этого укрепления сохранились и хорошо видны на берегу Черного моря, на крутой скале. ... В этих местах из Черного моря добывают соль, и жалование гарнизону выплачивается солью» (Челеби 1961: 108—109). Самосадную соль на Хаджибее в конце XVIII в. собирали казаки для нужд казачьего войска (Скальковский 1853). В неурожайный 1794 год Иосиф де Рибас посредством соли завел меновую торговлю с Бессарабией и Подолией, отсюда по Днестру и сухопутным путем он получил множество припасов и лес для построек (Скальковский 1853: 38). Что касается Буджакской степи, отметим сведения, которые предоставляет П. П. Свиныйн в своем «Описании Бессарабии»: «Около половины июля озера покрываются белой чешуею похожую на лед, в два вершка толщиной. К сему времени стекаются сюда подрядчики с рабочими людьми... В турецкое правление соляные озера обрабатывались и содержались владельцами берегов оных и никогда не давали более 60 000 кил соли» (Свиныйн 2006: 352).

Сведения о добыче соли в XVII—XIX веках на территории Северо-Западного Причерноморья имеются в источниках разного характера; и это не только отдельные отрывочные сведения или упоминания, но и полное описание технологических процессов. Пожалуй, нет региона, прямо или косвенно связанного с соледобычей, в такой степени обеспеченного подобной информацией. Наиболее подробные и обширные сведения об этом вопросе имеются в письменных источниках середины XIX века — статистических отчетах, ко-

торые были оставлены членами Одесского статистического комитета А. Скальковским и И. Шмаковым. А. А. Скальковский, директор статистической комиссии, посвятил Новороссийскому краю множество работ, основной из которых можно считать двухтомное исследование «Опыт статистического описания Новороссийского края» (увенчанное Демидовской премией), которое было опубликовано в Одессе в 1850—1853 годах. Очерк И. Шмакова (члена статистической комиссии) «Одесские лиманы» был опубликован в 1867 году в «Трудах Одесского статистического комитета»; им же написана статья «О Куяльницких соляных промыслах». На этих работах мы остановимся несколько ниже.

Этнографические сведения второй половины XIX века, необходимые для сопоставлений и аналогий, демонстрируют относительное разнообразие известных способов соледобычи в Европе. Выпаривание соли из рапы в одних местностях проводится лишь под воздействием солнца и ветра, а в других регионах необходим искусственный подогрев рассола, или же иные технологические приемы, которых известно достаточно много. Тем не менее, можно говорить о нескольких сходных приемах (отличающихся местными особенностями), которые практиковались в сходных климатических условиях (Брокгауз, Ефрон 1992).

1. Испарение морской воды в искусственных бассейнах встречалось по берегам Атлантического океана до 48° северной широты — в Испании, Португалии, Италии и островах Сардинии и Сицилии, во Франции по берегам Бискайского залива, в Адриатическом море, в Черном море, в Крыму и пр. Соль добывали не только из морей или лиманов, но и из соляных источников (озер).

2. В климатических условиях с более низкой температурой воздуха широкое применение имело капельное, или терновое градирование. Оно состояло в том, что рассол медленно протекал через пучки терновника. Жидкость разбивается на капли, смачивает прутья и имеет значительную поверхность для испарения. Под градирней устраивается резервуар, где собирается рассол; над ним строится крыша для защиты от дождя; рассол собирается в желобе на краю крыши и затем уже поступает в резервуар. Во время сгущения рассола в градирне одновременно происходит и его очищение. Примерно с конца XVI века растворы соли очищали и концентрировали, пропуская через башни, заполненные соломой и ветками кустарников. После градирования рассол выпаривался на специальных сковородах («чренах»), во время кипения с него снималась

№2. 2010

пена, состоящая из примесей, а на дне осаждался «градирный камень».

4. Выжигание пропитанных соленой водой торфа или древесины.

5. Замораживание (этот способ практикуется в северных странах). При замораживании морской воды в выделившемся льде находится только небольшое количество соли; это дает возможность концентрировать морскую воду, заставляя ее замерзнуть и постоянно удаляя образовавшийся лед.

А. А. Скальковский и его «Историко-статистический опыт о торговых и промышленных силах г. Одессы»

Собранные А. А. Скальковским (и И. Шмаковым) обширные сведения о добыче соли в Северном Причерноморье можно объединить в несколько разделов: 1. Характеристика лиманов на момент написания работ. 2. Технология добычи соли на приисках. 3. Сбор соли на самосадочных озерах.

Все эти сведения в той или иной степени важны для решения поставленной задачи.

Характеристика лиманов. Лиманы междуречья Южного Буга и Днестра (Хаджибейская группа). Лиманы являются солеродными в разной степени, часть из них дает горькую и непригодную в пищу соль (Солонец, Волчий, Аджигольский, Сычавский). Часть лиманов пересыхает и соль на них садится тонким слоем (Тузла, Карабашский, Тилигульский). Из них Тилигульский и Тузловский можно искусственно сделать солеродными. Куяльницкий и Хаджибеевский лиманы, удобные для солевых промыслов, очень схожи между собой по своим характеристикам. Сухой лиман в жаркое летнее время покрывается солью. Малый и Большой Аджалькский лиманы не солеродны, но иногда при засухе дают соль (Шмаков 1867: 48—51). Лиманы неглубоки, глубиной от 1/2 до 2 аршин, дно топкое и вязкое. Берега лиманов покрыты скудной растительностью нескольких видов, довольно яркого красного цвета (*Salicornia*, *Salsola*), из которых можно добывать соду (Шмаков 1867: 59). Соль осаждается в лиманах не каждый год, а, обычно, в годы сухие, следующие за рядом других, тоже сухих лет. Сохранились сведения об урожаях соли в 1774, 1824, 1826, 1828, 1830, 1831, 1835, 1847, 1853 гг. Нерегулярность садки соли предполагает организацию промыслов (Скальковский 1853: 61—63).

Лиманы Буджакской степи, Бессарабской и Припрутской Молдовы (Бессарабская группа) были присоединены к России в 1812 году по Бухарестскому трактату. А. А. Скальковский сообщает, что разрабатывались они мало или вообще не разрабатывались, т. к. в письменных источниках, как древних, так и близких по времени, отсутствуют какие-либо сведения об этих лиманах. Поляки никогда не ездили в Буджак за солью, хотя другие торговые операции там производили (Скальковский 1853: 484—485). Эти лиманы (озера) отделены от Черного моря песчаной грядой или пересыпью и носят имена своих турецких владельцев: Хаджи-Ибрагима, Алибейское, Карачаус, Сарьянское, Шаганское, Сасык (Кундук). На время написания А. А. Скальковским своей работы (1853 г.) соляной промысел действовал только на двух лиманах (озерах) — Шаганском и Алибейском.

Таврическая группа состоит из промыслов: 1) Перекопские, 2) Генчесские, 3) Евпаторийские, 4) Феодосийские и Керченские 5) у Прогноев или Кинбурнских озер и солончаков.

Технология добычи соли на приисках. Постройка плотины в 1858 году в южной части Куяльницкого лимана (где вода солонее) с целью сделать из него самосадочное озеро оказалась неэффективной, поэтому на заливах лимана были устроены промыслы. Они состояли из бассейнов, соединенных каналом с лиманом, бассейны ограждены деревянной плотинкой, земляные перегородки между бассейнами и водоотводные каналы обшиты деревом. Разделение бассейнов валиками способствует испарению и не позволяет ветру волновать поверхность рапы.

Бассейны, в которые наливается вода из лимана, разделяются на запасные, приготовительные и садочные. В приготовительных вода, налитая слоем не более 3 вершков (1 вершок равен 4,44 см), очищается, осаждая углекислую известь, сернокислую известь и углекислую магнезию. Здесь рапа доводится до густоты 25% по ареометру Боме и потом спускается или переливается в садочные бассейны, где остается до осаждения поваренной соли. Садочные бассейны наливают от 5 до 6 вершков толщиной, чем глубже бассейн, тем крупнее получают соль. Дно бассейнов ежегодно тщательно планируют, выравнивают и укатывают тяжелыми катками. Также делают и запасные бассейны, в которые вода набирается с осени для дальнейшего добавления в приготовительные бассейны (на тот случай если в лимане мало или нет воды). Когда плотность воды в лиманах или искусственных

бассейнах достигает 25% по Боме, цвет воды становится бледно-розовым и сохраняется таким все жаркое время года. Цвет воды зависит от появления в ней множества инфузорий ярко-красного цвета; выпавшая соль потом также имеет розоватый оттенок, аналогичный крымской соли. Соль, собранная вручную, более чистая, чем собираемая с помощью приспособлений (Шмаков 1867: 57).

Работа по добыванию соли состоит в следующем. До прохода весенних вод приводят в порядок валики и плотину; планировка и укатывание садочных бассейнов проводится, когда они влажные. Приготовительные бассейны заливают рапой; по мере ее усыхания плотность рапы увеличивается. Садка начинается с поверхности воды, на которой образуется пленка, от тяжести опускающаяся на дно и постепенно образующая корку. Когда в бассейнах образуется слой соли толщиной от 1/2 до 2 вершков и такой плотности, что по ней может ходить человек, не продавливая его, приступают к выволочке соли. Вес квадратной сажени (около 4,55 кв. м) соли бывает от 6 до 20 пудов. По большей части к выломке приступают тогда, когда толщина соляной корки составляет 1—1/2 вершка, а вес до 12 пудов на квадратную сажень. Дожди и сырая погода мешают садке, для лучшей садки нужны сухая погода и сильные восточные и юго-восточные ветры. Выволочка соли начинается с конца июля и происходит до сентября. На качество соли влияет и то место, откуда она бралась из озера: соль, выпадающая у берегов, хуже, чем соль из середины озера.

Солеломщики из бассейнов спускают рапу, оставляя сверху слой не более 1/2 вершка, железными лопатами разрубают соль на отдельные площадки и плиты, плиты осторожно поднимают из воды (чтоб не затронуть ил) и сбрасывают в кучи. Поднимают плиты или широкими продырявленными лопатами на кривых ручках, или руками. Когда соль немного высохнет, ее перекадывают в ручные тачки и вывозят на берег, где складывают в бугры (кагаты). Бугры ничем не накрывают; в течение года происходит усушка и утечка от 1/6 до 1/5 количества сложенной соли, из нее выходит горечь. Соединения (сернокислый натр, хлористый магний и сернокислая магнезия), дающие соли горький вкус, имеют свойство разлагаться на воздухе, выветриваться и отделяться при перевозке. Вместе с этим из соли выходит часть воды, также горьковатой на вкус. Вот причина тому, почему лежавшая соль и перевезенная куда-нибудь лучше только что вынутой.

Добыча в Крыму, на Сакском озере, отличается от куяльницкой. Куяльницкий лиман с трех сторон окружен возвышенностями, сакские озера открыты со всех сторон. Ветры усиливают иссушающее действие солнца на сгущение рапы, из-за этого Сакское озеро уже в апреле достигает плотности почти 25%, тогда как в это время Куяльницкий лиман едва достигает 12%. Наливание рапы в бассейны начинается в апреле, и наливают слой до 10 вершков; под воздействием сильных ветров и солнечных лучей быстрее идет процесс испарения. Чтобы избежать горечи, в бассейн необходимо подливать свежую рапу (Скальковский 1853: 63—77). В Куяльницком и Хаджибеевском лимане еще заметны следы протоков на пересяпях, видимо, с их не столь давним обновлением связана и солеродность. Возможно, протоки искусственно очищали, как это делается на лимане Берды в Таврической губернии (Скальковский 1853: 81).

Сбор соли на самосадочных озерах. Этот вид соледобычи описан А. А. Скальковским на примере Бессарабского соляного промысла. Соль начинала садиться по спадению внешних вод, т. е. в июне. Садка продолжается в июле, а в августе происходит сама добыча. Обыкновенно рабочие люди с повозками и скотом располагались табором внутри черты промыслов. С ранней весны приходили в окрестности м. Тузлы (возле Шаганского и Алибейского озер) бесчисленные вереницы повозок и располагались таборами в степях, окружающих промыслы. Там они пользовались безденежно пастбищами и водопоями из нарочно устроенных колодцев. В год могло прийти до 60 000 повозок, 15 000 погонщиков, 120 000 голов скота. А с 1 августа приступали к ломке. Рабочие нарочно для того устроенными повозками въезжали на весьма далекое пространство в самое озеро, не имеющее вовсе крутых берегов. Соль составляет дно, а вода держится сверху, не имея и одного фута глубины. Затем особого рода вилами и лопатами ломают они соль и нагружают на повозки. Вода по вилам стекает, а соль, обсохнув, сгружается в бурты, твердеет и составляет сплошную массу. По среднему вычислению, промышленников (то есть покупателей) здесь бывает до 700 человек, рабочих до 10 тысяч человек, добыча соли превосходит от 3 до 6 млн. пудов. В прежние времена бессарабские жители целыми тысячами приходили для добывания соли, брали участки на озерах, ломали и, очистив, увозили (Скальковский 1853: 491—506). Наиболее известными были куяльницкие соляные источники, откуда соль завозилась не только в глубины нынешней

№2. 2010

Украины, но и в Западную Европу. В меньших количествах соль добывалась на других лиманах и соленых озерах.

Перевозка соли осуществлялась на возах; на одном возу помещалось около 51 пуда соли. Кроме того, переворачивание, перевозка соли на открытом воздухе также благоприятна для улучшения ее вкусовых качеств (Скальковский 1853: 82).

В наши дни методы добычи садовой соли в Северном Причерноморье практически не изменились. Описание современного производства совпадает с аналогичным промыслом в XIX веке, механизирован лишь последний этап — сборка соли комбайнами. К примеру, на озере Сиваш (Крым) добыча соли ведется следующим образом. В небольшие искусственные бассейны прямоугольной формы, отделенные от Сиваша перегородками, тонким слоем напускают рапу. Под жаркими лучами крымского солнца она сильно прогревается и упаривается. Содействуют этому и устойчивые сухие ветры, пронесшие над Сивашом. При концентрации рассола от 60 до 135 промилле выпадает углекислый кальций, оседающий на дно. Затем рапу спускают в подготовительный бассейн, где соленость доводят до 25 промилле и выпадает сернокислый кальций. После этого рапу перекачивают в запасные глубокие бассейны, в которых она остается осенью и зимой. Весной рассол переводят в неглубокие садовые бассейны. Здесь она прогревается, и, когда соленость достигает 27 промилле, начинается осаждение поваренной соли. По мере испарения в бассейн добавляют новые порции рапы. В конце лета на дне накапливается слой соли, который извлекают. Таким путем за сезон получают 15—16 тысяч тонн соли. Складывают ее в большие бурты и выдерживают на воздухе один-два года. За это время дождевые воды вымывают легкорастворимые горькие соединения магния и тем самым очищают соль. Оставшаяся после садки поваренной соли маточная рапа содержит ценные соли магния, калия, брома и может перерабатываться дальше. Но кристаллизация солей из Сиваша происходит и при сильном охлаждении (Анализ 2008).

Часть 4. Сакрально-производственные комплексы усатовской культуры

Сопоставление археологических памятников эпохи палеометалла с местами добычи соли позволяет сделать определенные выводы. В Северо-Западном Причерноморье кар-

тографирование исследованных курганов скотоводческих культур показывает, что они чаще расположены не в степной зоне (что было бы логично: здесь население могло бы передвигаться со стадами по пастбищам вблизи воды), а возле соляных источников. Так, население усатовской культуры освоило территорию возле Хаджибеевского лимана, Днестровского лимана, комплекса лиманов Алибей-Шаганы-Сасык и пространство между озерами Ялпуг и Кагул (рис. 1). Неординарные памятники концентрируются возле Хаджибеевского лимана (Усатово), Сухого лимана (Александровка), Будакского лимана (Аккембетский курган), на разных берегах Днестровского лимана и в Нижнем Поднестровье (Садовое, Маяки, Тудорово, Пуркары и др.).

Многими своими чертами усатовские памятники, традиционно считающиеся поселениями, — Усатово-Большой Куяльник и Маяки — не отвечают представлениям о селище как о месте обитания. В. Г. Петренко убедительно показал, что Усатово (и, вероятно, Маяки) являются археологическими комплексами типа ритуальных городищ или церемониальных центров (Петренко 2003: 141). На наш взгляд, есть основания считать их ритуально-промысловыми поселками, специализировавшимися на производстве садовой соли. Нашему предположению не противоречит, а напротив, косвенным образом подтверждает его, трактовка этих объектов как культовых комплексов, где проводились обрядово-фестивальные празднества и жертвоприношения.

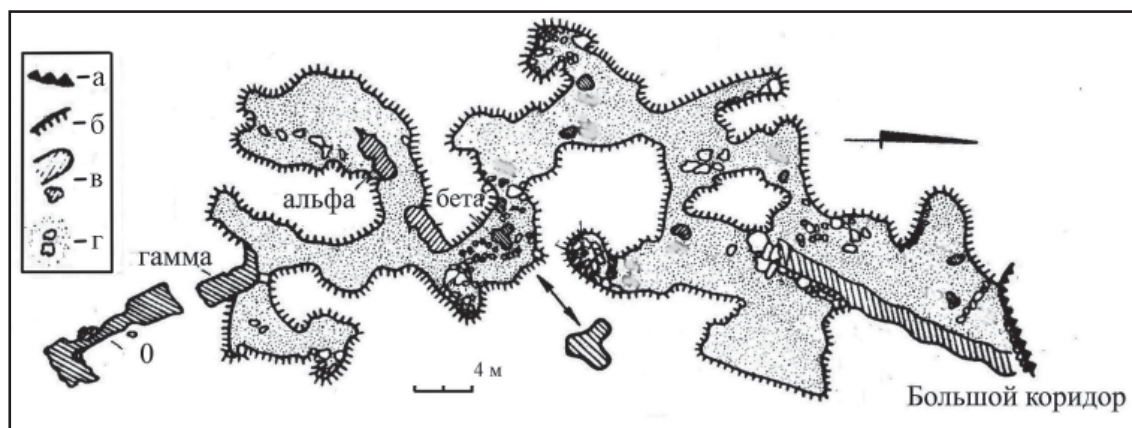
Так называемое Усатовское «поселение» расположено на правом берегу Хаджибеевского лимана, на мысу высокого степного плато. Исследователи обращали внимание на крайне неудобное расположение этого комплекса, если трактовать его как поселение. Плато открыто со всех сторон для ветров, сильно вымывается дождями, а весной — талой водой (Патокова 1979: 11). Поверхность мыса, с повышением к центру, ограничена с трех сторон высокими склонами. Для «поселения» был выбран наименее удобный во всех отношениях боковой каменистый выступ, который нависает над долиной лимана и обращен к морю, не очень удобен он и для «требища», опять же из-за метеорологических особенностей. Над этим местом постоянно дуют ветра, стихая ненадолго лишь утром и вечером, источник питьевой воды расположен достаточно далеко, на расстоянии около 1 км. С точки зрения обороны расположение «поселения» малоэффективно, тем более что отсутствуют следы защищенного укрытия. Наземные со-

оружия из камня представлены обрывками кладок, развалами камней, восстановить планировку которых невозможно. Культурный слой памятника не имел ничего общего с традиционным для поселений и скорее производил впечатление бытового мусора: раковины (часть из них целые), раздробленные кости животных, фрагменты керамики, кремня, золотистые отложения (Петренко 2003: 138—139). Особый интерес вызывали у исследователей так называемые «коридоры» — искусственные прямоугольные углубления, вырубленные в известняке. Традиционно больший из них (длиной 24 м, глубиной 1,2 м, шириной сверху 2,1 м, внизу 1,32 м) считали оборонительным рвом, а четыре меньших — остатками углубленных жилищ (Пагокова 1979: 15—17). В. Г. Петренко предложил иную их интерпретацию, считая, что в совокупности эти «коридоры» составляли единую фигуру, кольцо или многоугольник (из-за разрушенности значительной части памятника каменоломнями восстановить первоначальный замысел строителей невозможно). Таким образом, ритуальная площадка условно делилась на «детинец» и «посад» (рис. 13). Внутри «детинца» были выявлены отдельные пятна культурного слоя с ямами и каменной вымосткой из щебенки. Во внешней зоне («посаде»), кроме вымосток и ям с послойным наполнением, находились ритуальные площадки, ограниченные грунтовыми ровиками, и менгиры. Возле каменных «коридоров» и внутри них были наиболее мощные и наиболее насыщенные напластования. Здесь найдено наибольшее количество сакральных предметов: статуэтки, кубики, курильницы, сосуды на ножках, миниатюрные (вотивные?) сосуды, керамический бой. В проходе на «детинец», ограниченном по бокам каменными «коридорами», находился на-

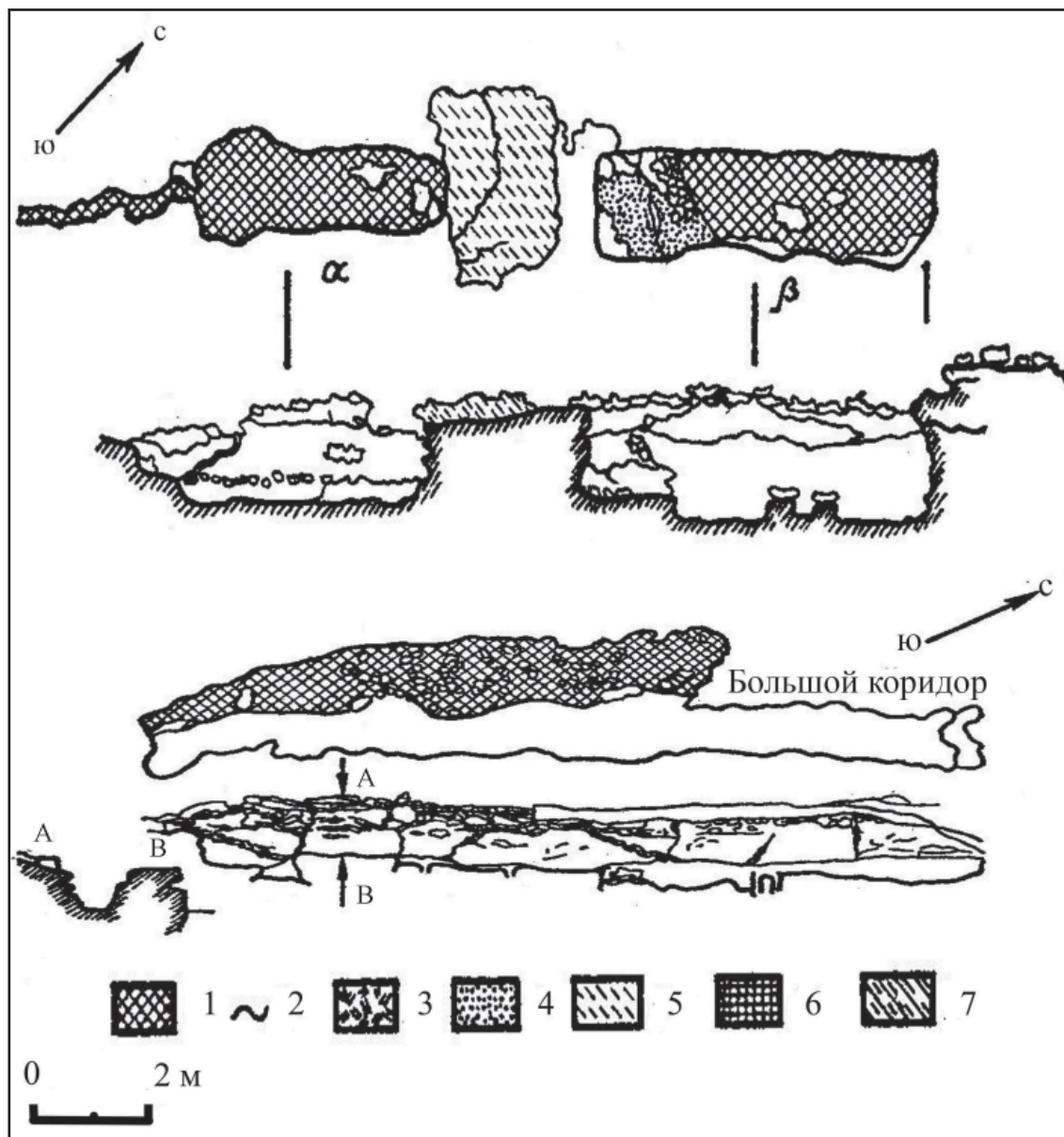
сыпанный послойно зольник с прослойками известняковой крошки. Тут находились разнообразные сооружения, которые можно интерпретировать как жертвенники, а также оголенная площадка известняка, приспособленная под «огнище». Такое объединение «требища» с находящимся рядом могильником позволяет считать Усатово-Большой Куяльник уникальным ритуальным комплексом (Петренко 2003: 139—140).

Предложенная В. Г. Петренко реконструкция очень убедительно описывает ритуальную сторону проходивших на усатовском плато производственных процессов. Амбивалентные свойства соли практически повсеместно обусловили ее участие в разнообразных ритуалах. Не меньшее впечатление, чем физические свойства готовой соли, на древних людей должен был производить «магический» процесс кристаллизации (садки) соли, ее «рождение». Обретение материального благополучия (в виде продуктов и артефактов, полученных в обмен на соль), редких импортных вещей, металла, расписной посуды и пр. оказалось напрямую связанным с процессами кристаллизации соли и солеварения, что и обусловило яркую ритуальную окраску этого места.

Для промыслового комплекса по добыче соли место было выбрано чрезвычайно удачно: сильные ветра способствуют и садке соли, и сушке соли, сложенной в бурты, удалению из нее горечи. Топографическая ситуация здесь приближена к солеродным озерам Сиваша, расположенным на возвышенностях и доступных ветрам. При сильных ветрах раньше начинается садка соли, также появляется возможность собирать за лето несколько урожаев. На наш взгляд, все имеющиеся на усатовском промысловом поселении комплексы имеют

Рис. 13 «Коридоры» в Усатово-Большой Куяльник (план участка II) (по Петренко 1989); а — край плато; б — граница каменоломен XIX века; в — траншеи и ямы в известняке; г — остатки каменных кладок.

Рис. 14. «Коридоры» альфа и бета в Усатово-Большой Куяльник (по Патокова 1979). 1 — провалы; 2 — границы коридоров; 3 — ступеньки; 4 — остатки культурного слоя; 5 — плита; 6 — чернозем; 7 — глина.

отношение к различным процессам производства соли (рис. 13—15). В первую очередь рассмотрим четыре «коридора», или «жилища» (Патокова 1979: 15—19).

Коридор «альфа», размеры 4,3×1,6 м, глубина 1,33 м, имеет ступеньку (ширина 80 см) в южной короткой стенке; коридор «бета», размеры 6×1,6 м, глубина 1,33 м, также имеет ступеньку в южной стенке, но достаточно широкую, названную «лежанкою». В средней части этого коридора открыто два каменных столба, на которые были положены небольшие плитки. Оба коридора составляют единый комплекс, ориентированный по линии СЗ-ЮВ. Один «коридор» сопрягается с другим посредством трехметровой (судя по чертежу — наклонной) перемычки между ними,

на которой лежала плоская каменная плита (3,5×2 м). Причем расположены они перпендикулярно остальным «коридорам», не вписываясь в предполагаемую геометрическую фигуру рва (рис. 14).

Мы полагаем, что сооружения «альфа» и «бета» представляют собой комплекс бассейнов для производства соли, маточный и садочный. В одном из них рапа отстаивалась, затем переливалась в садочный бассейн, где шла непосредственная садка соли. Стены бассейна на уровне его наполнения были обмазаны глиной для создания водонепроницаемой поверхности, которая размывалась и вновь была восстановлена, о чем свидетельствуют несколько слоев отложений желтой глины в придонной части (Патокова 1979: 18).

Вероятно, такая обмазка придонной части была во всех бассейнах, но не везде сохранилась. Толщина воды для лучшей садки соли в садовом бассейне должна быть небольшой, возможно, столбики являлись своеобразными маркерами толщины слоя рапы, и в то же время могли служить для установки на них опорных столбов для временных навесов при непогоде. Возможно, на них устанавливались какие-то ритуальные артефакты, «способствующие» процессу кристаллизации. Ступеньки и «лежанка» могли быть техническими приспособлениями для спуска в бассейн и сбора соли; также на них было достаточно места, чтобы проводить определенные ритуалы, способствующие рождению соли, учитывая концентрацию возле них (и внутри) основного количества найденных сакральных предметов. Как известно, известняк довольно гигроскопичен (поглощаемость влаги составляет 10%), что требует его обмазки, хотя известные естественные известняковые водоемы без дополнитель-

ного покрытия глиной (например, в Крыму и Турции).

Коридор «гамма» имел длину около 5,6 м, ширину 2,6 м, глубину около 1,3 м, ориентирован ЮЗ-СВ (рис. 15). В северной части коридора выявлен спуск в виде трех ступенек. Здесь обнаружен каменный столбик; в дне «коридора» сделано углубление, т. е. эту конструкцию также можно воспринимать как пару бассейнов. Несколько иную конфигурацию имел «коридор омега», он состоял из двух прямоугольных камер-углублений, соединенных между собой узкой траншеей (длина 4,5 м, ширина 0,7—0,8 м). По длинной оси камеры ориентированы перпендикулярно друг к другу. Юго-восточная камера имеет форму подпрямоугольника с длиной стен 4,5 м, 4 м, 3,5 м и 4,5 м, у юго-восточной стены вырублена ступенька шириной 1,5 м. Юго-западная камера размерами с длиной стен 4 м, 4,5 м, 2,5 м и 2 м ступенек не имеет. Дно соединительной траншеи находится выше пола камер

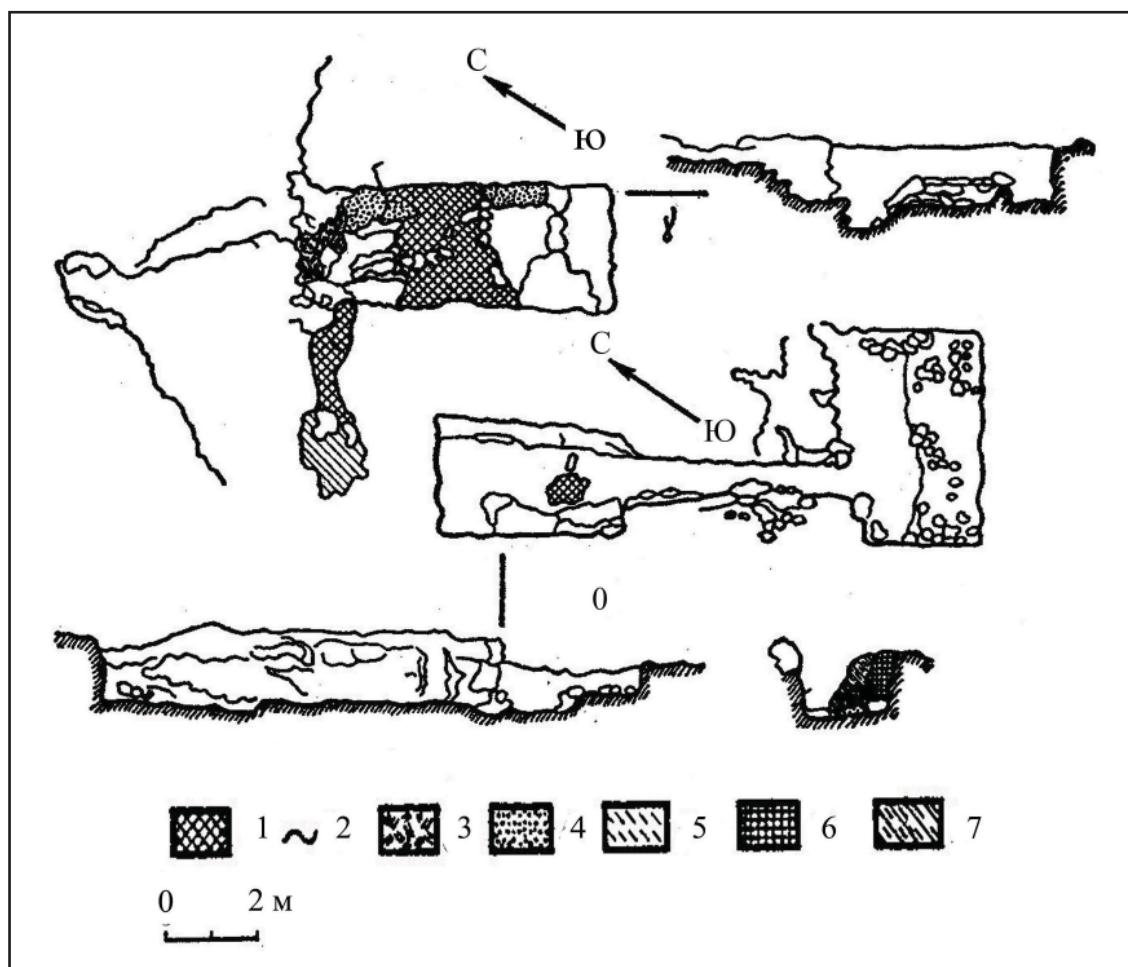

Рис. 15. «Коридоры» гамма и омега в Усатово-Большой Куяльник (по Патокова 1979). 1 — провалы; 2 — границы коридоров; 3 — ступеньки; 4 — остатки культурного слоя; 5 — глина; 6 — чернозем; 7 — глина.

№2. 2010

на 8—10 см. Следовательно, и здесь прослежена конструкция из двух бассейнов, в разрезе прослеживается слой желтой глины, видимо, от обмазки. В тех бассейнах, где глина не прослежена, могли использоваться водоросли для обкладки дна и придонной части стенок (такой прием известен в Средиземноморье).

Таким образом, сохранилось четыре парных бассейна, представляющих собой традиционное сочетание маточного и садочного бассейнов. В бассейнах «альфа» и «бета» перенос рапы мог осуществляться из одного бассейна в другой вручную, причем наклонная плита известняка между ними позволяет предположить использование и элементов капельного градирования, когда рапа пропускается по расположенным под наклоном пучкам прутьев. В бассейнах «гамма» и «омега», вероятно, спуск рапы осуществлялся через глиняные шлюзы-перегородки, причем в последнем комплексе — по каналу. Общая площадь этих бассейнов около 57 кв. м. Поскольку неясно, какой из бассейнов служил садочным, а какой — маточным, условно посчитаем, что «рабочая» площадь этих четырех комплексов составляла около 30 кв. м. При толщине соляной корки около 7 см вес квадратной сажени составлял около 12 пудов (Скальковский 1853), т. е. один квадратный метр давал 42 кг соли, а даже одна садка в сезон на этих бассейнах могла дать 1260 кг.

Мы не можем восстановить, были ли еще бассейны на Усатовском поселении, каково могло быть их количество. Что собой представлял «большой коридор»? Он был ориентирован с севера на юг и выходил к обрыву плато, имел отвесные стены; вход в него облегчался при помощи углублений в стене. На поверхности вдоль края коридора были поставлены вертикально известняковые плиты, возможно, для поддержки перекрытия. Он мог быть разделен глиняными перегородками на 4—6 садочных бассейна, но мог использоваться для хранения зимних запасов рапы, что также принято в практике соляных промыслов. Нет данных подтвердить или опровергнуть эти предположения. Еще одна траншея в известняке, каменные кладки и следы очагов раскрыты на оползневой террасе, под упавшими глыбами известняка; неясно, существовала ли эта терраса в усатовское время или образовалась позже (Петренко 1989: 88).

Вероятно, с течением времени, в связи с некоторым опреснением воды в лимане или же с климатическими изменениями, при которых садка соли прекратилась (или при сочетании двух причин), возникла необходимость концентрации рапы и кристаллизации

соли путем выпаривания. С этим жизненным этапом и этим производственным процессом, как мы предполагаем, связана печь, которая состояла из трех плит, перекрытых четвертой, установленная над углублением в форме головы быка, заполненным пеплом. Неподалеку найдены кости тура, глиняная фигурка быка и глиняный кубик с косым крестом на одной из его граней (Патокова 1979: 19). Напомним, что печь с плоской поверхностью, на которую ставились крупные сосуды с рапой для выпаривания соли, была найдена и реконструирована немецкими археологами при раскопках поселения римского времени вблизи Бад Нойхайм (рис. 12). В Провадии (поселении раннего бронзового века в Западном Причерноморье), где зафиксирована добыча соли, с выпариванием соли связывают сосуды крупных форм, не имеющие аналогов на обычных бытовых памятниках. В пористой структуре глины и отложениях на стенках таких сосудов были выявлены калий и хлорид магнезии, обычно присутствующие в соли и придающие ей горечь (Stoyanova 2008: 13). Здесь следует указать на крупные широкогорлые сосуды диаметром 50—80 см с толщиной стенок до 2 см, изготовленные из грубого теста, найденные в Усатово, но их химические исследования не проводились (рис. 17: 6, 9, 12, 15) (Патокова 1979: 30—33). Раскопанное в Абхазии, близ г. Очамчиры, производственное селище-солеварня кобанской культуры характеризовалось отсутствием жилых помещений (при наличии крупных производственных построек в виде навесов над кострищами) и наличием сосудов из грубого пористого теста, которые использовались для выпаривания соли. Как отмечает автор раскопок, такое тесто служит лучшему испарению воды (Соловьев 1947). Помимо печи, в Усатово найдены кострища и зольники, также следы горения зафиксированы и внутри «бассейнов». Видимо, на этом этапе функционирования промыслов бассейны использовались уже не для концентрации рапы, а для разведения в них огня и выпаривания соли в сосудах. Отметим, что с соледобычей связывают зольники на поселениях Золтан и Олтени (культура Ноуа), расположенных вблизи соленого источника в Трансильвании. Считают, что массивные глиняные сосуды-«контейнеры» предназначались для выпаривания соли (Harding, Savruc 2008: 30). Сильные ветра на мысу, где расположен усатовский комплекс, предполагают определенную защиту огня; в то же время при разведении огня во рвах ветер усиливает тягу, поэтому находки зольников и кострищ внутри «рвов» и «бассейнов» вполне объяс-

нимы. Кроме того, отсутствие в описаниях сильной копоти на сосудах (которая образовалась бы при регулярном их использовании на открытом огне) может свидетельствовать в пользу наличия печей, очагов или камней, на которые ставились сосуды у костра: например, описана находка антропоморфной плиты в углублении среди остатков четырех кострищ (Патокова 1979: 19). В. Г. Петренко трактует как жаровни небольшие, но массивные сосуды с толстым (до 5 см) дном и прокаленной внешней поверхностью, а каменные столбики внутри бассейнов — как очажные подпорки (Петренко 1989: 119). Эти сосуды также могли использоваться как емкости для выпаривания (или сушки) небольшого количества соли для сиюминутных нужд. В результате эксперимента, проведенного румынскими археологами (на основе опыта местных жителей) вблизи соленого источника у Кукутень-Слатина Веке (Румыния), было установлено, что для получения 1,5 кг мокрой соли достаточно выпаривать предварительно сгущенную концентрированную рапу (концентрация 41 промилле) в широкой открытой посуде (миска) на открытом огне в течение 50 минут. Затем соль сушится на ветру в матерчатых узлах или мешочках (Munteanu et al. 2007: 69).

Существует способ выпаривания соли при помощи нагретой гальки, которую опускали в сосуд с рапой (Соловьев 1947), но о горелой гальке или камнях исследователи не упоминают. Соль могла добываться на кострищах и довольно примитивным способом, который также испробовали в своих технических экспериментах румынские археологи и который известен по этнографическим параллелям. Он заключается в поливании дров костра соленой водой; в процессе эксперимента поленья костра (объем древесины составил 1,5 куб. м), который горел 5,5 часов, были политы 90 литрами воды из соленого озера (неконцентрированный рассол, соленость 16 промилле), в результате было получено 1,3 кг соли (Nicola et al. 2007: 51).

На территории Усатовского поселения было открыто сооружение, имевшее вид наземного коридора, состоявшего из небольших плит, поставленных на ребро, которые стояли двумя параллельными рядами на специальной площадке, вымощенной мелким камнем. Это могло быть место складирования соли для ее выветривания, с вымосткой для технических целей (дренаж или во избежание загрязнения). Сложенная соль подпиралась камнями-менгирами, поскольку освоить технику возведения таких буртов, как на одесских промыслах, возможно лишь при масштабной добыче и определенном опыте

и навыках. Утилитарные и ритуальные функции вновь связываются в едином контексте. Отдельные фрагменты каменных кладок также могли быть объяснены возведением навесов над добытой солью или готовой продукцией (брикетами). Отмечается, что во внешней зоне комплекса («посаде»), кроме вымосток и ям с послойным заполнением, находились ритуальные площадки, ограниченные грунтовыми ровиками. Известно, что соляные бурты окапывали ровиками для предотвращения их размывания тальми и дождевыми водами, что особенно актуально для Усатово, с учетом особенностей его топографии (Петренко 2003: 139—140).

Из данных этнографии и по археологическим памятникам разных эпох известно изготовление брикетов из влажной соли при помощи керамических форм (рис. 17: 1—3). Считают, что первый брикетаж появился в середине V тыс. до н. э., «слитки» соли для удобства транспортировки и обменных функций формировались из мокрой соли в керамических контейнерах и приобретали вид хлебцев, цилиндров, параллелепипедов и пр. (Weller, Dumitroaia 2005). Возможно, брикетаж был освоен усатовскими солеварями: такими керамическими формами могли служить несколько необычных сосудов прямоугольных и цилиндрических очертаний, а также миниатюрные (т. н. «вотивные») сосуды, известные в керамическом комплексе Усатово (рис. 17). Складирование «товара» могло осуществляться на площадках (или вымостках), окруженных ровиками, вероятно, под навесами.

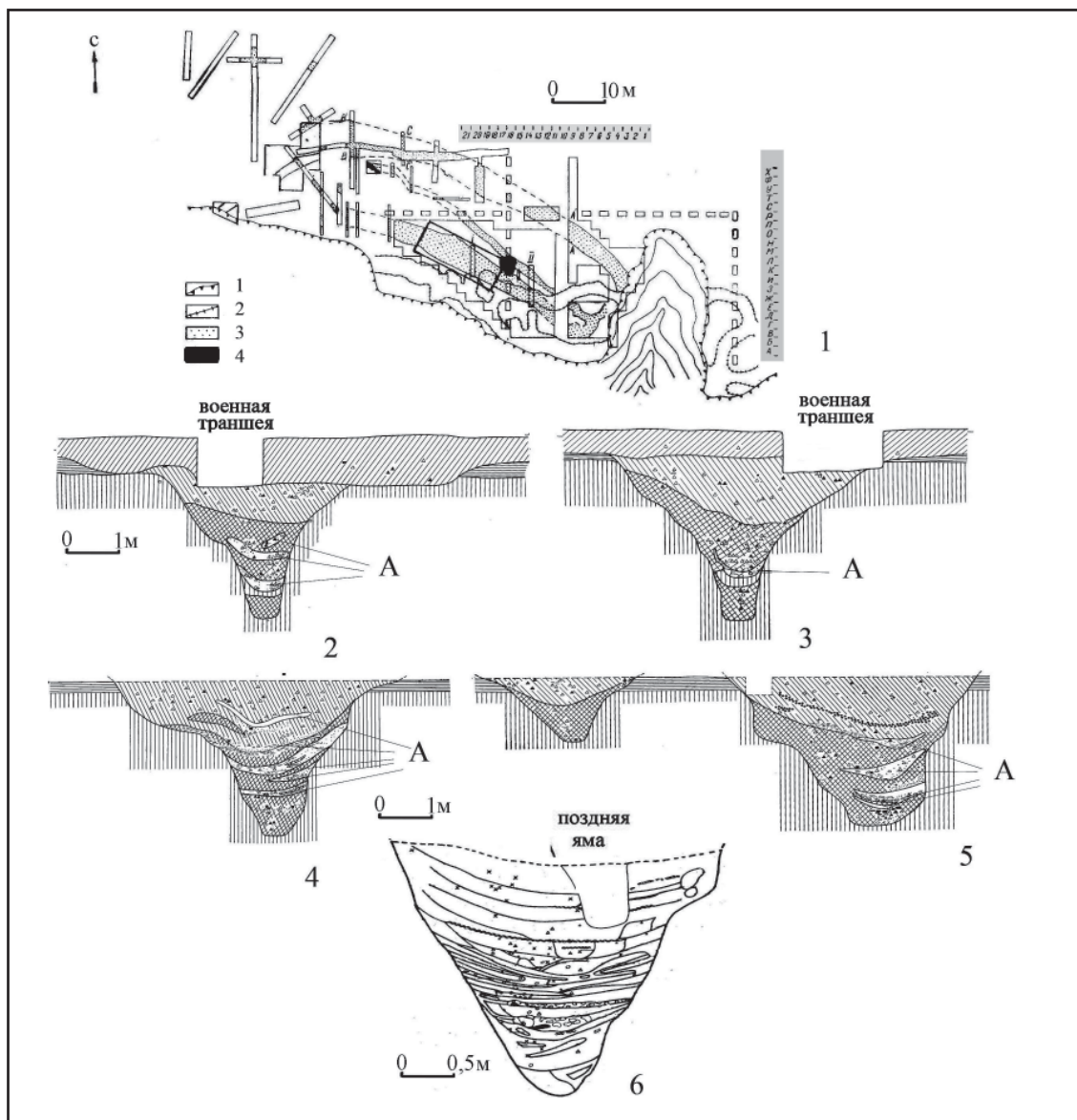
Все наши объяснения не исключают сакральной окраски проводимых действий по добыче соли, напротив, культовый характер этого места получил определенное логическое объяснение. Скорее всего, усатовским населением была освоена первоначально добыча соли непосредственно из лимана затем — в небольших бассейнах на самом берегу лимана; это вполне естественно, учитывая, что лиман родит соль не каждый год. Перебраться выше мог заставить комплекс причин, в том числе исключительного производственного характера, определивших выбор новой площадке на мысу, где постоянный сильный ветер способствовал и оседанию соли, и ее проветриванию, и очищению от солей магнезии, придающих соли горечь. Ценность товара и его большое количество ставили вопрос о его хранении. Вырубленные в известняке цистерны можно было укрыть от посторонних глаз, уберечь навесами от дождя, в отличие от открытых бассейнов на берегу лимана. Вырубались ли они специально

№2. 2010

для соляных промыслов? Предполагается, что камень из них использовался в погребальном обряде (Пагокова 1979: 18); возможно, используя впервые длинную траншею («большой коридор») под садовые бассейны, в дальнейшем носители усатовских традиций при добыче камня для погребальных нужд сознательно формировали бассейны более удобных для производства очертаний. Косвенно

о целенаправленной работе говорит стандартизированная глубина этих сооружений — около 1,3 м.

На наш взгляд, говорить о жилищах, вырубленных в скалах нет оснований. В мире известны и небольшие селения в скалах, и скальные города, причем строительство их продолжалось вплоть до XX века. Но во всех случаях, в той или иной исторической эпохе,

Рис. 16. Маяки: план памятника и разрезы рвов (1—5 — по Збенович 1974; 6 — по Петренко 1989). 1 — общий план (1 — береговой обрыв; 2 — военная траншея; 3 — древние рвы, пятна культурного слоя; 4 — позднейшие нарушения), 2, 3 — внутренний ров, разрезы; 4—6 — внешний ров, разрезы). А — кострища, угли.

в определенном типе местности или в особом культурном окружении — это был оптимальный выбор человека в конкретной природной или социальной обстановке. Он напрямую связан с его адаптацией к сложившейся ситуации и с попыткой повлиять на нее (будь то особые природно-географические условия

или необходимость защитных укреплений, использование и расширение естественных пещер или потребность оборудования жилья при отсутствии материальной возможности его приобрести и пр.).

В окрестностях Усатовского поселения имеются намного более удобные места для

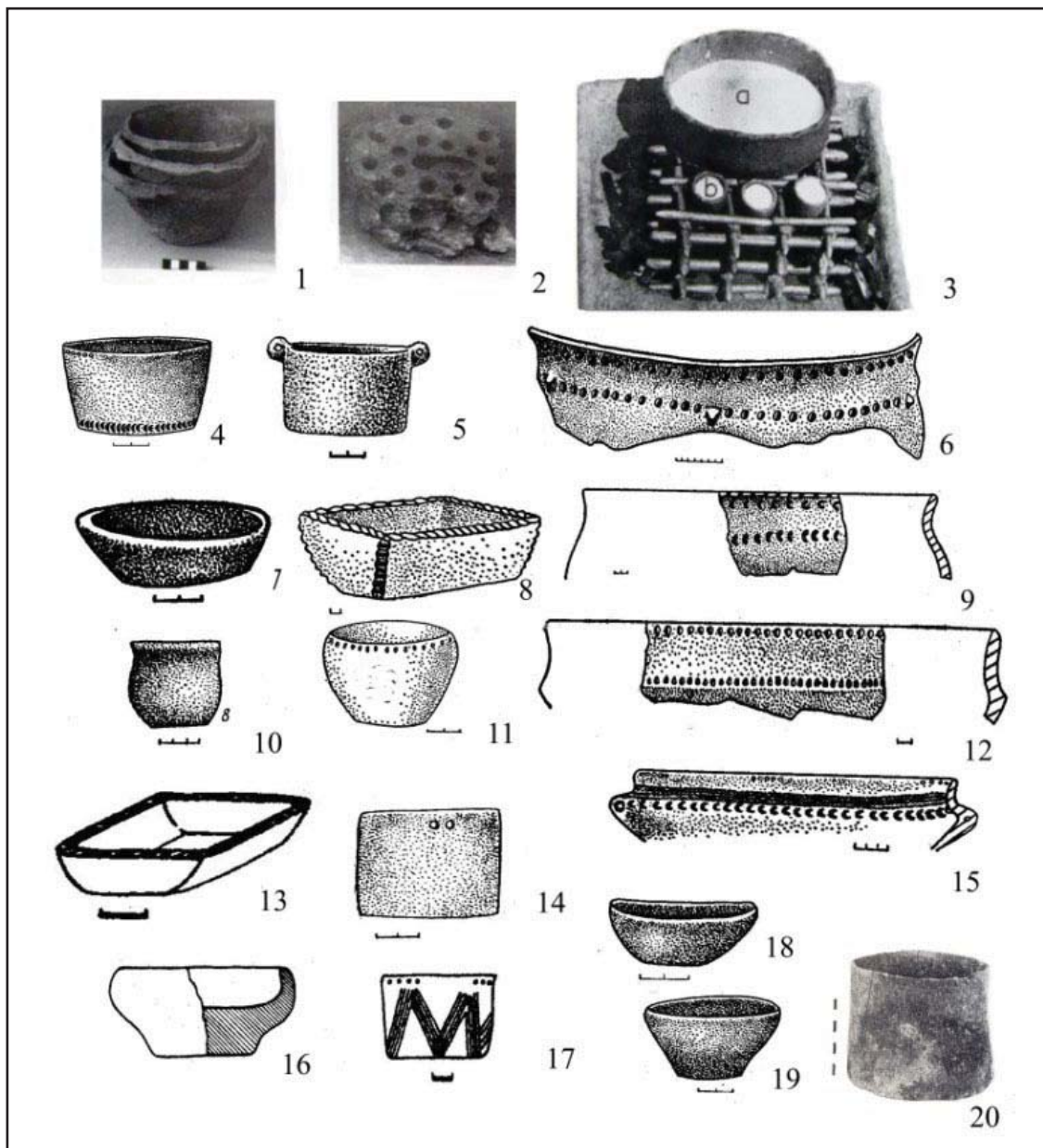
обитания, но для соляных промыслов это место являлось лучше всего приспособленным. Исследователи обращали внимание на то, что фаунистические остатки Усатово и Маяк резко отличаются от синхронных трипольских памятников количеством и составом (Петренко 1989; Видейко, Бурдо 2004; Журавльов 2008). Такая ситуация объясняется тем, что животные, чьи останки были найдены, доставлялись людьми для проведения жертвоприношений, празднеств и ритуальных пиров, а не отражают конкретный состав стада. Количество костей домашних животных, найденных при раскопках памятников усатовского типа, суммарно превосходит число костей всех вместе взятых раннетрипольских памятников, исключая наиболее крупные раннетрипольские коллекции. Количество домашних особей из Усатово (790) и Маяк (1030) сопоставимо с единственным памятником трипольской культуры — Бернашовка (804). Но Бернашовка является не просто поселением, а долговременным ритуальным комплексом, который возник на месте поселения после его оставления. Многочисленные кости животных в культурном слое являются следами жертвоприношений, а не результатом жизнедеятельности обитателей поселка: такого количества ежегодного потребления мяса на одного жителя (118 кг в год) неизвестно ни для земледельческих обществ вообще, ни для энеолита в частности (Видейко, Бурдо 2004: 68—69, 78).

«Поселение» Маяки названо так достаточно условно. К нему, как и к Усатово, вполне применимо определение церемониального центра (Петренко 2003). Так же, как и в Усатово, единственным объектом исследования здесь являются траншеи (правда, траншеи не вырублены в известняке, а вырыты в земле). Культурный слой и какие-либо следы жилищ отсутствуют. Весь материал сосредоточен в ямах и трех канавах — т. н. рвах длиной около 70 м (рис. 16: 1). Комплекс вытянут вдоль склона к пойме Днестра и находится на высоте 12 м над современным уровнем воды. Внутренний ров находился в 13 м южнее внешнего и тянулся параллельно ему. Противоположные концы внутреннего и внешнего ровов по диагонали были соединены узкой канавой. Рвы долгое время считали оборонительными. В дальнейшем исследователи приходят к выводу, что планировка ровов совершенно нерациональна с точки зрения фортификации и предлагают считать их связанными с добычей суглинка для строительных работ. Предполагается, что в дальнейшем «рвы» использовали для отходов золы

и устройства очагов, возможно — устройства землянки (Петренко 1989: 89—91). Ко рвам примыкает могильник с неординарными комплексами и раритетными находками, в чем также просматриваются аналогии с Усатово.

На наш взгляд, Маяки может представлять собой такой же соляной промысел (ритуально-производственный комплекс), как и Усатово, организованный по сходной архитектурной и технологической схеме и даже в отчасти сходных топографических условиях. Близость керамического материала Маяк и Усатово позволяет предположить определенную их взаимосвязь. Более того, структура напластований комплексов в какой-то степени напоминает древнейший в Европе соляной промысел, обнаруженный в Румынской Молдове, начало функционирования которого связывают с культурой Старчево-Криш и относят к эпохе неолита (Weller, Dumitroaia 2005). Этот соляной промысел в современном виде представляет собой стратифицированное скопление золы, мусора, обожженной почвы длиной около 60 м, шириной около 25 м, с высотой напластований около 3 м (рис. 20). Золистые прослойки неоднократно перемежаются со слоями прокаленного грунта, имеющего вид вогнутой линзы (полумесяца).

Рвы (внутренний и внешний) в Маяках исследовались неоднократно разными исследователями в разное время. Внешний ров имел ширину 0,4—0,6 м у дна, 4—5 м (иногда 6—8 м) в верхней части, глубину до 3,6 м, стратиграфические разрезы фиксируют в нем до 30 слоев. Внутренний ров имел сходную форму и размеры. Золистые слои насыщены костями животных и рыбной чешуей (Збенович 1974: 25; Петренко 1989: 89—91). Во внутреннем рву при его исследовании были выявлены кострища и вымощенная окатанным ракушечником площадка. Внешний ров имел форму воронки, в нем в разных частях и на разных глубинах обнаружены кострища, иногда в несколько слоев, причем расположены они с некоторыми интервалами на всем протяжении рва (рис. 16: 2—6). Заполнение ровов происходило, как и в Усатово-Большом Куяльнике, в процессе жизнедеятельности населения. Форма кострищ в разрезе напоминает полумесяц (Збенович 1974: 25), что сближает их с выявленными следами горения в Пояна-Слатина (Weller, Dumitroaia 2005: fig. 4). При повторном исследовании внешнего рва были обнаружены различного рода строительные остатки, частично обожженные, в том числе и фрагменты печи, которые, как считается, являются сброшенной в ров трипольской площадкой (Петренко 1989: 91). Но никаких

Рис. 17. Керамика для производства соли (выпаривание и брикетаж): 1 — сосуды для брикетаж; 2 — гриль для выпаривания; 3 — инсталляция процесса выпаривания; 4—18 — сосуды для брикетаж и выпаривания. 1—3 — Месопотамия, IV тыс. до н.э.; 4—12, 14, 15, 18, 19 — Усатово; 13, 16, 17 — Маяки; 20 — Николаевка 2/4. (1—3 — по Moga 2009; 4—12, 15, 18, 19 — по Патокова 1979; 13, 14, 16, 17 — по Петренко 1989; 20 — по Алексеева, 1992).

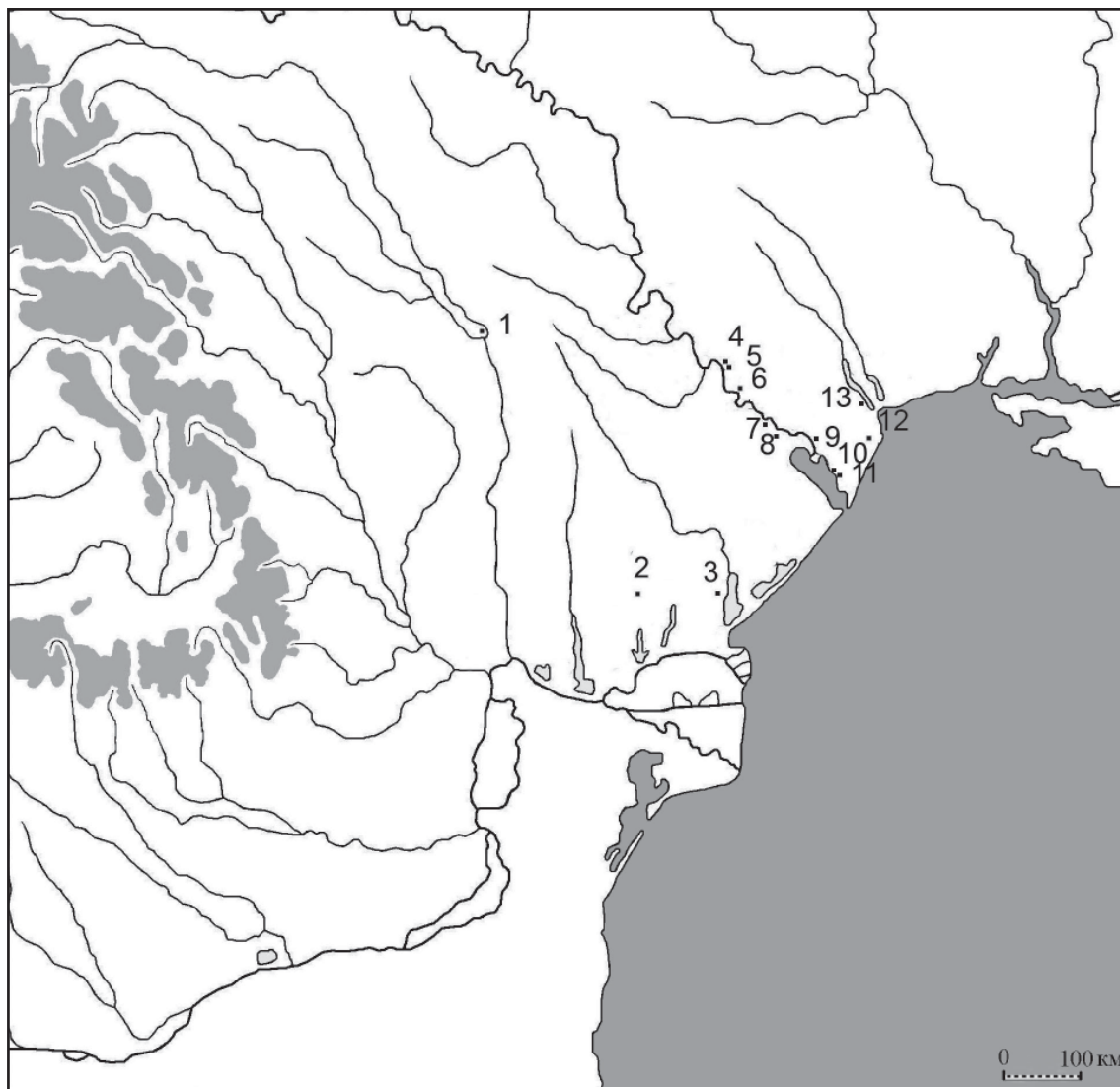
следов трипольского населения здесь не обнаружено, а для усатовской культуры ни разу не был зафиксирован обычай оставления и сжигания жилищ, впрочем, и жилища их также не известны. На наш взгляд, строительные остатки — это остатки какой-то конструкции, находившейся непосредственно во рву. Ров какое-то время стоял открытым, о чем свидетельствуют потеки на его дне; возможно, над ним впоследствии соорудили навес (толстые бревна и горбыли отпечатались на обмазке). Навесы над кострищами известны на соляном производственном комплексе кобанской культуры в Очамчира (Соловьев 1947).

Поселение Маяки является более поздним, чем Усатово, и если за «эталон» соляных присков был взят тот этап усатовского производства, когда бассейны Усатово использовались не под садку соли, а под ее выпаривание на очагах, то и ров в Маяках мог быть вырыт и «оборудован» в соответствии с имеющимся примером. Таким образом имитировались «коридоры» Усатово, и в то же время, как отмечают, рвы были необходимым техническим элементом при устройстве кострищ; предохраняли от ветра и улучшали тягу при горении (Збенович 1974: 30—31). Во рву выявлены уступы, известны они и в «кори-

дорах» Усагово. Кострища и обустроенная во рву печь могли служить и, вероятно, служили для выпаривания соли. Обожженная обмазка, сгоревшие прутья и обугленная древесина указывают и на открытый огонь, который разжигали во рву. Через некоторое время ров используется по-новому, строительными остатками забутовывается нижняя, самая узкая часть рва, поверх забутовки прослежен слой утрамбованной грязи (Петренко 1989: 90—91). Заметим, что на соляных приисках XIX века садочные бассейны каждый год обмазывались илом, который трамбовали специальными катками. Выявлена перегородка, которая делит исследованный участок рва на два «помещения», в каждом из которых — ниша (эта конструкция автором раскопок предположительно трактуется как землянка).

Можно предположить также, что конструкция функционировала какое-то время как садочный бассейн, в его традиционном виде (в паре с маточным бассейном). Вытянутые цепочкой бассейны традиционны для соляных приисков (наряду с квадратной сеткой). Единственное их отличие от известных по этнографическим данным — углубленность в землю (в Маяках) или в скальную породу (Усагово), что может быть объяснимо топографическими условиями, необходимостью их защиты, либо какими-то традициями.

Письменные источники, подтверждающие добычу соли именно близ этого лимана, неизвестны. Но при развитии соляных промыслов в масштабе Новороссии Днестровский лиман не представлял интереса, т. к. имелся неподалеку мощный солеродный Тузловский ком-

Рис. 18. Памятники усовской культуры с металлическим инвентарем. 1 — Данку; 2 — Огородное; 3 — Нерушай; 4 — Парканы; 5 — Терновка; 6 — Сукля; 7 — Пуркары; 8 — Тудорово; 9 — Маяки; 10 — Николаевка; 11 — Ефимовка; 12 — Александровка; 13 — Усагово.

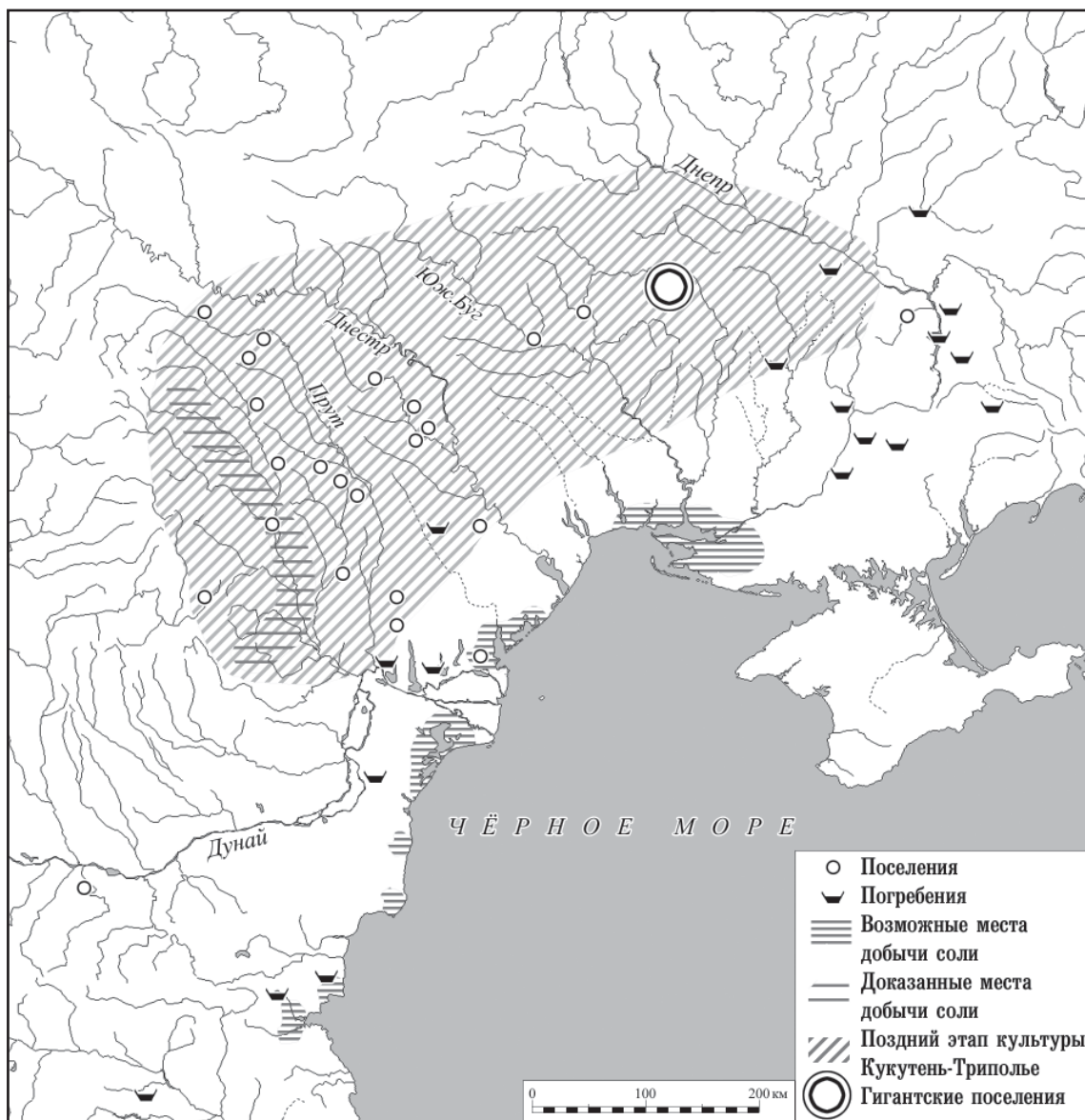

Рис. 19. Потенциальные районы соледобычи в неолите (по Monah 2008, авторы карты — J. Chapman, B. Gaydarska).

плекс. Для носителей усатовской культуры возможность добывать соль в этом лимане, вероятно, имела большое значение. И эта возможность была, на наш взгляд, реализована. Сегодняшние данные показывают, что соленость лимана сильно колеблется, но по максимальным своим показателям она вполне сопоставима с иными соляными озерами, т. е. добыча соли из его воды не представляет особых сложностей. Однако мы можем опираться лишь на косвенные источники: потенциальную возможность добывать соль из воды Днестровского лимана, цилиндрические (Николаевка, Маяки) и прямоугольные (Маяки) сосуды, которые могли служить для формовки соляных брикетов (рис. 17), окружение его неординарными захоронениями. И, наконец, не было иного товара, чем «белое золото», который усатовское население могло

предложить трипольскому (и населению других территорий) за получаемые от них металл, керамику, кремь.

Ритуальной жизни населением Маяк придавалось большое значение, и истоки этого явления, возможно, как и в Усатово, лежат в производстве соли. Отражением ритуалов явились культовые артефакты, сходные с Усатово (статуэтки), самобытность могильника и инвентаря, специфические черты обряда. Такого рода комплексы, как Усатово и Маяки, позволяют говорить о бинарности профанной (производственной) и сакральной практики усатовского населения. Вполне вероятно, что соледобычей и обменными операциями занималось и население других самых ярких памятников усатовской культуры, все они расположены близи лиманов: Садовое, Тудорово, Пуркары — на Днестровском ли-

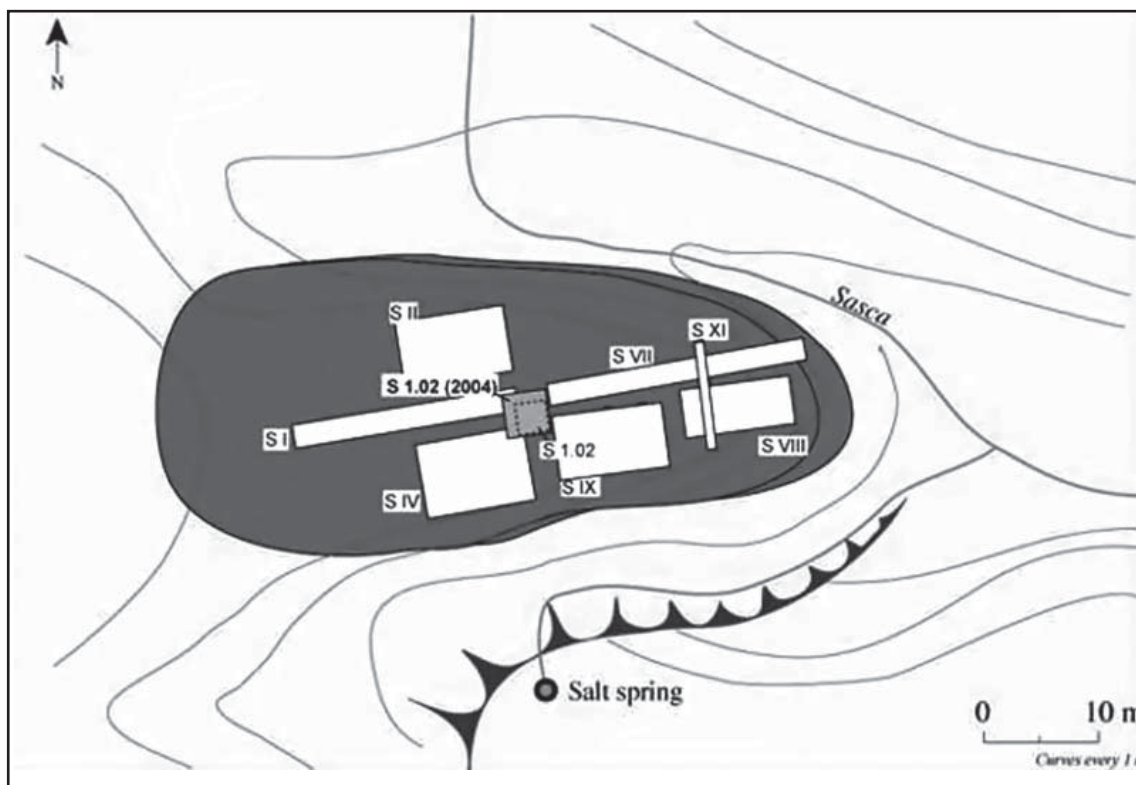

Рис. 20. Схема расположения комплекса по добыче соли в Пояна Слатина (по Weller, Dumitroaia 2005).

мане, Аккембетский курган — на Будацком, Александровка — на Сухом (добыча соли на двух последних лиманах упоминается в XIX веке).

Скорее всего, именно соль транспортировалась вдоль Днестра (или по Днестру) в ареал трипольских племен; видимо, часть раритетных украшений, изделия из металла, трипольская посуда, найденные в курганах Нижнего Поднестровья, получены при контактах с трипольским населением (рис. 18). Пассивной стороной усадовцы были в торговых операциях с населением Юго-Восточной Европы и (опосредовано) Передней Азии. О нужде Передней Азии в соли в различные времена (несмотря на наличие нескольких соляных озер) свидетельствуют письменные источники — соль доставлялась в Турцию из Крыма и Буджака как в средние века, так и в начале XX века.

В этом аспекте вызывает интерес локализация памятников некоторых культур бронзового века в других регионах. Так, в Приуралье памятники ямной культуры, насыщенные металлическим инвентарем, расположены не в районе Каргалинских рудников (50—140 км к северо-западу от Оренбурга), чего следовало бы ожидать, учитывая широкое распространение каргалинской меди в ямной среде региона, а на реке Илек, близ Соль-Илецкого

местонахождения, в 70 км к югу от Оренбурга (Моргунова, Кравцов 1994). Такая ситуация вполне объяснима: источники меди представляли ценность только для тех, кто обладал определенными знаниями и мастерством, в то время как соль была нужна и людям, и животным, а легкость ее добычи требовала охраны. Местонахождение представляет собой соляной купол, соленое ядро которого выходило на поверхность в виде горы Туз-Тюбе. Следов древних работ на ней не имеется, что не удивительно: добыча соли там длительное время велась очень доступным открытым методом. К концу XIX века на месте горы появилась котловина и в дальнейшем образовалось соляное озеро.

Обращает на себя внимание топография памятников новотиторовской культуры. А. Н. Гей отмечает локализацию большинства захоронений не в степной, а в приморской зоне, что не вполне логично для степных скотоводов (Гей 2000). Между тем, Восточное Приазовье изобилует соляными озерами и лиманами, вероятно, привлекавшими новотиторское население. Так же, как и в Северо-Западном Причерноморье (ямная культура), в этом ареале в захоронениях новотиторовской культуры фиксируется концентрация повозок и серебряных украшений. Корреляция определенных социально значимых символов

№2. 2010

с источниками соли может отражать значение соледобычи в экономике древних обществ раннего бронзового века.

Расположение катакомбных погребений с оружием вокруг Бахмутской котловины (с соляными озерами при Артемьевском месторождении каменной соли) может быть связано с напряженной обстановкой в регионе и борьбой за соляные прииски, а не только (возможно — и не столько) за источники металла (Кравец 2001). Затопленное катакомбное поселение на острове Орлов в Ягорльцком заливе (Охотников, Островерхов 1991: 23) также может быть соотнесено с соляными источниками Кинбурнской косы; тогда вполне объяснимо наличие более сотни летовок этой культуры вдоль по побережью Южного Буга, маркируя соляной путь на север, к стационарным катакомбным поселениям (Матвеевка).

Но все эти моменты требуют специального рассмотрения.

Заключение

Усатовская культура, включаемая исследователями в западнопонтийский культурный горизонт раннего бронзового века, оказывается связанной с Балкано-Карпатским регионом и Восточным Средиземноморьем отношениями, построенными на обмене природных ресурсов (соль) на металл и престижные артефакты. К ним относятся украшения из серебра (или серебро в слитках), из природных материалов, возможно — стекла, кинжалы с имитацией серебрения. Собственные металлургические традиции, выделяемые в особый усатовский очаг металлообработки, сложились, вероятно, в значительной степени благодаря контактам с северными соседями (позднетрипольскими племенами), с одной стороны, и населением Балкано-Карпатского региона (обитавшим вблизи металлургических центров) — с другой. От них могли быть получены некоторые раритетные вещи, металл (медь) и технологии работы с ним, парадная керамика и, вероятно, продукты питания. Основой развития межкультурных отношений являлись обмен и торговля солью, получаемой из причерноморских лиманов, о чем свидетельствуют остатки культово-производственных центров и импорт престижных вещей и металлов. При этом усатовцы не стремились на Балканы, осваивая Приднестровье и Попрутье в направлении торговых партнеров из среды трипольской культуры (выхватинской и гордишештской локальных групп). Курганы с усатовскими захоронениями вдоль Днестра могут отме-

чать существование древнего торгового пути. Другим таким путем, вероятно, менее значимым, был Прут.

На наш взгляд, можно считать усатовские племена первыми солеварями Северо-Западного Причерноморья, чья деятельность отразилась в археологических артефактах. Сам регион следует признать уникальным природным объектом, грандиозным районом соледобычи, освоение которого способствовало процессам культурогенеза в различные исторические эпохи (рис. 19). Исследователи отмечают возникновение многих из великих цивилизаций по краям «аридных» зон, в полупустынном и пустынном климате, где процесс кристаллизации соли наблюдается визуально, и именно соледобыча является основой расцвета их экономики и прогресса в социальном развитии. В районах с влажным климатом найти соляные источники и организовать добычу соли гораздо сложнее, поэтому подобные предпосылки и стимулы социо- и культурогенеза в них отсутствуют (Boboş 2008:16).

Запад степного Причерноморья выделяется как географическим расположением, так и характерными чертами и особенностями материальной культуры его обитателей в эпоху палеометалла. Здесь представлены особые локально-хронологические культурные группировки эпохи энеолита, относящиеся к варианту Болград-Алдень культуры Гумельница (Субботин 1983), суворовской культурной группы (Дергачев 1989), варианту квинтянской, или постмариупольской, культуры (Ковалева 2002: 64). В раннем бронзовом веке усатовская культура и локальный вариант ямной культуры (буджакский, юго-западный или «буджакская культура») соотносятся исключительно с регионом Северо-Западного Причерноморья (Петренко 1989; Мерперт 1974; Черняков 1979; Яровой 1985). Они отличаются от круга родственных культурных образований восприятием чужих традиций, технологий, артефактов, что могло происходить при непосредственных контактах. Стимулом и основой культурных контактов были те возможности, которые предоставляли природные ресурсы их обладателям.

Насыщенность Северо-Западного Причерноморья памятниками различных археологических культур традиционно объясняли его функцией «связующего звена» при движении населения на Балканы, к источникам металла. Но роль различных Карпато-Балканских месторождений в разные исторические периоды менялась (Рындина 1993), поэтому могли существовать и иные пути доставки метал-

лов (например, по «лесостепному коридору»), минуя Северо-Западное Причерноморье; к тому же следует учитывать использование месторождений в других регионах Восточной Европы. Тем не менее, «мост Восток-Запад» функционировал стабильно, начиная с энеолита и вплоть до позднего средневековья (Manzura

1993), и связан он был с поставками соли как в прилегающие районы Причерноморья, так и достаточно далеко за их пределы. Другим торговым направлением был север с торговыми путями по Днестру и Пруту, связывающими усатовское население с трипольским, а степь — с лесостепью.

Литература

- Агрикола Г. 1972. *О месторождениях и рудниках в старое и новое время*. Москва: Недра.
- Анализ 2008: *Анализ рынка поваренной соли в СНГ*. 2008: www.newchemistry.ru/rep.php?id=533
- Барабаш и др. 2005: Барабаш А. Ф., Кузнецов Ю. А., Лукьянова Г. А. 2005. *Лечение и профилактика домашних животных и птицы*. Москва: Сталкер АСЕ.
- Барбаро И. 1971. Путешествие в Тану. В: Скржинская Е. Ч. (ред.) *Барбаро и Контарини о России*. Москва: Наука, 137—167.
- Болтенко М. Ф. 1925. Раскопки Усатово - большекуляницкого поля культурных остатков (близ Одессы). *Вісник Одеської комісії краєзнавства*. (2/3) 48—66.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 1992. *Энциклопедический словарь*. Москва: Терра.
- Бруяко И. В., Ярошевич Ю. И. 2001. *Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае*. Одесса: Гермес.
- Видейко М., Бурдо Н. 2004. Животноводство трипольской культуры в период 5400—2750 гг до н. э. В: Koško A., Szmyt M. (red.) *Nomadizm I pastoralizm u międzyrzeczcu Wisly I Dniepru (neolit, eneolit, brązu)*. Poznań, 67—93.
- Габдуллин Р. Р. 2005. *Историческая геология*. Москва: Изд-во МГУ.
- Гей А. Н. 2000. *Новотиторовская культура*. Москва: Новый Сад.
- Геродот. *История*. Книга IV Мельпомена.
- Д'Асколи Э. Д. 1902. Описание Чёрного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч. 1634. В: *Записки Императорского Одесского общества истории и древностей*. Т. XXIV, 96—134.
- Дергачев В. А. 1980. *Памятники позднего Триполья*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В. А., Манзура И. В. 1991. *Погребальные комплексы позднего Триполья*. Кишинев: Штиинца.
- Дюгамель А. О. 1966. Статистическая таблица Северной Румелии. В: *Славянское Возрождение*. Москва: Наука, 187—203.
- Евсеев А. А. 2000. *Атлас мира для минеролога*. Москва: Ассоциация Экоств.
- Журавльов О. П. 2008. *Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України*. Київ: Шлях.
- Збенович В. Г. *Позднетрипольские племена Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Иванова С. В. 2001. *Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Друк.
- Избицер Е. В. 1993. *Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III—II тыс. до н. э.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Иессен А. А. 1947. *Греческая колонизация Северного Причерноморья* Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Йованович Б. 1994. Энеолитическое серебро Балкан и Северо-Понтийского региона. В: Яровой Е. В. (ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов V тыс. до н. э. — V в. н. э.* Тезисы докладов конференции. Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 41—42.
- Каменский А. Г. 1990. Результаты спектрального и металлографического исследования металлических предметов из памятников эпохи бронзы с территории Молдовы В: Яровой Е. В. *Курганы энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья*. Кишинев: Штиинца.
- Кантемир Д. 1973. *Описание Молдавии*. Кишинев: Карта молдовеняскэ.
- Караулов В. Б., Никитина М. И. 2006. *Геология. Основные понятия и термины*. Москва: Едиториал УРРС.
- Клочко В. І. 2004. Металургія та металообробне виробництво трипільської культури. *Енциклопедія Трипільської цивілізації*. Т. 1. Под ред. Видейко М. Ю. Київ: Укрполиграфмедиа, 219—222.
- Клочко В. І. 2006. *Озброєння та військова справа давнього населення України (5000—900 рр. до Р. Х.)*. Київ: АртЕк.
- Клочко В. І., Манічев Г. С. 2002. Давня металургія: методи, досягнення і перспективи досліджень. В: Толочко П. П. (гол. ред.). *Сучасні проблеми археології*. Київ: Наукова думка, 91—92.
- Ковалева И. Ф. 2002. К выделению территориальных групп в постмарипольской культуре. В: Мунчаев Р. М. (отв. ред.). *Проблемы археологии Евразии*. Москва: Институт археологии РАН, 51—67.
- Коніков Е. Г. 2004. Екзодинамічна модель умов осадконакопичення і формування берегових систем північно-західної частини Чорного моря протягом останніх 18 000 років. *Вісник Одеського національного університету. Географічні та геологічні науки*. Т. 9 (4), 161—179.
- Конькова Л. В. 1979. Металлографическое исследование металлических изделий из памятников усатовского типа. В: Патокова Э. Ф. *Усатовское поселение и могильники*. Киев: Наукова думка, 161—176.
- Котова Н. С. 1997. Неолітична епоха. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Давня історія України*. Т. 1. Київ: Наукова думка, 167—238.
- Кравец Д. П. 2001. О хозяйстве племен Донецкой катакомбной культуры. *Старожитності степового Причорномор'я та Криму IX*, 38—49.
- Круц В. А. 1977. *Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья*. Киев: Наукова думка.
- Круц В. О. 1997. Світ скотарів. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Давня історія України*. Т. 1. Київ: Наукова думка, 234—273.
- Кузьминова Н. Н., Петренко В. Г. 1989. Культурные растения на западе Степного Причерноморья в середине III—II тыс. до н. э. В: Толочко В. В. (отв. ред.). *Проблеми історії та археології давнього населення*

№2. 2010

- Української РСР. Тези доповідей конференції. Київ; Одеса: Наукова думка, 119—120.
- Лукас А. 1958. *Материалы и ремесленные производства Древнего Египта*. Москва: Иностранная литература.
- Манзура И. В. 2001—2002. Проблема формирования культур раннего бронзового века на Северо-Восточных Балканах. *Stratum plus* 2, 468—485.
- Манзура И. В. 2003—2004. Северное Причерноморье в энеолите и бронзовом веке: ступени колонизации. *Stratum plus* 2, 63—85.
- Малокевич А. Е., Петренко В. Г. 1993. Усатовский комплекс с фигурными пронизями из кургана в низовьях Дуная. *Древнее Причерноморье*. КСООА, 25—30.
- Мерперт Н. Я. 1974. *Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья*. Москва: Наука.
- Мовша Т. Г. 1985. Поздний этап трипольской культуры. В: Артеменко И. И. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 223—262.
- Мовша Т. Г. 2000. К проблеме взаимодействия древних земледельцев трипольско-кукутеньской общности с носителями культур понтийских степей. В: Марина З. П. (отв. ред.). *Labores parium honores. Проблемы археологии Поднепровья*. Днепрпетровск: Днепрпетровский национальный университет, стр. 29—52.
- Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. 1994. *Памятники древнейшей культуры на Илеке*. Екатеринбург: УИФ Наука.
- Николов В. 2008. *Праисторически соледобивен център Провадия-Солницата*. София.
- Николова Л. 2000. Ямная культура на Балканах (Динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы). *Stratum plus* 2, 423—458.
- Орловская Л. Б. 1990. Спектроаналитическое исследование цветного металла эпохи ранней бронзы Молдавии (предварительные итоги). В: Яровой Е. В. *Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднепровья*. Кишинев: Штиинца, 241—245.
- Островецких А. С. 1985. Стекланные бусы в памятниках позднего Триполья В: Станко В. Н. (отв. ред.) *Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 174—180.
- Островецких А. С. 2001/2002. Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н. э. — первая половина VII в. до н. э.). *Stratum plus* 2, 386—430.
- Охотников С. В., Островецких А. С. 1991. Подводные археологические исследования в Северо-Западной части Черного моря. *Изучение памятников истории и культуры в гидросфере* 2, 19—27.
- Патокова Э. Ф. 1979. *Усатовское поселение и могильники*. Киев: Наукова думка.
- Петренко В. Г. 1987. О генезисе степных позднетрипольских памятников. В: Максимов Е. В. (отв. ред.). *Актуальные проблемы историко-археологических исследований*. Тезисы докладов VI республиканской конференции молодых археологов. Киев: Наукова думка, 128.
- Петренко В. Г. 1989. Усатовская локальная группа В: Патокова Э. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю. *Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 81—129.
- Петренко В. Г. 1989а. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье. В: *История и археология Нижнего Подунавья*. Рени.
- Петренко В. Г. 1991. К относительной хронологии усатовской группы В: Яровой Е. В. (отв. ред.) *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.)*. Киев: Наукова думка, 74—75.
- Петренко В. Г. 1997. Золото и серебро в энеолите Северо-Западного Причерноморья. В: *Новые страницы древней истории Южной Украины*. Тезисы докладов конференции. Николаев: Возможности Киммерии, 31—32.
- Петренко В. Г. 2003. Епонімне Усатове та проблема генезису усатівської культури В: Черняков І. Т. (гол. ред.). *Трипільська цивілізація у спадщині України*. Конференція, присвячена 110-річчю відкриття трипільської культури. Київ: Просвіта, 137—144.
- Петрунь В. Ф. 2000. Нижнее Поднепровье как эталон археолого-петрографического полигона. В: Яровой Е. В. (отв. ред.) *Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья*. Материалы полевого семинара. Тирасполь: Приднестровский государственный университет.
- Позин М. Е. 1974. *Технология минеральных солей*. Ленинград: Химия.
- Потехина И. Д. 1989. Антропологические материалы из могильника Маяки. В: Патокова Э. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю. *Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 125—133.
- Потехина И. Д. 1994. Происхождение и генетические связи носителей некоторых раннеэнеолитических культур юга Восточной Европы. В: Яровой Е. В. (отв. ред.) *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.)*. Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 32—34.
- Рубрук Г. 1957. *Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука*. Москва: Государственное издательство географической литературы.
- Рындина Н. В. 1993. *Древнейшее металлообработкающее производство Юго-Восточной Европы (истоки развития в неолите-энеолите)*. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Москва.
- Рындина Н. В. 2002. Феномен «серебристых» покрытий на изделиях из мышьяковых сплавов раннего бронзового века (юг Восточной Европы) В: Яровой Е. В. (отв. ред.) *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.)*. Материалы III международной конференции. Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 92—96.
- Рындина Н. В., Дегтярева А. Д. 2002. *Энеолит и бронзовый век*. Москва: Московский государственный университет.
- Свиньин П. П. 2001—2002. Описание Бессарабской области. В: *Stratum plus* 6, 342—413.
- Семенов Ю. И. 1986. Обмен экономический. В: Першиц А. И., Трайде Д. (отв. ред.). *Социально-экономические отношения и соционормативная культура*. Свод этнографических понятий и терминов. Москва: Наука, 93—96.
- Скальковский А. А. 1853. *Опыт статистического описания Новороссийского края*. Ч. 2. Одесса.
- Соловьев Л. Н. 1947. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире. *Труды Абхазского государственного музея* 1, 23—55.

- Сребродольский Б. И. 1984. *Янтарь*. Москва: Наука.
- Федоров П. В. 1963. Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря. *Труды ГИН АН СССР* 88.
- Фрэнкфорт и др. 1984: Фрэнкфорт Г., Фрэнкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В *преддверии философии. Духовные искания древнего человека*. Москва: Наука.
- Рудные полезные ископаемые. 2009. *Физико-географический облик Болгарии*. <http://geobolgaria.ru/rudnye-poleznye-iskopaemye>.
- Хромов С. С. 2004: Лиманы как среда формирования рекреационных ресурсов на северном побережье Черного моря. *Вісник Одеського Національного Університету. Географічні та геологічні науки*. Т. 9 (4), 115—128.
- Челеби Э. 1961. *Книга путешествия*. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. Москва: Наука.
- Челеби Э. 1983. *Книга путешествия*. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. Москва: Наука.
- Черных Е. Н. 1978. *Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии*. София, Издательство БАН.
- Черных Л. А. 2002. Проблемы изучения металлопроизводства степных культур Украины (эпоха энеолита-средней бронзы). В: Толочко П. П. (гол. ред.). *Сучасні проблеми археології*. Київ: Наукова думка, 240—242.
- Черняков И. Т. 1979. Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья. В: *Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы*. Тезисы докладов конференции. Донецк, 8—10.
- Швебс Г. И. (ред). 1988. *Лиманно-устьевые комплексы Причерноморья*. Ленинград: Наука.
- Шмаков И. 1867. *Одесские лиманы В: Труды Одесского статистического комитета*. Одесса.
- Шнирельман В. А. 1988. Производственные предпосылки разложения первобытного общества. В: Бромлей Ю. В. (отв. ред.). *История первобытного общества. Эпоха классового образования*. Москва: Наука, 5—139.
- Яровой Е. В. 1985. *Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР*. Кишинев: Штиинца.
- Яровой Е. В. 1990. *Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья*. Кишинев: Штиинца.
- Яровой Е. В. 2000. *Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Anthony D. 1996. Horse, Wagon, and Chariot: Indo-European Languages and Archaeology. *Antiquity* 69 (264), 554—565.
- Berciu et al. 1973. Berciu D., Morinz S., Roman P. 1973. Culture Cernavodă II. *SCIV* 24 (3), 373—405.
- Boboş I. 2008. Salt Deposits from the Molasse of Eastern Carpathians. A Guide for Archaeological Studies. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *Salt, practices and knowledge*. International Colloquium. Abstracts. Iaşi: Universităţii «AL. I. CUZA», 15—17.
- Budja M. 2001. The Transition to Farming in Southeast Europe: Perspectives from Potter. *Documenta Praehistorica* XXVIII, 27—47.
- Burtănescu F. 2002. *Epoca timpurie a bronzului între Carpaţi şi Prut*. Bucureşti.
- Ciugudean H. 1996. *Epoca timpurie a bronzului în centrul şi sud-vestul Transilvaniei*. Bucureşti: Vavila Edinf SRL.
- Dillian C. D., White C. L. (eds). 2009. *Trade and Exchange: Archaeological Studies from History and Prehistory*. New York: Springer.
- Gaidarska B., Chapman J. 2007. Salt Research in Bulgaria. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *L'exploitation du sel à travers le temps*. Piatra-Neamţ, 147—160.
- Gale N. H., Stos-Gale Z. 1982. Lead and silver in ancient Aegean. *Scientific American* 244 (6), 176—192.
- Furholt M. 2008. Pottery, cultures, people? The European Baden material re-examined. *Antiquity* 82, 617—628.
- Furholt M., Szmyt M., Zastawny A. (eds). 2008. *Baden complex and the outside world*. Proceeding of the 12-th annual meeting of EAA in Cracow, September 2006. Bonn.
- Jovanović B. 1993. Silver in the Yamna (Pit-Grave) Culture in the Balkans. *The Journal of Indo-European Studies*. 21 (3—4), 207—214.
- Harding A. F., Cavruc V. New Evidence for Bronze Age Saltworking in Transylvania. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *Salt, practices and knowledge*. International Colloquium. Abstracts. Iaşi: Universităţii «AL. I. CUZA», 27—31.
- Horvath et al. 2008: Horvath T., Svingor E., Molnar V. 2008. New radiocarbon dates for the Baden culture. In: *Radiocarbon*. 50 (3). <http://www.archeo.mta.hu/hun/munkatars/horvathtunde/radiocarbon.pdf>.
- Kassianidou V., Knapp A. B. 2004. Archaeometallurgy in the Mediterranean. The Social Context of Mining, Technology and Trade. In: Blake E., Knapp A. B. (eds). *The archaeology of Mediterranean prehistory*. Oxford: Blackwell, 215—251.
- Klochko V., Stolpiak B. 1995. Glass beads from Sofievka cemetery. Cemeteries of the Sofievka type In: 2950—2750 BC. *BPS* 3, 243—246.
- Konikov et al. 2007: Konikov E., Likhodedova O., Pedan G. 2007. Paleogeographic reconstructions of sea-level change and coastline migration on the northwestern Black Sea shelf over the past 18 kyr. In: *Black Sea-Mediterranean Corridor during the last 30 ka: Sea level change and human adaptation*. Istanbul 2005, IGCP 521. Quaternary International: doi: 10. 1016/j. quaint.2006. 11. 012.
- Kristiansen K, Larsson T. B. 2005. *The rise of Bronze Age society. Travels, Transmissions and Transformations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lichardus J., Krastev Iliev 2001. Die Cernavodă III-Siedlung von Drama-Merdžumekja in Südostbulgarien und ihre Bedeutung für Südosteuropa. In: Roman P., Diamandi S. (eds.). *Cernavodă III — Boleráz. Die Donau — Achse von Zivilisationen*. Symposium. Bucureşti: S. S. Vavila Edinf S. R. L., 13—59.
- Manzura I. V. 1993. The East-West Interaction in the Mirror of the Eneolithic and Early Bronze Cultures in the Northwest Pontic. *Revista Arheologică* 1, 23—53.
- Maran J. 2007. Seaborne Contacts between the Aegean, the Balkans and the Central Mediterranean in the 3rd Millennium BC. *Aegaeum* 27, 3—21.
- Milisauskas S. (ed.). 2002. *European prehistory: A survey*. New York: Cluwer Academic/Plenum Publishers.
- Mircea M., Alexianu M. 2007. A Re-evaluation of Salt-Resources for the Cucuteni-Tripolie Area. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *L'exploitation du sel à travers le temps*. Piatra-Neamţ, 199—220.
- Monach D. 2008. L'approvisionnement en sel des tribus Cucuteni et Tripolye. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *Salt, practices and knowledge*. International Colloquium. Abstracts. Iaşi: Universităţii «AL. I. CUZA», 18—19.

№2. 2010

- Monach D., Dumitroaia G. 2007. Recherches sur l'exploitation préhistorique du sel in Roumanie. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *L'exploitation du sel à travers le temps*. Piatra-Niamț, 13—34.
- Munteanu et al. 2007: Munteanu R., Garvăn D., Nicola D., Preoteasa C., Dumitroaia G. 2007. Cucuteni-Slatina Veche (Romania). Prehistoric exploitation of a Salt Resource. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *L'exploitation du sel à travers le temps*. Piatra-Niamț, 57—70.
- Nicola et al. 2007: Nicola D., Munteanu R., Garvăn D., Preoteasa C., Dumitroaia G. 2007. Solca-Slatina Mare. Preuves archéologiques de l'exploitation du sel en préhistorique. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *L'exploitation du sel à travers le temps*. Piatra-Niamț, 35—56.
- Nikolov V. 2008. Tell Provadia-Solnitsata: Prähistorische Salzgewinnungszentrum. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *Salt, practices and knowledge*. International Colloquium. Abstracts. Iași: Universitățile «AL. I. CUZA», 12.
- Nikolova L. 2005. Social changes and cultural interactions in later Balkan prehistory later fifth and fourth millennium BC. *RPRP* 6—7, 87—96.
- Petrenko V. V., Beilekchi V. V. 2000. The Alexandrovka barrow. The burial site of the Usatovo culture elite. In: *Funeral practices as forms of cultural identity (bronze and iron ages)*. 4-th International Colloquium of Funeral Archaeology. Tulcea, 47—49.
- Primas M. 1995. Gold and silver during the IIIrd Mill. Cal. BC. In: Morteani G., Northover J. (eds). *Prehistoric Gold in Europe: mines, metallurgy, and manufacture*. Dordrecht & Boston: Kluwer Academic Publishers, 77—114.
- Raetzl-Fabian D. 2002. Monumentality and Communication. Neolithic Enclosures and Long Distance Tracks in West Central Europe: http://www.jungsteinsite.uni-kiel.de/pdf/2002_1_fabian.pdf.
- Rassamakin Yu. Ya. 2003. Aspects of Pontic Steppe Development (4550—3000 BC) in Light of the New Cultural-chronological Model. In: Boyle K., Renfrew C. & Levine M. (eds.). *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. Mc Donald Institute Archaeological Research. Cambridge, 49—73.
- Rapp. G. R. 2002. *Archaeomineralogy*. Berlin; Heidelberg; New York: Springer.
- Roman P. 2001. Die Cernavodă III-Boleráz-Kulturerscheinung an der Unteren Donau. In: Roman P., Diamandi S. (eds). *Cernavodă III-Boleráz. Die Donau — Achse von Zivilisationen*. Symposium. București: S. S. Vavila Edinf S. R. L., 13—59.
- Sayre et al. 1992: Sayre E. V., Yener K. A., Joel E. C., Barnes I. L. 1992. Statistical Evaluation of the Presently Accumulated Lead Isotope Data from Anatolia and Surrounding Region. *Archaeometry* 34 (1), 73—105.
- Stoyanova P. 2008. Late Neolithic Pottery for Salt Production in Tell Provadia-Solnitsata. In: Monach D., Dumitroaia G., Weller O., Chapman J. (eds). *Salt, practices and knowledge*. International Colloquium. Abstracts. Iași: Universitățile «AL. I. CUZA», 13.
- Tasić N. 2000. Salt use in Early and Middle Neolithic of the Balkan Peninsula. In: Nikolova L. (ed.). *Technology, Style and Society. Contributions to the Innovations between the Alps and the Black Sea in Prehistory*. BAR International Series 854, 35—40.
- Vogt U. 1996. Die latenezeitliche Saline von Bad Nauheim. In: Roman P. (ed.). *The Thracian World at the Crossroads of Civilizations I. Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology*. Bucharest: Romanian Institute of Thracology, 181—183.
- Weller O., Dumitroaia G. 2005. The earliest salt production in the world: an early Neolithic exploitation in Poiana Slatinei-Lunca, Romania. *Antiquity* 79 (306). antiquity.ac.uk/ProjGall/weller/index.html.
- Yanko-Hombach V., Konikov E. 2006. Geological Introduction. In: *IGCP 521 Second Plenary Meeting and Field Trip*. Odessa.
- Yener et al. 1991: Yener K. A., Sayre E. V., Joel E. C., Özbek H., Barnes I. L., Brill R. H. 1991. Stable Isotope Studies of Central Taurus Ore Sources and Related Artifacts from Eastern Mediterranean Chalcolithic and Bronze Age Sites. *Journal of Archaeological Science* 8, 541—547.

Статья поступила в номер 11 января 2010 г.

Svetlana Ivanova (Odessa, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences.

Svetlana Ivanova (Odesa, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Иванова Светлана Владимировна (Одесса, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии НАН Украины.

E-mail: svi1956@gmail.com

Э. Кайзер

Эгалитарное пастушеское общество versus воины-кочевники?

Попытка реконструкции социальной структуры ямной и катакомбной культур.*

E. Kaiser.

Egalitarian Pastoral Society Versus Nomadic Warriors? An Attempt to Reconstruct the Social Structure of the Yamnaya and Catacomb cultures.

In the 20th century the society of the Yamnaya culture-historical entity, in particular, was often assumed to have involved mounted warriors who attacked populations in the Balkans and Carpathian Basin. This claim has not been contradicted due to lack of evidence in graves. The following article contrasts the features of the burials of the Yamnaya Culture with those of the Catacomb Culture as found in the northern Pontic area, in order to achieve a basis for the social interpretation of the members of both cultures. It can be shown that burials of the Yamnaya Culture differ through the complexity in grave construction (if the grave consists of two parts, its dimensions, the existence of a barrow above the grave etc.). The rather constant regime in Yamnaya graves seems to represent the burials of members of an egalitarian society, whereas the number and variability of grave inventories increases during the Catacomb Culture, especially in the Ingul Culture. Yet, evidence of mounted warriors in both culture-historical entities is still lacking.

E. Kaiser.

Societatea egalitară a păstorilor față de ostași nomazi? O încercare de a reconstrui structura socială a culturii iamnaia și culturii catacombelor.

În secolul al XX-lea deseori se presupunea că în societatea entității cultural-istorice Iamnaia au fost implicați ostași-călăreți care atacau populațiile din Balcani și bazinul Carpatic. Această afirmație nu a fost contrazisă din cauza lipsei de probe din înmormântări. Acest articol contrapune caracteristicile mormintelor din cadrul culturii iamnaia cu cele ale culturii catacombelor descoperite în zona Nordului pontic, să stabilească temeiul pentru interpretarea socială a membrilor ambelor culturi. Aceasta poate fi demonstrat prin faptul că mormintele culturii iamnaia se deosebesc prin complexitatea construcțiilor funerare (dacă un mormânt este alcătuit din două părți, dimensiunile acestuia, existența unei movile deasupra mormântului etc.) Regimul destul de constant în mormintele culturii Iamnaia pare să reprezinte înmormântările membrilor unei societăți egalitare, în timp ce crește cantitatea și variabilitatea inventarului funerar în perioada culturii catacombelor, în special, în cultura Ingul. Cu toate acestea, deocamdată lipsesc dovezile prezenței ostașilor-călăreți în ambele entități cultural-istorice.

Э. Кайзер.

Эгалитарное пастушеское общество versus воины-кочевники? Попытка реконструкции социальной структуры ямной и катакомбной культур.

В XX веке нередко высказывалось предположение, что в обществе, представленном ямной культурой, существовали конные воины, неоднократно вторгавшиеся на территорию Балканского полуострова и Карпатского бассейна. Это утверждение никем особенно не оспаривалось по причине отсутствия соответствующих признаков в погребениях. В данной статье сопоставляются характеристики погребений ямной и катакомбной культур в Северном Причерноморье с целью найти основания для интерпретации социальных структур обеих культур.

---

*Данная статья является слегка измененной версией немецкой лекции, которая состоялась на международной конференции «Социально-археологические перспективы: Общественные изменения 5000—1500 до н. э. между Атлантическим океаном и Кавказом» (15.—18.10.2007) в Киле. Статья была ориентирована на западноевропейский круг коллег, но мы все же надеемся, что и для восточноевропейского круга читателей она также представляет интерес. Сердечно благодарю за дискуссию и корректуру госпожу док. ист. Бибу Тержан, Любляна и док. фил. Катарину Мюллер, Цюрих. Док. ист. Игоря Манзура, благодарю за любезное приглашение опубликовать данную статью в журнале *Stratum plus*.

Погребения ямной культуры отличаются по сложности погребальных конструкций (одно- или двухчастное сооружение, его размеры, наличие кургана над могилой и т.д.). Относительное разнообразие предметов инвентаря в могилах ямной культуры, по всей видимости, говорит в пользу существования эгалитарного общества. В то же время, количество и разнообразие погребального инвентаря увеличивается в период катакомбной культуры, особенно в ингульской культуре. Тем не менее, доказательства присутствия конных воинов в обеих культурах по-прежнему отсутствуют.

Keywords: Northern Pontic Region, Yamnaya Culture, Catacomb Culture, burial rite, social structure.

Cuvinte cheie: Nordul regiunii Pontice, cultura lamnaia, cultura catacombilor, ritul funerar, structura socială.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, ямная культура, катакомбная культура, погребальный обряд, социальная структура.

Введение: Тезисы о всадниках и мобильных скотоводах

«Курганы были окружены каменными кольцами или рвами. Захоронения были бедными, за исключением важных персон, как правило, мужчин, которые были снабжены молоточковидной булавкой из кости или меди, круглой медной пластиной, спиралевидным височным кольцом или серьгой из меди или серебра, бусами или ожерельями из медных проволочных пронизей и собачьих зубов, кремневыми наконечниками стрел, медными узкочеренковыми кинжалами (мышьяковистая медь), медными шильями, иногда плоскими медными топорами и кремневыми кинжалами или ножами. В курганах в изобилии встречались остатки очагов, следы огня, а также жертвоприношения людей и животных».

Gimbutas 1979: 256—257¹

«При рассмотрении военного потенциала населения степи в эпоху энеолита и ранней бронзы мы должны отметить полное отсутствие каких-либо признаков воинственного духа кочевников в погребальном обряде. Первые наборы оружия (лук, связка стрел и боевой топор, сопровождаемые деталями повозки) появляются только в средней бронзе».

Rassamakin 1999: 154

Культуры медного и бронзового веков степного пояса Восточной Европы были соотнесены, в первую очередь М. Гимбутас, с процессом распространения индоевропейцев. В этом процессе исследовательница выделяла три или четыре волны военных миграций, начиная с раннего медного века и вплоть до периода ранней бронзы, в течение которых вторгшиеся в Карпато-Балканский регион

конные орды из степного пояса испепелили и уничтожили культуру местных оседлых земледельцев (Гимбутас 1979). Последняя волна была связана с носителями ямных культурных традиций. Выводы М. Гимбутас о военной миграции представителей степных культур в значительной степени основываются на присутствии многочисленных ямных захоронений в Карпато-Балканском регионе, а также на заметных культурных изменениях в Юго-Восточной и Центральной Европе, но не на военном снаряжении в составе погребального инвентаря. Напротив, автор отмечает, как указано выше, бедность захоронений ямной культуры. Некоторые характерные предметы, как сообщается, сопровождают мужчин, однако их социальный статус в работах М. Гимбутас четко не оговаривается.

В 60-е годы XX века в советских исследованиях оформилось представление о том, что в солончаковых степях бассейна Нижней Волги уже в период ямной культурно-исторической общности возникла особая форма скотоводства, основанная на круглогодичном мобильном образе жизни пастушеских групп (Шилов 1964). Эта точка зрения стала преобладающей, когда впоследствии на поселении Деревка (Украина), относимом к среднестоговской культуре позднего медного века, были найдены многочисленные кости лошадей. Считалось, что кости принадлежат домашней лошади, которая использовалась для верховой езды (Telegin 1986). С ее помощью открылась возможность контролировать более крупные стада, а также создались предпосылки для выгона скота на дальние расстояния. Одновременно нашел поддержку тезис о существовании воинственных степных всадников, и, в отличие от М. Гимбутас, некоторыми авторами были выявлены некие проявления воинского статуса в захоронениях медного века (напр., см. Telegin 1986: 109). Это, в свою очередь, подразумевало бы существование определенной социальной дифференциации в рассматриваемых культурах, в рамках кото-

¹ В этой цитате М. Гимбутас обрисовала погребения ямной культуры.

Таблица 1.

**Упрощенная хронологическая схема для III тыс. до н.э. в степной зоне
Восточной Европы между Прутом и Северским Донцом**

до н.э.	Северо-Западное Причерноморье	Регион между Днестром и Днестром	Северное Приазовье (Днепр и Северский Донец)
2250			
2500	Ингульская культура/ буджанская группа	Ингульская культура	Днепро-азовская культура / Ингульская культура
2750	Ямная культура	Ямная культура / Раннекатакомбная культура	Ямная культура / Раннекатакомбная культура
3000	Ямная культура	Ямная культура	Ямная культура

рой в составе общин выделялись, по крайней мере, представители воинской прослойки. В то же время, при анализе погребений данного периода Ю. Я. Рассмакин приходит к уже упомянутому выводу, что, по крайней мере, в погребальном обряде энеолитических культур отсутствуют какие-либо свидетельства о существовании институционализированных воинских групп, и этот вывод в равной степени относится к захоронениям ямной культуры. Автор достаточно ясно высказывается против наличия четко оформленного военного потенциала в пределах энеолитических культур восточноевропейских степей, но считает, что таковой можно распознать в следующей за ямной общностью катакомбной культуре.

Строго следуя классификации Е. Сервиса, в этой культуре уже могло существовать стратифицированное общество с наследственной лидерской позицией, сложившееся на основе традиций энеолитических и ямной культур, которые, в свою очередь, находились, по крайней мере, с точки зрения эволюционного подхода, на уровне сегментированного общества. Следовательно, при переходе от ямной к катакомбной культуре должны были произойти значительные социальные изменения. Но к этому аспекту мы еще вернемся ниже.

В русскоязычной литературе теоретические разработки по классификации социальной структуры преисторических обществ представлены достаточно хорошо.² За два последних десятилетия появились две монографии по социальным отношениям в ямной и катакомбной культурах, которые привле-

каются и в настоящей работе (Пустовалов 1992; Иванова 2001). Помимо того, были опубликованы многочисленные статьи по отдельным аспектам социального устройства, посвященные вопросам определенной профессиональной специализации, отраженной в погребальном обряде, или особым предметам погребального инвентаря, к примеру, повозкам. Прежде чем перейти к реконструкции социальной структуры в III тыс. до н. э., необходимо кратко рассмотреть хозяйственные отношения в Северном Причерноморье в этот период.

**Система жизнеобеспечения
в ямной и катакомбной
культурах**

В III тыс. до н. э. на территории между Карпатами и Уралом размещались две культурные общности, которые в начале XX века по особенностям погребальных конструкций были обозначены В. А. Городцовым как ямная и катакомбная культуры. Начало северо-причерноморского варианта ямной культуры принято относить к концу IV века до н. э., а завершение его развития — к 2500/2400 годам до н. э. (табл. 1). Сооружение катакомбных погребений раннего этапа на основе новых калиброванных дат началось в XXVIII в. до н. э. (Govedarica et al. 2006). С середины III тыс. до н. э. на территории между Днестром и Прутом за раннекатакомбной и позднеямной культурой следует ингульская культура, которая продолжается до 2000/1900 гг. до н. э. Ее развитие завершается с появлением культуры многоваликовой керамики, или культуры Бабино.

² См. введение в работе С. Ивановой с приведенной там литературой (Иванова 2001: 8—17).

Представленные здесь хронологические границы для обеих культур, несмотря на их несколько упрощенный характер, все же кажутся вполне приемлемыми для настоящего обзора и позволяют избежать детального рассмотрения данного вопроса (табл. 1). В той же мере, не имеет смысла подробно останавливаться на многочисленных региональных вариантах ямной и катакомбной культурно-исторических общностей. Основное внимание будет сконцентрировано на территориях Северного и Северо-Западного Причерноморья.

Что касается вопроса о системе жизнеобеспечения, во введении уже отмечалось, что с шестидесятых годов прошлого века преобладала точка зрения, что население обеих культур вело кочевой образ жизни. Хотя эти представления за последние десятилетия существенно видоизменились, однако почти полное отсутствие поселений является основанием для многих исследователей предполагать, что жизнеобеспечение населения базировалось, главным образом, на скотоводстве и в гораздо меньшей степени на земледелии, если таковое вообще имелось.³ Вместе с тем, основания для подобного вывода во многом связаны с недостаточным уровнем исследований.

Поселения этого времени имеются, но кроме широко известного памятника Михайловка на Нижнем Днепре со средним и верхним слоями ямной культуры (Лагодовська и др. 1962; Коробкова, Шапошникова 2005), они изучены весьма незначительно. Многие из последних исследований этой категории памятников основываются на поверхностном осмотре; раскапывались также отдельные небольшие поселения, однако при этом практически никогда не применялись современные методы поселенческой археологии, и даже стандартные исследования по палеоботанике и археозоологии проводились редко или недостаточно (Morales Muñiz, Antipina 2003).⁴ Поселения с тонким культурным слоем в основном определяются как сезонные стоянки, другие причины незначительной толщины культурного слоя принимаются во внимание лишь изредка.

³ См. состояние исследований в Bunyatyan 2003.

⁴ Оба автора демонстрируют довольно критическое отношение к состоянию археозоологических исследований для поселений позднебронзовой срубной культуры в восточноевропейских степях. Относительно более ранних культур уровень критики еще более возрастает, поскольку здесь определялось только процентное соотношение между дикими и домашними животными, если такие определения вообще выполнялись.

Другие аспекты хозяйственной деятельности для III тыс. до н. э. рассматриваются лишь частично. К примеру, это касается металлургии, которая в течение десятилетий исследовалась в Москве Е. Н. Черных при помощи спектрального анализа. Согласно мнению исследователя, в конце IV тыс. до н. э. произошли значительные изменения в использовании сырья, поскольку в этот период медь лишь в небольшом количестве продолжала поступать с Балкан, тогда как в основном стало использоваться сырье из кавказских месторождений (Chernykh 1992: 143—148). Вместо чистой меди стали широко использоваться мышьяковистые сплавы, прежде всего, для изготовления массивных инструментов. Связанное с этим мнение, что северо-причерноморские металлические изделия преимущественно представлены импортами или, по крайней мере, выполнены по кавказским образцам и из кавказского сырья, долгое время считалось неопровержимым, что давало возможность постулировать тесные обменные отношения между степным и кавказским населением. Отчасти кавказские культуры служили даже в качестве хронологического репера для расположенных северо-западнее степных культурных объединений, хотя первые известны и исследованы значительно хуже вторых. Л. А. Черных не так давно выдвинула многочисленные аргументы против такого рода построений и уверенно привела довольно много свидетельств существования самостоятельной металлообработки в ареале ямной и катакомбной культур, хотя состояние исследований еще не позволяет привести достаточное число доказательств в пользу использования местных рудных залежей Северного Причерноморья (Chernych L. 2003).

Этих кратких комментариев вполне достаточно, чтобы показать, что еще многие аспекты в развитии ямной и катакомбной культур являются малоизученными. Поселения представляют собой большой исследовательский пробел, практически не привнося какие-либо данные для реконструкции хозяйственной деятельности общественных структур III тыс. до н. э. В захоронениях иногда встречаются кости животных, однако их подбор в погребальном контексте обусловлен какими-то ритуальными нормами и адекватно не отражает специфику скотоводческого хозяйства. Свидетельства обменных отношений также прослеживаются слабо, принимая во внимание упоминавшиеся сомнения относительно циркумпонтийской металлургической провинции с сырьевой базой на Кавказе, как это трактуется Е. Н. Черных. При современном

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья в районе проведения раскопок между Орджоникидзе и Чкалово.

состоянии исследований на какие-то обменные операции указывают только сырье, готовые изделия и/или полуфабрикаты, однако что именно в качестве продуктов обмена поступало из степной зоны на Кавказ, остается предметом не более чем отвлеченных дискуссий.

Реконструкция социальной структуры ямной культуры

Таким образом, для социально-исторических интерпретаций в нашем распоряжении остаются исключительно погребальные комплексы исследуемых культур. В отношении ямной культуры многоопытный Н. Я. Мерперт еще в 1978 г. подчеркивал, что практически отсутствуют данные о конкретной структуре их племенных объединений, как он их обозначал (Мерперт 1978: 62). Правда, на основе общих наблюдений, таких как концентрация ямных курганов в небольших определенных ареалах, заселение в этот период практически всей европейской части степного пояса, очень однообразный погребальный обряд, высокие грунтовые насыпи над захоронениями и т. п., исследователь делает вывод о наличии крупных племенных объединений, состоявших из подвижного скотоводческого населе-

ния. Н. Я. Мерперт был также убежден в том, что скотоводческая экспансия в Западное Причерноморье имела агрессивный и наступательный характер, но, с другой стороны, в отличие от некоторых других авторов, он выступал против трактовки этих событий как широкомасштабных нашествий в виде последовательных волн, что более соответствует эпохе средневековья (Мерперт 1978: 58).

На основе курганных могильников на р. Ингул, восточном притоке Южного Буга, Н. Д. Довженко и Н. А. Рычков попытались провести классификацию всех погребальных конструкций ямной культуры (Довженко, Рычков 1988). При этом они рассчитали объем могильных ям, соотнесли эти показатели с другими параметрами, такими как центральное или периферийное расположение погребения, наличие курганной насыпи и т. д. При помощи различных статистических методов им удалось разделить 98 проанализированных комплексов на три группы, которые, по их убеждению, отражают общественную структуру из трех классов наподобие той, что описана в Ригведе.

Хотя такие прямые параллели кажутся более чем сомнительными, все же использование величины могильной ямы в качестве критерия

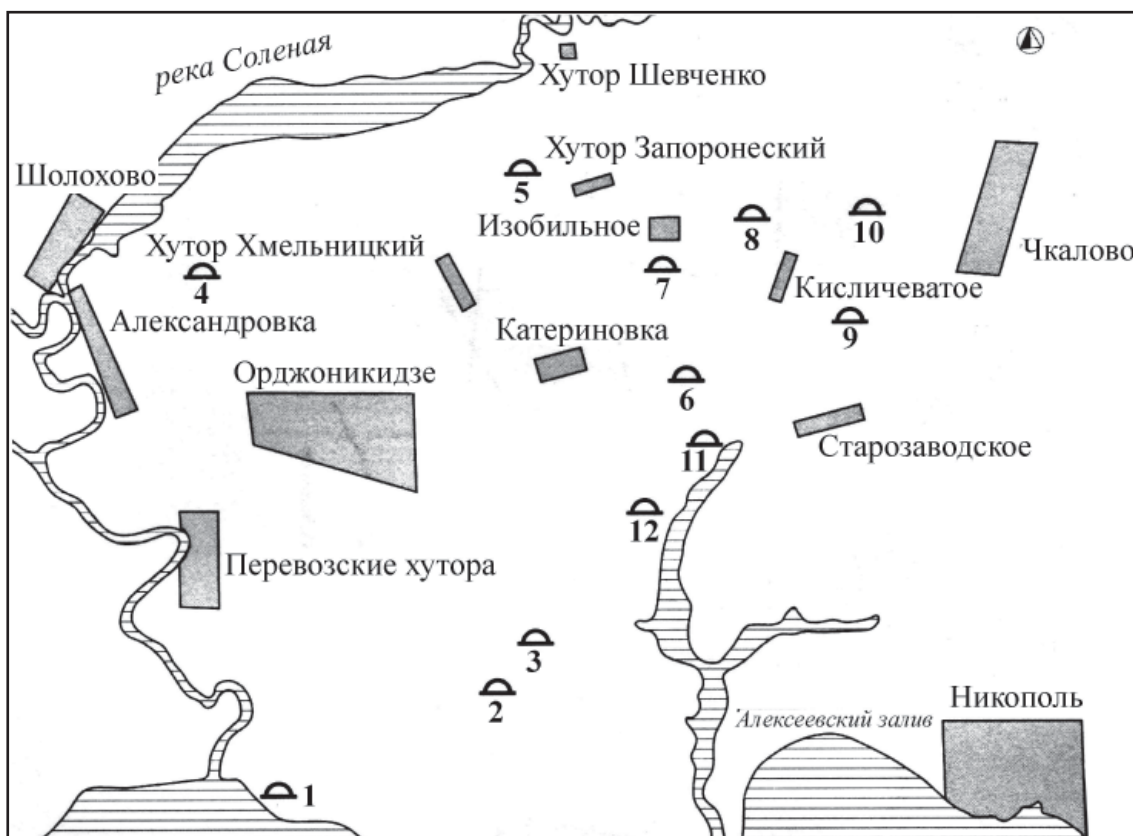

Рис. 2. Курганные группы между Орджоникидзе и Чкалово.

трудовых затрат по отношению к погребенному выглядит вполне оправданным. Ямные погребения исключительно бедны с точки зрения инвентаря и в остальном довольно единообразны, как это уже отмечал Н. Я. Мерперт. Как продемонстрировал С. Шпренгер для средневропейского раннего бронзового века, совокупность определенных критериев в состоянии отразить баланс социальных характеристик индивида, погребенного в соответствующей могиле (Sprenger 1999: 11). Из числа этих критериев для ямной культуры наиболее важным можно признать особенности погребальных конструкций, которые по сложности устройства позволяют рассчитать трудовые затраты на их сооружение.

В 45 курганах, раскопанных в 1979—1992 гг. между Орджоникидзе и Чкалово, к северу от Каховского водохранилища (Южная Украина) (рис. 1; 2), были открыты около 200 ямных и более 130 катакомбных погребений (Bunjatjan u. a. 2006: 144, Abb. 1). По ряду причин они представляют собой подходящую базу данных для исследования социальной структуры культурных объединений III тыс. до н. э., основанного на признаках погребального обряда.

1. Курганные группы расположены в одном микрорегионе, что позволяет их совокупный

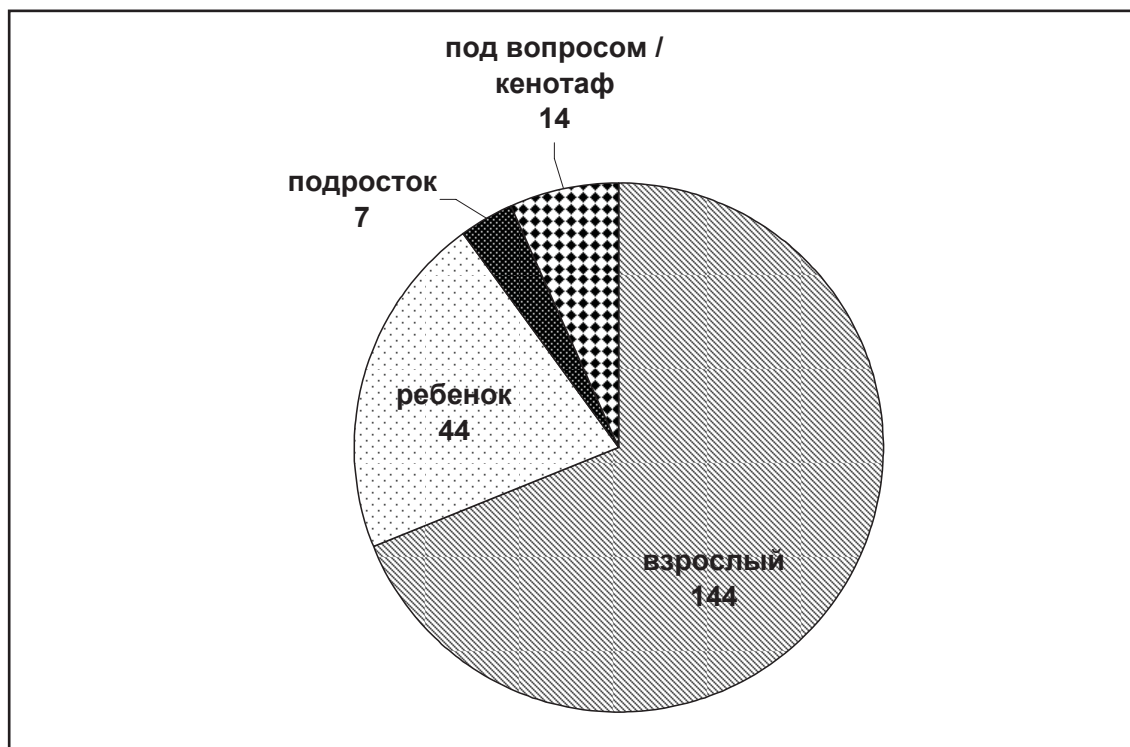
анализ. Курганы, сооружавшиеся на протяжении нескольких этапов и объединенные в группы, могут представлять собой могильник отдельной общины. Анализ погребального обряда и инвентаря продемонстрировал — по крайней мере, для культур бронзового века — определенное сходство захоронений рассматриваемого региона. Это позволяет сделать вывод об определенном единообразии погребальных обычаев, которые отличают одни области от других.

2. Ямные и катакомбные погребения должны анализироваться в составе одних и тех же могильников с целью выявления различий между этими культурами.

3. 197 достоверно определимых погребений ямной культуры и почти 130 погребений катакомбной культуры составляют вполне достаточную базу данных для анализа.

Среди комплексов ямной культуры⁵ преобладают индивидуальные погребения, и в 15 случаях были выявлены парные захоронения. Десять других комплексов на основе стандартно оформленной могильной ямы,

⁵ Детальное описание курганных могильников и связанных с ними комплексов см. в Bunjatjan u. a. 2006.

Рис. 3. Возрастное распределение в погребениях ямной культуры в курганных группах между Орджоникидзе и Чкалово на основе археологических определений (n = 209).

наличию инвентаря, а также определенного устройства могилы могут быть отнесены к категории кенотафов. Еще в пяти могилах были обнаружены отдельные, очень плохо сохранившиеся человеческие кости, которые могут интерпретироваться как остатки обычного погребения.

Антропологические определения по рассматриваемым курганным могильникам не опубликованы. В отдельных случаях авторами раскопок приводятся половые определения для взрослых индивидов, наряду с этим, на основе археологических данных, указывается, идет ли речь о взрослых или малолетних индивидах (рис. 3). Приведенное здесь соотношение соответствует, с незначительными отклонениями, аналогичным показателям в других локальных подразделениях ямной культурно-исторической общности и указывает на дефицит малолетних. Половые определения на других курганных могильниках подтверждают среднее соотношение мужчин и женщин 2:1, что, видимо, свидетельствует о выборочном захоронении только части населения ямной культуры, главным образом, взрослых мужчин.

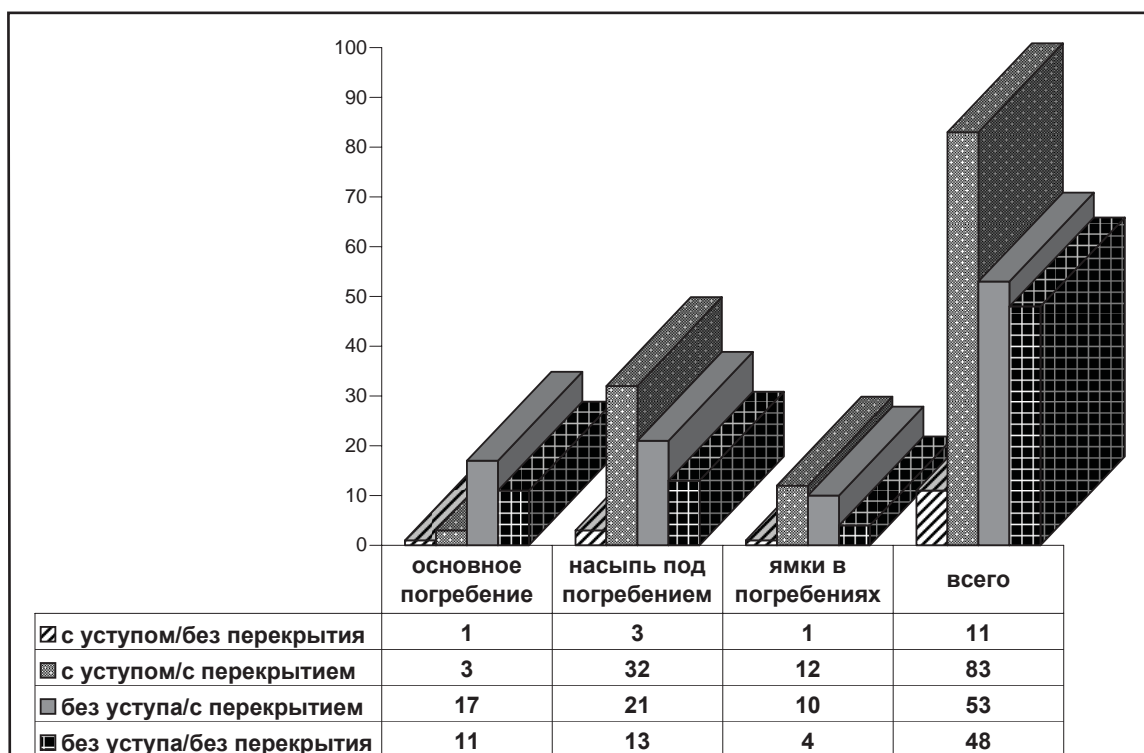
В размещении скелетов, одном из самых важных признаков погребального обряда, преобладает скорченное положение на спине (44%). Практически равные доли, соответственно около одной четверти, прихо-

дятся на положение на левом и правом боку (Nikolova 2006: 17, Diagr. 3).⁶ Долгое время преобладало мнение, что скорченное положение на спине хронологически является более ранним признаком, тогда как в более поздних ямных погребениях стало практиковаться скорченное положение на боку. Вместе с тем, засвидетельствованы стратиграфические ситуации, которые не подтверждают эту последовательность, в силу чего было выдвинуто предположение, что отличия в положении погребенных отражают существование различных этнических групп в пределах ямной культурно-исторической области (ср. Иванова 2001: 48).

Как уже указывалось, погребальный инвентарь содержится только в небольшом количестве комплексов. В то же время, погребальное сооружение присутствует в большинстве случаев, представляя собой комплекс, в котором можно различить несколько элементов:

- Одно- и двухчастное сооружение, состоящее из верхней впускной ямы и вырытой в ее центре собственно могильной камеры, по краям которой остаются уступы.

⁶ Кроме погребений с положением скелетов скорченно на боку или спине, были обнаружены захоронения, в которых кости располагались не в анатомическом порядке, а представляли собой неупорядоченное скопление.

Рис. 4. Корреляция определенных признаков могильных конструкций и одно- и двухчастных погребений ямной культуры (n = 195).

- Размеры сооружения, причем двухчастная конструкция из-за наличия впускной ямы значительно больше, чем простая могильная камера.

- Перекрытие могильной ямы деревянными балками, каменными плитами и/или тростником.

- Перекрытие погребального сооружения земляной насыпью, или курганом.

- Наличие вертикально установленных столбиков.

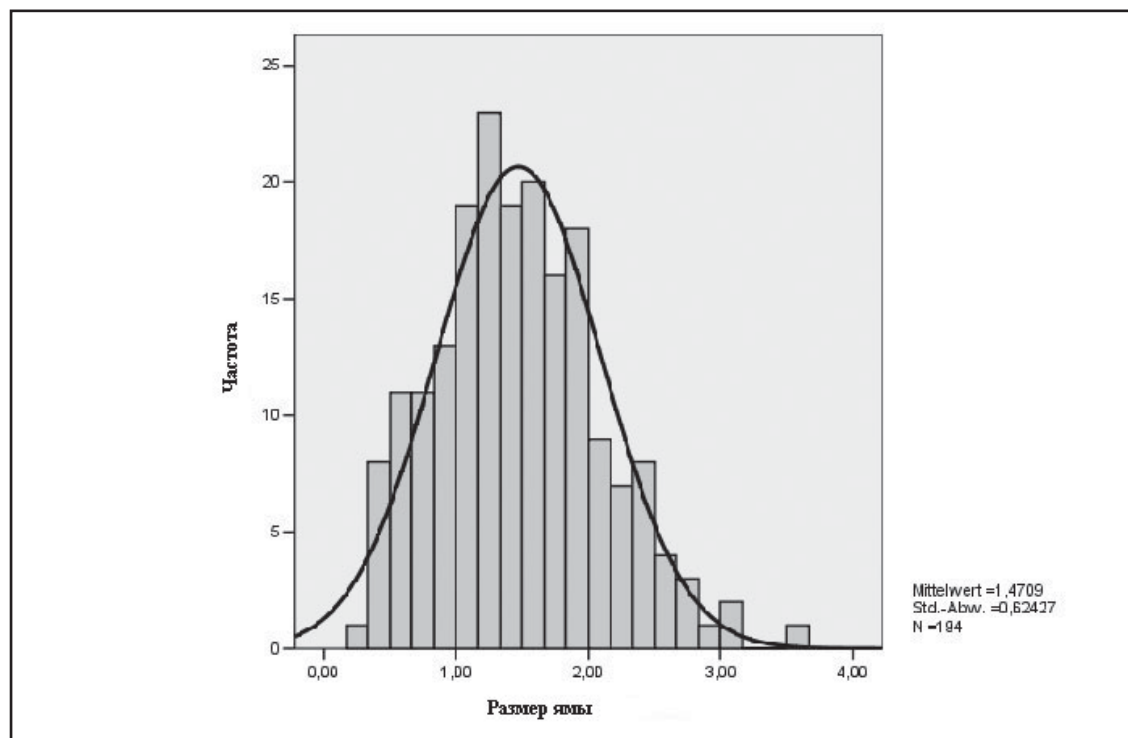
101 могильный комплекс представлен простыми могильными ямами, чаще всего прямоугольной формы (рис. 4). Примерно столько же, точнее, 94 комплекса, имеют по верхнему периметру могильной ямы боковой уступ, образующий с ней двухчастное сооружение. Могильные ямы часто перекрывались деревянными балками, каменными блоками и/или камышовыми циновками; для двухчастных сооружений это является почти нормой. Для ямной культуры выявлено 31 основное погребение, тогда как большая часть относится к категории впускных комплексов (рис. 4). Только четыре основных погребения состоят из двух частей. Возможно, сооружение основного погребения с уступом диктовалось какими-то устоявшимися ритуальными представлениями, поскольку с практической точки зрения в этом не было особой необходимости: ямы для основных погребений в большинстве слу-

чаев выкапывались в плотном грунте с уровня древней дневной поверхности, тогда как впускные погребения сооружались в рыхлом насыпном грунте кургана.

Зависимость размеров впускной ямы от высоты кургана была установлена различными исследователями. Вследствие этого, чем выше была уже существующая курганная насыпь, тем больших размеров должна была достигать впускная яма, чтобы обеспечить прочность стен (Nikolova 2006: 16). Если следовать этим рассуждениям, кажется вполне возможным, что для впускных погребений могли сознательно выбираться крупные курганы, особенно в том случае, когда преследовалась цель задействовать наибольшие трудовые затраты на сооружение этих погребений.

Для классификации вторичных курганных досыпок какие-либо критерии не выделяются (рис. 4). 35 впускных погребений с простыми ямами были перекрыты грунтовой насыпью, лишь ненамного больше, чем двухчастные сооружения. Основные погребения всегда перекрывались курганной насыпью, что опять-таки требовало более высоких затрат энергии.

Столбовые конструкции в погребениях встречаются относительно редко и, очевидно, связаны с перекрытием, которое поддерживалось столбиками (рис. 4). Немногочисленные комплексы с ямками от столбиков, но без перекрытия, являются свидетельством того, что

Рис. 5. Гистограмма размеров площади могильных камер ямной культуры (n= 195; по вертикали — число погребений; по горизонтали — размеры площади).

яма могла покрываться непрочным органическим материалом, например, тростником.

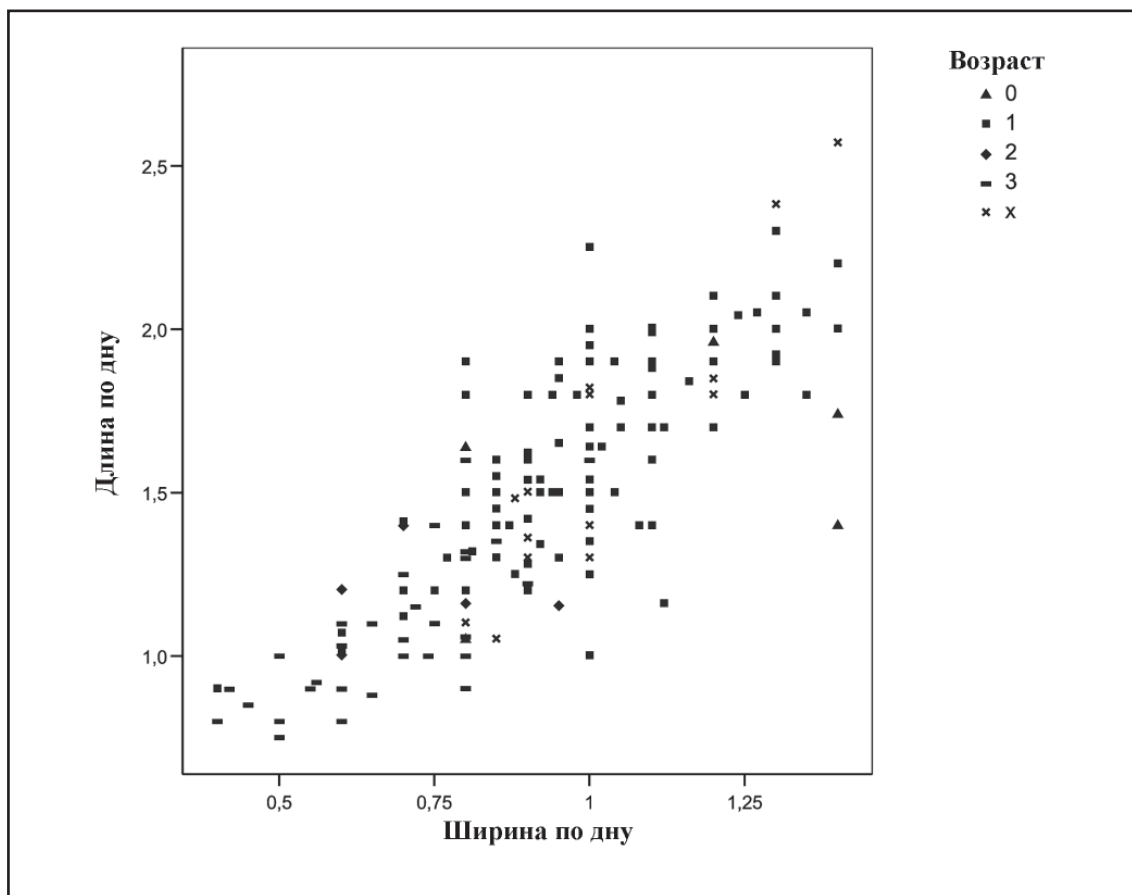
Вследствие того, что не всегда приводятся точные данные о глубине погребальных сооружений, особенно для впускных ям двухчастных конструкций, их размеры оцениваются только по основанию. Гистограмма — данные относятся к собственно могильной яме, у двухчастных сооружений к нижней части — показывает нормальное распределение от маленьких к большим могильным ямам (рис. 5). Размеры сооружений, очевидно, обусловлены возрастом погребенных индивидов, так как только одно детское погребение отличается более крупными размерами по отношению к средней величине 1,47 м² (рис. 6). Это погребение 2 из кургана 5 группы Чередникова Могила, в котором отсутствует инвентарь (Vunjatjan u. a. 2006: 90, Abb. 42: 3). Парные захоронения в основном также размещались в крупных сооружениях, которые соответствуют средней или значительно большей величине. В десяти парных захоронениях находился, по меньшей мере, один ребенок или юноша.

Выше было оговорено, что насыпи воздвигались в равной степени над одно- и двухчастными погребениями ямной культуры. Вместе с тем, при сопоставлении площади впускных ям двухчастных конструкций обнаруживается тенденция, согласно которой над особенно крупными сооружениями часто возводилась

отдельная курганная насыпь (рис. 7). Таким образом, размеры могильного сооружения, по-видимому, в значительной степени зависели от возраста погребенного, но существовали и другие факторы, которые могли привести к увеличению трудовых затрат на сооружение погребального комплекса.

Еще одним элементом погребений III тыс. до н. э. является оформление пространства погребальной камеры, к чему можно причислить устройство подстилки, на которую укладывали умершего, использование охры и наличие костей животных (рис. 8). Эти признаки отсутствовали лишь в 37 комплексах, тогда как почти половина погребений содержала подстилку, а в 122 могилах выявлена охра. Вместе с тем, в оформлении могильных комплексов отсутствуют явные доказательства далеко зашедшей социальной дифференциации, вследствие чего в дальнейшем исследовании этим показателям не уделяется особое внимание.

Шестьдесят пять процентов погребений ямной культуры не содержат какой-либо инвентарь. В тех комплексах, в которых имелся инвентарь, преобладает керамика, при этом только пятая часть погребений содержит по одному сосуду. Все категории погребального инвентаря из других материалов встречаются лишь в единичных случаях (рис. 9); предметы из кости подразделяются на украшения и орудия труда. Украшение из меди

Рис. 6. Соотношение между размерами погребальных камер и возрастом погребенных в ямной культуре (n=195): 0 — возраст погребенного неизвестен или кенотаф, 1 — взрослый, 2 — юноша, 3 — ребенок, x — многократное захоронение.

обнаружено только в одном комплексе. В данных погребениях представлены характерные категории инвентаря, известные во всем регионе между южным Бугом и Днепром; к ним относятся костяные молоточковидные булавки, украшения из меди или пронизы из кости, кремневые отщепы, реже небольшие ножи или шилья из меди (Шапошникова 1985: 346—347, рис. 98).⁷

Две из пяти молоточковидных булавок находились в погребениях подростков, тогда как три другие булавки сопровождали погребения взрослых индивидов (Bunjatjan u. a. 2006: 181, Abb. 38: 3, 6; 209, Abb. 66: 1, 2, 4; 264, Abb. 121: 2, 7; 273, Abb. 130: 2, 3; 299, Abb. 156: 4—8). Более точным выводам препятствует отсутствие антропологических определений, поскольку определенные категории инвентаря не дифференцируются по половым признакам. В настоящее время продолжается дискуссия относительно того, что молоточковидные булавки являются атрибутами лишь взрослых

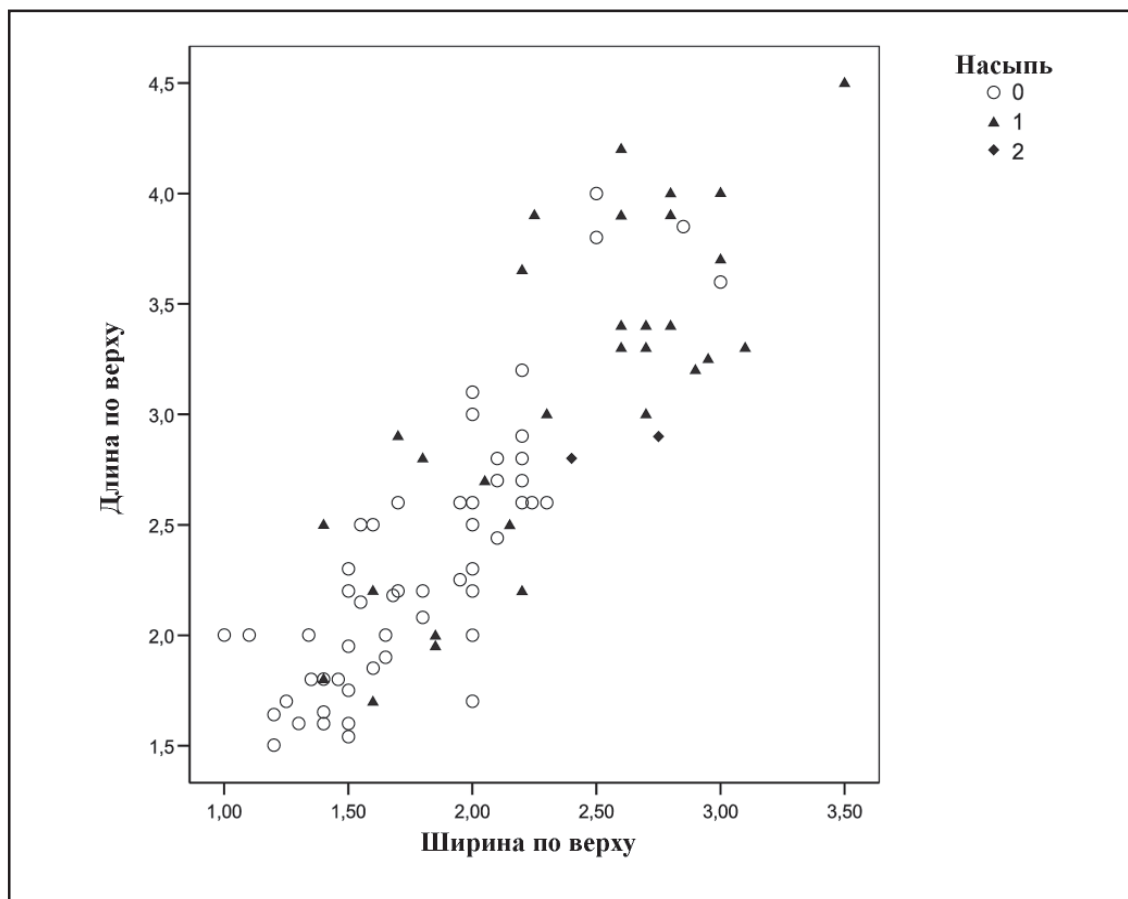
женщин или/или несовершеннолетних индивидов; к тому же, отсутствует единое мнение касательно их функциональной принадлежности. В силу того, что стержень булавок в основном является относительно толстым, а конец часто притупленным, костяные экземпляры вряд ли могли служить в качестве заколок для одежды. С другой стороны, поскольку нередко эти изделия обнаруживаются вместе с костяными пронизями, просверленными клыками и т. п., их можно, вероятно, рассматривать как часть ожерелья.

В равной степени остается неясным, являются ли небольшие ножи исключительно принадлежностью мужских погребений. В рассматриваемых курганных могильниках были обнаружены только два таких ножа.⁸ Еще одно медное орудие представлено долотом с деревянной рукояткой (Bunjatjan u. a. 2006: 184, Abb. 41: 2, 3). Наряду с этим, в погребении 6 кургана 7 в группе Завадские Могилы была обнаружена медная пластинка

⁷ О погребальном инвентаре в курганных могильниках у г. Орджоникидзе см. также в Nikolova 2006: 18—21.

⁸ Группа Завадские Могилы 7/30 (Bunjatjan u. a. 2006: 214, Abb. 71: 2, 5); группа Чкаловская I, 3/24 (Bunjatjan u. a. 2006: 264, Abb. 121: 1, 5).

№2. 2010

Рис. 7. Соотношение между размерами погребальных камер и характером курганной насыпи в ямной культуре (n=195): 0 — досыпка отсутствует; 1 — вторичная насыпь; 2 — локальные досыпки.

с иглой (Bunjatjan u. a. 2006: 209, Abb. 66: 1, 2, 4). Если сопоставить материал, из которого изготовлены предметы погребального инвентаря, и размеры могильных конструкций, можно опять-таки обнаружить определенную тенденцию (рис. 10). Интересно отметить, что все изделия из мышьяковистой бронзы были открыты в крупных могильных сооружениях. Только одна небольшая могильная яма, которая размещается на левом нижнем окончании графика, содержала детский скелет со спиралевидной височной подвеской из серебра, которая является единственной находкой такого рода на рассматриваемых могильниках. В то же время, аналогичные предметы, как мы увидим дальше, относительно часто встречаются в ямных погребениях других регионов. Каменные и кремневые артефакты (последние в основном представлены отщепами) также встречаются в крупных могильных сооружениях. Данная тенденция проявляется еще очевиднее, если учитывать только двухчастные могильные ямы и оценивать их размеры. Погребения с костяными изделиями и керамикой известны здесь заметно реже и также попадают в небольших могильных ямах.

В дополнение ко всему следует отметить, что взаимозависимость между количеством погребального инвентаря и размерами могильной ямы фактически не прослеживается.

На основе приведенных выше наблюдений можно заключить, что главным индикатором социальной позиции погребенного выступает, прежде всего, могильная конструкция и трудовые затраты на ее сооружение. Более крупные сооружения чаще перекрывались дополнительными насыпями, что означало еще больший уровень израсходованной энергии для соответствующего социума. Можно также отметить, что во многих случаях размеры могильных ям определялись возрастом умерших. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в целом вполне представительная база данных, состоящая из 200 ямных комплексов в могильниках между Орджоникидзе и Чкалово, все же не вполне достаточна, чтобы выявить устойчивую тенденцию в корреляции между затратами энергии на сооружение погребений и другими признаками погребального обряда.

Для сравнения можно привлечь данные из монографии С. В. Ивановой, в которой учтено более 2100 погребальных комплек-

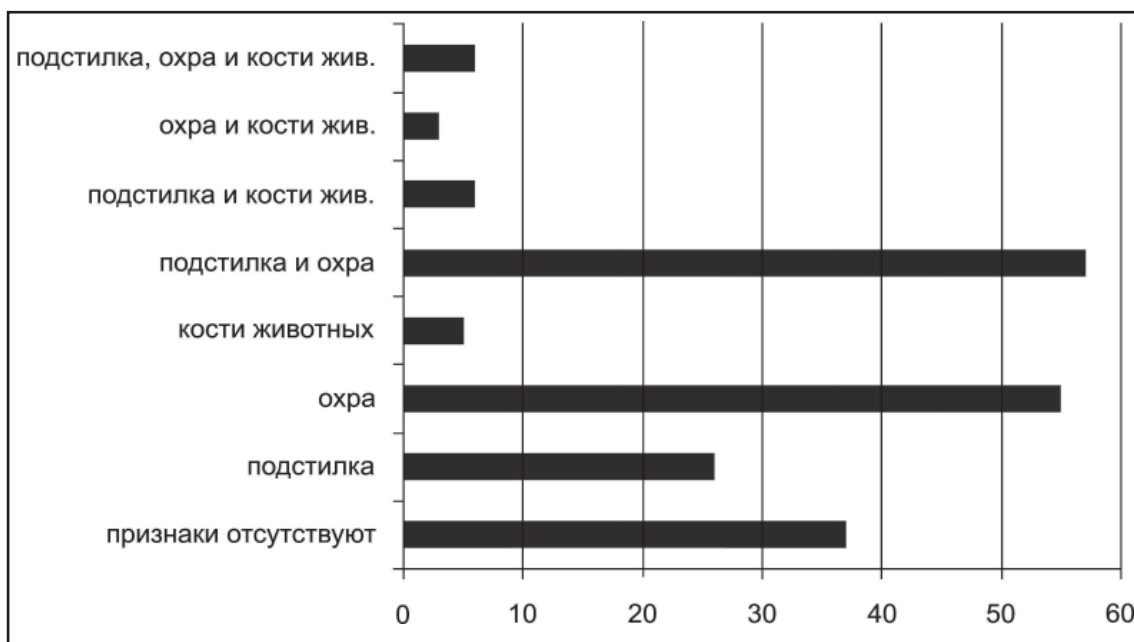

Рис. 8. Распределение различных признаков в оформлении погребальных камер в ямной культуре (n = 195).

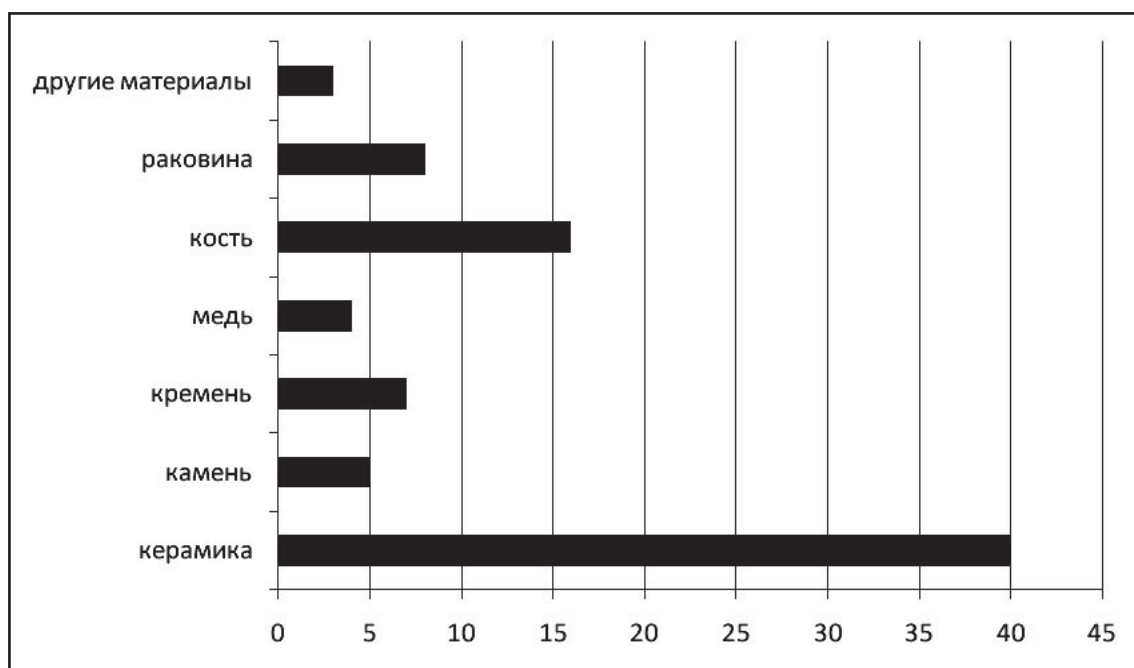
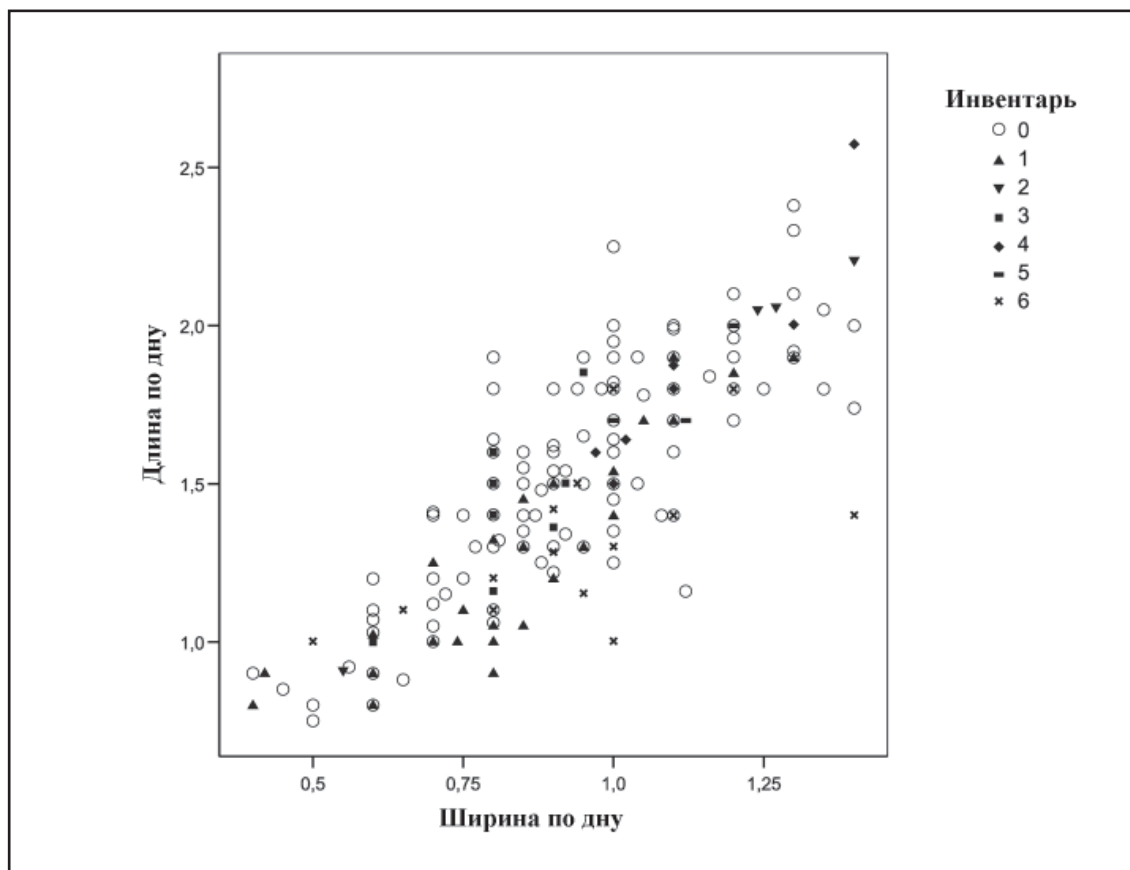

Рис. 9. Распределение предметов инвентаря из различных материалов в погребениях ямной культуры (n = 195).

сов Северо-Западного Причерноморья, при этом для одной седьмой части погребений приводятся антропологические определения (Иванова 2001: 26, 123). В широком смысле работа Ивановой подкупает своей методологической ясностью, даже если в каком-то отношении она и придерживается определенных исследовательских традиций. Так, повозки и шлифованные каменные топоры определяются как инсигнии власти, тогда как к оружию причисляются кремневые то-

поры. Небольшие ножи и шилья из мышьяковистой бронзы без каких-либо объяснений были отнесены к категории ритуальных орудий (Иванова 2001: гл. 3).

Примерно в 17% погребений ямной культуры между Прутом и Днестром был обнаружен некерамический инвентарь, что в точности соответствует данным по ямным захоронениям в курганах у г. Орджоникидзе. Погребальный инвентарь был разделен по категориям артефактов и соотнесен с конструк-

Рис. 10. Соотношение между размерами погребальных камер и предметами инвентаря из различных материалов в ямной культуре (n=195): 0 — инвентарь отсутствует, 1 — керамика, 2 — металл, 3 — кость, 4 — камень/кремнь, 5 — раковина, 6 — другие материалы.

циями и размерами могильных комплексов. Посредством последующего анализа была обнаружена, в общем-то, не вызывающая сомнений взаимосвязь между возрастом и полом погребенных, инвентарем и соответствующими трудовыми затратами на сооружение погребений. Значительная выборка проанализированных погребений позволила также установить зависимость размеров погребальных сооружений от половозрастных различий, а также их соотношение со столбовыми конструкциями, которые присутствуют почти исключительно в мужских погребениях. Почти все артефакты также обнаружены в мужских погребениях, в силу чего их инвентарь является более разнообразным; исключение составляют лишь предметы украшения и кремневые отщепы. Орудия труда почти полностью отсутствуют в женских могилах. Даже право на погребение в большей степени распространялось на мужчин: на 161 мужских захоронений приходятся лишь 74 женские могилы (Иванова 2001: 123 и сл., рис. 27—30).

В итоге С. В. Иванова делает попытку построить на аналитических результатах различные тернарные социальные модели. Автор

интерпретирует могилы индивидов с повозками или каменными топорами как усыпальницы членов узкой лидерской прослойки, за которой следует некий аристократический слой, состоявший из служителей культа и ремесленников. При этом приблизительно 80% составляют погребения, которые не содержат какие-либо диагностирующие признаки. Проведенный анализ обнаруживает зависимость распределения предметов инвентаря от половозрастной дифференциации и в дальнейшем подтверждает, что трудовые затраты на сооружение погребения были весьма различными и зависели не только от возраста умершего, но и от других факторов. Однако разнообразие погребального инвентаря затрудняет или делает практически невозможным выявление этих факторов.

По нашему мнению, собственно говоря, только комплексы с повозками могут быть убедительно интерпретированы как захоронения персон с особым социальным статусом, хотя они также отличаются по форме и устройству (Цимиданов, Иванова 1993; Kaiser 2007). В 18 ямных погребениях Северо-Западного Причерноморья повозки помеща-

Таблица 2.

Оформление и инвентарь погребений с повозками ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье

Памятник/ погребение	Инвентарь	Размеры камеры (2,2–4,5 м ²)	Двухчаст- ные кон- струкции	Особое оформление
Тараклия 10/19	1 сосуд, 4 височных кольца (сер.), 1 нож (медь), 1 шило (медь), 3 костяных бусины	+	+	подушка из органического материала, 1 циновка, 10 столбовых ямок
Яски 1/18	2 височных кольца (сер.), 2 каменных орудия	+	+	-
Курчи 20/16	2 височных кольца (сер.)	+	+	-
Тараклия 18/10	2 височных кольца, 2 сосуда	детское погребение	+	отдельная насыпь
Яски 2/2	1 нож (медь)	+	+	сложное перекрытие посыпано песком
Никольское 7/33	33 кремневых отщепа	+	+	отдельная насыпь, двойное дер. перекрытие, циновка, дер. носилки, 2 столбовые ямки
Петрешть 3/9	1 кремневый скребок	+	+	8 столбовых ямок
Этулия 1/14	1 сосуд, кости животных	+	+	отдельная насыпь; 2 циновки
Холмское 2/17	1 сосуд	+	+	-
Холмское 1/7	кожаный мешок, костяной предмет	+	первичное	отдельная насыпь; каменный панцирь
Балабаны 13/13	-	младенец	+	-
Богатое 1/6	-	младенец	-	слой коры в качестве перекрытия
Маяки 5/5	-	+	+	тростниковые циновки на стенах
Тараклия 10/18	-	+	+	сложное деревянное перекрытие, погребенный лежит на деревянной конструкции, 4 столбовых ямки
Новоселица 19/16	-	+	-	меловая посыпка, столбовые ямки
Вишневое 19/16	-	+	-	посыпка мелом, 4 столбовые ямки
Холмское 2/10	-	+	-	пепел и обожженное дерево на уступе, мел и тростник
Сэрэтенъ 1/4	-	+	-	-

№2. 2010

лись преимущественно на уступе, при этом могли депонироваться как цельные конструкции, так и отдельные элементы (*pars pro toto*), часто в виде сплошных дисковидных колес. Почти все 18 погребений с повозками представляют собой двухчастные сооружения довольно крупных размеров. Только четыре таких погребения перекрывались курганной насыпью (табл. 2). Вместе с тем, многие захоронения выделяются особым оформлением, куда входило покрытие стен растительными циновками, размещение особой подушечки из органического материала под головой усопшего, установка столбовых конструкций и т. п. В десяти могилах содержался и другой инвентарь, в составе которого чаще всего встречались спиральные серебряные кольца. В целом, в ямных погребениях Северо-Западного Причерноморья они более многочисленны, чем, например, на Нижнем Днепре, где в курганах у г. Орджоникидзе было обнаружено только одно детское погребение с аналогичным кольцом. Однако и здесь подобные изделия не относятся к наиболее распространенной категории инвентаря. В рассматриваемом регионе из пятнадцати погребений с небольшими ножами только два сопровождалась повозками. Таким образом, обнаруживается вполне очевидная тенденция, согласно которой погребения с повозками или их деталями выделяются по более сложному оформлению комплексов. Вместе с тем, строго выдержанные каноны в оформлении могил и распределении погребального инвентаря здесь не прослеживаются.

Какие выводы о социальной структуре ямных племен можно сделать на основе рассмотренных свидетельств? Согласно имеющимся данным, можно предположить, что повозки, помещенные в могилы, принадлежали умершим, чей прижизненный социальный статус в обществе к настоящему времени еще не определен достаточно однозначно. В ямной культуре Северного Причерноморья комплексы с повозками составляют менее 1%. В то же время, в новотиторовской культуре в бассейне Кубани, которая в значительной части синхронна поздней фазе ямной культуры, повозка или ее составные элементы встречаются в каждом четвертом захоронении взрослого индивида (Гей 1991: 66). На основе немногих глиняных моделей повозок мы знаем, что, по крайней мере, одна часть повозки с четырьмя дисковидными колесами несла какую-то конструкцию из органического материала (Конь и всадник 2003: 12, рис. 8). Не вызывает сомнений, что повозка выполняла определенные функции в повседневной жизни носите-

лей новотиторовских и ямных культурных традиций. Однако их хозяйственный уклад изучен недостаточно, поэтому более детальные объяснения вряд ли возможны. Вместе с тем, степь очень подходит для экстенсивного скотоводства, при котором запряженная волами повозка могла перевозить на большие расстояния основные предметы домашнего обихода, а также некоторые пищевые продукты, что позволяло эффективно использовать отдаленные пастбища. Использование таких пастбищ предоставляло определенное преимущество, позволявшее отдельным скотоводческим группам значительно увеличить размер стада и в силу этого повысить свой социальный престиж в соответствующем обществе.

Очерченная здесь картина основывается на выводах П. Богуцкого относительно преимуществ тягловой силы животных для развития земледелия в преисторических обществах (Bogucki 1993). Аналогичные выводы можно в равной степени отнести к обществам, чья система жизнеобеспечения в значительной мере зиждется на скотоводстве. Разумеется, здесь не может быть и речи о полностью кочевом образе жизни, основанном исключительно на скотоводстве, так как для этого периода известны поселения, хотя они еще мало изучены.

Предположим, что предложенная интерпретация новотиторовской культуры на Кубани соответствует действительности. Но как тогда объяснить сокращение погребений с повозками в ареале ямной культуры на территории Северного Причерноморья? Только в Северо-Западном Причерноморье на более чем 2100 комплексов ямной культуры приходится 18 погребений с повозками, соответствующих периоду протяженностью в 500—600 лет. В силу этого, привлекая элементарные арифметические подсчеты, вряд ли можно предположить, что на одно поколение во всем регионе приходился лишь один индивид с особым социальным статусом, чье захоронение отмечалось при помощи повозки или ее составных частей, даже если допустить наличие таких погребений в еще не исследованных курганах. Но даже если согласиться с этими расчетами, предстанет ли перед нами реальная картина эгалитарного общества, в котором каждому поколению соответствует лишь один лидер, выделяющийся особенно высоким рангом и престижем?

Исходя из вышесказанного видно, что бедные инвентарем погребения ямной культуры не дают достаточных оснований для интерпретации социальных отношений в рассматриваемый период, особенно из-за частого

отсутствия антропологических определений. Возможно, существовали религиозные или другие идеологические мотивы, которые обусловили весьма умеренное использование предметов погребального инвентаря. В отдельных случаях допускалось особое оформление погребальных комплексов, однако здесь вряд ли существовали какие-то строгие правила. С другой стороны, график нормального распределения размеров могильных ям в зависимости от возраста умершего, скорее всего, демонстрирует прагматический подход по отношению к трудовым затратам на сооружение погребений. Точно так же, в тех случаях, когда некоторые индивиды после смерти заслуживали какое-то особое обращение, отличавшееся от общих правил, значительная вариативность погребений, не соответствующих принятым «нормам», не позволяет установить причины этих отклонений.

Реконструкция социальной структуры катакомбной культуры

Если, как утверждает Ю. Я. Рассамкин в приведенной выше цитате, в погребальном обряде ямной культуры признаки социальной дифференциации выражены, по меньшей мере, не очень явно, тогда не удивительно, что здесь трудно распознать захоронения воинов. Ситуация изменяется, по его мнению, в катакомбной культуре, где обнаруживаются погребения индивидов, экипированных луками со стрелами и боевыми топорами. Учитывая хронологическое соотношение ямной и катакомбной культур, погребальный обряд в степной зоне должен был измениться, самое позднее, с середины III тыс. до н. э.

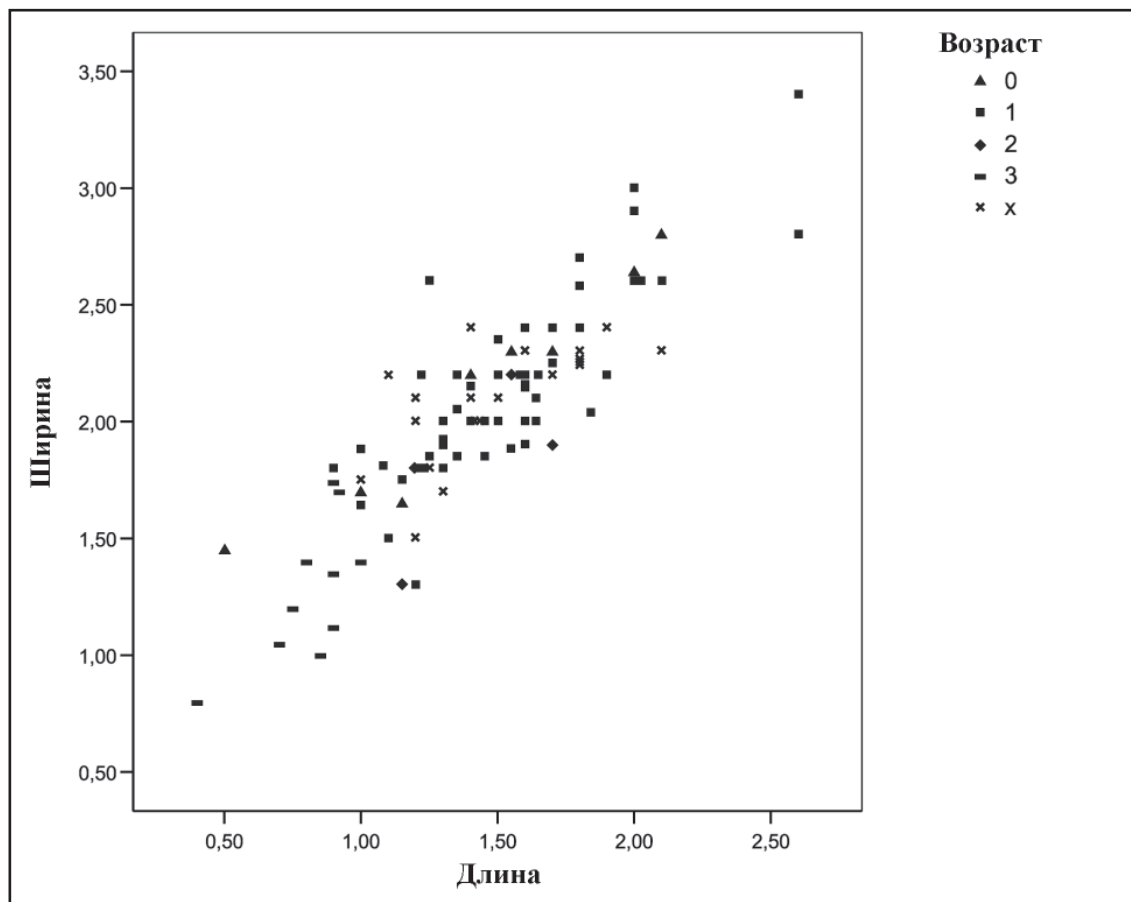
Если мы опять вернемся к курганной группе между населенными пунктами Чкалово и Орджоникидзе (рис. 1), то не обнаружим здесь значительных изменений в погребальном обряде катакомбной культуры по сравнению с предшествующими погребениями ямной культуры. Здесь нет необходимости детально останавливаться на захоронениях более ранней фазы, которые отличаются скорченным положением скелетов, прямоугольными могильными сооружениями и специфическим погребальным инвентарем, то есть совокупностью признаков, характерных для позднеямной культуры (ср. Kaiser 2006a: 39—43). Большую часть комплексов составляют могильные сооружения с округлым входным колодцем и боковой овальной камерой, в которой погребен индивид в вытянутом положении на спине. Подобные погребения

принято относить к ингульской катакомбной культуре, занимавшей Нижнее Поднепровье и территории к западу от него (Братченко, Шапошников 1985).

Если попытаться исследовать катакомбные могильные сооружения, по аналогии с ямной культурой, с точки зрения трудовых затрат, многие из критериев сразу же отпадут. Так, форма могильных конструкций, как выше указывалось, зависит от хронологической позиции комплексов. Захоронения катакомбной культуры в рассматриваемом регионе не являлись в курганах первичными, а также не перекрывались дополнительными насыпями. Проход из шахты в камеру иногда был закрыт деревянными щитами или каменными плитами, однако эта черта наиболее характерна для комплексов ранней фазы. В силу этих обстоятельств наиболее существенным критерием, связанным не только с хронологическими различиями, является размер могильных сооружений. Поскольку входной колодец-шахта полностью сохраняется довольно редко, расчеты выполнялись только по площади погребальной камеры (рис. 11). Как явствует из диаграммы, как и в ямной культуре, при сооружении могильных комплексов катакомбной культуры учитывался возраст погребенного.

В целом возрастает количество инвентарных погребений, достигая 53% от всех открытых комплексов, при этом по-прежнему в составе инвентаря преобладает керамика. Только в 21% погребений содержатся артефакты из других материалов (рис. 12). Номенклатура изделий в целом соответствует той, что присуща предшествующей культуре, при этом несколько чаще встречаются каменные орудия. Так, например, в двух захоронениях были обнаружены каменные топоры. Артефакты, изготовленные из меди, в данных курганных могильниках попадают редко, только в одном богатом захоронении в группе «Шахта № 22», на котором мы ниже остановимся более детально, были обнаружены два металлических предмета. При этом определенную роль играют региональные условия. В районе к северу от Каховского водохранилища, где расположены рассматриваемые курганы, предметы из мышьяковистой бронзы в катакомбах обнаруживаются достаточно редко, тогда как, к примеру, к западу от этой территории, вдоль рек Ингул и Ингулец, они встречаются несколько чаще (Kaiser 2003: Karte 18).

Если почти 200 захоронений ямной культуры представляют собой довольно ограниченную базу данных для аналитической обработки, то 112 катакомбных погребений

Рис. 11. Соотношение между размерами погребальных камер и возрастом погребенных в ингульской культуре в курганах между Орджоникидзе и Чкалово (n=112): 0 — возраст умершего неизвестен или кенотаф, 1 — взрослый, 2 — подросток, 3 — ребенок, x — многократное захоронение.

развитой фазы культуры являются еще менее репрезентативной выборкой для интерпретации социальных отношений, тем более, в силу региональных условий, количество инвентаря в исследуемых курганных могильниках, за исключением керамики, также выглядит довольно незначительным.

Для того, чтобы в дальнейшем обеспечить аргументацию количественными данными, сравним процентные показатели, представленные С. В. Ивановой на основе 2156 погребений ямной культуры Северо-Западного Причерноморья, с процентными показателями, базирующимися на 1047 катакомбных захоронениях западной части ареала между Днепром и Прутом, которые были рассмотрены в моей более ранней работе.

В 67 погребениях ямной культуры были обнаружены спиралевидные кольца, главным образом, из серебра, располагавшиеся в основном в области головы умершего. В развитой фазе культуры из катакомбных погребений почти полностью исчезают ожерелья из костяных или медных пронизей, просверленных клыков, иногда с молоточковидными

булавками, а также другие украшения и аксессуары костюма (Kaiser 2003: 209—219). В комплексах ингульской культуры в Северном Причерноморье также отсутствуют повозки, единственным исключением при этом является дисковидное колесо, которым был закрыт вход в камеру одного из погребений (Kaiser 2007: 132—134, Abb. 3). Как указывалось выше, в ямной культуре обнаруживается большее число элементов, составлявших погребальное сооружение. Такое разнообразие, как ранее отмечалось, в ингульской культуре отсутствует.

Вместе с тем, теперь в катакомбах появляются, хотя и не всегда, ранее неизвестные или прежде мало используемые предметы погребального инвентаря, и их доля заметно возрастает. Это особенно хорошо заметно на примере каменных топоров, которые выявлены почти в одном проценте ямных захоронений, с одной стороны, и в семи процентах катакомбных комплексов — с другой (Kaiser 2003: Abb. 66—68), при этом в последних они очень тщательно обработаны. Погребения с топорами часто содержат и другие артефак-

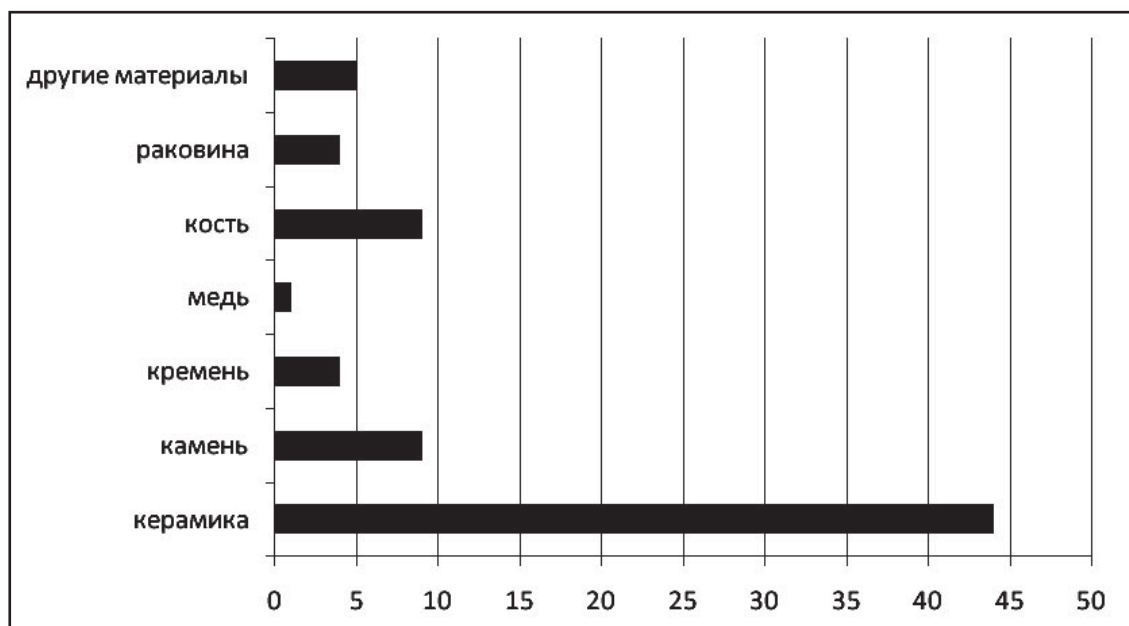

Рис.12. Распределение предметов инвентаря из различных материалов в катакомбной культуре (n=76).

ты, в основном также изготовленные из камня и кремня. Соответственно засвидетельствованы также захоронения с другими каменными изделиями, функционально не связанными с категорией оружия и снабженные другими предметами на среднем уровне (Kaiser 2003: Tab. 14—20). С. В. Иванова смогла выявить в Северо-Западном Причерноморье лишь одно погребение ямной культуры с навершием булавы, тогда как аналогичные предметы вооружения присутствуют в 26 катакомбных захоронениях, правда, начиная с ранней фазы этой культуры (Иванова 2001: 80; Kaiser 2003: 192 f.).

Увеличивается количество погребений с ножами из мышьяковистой бронзы приблизительно с 0,7% до 1,4%, практически удваиваясь. Сходным образом, в более поздней культуре в погребениях чаще встречаются медные шилья. Помимо того, доля наконечников стрел в катакомбах увеличивается до 2,8% (ранее они были представлены в 1,1% захоронений ямной культуры).⁹ С целью выявления различий между двумя культурами необходимо определить особенности их погребального инвентаря, а также проследить изменения в оформлении погребальных сооружений. Действительно, бросается в глаза рост количества каменных топоров в катакомбных

погребениях, но они, в сущности, являются лишь единственным воинским атрибутом из перечисленных Ю. Я. Рассмакиным признаков. Хотя наконечники стрел стали чаще использоваться в качестве погребального инвентаря, однако вряд ли на основании такого незначительного процентного показателя можно всерьез допускать наличие институционализированной воинской прослойки в катакомбной культуре. В катакомбных захоронениях Северного Причерноморья повозки исчезают, за исключением упомянутых реликтов в отдельных погребениях. Двухколесная повозка из Марьевки на юге Украины была реконструирована как предшественница боевой колесницы (Чередниченко, Пустовалов 1991), и в такой трактовке вошла в археологическую литературу. Вместе с тем, выполненная авторами реконструкция выглядит неубедительной, да и наличие дисковидных колес также говорит не в ее пользу. В то же время, само погребение датируется ранней фазой катакомбной культуры; какие-либо аналогичные находки, относящиеся к развитой фазе культуры, то есть к ингульской культуре, в этом регионе отсутствуют.

В целом обнаруживается, что катакомбные погребения отличались почти таким же скромным инвентарем и таким же низким уровнем регламентации, как и погребальные комплексы предшествующей культуры. Каким-то признаком социальной идентификации, в частности, могли служить каменные топоры, нередко очень тщательно обработанные, которые обнаружены в 7% захоронений.

⁹ Здесь учтены все захоронения, в которых встречаются наконечники стрел, несмотря на замечание С. В. Ивановой, что единичные наконечники стрел в захоронении могли являться не частью инвентаря, а оружием, которым индивид был убит (Иванова 2001: 83).

№2. 2010

Вместе с тем, они никогда не встречаются в одном комплексе с навершиями булав, при этом оба вида артефактов, однако, вполне часто сочетаются с другими каменными, кремневыми и медными изделиями. Разумеется, топор или булава представляют собой оружие, которым можно было нанести серьезный урон противнику. Вместе с тем, они никогда не составляли в погребении какой-либо ансамбль с другими предметами вооружения, который мог бы трактоваться в качестве экипировки воина (Kaiser 2003: 206—209). Скорее, здесь можно предположить существование неких индивидов, которые при жизни достигли высокого социального положения, вследствие чего и были снабжены соответствующими символами особого социального ранга.

Разнообразные каменные изделия происходят из единственного богатого катакомбного захоронения у г. Орджоникидзе. Данное захоронение № 3 кургана 3 группы «Шахта № 22» также представляет собой единственный первичный подкурганый комплекс катакомбной культуры, где погребенный был размещен в скорченном положении (Vunjatjan и. а. 2006: 198, Abb. 55). Захоронение содержит сосуд, соотносящийся по форме с посудой культуры многоваликовой керамики, которая в Северном Причерноморье следует за катакомбной культурой, и тем самым маркирует заключительную фазу ингульской культуры. Данное погребение является единственным комплексом в рассматриваемых курганных могильниках, которое расположено на хронологическом стыке двух культур. В этом отношении указанное погребение в дальнейшем будет представлять для нас особый интерес, поскольку оно ведет нас к комплексам, которые по составу инвентаря определяются как так называемые захоронения ремесленников.

Погребения мастеров в катакомбной культуре

К этой категории относятся катакомбные захоронения с многочисленными и разнообразными кремневыми, каменными и костяными изделиями, выявленные в Северном Причерноморье по обе стороны Днепра. Для них были предложены различные интерпретации. Судя по наличию кремневого сырья и отходов, в погребениях содержится материал и инструментарий специалистов, занятых изготовлением кремневых орудий.¹⁰ Тогда как для обработки кремня кажется весьма спорным

существование ярко выраженной специализации, такие работы могли выполняться любым индивидом без особой подготовки, то в области металлообработки, по крайней мере, в ее развитой фазе, высокий уровень профессионализма был абсолютно необходим (Strahm 1994: 2—4). Вследствие этого комплексы с тиглями, глиняными соплами, литейными формами и/или льячками обычно интерпретируются как захоронения металлургов. Самые ранние находки такого рода появляются уже в конце медного века, в ямной и раннекатакомбной культурах. Однако относительно часто они начинают встречаться в развитой фазе катакомбной культуры, практически по всему ее ареалу (Kaiser 2005). Разумеется, частота их встречаемости в сравнении с другими культурными объединениями является относительной величиной: среди более чем 1000 проанализированных катакомбных погребений между Днепром и Прутом были обнаружены только пять комплексов с принадлежностями литейщиков. Этот необычный инвентарь был частично опубликован, поэтому для всей изучаемой территории можно было привлечь 12 катакомб, включая комплексы других катакомбных культур к востоку от ингульской культуры (Kaiser 2005: 270 f., Abb. 2; 276 Abb. 7). Данные погребения довольно часто могут быть снабжены каменными, кремневыми и костяными орудиями, но могут также содержать единичный литейный тигель как отдельное дополнение к погребальному инвентарю.

Социальная интерпретация этих захоронений затруднена в силу отсутствия четкой регламентации погребального инвентаря или других характерных параметров. Обладали ли эти люди в обществе, представленном катакомбной культурой, настолько высоким рангом, что это нашло отражение в неординарном погребальном инвентаре, или, возможно, за этим скрываются какие-то иные причины? Может ли здесь идти речь о ремесленниках, находившихся на чужбине, которые обслуживали различные группы катакомбной культуры и умерли вдали от родины? Они могли быть похоронены по местному обряду, но при этом в могилу был помещен весь комплект или большая часть инструментов, которые не рассматривались как собственность приютившей ремесленника общины. Не находились ли эти ремесленники, возможно, на периферии, а не на вершине общества?

Захоронения ремесленников или специалистов встречаются уже в ямной культуре, и в течение III тыс. до н. э. их количество значительно увеличивается. Согласно выводам Е. Н. Черных, в ямной культуре уже было на-

¹⁰ К этому ср. Kaiser 2003: 201—205 с приведенной там литературой.

лажено производство изделий из мышьяковистых сплавов. По определению К. Штрама, ямная культура, как и катакомбная, могут быть отнесены к так называемой начальной фазе развития металлургии, когда еще не произошли те глубокие социально-культурные изменения, которые следовало бы ожидать в связи с прогрессом в сфере металлообработки (Strahm 1994: 5—8).

Однако с середины III тыс. до н. э. в погребальном обряде развитой катакомбной культуры наблюдаются определенные изменения, на что, например, указывает практика манипуляций со скелетом. С другой стороны, только на развитой стадии ингульской культуры в некоторых погребениях черепа после мацерации начали покрывать глинистой массой, которая наносилась на все лицо или закрывала только глазные впадины (Kaiser 2006b). Для этих же погребений, которые, правда, образуют регионально ограниченный кластер на левом берегу Днепра, вдоль реки Молочная, характерен весьма разнородный погребальный инвентарь. Помимо того, упомянутые манипуляции со скелетом поднимают еще одну проблему, поскольку конструкция катакомбы предполагает неоднократное посещение могильного комплекса до того момента, пока входной колодец не засыпан грунтом. К сожалению, мы не располагаем данными, было ли это устойчивым элементом погребального ритуала или в этом случае совершался обряд перезахоронения, по крайней мере, некоторые скелеты находятся не в анатомическом порядке. Нельзя исключить, что при повторном открытии могилы имевшийся погребальный инвентарь извлекался, что может негативно сказаться на оценке социальной организации общества, практиковавшего захоронения в катакомбах.

В своей работе по социальной и этнической структуре населения катакомбной культуры С. Ж. Пустовалов приходит к совершенно иным выводам, чем те, что представлены в настоящей статье (Пустовалов 1992; Pustovalov 1994: 88). С этой целью он исследовал более 1200 катакомбных захоронений в степной зоне современной Украины. На основе своего анализа, автор реконструирует сложную хозяйственную систему этого периода, в которой он рассматривает описанные выше погребения с моделированными черепами, свидетельствами специализированного ремесла и повозками как захоронения знати («nobility») (Pustovalov 1994: 127 f.). При этом С. Ж. Пустовалов отрицает хронологические различия между ранними и поздними катакомбными захоронениями, синхронизирует и те, и другие с позднейшей

культурой и из этих трех компонентов конструирует раннегосударственную социальную структуру (Telegin et al. 2003: 151—184). В этой структуре носители ингульской культуры, по его мнению, занимали руководящие позиции, реализуя функции административного, религиозного и военного управления (Pustovalov 1994: 128—134). То, что эти предположения мало обоснованы, хотя они и повторяются С. Ж. Пустоваловым уже во многих публикациях, недвусмысленно подтверждается изложенными выше доводами. К тому же, они с полным основанием были также раскритикованы в других работах украинских исследователей (Николова, Черних 1997).

Заключение

Подводя итог ранее изложенным соображениям, можно предположить, что погребальный обряд ямной культуры в действительности отражает эгалитарную организацию общества. Размеры погребальной ямы зависят от возраста умершего, т. е. от длины тела, при этом погребальный инвентарь, как правило, достаточно беден. Только привлекая результаты исследований С. В. Ивановой, в которых задействовано большое количество погребений из Северо-Западного Причерноморья, причем треть из них имеют антропологические определения, можно охарактеризовать тенденции, которые обнаружились при анализе курганных могильников между населенными пунктами Орджоникидзе и Чкалово. Так, можно обнаружить определенные различия в трудовых затратах на сооружение погребений (двухчастная конструкция, размеры могильной ямы, грунтовая насыпь и т. д.). По-преимуществу, остается неясным, почему на индивидов, погребенных в этих могилах, было затрачено больше энергии, чем на других. Богатый и разнообразный погребальный инвентарь встречается лишь в единичных случаях, чаще всего у мужчин. Все же не исключено, что идеологически или религиозно обусловленные погребальные обычаи представляли собой искаженное отражение реальности. Против чисто эгалитарной социальной структуры в ямной культуре, прежде всего, свидетельствуют комплексы с повозками и их деталями. Высокий уровень трудовых затрат для их сооружения очевиден не только из-за присутствия повозок, но и ввиду крупных размеров погребальной конструкции, чаще всего двухчастной, а также из-за особого дополнительного оформления погребальной камеры и более часто встречающегося погребального инвентаря. Относительно погребений с повоз-

№2. 2010

ками было высказано осторожное предположение, что в них были погребены индивиды, которые, владея скотом и имея возможность использовать отдаленные пастбищные угодья и т. д., достигли в силу этого значительного социального положения, что и нашло отражение в соответствующем погребальном обряде.

В ранней фазе развития катакомбная культура характеризуется отношениями, сравнимыми с теми, которые преобладали и в ямной культуре; изменения прослеживаются на развитом этапе культуры, около середины III тыс. до н. э. При анализе погребальных конструкций остается существенным показателем трудовых затрат, отображаемый размерами погребальной камеры; последние полностью зависят от возраста умершего. Дополнительные затраты на могилу и/или на возведение кургана не установлены. В инвентаре присутствуют каменные топоры и наконечники булав, которые могут трактоваться как предметы особого статуса инновационного характера. Вариативность погребального обряда допускала включение других предметов погребального инвентаря, однако какие-либо строгие правила здесь отсутствовали. Такие различные комбинации инвентаря не позволяют вывести однозначное заключение относительно социального положения

погребенных. Тем не менее, в отличие от ямной культуры, здесь прослеживается более высокий уровень социальной градации. Погребальный обряд становится более сложным, поскольку обнаруживаются свидетельства посмертного обращения с трупом, при котором у некоторых индивидов проводилось моделирование черепа. Показательно, что такие погребения в составе инвентаря содержали топор или булаву (Kaiser 2003: 254 f., Tab. 29). В целом, эти комплексы интерпретируются как захоронения людей, имеющих более высокий статус, чем другие члены общества. В любом случае, цитируемый в начале статьи постулат Ю. Я. Рассмакина вряд ли соответствует действительности, поскольку до сих пор не обнаружены комбинации оружия из лука и стрел, топоров и телеги, как это было им описано. Повозки и их детали практически полностью исчезают в Северном Причерноморье в развитой фазе катакомбной культуры. Воинственные всадники или кочевники также не обнаруживаются в этой культуре. Исключение в катакомбной культуре составляют погребения мастеров-литейщиков, которые указывают на существование в это время определенной ремесленной специализации, возможно, связанной с подвижным образом жизни.

Литература

- Братченко С. Н., Шапошникова О. Г. 1985. Катакомбная культурно-историческая общность. В: Телегин Д. Я. и др. (ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 403–420.
- Гей А. Н. 1991. Новотитаровская культура (предварительная характеристика). *СА* (1), 54–71.
- Довженко Н. Д., Рычков Н. А. 1988. К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности. В: Шапошникова О. Г. и др. (ред.). *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев: Наукова думка, 27–40.
- Иванова С. В. 2001. *Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Друк.
- Конь и всадник 2003. *Конь и всадник. Взгляд сквозь века*. Выставка 21.03.–29.09.2003 г. Москва: Государственный исторический музей, Государственный музей Востока.
- Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. 2005. *Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры*. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
- Лагодовська и др. 1962: Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. 1962. *Михайлівське поселення*. Київ: АН Української РСР.
- Мерперт Н. Я. 1978. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы. В: Кропоткин В. В., Матюшин Г. Н., Петерс Б. Г. (ред.). *Проблемы советской археологии*. Москва: Наука, 55–63.
- Ніколова А. В., Черних Л. А. 1997. До однієї з концепцій соціального розвитку носіїв катакомбної культури. *Археологія* (1), 107–119.
- Пустовалов С. Ж. 1992. *Возрастная, половая и социальная характеристика катакомбного населения Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж. 1991. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье). *СА* (4), 206–216.
- Шапошникова О. Г. 1985. Ямная культурно-историческая общность. В: Телегин Д. Я. и др. (ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 336–352.
- Шилов В. П. 1964. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. *АСГЭ* 6, 86–102.
- Bogucki P. 1993. Animal traction and household economies in Neolithic Europe. *Antiquity* 67, 492–503.
- Bunjatjan u.a. 2006: Bunjatjan K. P., Kaiser E., Nikolova A. V. 2006. *Bronzezeitliche Bestattungen aus dem unteren Dneprgebiet*. Schriften des Zentrums für Archäologie

- und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums 8. Langenweisbach: Beier&Beran.
- Bunyatyay K.P. 2003. Correlations between Agriculture and Pastoralism in the Northern Pontic steppe Area. In: Levine M., Renfrew C., Boyle K. (eds). *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge: McDonald Institute, 269–286.
- Černych L. 2003. Spektralanalysen und Metallverarbeitung in den früh- und mittelbronzezeitlichen Kulturen der ukrainischen Steppe als Forschungsproblem. *Eurasia Antiqua* 9, 27–62.
- Chemnykh E.N. 1992. *Ancient metallurgy in the USSR*. Cambridge: University Press.
- Gimbutas M. 1979. The Three Waves of the Kurgan People into Old Europe, 4500–2500 B.C. In: Dexter M. R., Jones-Bley K. (eds). *M. Gimbutas, The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe. Selected articles from 1952 to 1993*. Journal of Indo-European Studies Monographs 18. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man, 240–266. [Reprint of Archives Suisses d'anthropologie générale 43 (2), 1979, 113–137]
- Govedarica u.a. 2006: Govedarica B., Kaiser E., Rassamakin Ju. Ja., Samar V. A. 2006. Der Grabhügel „Tarasova Mogila“ bei der Stadt Orechov. Neue Angaben zur Periodisierung und Chronologie der äneolithischen und bronzezeitlichen Steppenkulturen im Azovgebiet. *Eurasia Antiqua* 12, 63–112.
- Kaiser E. 2003. *Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut*. Archäologie in Eurasien 14. Mainz: von Zabern.
- Kaiser E. 2005. Frühbronzezeitliche Gräber von Metallhandwerkern mit Gußformen für Schaflochhäxte im osteuropäischen Steppenraum. In: Horejs B., Jung R., Kaiser E., Teržan B. (eds). *Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet*. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 121. Bonn: Habelt, 265–291.
- Kaiser E. 2006a. Die Bestattungen der Katakombengrabkultur. In: Bunjatjan u.a. 2006, 33–45.
- Kaiser 2006b. Plastered Skulls of the Catacomb Culture in the Northern Pontic Region. In: Bonogofsky M. (ed.). *Skull Collection, Modification and Decoration*. BAR S1539, 45–58.
- Kaiser E. 2007. Wagenbestattungen des 3. vorchristlichen Jahrtausends in der osteuropäischen Steppe. In: Blečić M., Črešnar M., Hänsel B., Hellmuth A., Kaiser E., Metzner-Nebelsick C. (eds). *Scripta Praehistorica in honorem Biba Teržan*. Situla 44. Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, 129–149.
- Morales Muñiz A., Antipina E. 2003. Srubnaya Faunas and Beyond: a Critical Assessment of the Archaeozoological Information from the East European Steppe. In: Levine M., Renfrew C., Boyle K. (eds). *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge: McDonald Institute, 329–351.
- Nikolova A. V. 2006. Die Bestattungen der Jamnaja-Kultur. In: Bunjatjan u.a. 2006, 13–32.
- Pustovalov S. Z. 1994. Economy and social organization of Northern Pontic Steppe – Forest-Steppe Pastoral Populations: 2750–2000 BC (Catacomb Culture). *BPS* 2, 86–134.
- Rassamakin Y. 1999. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC. In: Levine M., Rassamakin Y., Kislenko A., Tatarintseva N. *Late prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe*. Cambridge: McDonald Institute, 59–182.
- Sprenger S. 1999. *Zur Bedeutung des Grabraubes für sozioarchäologische Gräberfeldanalysen. Eine Untersuchung am frühbronzezeitlichen Gräberfeld Franzhausen I*. Fundberichte Österreich Materialhefte A 7. Horn: Berger.
- Strahm Ch. 1994. Die Anfänge der Metallurgie in Mitteleuropa. *Helvetica archaeologica* 25 (97), 2–39.
- Telegin D. Ya. 1986. *Dereivka. A settlement and cemetery of copper age horse keepers on the Middle Dnieper*. BAR International Series 287.
- Telegin D. Ya., Pustovalov S. Z., Kovalyukh N.N. 2003. Relative and absolute chronology of Yamnaya and Catacomb monuments. The Issue of co-existence. *BPS* 12, 132–184.

Статья поступила 18 февраля 2010 г.

Elke Kaiser (Berlin, Germany). Doctor. Free University of Berlin.

Elke Kaiser (Berlin, Germania). Doctor. Universitatea liberă din Berlin.

Кайзер Эльке (Берлин, Германия). Доктор. Свободный университет Берлина.

E-mail: ekaiser@zedan.fu-berlin.de

Археология представлений

Archaeology of representations
Arheologia reprezentățiilor

Н. Б. Бурдо

Реалистическая пластика Триполья-Кукутень: систематизация, типология, интерпретация

N. B. Burdo.

Realistic Figurines of the Tripolye-Cucuteni Culture: Systematization, Typology, Interpretation.

The article describes a special category of anthropomorphous figurines of Tripolye-Cucuteni culture (cca 5400—2650 cal BC) — figurines with realistic features. In this case “realistic” means detailed image of the head. The main aim of this work is to collect all data about realistic sculpture of Tripolye-Cucuteni formation. Today we have information about 100 realistic figurines, described in the catalogue. A lot of figurines are casual finds, but if they were found during archaeological excavations, circumstances of their finding are described. Analysis of realistic sculpture is carried out in accordance with contemporary local and chronological division of Tripolye-Cucuteni. Detailed description of concrete sculptures allowed to propose classification of realistic figurines and to pick out iconographic types and related sacral images of realistic sculpture.

N. B. Burdo.

Sculptura realistică a culturii Tripolie-Cucuteni: sistematizare, tipologie, interpretare.

Articolul analizează o categorie specială de sculptură antropomorfă Tripolie-Cucuteni (5400 — circa 2650 ani cal BC) — figurine cu trăsături realiste. Drept criteriu pentru a atribui aceste figurine la categoria “realistă” a fost luată modelarea detaliată a capului. Obiectivul principal al acestei lucrări constă în colectarea și sistematizarea sculpturii realiste, în general, pentru entitatea cultural-istorică Tripolie-Cucuteni. Datele privind 100 figurine realiste sunt prezentate în catalog. Multe figurine din această categorie reprezintă descoperiri întâmplătoare, dar în cazurile în care acestea sunt descoperite în procesul săpăturilor, se identifică localizarea lor în cadrul unei așezări. Analiza sculpturii realiste a fost făcută în conformitate cu conceptele moderne de divizare local-cronologică a entității Tripolie-Cucuteni. O descriere detaliată a unor sculpturi concrete a permis să propună o clasificare a figurinelor realiste, să evidențieze tipuri iconografice și imagini sacre respective ale sculpturii realiste.

Н. Б. Бурдо.

Реалистическая пластика Триполья-Кукутень: систематизация, типология, интерпретация.

В статье анализируется особая категория антропоморфной пластики Триполья-Кукутень (5400— около 2650 гг. cal BC) — статуэтки с реалистическими чертами. Критерием для отнесения статуэток к «реалистической» категории избрано детальное моделирование головы. Главная задача этой работы — сбор и систематизация реалистической скульптуры в целом для культурно-исторической общности Триполье-Кукутень. Данные о 100 реалистических статуэтках представлены в каталоге. Многие фигурки этой категории являются случайными находками, но в тех случаях, когда они найдены при раскопках, устанавливается их расположение на поселении. Анализ реалистической пластики осуществлен в соответствии с современными представлениями о локально-хронологическом членении Триполья-Кукутень. Детальная характеристика конкретных скульптур позволила предложить классификацию реалистических статуэток, выделить иконографические типы и стоящие за ними сакральные образы реалистической пластики.

Keywords: Tripolye-Cucuteni Culture, anthropomorphous figurines, realistic figurines.

Cuvinte cheie: cultura Tripolie-Cucuteni, sculptură antropomorfă, sculptura realistă.

Ключевые слова: Триполье-Кукутень, антропоморфные статуэтки, реалистическая пластика.

Археологические культуры Прекукутень, Кукутень, Триполье составляют историческую общность Триполье-Кукутень (Кукутень-Триполье) и относятся к наиболее ярким и хорошо исследованным древнеземледельческим культурам энеолита-раннего бронзового века (РБВ) Европы. Триполье-Кукутень (5400 — около 2650 гг. cal. BC)¹ славится не только знаменитой расписной посудой, но и большими собраниями антропоморфной пластики. Трипольская скульптура отличается как массовостью находок, так и разнообразием представленных образов, невероятной выразительностью многих изделий древних гончаров.

Несмотря на то, что пластике Триполья-Кукутень посвящены три монографических исследования (Монах 1997; Погожева 1983; Рогошева 1985), причем одно из них издано в Германии, в общих обзорах древнеземледельческой скульптуры, даже таких современных и фундаментальных, как двухтомное исследование С. Ханзена (Hansen 2007), богатейшие коллекции с памятников Кукутень и Триполья почти обойдены вниманием. Подробно рассматривая доисторическую скульптуру, С. Ханзен ограничился лишь кратким поверхностным анализом статуэток, главным образом, культуры Кукутень, хотя соответствующий раздел и носит название «Пластика культуры Кукутень-Триполье». Исследователь рассматривает трипольскую пластику как часть фигуративного комплекса энеолита Юго-Восточной Европы, отмечает ее стилистическую самостоятельность, распространение статуэток, нуждающихся в опоре, высокую долю безусловно мужских фигурок, длительность существования традиции изготовления антропоморфных статуэток, продолжающуюся даже тогда, когда западнее и южнее Карпат она уже давно исчезла (Hansen 2007: 265—273). Очевидно, что многие важные и интересные моменты антропоморфной пластики Кукутень не попали, к сожалению, в поле зрения как автора этого фундаментального труда, так и других западных специалистов, а пластика Триполья ими практически игнорируется.

Наша работа направлена на исправление ставшей, увы, уже традиционной ситуации, когда в исследованиях, посвященных древней Европе, ее границы сплошь и рядом не простираются восточнее Карпат. Мы обратимся к одной из категорий антропоморфной пластики Триполья-Кукутень, отличающейся немно-

гочисленностью, но большой выразительностью и оригинальностью изделий.

Дефиниции и историография

«Реалистическая пластика» — термин достаточно условный. Необходимо с самого начала обозначить именно ту категорию антропоморфной пластики древних земледельцев, которая относится к «реалистическому стилю» (Мовша 1975). В действительности, так называемые реалистические статуэтки в целом выполнены в условной манере или схематическом стиле, характерном для древнеземледельческой скульптуры, и лишь отдельные черты в моделировке, в первую очередь, головы фигурок можно рассматривать как реалистические. Поэтому более точным, но несколько громоздким, было бы название этой категории «антропоморфная пластика с реалистическими деталями». Н.Е. Макаренко писал о *реалистическо-схематичной* манере, характерной для трипольской пластики (Макаренко 1926.). Очевидно, что это определение, данное к тому же искусствоведом, самое точное.

Необходимо подчеркнуть, что характеристика антропоморфной пластики Триполья-Кукутень в целом затруднена фрагментарностью статуэток. Несомненно, однако, что степень реализма различных групп терракотовой скульптуры не одинакова. Подавляющее большинство фигурок схематически передает антропоморфный образ, акцентируя при этом внимание на различных деталях.

Один из первых исследователей трипольской антропоморфной пластики, К. Маевский, выделял среди рассмотренных им фигурок четыре категории: примитивно-схематичные, натуралистичные, натуралистично-схематичные, стеатопигичные (Majewski 1947). Как видим, определение «реалистичные» в приведенном перечне отсутствует, но его синонимом в данном случае может выступать термин «натуралистичные».

В.И. Маркевич среди статуэток поздне трипольских поселений Северной Молдавии выделял *реалистическо-схематические* (практически весь массив пластики Триполья-Кукутень), *схематические* (на кубическом постаменте) и реалистические (к ним причислены фигурки, которые мы относим к условно-реалистическим и реалистическим) (Маркевич 1981: 152).

Некоторые авторы причисляют к трипольской реалистической пластике статуэтки, довольно точно передающие человеческую

¹ Датировки относятся к памятникам Триполья и Усатово.

фигуру с детально проработанными руками, ногами, головой (Погожева 1983; Якубенко 2004). Однако к категории «реалистических» целесообразно относить только фигурки, имеющие головки с детально проработанными («реалистическими») деталями. Это ограничение обусловлено тем, что известны статуэтки, у которых руки и ноги моделированы достаточно реалистично, а голова выполнена абсолютной условно. В качестве примера приведем статуэтки из Майданецкого (Бурдо 2001: рис. 32: 2, 3) или «мадонну» из Сушковки (Погожева 1983: рис. 28: 6).² Поэтому критерием для «реалистической» категории избрано детальное моделирование именно головы фигурок, а статуэтки с относительно реалистически воспроизведенными руками и ногами, но с утраченной головой, как образцы «реалистической пластики» мы не анализируем.

Хотя терминология «стиля» антропоморфной пластики относится к области искусствоведения, в данной работе просто используется традиционное название, а искусствоведческий аспект оставлен в стороне. Главная задача этой работы — сбор и систематизация данной особой категории скульптуры для культурно-исторической общности Триполье-Кукутень в целом,³ а также систематизация характерных для нее иконографических типов.

Первые находки трипольской реалистической пластики, как и почти все «первое» для трипольской культуры, принадлежат В.В. Хвойке (Хвойка 1901, табл. XXIII). Две наиболее выразительные фигурки найдены при раскопках поселений «культуры В» (этап Триполье С I) в районе с. Триполье (табл. 1, № 80, 81). Позднее подобные находки sporadически появлялись в разные годы и на различных территориях, причем среди реалистической пластики немалая доля случайных находок, вне контекста конкретных объектов и даже поселений. Последнее обстоятельство несколько снижает достоверность типологических построений.

Головка реалистической фигурки была найдена в Криничках С.С. Гамченко (Гамченко 1926). Известные к середине 20-х годов реалистические фигурки рассмотрены в работах М.Е. Макаренко (Макаренко 1926; Makarenko

1927).

Т.С. Пассек значительное внимание уделила реалистической пластике в связи с проблемой этнической идентификации трипольской культуры. Этой проблеме посвящена большая статья исследовательницы, вышедшая в 1947 г. и написанная еще целиком в русле лингвистических концепций Н.Я. Марра (Пассек 1947). Для нашей темы наибольший интерес представляют приведенные в этой работе антропологические интерпретации реалистической пластики В.В. Бунаком для статуэток Передней Азии и Т.С. Пассек для трипольских фигурок. По мнению антропологов, хотя реалистические черты древней скульптуры и не были «точным воспроизведением природы», но и «не являлись, тем не менее, случайными». То есть, по мнению антропологов, древняя пластика в «весьма условной, примитивной манере» запечатлела «наиболее отличительные признаки, характеризующие антропологический тип древнего населения...» (Пассек 1947: 31).

Исходя из этих идей, Т.С. Пассек предлагает антропологическую интерпретацию известных на середину 40-х гг. XX в. трипольских реалистических фигурок, показывая тем самым еще одну из возможных тем в изучении такой неординарной категории скульптуры Триполья-Кукутень (Пассек 1947: 31—37). Вновь к открытой Т.С. Пассек теме триполеведы обратятся спустя почти полвека (Овчинников, Квитницкий 2002: 139—140). Отметим, что, к сожалению, современные попытки установить антропологический тип трипольцев на основании изучения реалистических фигурок опираются на давно устаревшие представления (и терминологию) физической антропологии. В данной работе мы не намерены поднимать данную тему, но одна из ее целей — привлечь внимание современных антропологов к вдвойне ценному для Триполья источнику, ввиду отсутствия краниологического материала, а также появлению первых данных о ДНК носителей трипольской культуры (Сохацкий та ін 2007).

А.П. Погожева относил реалистические фигурки к категории пластики с индивидуальными чертами. Исследовательница отмечает, что «к концу этапа В II расцветает реалистическое направление в пластике..., появляется целая серия реалистически проработанных головок, лица которых обладают если не портретными, то совершенно очевидно характерными антропологическими чертами, присущими местному населению того времени». Однако А.П. Погожева не развивает тему реалистической пластики в связи с тем, что ее

² Статуэтка ошибочно отнесена к поселению Кошиловцы.

³ В работах Т.Г. Мовши (Мовша 1973; 1975) представлена реалистическая пластика только Триполья. Исследованию антропоморфной пластики Кукутени-Триполья (без Прекукутень) посвящена монография Д. Монаха (Monah 1997).

изучает Т. Г. Мовша (Погожева 1983: 79—80).

Т. Г. Мовше принадлежит идея тематического выделения особой категории реалистических статуэток среди трипольской пластики и специальное исследование этой проблемы (Мовша 1973; 1975). В работах исследовательницы конца 60-х гг. XX в. термин «реалистическая пластика» еще не употребляется. Выделено три группы по степени стилизации: «схематизированная, натуралистическая, натуралистически схематизированная» (Мовша 1969: 17). В этой работе Т. Г. Мовша анализирует отдельные реалистические статуэтки, сравнивает фигурки разных поселений и приходит к справедливому, на наш взгляд, мнению, что «древний скульптор передавал не только обобщенный этнический тип, но и конкретный, приближенный к действительности портрет» (Мовша 1969: 27). В статье 1975 г. «реалистическая пластика» характеризуется как «выдающееся открытие в трипольской культуре», «новое художественное направление в антропоморфной пластике» (Мовша 1975: 3).

В разработках Т. Г. Мовши обоснован принцип исследования трипольской антропоморфной пластики «по отдельным стилистическим группам или этапам развития культуры» (Мовша 1975: 1). Упомянутая статья и диссертационное исследование посвящены «пластике реалистического и схематично-реалистического стилей». Исследовательница собрала значительное количество статуэток таких стилей, известных на тот момент, предложила их стилистическую и сюжетную классификацию, провела синхронный и диахронный анализ статуэток, касалась вопросов их технологии, «сложения и эволюции отдельных типов фигурок, определения этнографических черт пластики для отдельных племенных групп, выявления скульптурных мастерских, раскрытия смыслового содержания некоторых типов фигурок и восстановления по комплексам находок святилищ и «храмов»» (Мовша 1975: 2).

Первой ступенью классификации Т. Г. Мовши было половозрастное разделение фигурок на женские, мужские, синкретические (сочетающие мужские и женские черты, то есть андрогинные), детские. К сожалению, исследовательницей в научный оборот была введена лишь часть массива пластики, проанализированного в диссертации. Это обстоятельство, а также появление новых реалистических фигурок, заставляет вновь обратиться к реалистической антропоморфной пластике Триполья-Кукутень, хотя мы не ставим целью решение такого широкого круга проблем,

а стремимся, прежде всего, систематизировать источниковедческую базу для изучения этой категории антропоморфной пластики.

В нашем «Каталоге» (табл. 1) собраны данные о 100 реалистических и условно-реалистических фигурках, среди которых как полученные в результате раскопок, так и случайные находки, а также семь экземпляров из частных коллекций. В нем статуэтки расположены в соответствии с локально-хронологическим принципом. Поскольку локально-хронологическое распределение памятников Триполья является в некоторых моментах дискуссионным, в таблице 2 приводится общая синхронизация поселений по условно выделенным крупным регионам и локально-хронологическим группам, которой мы и будем придерживаться при анализе реалистической пластики.

Общая характеристика реалистической антропоморфной пластики

Коллекции антропоморфной пластики Триполья-Кукутень отличаются фрагментарностью статуэток, целые экземпляры составляют не более 5% (Погожева 1983). Не составляет исключения и реалистическая скульптура, и именно это обстоятельство препятствует достаточно четкой классификации реалистических статуэток. Статуэтки с реалистическими чертами в моделировке головы присутствуют среди разных типов формальной ступенчатой классификации антропоморфной пластики (Погожева 1983; Бурдо 2001). Реалистические головки отмечены для фигурок разных технологических групп, крупных и маленьких, мужских и женских, стоячих и сидячих, орнаментированных в разных техниках и неорнаментированных, встречающихся в материалах всех периодов Триполья-Кукутень. Поэтому целесообразно вычлнить реалистические статуэтки в особую категорию антропоморфной пластики (Бурдо 2001: рис. 1) и выделять определенные иконографические типы в пределах именно этой категории вне формальной классификации, хотя, как будет видно из дальнейшего изложения, реалистические фигурки соответствуют основным типам и подтипам антропоморфной пластики в целом.

Еще одна существенная особенность реалистической пластики — небольшой, в сравнении со всей антропоморфной пластикой, массив находок. Собственно реалистических статуэток Триполья-Кукутень нами учтено около сотни (табл. 1). Лишь трипольских антропоморфных фигурок, по данным А. П. Погожевой

Таблица 1.

Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

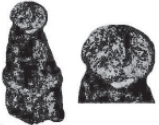

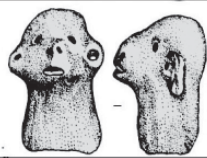

№	изображение	Памятник	этап	библиография
1.		Траян – Дялул Вией Высота 3,8 см	Прек. I	Marinescu-Bîlcu 1974: fig. 12, 2
2.		Тирпешть Высота 7 см	Прек. II	Marinescu-Bîlcu 1981: fig. 107, 9. Dumitroaia et al. 2005: с.133, № 114
3.		Подурь Высота 3,8 см	Прек. III	Monah et al. 2003: 160, № 99
4.		Подурь Высота 4 см	Прек. III	Monah et al. 2003: 160, № 98
5.		Александровка Высота 7 см жилище	Тр. А	Бурдо 2001: табл. 1, 1.
6.		Подурь Высота 10 см	Сус. А	Monah 1997: fig. 82, 2
7.		Bodești-Frumușiца Высота 10 см	Сус. А	Dumitroaia et al. 2005: 156, № 173
8.		Новые Русешты Высота 3 см углубление	В I	Pogoševa 1985: № 410
9.		Новые Русешты Высота углубление	В I	
10.		Бельцы Высота 7,6 см случайная находка	В I	Маркевич 1985: рис. 29

Таблица 1 (продолжение).
Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

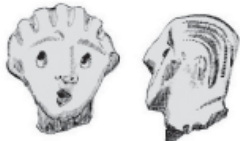

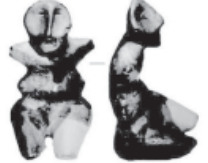
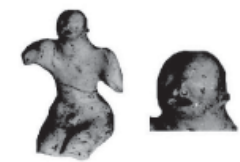

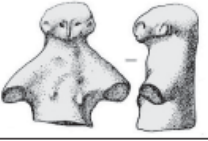
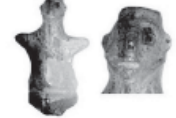

11.		Озаринцы Высота 4,2 см случайная находка		Бурдо 2001: рис. 12, 6
12.		Залещики Высота 5,8 см	В I- В II	Pogoševa 1985: № 477
13.		Воронково 2 Высота 8,7 см случайная находка	В I- В II	Мовша 1973: 18; Маркевич 1981: рис. 88, 1.
14.			Сус.В	
15.		Drăgușeni-Cetățuia Высота 12 см	Сус. В 2	Dumitroaia et al. 2005: 144, № 141
16.		Mihoveni Высота 12,5 см	Сус. В 2	Monah 1997: fig. 181, 4; Dumitroaia et al. 2005: 145, № 143
17.		Кукутень Высота 10,5 см	Сус. В 2	Monah 1997: fig. 218, 8
18.		Raucești-Munteni Высота 14 см	Сус. В 2	Monah 1997: fig. 223, 4
19.		Raucești-Munteni Высота 6,5 см	Сус. В 2	Monah 1997: fig. 162, 1; Dumitroaia et al. 2005: 146, № 144
20.		Ghelaiești-Nedeia Высота 7,5 см	Сус. В 2	Dumitroaia et al. 2005: 144, № 140
21.		Кринички Высота 5 см жилище	В II	Гамченко 1926: рис. 21; Pogoševa 1985: № 665

Таблица 1 (продолжение).

Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

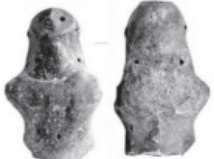

22.		Кринички Высота 10,5 см случайная находка	В II	Макаренко 1926: табл.2; Погожева 1983: 76; Бурдо 2001: табл. 4, 3
23.		Немиров Высота 6,5 см углубление	В II	Pogoševa 1985: №638; Гусев 2009: рис. 5, 4
24.		Владимировка Высота 12 см случайная находка	В II	Бурдо 2001: рис. 31, 2
25.		Владимировка Высота 6 см случайная находка	В II	Пассек 1947: рис. 2; Черныш 1982: рис. 12,4; Pogoševa 1985: № 570; Бурдо 2001: рис. 31, 1
26.		Владимировка Высота 4 см	В II	Pogoševa 1985: № 568
27.		Приватная коллекция		
28.		Владимировка Высота 7 см «землянка»	В II	Пассек 1949: 92-93, рис. 48, 2; Черныш 1982: рис. 12, 1
29.		Владимировка в жилище Высота 4 см	В II	Якубенко 2004: 443
30.		Полонистое Высота 6,5 см случайная находка	В II	Овчинников, Квітницький 2002: рис. 1; ЕТЦ, т. I: 430
31.		Валява Высота 19,8 случайная находка	В II	Телегин 1968: рис. 2; Pogoševa 1985: № 710
32.		Приватная коллекция Высота 6 см	В II ?	Платар 2004: 18, № 5с
33.		Старые Каракушаны Высота 6,7 см случайная находка	С I	Маркевич 1973: 49; Маркевич 1981: рис.101; Pogoševa 1985: № 617 а

Таблица 1 (продолжение).
Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

34.		Брынзень IX Высота 13 см жилище	С I	Маркевич 1985: рис.110
35.		Калагаровка случайная находка	С I	Мовша 1973: рис.6
36.		Колодяжное Высота 5,6 см жилище	С I	Пассек 1949: рис. 90, 2; Pogoševa 1985: № 1008; Бурдо 2001: табл. 3, 3
37.		Черкасов Сад 2 Высота 4 см	С I	ЕТЦ, т. I: 398
38.		Васильково случайная находка	С I	Бурдо 2001: табл.2, 3
39.		Роскошевка Высота 9,6 см	С I	ЕТЦ, т. II: 444; Pogoševa 1985: № 760
40.		Малая Мочулка случайная находка высота 5,7 см	С I	Мовша 1973: рис. 3
41.		Майданецкое Высота 5,5 см яма	С I	Шмаглий, Видейко 2001-2002: рис. 9, 6; ЕТЦ, т. I: 349; Misteries... 2008: 215
42.		Майданецкое Высота 4 см яма	С I	ЕТЦ, т. I: 388
43.		Майданецкое Высота 11 см жилище	С I	ЕТЦ, т. I: 388; Шмаглий, Видейко 2001-2002: рис. 9, 4

Таблица 1 (продолжение).

Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

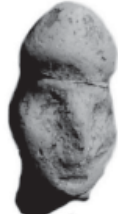
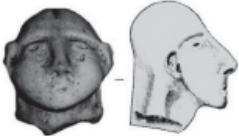

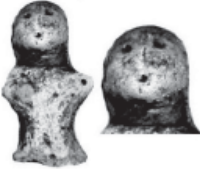

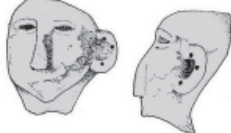
44.		Майданецкое Высота 8 см яма	С I	Бурдо 2001: табл. 5, 1; ЕТЦ, т. I: 388
45.		Доброводы случайная находка	С I	ЕТЦ, т. II: 151
46.		Молодецкое 2 высота 5,4 см случайная находка	С I	Мовша 1973: рис. 5, 2; ЕТЦ, т. II: 442
47.		Кочержинцы- Паньковка Высота 7,4 см случайная находка	С I	Мовша 1969: рис. 8; ЕТЦ, т. II: 560
48.		Кочержинцы- Паньковка Высота 8,5 см случайная находка	С I	Макаренко 1927: fig. 37; Бурдо 2001: рис. 16, 4
49.		Кочержинцы- Паньковка случайная находка	С I	Majewski 1938: fig. 9
50.		Кочержинцы- Паньковка Высота 6,1 см случайная находка	С I	Мовша 1973: рис. 2, 2
51.		Кочержинцы- Паньковка Высота 5,3 см случайная находка	С I	Мовша 1973: рис. 2, 1
52.		Кочержинцы- Паньковка Высота 2,8 см случайная находка	С I	Мовша 1973: рис. 8, 1
53.		Кочержинцы- Паньковка Высота 3,5 см случайная находка	С I	Мовша 1973: рис. 8, 2

Таблица 1 (продолжение).
Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

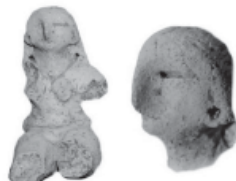

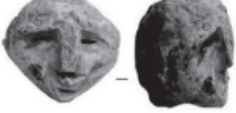

54.		Ризино Высота 8,1 см случайная находка	С I	Телегин 1968: рис. 2; Pogoševa 1985: № 709
55.		Зелена Диброва	С I	ЕТЦ, т. II: 182
56.		Сушковка случайная находка	С I	ЕТЦ, т. II: 505
57.		Сушковка Высота 6,8 см жилище	С I	ЕТЦ, т. II: 442; Misteries... 2008: 227
58.		Сушковка, разведка Т. Г. Мовши. Высота 9,2 см случайная находка	С I	ЕТЦ, т. II: 443
59.		Сушковка, разведка Т.Г. Мовши. Высота 7,2 см случайная находка	С I	ЕТЦ, т. II: 443; Misteries... 2008: 227
60.		Томашевка Высота 8,5 см жилище	С I	Мовша 1969: рис.7; ЕТЦ, т. II: 443; Misteries... 2008: 211
61.		Томашевка Высота 8 см	С I	Мовша 1973: рис.4
62.		Тальянки Высота 5,5 см случайная находка	С I	Круц и др. 2001: 57; рис. 50, 1
63.		Тальянки Высота 4,5 см случайная находка	С I	Корвин-Пиотровский 2007: 125; Круц 2008: рис. 7

Таблица 1 (продолжение).

Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

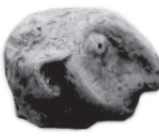
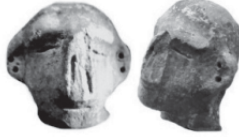

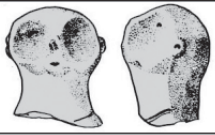
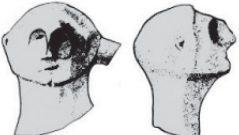
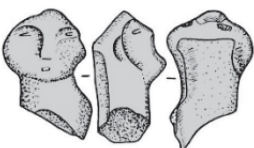
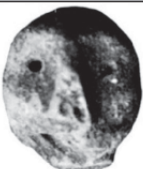

64.		Тальянки Высота 7 см жилище № 38	С I	Круц и др. 2008: рис. 6, 5
65.		Тальянки Высота 3,5 см жилще	С I	Круц 1986: 21
66.		Тальянки Высота 4 см	С I	Круц, Чабанюк, Чорновіл 2000: 14; Корвин-Пиотровский 2008: рис.3
67.		Чичиркозовка Высота 7 см случайная находка	С I	Гірник, Відейко 1989: рис. 2, 11; ЕТЦ, т. II: 610
68.		Чичиркозовка Высота 5,7 см случайная находка	С I	Гірник, Відейко 1989: рис. 4, 2
69.		Чичиркозовка Высота 6 см случайная находка	С I	Гірник, Відейко 1989: рис. 4, 1
70.		Чичиркозовка Высота 7 см случайная находка	С I	Гірник, Відейко 1989: рис. 2, 3
71.		р-н Умани случайная находка	С I?	Majewski 1938: fig. 11
72.		Приватная коллекция	С I?	ЕТЦ, т. I: 391
73.		Приватная коллекция Высота 11 см	С I?	Платар 2004: 19, № 5d

Таблица 1 (продолжение).
Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

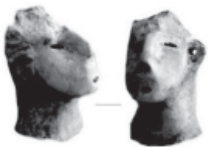
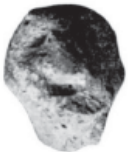
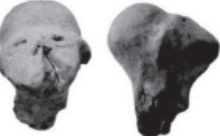

74.		Приватная коллекция Высота 11 см	С I?	Платар 2004: 19, № 5e; ЕТЦ, т. II: 418
75.		Приватная коллекция Высота 4 см	С I?	Платар 2004: 18, № 5b
76.		Вильшана I Высота 5,2 см углубление	С I	Овчинников, Квітницький 2002: 136; рис. 2; ЕТЦ, т. I: 429
77.		Хмельна Высота 4,5 см Яма № 3	С I	Овчинников, Квітницький 2002: 138; рис. 4; ЕТЦ, т. I: 429
78.		Перкари случайная находка	С I	Majewski 1938: fig. 12
79.		Квитки 2 Высота 8 см		Овчинников, Квітницький 2002: рис.3
80.		Район Триполья Высота 11,2 см	С I	Makarenko 1927: fig.31a; ЕТЦ, т. II: 443
81.		Веремье-Довжок Высота 12,6 см	С I	Makarenko 1927: fig.36; Якубенко 2006: 6, 5
82.		Жуковцы Высота 16,2 см	С I	Хвойка 1901: табл. XXIII; Makarenko 1927: fig. 25-25; Якубенко 2006: табл. IV, 5
83.		Коломийщина 1 Высота 4,5 см	С I	Мовша 1973: рис. 5; Якубенко 2004: 442; Misteries... 2008: 227
84.		Коломийщина 1	С I	ЕТЦ, т. II: 239

Таблица 1 (продолжение).

Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

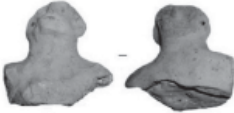

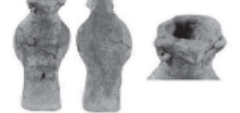
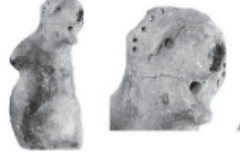
85.		Коломийщина 1	С I	Пассек 1949: рис. 4
86.		Коломийщина 1 Длина 15 см жилище № 3	С I	Пассек 1949: 145; рис. 79, 1 ЕТЦ, т. II: 239
87.		Крутуха-Жолуб Высота 6,8 см яма	С I	Бузян, Якубенко: 1998 рис.1; ЕТЦ, т. II: 270
88.		Крутуха-Жолуб Высота 4 см яма	С I	Бузян, Якубенко: 1998 рис.4.
89.		Приватная коллекция Высота 4,5 см	С I ?	Платар 2004: 18, № 5 а; ЕТЦ, т. I: 391
90.		Приватная коллекция	С I ?	
91.		Русяны Высота 10,8 см случайная находка	С I–II	Маркевич 1981: рис. 63, 9; 100; вкл. 6; Черныш 1982: рис. 12, 2
92.		Брынзень III Высота 16 см жилище	С II	Маркевич 1981: рис. 63, 5; 99; вкл. 5
93.		Костешть IV Высота 7 см жилище	С II	Маркевич 1981: рис. 74, 9
94.		Гримячка Высота 6 см случайная находка	С II	ЕТЦ, т. II: 360; Бузян, Білоусько 2009: рис. 3, 1
95.		Кошиловцы Высота 10 см	С II	Hadaszecz 1914: t. X, 29; Segak 1933: t. IV, 2; Сохацький, Ткачук 2004: 259

Таблица 1 (окончание).
Каталог реалистической пластики Триполья-Кукутень

96.		Кошиловцы	С II	Cegak 1933: t. IV, 6
97.		Кошиловцы Высота 5,3 см	С II	Hadaszecz 1914: t. X, 31; Cegak 1933: tabl. VIII, 5; Черныш 1982: рис. 12, 3; Pogoševa 1985: № 937
98.		Паволочь Высота 4,2 см	С II	Макаревич, Pogoševa 1985: № 1012; ЕТЦ, т. II: 397
99.		Маяки, погр. № 12 грунтового могильника Высота 15,7 см	Усатов- ская к-ра	Патокова 2004: 444
100.		Сушки, под курганом Высота 17,5 см	С II	Makarenko 1927: fig. 4; Мовша 1960: рис. 5; ЕТЦ, т. I: 375

на середину 70-х годов XX в., насчитывалось более 2000 экземпляров. Теперь их известно гораздо больше, например, только в Яблоне — более 700, и это без учета больших коллекций с вновь раскопанных трипольских поселений и памятников Кукутень.

Фрагментарность и малочисленность реалистических фигурок обуславливают определенную гипотетичность многих выводов, полученных в результате изучения категории реалистической пластики.

Реалистические статуэтки были найдены в 56 пунктах на территории от Прикарпатской Молдовы до Днепровского Левобережья (рис. 1). Данные о локально-хронологическом распределении и количестве единиц находок реалистической пластики на памятниках по локально-хронологическим группам представлены в таблице 1.

По степени условности пластика с реалистическими чертами формально может быть разделена на условно-реалистическую и реалистическую. К условно-реалистической пластике относятся статуэтки, лицо которых моделировано с отдельными реалистическими чертами при общей условности передачи

головы (рис. 8: 2, 4; 15: 4). При таком подходе реалистические фигурки известны для всех периодов: в Прекукутень-Триполье А, Кукутень, Триполье, посттрипольских культурных группах. Больше всего находок условно-реалистической пластики связано с поселениями Прекукутень-Триполье А (рис. 2).

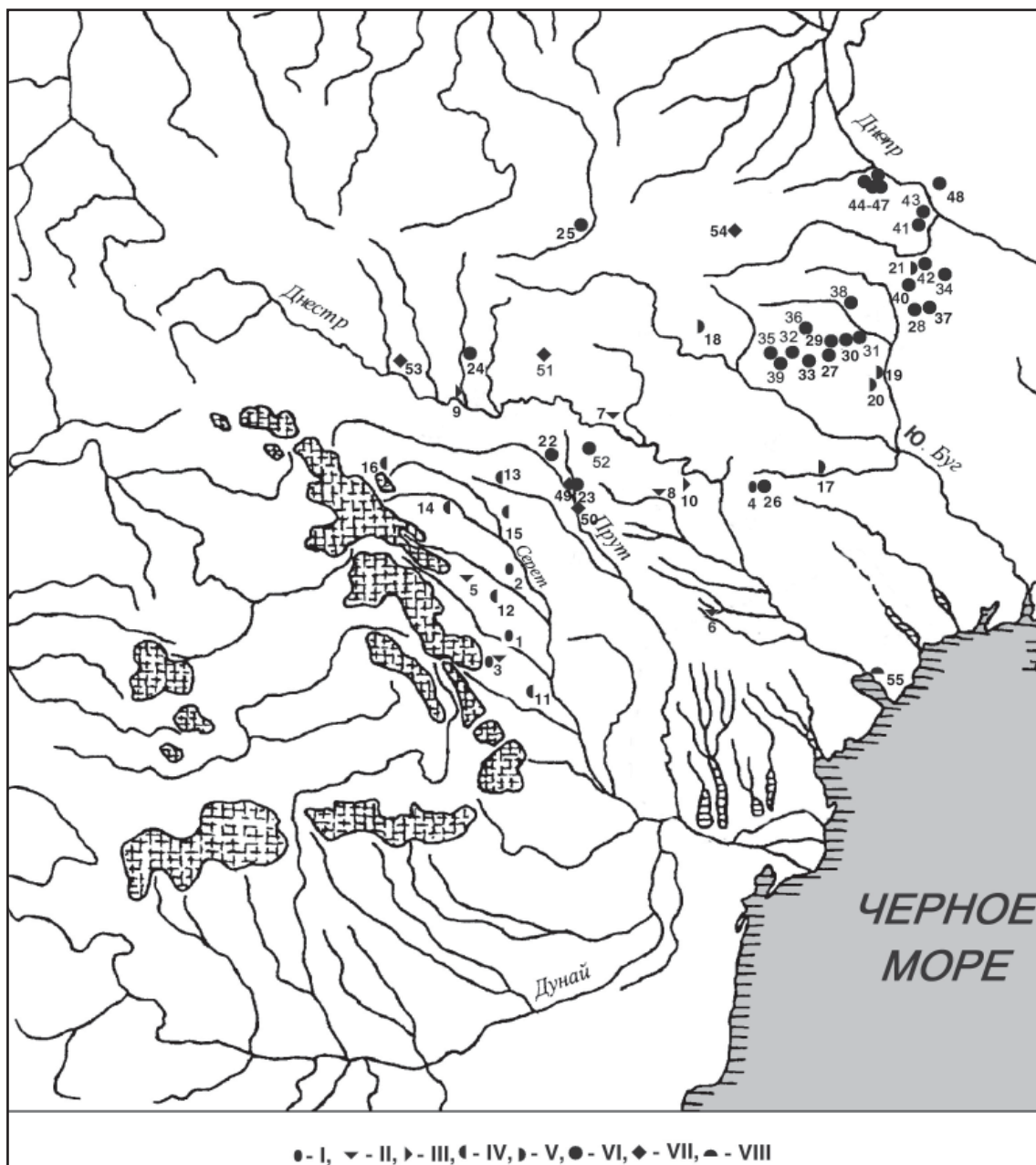
Исследователи антропоморфной пластики древних земледельцев постоянно подчеркивают необходимость изучения конкретных обстоятельств находок статуэток. К сожалению, в отношении трипольской пластики вообще, и реалистической в особенности, установление конкретного археологического контекста фигурок часто бывает невозможным. Во-первых, именно среди реалистической пластики велико число случайных находок, когда известно лишь, с какого поселения они происходят. Во-вторых, в публикациях далеко не всегда удается найти сведения о точном месте находки фигурок. Анализ имеющейся информации позволяет сделать лишь общие выводы. Кроме двух реалистических фигурок из Маяк и Сушков, статуэтки найдены на поселениях.

К сожалению, среди реалистической скульптуры преобладают случайные находки.

Таблица 2.

Синхронизационная таблица локально-хронологических групп трипольской культуры

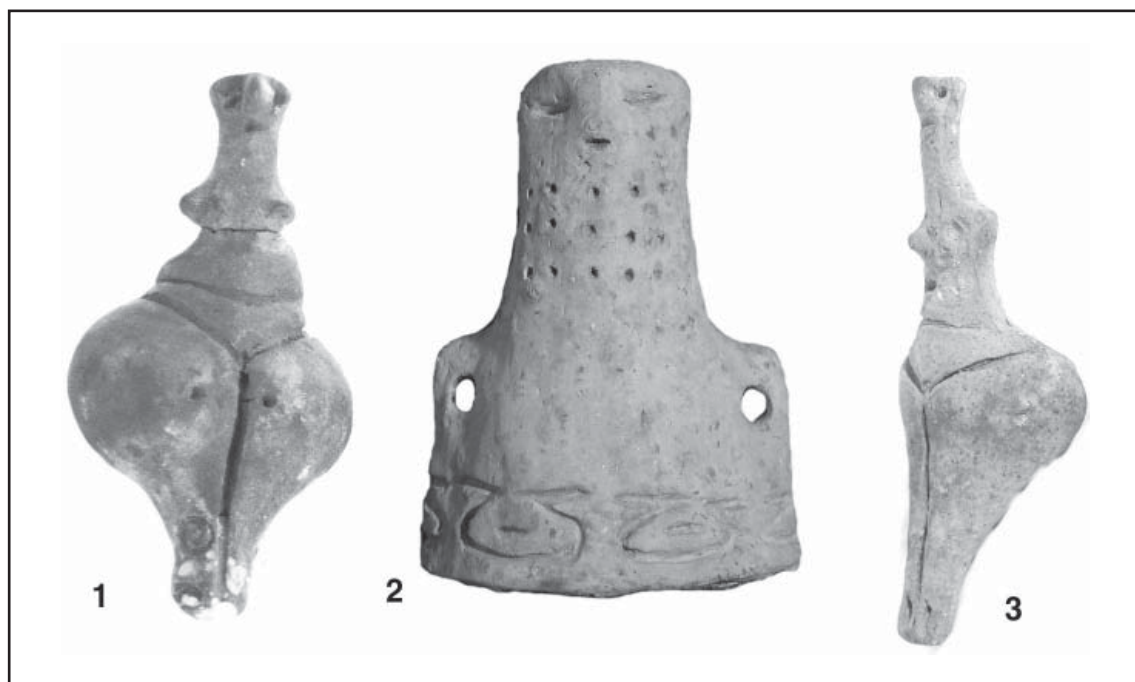
Этап	Прикарпатская Молдова	Междуречье Пруга и Днестра	Среднее Поднестровье	Верхнее Поднестровье	Среднее Побужье	Буго-Днепровское междуречье	Бассейн Днестра
С II		Брынзены III Костешть IV	Гримячка	Кошиловцы			Паволочь
	С I — Кук. В	Кукутень Гелзешть-Недея Дрегушень-Четэцуя Миховень Рэучешть-Мунтень				Томашевка Кочержицы Паньковка	Колодяжное
					Майданецкое Роскошевка Молодецкое	Кругуха-Жолуб Жуковцы Веремья-Довжок	
					Тальянки Ризино	Пекари	
		Брынзень IX			Доброводы Чичиркозовка	Квитки Хмельна	
В II		Старые Каракушаны		Калагаровка	Черкасов Сад 2	Сушковка	Ольшана Валява
	В I — В II		Воронково 2	Залещики			
В I — Кук. А		Бодешть-Фрумушика	Бельцы	Озаринцы			
			Новые Русешты II			Кринички Немиров	Владимировка Полонистое
Прек.-Тр. А	Подурь		Александровка				
	Тырпешть						
	Траян - Дялул Вией						

Рис. 1. Карта упомянутых в статье памятников: 1. Траян-Дялул Вией, 2. Тырпешть, 3. Подурь, 4. Александровка, 5. Бодешть-Фрумушика, 6. Новые Русешты, 7. Озаринцы, 8. Бельцы, 9. Залещики, 10. Воронково 2, 11. Рэучешть-Мунтень, 12. Гелэешть-Недея, 13. Дрэгушень-Четэцуя, 14. Миховень, 15. Кукутень, 16. Raucesti-Munteți, 17. Кринички, 18. Немировск, 19. Владимировка, 20. Полонистое, 21. Валява, 22. Старые Каракушаны, 23. Брынзень IX, 24. Калагаровка, 25. Колодяжне, 26. Чернасов Сад 2, 27. Сушковка, 28. Чичиркозовка, 29. Доброводы, 30. Майданецкое, 31. Тальянки, 32. Кочержинцы-Паньковка, 33. Томашовка, 35. Зелена Диброва, 35. Роскошевка, 36. Молодецкое 2, 37. Васильково, 38. Ризино, 39. Малая Мочулка, 40. Вильшана, 41. Хмельна, 42. Квитки, 43. Пекари, 44. Около Триполья, 45. Веремье-Довжок, 46. Жуковцы, 47. Коломыйщина 1, 48. Крутуха-Жолуб, 49. Брынзень III, 50. Костешть IV, 51. Гримячка, 52. Русяны, 53. Кошиловка, 54. Паволочь, 55. Маяки. Условные обозначения: 1 — Прекутень-Триполье А, 2 — Триполье VI-Кукутень А, 3 — Триполье VI—В II, 4 — Кукутень В, 5 — Триполье В II, 6 — Триполье С I, 7 — Триполье С II, 8 — погребение.

Во время раскопок случаи детальной фиксации находок реалистической пластики *in situ* единичны. Сошлемся на пример из Майданецкого (Шмаглий, Видейко 2001—2002: 104), где под завалом обожженной глины от межэтажного перекрытия одного из жилищно-хозяйственных комплексов найден торс

фигурки (рис. 10: 4). Статуэтка из Коломыйщины 1 (рис. 12: 1) была найдена в жилище № 3 вместе с другими предметами пластики возле глиняного возвышения диаметром 0,5 м, окрашенного в красный цвет (Пассек 1941: 72). Из жилищ происходят реалистические статуэтки с поселений Александровка,

Рис. 2. Пластика Прекукутень-Триполья А. 1 — Подурь (по Д. Монаху и др.), 2 — Бернашевка (по В. Г. Збеневичу), 3 — Тимково.

Тырпешть (рис. 5: 5, 10), Колодяжное (рис. 9: 8), Брынзень III, Брынзень IX (рис. 9: 1, 2), Костешть IV (табл. 1, № 93), Тальянок (табл. 1, № 64—66). Торс реалистической фигурки из Зеленой Дибровы обнаружен рядом с руинами жилища (Овчинников 2004: 181—182).

Большинство реалистических статуэток, а точнее, их фрагментов, на поселениях обнаружено в различных углублениях. Знаменитая расписная владимирская фигурка (рис. 7: 1) была найдена в углублении («землянке») (Пассек 1949: 92). Из четырех реалистических фигурок Майданецкого три (рис. 10: 1—3) происходят из ям. Особо отметим случай, когда две части от головки одной статуэтки (рис. 10: 3) были найдены в ямах двух соседних жилищно-хозяйственных комплексов. На поселении Крутуха-Жолуб фигурка андрогина и головка реалистической фигурки (табл. 1, № 87, 88) были найдены в яме жилища 2 (Бузян, Якубенко 1998: 60). Головки из Олышаны, Хмельной также происходят из углублений (Овчинников, Квітницький 2002: 136, 138).

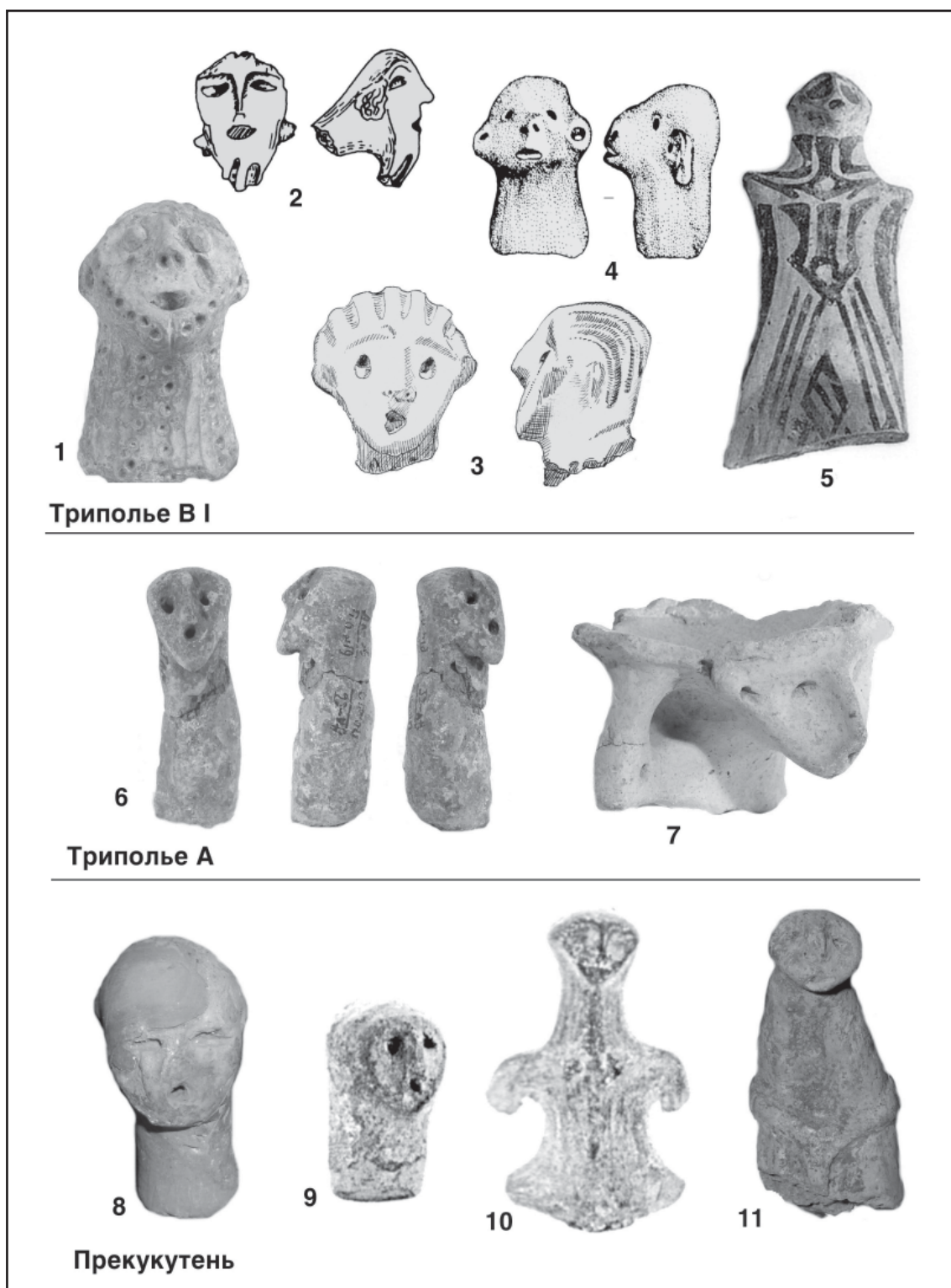
Реалистические статуэтки в памятниках Триполья- Кукутень

Прекукутень — Триполье А

Самая древняя реалистическая головка происходит с поселения Прекукутень Траян — Дялул Вией в Прикарпатской

Молдове (рис. 3: 8). К сожалению, фигурка сильно повреждена крупными сколами (Marinescu-Bîlcu 1974: fig. 12: 2). Заслуживает внимание моделировка головок наиболее распространенного типа статуэток на большинстве поселений Прекукутень (Marinescu-Bîlcu 1974: fig. 2—5). Хотя голова передана достаточно условно, однако проработаны глаза, нос, рот (рис. 2: 1). Подобная моделировка наблюдается и для пластики Триполья А, начиная с Бернашевки (рис. 2: 2, 3) (Pogoševa 1985: № 6, 23, 48; Бурдо 2001: рис. 1). Для материалов Прекукутень схематические «птичь» головки, у которых проработан только нос или наблюдается крайне схематическая моделировка головы в виде конического выступа, не характерны. Но на финальных памятниках Триполья А, которые, вероятно, синхронны Кукутень А 1—2 (Бурдо 2003), преобладают фигурки со схематическими головками (Бибииков 1953: 83, 86, 90).

К особой группе условно реалистической пластики Прекукутень-Триполья А представляется целесообразным отнести фигурки, сочетающие крайне схематическое столбчатое основание с головой, проработанной с некоторой степенью реализма. Такие статуэтки известны в Подурь (рис. 3: 9), Тырпештах (рис. 3: 11), Александровке (рис. 3: 6). К условно реалистической пластике можно отнести и верхнюю часть фигурки с лицом подтреугольной формы из Подурь (рис. 3: 10), которая демонстрирует ярко выраженные черты винчанской пластики. Интересно, что аналогичную фор-

Рис. 3. Пластика Прекукутьень-Триполья А — Кукутень А — Триполье В I. 1 — Бельцы, 2 — Новые Русешты, 3 — Озаринцы, 4, 9, 10 — Подурь, 5 — Фрумушика, 6 — Александровка, 7 — Лука-Врублевцевкая, 8 — Траян — Дялул Вией, 11 — Тырпешть. (1, 2 — по В.И. Маркевичу, 4, 5, 9, 10 — по Д. Монаху и др., 7 — по С.М. Бибикову, 8, 11 — по С. Маринеску-Былку).

му имеет лицо упомянутой выше столбчатой реалистической фигурки из Александровки и скульптурной подставки антропоморфного сосуда из Луки-Врублевцевкой (рис. 3: 7), которая датируется финалом Триполья А. Таким

образом, можно констатировать, что для раннетрипольских условно реалистических фигурок подтреугольный абрис лица, вероятно, передающий острый выступающий подбородок, является характерным. Часть реалисти-

№2. 2010

ческих фигурок воспроизводят антропоморфный образ с преувеличено расширенными глазами и широко открытым ртом (рис. 3: 6, 9). С этим образом мы еще встретимся при анализе реалистической пластики последующих периодов.

Таким образом, хотя статуэтки Прекукутень-Триполья А ближе к условно-реалистической пластике, они имеют большое значение для изучения традиции моделировки статуэток с элементами реализма.

Кукутень А — Триполье В I

Для статуэток фазы Кукутень А характерны предельно схематические головки в виде конических выступов (Monah 1997: fig. 82: 1; 63: 6; 65: 3, 6; 66: 1, 2), как в Луке-Врублевецкой, или дисковидные. В культурном слое теля Подурь найдена головка от крупной статуэтки с реалистическими чертами в моделировке головы (рис. 3: 4). В монографии Д. Монаха она причислена к пластике Кукутень А (Monah 1997: 334). Однако по своим стилистическим особенностям эта находка близка пластике Кукутень В — Триполья В II—С I, а наиболее близкую аналогию находим на поселении Кукутень В Рэучешть-Мунтень (табл. 1, № 19), а также в Квитках — памятнике каневской группы (табл. 1, № 79). Статуэтка из Подурь отличается большими размерами, массивной, очень длинной шеей (если это не столбчатый постамент) и странным, как будто деформированным, черепом. Такие детали моделировки лица, как выступающий нос с большими ноздрями в виде проколов, круглые большие глаза, переданные углублениями, открытый рот, большие оттопыренные уши с отверстиями, характерны для реалистической пластики Триполья-Кукутень. Если эта фигурка действительно относится к периоду Кукутень А, то она может рассматриваться как древнейшая находка реалистической пластики Кукутень. К реалистическим скульптурным изображениям Кукутень А может быть причислена головка (табл. 1, № 7), венчающая ручку расписного черпака из Фрумушики (Dumitroaia et al. 2005: 156, № 173). Как бы поднятое вверх лицо имеет почти ромбический абрис за счет острого выступающего подбородка и больших ушей (рис. 3: 5). Глаза преувеличенно расширены, рот раскрыт.

Пластика разных локально-хронологических групп Триполья В I представлена преимущественно статуэтками с головками в виде конусовидных выступов (Pogoșeva 1985: № 447, 448, 470; Бурдо 2001: рис. 1). Однако известно четыре реалистические головки. Две из них

найжены в Новых Русештах (табл. 1, № 8, 9). Обе относятся к фигуркам небольшого размера. У одной статуэтки подчеркнуты уши, показанные так же, как у головки из Фрумушики, другая фигурка воспроизводит бородатый антропоморфный образ (рис. 3: 2). Похожи между собой две крупные головки, одна из которых — случайная находка в районе г. Бельцы (рис. 3: 1), а другая найдена в Озаринцах (рис. 3: 3). Моделировка этих головок характеризуется чертами, которые станут типичными для реалистической пластики этапов Триполья В II и С I: крупные размеры, поднятое кверху лицо, массивная шея, выступающий нос при общей уплощенности широкого лица, острый подбородок, подчеркнутые уши, большие глаза и открытый рот. Очевидно, статуэтки этого иконографического типа воссоздавали определенный сакральный образ.

Триполье В I — В II

Среди пластики Кукутень А-В реалистические фигурки не известны, а в материалах Триполья В I—В II одна фигурка из Залещиков (Pogoșeva 1985) может быть отнесена к условно реалистическим (табл. 1, № 12). Кроме того, Т.Г. Мовша⁴ относит к этапу Триполья В I-В II торс условно-реалистической статуэтки из Воронково 2 на севере Республики Молдова (табл. 1, № 13). Фигурка может быть причислена к мужским изображениям (перевязь через правое плечо) в головном уборе, напоминающем колпак (рис. 8: 1).

Кукутень В

Среди пластики Кукутень В семь статуэток относятся к категории реалистичных. Очевидно, что в Кукутень реалистической пластики значительно меньше, поскольку периоду Кукутень В соответствуют памятники Триполья В II и С I, на которых суммарно выявлено 70 реалистических фигурок (табл. 1). Кукутеньские реалистические статуэтки представлены преимущественно крупными фрагментами: два обломка верхних частей, у четырех обломаны ноги.

К условно-реалистической пластике относится голова от крупной статуэтки. Голова круглая, бритая, показаны незначительно выступающие уши с отверстиями. Лицо овальное, слабо профилированное, глаза и рот не обозначены (табл. 1, № 14).

⁴ По данным Т.Г. Мовши, фигурка «была найдена в пещере» (Мовша 1969: 18).

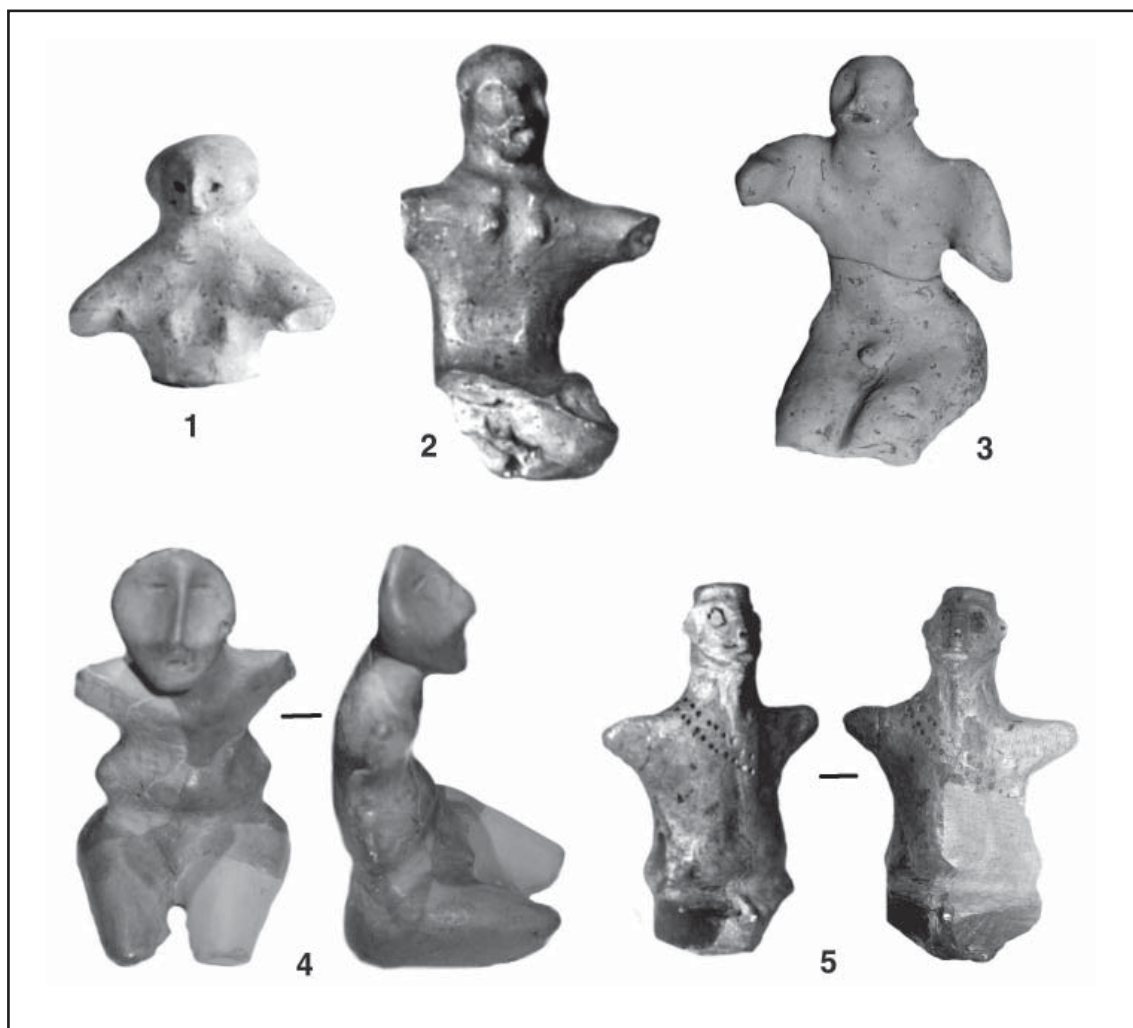

Рис. 4. Пластика Кукутень В (по Д. Монаху).

Из семи статуэток достоверно определяется поза четырех. Это сидящие фигурки, из них три с моделированной небольшими выступами грудью сидят прямо (табл. 1, № 15—18), а одна со склоненным вперед корпусом трактуется как мужская (табл. 1, № 15). Первые три статуэтки объединены следующими общими чертами. Это, по-видимому, достаточно реалистично переданные руки, которые не сохранились, круглая бритая голова, небольшой нос, ноздри обозначены проколами, отсутствие глаз, открытый рот, крупные выступающие уши, от которых в некоторых случаях остался лишь след, небольшими выступами показаны груди, у одной фигурки четко обозначен фаллос (рис. 4: 2, 3). Эти фигурки относятся к особому иконографическому типу, изображающему андрогина.

Сидящая мужская статуэтка представляет особый иконографический тип. Она отличается как склоненной позой, так и уникальными особенностями моделировки: угловатой геометричностью трактовки фигуры, условной формовкой рук в виде конических выступов,

массивными бедренными выступами, довольно условно переданной уплощенной головой. Голова по форме напоминает дисковидные головки схематической пластики. Лицо овальное, высокое, уплощенное. На месте ушей отверстия, закрытые глаза и плотно сомкнутый рот переданы чертой, проведенной по сырой глине, нос длинный, ноздри обозначены проколами (рис. 4: 4).

Два экземпляра реалистической пластики представлены фрагментами верхних частей статуэток. Верхняя часть бритоголовой статуэтки принадлежит, вероятно, изображению андрогина (рис. 4: 1). Лицо круглое и широкое, показаны большие оттопыренные уши, довольно крупный нос, большие глаза. Руки отбиты, грудь обозначена небольшими налестками. Очевидно, фрагмент принадлежал сидящей статуэтке, аналогичной описанным выше.

Еще одна статуэтка с утраченной нижней частью изображает стоящую (?) мужскую фигуру (табл. 1, № 20). Реалистические черты присутствуют только в трактовке слегка от-

№2. 2010

кинутой назад головы, увенчанной невысокой шапочкой, напоминающей тубетейку. Лицо круглое, нос небольшой, ноздри обозначены проколами, выступающие уши с отверстиями, рот открыт. Особое внимание акцентируется на огромных глазах, инкрустированных кружками из раковины (рис. 4: 5). Такой прием прослежен и для условно-реалистической фигурки из Веремья (табл. 1, № 81). Руки условно переданы удлиненными коническими выступами, мощный корпус через правое плечо пересекает перевязь из двух цепочек мелких ямок, обозначены выступы на бедрах. Эта статуэтка имеет общие черты с находкой этапа Триполья В I—В II из Вороново 2 (рис. 8: 1).

Триполье В II

Наиболее западный памятник Триполья В II с находками реалистической пластики — Кринички.⁵ Он находится на значительном удалении от территории Кукутень В, в междуречье Днестра и Южного Буга.

С этого поселения происходит головка крупной реалистической фигурки с крупным прямым носом, несколько уплощенным овальным лицом, открытыми глазами и ртом, обозначенными ямками. На лице красной краской нанесены знаки (татуировка?). Разделенные на пробор волосы передают характерную женскую прическу, что и позволяет относить головку к женским изображениям (табл. 1, № 18). Особенностью этой фигурки является сквозной горизонтальный прокол в массивной шее (рис. 6: 1).

Из Криничек происходит целая реалистическая фигурка среднего размера (высота 10,5 см) женщины с ребенком (Погожева 1983: 76; Бурдо 2001: 77).⁶ Все детали этой фигурки (табл. 1, № 18), кроме ребенка, изображенного в виде желвака с наколами на месте глаз, моделированы в реалистическо-схематичной манере (Макаренко 1926: 168—171, табл. 2). М.Е. Макаренко подчеркивает уникальную сохранность статуэтки в момент ее находки.⁷

⁵ Поселение Кринички предположительно можно отнести к наиболее ранним памятникам чечельницкой группы.

⁶ Описание этой статуэтки в работе А.П. Погожевой неточное. Оно не совпадает ни с описанием М.Е. Макаренко, ни с фотографией фигурки (Макаренко 1926: 168—171, табл. 2).

⁷ М.Е. Макаренко сообщает, что «мадонна» из Криничек была случайно найдена в 1892 г. на поле возле села и попала в коллекцию профессора В.Б. Антоновича. Повреждения фигурка получила, когда была выкрадена у В.Б. Антоновича. М.Е. Макаренко статуэтку для изучения предоставила вдова профессора (Макаренко 1926: 166, 171).

Позу фигурки исследователь определяет как «полулежащую» с вытянутыми вперед ногами. Ноги согнуты в коленях.

Ребенка она держит на руках у левой груди. Корпус сильно отклонен назад, что и придает статуэтке специфическое, как бы полулежащее положение. Лицо статуэтки сохранилось плохо, оно как будто смазано (по мнению М.Е. Макаренко, голова фигурки была несколько деформирована, когда глина была еще сырой, об этом свидетельствует заметная асимметрия лица). Тем не менее, видно, что черты лица были детально проработаны. Длинный нос доминировал, большие глаза и открытый рот показаны углублениями. Уши небольшие, выступающие, с отверстиями. Шея короткая, прощита сквозным горизонтальным проколом маленького диаметра (рис. 6: 2), точно так же, как и у вышеописанной головки статуэтки из Криничек (табл. 1, № 21). Рельефно передана традиционная трипольская прическа с узлом волос сзади на талии. Впереди волосы разделены на прямой пробор, линия которого проведена от самого носа. Пробор и пряди пышных волос, пеленой укрывающих сзади плечи и спину, переданы тонкими прочерченными линиями, а узел на лепном диске.

В целом, женская фигура выполнена подчеркнута натуралистически (рис. 5). По мнению М.Е. Макаренко, на части фигурки сохранились следы белой облицовки (Макаренко 1926: 171), на ногах четко видны следы росписи из параллельных лент. Сочетание серого и розового цветов на поверхности фигурки свидетельствует о том, что она подвергалась повторному действию огня. В таком случае можно предположить, что фигурка находилась среди руин сожженного дома.

В коллекции пластики, полученной при исследовании трипольских поселений, расположенных на территории Немировского городища (Гусев 2009: 313—314), присутствует торс окатанной статуэтки с реалистически проработанной бритой головой (табл. 1, № 23). На этом скифском городище все трипольские находки происходят из ям.

В этом же регионе находится и крупное трипольское поселение Владимировка, с которого происходит пять реалистических фигурок (табл. 1). В коллекции три торса и две головки статуэток (табл. 1, № 24—26, 28—29).

Наиболее известная расписная фигурка изображает сидящую женщину со склоненным вперед корпусом⁸ и обвислой грудью в виде

⁸ По мнению А.П. Погожевой, головка этой владимировской статуэтки «несколько откинута назад» (Погожева 1983: 66). Но детальное изучение фрагмента

Рис. 5. Статуэтка из Криничек (по М. Е. Макаренко).

налепных валиков. Судя по сломам на плечах, руки обломаны. Голова сзади несколько уплощенная, шея массивная, оттопыренные уши с отверстиями отбиты. Широкое лицо фигурки проработано детально. На нем доминирует большой сильно выступающий нос, подбородок выступающий, ноздри показаны глубокими проколами. Глаза переданы такими же глубокими проколами, рот врезной чертой. На правой щеке две параллельные косые линии, нанесенные темно-коричневой краской (татуировка). Так же обведен правый глаз. Две расписные линии проходят спереди по шее, опускаясь на грудь, очевидно, они изображают ожерелье или ворот одежды, окантованный лентами. Еще две такие же линии проведены по плечам и спине фигурки, где они заходят под узел волос и могут трактоваться как отделка накидки. Традиционная трипольская прическа в виде разделенных спереди на пробор волос, собранных в узел на спине, показана рельефно и окрашена темно-коричневой краской (рис. 7: 1).

Еще два торса от крупных статуэток с реалистическими головками из Владимировки от-

носятся к иным, но все же близким между собой иконографическим типам (табл. 1, № 24, 25). Вероятнее всего, это фрагменты стоящих фигурок на столбчатом основании, напоминающем узкую обтягивающую юбку (рис. 7: 2а). Такое предположение можно допустить по находке целой статуэтки с условно реалистически моделированной головкой в Роскошевке (табл. 1, № 39).

Один из торсов реалистических статуэток, отличающийся плавностью линий, является случайной находкой на поселении (рис. 7: 2). Он принадлежал стоящей женской фигурке с прямой спиной и запрокинутой назад головой. Реалистически проработана только голова. Лицо круглое, уплощенное, нос отбит, вероятно, он был довольно крупный, ноздри переданы глубокими тонкими проколами. На поднятом вверх лице доминируют большие глаза, рот показан чертой. Шея фигурки довольно длинная, массивная. Небольшие выступающие уши снабжены проколами. На макушке остался след от какой-то налепной детали: головного убора или, может быть, чаши. Рельефно показаны длинные распущенные волосы, которые широкой пеленой спускаются на спину и собраны в небольшой узел на поясице. Пряди волос отмечены тонкими линиями, прямыми на макушке и волнистыми

и сопоставление его с целыми реалистическими статуэтками позволяет отнести владимировскую фигурку к типу сидячих.

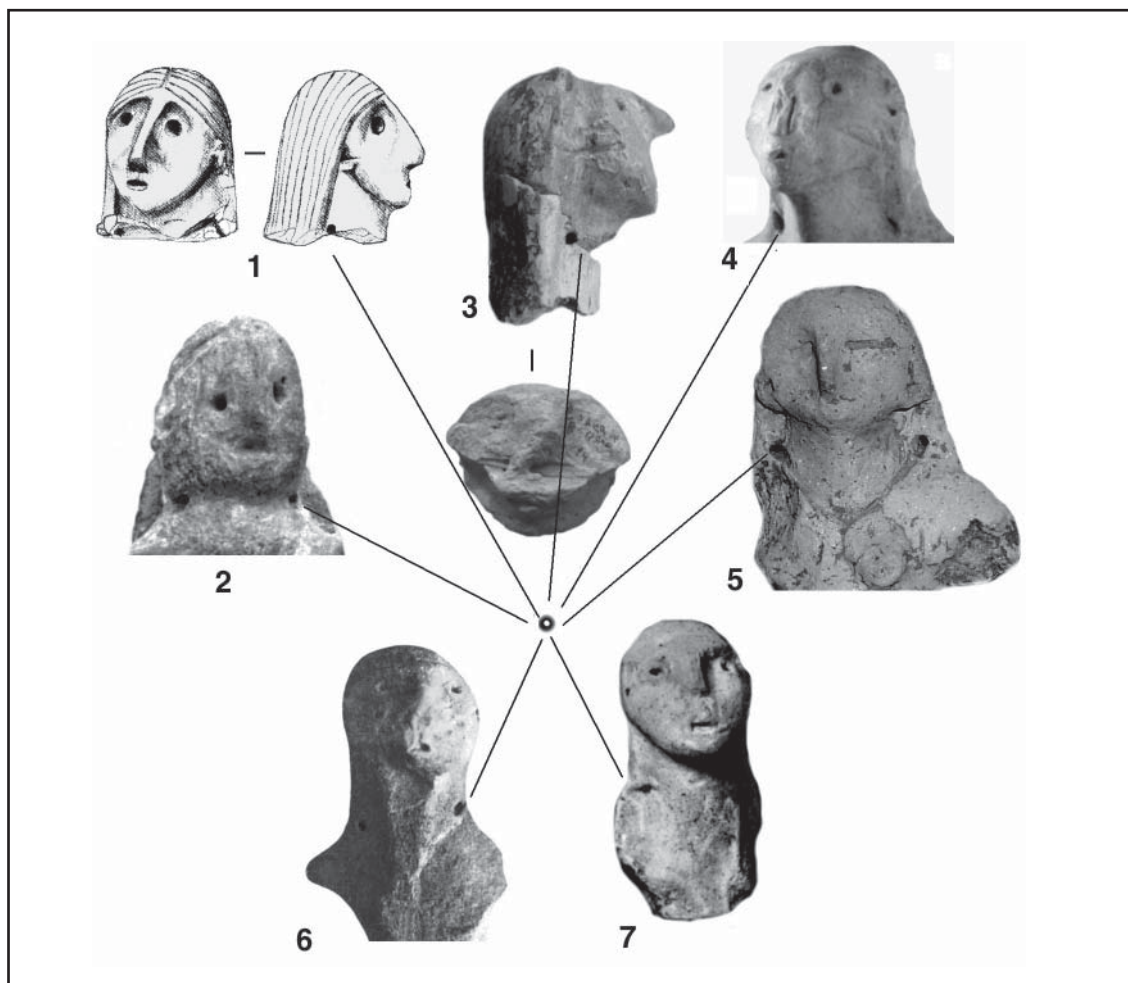

Рис. 6. Отверстия в шеях женских статуэток.

ми на спине. В пелене волос, в области шеи, с двух сторон над плечами, сделаны отверстия, симметричные проколам в ушах. Руки переданы округлыми выступами, груди были переданы округлыми налепами, от которых остался след. На округлом выступающем животе ямкой обозначен пупок; на бедрах выделены плавные небольшие выступы. На поверхности статуэтки отмечены отдельные пятна темной краски.

Второй торс отличается массивностью (рис. 7: 4). Голова крупная, детально проработаны черты округлого лица, сильно выступающий нос с горбинкой, ноздри показаны проколами, лоб низкий. Подчеркнуто большие оттопыренные уши снабжены двумя проколами. Закрытые глаза и сомкнутый рот изображены прочерченной чертой. Скульптурно проработана пелена волос, спускающихся на спину, спереди углубленной линией отмечен пробор. Шея короткая и массивная. Вместо рук — острые конические выступы, груди переданы маленькими бугорками.

Одна из реалистических головок из Владимировки, вероятно, происходит от крупной

стоящей статуэтки (рис. 7: 3). Она отличается мягкими округлыми чертами лица и аккуратным носом.

Еще одна головка от статуэтки меньшего размера из Владимировки изображает человека с бритой головой (табл. 1, № 25). Головку из приватной коллекции (табл. 1, № 26) можно рассматривать как близкую к ней.

К реалистической пластике этапа Триполья В II можно отнести скульптурную деталь от сосуда в виде головки с детально проработанными чертами лица (табл. I, № 30), найденную на поселении Полонистое в междуречье Южного Буга и Днепра. Авторы публикации на основании подъемного материала относят памятник к владимировской группе (Овчинников, Квітницький 2002: 134—135). Рельефные личины, к которым в определенной степени близка протома из Полонистого, до сих пор были известны только по находкам В.В. Хвойки на памятниках щербаневской группы этапа Триполья В I—В II (Хвойка 1901: 782—805). Головка из Полонистого отличается от хвойкинских большей объемностью и реалистическими чертами. Фрагмент

происходит от сосуда с примесью толченой раковины в тесте, в месте крепления головки к сосуду отмечена цилиндрическая полость диаметром около 2 см. Скульптурная деталь сосуда воспроизводит человеческое лицо в условно-реалистической манере, присущей реалистической антропоморфной пластике Триполья, в том числе и происходящей из Владимировки. К чертам, объединяющим протомы из Полонистого с владимировскими фигурками, относятся близкие размеры головы, крупные выступающие полукруглые уши с тремя проколами по краям, а также общие приемы моделировки лица и его некоторая уплощенность, и, наконец, большая выразительность изображения. Однако, в отличие от описанных выше реалистических владимировских фигурок, лица которых отличаются круглой формой и большой шириной, лицо из Полонистого овальное, высокое. Прямой небольшой и не очень выступающий нос передан рельефом. Ноздри показаны двумя аккуратными проколами. Рельефно подчеркнуты надбровные дуги и глазные впадины, глаза переданы небольшими овальными ямками. Тонкая неглубокая линия рта как бы воспроизводит полуулыбку. Такая же вертикальная линия рассекает подбородок, а вместе они образуют Т-образный знак. Лицо от левого до правого уха обрамлено двумя рядами оттисков круглого штампа. Верхняя часть головы протомы слегка вогнута и образует очень неглубокую чашевидную впадину, которая оформлена штампованными ямками, образующими круговую фигуру по краю и крестообразную в центре. Шея орнаментирована чередующимися рядами тонких прочерченных линий и оттисков штампа сегментовидной формы.

С поселения каневской группы Валява происходит крупная реалистическая статуэтка (табл. 1, № 31). Она изображает массивную сидящую фигуру с бритой головой.⁹ Реалистические черты прослеживаются не только в моделировке головы, но и фигуры в целом. Статуэтка повреждена, отбиты ноги, руки, нос, уши. Шея массивная и короткая, плечи широкие, едва намеченная талия широкая, подчеркнуты округлые выступы на бедрах, груди обозначены миниатюрными округлыми налестками. Голова по отношению к массивному туловищу небольшого размера. В теменной части сделано тонкое отверстие цилиндрической формы. Лицо овальное, высокое, заметен след от длинного носа, глаза

переданы едва заметными неглубокими углубленными линиями. На месте крупных ушей сохранились проколы.

В публикации Д.Я. Телегина отмечается, что статуэтка изображает мужчину, «немолодого человека, в самой посадке головы которого и в выражении лица можно уловить едва заметные черты задумчивости и даже печали» (Телегин 1968: 73). Таким образом, к мужским изображениям причислена статуэтка с бритой головой и грудями. Для автора публикации при определении пола решающую роль сыграла массивность фигурки, как будто подчеркивающая развитую мужскую мускулатуру. Сидячая поза, моделировка рук и ног, бедренных выступов, общие пропорции и массивность фигуры, в сочетании с бритой головой и обозначением груди статуэтки из Валявы, сближают ее с образцами реалистической скульптуры Кукутень В (рис. 4: 2, 3), которую румынские исследователи относят к изображениям андрогинов.

Вероятно, с днестровского памятника этапа Триполья В II происходит торс расписной статуэтки из частной коллекции (табл. 1, № 32). Эта женская фигурка может быть отнесена к условно-реалистическим изображениям. Для нас она интересна, во-первых, хорошей сохранностью фрагмента, позволяю-

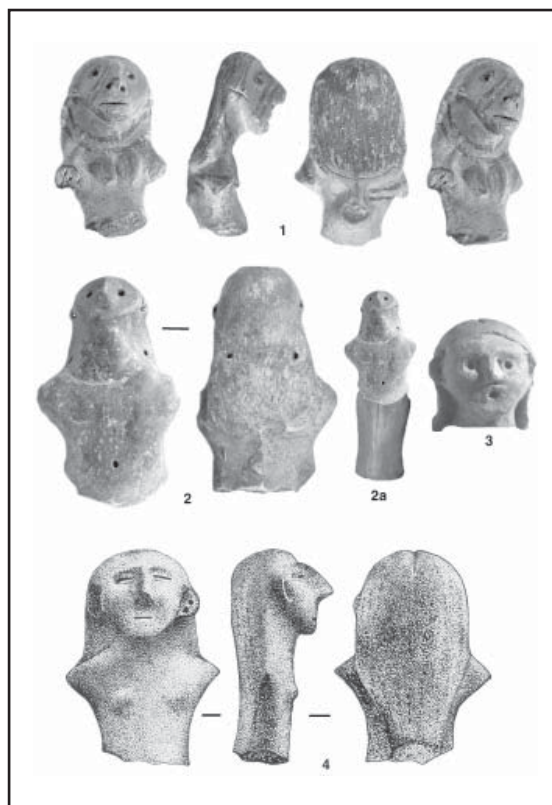

Рис. 7. Пластика поселения Владимировка (по Е. А. Якубенко).

⁹ В каталоге А.П. Погожевой профиль статуэтки отображен неверно (Pogozeva 1985: 201, Abb. 710).

№2. 2010

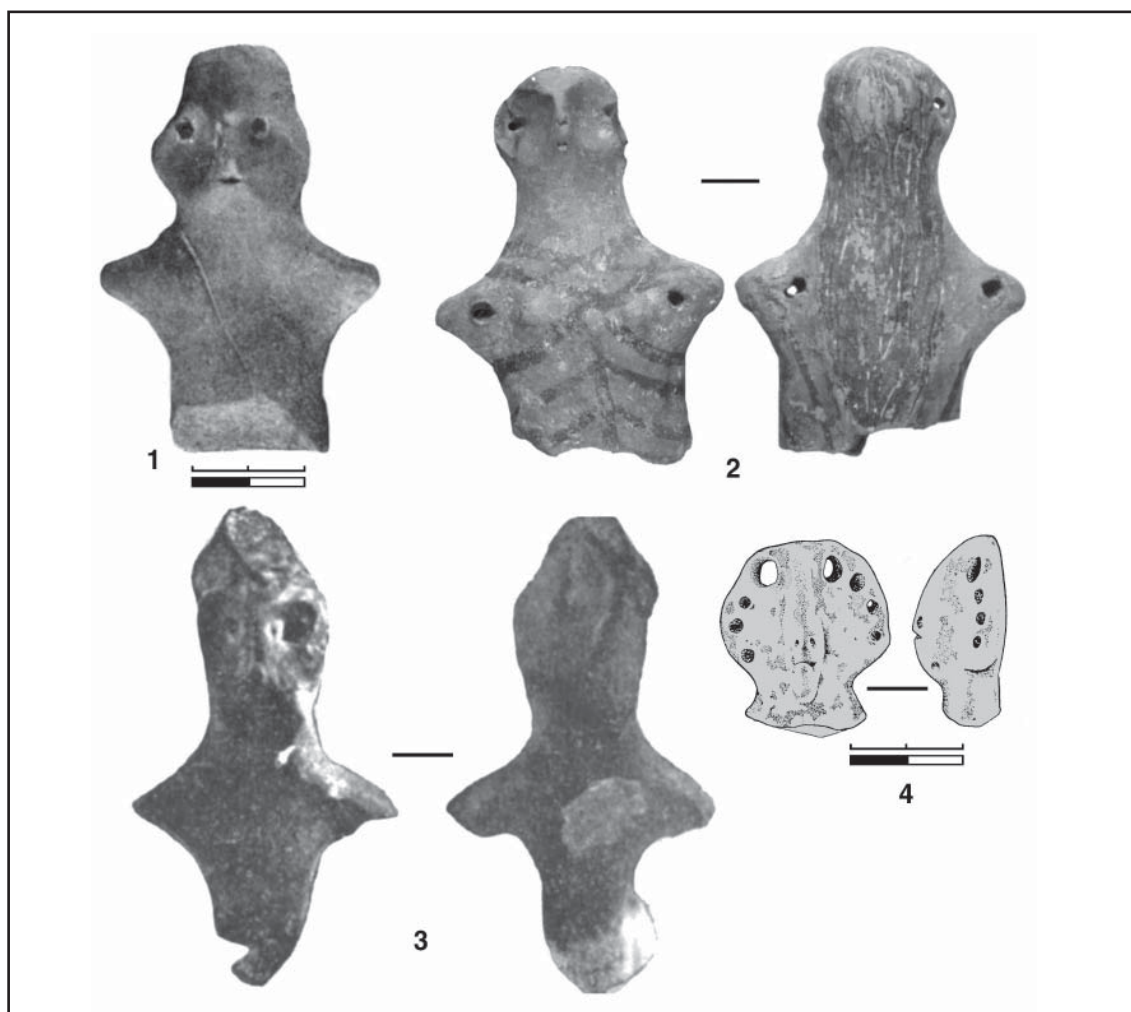
щего составить мнение о расписном декоре пластики, а во-вторых, необычной моделировкой в целом схематической дисковидной головки. На крупном выступе, заменяющем фигурке нос, показаны тонкими проколами ноздри и рот, глаза отсутствуют, но по краям дисковидной головки, на месте ушей, сделаны большие отверстия, похожие на глазные (рис. 8: 2). На спине мелким рельефом, тонкими прочерченными линиями и темно-коричневой краской показана традиционная женская прическа. Очень близка по моделировке лица несколько большего размера дисковидная головка из Калагаровки (рис. 8: 4), также относимая к условно - реалистической пластике.

Триполье С I

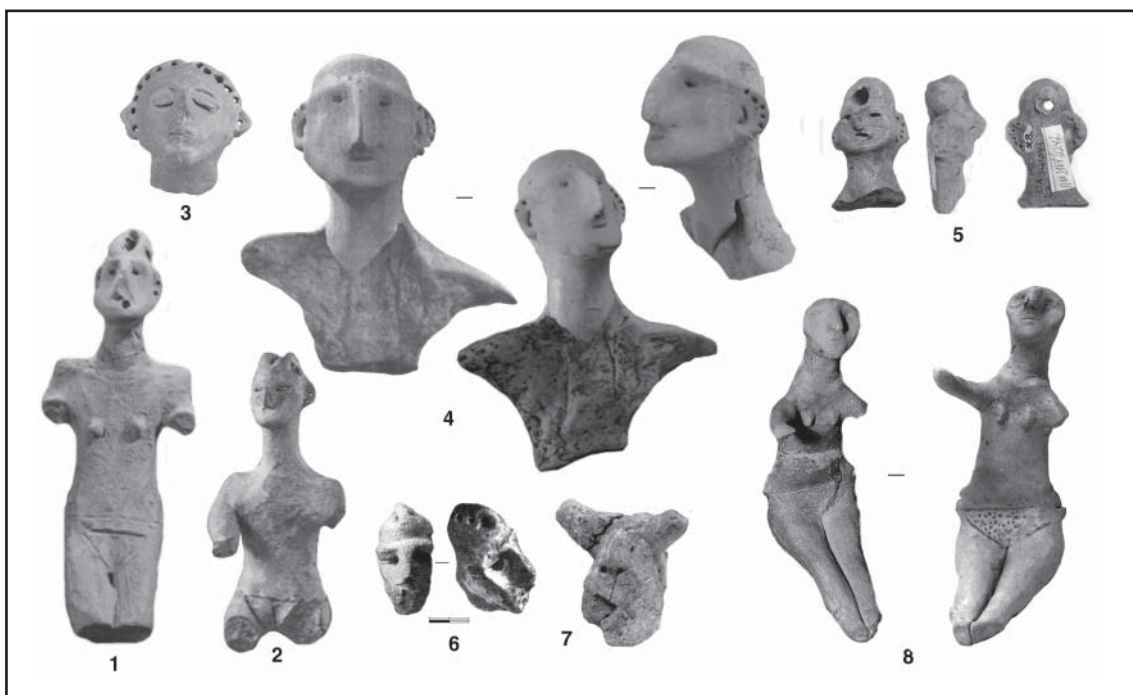
Петренская группа Триполья С I представлена двумя реалистическими фигурками (табл. 1, № 33, 34).

Уникальная головка из Старых Каракушан отличается большой выразительностью (рис. 9: 3), точностью скульптурных деталей и некоторыми уникальными чертами, не встречающимися на других образцах реалистической пластики. Это проколы от одного уха до другого вокруг лица, придающие реалистической головке сходство со схематической пластикой, а также пластично проработанные закрытые глаза. По мнению В.И. Маркевича, эта статуэтка изображает «мертвое женское божество с закрытыми глазами» (Маркевич 1981: 154).

На поселении петренской группы Брынзень IX найдена оригинальная сидящая статуэтка среднего размера. С большой долей реализма и плавностью очертаний моделированы прямой корпус, руки (вытянутые вперед?), ноги, головка (рис. 9: 2). Грудь маленькая, лоно подчеркнуто характерным знаком в виде большого треугольника с чертой. Фигурка отличается очень высокой строй-

Рис. 8. Статуэтки с реалистическими чертами. 1 — Воронково, 2 — частная коллекция, 3—4 — Калагаровка (1, 3, 4 — по Т. Г. Мовше). Рис. 8. Статуэтки с реалистическими чертами. 1 — Воронково, 2 — частная коллекция, 3—4 — Калагаровка (1, 3, 4 — по Т. Г. Мовше).

Рис. 9. Реалистические статуэтки. 1 — Брызень III, 2 — Брызень IX, 3 — Старые Каракушаны, 4 — Русяны, 5 — Паволочь, 6 — Кошиловцы, 7 — Черкасов Сад 2, 8 — Колодяжное (1—4 — по В. И. Маркевичу, 5, 6 — по Е. К. Черныш, 7 — по Л. Ю. Полищук, 8 — по Е. А. Якубенко).

ной шеей. Небольшая голова увенчана своеобразным «рогатым» головным убором. Лицо овальное, нос удлинённый, большие оттопыренные уши с перфорацией по краю, напоминающей проколы по краю дисковидных головок схематической пластики. Глаза и рот переданы тонкими короткими углубленными линиями, глазные углубления с инкрустацией из раковины.

Статуэтка с реалистическими чертами из Калагаровки¹⁰ (табл. I, № 35), расположенной на Збруче, возможно, представляет пластику особой локальной группы в бассейне Днестра. Сохранность фигурки плохая. Привлекает внимание изображение головного убора (рис. 8: 3), напоминающего сзади «фригийский колпак», а спереди похожего на «гребень», подобный фрагменту головы из Кошиловцев (рис. 8: 2).

Особое внимание привлекает находка полиморфной статуэтки (табл. 1, № 37) на поселении чечельницкой группы Черкасов Сад 2, исследованном Л. Ю. Полищук. Человеческая голова с большими серповидными рогами может рассматриваться как условно-реалистическое изображение. По размеру она соответствует головам фигурок средней величины. Вероятно, это изображение божества

с орлиным профилем и окладистой бородой, предстающего человеко-быком (рис. 9: 7). При моделировке лица полиморфной статуэтки использованы приемы, характерные для реалистической пластики.

С поселений томашевской группы происходит основной массив реалистических статуэток не только этапа С I, но и в целом Триполья-Кукутень (почти 40%) (табл. 1). Отметим, что большинство томашевских памятников, на которых найдена реалистическая пластика, относятся к числу крупных поселений («поселениям-гигантам» или «протогородам»). Не все эти находки обладают одинаковой степенью сохранности и выразительности. Среди них только одна условно-реалистическая фигурка из Роскошевки цела, остальные в лучшем случае сохранились на 50—60%, от многих до нас дошли только головы, а многие фигурки еще и окатаны, детали их стертые. Обилие реалистической пластики на томашевских памятниках вынуждает детально проанализировать лишь наиболее выразительные или редкие по типу экземпляры.

В Майданецком найдены четыре реалистические статуэтки. Торс крупной женской статуэтки происходит, вероятно, от стоящей фигуры с приподнятой и слегка откинутой назад головой (рис. 10: 4). Утрачена часть прически, отбит (и восполнен воском) кончик носа. Не сохранилась оригинальная поверхность

¹⁰ Т. Г. Мовша относил Калагаровку к памятникам не выделенной пока группы «пред-кошиловецкого времени» (Мовша 1973: 13).

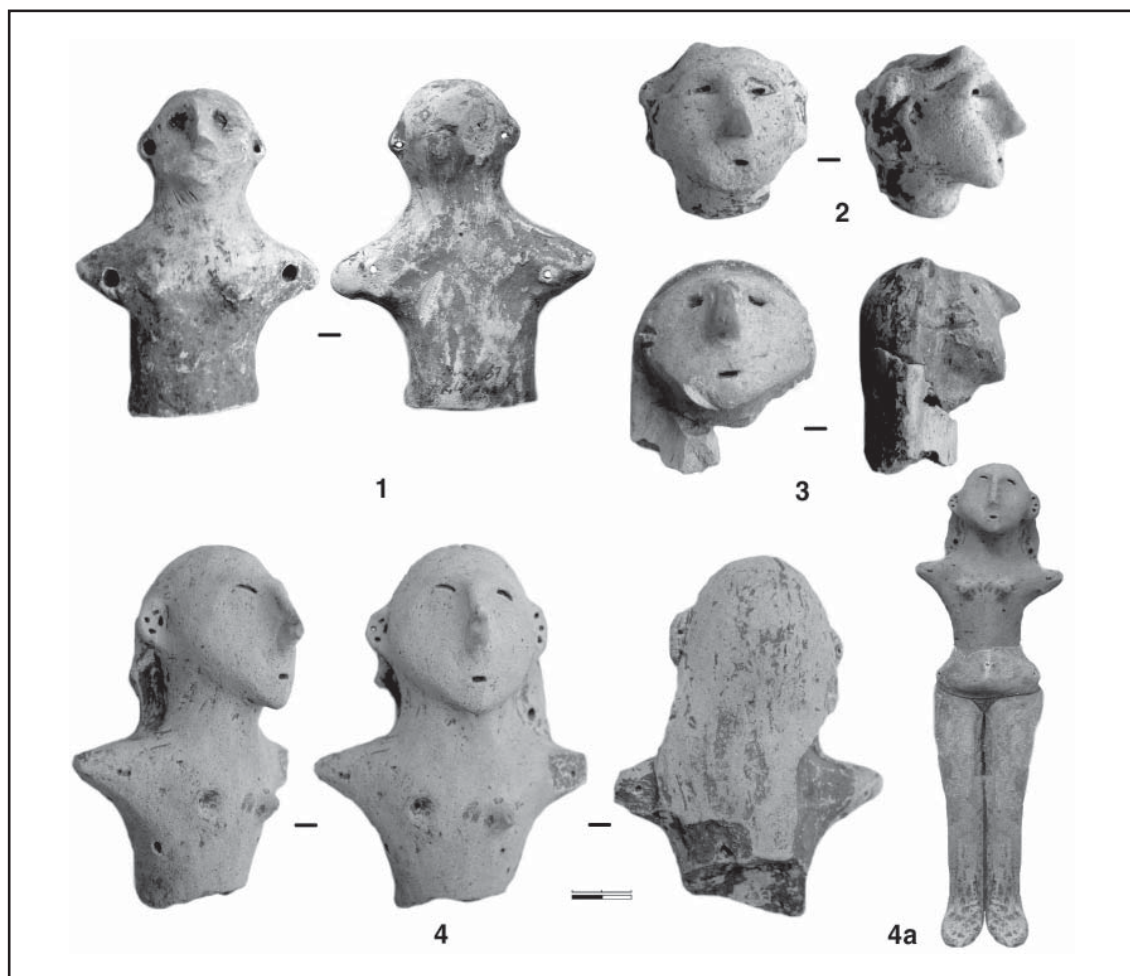

Рис. 10. Пластика поселения Майданецкое.

фигурки: стерся ангоб и расписные детали, нанесенные темно-коричневой краской. На поверхности статуэтки четко видно несколько следов от выгоревших зерновок. Голова статуэтки массивная, лицо овальной формы отличается уплощенностью, широкими скулами и большой высотой, подбородок выступающий, слегка заостренный, лоб низкий, нос с горбинкой очень большой и сильно выступающий. Сохранились следы от ноздрей, показанных глубокими проколами. Глаза показаны дуговидными углубленными линиями. Рот воспроизведен в виде небольшого углубления подпрямоугольным в сечении инструментом. Уши полукруглые, крупные, сильно выступающие, с тремя проколами по краям. Шея массивная, короткая. Верхняя часть тела моделирована схематически. Вместо рук — заостренные конические выступы с мелкими проколами возле концов. Груды переданы маленькими коническими налестками, смонтированными в предварительно сделанную ямку.

На месте отсутствующей правой груди заметно такое углубление. К реалистическим чертам относится рельефно прорабо-

танная прическа из длинных волос, спереди разобранная на прямой пробор, а сзади спадающая пеленой на спину. Над плечами в волосах проделано отверстие. На талии волосы собраны в пучок, но эта часть статуэтки из Майданецкого утрачена. На основании находок фрагментов от крупных статуэток в Майданецком можно попытаться с определенной долей вероятности предположить, как могла выглядеть описанная фигурка (рис. 10: 4a). В предложенной реконструкции, как бы сложенной из трех статуэток, для воссоздания первоначального облика не хватает восстановления деталей, нанесенных краской, которые, несомненно, были.

Реалистическая головка довольно крупного размера (рис. 10: 3) в некоторых деталях похожа на описанную выше статуэтку. Хорошо сохранившаяся поверхность тщательно заглажена, покрыта розоватым ангобом, вылощена до блеска. В сломе видны выгоревшие органические частицы и след от тонкой щепки, которая, судя по всему, была вставлена в широкую шею статуэтки параллельно плечам до обжига. На принадлежность головки жен-

ской фигурке указывает прическа в виде разобраных на прямой пробор волос.¹¹ Они были выкрашены темно-коричневой краской. Голова круглая, лоб низкий, нос сильно выступающий, с горбинкой, лицо круглое, очень широкое, несколько уплощенное, подбородок выступающий, закругленный. Глаза и рот переданы глубокими, довольно небрежными проколами. Нос фигурки, судя по слову, был очень крупным, отбит (восполнен воском), как и уши. След от них говорит о том, что они были большие, полукруглые, выступающие, с проколами.

Еще одна головка крупной статуэтки из Майданецкого (рис. 10: 2) отличается от предыдущей. Фрагмент поврежден, утрачены наиболее выступающие части: уши, кончик носа (восполнен воском), головной убор, не сохранилась также оригинальная поверхность фигурки. Форма головы круглая, лицо довольно высокое, широкоскулое, слегка уплощенное, лоб низкий, проработаны надбровные дуги, нос выступающий, прямой, не очень крупный. Подбородок выступающий, закругленный. Глаза и рот моделированы небольшими проколами подпрямоугольного в сечении инструмента. Судя по следам, уши были крупные, со сквозными проколами. На голове виден след от прилепленного головного убора. Поскольку для томашевских женских реалистических статуэток характерна традиционная прическа из разделенных на пробор волос, то можно предположить, что эта головка происходит от статуэтки мужчины.

Верхняя часть фигурки несколько меньшего размера, чем описанные выше, выполнена схематически, но голова надлена реалистическими чертами (рис. 10: 1). Сохранность фрагмента хорошая, поверхность покрыта желтоватым ангобом. Торс окрашен красной краской. Чуть приподнятая голова фигурки круглая, затылок слегка уплощенный, невысокий покатый лоб сливается с не очень большим выступающим носом с легкой горбинкой. Лицо круглое, подбородок мягко очерчен, глубоко посаженные глаза моделированы круглыми ямками, рот неглубокой чертой. Фигурка явно изображает человека с бритой головой. Шея массивная, короткая. Уши оформлены в виде небольших выступов с от-

верстиями, которые гармонируют с такими же отверстиями в плечевых выступах. Маленькая грудь передана в виде конических бугорков. Возможно, что данная фигурка воспроизводит андрогина.

В Сушковке найдены четыре реалистические фигурки, относящиеся к разным иконографическим типам, все весьма выразительны. Головка от крупной статуэтки (табл. 1, № 56) относится к условно-реалистическим — детали лица проработаны выразительно, но условно. Глаза не показаны, на лице доминирует огромный нос, большие оттопыренные уши не выделены рельефно, в них по два прокола. Следы скульптурно моделированной прически из распущенных по спине волос позволяет относить головку к числу женских изображений. Другая сушковская головка от большого размера фигурки может считаться женской,¹² несмотря на плохую сохранность поверхности, читается линия пробора, характерного для женской прически (табл. 1, № 57). Многие выступающие детали: уши, нос, прическа — утрачены. Глаза и рот переданы глубокими прямоугольными узкими ямками. Шея не очень высокая, но стройная. На ней вдавленной линией проработано ожерелье или ворот одежды. На незначительном сохранившемся участке груди округлым налетом воспроизведен, вероятно, медальон.

В Сушковке найдена прекрасная сидящая реалистическая женская фигурка, у которой утрачены ноги (рис. 11: 1). Голова крупная, лицо круглое, широкое. Глаза и рот показаны углубленными линиями. Нос длинный, большие уши с одним проколом рельефно выступают на фоне традиционной прически. Шея массивная, но высокая. От отверстий, сделанных по бокам в распущенных волосах, на шею полукругом опускается углубленная линия, передающая украшение. Сзади покрывающие плечи и спину волосы собраны в округлый рельефно моделированный пучок. Туловище, руки и ноги (отбиты) фигурки были также переданы довольно реалистично, плавными линиями. Подчеркнута талия, слегка округлый живот, выступы на бедрах. На груди сохранился след от какой-то прилепленной детали. На поверхности заметны следы росписи или ангоба. Возможно, эта фигурка держала у левой груди младенца. Во всяком случае, сидящая поза и абрис плеч, напоминающий по форме моделировку торса «мадонн»

¹¹ В каталоге выставки в Канаде «Mysteries of ancient Ukraine. The remarkable Trypilian culture. 5400—2700 BC» головка отнесена к мужским изображениям, к тому же сообщается, что «its nose made of sliver of flint» (Mysteries ..., 2008: 215). Канадские коллеги приняли за кремень восполнение отбитого носа воском.

¹² Эта головка в каталоге выставки в Канаде «Mysteries of ancient Ukraine. The remarkable Trypilian culture. 5400—2700 BC» отнесена к мужским изображениям (Mysteries ..., 2008: 227).

Рис. 11. Пластика поселений томашевской группы. 1—2 — Сушковка, 3 — Кочержинцы, 4—5 — Тальянки, 6 — Чичиркозовка, 7—8 — Томашевка (1, 2, 7—8 — по Е. А. Якубенко, 4—5 — по В. А. Крцу и др.).

из Криничек (рис. 5) и Сушковки (Черныш 1982: рис. 12: 5), позволяют высказать именно такое предположение.

Еще один торс происходит от статуэтки несколько меньшего размера, относящейся к другому иконографическому типу (рис. 11: 2). Позу определить трудно, но сложенные на животе руки характерны для трипольских сидящих женских фигурок. В пользу причисления этого изображения к женским свидетельствует грудь, воспроизведенная миниатюрными наклепками, а также слегка выступающий живот с пупком, отмеченным очень маленьким проколом. Но тогда эта статуэтка изображает бритоголовую женщину. Лицо круглое, довольно высокое, нос большой, сильно выступающий, подчеркнуты уши с большими проколами. Широко открытые глаза и рот показаны круглыми ямками. Шея массивная, но высокая, плечи узкие, покатые. Поверхность статуэтки была окрашена охристой краской.

Самое большое по площади трипольское поселение Тальянки отличается также находками головок от реалистических статуэток самого большого размера, к которым относятся две из пяти найденных на поселении реалистических фигурок. Обе находки случайные. От самой крупной статуэтки сохранилась голова с небольшим участком

шеи, на ней многочисленные сколы, отбиты уши и нос (табл. 1, № 62). Головка круглая, затылок несколько уплощенный. Лицо очень широкое, подбородок заостренный. Глубоко посаженные глаза и рот показаны ямками треугольной формы. Нос был очень крупный, остались следы от ноздрей, обозначенных глубокими проколами. На месте больших выступающих ушей остались следы от проколов. Темно-коричневой краской были окрашены волосы, а также нанесены некоторые детали, которые плохо сохранились. Возможно, правый глаз был обведен темно-коричневой краской так же, как у фигурки из Владимировки (рис. 7: 1). На щеках тальянковой фигурки четко видны два темных круга (рис. 11: 4). В символике расписной керамики томашевской группы такие круги определяются как символ полной Луны. Следы прически позволяют отнести эту головку к женским изображениям.

Вторая крупная голова из Тальянок от фигурки крупного размера отличается не только большими размерами, но и удлиненной формой черепа. Она воспроизводит образ человека с поднятым к небу лицом, бритой головой, закрытыми глазами (табл. 1, № 63). Уши и нос отбиты, на поверхности сохранились следы охристого покрытия.

Еще одна реалистическая головка меньших размеров воспроизводит женский образ, о чем свидетельствует показанный тонкой прочерченной линией пробор (табл. 1, № 65). Лицо круглое, очень низкое и широкое, подбородок заостренный. На лице доминирует огромный нос (рис. 11: 5). Необычным для томашевской пластики приемом переданы глаза — в виде полусферического налета с проколом в центре. Аналогичным образом показаны глаза у статуэтки из Бельц (рис. 3: 1), но у тальянковской статуэтки глаза не такие огромные. Моделировка ушей также несколько отлична от традиционной, но с характерными тремя тонкими проколами. На поверхности головки заметны пятна темно-коричневой краски.

Торс статуэтки с реалистической головкой из жилища № 38 воспроизводит, вероятно, мужской образ. Голова обрита, тонкой чертой показан рот и закрытые глаза, большие выступающие уши с тремя проколами (табл. 1, № 64). Очень похожая головка найдена в другом жилище (табл. 1, № 66). Таким образом, в Тальянках зафиксирован единственный известный нам случай значительного сходства двух реалистических статуэток.

Интересная коллекция реалистической пластики из четырех статуэток происходит с еще одного поселения-гиганта — Чичиркозовки. Вся она была собрана И. П. Гирныком во время разведок на поверхности памятника (табл. 1, № 67—70). Статуэтки не только фрагментарны, но также имеют дополнительные повреждения. Все фигурки отличаются большими головами. Одна головка (табл. 1, № 70), судя по сохранившейся сзади прическе, женская. У трех статуэток показаны обритые головы. Наиболее хорошо сохранившийся схематически моделированный торс принадлежит, вероятно, женской фигурке, поскольку маленькими округлыми налетами показаны груди. Интересна поза статуэтки — корпус откинут назад с изгибом в спине, голова поднята к небу (рис. 11: 6). Круглая головка вылеплена с чертами реализма. Лицо круглое, очень широкое, уплощенное; нос был сильно выступающий, с ноздрями в виде проколов; уши крупные, оттопыренные, полукруглые, с двумя проколами. Шея широкая, но стройная, на ней прочерченной линией показано ожерелье или ворот одежды. Закрытые глаза и сомкнутый рот переданы углубленными черточками.

С крупного поселения Томашевка, эпонимного для группы, происходят два довольно выразительных женских торса. Обе фигурки воспроизводят типичный для реалистической пластики томашевской группы женский образ с традиционной прической, схематически

воспроизведенным туловом, большими ушами с проколами. Однако иконографические типы этих двух статуэток не идентичны. Одна из них изображает женский персонаж с широко открытыми глазами и ртом, имеющими вид ямок (рис. 11: 7), глаза и рот другой плотно сомкнуты, они показаны узкой короткой чертой (рис. 11: 8). При общем типологическом сходстве анатомических особенностей, отраженных реалистической моделировкой голов этих фигурок, их лица различны по форме: у первой лицо несколько выше, его абрис близок к вертикальному овалу, а у второй, напротив, к овалу горизонтальному. Кроме того, в шее статуэтки с открытыми глазами сделаны отверстия.

Самая крупная коллекция реалистической пластики, собранная в пределах одного памятника, происходит с поселения-гиганта Кочержинцы-Паньковка, где найдено семь фрагментов статуэток (табл. 1, № 47—53). Среди них четыре фрагментарных женских торса. Из двух фигурок лучшей сохранности одна с открытыми глазами (табл. 1, № 50), другая с закрытыми (табл. 1, № 51). Последняя статуэтка выделяется необычной трактовкой прядей волос, переданных углубленными линиями. У двух других сильно окатанных статуэток с открытыми глазами в шее сделаны отверстия (табл. 1, № 48, 49). Две головки с закрытыми глазами сильно повреждены (табл. 1, № 51, 52), одна из них воспроизводит бритоголового человека с характерным сильно профилированным лицом и большими оттопыренными полукруглыми ушами с перфорацией по краю (табл. 1, № 53). Наиболее выразительная находка в Кочержинцах — массивная голова бритоголового человека (рис. 11: 3).

На поселении Зелена Диброва найдена верхняя часть среднего размера статуэтки с реалистической головкой, вероятно, происходящей от мужской фигурки в сидящей, слегка склоненной вперед позе (рис. 15: 3). Это единственная находка изделия подобного типа на поселениях, отнесенных к томашевской группе.

Среди единичных находок реалистической пластики на других поселениях томашевской группы остановимся на наиболее интересных экземплярах. Особое внимание привлекает целая условно-реалистическая статуэтка из Роскошевки (рис. 15: 4). Эта единственная целая фигурка, местонахождение которой документировано, дает основание для предположений о том, как выглядели стоящие реалистические фигурки со схематически моделированным туловом на столбчатой ножке

Рис. 12. Статуэтки колумийщинской группы (по Е. А. Якубенко).

и поднятой к небу головой, известные лишь во фрагментах (рис. 7: 2а). Другой вариант реконструкции, отличающийся в моделировке ног, может быть предложен на основе беспаспортной фигурки из частной коллекции (рис. 15: 5). Ее проработанное в деталях лицо повреждено, но стиль и материал позволяют предполагать, что фигурка происходит с памятника томашевской группы. Пропорции беспаспортной статуэтки и фигурки из Роскошевки очень близки, голова составляет приблизительно 1/6 от общей высоты. Объединяет их и наличие традиционной прически.

Каневская группа представлена единичными находками четырех головок разного облика (табл. 1, № 76—79). Одна из них, судя по изображению прически, женская (табл. 1, № 76). Головка из Квиток отличается странным, как будто деформированным черепом (табл. 1, № 79).

Своеобразием отличаются реалистические статуэтки, найденные в Среднем Приднепровье В. Хвойкой, а также фигурки колумийщинской группы. Предполагается, что часть пластики, как и расписной керамики, проникала в этот регион из различных локально-хронологических групп, в первую очередь каневской и томашевской. Можно с большой долей вероятности предположить, что торс, найденный В. Хвойкой в районе с. Триполье (рис. 12: 3), по своим стилистическим особенностям связан с традицией каневской группы. Крупная статуэтка сидящей бритоголовой женщины с обвислой грудью (рис. 12: 4) и горбоносая головка из Колумийщины (табл. 1, № 85) могут быть

сопоставлены с томашевскими статуэтками. Условно-реалистическая сидящая статуэтка с инкрустацией глаз перламутром (табл. 1, № 81), сидящая или полулежачая фигурка женщины с бритой головой (рис. 12: 1) и головка мужчины с удлиненным лицом и выразительным профилем (рис. 12: 2), скорее всего, местного происхождения.

Своеобразием отличаются реалистические статуэтки из поселения лукашевской группы на Днепровском Левобережье Крутуха-Жолуб (табл. 1, № 87, 88). Один из фрагментов принадлежал крупной статуэтке с бритой головой и сильно выступающим носом. Вторая находка — уникальная верхняя часть среднего размера расписной фигурки андрогина (рис. 15: 2). Реалистически были моделированы голова и руки, вероятно, протянутые вперед. На голове изображена невысокая шапочка-тюбетейка. Лицо высокое, вытянутое, темно-коричневой краской обозначены брови, усы, борода, ворот одежды или свисающее V-образно украшение на груди, окрашен головной убор, нанесена полоска на правом предплечье (браслет или край одежды), а на спине нарисована «ветка». Уши выступающие, крупные, полукруглые, правое с тремя проколами по краям. Прямой выступающий нос с ноздрями-проколами. Маленькими налипными бугорками показаны груди. Их сочетание с изображением бородастого лица дает основание для отнесения фигурки к числу андрогинов.

В жилище поселения Колодяжное (восточная Вольня) найдена среднего размера сидящая прямо женская статуэтка с реалистически моделированными частями тела. Слегка приподнятая головка фигурки круглая, лицо

Рис. 13. Крупные реалистические фигурки. 1 — Маяки (по Э.Ф. Патоковой), 2 — Сушки (по М.Е. Макаренко).

плоское, круглое, подбородок выступающий, массивный, нос прямой, заостренный, сильно выступающий. Глаза показаны маленькими ямками, рот — тонкой чертой. Шея стройная, груди переданы аккуратными наlepными валиками. Руки вытянуты вперед, одна обломана. На бедрах показаны довольно большие конические выступы с отверстиями. Лоно в виде большого треугольника покрыто тонкими проколами. Сомкнутые ноги вытянуты вперед, обозначены щиколотки. Сзади рельефно моделированы волосы, опускающиеся едва ниже шеи (рис. 9: 8).

Две беспаспортные головки из частных коллекций по формовочной массе могут быть

связанными с памятниками Триполья этапов С I—С II (табл. 1, № 89, 90).

Триполье С II

Триполье С II представлено не столь многочисленными образцами реалистической пластики брынзенской (жванецкой), кошиловецкой, городской групп и статуэтками из погребений.

К брынзенской группе относятся три реалистические фигурки (табл. 1, № 92—94). Статуэтка среднего размера с реалистически моделированными руками, ногами и головой найдена на поселении

№2. 2010

Брынзень III. Изображена сидящая женщина с корпусом сильно отклоненным назад (рис. 9: 1). Возможно, ноги были согнуты в коленях. Груды переданы маленькими коническими налепками, лоно подчеркнуто прочерченным треугольником. Плечи фигурки угловатые, что характерно для некоторых типов схематической антропоморфной пластики брынзенских поселений (Маркевич 1981: рис. 74: 2). Шея длинная, уши большие, перфорированные по краю, лицо круглое, несколько уплощенное. На нем доминирует крупный выступающий нос. Глаза и рот показаны глубокими круглыми ямками. На голове изображен головной убор, напоминающий гребень.

На поселении Костешть IV найден торс условно реалистической статуэтки среднего размера (табл. 1, № 93) с поднятым вверх лицом. Моделировка головы этой фигурки имеет общие черты как с реалистическими, так и со схематическими образцами пластики.

Очевидно, к брынзенской группе относится поселение Гримячка. С него происходит реалистическая головка от фигурки среднего размера, декорированной росписью (табл. 1, № 94). Поднятое к небу лицо круглое, уплощенное, на нем доминирует крупный нос, глаза и рот переданы круглыми ямками, шея короткая. Головной убор по форме напоминает рожки (рис. 14, 1), такие же, как на голове расписной антропоморфной фигуры «лучницы» из Жванца (Мовша 1979: рис. 1).

Особой выразительностью отличается голова «жреца» (табл. 1, № 91), найденная на поселении Русяны¹³ (рис. 9: 4). Как справедливо подчеркивал В.И. Маркевич (1981: 152—153), она относится к лучшим, «*потрясающим по своему реализму статуэткам*», и ее следует трактовать как портрет реально существовавшего сакрализованного вождя «*с волевым лицом и гордой осанкой*». Исследователь считает, что три точки на лбу воспроизводят татуировку, но они кажутся расположенными хаотично. Фрагмент происходит от фигурки, передающей образ человека с орлиным носом и бритой головой. Большой нос доминирует на высоком, овальном, слегка уплощенном лице. Глаза и рот переданы углубленными черточками. Полукруглой формы уши оттопырены, подчеркнута большие, перфорированы по краю. Такая моделировка ушей является объединяющей чертой для головок реалистической и схематической антропоморфной пластики этапа Триполья С I.

¹³ Поселение отнесено В.И. Маркевичем к поздне-трипольским памятникам без уточнения периода, вероятно, оно может принадлежать к брынзенской группе.

Из частной коллекции происходит реалистическая головка от крупной фигурки, она сильно повреждена (табл. 1, № 89). Условно ее можно отнести к пластике брынзенской группы. Изображен бритоголовый персонаж с высоким овальным лицом, крупным горбатым выступающим носом. Затылок уплощенный, уши оттопыренные, большие, с отверстиями по краю.

Реалистическая пластика кошиловцевской группы представлена тремя статуэтками из Кошиловцев (табл. 1, № 95—97). Наиболее выразительное изображение представлено крупной сидящей женской статуэткой. В условно реалистической манере моделирована не только голова, но и ноги и руки, к сожалению, утраченные. Вероятно, изображен сидящий женский персонаж с отклоненным назад корпусом¹⁴ и поднятым к небу лицом (рис. 14: 4). Голова массивная, бритая. Лицо круглое, очень широкое. Нос прямой, с проколами на месте ноздрей, умеренной длины, выступает не очень сильно. Глаза и рот не обозначены. Уши массивные, оттопыренные, подпрямоугольной формы, с большими отверстиями. Шея массивная, груди переданы налипными валиками, сзади рельефно разделены ягодицы. Различные детали на поверхности статуэтки были нанесены темно-красной краской, но улавливаются лишь следы двух полос на плечах и груди — следы украшения или окантовки одежды.

Еще один торс из Кошиловцев (табл. 1, № 96) происходит, вероятно, от условно-реалистической статуэтки (женской или андрогина), близкой к описанному иконографическому типу (бритая голова, глаза и рот не обозначены). Голова отличается пропорционально меньшим размером, груди переданы коническими налепками.

Третье реалистическое изображение из Кошиловцев — обломок головы в головном уборе, напоминающем гребень (рис. 9: 6).

На поселении городского типа Паволочь найдена головка в высоком головном уборе с отверстием посредине, происходящая от фигурки среднего размера. Нос отбит; глаза и рот показаны узкими прорезьями; уши большие, оттопыренные, полукруглые, с мелкими проколами по краю; шея высокая, довольно массивная (рис. 9: 5).

¹⁴ Точно установить положение корпуса невозможно из-за фрагментарности нижней части фигурки: если ноги были согнуты в коленях под прямым углом, корпус мог быть выпрямленным, а не откинутым назад. Именно такая поза у схематической статуэтки из Кошиловцев (Hadaczek 1914: tabl. IX: 28).

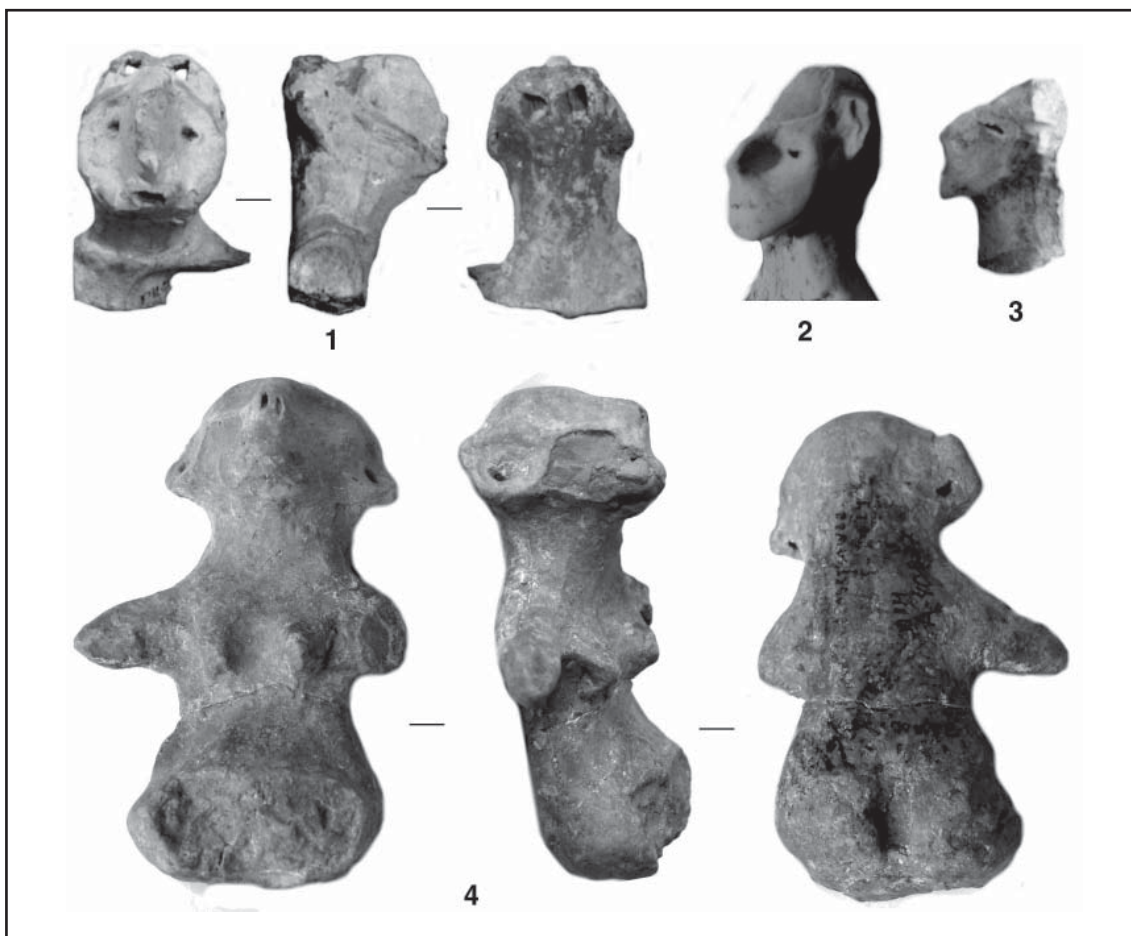
Кроме описанных выше статуэток Триполья-Кукутень с традицией реалистической пластики связаны две фигурки из погребений.

Из детского погребения грунтового могильника усаговской культуры Маяки (Патокова 1986) происходит уникальная для пластики усаговского типа крупная статуэтка с реалистическими чертами в моделировке лица (табл. 1, № 99). В целом статуэтка схематическая и соответствует типичным усаговским фигуркам на кубовидном постаменте (рис. 13: 1). Верхняя часть корпуса плоская, удлинённая, дисковидной формы, наклонена вперед. Нижняя часть укорочена (около 1/3 от общей высоты) и имеет форму усечённой пирамиды с прямоугольным основанием. Голова сверху плоская, в ней сделано довольно большое чашевидное углубление с заметными потертостями, возможно, от вставления в него каких-то предметов.

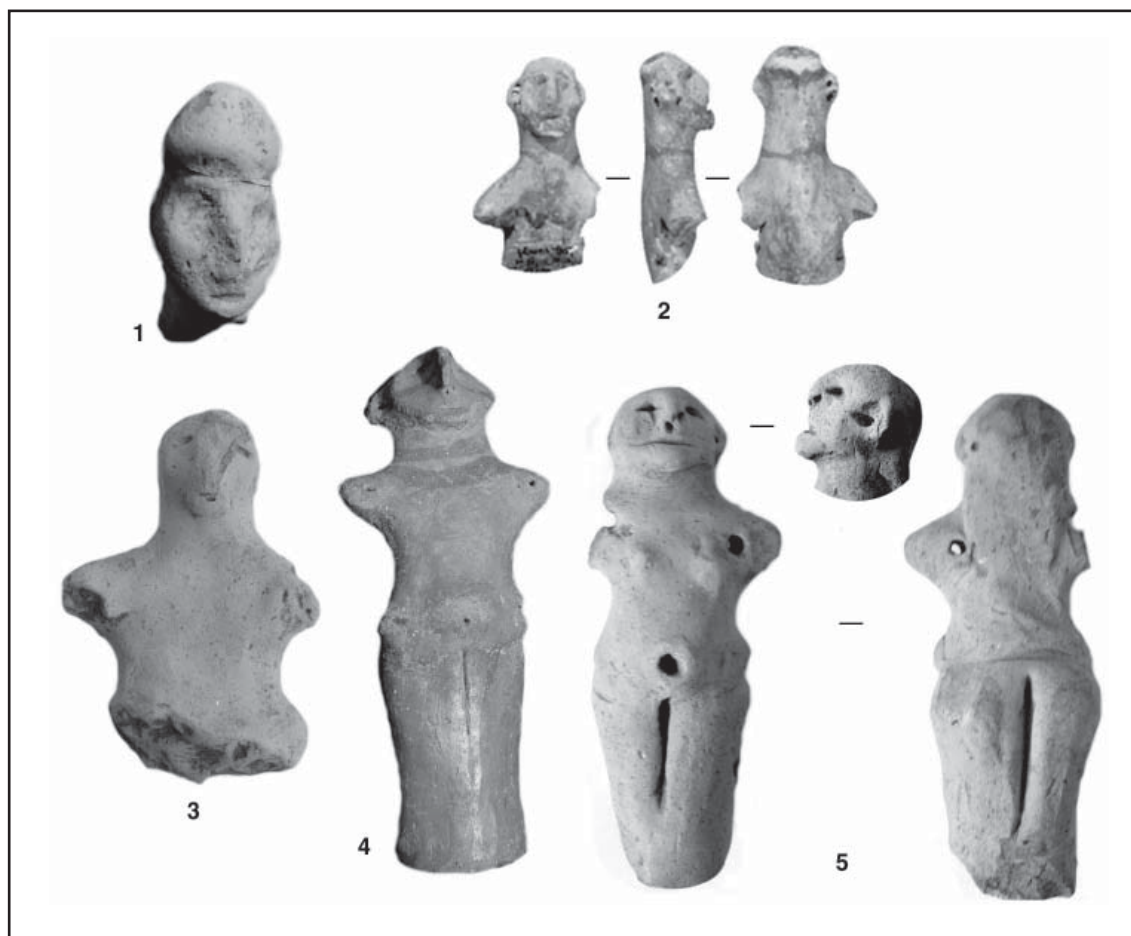
С чертами реализма выполнено широкое лицо: показан большой выступающий нос, тонкими вдавленными линиями намечены

брови, очень маленьким проколом показан только левый глаз. Рот не обозначен. Большие оттопыренные полукруглой формы уши асимметричны, по краям их нанесены по три мелких прокола. Шея массивная и короткая. Руки не моделированы, груди переданы небольшими коническими налепами. В верхней части постамент — два наклепных цилиндрических выступа, возможно, так показаны колени. Статуэтка богато декорирована шнуровым орнаментом. С пластикой Триполья С I—С II эту типично усаговскую статуэтку объединяют пластические приемы моделировки лица: большие полукруглые уши с проколами и нос, оформленный щипком.

Плоский дисковидный корпус фигурки, ее декор находят аналогии в материалах культуры Чернавода I. Очевидные аналогии в моделировке лица с пластикой Коджадермен-Караново VI-Гумельница трудно объяснимы, учитывая полное хронологическое несоответствие статуэтки позднейшего периода Триполья, относящегося к РБВ, прототипам из энеолитических памятников.

Рис. 14. Реалистические фигурки. 1 — Гремячка (по Г.Н. Бузян), 2 — окрестности с. Триполье, 3 — Хмельна (по Э.В. Овчинникову), 4 — Кошиловцы (по К. Гадачеку).

Рис. 15. Реалистические фигурки. 1 — Молодецкое 2, 2 — Крутуха-Жолоб (по Г. Н. Бузян), 3 — Зелена Диброва, 4 — Роскошевка, 5 — частная коллекция (1, 4, 3 — по Е. А. Якубенко, 3 — по Э. В. Овчинникову).

В кургане № 104 поблизости с. Сушки на Левобережье Днепра (Золотоношский р-н Черкасской обл.),¹⁵ в регионе, весьма отдаленном от районов, где известны памятники Триполья-Кукутень, во время раскопок в 1898 г. Е. А. Зноско-Боровским была найде-

¹⁵ Из описания А. Бобринского (Бобринский 1901: 143) можно сделать вывод, что статуэтка находилась в центре курганной насыпи на глубине 80 см от современной поверхности, в окружении трех человеческих черепов. На спине фигурки стоял сосудик, культурная принадлежность которого остается трудноопределимой до сих пор. Т. Г. Мовша связывала этот сосудик с культурой Пивиха (Мовша 1960: 71). На наш взгляд, он имеет много общих черт с посудой мало исследованного локального варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики в бассейне левых притоков Днепра Сула, Хорол, Ворскла, Орель (Неприн 1976; ср. Котова 2002: рис. 128: 3). В любом случае сосудик плохо сочетается с фигуркой, типологическая принадлежность которой к Триполью С II не вызывает сомнений. Обстоятельства находки конца позапрошлого века проверить теперь невозможно, вероятно, они смешаны механически, и не составляли одного погребального комплекса. Вероятно, статуэтку разумнее всего рассматривать как «импорт» времени Триполья С II.

на крупная статуэтка (табл. 1, № 100) с реалистическими чертами в моделировке лица. Стоящая, склоненная вперед женская фигура отличается приземистостью и массивностью (рис. 13: 2). Туловище передано схематично в виде плоской восьмерковидной фигуры на плоском основании. Ступни ног схематически едва намечены маленькими выступами. Спина фигурки несколько вогнута, таким образом, ее основание имеет серповидную форму. В нем сделано небольшого диаметра цилиндрическое углубление, достигающее в высоту до талии.

Статуэтка могла крепиться на тонком стержне, хотя устойчивое основание фигурки не требует дополнительного крепления. Голова очень крупная, составляет почти 1/3 от общей высоты статуэтки, сильно наклонена вперед. Шея короткая, массивная. Руки не моделированы, они как бы сливаются с округлым абрисом верхней части. Груды переданы двумя маленькими коническими налестками. Сзади, по центру головы, показан рельефно выступающий гребень со сквозным продольным отверстием, проходящий ото лба до затылка. В целом, схе-

матичная дисковидная голова с перфорацией по краю моделирована с отдельными чертами реализма, даже гротескно символически. Лицо круглое, широкое. Пластично подчеркнуты мощные надбровные дуги. Огромный крючковатый нос, протянувшийся ото лба до рта, доминирует на лице. С ним весьма гармонирует массивный выступающий подбородок. Рот и глаза показаны круглыми глубокими ямками. При всей уникальности многих черт этой статуэтки, благодаря прямым аналогиям именно с трипольской антропоморфной пластикой, она может рассматриваться как образец скульптуры Триполья С II.

Формальная типология реалистической пластики

В достаточной степени сохранившиеся реалистические фигурки могут быть вполне соотнесены с типологией антропоморфной пластики в целом. Первая ступень классификации — разделение статуэток по позе: стоящие (I) и сидящие (II). Положение корпуса, рук, ног, головы, сочетание этих признаков и разных дополнительных деталей позволяют выделить разнообразные подтипы реалистических статуэток: женские, мужские и андрогины (табл. 3). Особым разнообразием подтипов отличаются женские статуэтки. Стоящие фигурки изображены как с открытыми, так и с закрытыми глазами. Среди них подтип I.1 — стоящие почти прямо, торс моделирован схематически, с приподнятой головой, закрытыми или открытыми глазами, ноги показаны слитно, разделены вертикальной чертой или моделированы более реалистически (I.1a). Подтип I.2 — стоящие фигурки со схематическим отклоненным назад корпусом, поднятым к небу лицом, нижней столбчатой частью. Для фигурок подтипов I.1 и I.2 характерна прическа из длинных волос, собранных на спине в узел. Подтип I.3 — склоненные стоящие фигурки — представлены в реалистической пластике статуэткой из Маяк.

Сидящие женские статуэтки (II) еще разнообразней, в большинстве случаев все их детали наделены чертами реализма. Груды сидящих фигурок часто передаются не коническими налечами, а валиками. Подтип II.1 — сидящие с прямыми вытянутыми вперед ногами и протянутыми вперед руками (сохранилась одна рука в одном случае), рельефно показанной прической. К подтипу II.2 относятся фигурки со склоненным вперед корпусом, приподнятой вверх головой, отдельно моделированными руками, прической из длинных волос. Фигурка подтипа II.2a от-

личается бритой головой и отдельно вылепленными вытянутыми прямыми ногами. Статуэтки подтипа II.3 отличаются странной «полулежащей» позой, образованной за счет отклоненного назад корпуса. К этому подтипу относится «мадонна» из Криничек. Фигурка изображена с приподнятой головой, традиционной прической, сложенными на животе руками, согнутыми в коленях ногами. К подтипу II.3a отнесен торс бритоголовой фигурки со сложенными на животе руками, поза которой неопределима. К подтипу II.3b относится статуэтка из Коломыйщины I с бритой головой, схематически моделированным корпусом и ногами.

Мужские статуэтки представлены только торсами. Подтип I.1 — схематически моделировано туловище, вместо рук — конические выступы, бритая голова. К подтипу I.1a относятся фигурки с перевязью и в головном уборе. Подтип II.1 представлен единственным экземпляром с реалистически моделированными руками и, вероятно, слегка наклоненным вперед корпусом. Подтип II.1a характеризуется схематизмом исполнения торса, склоненного корпуса, отдельно моделированными вытянутыми ногами.

Все достоверно относимые к андрогинам фигурки относятся к типу сидящих (II). Для них характерны бритые головы, реалистическая трактовка ног и рук, склоненный корпус (подтип II.1). К подтипу II.1a отнесена фигурка андрогина в головном уборе.

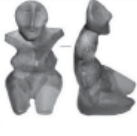

Иконографические типы реалистической пластики

Иконографические типы, выделенные на основе формальной типологии, представлены в таблице 4. Статистические подсчеты на таком малом количестве материала вряд ли могут быть достоверными. Тем не менее, процентные соотношения разных иконографических типов в реалистической пластике весьма показательны. Из всего массива реалистической пластики (100 фигурок) неопределимые и индивидуальные фигурки составляют 20%. От числа определимых фигурок (71) женские наиболее многочисленны и составляют 48%. Такой же процент приходится на бритоголовые изображения (25,4%) и головы в различных головных уборах (8,5%), пол которых точно установить невозможно — 47,9%. Безусловно мужские фигурки разных типов составляют 9,8%, фигурки, относимые к андрогинам, — 9,8%.

Среди женских иконографических типов наиболее многочисленны фигурки

Таблица 3.

Типология реалистической пластики

ЖЕНСКИЕ		МУЖСКИЕ		АНДРОГИНЫ
I стоящие	II сидящие	I стоящие	II сидящие	
 I.1	 II.1	 I.1	 II.1	 II.1
 I.1a	 II.2	 I.1a	 II.1a	 II.1a
 I.2	 II.2a			 ?
 I.3	 II.3			
	 II.3a			
	 II.3b			
	 II.3c			

с прической из пышных волос, собранных на спине в узел (36,3%), представленные среди стоячих прямо (рис. 15: 5) и с поднятым к небу лицом с открытыми (рис. 7: 2) или закрытыми (рис. 7: 4) глазами, сидящих прямо (рис. 11: 1) и склоненных (рис. 7: 1), с ребенком у груди (рис. 5). Большинство таких фигурок крупного размера. Можно предположить, что разные трактовки и позы, характерные для иконографических типов, объединенных традиционной прической, обусловлены воспроизведением одного и того же сакрального персонажа в разных ситуациях. Распространение статуэток иконографических типов с моделированной прической ограничено преимущественно поселениями-гигантами владимировской и томашевской групп.

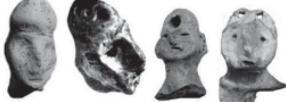

Бритоголовые женские фигурки представлены достоверно женскими статуэтками (рис. 12: 1, 4) и торсами с изображением груди

(рис. 11: 2, 6) и бритой головой. Женские бритоголовые фигурки составляют 9,9% от числа определимых. Целые статуэтки найдены на поселениях С I колумийщинской группы, фигурка с отбитыми ногами в Кошиловцах (рис. 14: 4), торсы — на томашевских поселениях-гигантах. Высказывалось предположение, что на головы таких статуэток надевались парики. Во всяком случае, такой иконографический тип фиксируется в разных локально-хронологических группах.

К особому иконографическому типу «полулежащих» можно отнести женские статуэтки, изображенные в необычной и в какой-то мере неестественной позе: их голова поднята вверх, а корпус склонен вниз (рис. 12: 1, 4), или корпус откинут назад и лицо поднято к небу (рис. 5; 14: 4). Возможно, это особая молитвенная поза. Подчеркнем, что головы таких статуэток обриты.

Таблица 4.

Иконографические типы реалистической пластики

Иконографический тип	№№ по каталогу	Кол-во	% от 71	Головы. Образы
Женские с прической 	21,22,24,25,28,29, 32 (36),38,39,41,43, 45,48,49,50,51,54, 56,57,58,60,61,65, 73,74	25 (26)	36,3	«Взывающие»
Женские лысые 	12, 59,67,82,86,95, 96	7	9,9	«Взывающие» женские
Женские в головном уборе 	34,92	2	2,8	С закрытыми глазами
Мужские лысые 	23,55,64	3	4,2	С закрытыми глазами
Мужские в уборе 	13,20,35	3	4,2	
Головы в уборе 	42, 46,94,97,98	6	8,5	
Мужские прочие 	15	1	1,4	
Головы лысые 	14,26,47,52,63,66, 68,69,71,72,75,77, 79,80,83, 88,89, 91	18	25,4	
Андрогин сидячий 	16,17,18,31,87	5	7	
Андрогин ? 	19,44	2	2,8	
Индивидуальные и неопределенные	27,30,33,37,39,40, 52,62,70,76,78,81, 84,85,90,93,99,100	18	% от 89 20,2%	

№2. 2010

Еще один иконографический тип — женские фигурки в головном уборе. Достоверно женских статуэток этого типа известно две, они сидящие (рис. 9: 1, 2), что составляет 2,8% от всех определимых изображений. Однако к ним можно причислить головки с похожим оформлением головного убора (рис. 9: 5; 14: 1). В таком случае, можно говорить о женском головном уборе двух типов: рогатой формы (рис. 9: 2; 14: 1), напоминающей изображения расписных фигур, и невысокого колпака с большим отверстием посредине (рис. 9: 1, 5).

Неопределенные головы в головном уборе разной формы составляют 8,5%. Колпак на головке из Кошиловцев (рис. 9: 6) по форме напоминающий гребень, по мнению Т.С. Пассек, может рассматриваться «как древний прототип головного убора, который характерен... в переднеазиатском мире» (Пассек 1947: 35). Похожей формы колпаки есть и на фигурках (рис. 15: 1), происходящих из томашевских поселений.

Из-за фрагментарности мужских фигурок иконографические типы выделяются с меньшей уверенностью. Это тип бритоголовых мужских изображений (рис. 15: 3), составляющих 4,2% от числа определимых статуэток. Три такие находки связаны с томашевскими поселениями. Столько же известно мужских статуэток в головном уборе. Две из них с перевязью и в шапочке, напоминающей тибетейку, одна найдена на поселении Триполья В I-B II (табл. 1, № 13), а другая относится к культуре Кукутень В (рис. 4: 5). Третья статуэтка из Калагаровки изображает мужчину в колпаке (рис. 8: 3), похожего на кошиловецкую головку (рис. 9: 6).

Андрогиньи представлены двумя иконографическими типами реалистически моделированных фигурок. К типу бритоголовых андрогинов относятся четыре статуэтки (рис. 4: 1—3; табл. 1, № 17). Андрогин в головном уборе («тибетейке») найден на поселении Крутуха-Жолуб (рис. 15: 2).

Четверть всех определимых статуэток составляют неопределимого пола бритые головки (25,4%). Поскольку, как показано выше, бритые головы зафиксированы у женских и мужских статуэток, а также у андрогинов, то можно констатировать, что бритая голова характерна для большого числа реалистических фигурок — 37,3%. Бритоголовые фигурки можно разделить на две группы — с открытыми и с закрытыми глазами.

Вероятно, за многообразием иконографических типов реалистической пластики скрывается разнообразие сакральных образов,

но это уже тема для отдельного исследования. Отметим лишь наиболее явно высту- пающие образы. Наибольшим количеством находок представлен женский образ с прической в виде пелены волос, собранных в пучок на спине. Он ограничен регионом Буго-Днепровского междуречья. Древность образа мадонны демонстрирует фигурка с ребенком у левой груди из Криничек.

Образ андрогина, синкретического существа, наделенного мужскими и женскими признаками, распространен на удивление широко. Эти образы присутствуют и среди схематической пластики. Еще один образ — «взывающего к небесам» — представляют фигурки с поднятым к небу лицом, широко открытыми глазами и как будто кричащим ртом, относящиеся к различным иконографическим типам реалистической пластики. Определенно особые персонажи, скорее всего, мужские изображались в «хеттском» колпаке или шапочке-тибетейке. Женские образы представлены в головных уборах другой формы, в том числе и рогатых, связанных с символикой Великой Богини.

Сравнительная характеристика реалистической пластики локально-хронологических групп Триполья-Кукутень

Распределение основных иконографических типов реалистической пластики по различным локально-хронологическим группировкам Триполья-Кукутень представлено в таблице 5. Конечно, реалистические фигурки не являются достаточно распространенной категорией материала, позволяющей проследить локальные и хронологические различия, тем не менее, определенные выводы в этом направлении можно сделать. На этапе Прекукутень-Триполье А условно-реалистические фигурки встречаются с древнейших ступеней по всей территории распространения культуры. Для Триполья В I—Кукутень А такие статуэтки не характерны, а реалистические фигурки представлены единичными экземплярами (рис. 3: 1—5). Реалистические статуэтки не известны восточнее Днестра. Ни одной реалистической фигурки не найдено на поселениях Кукутень А-В, и всего две такие фигурки происходят с памятников бассейна Днестра (табл. 1, № 12—13). Некая лакуна в «реалистической» изобразительной традиции Кукутень А-В удивительна и необъяснима, в особенности если учесть, что именно с памятников последую-

щих этапов Кукутень В—Триполье В II—С I происходит большинство реалистических фигурок (табл. 1), в том числе и близких по типу к головке из Озаринцев или к иконографическому типу фигурки с перевязью и в головном уборе из Вороново 2. К Кукутень В относится шесть реалистических статуэток. Своеобразие реалистической пластики этого региона заключается в наличии статуэток без глаз, отсутствии женских фигурок и наличии четырех статуэток андрогинов (рис. 4).

На этапе Триполье В II реалистические статуэтки, причем в нескольких экземплярах, известны только с поселений Побужья и междуречья Южного Буга и Днестра (рис. 5; 6: 1; 7). Именно тут складываются иконографические типы реалистической пластики, которые станут типичными для последующих поселений томашевской группы Триполья С I в этом регионе. Это фигурки преимущественно больших размеров, стоящие и сидящие, с реалистически выполненными ногами и руками, женские с характерной трипольской прической, бритые головы с открытыми или закрытыми глазами.

На этапах С I и С II в Пруто-Днестровском междуречье и в бассейне Днестра реалистических статуэток заметно меньше. Лишь часть из них относится к фигуркам крупного разме-

ра. Остальные, немногочисленные, статуэтки среднего размера. Особое внимание привлекают сидящие статуэтки с реалистически проработанными руками, ногами и в головных уборах. Такие иконографические типы не известны в томашевской группе. Своеобразие моделировки и наличием некоторых оригинальных изображений отличается пластика бассейна Днестра каневской, коломищинской и лукашевской групп.

Отметим, что реалистическая фигурка (рис. 9: 8) из поселения финала Триполья С I Колодяжное (Восточная Вольнь) по многим признакам близка статуэткам этапов С I и С II из Северной Молдовы (рис. 9: 1, 2), однако имеет прическу из распущенных волос, похожую на томашевскую, правда, более коротких и без узла. Возможно, как распространение томашевских традиций следует рассматривать находки головок крупных реалистических фигурок на памятниках лукашевской и каневской групп.

В целом можно говорить о единой традиции реалистической пластики Триполья-Кукутень, начиная с этапа Триполья В I-Кукутень А, когда зафиксированы первые фигурки с характерными и для последующих периодов чертами, и заканчивая реалистической скульптурой Триполья С II и усатовской культуры.

Рис. 16. Реалистическая пластика трипольской культуры.

Таблица 5.

Распределение реалистических статуэток по локально-хронологическим группам

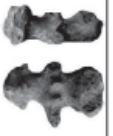

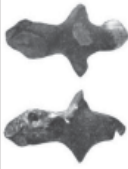

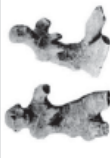

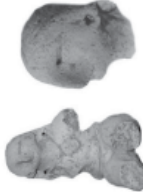

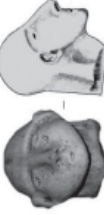
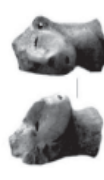

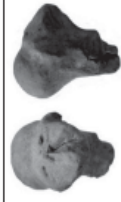
этап	Прикарпатская Молдова	Междуречье Прута и Днестра	Среднее Поднепровье	Верхнее Поднепровье	Среднее Побужье	Буго-Днепровское междуречье	Бассейн Днестра
СИ		Брынзены Ш 	Гримячка 				
							
СИ – Кук. В							
							
							
							

Таблица 5 (продолжение).
Распределение реалистических статуэток по локально-хронологическим группам

Прикарпатская Молдова	Междуречье Прута и Днестра	Среднее Поднестровье	Верхнее Поднестровье	Среднее Побужье	Буго-Днепровское междуречье	Бассейн Днестра
						
						
						
						
						
						

СГ –
 Кук.
 В

Таблица 5 (окончание).

Распределение реалистических статуэток по локально-хронологическим группам

	Прикарпатская Молдова	Междуречье Прута и Днестра	Среднее Поднестровье	Верхнее Поднестровье	Среднее Побужье	Буго-Днепровское междуречье	Бассейн Днестра
VI							
VI- VII							
VI – Кук. А							
Прек.- Тр.А							

Отличительной чертой трипольской реалистической пластики является индивидуальность моделировки черт лица каждой статуэтки. Каждый скульптурный образ характеризуется не просто индивидуальными, но буквально портретными чертами. Собранные вместе реалистические трипольские фигурки как будто создают целую портретную галерею сакральных персонажей древних земледельцев (рис. 16).

В заключение необходимо добавить, что реалистические тенденции в моделировании антропоморфной пластики отмечаются для разных культур древних земледельцев Центральной и Юго-Восточной Европы. Отдельные такие изображения известны в культурах старчево-керешского круга, Боян, КЛЛК, Лендель, Хаманджия, Градешница, Винча. Серии реалистической пластики происходят с памятников культур

Коджадермен—Караново VI—Гумельница. Во всех перечисленных культурах энеолита разные черты трипольско-кукутенской реалистической пластики находят определенные соответствия.

Очевидно, что в широком плане реалистическая пластика Триполья-Кукутень может рассматриваться как результат культурно-исторических контактов между жителями древнеземледельческой нео-энеолитической европейской ойкумены. В наиболее ранних из этих культур можно искать истоки прекукутенско-трипольской реалистической традиции. Бесспорным является факт, что трипольцы достигли вершин мастерства в воплощении сакральных образов в реалистической скульптуре в период финального энеолита и РБВ, когда большинство родственных земледельческих культур уже исчезли с исторической сцены древней Европы.

Литература

- Бибииков С. Н. 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре: К истории ранних земледельско-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. *МИА* 38.
- Бобринский А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Дневники раскопок 1889—1897 гг. Т. III. Санкт-Петербург.
- Бузян Г. М., Якубенко О. О. 1998. Дослідження трипільського поселення Крутуха-Жолоб поблизу Переяслава-Хмельницького. *АВУ* 1997—1998 рр., 59—61.
- Бузян Г. М., Білоусько В. М. 2009. Матеріали трипільського поселення Грем'ячка. В: Васильев С. А., Кулаковская Л. В. (ред.). *С. Н. Бибииков и первобытная археология*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 323—328.
- Бурдо Н. Б. 2001. Теракота трипільської культури. В: *Давня кераміка України*. Київ: Академперіодика, 61—145.
- Бурдо Н. Б. 2003. Ранньотрипільське поселення Лука-Врублівецька і проблема синхронізації Прекукутені-Кукутені-Трипілья. *ЗНТШ* 236, 66—88.
- Веприна В. И. 1976. *Неоліт ямочно-гребенчатой кераміки на Україні*. Київ: Наукова думка.
- Гамченко С. 1926. Спостереження над даними дослідів трипільської культури 1909—1913 рр. В: Козловська В. (ред.). *Трипільська культура в Україні*. Вип. 1. Київ: Видавництво Української Академії наук, 31—42.
- Гусев С. О. 2009. Антропоморфна пластика середньобузької локальної групи трипільської культури (етап VI-VII—CI). В: Васильев С. А., Кулаковская Л. В. (ред.). *С. Н. Бибииков и первобытная археология*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 306—316.
- Енциклопедія трипільської цивілізації* (ЕТЦ). Т. I, II. Под ред. М. Ю. Відейко. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004.
- Збеневич В. Г. 1989. *Ранний етап трипольской культуры на территории Украины*. Київ: Наукова думка.
- Корвин-Пиотровский А. 2008. Украина в эпоху энеолита (V—IV тыс. до н. э.). В: Корвин-Пиотровский А., Менотти Ф. (ред.). *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки*. Киев: Институт археологии НАН Украины, 10—32.
- Котова Н. С. 2002. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях.
- Круц В. О. 1968. Поселення-гіганти. *Пам'ятки України* 1, 19—21.
- Круц В. 2008. Поселение-гигант Тальянки. В: Корвин-Пиотровский А., Менотти Ф. (ред.). *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки*. Киев: Институт археологии НАН Украины, 49—70.
- Круц и др. 2008: Круц В., Корвин-Пиотровский А., Менотти Ф., Рьжов С., Черновол Д. 2008. Работы Трипольской экспедиции в 2007 г. В: Корвин-Пиотровский А., Менотти Ф. (ред.). *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки*. Киев: Институт археологии НАН Украины, 109—131.
- Круц В. А., Корвин-Пиотровский А. Г., Рьжов С. Н. 2001. *Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2001 г.* Київ: Институт археологии НАН Украины.
- Макаренко М. О. 1926. Етюди з обсягу трипільської культури. В: Козловська В. (ред.). *Трипільська культура в Україні*. Вип. 1. Київ: Видавництво Української Академії наук, 165—186.
- Маркевич В. И. 1970. Многослойное поселение Новые Русешты 1. *КСИА* 123, 56—68.
- Маркевич В. И. 1981. *Позднетрипольские племена Северной Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Маркевич В. И. 1985. *Далекое — близкое*. Кишинев: Тимпул.
- Мовша Т. Г. 1953. К вопросу о развитии трипольской антропоморфной пластики. *КСИА АН УССР* 2, 85—87.
- Мовша Т. Г. 1960. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения. *Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 59—76.
- Мовша Т. Г. 1969. Об антропоморфной пластике три-

№2. 2010

- польской культуры. СА (2), 15—34.
- Мовша Т. Г. 1973. Нові дані про антропоморфну реалістичну пластику Трипілья. *Археологія* 11, 3—21.
- Мовша Т. Г. 1875. *Антропоморфная пластика Триполья (реалистический стиль)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ.
- Мовша Т. Г. 1941. Новые данные по идеологии трипольско-кукутеньских племен. В: Артеменко И. И. (ред.). *Первобытная археология. Поиски и находки*. Київ: Наукова думка, 185—198.
- Овчинников Е. В., Квітницький М. В. 2002. Нові знахідки трипільської антропоморфної пластики з реалістичними рисами. *Археологія* (3), 134—143.
- Овчинников Е. В. 2004. Зелена Діброва. В: *Енциклопедія трипільської цивілізації*. Т. II. Київ: Укрполіграфмедіа, 181—182.
- Пассек Т. С. 1941. *Трипільська культура*. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Пассек Т. С. 1947. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна. *СЭ* 6/7, 14—38.
- Пассек Т. С. 1949. *Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.)*. МИА 10.
- Патокова Э. Ф. 1986. Антропоморфная пластика Маяцкого могильника. В: Дзис-Райко Г. А. (ред.). *Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья*. Київ: Наукова думка, 5—20.
- Патокова Э. Ф. 2004. Реалістична статуетка з Маяків. В: *Енциклопедія трипільської цивілізації (ЕТЦ)*. Т. II. Київ: Укрполіграфмедіа, 444—445.
- ПЛАТАР. *Колекції предметів старовини родин Платонових та Тарут*. Каталог. Київ: Укрполіграфмедіа, 2004.
- Погожева А. П. 1983. *Антропоморфная пластика Триполья*. Новосибирск: Наука.
- Сохацький М. П., Ткачук Т. М. 2004. Кошиловецький тип (група). В: Відейко М. Ю. (ред.) *Енциклопедія трипільської цивілізації*. Т. II. Київ: Укрполіграфмедіа, 259—260.
- Сохацький та ін. 2007: Сохацький М., Нікітін О., Ковалюх М., Відейко М. 2007. Перші дослідження ДНК за антропологічними матеріалами трипільської культури із печери Вертеба. В: Відейко М., Кот С. (ред.). *Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст*. Київ: ТОВ «Спадщина» ЛТД, 141—146.
- Хвойка В. 1901. Каменный век Среднего Приднепровья. *Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 году*. Т. 1. Москва, 730—812.
- Телегін Д. Я. 1968. Нові знахідки найдавніших скульптурних зображень на території України. *Народна творчість та етнографія* 1. Київ, 71—74.
- Черниш Е. К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: Массон В. М., Мерперт Н. Я. (ред.). *Энеолит СССР*. Москва: Наука, 166—347.
- Шмаглий Н. М., Відейко М. Ю. 2001—2002. Майданецьке — трипольський протогород. *Stratum plus* (2), 44—140.
- Якубенко О. О. 2004. Реалістична пластика в Національному музеї історії України. В: *Енциклопедія трипільської цивілізації*. Т. II. Київ: Укрполіграфмедіа, 443—444.
- Якубенко О. О. 2006. Колекції із розкопок В. В. Хвойки на трипільських поселеннях у Національному музеї історії України. В: *Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині Вікентія Хвойки*. Ч. II. Київ: Укрполіграфмедіа, 45—70.
- Cehak H. 1933. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce. *Światowit* 14. Warszawa, 164—252.
- Dumitroaia et al. 2005: Dumitroaia Gh., Preoteasa C., Munteanu R., Nicola D. 2005. *Primul muzeul Cucuteni din România*. Biblioteca Memoriae Antiquitatis XV. Piatra Neamț.
- Hadaczek K. 1914. *La colonie industrielle de Koszylowce de l'époque néolithique: Album des fouilles*. Leopold.
- Hansen S. 2007. *Bilder vom Menschen der Steinzeit. Untersuchungen zur antropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa*. Archäologie in Eurasien 20. Mainz: Zabern.
- Majewski K. 1938. Plastyka terrakotowa kultury ceramiki malowanej w zbiorach Lwówskich. *Światowit* 17. Wrocław.
- Majewski K. 1947. *Studia nad kulturą Trypilską*. Archeologia 1. Wrocław. Red. K. Majewski
- Makarenko N. 1927. Sculpture de la civilization Trypilienne en Ukraine. In: *Jahrbuch für prähistorische und ethnografische Kunst*. Leipzig, 119—130.
- Marinescu-Bîlcu S. 1974. Plastica su terracotta della cultura Precucutena. *Rivista di scienze preistoriche* XXIX (2), Bucuresti, 400—436.
- Marinescu-Bîlcu S. 1981. *Țirpești — from Prehistory to History in Eastern Romania*. BAR International Series 107.
- Mysteries of ancient Ukraine. The remarkable Trypilian culture. 5400—2700 BC*. Royal Ontario museum. Toronto, 2008.
- Monah D. et al. 2003: Monah D., Monah F., Dumitroaia G., Preotesa C., Munteanu R., Nicola D. 2003. *Poduri-Dealul Gindaru, o Troe în Subcarpații Moldovei*. Piatra-Neamț: Editura “Constantin Mătasă”.
- Petrescu-Dîmbovița M., Valenu M. C. 2004. *Cucuteni-Cetățue*. Monografie arheologică. Biblioteca Memoriae Antiquitatis XIV. Piatra-Neamț: Editura “Constantin Mătasă”.
- Pogoševa A. P. 1985. Die Statuetten Tripolje-Kultur. *Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie* 7, 95—242.

Статья поступила в номер 22 февраля 2010 г.

Natalia Burdo (Kiev, Ukraine). Candidate of historical sciences. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences.

Natalia Burdo (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Бурдо Наталия Борисовна (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии НАН Украины.

E-mail: nbburdo@gmail.com

A. M. Смирнов

Пустой дольмен: утрата источника или норма погребальной практики

A. M. Smirnov.

Emptiness of Dolmens: Lost Source or a Norm of Burial Practice.

In the Western Caucasus, the number of dolmens is counted as many as some thousand pieces. Most of them were discovered without any remnants of original burial contents. Massiveness of these constructions, openness for access from outside together with absence of any traces of burials survived inside — all this forced scholars to conclude the dolmens were erected as collective tombs and were plundered afterwards. But all these suppositions strongly contradict with the specifics of their construction — the portholes are placed in them too low to serve as entrances for collective tombs; then, there is absolute absence of any human bones outside dolmens that might be thrown away by hypothetical robbers. Now, I put forward the idea of the successive replacement of burials into dolmens. Moreover, instead of the idea of collective tomb which in the end of their functioning was filled possibly up its capstone, I prove that dolmen must be empty as the final result of its functioning.

This paper is based on comparison of certain compositions in the megalithic art of Europe with corresponding images in the art of Ancient Near East. As to megalithic tombs, it deals with two compositional patterns, one of which includes a female deity or her attributes and a grille-like structure; the other one — pairs of ungulates and grille-figures. The latter has direct analogies in glyptic of Mesopotamia. These are scenes with pairs of ungulates standing before reed (hence grille-looking) stalls, which are the temples of the goddess Nintur, the deity of childbirth. These compositions are representations of giving birth to posterity where the temple itself acts as 'uterus' bringing newborn animals into the world, being not a living thing at the same time. Similar scenes engraved in megalithic tombs, like representations of female deities and grille-structures figured there, perhaps witness possession by these burial constructions of the same temple functions. So, as a result, in the periods of time when the process of inhumation and following birth-giving was not put into effect, these huge monuments were empty, imitating thus the same condition of 'uterus' between recurrent pregnancies. So, such funeral ideology of dolmens demonstrates actual realization of the idea shared widely both in antiquity and in recent time that "which thou sowest is not quickened, except it die" (I Cor: 15, 36).

A. M. Smirnov.

Dolmen gol: pierderea sursei sau norma practicii funerare.

În Caucazul de Vest există câteva mii de dolmene cunoscute, marea majoritate fiind descoperite fără rămășițe de conținutul original al înmormântărilor. Monumentalitatea construcțiilor, accesul liber la acestea din afară și absența mormintelor în interiorul îi determina pe mulți cercetători să presupună că dolmenele au fost create ca niște cavouri collective, ulterior devastate. Însă ambele ipoteze vin în contradicție cu construcția megalitelor - pentru un cavou gaura de intrare este situată la un nivel nejustificat de jos - precum și cu absența completă a descoperirilor de oase ale celor înmormântați care ar trebui inevitabil aruncate afară în urma devastării. În acest articol se propune concepția succesiunii consecutive a mormintelor din dolmene. Spre deosebire de ideea unui cavou care trebuie umplut, eu susțin că, de fapt, aceasta ar trebui să fie goală.

Articolul se bazează pe o comparație dintre unele subiecte din arta megalitică a Europei și imagini respective din arta Mesopotamiei. Pentru megalite este vorba de două scheme compoziționale, una dintre care include un personaj feminin sau atributele sale și construcția de tip grilă, iar la alta se referă o pereche de animale cu copite și aceeași structură de grilă. Analogii cu cea din urmă sunt în gliptica Mesopotamiei: animale în fața de stîină de grilă (adică, de trestii) - templul zeiței nașterii Nintur. Acestea sunt scene de naștere, iar însuși templu apare ca uterus, născînd pe puii acestor animale, însuși nefiind o ființă vie. Astfel de compoziții pe megalite, precum și imaginile personajelor feminine și grilelor, probabil indică existența unei funcții identice de templu și la aceste monumente care, în perioade nelegate de procesul morții, înmormântării și nașterii ulterioare, erau goale, imitînd și în acest sens funcționarea uterului. Astfel, concepția mitologică a dolmenelor era o realizare concretă a unei idei binecunoscute în timpuri străvechi și în etnografie - că fără moarte nu poate fi naștere.

А. М. Смирнов.

Пустой дольмен: утрата источника или норма погребальной практики.

На Западном Кавказе количество известных дольменов насчитывает несколько тысяч. При этом подавляющее большинство их обнаружено без остатков их первоначального погребального содержимого. Монумен- тальность сооружений, открытость доступа к ним извне при отсутствии сохранившихся внутри них захоронений заставляло многих исследователей предполагать, что дольмены создавались как коллективные склепы, которые были в последствии разграблены. Однако этим обоим предположениям противоречат и конст-рукция мегалитов — для склепа входное отверстие расположено неоправданно низко, — и полное отсутствие находок костей погребенных, которые неизбежно должны бы быть выброшены наружу при разграблениях. В статье я предлагаю концепцию последовательной сменяемости захоронений в дольменах; при этом, в отличие от идеи склепа, кото- рый в итоге должен бы быть заполнен, я доказываю, что в итоге он должен быть пустым.

Статья основана на сопоставлении некоторых сюжетов в мегалитическом искусстве Европы с соответст- вующими образами в искусстве Месопотамии. Для мегалитов — это две композиционные схемы, одна из ко- торых включает женский персонаж или его атрибуты и решетчатую конструкцию, другая — пары копытных животных и так же решетчатую структуру. Аналогии последней есть в глиптике Месопотамии: это животные, стоящие перед решетчатой (т. е. тростниковой) овчарней — храмом богини Нинтур, обеспечивающей рождение потомства. Это изображения сцены рождения, где сам храм выступал в роли uterus, производя на свет детены- шей этих животных, при этом не будучи живым существом. Подобные композиции на мегалитах, как и изображе- ния на них женских персонажей и решеток, видимо, указывают на существование идентичной храмовой функ- ции и у этих монументов, которые в периоды, не связанные с процессом смерти, по-гребения, и последующего рождения, были пусты, имитируя в этом также функционирование uterus. Тем самым мифологическая концепция дольменов являлась конкретной реализацией хорошо известной в древности и в этнографии идеи о том, что без смерти не может быть рождения.

Keywords: dolmen, megalith, temple, female deity, Mesopotamia, grille-like structure, birth.

Cuvinte cheie: dolmen, megalit, templu, zeitate feminină, Mesopotamia, construcție de tip grilă, naștere.

Ключевые слова: дольмен, мегалит, храм, женское божество, Месопотамия, решетчатое сооружение, рождение.

... что вы ищете живого между мёртвыми? Его нет здесь

(Лк.: 24, 5, 6)

Не оживет, если не умрет.

(1 Кор.: 15, 36)

Вопрос о характере захоронений — в дан- ном случае, одиночных или коллективных — в кавказских дольменах, как известно, от- носится к одному из наименее изученных в исследованиях этих памятников, что обу- словлено крайней немногочисленностью со- хранившихся погребений. В целом, точки зрения по данной проблеме, существующие в настоящее время, можно свести к двум, пред- ставленным в исследованиях В.И. Марковина и В.А. Трифонова.

Первая из них — наиболее развернутая и аргументированная — изложена в работе В.И. Марковина 1978 г.: «в дольменных по- стройках не практиковался какой-либо един- ственный погребальный обряд... Наиболее ранним обрядом погребения можно считать одиночные, в редких случаях — парные за- хоронения». В дальнейшем, с течением вре- мени «в дольменных памятниках происходит смена погребального обряда... порядком, при

котором хоронили только очищенные от мышц кости (и обязательно черепа). Он практиковал- ся во всех типах наиболее поздних дольменов» (Марковин 1978: 224, 230).

Другая точка зрения на рассматриваемую специфику погребений в дольменах — это представление об этих монументах как кол- лективных склепах. Она отстаивается в пуб- ликациях В.А. Трифонова (и других ис- следователей), впрочем, в тезисной форме, и специально, по-видимому, не разрабатыва- лась (например, Трифонов 2001: 31).

Общим для этих двух концепций является то, что их авторы исходят из общепринятого в археологии Западного Кавказа положения о том, что функция дольменов — исключи- тельно погребальная: это крупные вместили- ща для погребенных и сопровождающего ин- вентаря и, как следствие такого понимания, одна из наиболее впечатляющих их характе- ристик — монументальность сооружений —

№2. 2010

отражает либо высокий социальный статус погребенного (В. И. Марковин), либо обусловлена необходимостью концентрации большого числа умерших членов сообщества в едином пространстве захоронения — склепе.

Отсюда, логически безукоризненным выглядит заключение исследователей, что современное состояние большинства дольменов — то есть, практически полное отсутствие сохранившихся погребений — является результатом направленных действий по опустошению (разграблению и т.п.), частичному или полному, содержимого погребальных камер (например, Куликова, Трифонов 2001: 94).

В свою очередь, в настоящей статье я хотел бы предложить иное понимание характера погребений в дольменах, в определенной степени представляющее контраст вышеуказанной идее коллективного склепа: это предположение об изначальной функции этих погребальных монументов как гробниц многоэтажного (т.е. периодически сменяемого) использования. При этом, несомненно, основой обеих точек зрения — сторонников модели склепа и моей — является представление о коммунальном назначении дольменов как погребальных сооружений. Различия их относятся к тому, что можно было бы назвать порядком погребений. В самом деле, идея коллективного склепа предполагает накопительный характер захоронений: последующие во времени погребения добавлялись к предшествующим, уже совершенным ранее. В результате прекращение использования дольмена должно характеризоваться его заполнением погребенными и инвентарем с различной степенью интенсивности для каждого конкретного сооружения.

Однако данный, казалось бы, очевидный итог, тем не менее, вызывает определенные сомнения. В самом деле, опустошения, разграбления захоронений, как это имплицитно подразумевается для большинства уже известных дольменов, должны были бы сопровождаться выбрасыванием и скоплением на площадках перед входами достаточно заметных и фиксируемых при раскопках объемов костных останков погребенных. Но данных об этом нет! И были ли вообще здесь перемещенные в процессе этих гипотетических ограблений кости? Ведь фактически исследователями фиксируются лишь следы проникновений внутрь камер: удаленные из отверстий пробки, взломанные плиты перекрытий и т.п. — и это всё! Связывать эти свидетельства взломов с отсутствием погребального содержимого в камерах причинно-следственной связью, является, конечно,

лишь реконструкцией события — ограбления, — никакими другими фактами, доводами не подкрепленной и поэтому определенно спорной. То есть вопрос, были ли ограбления дольменов причиной их опустошения, по-прежнему не теряет своей актуальности. В таком случае закономерен и следующий вопрос: а было ли что в них грабить? К сожалению, для исследователей это лишь область догадок. «Наиболее привлекательными для первых грабителей были, видимо, бронзовый инструмент и оружие... в определенном смысле, драгоценные предметы» (Куликова, Трифонов 2001: 94). Иной точки зрения придерживается А. В. Дмитриев: «Захоронения в дольменах не отличались богатством. Грабить их не имело смысла» (Дмитриев 2001: 78). Мнения, как видно, различаются, поскольку источниковедческая база ничтожна: дольмены в своей массе пусты, и выводы, таким образом, носят очень приблизительный характер.

И наконец, в связи с вопросом о специфике погребений в дольменах, как мне представляется, следует обратить внимание и на одну из особенностей конструкций монументов: это очень низкое расположение входных отверстий над уровнем полов камер, характерное для многих дольменов. В самом деле, как отмечает В. И. Марковин для «обычных», т.е. массовых дольменов (плиточных дольменов без выделенных порталов): «У ранних дольменов отверстия расположены довольно низко: от нижнего обреза передней плиты на высоте не более диаметра отверстия... В более поздних памятниках высекали их на большей высоте, но никак не выше середины плиты» (Марковин 1978: 91—92, 117). Если исходить из понимания дольмена как родового склепа, то такое расположение отверстия представляется функционально необоснованным, поскольку основной объем погребальной камеры приходится на часть конструкции, находящуюся выше отверстия, и лишь небольшая его часть расположена ниже, между полом и лазом. В результате, в процессе совершения серии погребений довольно скоро должна была создаваться ситуация, когда из-за подобного низкого расположения входного отверстия неизбежно начинали возникать неудобства для транспортировки внутрь и размещения там очередных захоронений. При этом остается непонятным смысл обширного, составляющего не менее двух третей от общего объема, резерва пространства остальной, более высокой части камеры, который никак не был использован для накопления захоронений. В конечном итоге, представление о дольмене как о склепе выглядит лишенным обоснованности.

В отличие от вышеуказанной идеи коллективного склепа, предлагаемая в данной статье гипотеза о многоразовом использовании дольмена для погребений предполагает не накопление в нем погребенных, а их сменяемость: т. е. очередное захоронение совершалось в камере, уже пустующей, сразу или спустя различное время после удаления из нее предшествующего погребального содержимого, включавшего останки погребенного и инвентарь. Поэтому в конечном итоге функционирования, как я постараюсь далее доказать, дольмен должен быть пустым, незаполненным.

В обоснование этого предположения ниже приводятся некоторые данные, дающие, как мне представляется, основание полагать, что дольмен был не только долговременным вместилищем для захоронений, но выполнял ещё и храмовые функции, специфически направленные на обеспечение воспроизводства потомства, роль субститута реального механизма деторождения — т. е. функционального соответствия *uterus*. Именно храмовый аспект создания этих монументов является предметом изучения в данной статье.

Подобное представление о назначении дольмена являлось результатом изучения соответствующих образов и сюжетов в изобразительном искусстве дольменов и гробниц Кавказа и их аналогий в искусстве Древнего Ближнего Востока и в мегалитическом искусстве Европы (Смирнов 2000; 2001; Смирнов, Смирнов 2004; Смирнов 2005).

В.И. Марковин в одном из своих исследований по кавказским дольменам, рассматривая искусство этих памятников, в частности, предложил интерпретировать парные округлые выпуклости, изображенные на фронтальных плитах некоторых из них, в качестве женской груди (рис. 1: 1, 2) (Марковин 1978: 213, 215, рис. 114: 1, 5). Совокупность подобных, антропологически трактуемых рельефов и частей конструкций (парные выступы и входное отверстие), делало логически оправданным вывод, что тем самым погребальная конструкция заключала в себе сакральную силу воспроизводства, то есть плодородия (Марковин 1994: 241). Таким образом, дольмен представлялся функционально тождественным *uterus*.

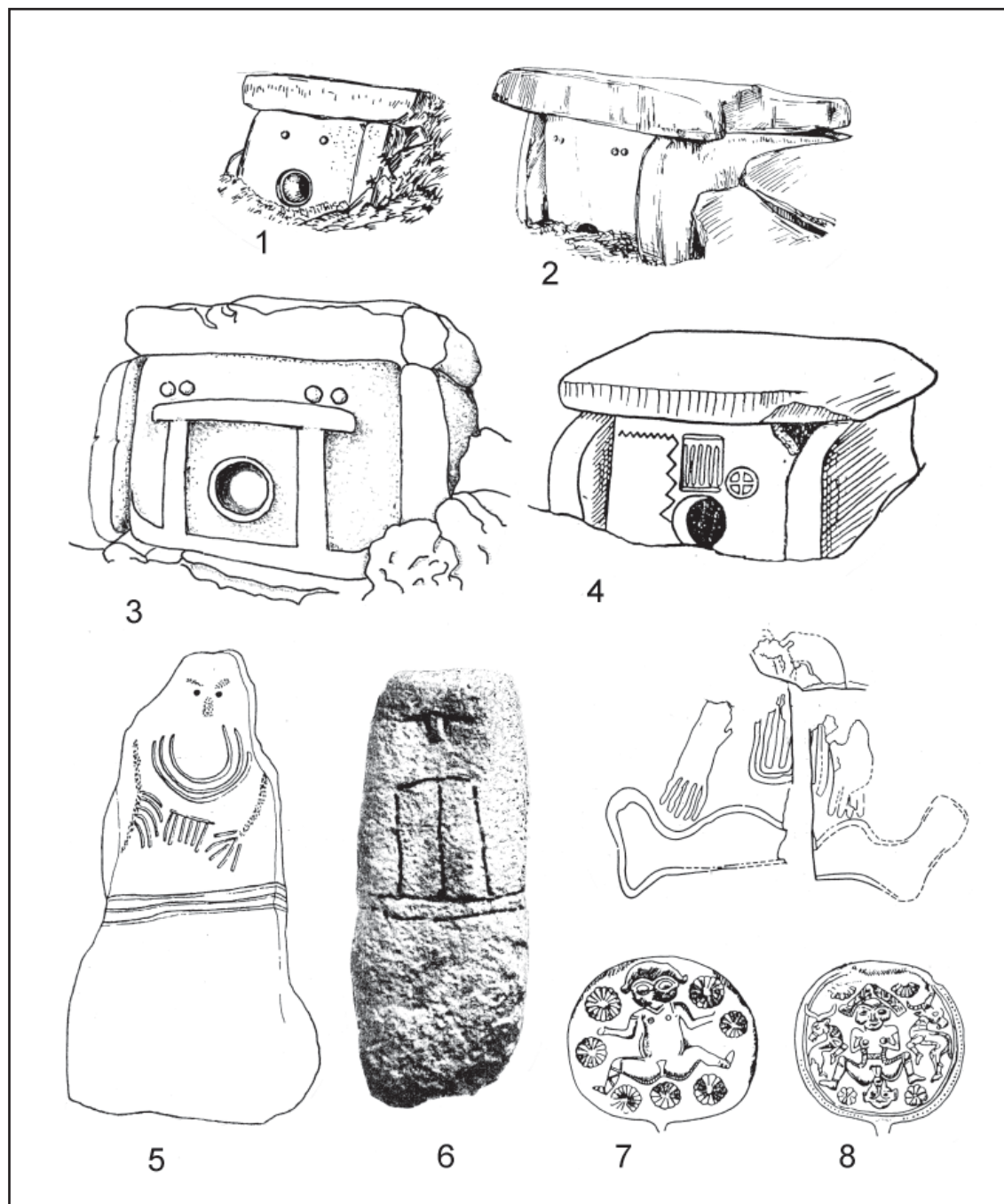
Подобные парные выступы известны для этого времени также в рельефах на стенах каменных гробниц Западной Европы (Франция, Парижский бассейн), где они дублируются изображениями женских фигур, либо сопровождаются атрибутами женского убранства — ожерельями (рис. 2: 1, 2, 6—8, 10). Такая вариативность делала обоснованной интерпретацию данных парных выступов здесь

также в качестве груди. Однако назначение их в данных погребальных монументах трактуется французскими исследователями совершенно другим образом: эти фигуры и атрибуты не связываются ими с плодородием, а изображают, как они полагают, богинь погребений, охранительниц мертвых (Arnal 1976; Guilaine 1990 и др.).

Для решения вопроса о предпочтительности той или другой из этих интерпретаций предлагаю включить в рассмотрение, помимо этих женских фигур и атрибутов, иные изображения, которые стабильно сопутствуют им, образуя вместе некоторый единый комплект. Такие фигуры есть: это изображения решетчатых конструкций. В Парижском бассейне они прочерчены углем или высечены на стенах камер и вестибюлей подземных каменных гробниц (гипогеев) (рис. 2: 3—5, 11, 13—15). В Германии (Шафштадт) подобная вертикальная решетка выгравирована на торсе стелы, изображающей женский персонаж (рис. 1: 5). Решетчатая конструкция более упрощенной схемы высечена на корпусе изваяния женского божества из Монферрана (Эро, Франция) (рис. 1: 6). На Западном Кавказе вертикальная решетка изображена на торсе женской фигуры в росписи гробницы Клады, к. 28 (рис. 1: 7), а также на фронтальной плите дольмена из Лазаревского (рис. 1: 4).

Связь женского персонажа с решетчатой фигурой представляется устойчивой. Что же изображали эти решетки?

Здесь важно отметить, что в мегалитическом искусстве Европы образы решеток представлены не только в сочетании с женскими атрибутами, но также и в иной по составу фигур композиционной схеме: это сцены, изображающие пары разнополых копытных животных, стоящих перед прямоугольными, в то числе решетчатыми, конструкциями и направленными к ним. В Испании — это композиция с двумя оленями на сосуде из Лос-Мильярес (рис. 3: 2), в Германии — гравировки пар букраний на плите в гробнице Варбург I (рис. 3: 1). Композиционно идентичными этим изображениям являются сцены, состоящие из пар разнополых копытных, так же, как и в вышеуказанных случаях, обращенных к конструкциям квадратной формы (здесь без решетчатого заполнения), выгравированные на энеолитических антропоморфных стелах из Северного Причерноморья (рис. 3: 4, 5). Вариантом этого сюжета я считаю серию сходных изображений на оленных камнях Южной Сибири и Монголии, несмотря на то, что эти памятники значительно удалены по времени и территории распространения от рассма-

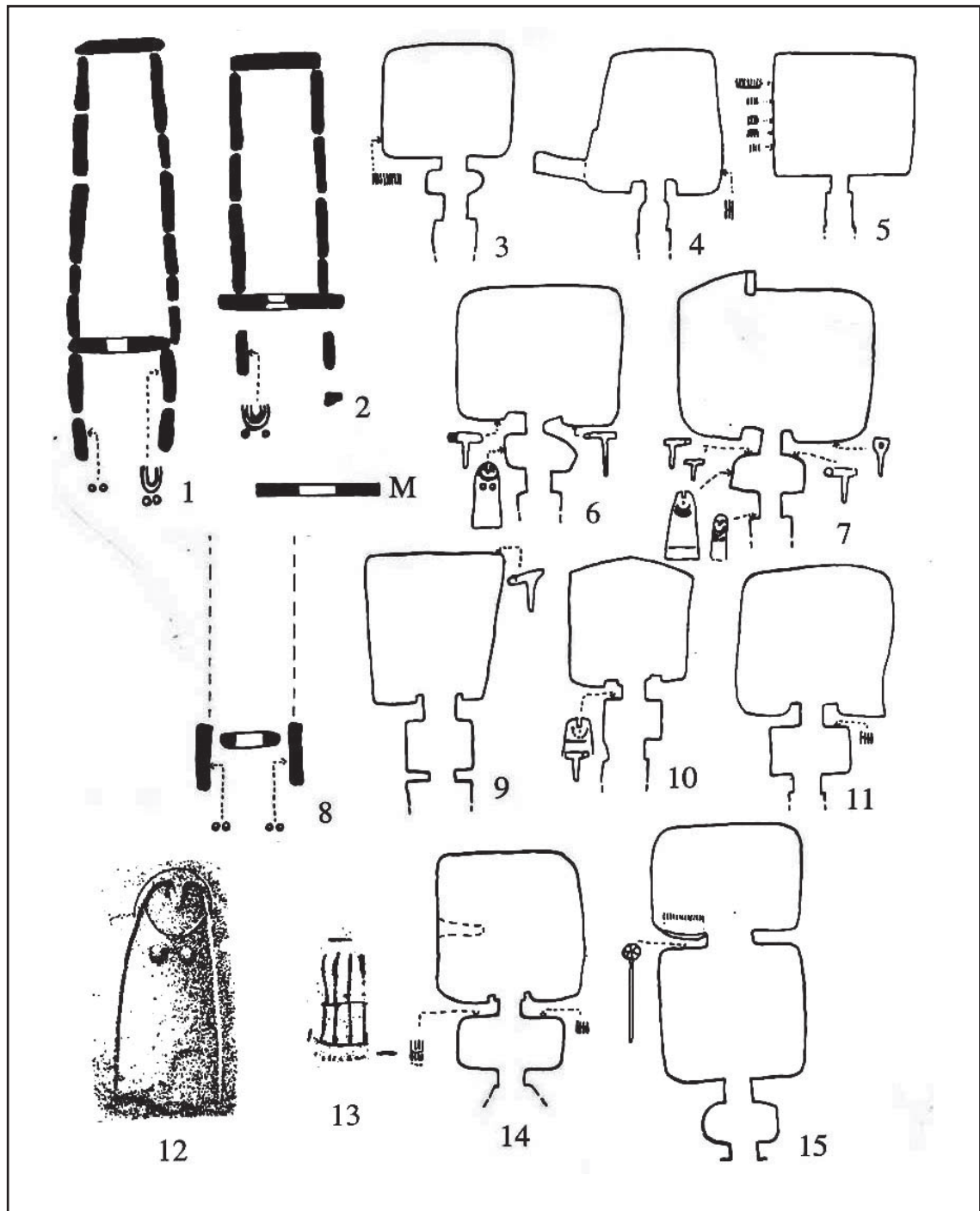

Рис. 1. Изображение женских фигур, атрибутов и решетчатых конструкций в искусстве Европы (5, 6) и Кавказа: 1 — дольмен № 9 у с. Анастасиевка; 2 — дольмен у аула Большое Псеушко; 3 — дольмен у пос. Широкая Щель; 4 — дольмен у пос. Лазаревский; 5 — антропоморфная стела из Шафштадта (Германия); 6 — статуя-менгир из Монферрана (Эро, Франция); 7 — антропоморфная фигура из росписи в гробнице Клады, к. 28 у ст. Новосвободная; 8, 9 — навершия булавок из Луристана (1, 2, 4 — по Марковин 1978; 5 по Müller 1996; 6 — по Colomer et al. 1976; 7 — по Резепкин 1987; 8, 9 — по Антонова 1984).

триваемых здесь изобразительных схем. Это 5-угольные конструкции с решетчатым заполнением внутри (т. н. «щиты»), перед которыми изображены фигуры оленей, часто многочисленные, направленные к этим «щитам» (рис. 3: 3) (подробнее см.: Смирнов 2006).

Сюжетно точные аналогии этим сценам я считаю возможным видеть в ряде изо-

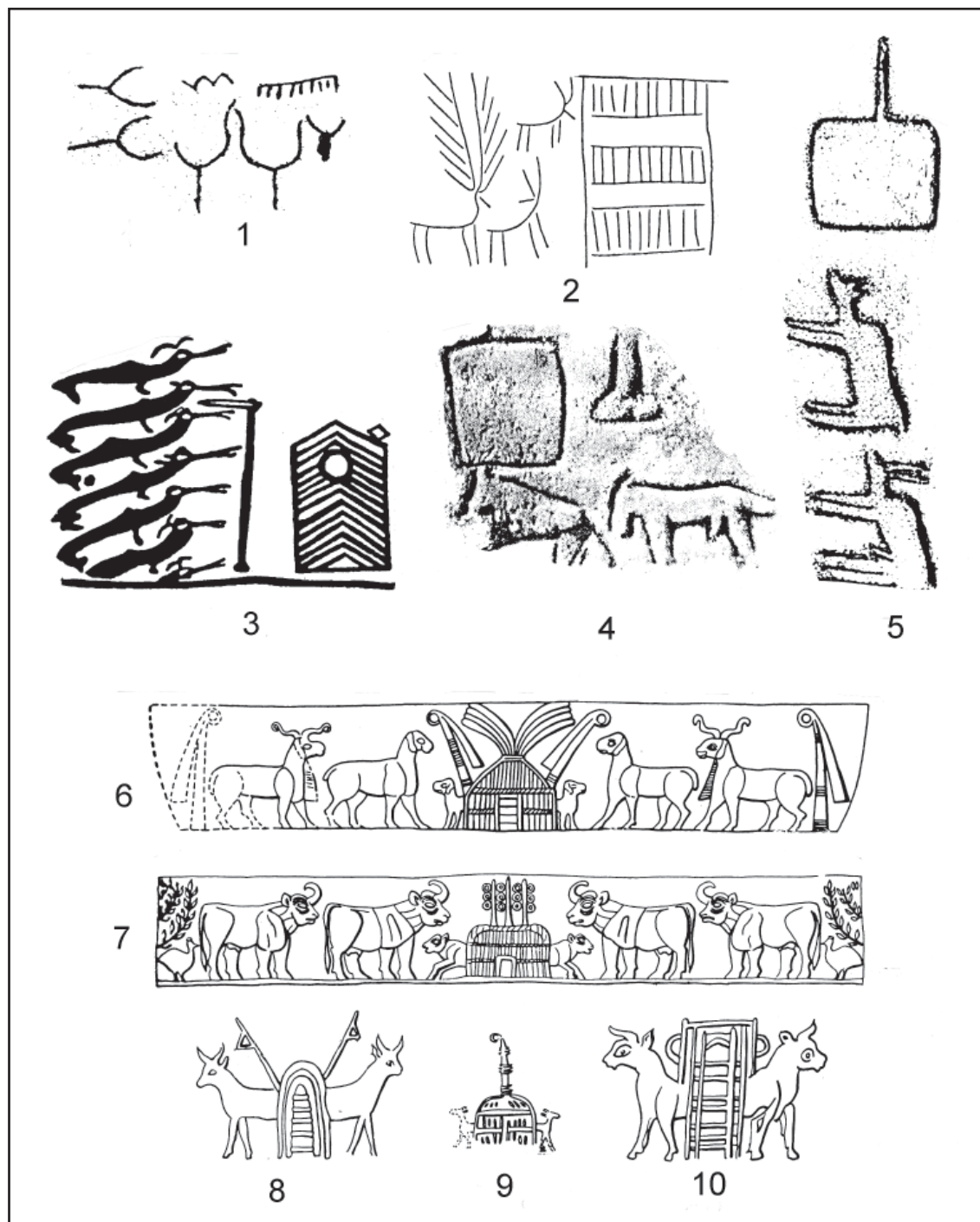
бражений в глиптике Месопотамии периода позднего Урука (например: рис. 3: 6, 7) (Смирнов 2000; 2001), где назначение подобных решетчатых сооружений в свое время было подробно исследовано П. Делугасом. В изначальной функции — это тростниковые (и потому решетчатые по своей структуре) хижины в загонах для скота, предназначен-

Рис. 2. Изображения женских фигур, атрибутов и решетчатых конструкций в гробницах Парижского бассейна (Франция): 1, 2, 8 — галерейные гробницы; 3—7, 9—15 — гипогеи (1—11, 14, 15 — по Bailloud 1974; 12, 13 — по Müller-Karpe 1974).

ные для окота/отела животных (Delougaz 1968). В сакральном плане эти хижины представляли собой храмы богини Нинтур, «матери и родительницы», божества процесса рождения: «дающей толчок родам». Поэтому в составе ее определений необходимо присутствует «uterus»: она — «Владычица матки». Эта же характеристика относится и к ее храму — сооружению для окота/отела ско-

та: шумерское название для uterus имеет значение «внутренность загона», метафорически — это «овчарня..., где рождают телят и ягнят» (Якобсен 1995: 124—125). Эта тростниковая хижина неизменно изображена в процессе рождения ею (показанного как появление из нее) новорожденного животного, т. е., овчарня «заменяет здесь ... мать (матку)» и таким образом неодушевленная хи-

Рис. 3. Изображения сюжета «хлев (решетчатая конструкция, тростниковая хижина-храм) и животные» в европейском мегалитическом искусстве (1, 2, 4, 5), искусстве Месопотамии (6—10) и Южной Сибири (3): 1 — изображение на плите гробницы Варбург I (Германия); 2 — изображение на сосуде из Лос-Мильярес (Испания); 3 — изображение на оленем камне из Кош-Пей (Тува); 4 — изображение на антропоморфной стеле из Керносовки (Северное Причерноморье); 5 — изображение на антропоморфной стеле из Верхоречья (Крым); 6 — изображение на каменном желобе из Урука (?); 7 — изображение на вазе из Хафадже; 8 — оттиск печати из Ура (фрагмент); 9 — оттиск печати (фрагмент); 10 — оттиск печати (фрагмент) (1 — по Günther 1996; 2 — по Leisner, Leisner 1943; 3 — по Килуновская, Семёнов 1998; 4 — по Крылова 1976; 5 — по Telegin, Mallory 1994; 6—10 по Delougaz 1968).

жина здесь может заменять живое животное, что — как указывается — вполне в характере искусства Месопотамии, поскольку данная сцена носит исключительно сакральный ха-

актер, где эти тростниковые постройки являются в то же время храмовыми сооружениями (Delougaz 1968: 195, 197) (варианты их изображений показаны: рис. 3: 8, 10). Напомним

здесь, что фигуры телят также представлены в композициях с решетками и парами взрослых животных из вышеуказанных памятников в Германии и Испании (рис. 3: 1, 2).

То, что решетки в сюжетах с парами животных соответствуют по смыслу (т. е., как «хижины для рождений», uterus) решеткам в их сочетаниях с женскими персонажами, видимо, доказывается тем фактом, что в росписи одной из гробниц Западного Кавказа (Клады, к. 28) (рис. 1: 7) подобная конструкция изображена на торсе антропоморфной фигуры, представленной в канонической позе «рожающей богини», аналогии которой (в том числе с изображением появляющегося из ее лоно новорожденного) достаточно хорошо известны в искусстве Древнего Востока (например, рис. 1: 8, 9).

Таким образом, можно заключить, что смыслом изображения знаковых признаков — женских атрибутов (грудь) и решетки на некоторых дольменах Западного Кавказа (как и фигуры богини в сочетании с решеткой в росписи гробницы в Кладах), является демонстрация концептуальной характеристики этих погребальных сооружений: обеспечения процесса рождения, воспроизводства потомства, т. е., функции, идентичной uterus. Тем самым мы переводим понимание этих памятников из реалии сооружений, связанных исключительно с практикой смерти, в реалии, связанные с практикой процесса рождения, осуществлявшейся в том же дольменном комплексе.

В качестве одного из выводов из вышесказанного, именно со стремлением передать *плетневую* структуру — необходимый атрибут этих «хижин для рождения» — я предлагаю связывать известные примеры орнаментации передних плит дольменов рядами горизонтальных каннелюров (например, дольмен на р. Ачибс в Геленджикском р-не и др.) (Дмитриев 2001: рис. 31).

Если все это так, то процесс реализации дольменом функции механизма рождения, т. е. выхода/появления из него вовне потомства, логически должен был сопровождаться освобождением его от останков погребенного, удалением их из камеры сооружения. Это — взаимосвязанный процесс, поскольку, как механизм воспроизводства жизни, субститут живого организма, дольмен, по аналогии с состоянием живого существа в периоды, не связанные с циклом деторождения — его запуском и функционированием, — должен был стоять пустым, т. е. освобожденным от функциональной нагрузки, очищенным от содержимого. В мифологическом плане это относится к восприятию рождения и смерти

как некоего единства: выход на свет одного (акт рождения) неразрывно связан с удалением другого (смерть). Отсюда следует, что конечный итог — прекращение использования дольмена — это пустой дольмен, а не заполненный.

Куда же, в таком случае, девались останки погребенных? Здесь, возможно, стоит принимать во внимание, что многие дольмены воздвигались неподалеку от водных потоков. О том, что дольмены концептуально вообще связаны с водой, предположительно свидетельствуют зигзагообразные линии, выгравированные на плитах некоторых из них, которые трактуются как символы воды: «Зигзагами могли символически изображать воду. Таким графически лаконичным способом с древнейших времен по всему Востоку изображали влагу и даже змей...» (Марковин 1978: 216). Обычай использования водных потоков как средств транспортировки умерших в другой мир, в т. ч. уже после совершения погребального обряда, были известны как в древности, так и в этнографическом прошлом. Здесь можно привести в качестве примеров потопление чучел Костромы и др. в русской календарной обрядности или индуистскую традицию опускать пепел от сожжения умерших в Ганг.

Можно также предполагать, что существовало и некое зримое свидетельство осуществления акта рождения — живое существо или его символ, — которое появлялось/выносилось из входного отверстия сооружения, демонстрировалось членам сообщества, делая тем самым весь процесс легитимным и свершившимся. Но об этом позже.

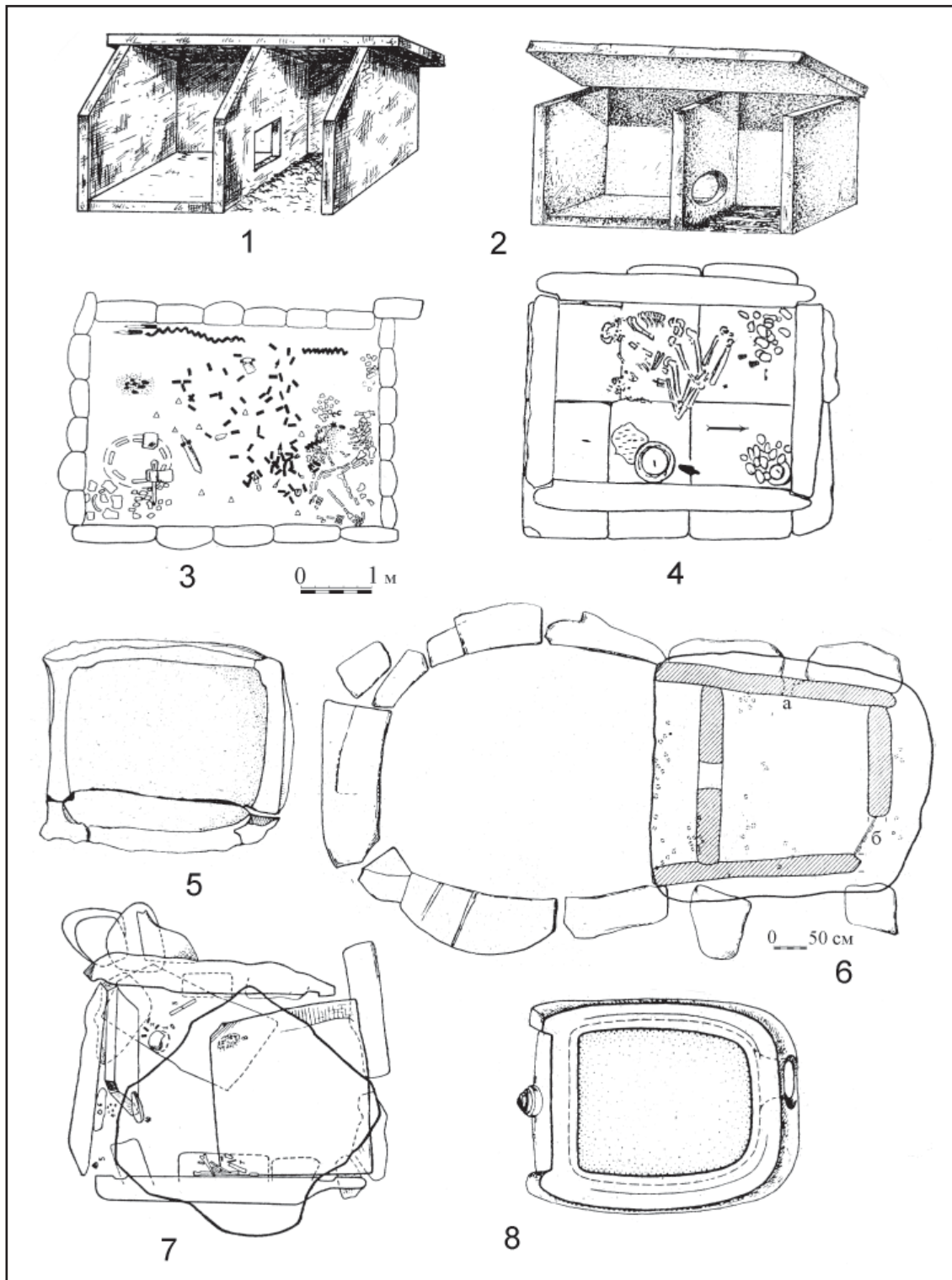
Таким образом, мы полагаем, что при изучении феномена дольмена мы сталкиваемся с фрагментами отраженной в искусстве, архитектуре и погребальной практике этих комплексов целостной религиозной доктрины, включавшей в себя идею смерти — погребальную концепцию, — реализовавшуюся в соответствующей практике, и неотъемлемо связанную с ней идею рождения — храмовую концепцию, — так же воспроизводившуюся в практике использования дольменов. При этом связь этих двух функций — смерти и рождения — носила, по-видимому, причинно-следственный характер, то есть, смерть выступала как необходимое условие создания новой жизни.

В западнокавказском ареале известен ряд погребальных комплексов, которые всё же не вписываются в предлагаемую здесь концепцию дольменов. Это гробницы в курганах у ст. Новосвободной (всего 5). По своей ар-

№2. 2010

хитектуре они относятся к мегалитическим сооружениям: состоят из камеры, отделенной от притвора поперечной плитой с отверстием-лазом, закрытым пробкой (рис. 4: 1, 2). Такая

типичная для мегалитов конструкция — с учетом ее деталей — позволяла исследователям относить их либо к категории дольменов (новосвободненского облика) (Марковин 1997:

Рис. 4. «Глухие» мегалитические (1, 2, 5—8) и ящичные (3, 4) погребальные сооружения Северного Кавказа: 1, 2 — гробницы в курганах 1 и 2 у ст. Новосвободная; 3 — ящичная гробница в кургане в г. Нальчик; 4 — ящичная гробница в кургане 1 у с. Кишпек; 5 — дольмен 52, р. Кизинка; 6 — дольмен в пос. Джубга; 7 — дольмен 215, р. Кизинка; 8 — дольмен 4 у аула Красноалександровский II (1, 2 — по Попова 1963; 3 — по Чеченов 1970; 4 — по Чеченов 1984; 5, 6, 8 — по Марковин 1978; 7 — по Марковин 1997).

392), либо рассматривать как типологически иные сооружения, связанные происхождением уже не с дольменами Кавказа, а с галерейными гробницами Центральной Европы (Резепкин 1989: 16).

Однако эти мегалиты, в отличие от большинства кавказских дольменов, не были пустыми: наоборот, во всех них обнаружены погребения, причем с богатым инвентарем, то есть в них было что грабить! Тогда почему же погребальная доктрина, реконструируемая в этой статье для дольменов Кавказа, оказалась совершенно недейственной для этих сходных по архитектуре гробниц, обнаруживаемых в тех же курганах и близких по времени их строительства к дольменным памятникам?

Как я полагаю, главная причина этого различия заключается в качестве, которое присуще большинству дольменов и которое отсутствует у новосвободненских гробниц — это доступность этих (т. е. дольменных) монументов, открытость их погребальных камер для доступа извне. Это структурная особенность дольменов часто отмечалась исследователями, но все попытки объяснения этому ограничивались лишь предположениями без соответствующей аргументации. Действительно, насыпями покрывались все части сооружений, кроме входных: порталы, фасадные плиты с отверстиями и дворики перед ними оставались незасыпанными. Причем открытый извне и даже специально устроенный проход (или дворик) к погребальным камерам — это особенность, характерная не только для кавказских дольменов, это обязательная часть архитектуры и европейских мегалитов: коридорных и галерейных гробниц. Камеры этих сооружений, расположенные под насыпями, соединялись с дневной поверхностью крытыми проходами. То есть, когда мегалит полностью засыпался, всегда сохранялась возможность доступа в него извне. Такое качество конструкции признавалось, очевидно, важным, поскольку на сооружение этих проходов, временами очень длинных, иногда покрытых сложным врезным орнаментом (Gavrinis, New Grange), затрачивалось зачастую гораздо больше усилий и строительного материала, чем на возведение самих погребальных камер. Здесь также важно отметить свойство, общее для европейских мегалитов и для дольменов Кавказа: доступ к погребальным камерам и при перемещениях людей, и при транспортировке умерших осуществлялся в горизонтальной плоскости.

В отличие от всех мегалитических конструкций Кавказа и Европы, рассматриваемые

новосвободненские гробницы представляют собой замкнутые по периметру стен («глухие») сооружения. Передние помещения этих монументов (передняя камера/притвор), расположенные перед перегородками с отверстием-лазом, во всех них были закрыты от доступа извне торцовыми плитами, одной или несколькими. Но в таком случае теряло всякий смысл назначение этих отверстий в этих перегородах. В самом деле, если необходимость лазов у всех прочих мегалитов была обусловлена функцией этих сооружений как многоцветных или многократно посещаемых, со свободным доступом внутрь, то замкнутая, лишенная входа в горизонтальной плоскости конструкция гробниц Новосвободной превращала их в одноразовые сооружения, т. е. предназначенные для захоронения только один раз. Тем самым им придавалось качество ящичного погребального сооружения, к тому же транспортировка умершего внутрь для захоронения происходила здесь уже не горизонтально, а вертикально, сверху вниз, как и при погребениях в каменных ящиках. Как и ящичные конструкции, новосвободненские гробницы полностью перекрывались насыпями без оставления проходов для доступа внутрь камер.

Таким образом, гробницы Новосвободной представляют собой сочетание двух типов погребальной архитектуры: мегалитической (т. е. с проходом и лазом) и ящичной (т. е. замкнутой по периметру стен). С чем может быть связана такая трансформация несомненно более сложной мегалитической структуры в более простую конструкцию, с деталями, присущими ящичным сооружениям, которая к тому же — в отличие от классических мегалитов — связана с погребальной исключительно функцией?

Это можно объяснить тем, что на Западном Кавказе пришедшая среда строителей мегалитов встретила с уже существовавшей здесь традицией захоронений в каменных ящиках и, соответственно, с совершенно другой религиозной парадигмой погребений в них. В таком случае, известные ящичные каменные гробницы в Нальчике (рис. 4: 3) и у с. Кишпек (рис. 4: 4) с богатыми захоронениями могут с большим правом именоваться настоящими погребальными сооружениями памятников новосвободненского типа. При этом в концепции захоронений в гробницах у ст. Новосвободной, сочетающих в себе признаки и мегалитических, и ящичных конструкций, доминантой следует признать идею погребения именно как в каменном ящике, а не в мегалите, т. к. эти гробницы лишены

№2. 2010

доступа внутрь — он лишь формально существует в виде отверстий, предкамер/притворов, но наглухо закрыт, — и они полностью перекрыты насыпями без конструкций, соединяющих их с внекурганым пространством.

Поэтому гробницы у ст. Новосвободной можно считать мегалитическими лишь достаточно формально. Возможно, терминологически оправданно было бы ввести предварительно особый термин для обозначения таких памятников в кавказском регионе, например, «глухие» мегалиты. При этом влияние мегалитической архитектуры при строительстве погребальных сооружений в среде памятников новосвободненского типа проявлялось различно в зависимости от удалённости от области распространения мегалитов Западного Кавказа. Так, например, ящичная гробница у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии была построена лишь только с некоторыми элементами строительной техники мегалитов — использованием пазов при стыковке стен (рис. 4: 4).

Ряд модификаций в классической архитектуре дольменов Западного Кавказа также относится к опытам по созданию закрытых по периметру, «глухих» конструкций, т.е. устранивающих доступ к погребальной камере и, по сути, ориентированных на ящичный способ захоронения в качестве модели.

Так, сюда следует отнести известный дольмен в пос. Джубга с «глухим», т.е. замкнутым по периметру двориком со стенами, сложенными из блоков (рис. 4: 6). По сути, он воспроизводит структуру гробниц у ст. Новосвободной: он также имеет отверстие в фасадной плите и закрытое от доступа извне предкамерное помещение — дворик. Судя по конструкции сохранившейся насыпи, он засыпался сверху со всех сторон (Трифонов 2009: 155), как и гробницы Новосвободной, т.е. без оставления доступа. Возможно, что по аналогии с этими конструкциями дворик дольмена в Джубге также имел в древности перекрытие из каменных плит.

К замкнутым, «глухим» мегалитам следует отнести и дольмены без лаза: плиточные (например, дольмен 215 на р. Кизинка, рис. 4: 7) и корытообразные (например, дольмен 52 на р. Кизинка, рис. 4: 5). Все эти сооружения, несмотря на отсутствие такого существенного атрибута, как отверстие, обладают всеми другими признаками дольменных конструкций. Это наличие пазов и трапезиевидность конструкции у дольмена 215; корытообразная форма и порталные выступы у дольмена 52. Входное отверстие, которое практически утратило свое функциональное назначение еще в гробницах Новосвободной и дольменах типа возведенного

в Джубге, перестало вообще прорезаться в фасадах подобных дольменов (без лаза), видимо, вследствие полного отсутствия необходимости в нем. Эти сооружения с эволюционной точки зрения можно рассматривать как конечный этап деградации мегалитической архитектуры в собственно мегалитической среде Западного Кавказа со всё большим преобладанием в ней элементов ящичного устройства у данных конструкций.

В этом плане среднюю позицию между гробницами ст. Новосвободной и дольменами без лаза занимают корытообразные ложнопортальные дольмены (четвертый вариант корытообразных дольменов по В. И. Марковину: Марковин 1994: 240). «Главная их особенность заключается в том, что в порталной части при отсутствии отверстия, ведущего в камеру, оно имитируется как бы плотно закрытое втулкой, т.е. на месте лаза сделана выпуклость, напоминающая «шляпку» втулки. ... Однако в камеру всё же сделан вход, но он пробит в задней или боковой стене» (Марковин 1978: 171) (рис. 4: 8). Таким образом, отверстие, уже полностью утраченное у дольменов без лаза, еще имитируется на фасадах ложнопортальных сооружений, но носит уже исключительно декоративный характер. Транспортировка умершего внутрь камеры происходила через отверстие в противоположной части конструкции, но это фиксирует уже иную ситуацию погребения, чем в большинстве дольменов с отверстием. Как указывает В. И. Марковин, «В отличие от основной массы дольменов всех типов ложнопортальные памятники обращены настоящими отверстиями не вниз по склону, а, наоборот, выходят к возвышенной части рельефа. ... Возможно забрасывали их землей и камнями» (Марковин 1978: 175). Таким образом, дольмены этого типа фактически были лишены открытого доступа внутрь, хотя фасадные части с имитациями втулок и дворики перед ними не засыпались. Эти сооружения конструктивно предназначались для одноразовых захоронений, поскольку после завершения погребения все части дольмена, кроме фасадной, перекрывались насыпью, в т.ч. и настоящее отверстие. Учитывая к тому же обычное низкое расположение лаза в стене, добираться до него с какой-либо регулярностью было бы трудоемким занятием. Принимая во внимание все эти модификации стандартной дольменной архитектуры, полагаю, что эти сооружения также следует относить к особой категории замкнутых («глухих») мегалитов.

Все эти погребальные сооружения, сочетающие в своей архитектуре конструктивные

особенности как мегалитов, так и каменных ящиков, не вписываются в предлагаемую в данной статье концепцию пустого дольмена, поскольку погребальная парадигма этих монументов не мегалитическая, свойственная подавляющему большинству дольменов, а соответствующая захоронениям в ящиках, не предназначенных для многоразового использования. Как и собственно каменные ящики, эти «глухие» мегалиты представляли собой, по сути, лишь погребальные контейнеры, концепция захоронений в которых была исключительно погребальной; так же, как и у ящичных конструкций, у них отсутствовала храмовая функция. Пустота именно таких дольменов является результатом разграбления так же, как и взломанных и разрушенных погребений в обычных ящиках.

Я полагаю, что предлагаемой в настоящей статье погребально-храмовой модели дольмена не противоречат и факты находок костей нескольких или более многочисленных погребенных, фиксируемые для позднейших дольменов (на последнее указывал, как отмечалось выше, В. И. Марковин). Они могут быть связаны с использованием этих поздних монументов — как и принципиально возможные случаи вторичного переиспользования более ранних сооружений — уже в ином, исключительно погребальном качестве, по сути, подобно обычным каменным склепам, т. е., когда первоначальная храмовая функция дольменных конструкций была уже утрачена в религиозной концепции этой категории памятников либо потеряла свою актуальность.

В связи с темой работы интерес вызывают те историко-культурные параллели, которые могли бы послужить обоснованием, хотя бы и косвенным, реальности существования предлагаемой здесь концепции дольмена, связанной со смертью и рождением.

Представление о том, что смерть тесно связана с рождением и одно из них — смерть — является необходимым условием второго — рождения — являлось достаточно нередким в мировоззрениях древних и традиционных этнографических обществ. «Здесь мы обнаруживаем глубочайшую интуицию, которая для современной мысли кажется крайне странной, в то время как для ранних народов она была... естественной. И у многих так называемых примитивных народов она до сих пор составляет основу важнейших обычаев и мифов. Суть этой интуиции состоит в том, что зарождение и плодородие... неразрывно связано со смертью. Без смерти не бывает порождения. ...В самом рождении, в самом акте порождения есть действие смерти. Она в основе всякой но-

вой жизни» (Отто 2000: 260). В рамках этой архетипической идеи реконструируемая нами религиозная доктрина дольменов обнаруживает, как мы полагаем, в историческую эпоху существенное сходство по своим основным компонентам, в частности, с мифологическим и культовым комплексом Элевсинских мистерий.

Как известно, элевсинский культ, зарождение которого относится предположительно к середине II тыс. до н.э., существовал в течение около двух тысячелетий (Кереньи 2000: 41, 43) и был связан с мифом о Деметре и Персефоне (Коре). Мистерии проводились ежегодно в храмовом комплексе, посвященном обеим богиням в Элевсине у Афин.

Центральное место в культе отводилось зерну: «Ничто в Элевсинских мистериях не было таким поразительным, как благоговение посвященных перед даром Деметры — зерном» (Кереньи 2000: 124). Кульминация обряда состояла в демонстрации посвященным жрецом-иерофантом пшеничного колоса, «самого совершенного мистериона Элевсина» (ibid. 124), т. е. мистерии были связаны с даром Деметры — зерном. При этом главным в культе было воспроизведение смерти и рождения зерна, смерти как необходимого условия рождения колоса: «Всякий раз, когда она (Персефона) поднимается вновь из царства мертвых, всходит и зерно. ...И мисты становятся очевидцами этого события, которое совершается не как игра, а как божественное присутствие, как осуществленный миф. ...И для каждого человека, когда наступает момент его смерти, — это страшное празднество смерти, с которым так часто сравнивались Элевсинские мистерии, — ее присутствие становится явью» (Отто 2000: 272).

«Без смерти не может быть жизни, без увядания нет плодородия» — отмечает В. Отто в связи с элевсинским культом (Отто 2000: 271). Подобная же идея хорошо известна христианским источникам, где утверждается ее истинность. «По этому поводу совершенно естественно вспомнить слова из Благовествования св. Иоанна (12:24): “Истинно, истинно говорю я вам: если пшеничное зерно, падши в землю не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода”. ...У св. Павла мы читаем (1 Кор., 15: 35—38): “Безрассудный! То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет...”» (Кереньи 2000: 124).

Но точно так же и мисты, т. е. прошедшие посвящение через участие в мистериях, получали тем самым «надежду на вечную жизнь после смерти», как писал в своем панегирике Афинам оратор из Аттики Исократ (цит. по:

№2. 2010

Кереньи 2000: 40). Софокл в одной из своих трагедий «затрагивает конец жизни, весь характер которого зависит от участия или неучастия в мистериях: «Трижды благословенны те из людей, кто после созерцания этих обрядов отправляются вниз к Аиду. Только для них там продолжается жизнь; всех остальных ждет горькая участь». «Цицерон... приписывает огромное значение сиянию, отбрасываемому Элевсином на всю жизнь. Он пишет: “(Мы) научились ... умирать с надеждой на лучшее” (цит. по: Кереньи 2000: 40). К. Кереньи заключает: «Участие в мистериях гарантировало жизнь без страха смерти, уверенность перед лицом смерти...», это была потребность защиты от смерти. ...Таким образом, ...мистерии имели фундаментальное значение для общества, для существования в целом»; при этом, что представляется нам существенным, он подчеркивает, что «элевсинские боги должны быть отнесены к архетипическим образам» (Кереньи 2000: 7, 40).

Я полагаю, что такие составляющие концепции Элевсинских мистерий, как: женское божество с его главным предназначением — обеспечением плодородия, новой жизни — и осуществлением этой функции в культе; смерть (спуск Персефоны в Аид) как необходимое условие рождения; мир мертвых в качестве локуса, где осуществлялся процесс зарождения новой жизни; и, наконец, храм, соединяющий все это в единое целое, и куда из мира мертвых приходит новая жизнь, символизируемая зерном, — весь этот комплекс находит аналогии в реконструируемой в настоящей статье погребальной концепции дольменных сооружений.

Эта же идея — «без смерти не может быть жизни» — хорошо известна по этнографическим материалам. «Образ рождающей смерти, рождающей старости был популярен в народной карнавальной культуре» (Поньрко 1984: 165). В славянском фольклоре образ зерна так же, как и в вышеприведенных примерах, использовался в качестве символа новой жизни. «Зерно — старинный символ воскресения через умирание. ...Известна народная загадка: “Покойник, покойник, умер во вторник, пришел поп кадить, а он в окошко глядит”. Отгадка — хлебное зерно» (Поньрко 1984: 167).

В традиционной культуре многих славянских этносов образ смерти был тесно связан со свадебной и эротической символикой, направленных на ее преодоление. Так, в ряде песен южных и восточных славян об умирающем на чужбине герое «умирающий просит сообщить матери о его смерти обязательно иносказательно — сказать, что он на чужой

стороне женился. ...Невеста — земля... достаточно ясно говорит, о какой женитьбе идет речь. В некоторых же украинских песнях героиней прямо говорит, что взял себе в жены могилу: “А взяв себе за женочку/В середь поля могилочку”» (Соколова 1977: 189—190).

«Связь представлений смерть — свадьба отчетливо выражается и в обряде, особенно в обряде похорон девушек. Умершую девушку одевали как невесту, ее провожали подруги (как и к венцу); ...В ряде русских областей и замужних женщин хоронили в подвенечном наряде, специально сохранявшемся до смерти, для умерших же девушек такой наряд был обязательен повсеместно» (Соколова 1977: 194—195).

Особый интерес в связи с темой статьи представляют несколько «святочных игр, практикуемых почти повсюду» (Максимов 1986: 249) в России и связанных со смертью и ее преодолением. Этот интерес обусловлен тем, что, как я полагаю, в них сохранились отголоски реалий древних погребальных обрядов. Речь идет об игре в покойника и игре в кузнеца в том виде, как они были описаны в начале прошлого века С.В. Максимовым.

Игра в покойника: «Состоит она в том, что ребята уговаривают... парня или мужика... быть покойником, потом наряжают его во все белое... и кладут на скамейку или в гроб... Гроб с покойником... ставят среди избы, и начинается кощунственное отпевание. ...По окончании отпевания девок заставляют прощаться с покойником и насильственно принуждают их целовать его. ...Кончается игра тем, что часть парней уносит покойника хоронить...» (Максимов 1986: 251).

Игра же в кузнеца заключалась в том, что «в избу вваливается толпа парней... с подвешенными седьми бородами. Впереди всех выступает... кузнец. Из одежды на нем только портки. ...В руках у кузнеца большой деревянный молот. За кузнецом вносят... скамейку, покрытую... пологом, под которым спрятано человек пять, шесть ребятешек. Кузнец... хвастает, ... что умеет “старых на молодых переделывать”. ...приказывает одному из ряженых стариков: “Ну-ка ты, старый черт, полезай под наковальню, я тебя перекую”. Старик прячется под пологом, а кузнец бьет молотком по скамейке, и из-под полога выскакивает подросток. Интерес игры состоит в том, чтобы при каждом ударе у кузнеца сваливались портки и он оставался совершенно обнаженным» (Максимов 1986: 250).

При единой тематике — связи смерти с эротикой — эти игры выглядят очень разными и не сводимыми по своему происхождению к одному источнику.

Так, игра в покойника характеризуется минимальной символической нагрузкой: игра предельно натуралистична. Действительно, сценарий не предусматривает участия символических персонажей: все роли выполняются реальными людьми, что было особо подчеркнуто Л. С. Клейном: «Суть игры с умруном состоит не в приобщении к смерти, а наоборот — в оживлении. Именно с этим связано то, что покойника изображает не кукла (чучело, идол), а живой человек...» (Клейн 2004: 361). Сексуальные отношения между «покойником» и незамужними женщинами здесь не символические, а, по сути, вполне реальные: «девок ... насильно принуждают... целовать его». «Во многих случаях покойник, покрытый покрывалом, изначально положен голым. ...Особо отмечается обнаженность половых органов. ...Общая разнузданность святочных игр, их сугубая эротичность, очевидная даже в... описаниях начала XX века (а там ведь оговорено, что “мы должны были опустить наиболее циничные пассажи”. — Максимов 1903: 310), заставляет подозревать, что поцелуями дело не ограничивалось даже в недавнее время, не говоря уже о языческом прошлом» (Клейн 2004: 368).

Последовательный натурализм, реализм сценического действия, минимальность метафоры в нем проявлялись и в том, что и конечный результат воспроизводимого coitus никак не обозначен в игре, не закреплен в виде какого-либо конкретного символа нового рождения: «покойника», как и в реальной жизни, просто уносили хоронить и затем справляли поминки. Миф здесь присутствует, но не в сценическом воспроизведении, он здесь никак не проиллюстрирован. Все это наводит на мысль, что эта игра представляет собой, в сущности, реалистическую по содержанию копию, слепок погребального обряда, реально существовавшего в древности, т. е. действия в них происходили по одному и тому же сценарию.

Начнем с наиболее древних свидетельств такой обрядности: «У индоариев были богато разработанные представления о возрождении покойника для новой жизни..., и этому был подчинен индийский погребальный ритуал *шраддха*. Предусматривалось будущее рождение покойника для новой жизни, которое должно быть обеспечено в ритуале реальным сношением покойного с супругой и зачатием нового тела ... В предвидении близкой смерти сношение совершалось загодя (обряд *адья-шраддха*). Если этого не удалось совершить заблаговременно, супругу убивали и клали оба трупа в могилу в позе сношения» (Клейн 2004: 377).

Этот индоевропейский по своему происхождению погребальный обряд известен впоследствии по письменным источникам и у языческих славян: «У русов Ибн-Фадлана жену заменяла наложница, а покойника — участники похорон, причем каждый приговаривал: “Делаю это за господина”» (Клейн 2004: 377).

Итак, если игра в покойника воспроизводит реальный обряд похорон языческих славян и вместе с ним — более широко — имеет индоевропейские корни, тогда чью погребальную обрядность моделирует игра в кузнеца: ведь здесь тоже есть и «покойники», и комплекс действий, направленных на их новое рождение? То есть, здесь в основе тоже похороны реальных людей. Есть ли для нее прототипы в древности?

Рассмотрим эту игру подробнее. Прежде всего обращает на себя внимание ее полная непохожесть на игру в покойника. Эту игру, помимо различий в сюжете, отличает прежде всего и метафорическая насыщенность сюжета, обилие используемой символики.

Если в игре в покойника главным персонажем был сам «покойник», то теперь его место занимает некий кузнец, который выступает в сценическом действии в двух планах. С одной стороны, он действительно работает на «наковальне» и «отковывает» обычную утварь: «Кузнец... хвастает, что может сделать все, что угодно: замки, ножи, топоры, ухваты... Когда всех стариков перекуют на молодых, кузнец обращается к девушкам, спрашивая у каждой: “Тебе, красавица, что сковать? ...”. И каждая девица должна что-нибудь заказать» (Максимов 1986: 250). А с другой стороны, главным занятием кузнеца является оплодотворение «наковальни». Этот акт носит в данной игре уже не реальный, а символический характер, хотя удары молота сопровождаются реальным оголением кузнеца, что делало прозрачным смысл происходящего. Однако оплодотворение — это вовсе не сфера действия кузнечной профессии! Поэтому в такой роли кузнец являлся, по-видимому, лишь личиной, за которой скрыт другой персонаж, по происхождению более древний и более соответствующий воспроизводимой эротической ситуации.

Точно так же «наковальня», помимо своей роли имитации настоящей наковальни в работе кузнеца, выполняет в игре и иную, более сложную функцию, по своему характеру никак не связанную с первой и которая носит амбивалентный характер. С одной стороны, она вбирает в себя, погребает в себе стариков, откуда они уже не возвращаются, и таким образом выступает в роли погребального

№2. 2010

сооружения. С другой стороны, она исторгает из себя новорожденных, и тем самым выполняет функцию *uterus*. Т. е. теперь это уже вовсе не наковальня в обычном понимании этого слова! Кроме того, она включает в себя и качество некой полости (куда помещались старики, умершие, и где создавалось будущее потомство). Механизм действия такой «наковальни» приводился в движение ударами молота, имитировавшими зачатие. Причем важно отметить, что нахождение мертвых (стариков) и будущего потомства под «наковальней» было временным, т. е. в период, пока шел процесс «перековки», рождения. В остальное время «наковальня» была пустой до следующего зачатия, как и реальная *uterus* живого существа.

Нетрудно заметить, что образ «наковальни» в игре в кузнеца чрезвычайно близок к концепции дольмена, реконструируемой в настоящей статье. Она так же, как и дольмен, обладала качествами погребального сооружения и *uterus*, осуществления принципа «рождающей смерти». И дольмены Кавказа, и «наковальня» кузнеца, как и храмы богини Нинтур в Месопотамии, сочетали в себе свойства неживого объекта, сооружения со способностью живого существа к зачатию и рождению потомства. Как следствие этого, женские фигуры и атрибуты, высеченные на стенах кавказских и европейских мегалитов, можно трактовать не только как изображения конкретных богинь, но и как воплощение этого важного качества самих погребальных конструкций подобного рода. Молот кузнеца, оплодотворяющего в игре «наковальню», видимо, можно сопоставить с каменными втулками в отверстиях дольменов, на фаллический характер формы которых указывал В. И. Марковин (1978: 213). Пустота дольмена находит свое подобие в пустоте «наковальни» в периоды между «перековками» стариков и в ее пустоте как конечном состоянии после завершения «перековок». Такое количество совпадений в концептуальных характеристиках обоих сравниваемых объектов не может быть случайным. Продолжая аналогии с Элевсинскими мистериями и игрой в кузнеца, где принцип «рождающей смерти» воспроизведен во всей полноте, т. е. с демонстрацией зримых свидетельств новой жизни, можно предполагать, что и в погребальной

обрядности дольменов существовали символы — одушевленные или предметные — рождения новой жизни.

Как следствие, возникает вопрос происхождения игры в кузнеца. Если игра в покойника реально воспроизводила один из сюжетов языческого и индоевропейского погребального обряда и его концепцию возрождения, то игра в кузнеца, видимо, имеет уже иной, неиндоевропейский источник происхождения. Как указывалось выше, образ «наковальни» подразумевает существование у нее качества полового пространства, что связано с процессом оплодотворения, функциями погребальной камеры и *uterus*. Если попробовать найти предметное воплощение для этих характеристик, то речь, по-видимому, пойдет о погребальном сооружении, точнее, о мегалитической гробнице в той ее концепции, которая развивается в настоящей статье. Т. е. игра в кузнеца в славянской этнографии своим происхождением уходит в мир европейских мегалитов, ее сюжет заимствован отсюда.

Таким образом, реализация религиозной доктрины «рождающей смерти», которая предлагается в настоящей статье для объяснения погребального обряда в дольменах, происходила в древности и в историческое время иногда в чрезвычайно близких по содержанию сюжетах и, в то же время, в совершенно разных предметных формах конкретного воплощения. В результате концептуально едиными оказываются и дольмены Кавказа, и мистерии Элевсина, и одна из игрищ недавнего прошлого, разница лишь в том, что Элевсинские мистерии отодвинуты по времени от непосредственного акта смерти конкретного человека в отличие от индоарийского и дольменного ритуалов. В данной статье дольменная культура предстает как культура погребальных сооружений без собственно погребений в них. Погребальный обряд здесь можно разделить на два этапа. Первый, составляющий главную часть обряда — это период времени, в течение которого умерший находился в дольмене. Второй — это то, что можно предположительно назвать послеритуальной уборкой трупа, финальная фаза обращения с ним, которая могла сводиться, например, к отправке по воде или накапливанию в костехранилищах. Однако этот вопрос остается открытым.

Литература

- Антонова Е. В. 1984. *Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии*. Москва: Наука.
Дмитриев А. В. 2001. Каменные исполины Черноморья. В: Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). *Дольмены*.

- Современники древних цивилизаций*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 56—87.
Кереньи К. 2000. *Элевсин: архетипический образ матери и дочери*. Москва: Рефл-бук.

- Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А. Оленные камни Тувы. Ч. 1: Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности. *АВ* 5, 143—154.
- Клейн Л. С. 2004. *Воскресение Перуна: к реконструкции восточно-славянского язычества*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Кононенко Е. И. 1999. Сюжетно-композиционные схемы в глиптике Двуречья III тыс. до н.э. В: Алпаткина Т. Г. и др. (ред. совет). *Древние геммы и камни Востока*. ТД конференции, апрель 1999, Москва. Москва: ГМВ, 14—16.
- Крылова Л. П. 1976. Керносовский идол (стела). В: Березанская С. С. и др. (ред. колл.). *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев: Наукова думка, 36—46.
- Куликова О. П., Трифионов В. А. 2001. Как сохранить дольмены — культурное наследие древних народов Западного Кавказа. В: Пиотровский Ю. Ю. (ред.). *Дольмены. Современники древних цивилизаций*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 92—105.
- Максимов С. В. 1986. *Литературные путешествия*. Москва: Современник.
- Марковин В. И. 1978. *Дольмены Западного Кавказа*. Москва: Наука.
- Марковин В. И. 1994. Дольмены Западного Кавказа. В: Кушнарёва К. Х., Марковин В. И. (отв. ред.). *Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа*. Москва: Наука, 226—253.
- Марковин В. И. 1997. *Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья*. Москва: Институт археологии РАН.
- Отто В. Ф. 2000. Смысл Элевсинских мистерий. В: Кереньи К. *Элевсин: архетипический образ матери и дочери*. Москва: Рефл-бук, 251—274.
- Поньрко Н. В. 1984. Святочный и масленичный смех. В: Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. *Смех в Древней Руси*. Ленинград: Наука.
- Попова Т. Б. 1963. Дольмены станицы Новосвободной. ТГИМ XXXIV.
- Резепкин А. Д. 1987. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная. *КСИА* 192, 26—33.
- Резепкин А. Д. 1989. *Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам погребальных памятников новосвободненского типа)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Смирнов А. М. 2000. Сюжет «загон для скота и животные» на энеолитических стелах Причерноморья: вариант аналогий и интерпретации. *Stratum plus* (2), 571—583.
- Смирнов А. М. 2001. Изображения храмовых структур и сюжетов в европейском мегалитическом искусстве в IV—III тыс. до н.э.: опыт идентификации. В: Дэвлет М. А. (отв. ред.). *Мировоззрение древнего населения Евразии*. Москва: Старый сад, 60—89.
- Смирнов А. М. 2005. Некоторые данные к вопросу о специфике погребений в дольменах Западного Кавказа. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Четвёртая Кубанская археологическая конференция*. ТД. Краснодар, 267—269.
- Смирнов А. М. 2006. «Женское божество и храм» в искусстве монументальной скульптуры и архитектуры Европы в IV—III тыс. до н.э. *АВ* 13, 281—296.
- Смирнов А. М., Смирнов Н. А. 2004. Некоторые данные к обоснованию представления о дольмене как «uterus». В: *Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы*. ТД конференции 16—19 ноября 2004 г. Москва, 122—124.
- Соколова В. К. 1977. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы — смерти в славянском фольклоре). В: Путилов Б. Н. (отв. ред.). *Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами*. Ленинград: Наука.
- Трифонов В. А. 2001. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? В: Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). *Дольмены. Современники древних цивилизаций*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 20—55.
- Трифонов В. А. 2009. Дольмен в п. Джубга (предварительные результаты исследования). *Вестник РГНФ* 1 (54), 152—162.
- Чеченов И. М. 1970. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. *СА* (2), 110—124.
- Чеченов И. М. 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II. В: Марковин В. И. (отв. ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии*. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 164—253.
- Якобсен Т. 1995. *Сокровища тьмы. История месопотамской религии*. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Anati E. 1968. *Arte preistorica in Valtellina*. In: *Archivi di Arte Preistorica*. Capo di Ponte.
- Arnal J. 1976. *L'Art protohistorique: les statues-menhirs de France*. In: Guilaine J. (dir). *La Préhistoire française*. Т. II. Paris: C.N.R.S., 211—221.
- Bailloud G. 1974. *Le Néolithique dans le Bassin parisien*. Paris: C.N.R.S.
- Colomer et al. (Colomer A., Rudil J.-L., Guthertz X). 1975. *La Statue-menhir de Montferland (St.-Mathieu de Trévières, Hérault)*. *Bolletino del Centro Camuno di Studi Preistorici* XII, 117—121.
- Delougaz P. P. 1968. Animals Emerging from a Hut. *JNES* 27 (3), 184—197.
- Guilaine J. 1990. *La France d'avant la France*. Paris: Hachette.
- Günther K. 1996. *Galeriegräber, Stein- und Holzkammern*. *Archäologie in Deutschland* 3, 34—37.
- Leisner G., Leisner V. 1943. *Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel*. Erster Teil: der Süden. Berlin.
- Müller D. W. 1995. Die verzierten Menhirstelen und ein Plattenmenhir aus Mitteldeutschland. *Statue-stelle e massi incisi nell'Europa dell'età del rame*. *Notizie archeologiche bergomensi* 3. Bergamo: Comune di Bergamo, 295—304.
- Müller-Karpe H. 1974. *Handbuch der Vorgeschichte*. Kupferzeit, III. München.
- Telegin D. Ya., Mallory J. P. 1994. The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans. *Journal of Indo-European Studies Monograph* 11. Washington: The Institute for the Study of Man.

Статья поступила 3 марта 2010 г.

Alexandr Smirnov (Pushkin, St.-Petersburg, Russia). Candidate of historical sciences.

Alexandr Smirnov (Puşkin, S.-Petersburg, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice.

Смирнов Александр Михайлович (Пушкин, Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук.

E-mail: amsmirnov@mail.ru

Дискуссии

Discussions

Discuții

Е. Избицер

Колесница с тормозом, или реконструкции без тормозов

E. V. Izbitser.

The Chariot with the Brake, or Reconstructions off the Handle.

Excavated in 1976, the remains of a wagon from a catacomb grave of the Tyagunova Mogila kurgan have been reconstructed as a war chariot having a brake on its side. Several decades later, S. Zh. Pustovalov, the author of the reconstructions, continues to defend his view on the ancient vehicle from the steppes as being a war chariot and sees other instances of findings of the chariots in the catacomb graves of the 3rd millennium BC. However, the remains preserved in the Tyagunova Mogila grave were too insufficient to be a basis for the reconstruction of any vehicle, and the parallels intended to support the author's view turned out to be the misinterpreted images.

E. V. Izbitser.

Carul cu o frână, sau reconstrucții fără frâne.

În 1976, în mormântul în catacombele gorganului Tiagunova Moghila, au fost descoperite rămășițele unui car. Autorii descoperirii au interpretat acesta ca un car de luptă și au propus câteva variante de reconstrucție a aspectului exterior al acestuia. De mai multe decenii, S. J. Pustovalov, unul dintre autorii săpăturilor și reconstrucțiilor, continuă să dezvolte și să apere ideea existenței carelor de luptă în stepele din mileniul al III-lea î. Hr. La categoria carelor de luptă el atribuie și căruțe din alte morminte din catacombă. Cu toate acestea, starea proastă a lemnului din Tiagunova Moghila nu poate constitui o bază pentru reconstrucția oricărui vehicul, iar paralele, la care se referă autorul pentru reconstrucții, nu au nici o legătură cu construcția carului acesta.

E. B. Избицер.

Колесница с тормозом, или реконструкции без тормозов.

В 1976 г. в катакомбном погребении кургана Тягунова Могила были открыты остатки повозки. Авторы находки интерпретировали ее как боевую колесницу и предложили несколько вариантов реконструкции ее внешнего вида. На протяжении нескольких десятилетий С. Ж. Пустовалов, один из авторов раскопок и реконструкций, продолжает развивать и защищать идею существования боевых колесниц в степях 3 тыс. до н.э. К боевым колесницам он относит и повозки из других катакомбных погребений. Однако плохое состояние сохранившегося в Тягуновой Могиле дерева не может служить основанием для реконструкции какого-либо транспортного средства, а параллели, привлекаемые автором для реконструкций колесницы, отношения к конструкции рассматриваемой колесницы не имеют.

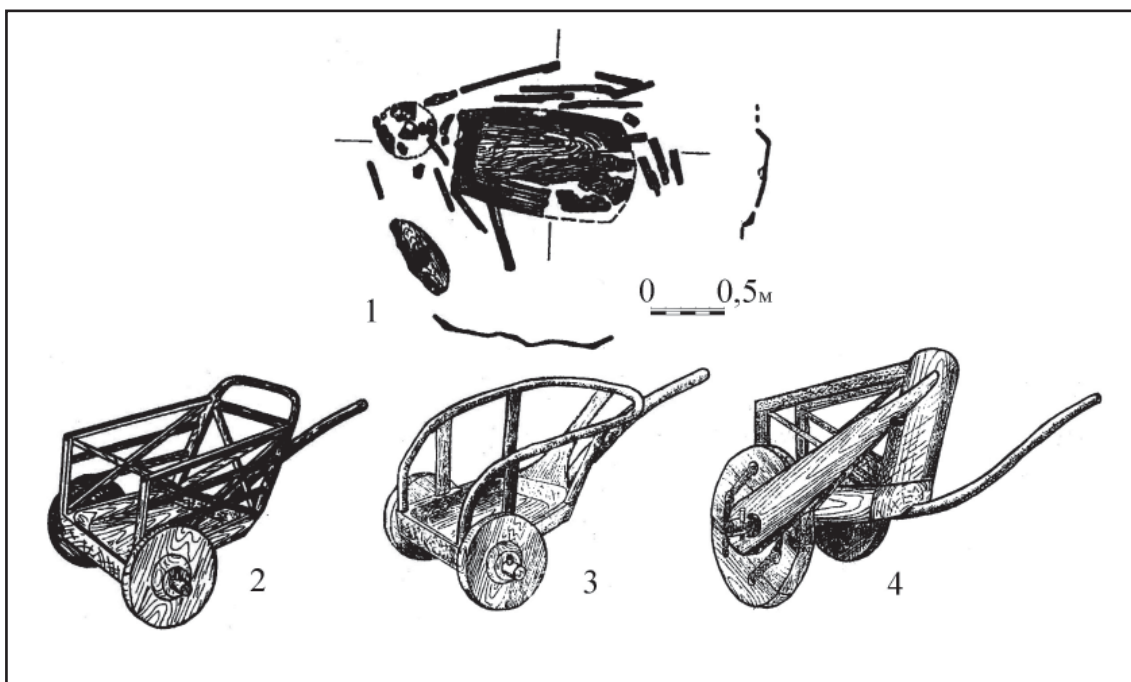
Keywords: Tyagunova Mogila, wheeled vehicles, chariot reconstructions, 3rd millennia BC, Sintashta.

Cuvinte cheie: Tiagunova Moghila, care cu roți, reconstrucțiile carelor, mileniu al III-lea î. Hr., Sintașta.

Ключевые слова: Тягунова Могила, колесные повозки, реконструкции колесниц, III тыс. до н.э., Синташта.

Редкие находки порой оказывают столь сильное впечатление на обнаруживших их археологов, что бывает трудно отказаться от первоначально предложенной интерпретации, даже когда ситуация меняется и находка становится массовой, а интерпретация явно ошибочной. Колесница из кургана Тягунова Могила — один из примеров.

В 1976 г. Верхнетарасовской экспедицией Института археологии Украины в кургане Тягунова Могила было раскопано, а в 1991 г. Н. Н. Чередниченко и С. Ж. Пустоваловым впервые опубликовано катакомбное погребение 27 с повозкой (рис. 1: 1) (Чередниченко и др. 1976; Чередниченко, Пустовалов 1991). В своей статье авторы

Рис. 1. Остатки повозки из кургана Тягунова Могила, п. 27 (1) и варианты реконструкции колесницы Н. Н. Чередниченко и С. Ж. Пустовалова (2—4) (1—3 — по Чередниченко, Пустовалов 1991, 4 — по Пустовалов 2005).

«на основе сохранившихся остатков и привлекаемых аналогий» определили повозку как одноосную боевую колесницу и предложили варианты ее реконструкции (рис. 1: 2—3). Сами погребения интерпретировались как захоронения колесничих-воинов, одновременно являвшихся и племенными вождями. К боевым колесницам были отнесены и четырехколесные повозки из двух других катакомбных погребений — из кургана возле г. Кривой Рог и у с. Болотное в Северном Крыму (Чередниченко, Пустовалов 1991: 212, рис. 3: 4).

В последующих публикациях С. Ж. Пустоваловым, с учетом конструкции колес из катакомбных погребений ингульской культуры, был предложен еще один вариант реконструкции колесницы — колесницы с тормозом — и расширен список катакомбных погребений с остатками предполагаемых колесниц (Пустовалов 1998; 2000; 2005; 2008).

Особенность работы С. Ж. Пустовалова — построение своих реконструкций на основе других реконструкций, а также доказательство недоказуемого на основе неверно понятых фактов. Для колесницы с тормозом были взяты реконструкции колесниц из могильника Синташта и египетская колесница. В отношении первых Пустовалов пишет: «Близкие по типу и аналогичные по назначению (боевому) ТС были исследованы и реконструированы в Синташте. ...Фактически, в полевых условиях были зафиксированы только

колеса. Внешний вид синташтинских колесниц восстановлен по косвенным, но весьма выразительным данным и по аналогиям. Реконструкции этих колесниц сделаны очень тщательно и достоверно» (Пустовалов 2000: 312). И дальше: «Обращает на себя внимание массивная деталь в реконструкциях колесниц из Синташты... По мнению авторов публикации, здесь крепилась добавочная стойка для закрепления оружия. Авторы публикации Синташты обратили внимание на то, что ось колесницы проходит асимметрично относительно кузова. Справа она выступала больше. Это и явилось основанием для реконструкции такой детали. Аналогичная асимметрия отмечена и для колесницы из Тягуновой Могилы» (Там же). Но, в отличие от авторов синташтинских реконструкций, Пустовалов считает, что нарисованная массивная стойка служила тормозом: «Для торможения необходимо, чтобы с внутренней стороны детали имелся выступ на ширину обода колеса, а оси вращения колеса и рычага тормоза не совпадали. Лучше всего, чтобы ось рычага тормоза была сдвинута вперед и вниз на несколько сантиметров по отношению к оси колеса. Чтобы затормозить, достаточно потянуть рычаг на себя и вверх, при этом выступ прижмет обод колеса» (Там же).

Колесницы из Синташты и Тягуновой Могилы действительно близки, но не по типу и назначению, а по отсутствию данных для реконструкций, когда, в лучшем случае, име-

№2. 2010

ется только одна достоверная деталь — колеса. От колесницы в п. 12 Синташтинского могильника сохранились тлен от колес на высоту 35 см и 25 см и «полоска древесного тлена, возможно, от детали колесницы» (рис. 2: 1—2) (Генинг и др. 1992: 163, рис. 78; 80). Основанием для реконструкции колесницы из п. 16 послужили два овальных углубления на дне могилы, что не помешало ее авторам воссоздать сплошные колеса, кузов и прочие детали (рис. 2: 3—4) (Там же: 149, рис. 69; 72).

Египетская аналогия описывается следующим образом: «На рисунке одной из колесниц Тутанхамона с правой стороны изображена деталь, также напоминающая тормоз... Видимо, в данном случае торможение осуществлялось прижиманием детали к колесу движением руки по направлению от кузова» (Пустовалов 2008: 108, рис. 3: 5). На рисунке воспроизведена так называемая Флорентийская колесница (рис. 3: 1). Она легко узнаваема по рогаткам, прикрепленным в неверном направлении при рестав-

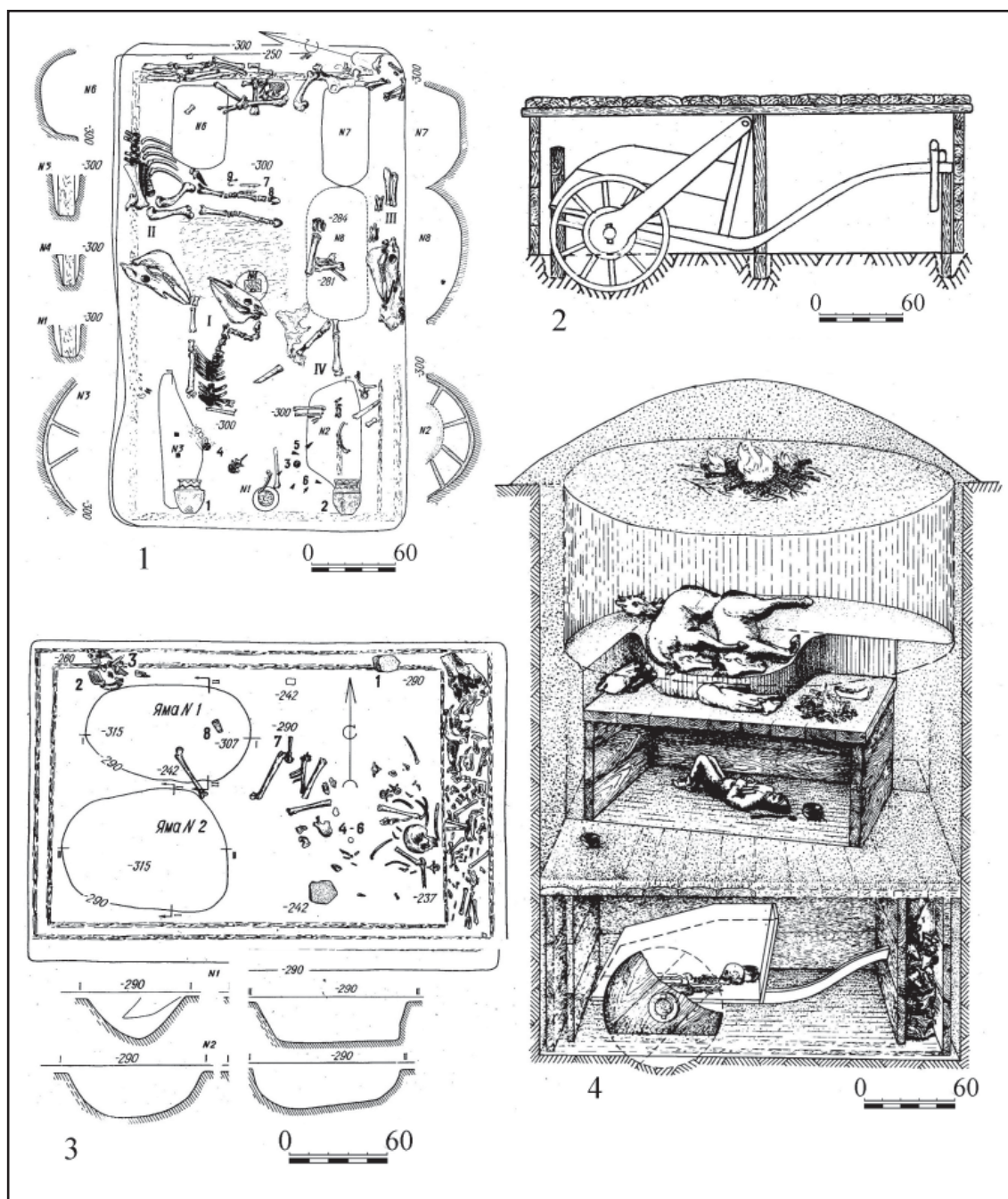
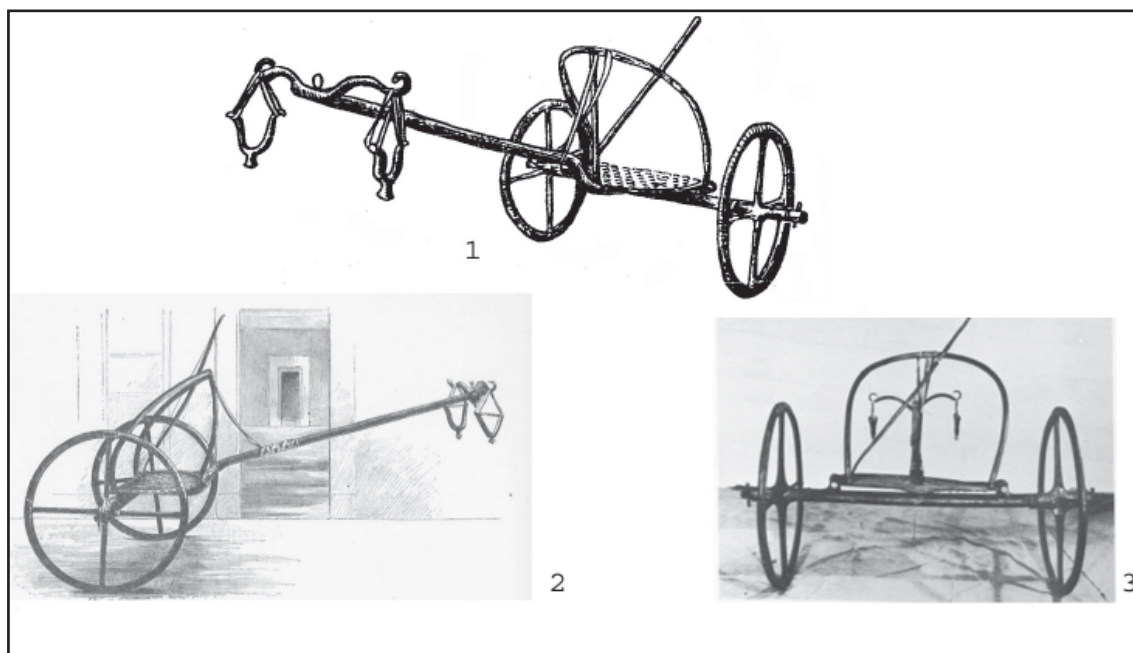

Рис. 2. Могильник Синташта: 1 — план п. 12; 2 — реконструкция колесницы; 3 — план п. 16; 4 — п. 10 и 16 — реконструкция погребального сооружения (по Генинг и др. 1992).

Рис.3. Флорентийская колесница: 1 — по Пустовалов 2008; 2 — по Maspero 1903—1904; 3 — по Littauer 1985.

рации (Littauer, Crouwel 1985: 107—108). Колесница была обнаружена в гробнице фараона XVIII династии, к которой принадлежал и Тутанхамон, но итальянской экспедицией в 1829 г. привезена во Флоренцию и выставлена в музее. Для более живого восприятия египетских древностей на нее повесили один из луков, найденных в той же гробнице неизвестного фараона (рис. 3: 2—3). Этот лук и принят С.Ж. Пустоваловым за палку тормоза.

Такой же достоверностью отличаются и две первые реконструкции внешнего вида колесницы из п. 27 Тягуновой Могилы, и вывод о ее боевом назначении. «Смещенная к задней стенке ось, ее значительное выступание по сторонам кузова, наклонный овальный передок, изогнутое дышло» — признаки, которые были отобраны для подтверждения боевого назначения тягуновской находки (Пустовалов 2000: 308).

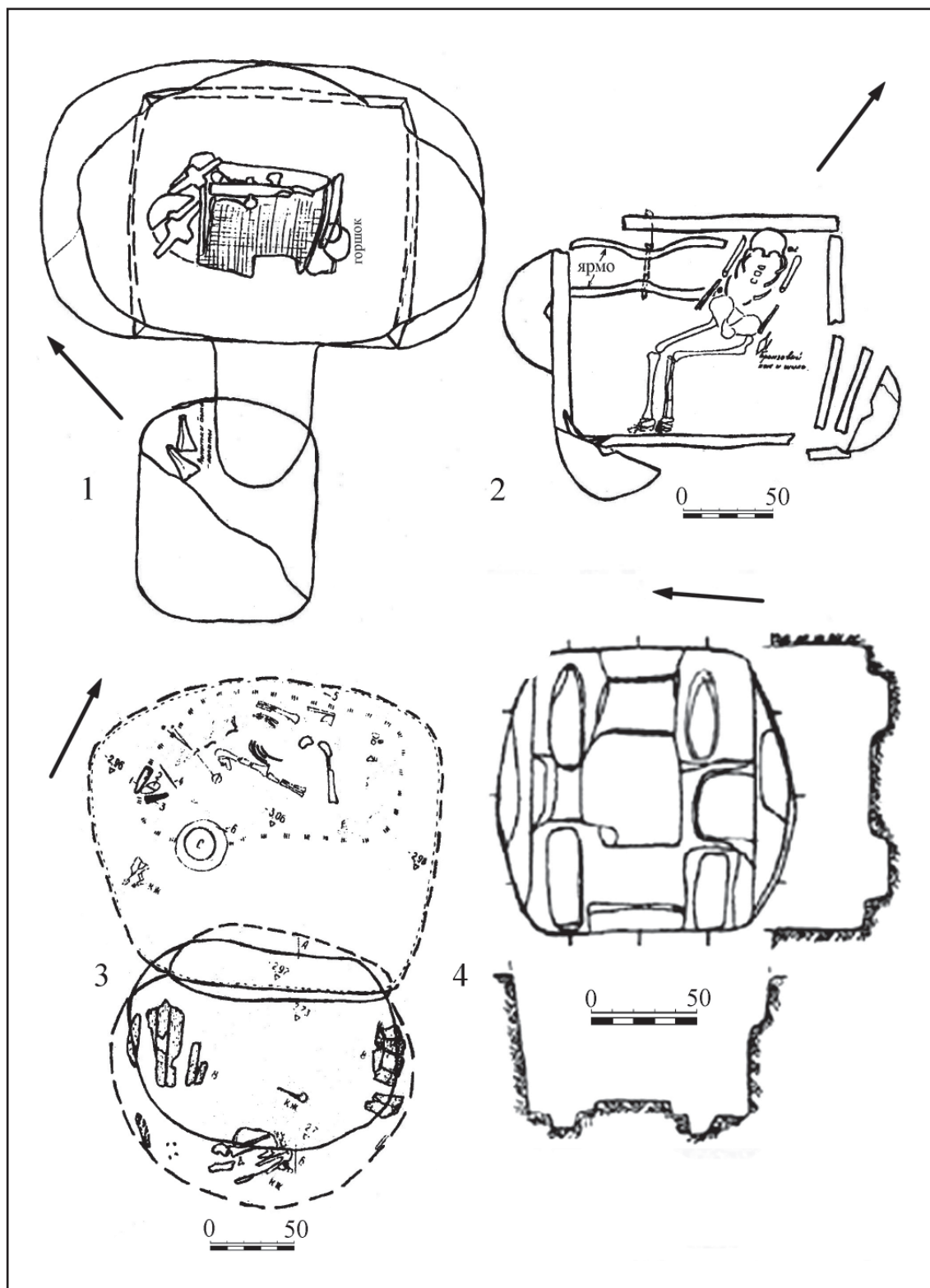
Рассмотрим подробнее остатки повозки в погребении 27 кургана Тягунова Могила. Согласно описанию, от повозки сохранились следующие детали: два колеса (одно, лучшей сохранности, стояло у стенки камеры, а другое, сохранившееся фрагментарно, лежало на дне); корытообразной формы цельная плаха, определенная как кузов; разрозненные планки, находившиеся по сторонам плахи; одна плашка под кузовом, принятая за ось; одна из плашек у стенки камеры, определенная как часть дышла (Чередниченко, Пустовалов 1991: 208—209; Пустовалов 2000: 306—307).

При отсутствии детальных чертежей и описаний как в публикациях материалов погребения (рис. 1: 1), так и в полевой документации, на что уже указывалось ранее (Гей 2000: 189; Избицер 2009: 125), отождествление сохранившихся остатков с названными частями «боевой колесницы» выглядит достаточно произвольным. Сравнение же достоверно прослеженных конструкций оси, дышла и кузова повозок из других одновременных погребений с теми, что показаны на чертежах п. 27, указывают на ошибочность определений.

Оси у степных повозок были подквадратные в сечении и только окончания, на которые насаживались колеса, делались круглыми. Такая форма оси однозначно указывает на то, что ось крепилась неподвижно. Предположительный оттенок заключения, о том, что «ось, вероятно, неподвижно крепилась к нижнему краю кузова» (Чередниченко, Пустовалов 1991: 210) указывает на то, что деталь, принятая за ось, ею не являлась.

Дышла степных повозок представляли собой жердь с небольшой развилкой на конце, крепившейся к повозке. В Поднепровье дышла такой формы прослежены на перекрытиях вместе с другими частями повозок.

Кузова повозок имели подпрямоугольные очертания, и их основание составляла двойная рама. Если же массив истлевшего дерева в п. 27 действительно представлял собой остатки цельной колоды, то это говорит о том, что они принадлежали отдельному предмету корытообразной формы, поставленному

Рис.4. 1—2 — Войково (ЮГОК) к. 2, п. 23; 3 — Ижевка к.1, п. 5; 4 — Раздольное (Шалфейное) — по Пустовалов 2005.

на повозку (ср. Kalmykov 2007). Днища кузовов ближневосточных колесниц, упомянутых в качестве параллелей для вариантов реконструкции, также не были сплошными, а изготавливались из переплетения кожаных ремней

(Littauer 1985). Фактически, в п. 27 кургана Тягунова Могила определимы только два снятых с оси колеса — из-за плохой сохранности дерева надежно отождествить другие детали повозки невозможно.

Приняв остатки повозки из Тягуновой Могилы за боевую колесницу, С.Ж. Пустовалов находит колесницы и в других катакомбных погребениях. При специфическом отношении к фактам и артефактам сделать это несложно.

Войково к. 2. п. 23 (рис. 4: 1, 2). В первой публикации повозка описана как четырехколесная (Чередниченко, Пустовалов 1991: 212), в последующей — как двухколесная (Пустовалов 2000: 308—311). Двухколесной повозка названа и автором раскопок в полевом отчете (Крылова 1970: 29—32). Согласно тексту отчета, повозка была разобрана, оба колеса находились у северо-восточного угла камеры. У задней стенки камеры лежали стенки повозки: передняя, украшенная фигурными вставками, и задняя. Между ними находились остатки ярма. Частично сохранившийся костяк погребенного располагался в повозке и был ориентирован головой на ЮВ (Там же: 29—30). Посчитав повозку боевой колесницей («Одноосность свойственна, скорее, боевым колесницам» — Пустовалов 2000: 311), С.Ж. Пустовалов задается вопросом: «Тяжелое ярмо, найденное в камере, вряд ли могло применяться для боевой колесницы. Вместе с тем, бычья запряжка, логичная для тяжелых четырехколесных повозок... в данном случае выглядит неуместной. Зачем, спрашивается, впрягать быков в такую легкую одноосную повозку? Можно было бы вполне обойтись более изящными эквидами» (Там же: 310—311). То, что данных о лошадиной упряжке для этого времени нет, С.Ж. Пустовалова не смущает. Решение найдено простое: поскольку повозка была разобрана, «в погребении находились детали, несовместимые в одной конструкции» (Там же: 311). При этом несоответствия на чертежах погребения никак не объясняются. На общем чертеже погребения колеса показаны у одной стенки (рис. 4: 1), а на выноске — три сегмента расположены у трех углов кузова (рис. 4: 2). В описании погребенный ориентирован головой на юг (Там же: 310) (в отчете — на ЮВ), а на чертеже — на север, и совместить оба чертежа невозможно. Причину этих неточностей можно понять из текста отчета: погребение было открыто к вечеру, камера катакомбного погребения стояла пустая, и части повозки, находившиеся сверху, извлекались при свете фар трактора (Крылова 1970: 30). Делались ли чертежи при таком освещении, в отчете не указывается. Расположение же сегментов колес у трех углов кузова говорит о том, что колес было больше, чем два.

Ижевка к. 1. п. 5 (рис. 4: 3). «Более легкое одноосное ТС было обнаружено в к. 1, погр. 5 у с. Ижевка на Донетчине» (Пустовалов 2000: 311). С этим заявлением С.Ж. Пустовалова нельзя не согласиться — во входной шахте катакомбы от повозки сохранились лишь фрагменты двух колес и деревянных плах. Труднее понять утверждение о ее боевом назначении. При отсутствии других частей повозки делается вывод о том, что «одноосность и ширина базы колес сближают ее с колесницей из Тягуновой Могилы» (Там же: 312), т. е. непрослеженные детали повозки из одного погребения сравниваются с непрослеженными деталями повозки из другого погребения. В своей последней работе С.Ж. Пустовалов делает уточнение и относит «колесницу» из Ижевки к ритуальным одноосным экипажам, изготовленным «из одноосных боевых колесниц, снабженных тяжелым ярмом, крытым верхом» (Пустовалов 2008: 106).

Раздольное (Шалфейное) к. 1. п. 25 (рис. 4: 4). Описание С. Ж. Пустовалова: «Вероятно, остатками четырехколесной повозки является сооружение, зафиксированное С. Г. Колтуховым, А. Е. Кислым и Г. Н. Тощевым в п. 25 к. 1 у с. Раздольное (Шалфейное) (1994). Здесь так же, как и в Синташте, колеса были утоплены в дно камеры ямного погребения» (Пустовалов 2000: 313). Описание авторов публикации, на которую С.Ж. Пустовалов ссылается: «По углам ямы вырыты 4 ровика глубиной 0,2 м, длиной 0,8—1 м и шириной 0,3 м, вытянутых по длинной оси могилы. К моменту совершения захоронения все эти сооружения были забиты суглинком до уровня поверхности прямоугольного возвышения в центре. На этом выступе находилась деревянная конструкция длиной 1,9 м, шириной 1,2 м, высота которой достигала 5 см. Дерево истлело настолько, что проследить достоверно особенности конструкции не удалось» (Колтухов и др. 1994: 35). Судя по тому, что реконструкция синташтинской колесницы из п. 16 никак не объясняется, сравнение реконструкций указывает на то, что при наличии остатков в ровиках колес со спицами у колесницы рисуются колеса со спицами, а если колеса в ровиках не прослежены, как было и в Синташте, и в Раздольном, то предполагаются колеса сплошные, без спиц.

Очевидно понимая, что находки боевых колесниц не должны быть ограничены территорией Северного Причерноморья, С.Ж. Пустовалов обратился к реконструкции А.Н. Гея, сделанной на основе находок четырехколесных повозок из Прикубанья. При этом

№2. 2010

для действительно сложной реконструкции повозки найдено простое решение: «перед нами не жилая, а временная, можно даже сказать, разовая повозка. В ней четко выделяются две части: 1) ось с колесами и кузовом для возницы; 2) три рамы с другой осью... Первая часть (место возницы) идентифицируется с боевой одноосной колесницей. А вторая — с дополнительной парой колес и рамой — с ложем для покойника... Можно предположить, что количество рам связано с числом погребенных в камере. Отсюда можно сделать следующий вывод: рамы не были жестко связаны с остальной конструкцией, и число их могло меняться», то есть, клали не повозки целиком, а только рамы, и рамы не повозок, а одноосных колесниц; новотитаровская повозка объявляется одноосной колесницей (Пустовалов 2000: 314).

При таком подходе легко объясняются находки четырехколесных повозок и в других погребениях: «погребальные дроги изготавливались из боевых одноосных колесниц и специальных съемных носилок или рам с дополнительной парой колес» (Там же).

Предпочитая работать с иллюстрациями, С.Ж. Пустовалов отнес к ритуальному одноосному экипажу, изготовленному из одноосной боевой колесницы, и модель из к. 9 могильника Три брата I. Основание — крытый верх и тяжелое ярмо (Пустовалов 2008: 106). То, что все детали, определяющие эту вещь как модель арбы — ось, колеса, дышло и ярмо — добавлены при реконструкции, С.Ж. Пустовалову явно не известно. Сетую, что статья П. Кожина об эволюции боевых транспортных средств незаслуженно забыта (Там же: 100), Пустовалов не обратил внимание на высказанное в ней замечание Кожина

о том, что форма ярма у модели реконструирована произвольно (Кожин 1985: 180).

Отнесение С.Ж. Пустоваловым погребений с повозками (колесницами) к захоронениям воинской знати так же доказательно, как и предложенные им реконструкции колесниц.

К концу 1980-х годов, когда была открыта тягуновская повозка, такого рода находки были редки, и основанием для выводов служили известные ближневосточные параллели. Изображения боевых повозок на «штандарте» и табличке из Ура давали повод к отождествлению степных повозок с колесницами, а находки реальных повозок в царских погребениях — при хронологическом приоритете месопотамских находок — к концепции о влиянии ближневосточного обряда на степной. К настоящему времени находки повозок в подкурганых погребениях периода ранней и средней бронзы давно перестали быть исключительным явлением. Надежно прослеженные детали повозок позволяют отождествить с повозками элементы конструкций даже в тех случаях, когда не сохраняются колеса, а выявленные закономерности в размещении повозок в погребениях дают возможность восстановить их первоначальное расположение. Из известных на сегодня трехсот погребений с повозками ни одно не дает оснований относить их к захоронениям воинской знати, а сами повозки — к боевым колесницам.

Вопрос же об использовании повозок в качестве колесниц, на протяжении нескольких десятилетий развиваемый С.Ж. Пустоваловым, можно характеризовать как историографический анахронизм, а предложенные им реконструкции колесниц — как эскизы фантастических деревянных конструкций с колесами, корытом и тормозом.

Литература

- Гей А. Н. 2000. *Новотитаровская культура*. Москва: Старый сад.
- Генинг и др. 1992: Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. 1992. *Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей 1*. Челябинск. Южно-Уральское книжное издательство.
- Избицер Е. В. 2009. Повозка из погребения 32 Большого Ипатовского кургана и одноосные степные повозки эпохи средней бронзы. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа* 9, 125—130.
- Кожин П. М. 1985. К проблеме происхождения колесного транспорта. В: Пиотровский Б. Б. (отв. ред.). *Древняя Анатолия*. Москва: Наука, 169—182.
- Колтухов и др. 1994: Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тощев Г. Н. 1994. *Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1994—1992 гг.)*. Запорожье: Запорожский государственный университет.
- Крылова Л. П. 1970. Отчет о раскопках в 1969—1970 гг. НА ИА НАН Украины. Ф. Э. 1969—1970/106.
- Пустовалов С. Ж. 1998. Некоторые проблемы изучения колесного транспорта эпохи бронзы. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)*. Запорожье: Запорожский госуниверситет, 50—55.
- Пустовалов С. Ж. 2000. Курган «Тягунова Могила» и проблемы колесного транспорта ямнокатакомбной эпохи в Восточной Европе. *Stratum plus* (2), 296—321.
- Пустовалов С. Ж. 2005. *Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я*. Київ: Шлях.
- Пустовалов С. Ж. 2008. Ямно-катакомбные транспортные средства и критерии выделения боевых ко-

- лесниц эпохи бронзы. В: Василенко А. Н. (автор проекта). *Происхождение и распространение колесничества*. Луганск: Глобус, 100—112.
- Чередниченко Н. Н. и др. 1976. Отчет о работе Верхнетарасовской экспедиции в 1976 г. НА ИА НАН Украины. Ф. Э. 1976/2.
- Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж. 1991. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры. СА (1), 206—216.
- Kalmykov A. A. 2007. Tonmodelle von Wiegen aus mittelbronzezeitlichen Bestattungen im Egorlyk-Kalaussk-Zwischenstromgebiet. *Eurasia Antiqua* 13, 113—138.
- Littauer M. A., Crouwel J. H. 1985. *Chariots and related equipment from the tomb of Tut'ankhamun*. Tut'ankhamun's tomb series 8. Oxford: Griffith Institute.
- Maspero G. 1903—1904. *History of Egypt, Chaldea, Syria, Babylonia, and Assyria* IV. Edited by A. H. Sayce, translated by M. L. McClure. London: The Grolier Society.

Статья поступила 3 февраля 2010 г.

Elena Izbitser (New York, USA). Candidate of Historical Sciences.

Elena Izbitser (New York, SUA). Candidat în științe istorice.

Избицер Елена Владимировна (Нью-Йорк, USA). Кандидат исторических наук.

E-mail: eizbitser@yahoo.com

A. A. Романчук

Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной Керамики раннего гальштата Карпато-Поднепровья (Ha A — B 1)

A. A. Romanchuk.

Axe-Kelts, Sickles and Incised Pottery Community in Carpathian-Dniester Region during Ha A — Ha B1 Period.

The article deals with the problem of cultural attribution of some types of metalwork (axes and sickles) in Carpathian-Dniester region during Ha A — Ha B time. These axes (so called “axes with trapezoidal or arcuate faces, ornamented with vertical parallel lines”) and sickles are derivatives of Vyrbica metal-production centre at Lower Danube. According to the recently appeared hypothesis, these axes were brought into Carpathian-Dniester region by people of Incised Pottery community. The author demonstrates that this hypothesis does not correspond to the facts. The whole picture of cultural relations between Lower Danube — Carpathian-Dniester and North Pontic regions during Ha A-Ha B1 does not suggest that the Incised Pottery community of the Carpathian-Dniester and Lower Danube region was the successor of Vyrbica metalwork tradition. Moreover, the Late Bronze Age tradition of metal production in Dobruja and Muntenia came abruptly to the end simultaneously with the end of Coslogeni culture and with penetration of Pre-Babadag or Babadag I there. And the author proves that this metalwork tradition was brought into Carpathian-Dniester region from the Iron Gates region by people of Chisinau-Corlateni culture, which belonged to the so called “Cannelure Hallstatt” community.

A. A. Romanchuk.

Celturi, seceri și Culturi cu Ceramica Incizată ale hallstattului timpuriu în regiunea Carpato-Nistreană (Ha A-Ha B1).

Articolul abordează problema atribuției culturale a așa-numitelor celturi cu o tortiță și fațete în formă arcoidală și trapezoidală, ornamentate cu nerviuri verticale, care au fost răspândite în regiunea Carpato-Nistreană în epoca hallstattului timpuriu. În ultimii ani câțiva cercetători au înaintat o ipoteză, conform căreia celturi de acest tip au fost aduse în regiunea Carpato-Nistreană de către purtătorii culturii cu ceramica incizată din teritoria Bulgariei de Nord-Vest. Însă, după cum arată analiza situației etnoculturale în comparație cu distribuția spațială a celturilor, acest tip apărut în regiunea Porților de Fier în mediul reprezentanților așa-numitului “hallstatt canelat”. Anume aceștia au adus tradiția de asemenea celturi în regiunea Carpato-Nistreană, unde tradiția respectivă a fost preluată de către purtătorii culturii Chișinău-Corlateni. În ceea ce privește purtătorii culturii cu ceramica incizată, aceștia nici nu au avut tradiții metalurgice ce existau în regiunea Dunării de Jos în epoca bronzului, dar și apariția culturii cu ceramica incizată (Pre-Babadag și Babadag) în regiunea Dunării de Jos coincide cu dispariția tradiției metalurgice precedente.

A. A. Романчук.

Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной Керамики раннего гальштата Карпато-Поднепровья (Ha A — Ha B 1).

В статье рассматривается проблема культурной атрибуции т.н. одношковых кельтов с арковидными и трапециевидными фасками, орнаментированных вертикальными параллельными линиями-нервирами раннего гальштата Карпато-Поднепровья. В последние годы рядом исследователей была предложена гипотеза, согласно которой эта разновидность кельтов была принесена в Карпато-Поднепровье представителями культурной общности резной керамики с территории Северо-Западной Болгарии. Однако, как показывает анализ этнокультурной ситуации и ее сопоставление с пространственным распределением находок этих кельтов, окончательный синтез этой традиции происходил в районе Железных Ворот, в среде представителей т.н. «каннелированного гальштата». Именно они и принесли традицию подобных кельтов в Карпато-Поднепровье, где ее носителями были представители культуры Кишинев-Корлатень. Представители же общности резной керамики не только не унаследовали нижнедунайских традиций металлургии эпохи поздней бронзы, но и само возникновение на нижнем Дунае таких культур резной керамики, как Бабадаг и Пре-Бабадаг, совпадает с исчезновением этих металлургических традиций.

Keywords: cultural processes, axe-kelts, sickles, Incised Pottery cultures, Carpathian-Dniester — Lower Danube region, Ha A-Ha B1.

Cuvinte cheie: procese etnoculturale, celturi, seceri, culturi cu ceramica incizată, regiunea Carpato-Nistrea, Dunărea de Jos, Ha A-Ha B1.

Ключевые слова: этнокультурные процессы, топоры-кельты, серпы, культуры резной керамики, Карпато-Поднепровье, Нижний Дунай, Ha A — Ha B1.

В этой работе я хотел бы рассмотреть категорию изделий, которые ранее не привлекал к анализу проблемы генезиса КРШК (Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики) раннего гальштата Карпато-Поднепровья — а именно, металлические изделия раннего гальштата Карпато-Поднепровья и сопредельных территорий, и конкретно — бронзовые кельты и серпы.

Прежде всего, я имею в виду ту разновидность кельтов, которую традиционно определяют как «одноушковые кельты с арковидными и трапециевидными фасками, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами». Поскольку основным признаком при определении этой разновидности кельтов Юго-Восточной Европы служит именно их орнаментация, то ниже я буду обычно именовать эту разновидность как «кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами».

Ранее О.Г. Левицкий высказался (не предлагая аргументации) в пользу того, что кельты с арковидными и трапециевидными фасками, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, в Карпато-Поднепровье соотносятся с культурой Кишинев-Корлатень, относящейся к культурной общности т.н. «каннелированного гальштата» (Levițki 1994: 121—122). Однако в последние годы появился ряд работ, которые пытаются связать распространение этого типа кельтов в Карпато-Дунайском регионе в эпоху раннего гальштата с продвижением носителей КРШК с Нижнего Дуная на север.

Я имею в виду, прежде всего, ряд прекрасных работ В.А. Дергачева и Е. Ушурелу (Дергачев 1997; Дергачев, Бочкарев 2002; Dergačev 2002: 167—169; Ușurelu 2003; Ușurelu 2006). Также аналогичную идею, хотя и мельком, высказала и М.Т. Кашуба (Кашуба 2000: 327).

В.А. Дергачев, рассматривая металлические изделия Карпато-Дунайского региона и Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы — раннего гальштата, в целом обошел вниманием те типы бронзовых кельтов и серпов, которые можно было бы связать с культурами Сахарна-Солончень и Козия. Но отметил, что «сугубо предварительно, по данным ме-

таллических изделий истоки этих культурных групп (Сахарна-Солончень и Козия — А.Р.) обнаруживаются в памятниках центральных районов Северной Болгарии, в носителях Вырбицкого очага металлообработки. Эти истоки выявляются по весьма ограниченной, но достаточно выразительной серии изделий... По ряду признаков они, вне сомнения, восходят к традициям Вырбицкого очага металлообработки, хотя и сочетают в себе ряд специфических элементов, свойственных трансильванским традициям» (Дергачев 1997: 58). В качестве примера он называет одноушковые кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами. Орнаментация этих кельтов восходит, по его мнению, к Вырбицкому очагу, а наличие ушка связывает их с трансильванской традицией.

Заметим в скобках, что на этом основании, а также потому, что эти типы изделий представлены и в Трансильвании, В.А. Дергачев предположил, что движение носителей КРШК шло с Нижнего Дуная не напрямик, вдоль Карпат, а через Юго-Восточную Трансильванию.

Подходя в более поздней работе к вопросу с большей осторожностью, В.А. Дергачев все же снова повторил этот тезис. По его мнению, кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, на территории Болгарии следует атрибутировать «Schtempelverzirten Keramik (nach V. Hänsel)» (Dergačev 2002: 168).

Идеи В.А. Дергачева были развиты и продолжены Е. Ушурелу (Ușurelu 2003; 2006). В своей докторской диссертации (научным руководителем которой являлся В.А. Дергачев), Е. Ушурелу указывает, что на Нижнем Дунае кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, соотносятся с ареалом Радовану, Сихляну, Тэмэоань, Бабадаг I—II и северо-болгарской группы КРШК (Ușurelu 2006: 21). В начале же Ha B1 они проникают в Карпато-Поднепровье вместе с носителями «культуры Козия-Сахарна» (Ușurelu 2006: 25).

Итак, таковы основные тезисы гипотезы о связи кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, с культурно-исторической общностью КРШК. Эта ги-

№2. 2010

потеза, однако, на мой взгляд, не учитывает ряда фактов, не согласующихся с ней — я постарался изложить их ранее (Романчук 2009; 2009а; Romanchuk 2009). И, по моему мнению, кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднепровье были принесены представителями каннелированного гальштата — культурой Кишинев-Корлатень. Ниже я попытаюсь аргументировать этот тезис еще раз, на новом уровне, дополняя и уточняя сказанное ранее.

Начнем с того, что традиция орнаментации кельтов вертикальными линиями-нервюрами, безусловно, восходит в конечном итоге к Вырбицкому очагу металлообработки. Она была характерна в значительных масштабах для территории Болгарии еще в позднем бронзовом веке (Черных 1978: 189—203). В связи с датировкой клада Овча Могила, где уже присутствуют кельты, орнаментированные вертикальными линиями, предлагается возникновение этой традиции уже в Вг С2 (Krauss 2005: 209—210). И, как показывает картографирование (Dergachev 2002: Taf. 123), именно на территории Болгарии наблюдается максимальная концентрация кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами.

Однако, если один конец этой логической цепочки не вызывает сомнения, то другой, принятый как аксиома, как раз не выдерживает критики. А именно, зададим себе вопрос: кто, какие археологические культуры реально были носителями традиций Вырбицкого очага металлообработки в эпоху раннего гальштата? И принимали ли эти культуры (или одна из них) участие в формировании культур Сахарна-Солончень и Козия?

Что касается первого из этих вопросов, то ответ на него достаточно непросто. Как отмечает I. Czyborra: “Für den nordbulgarischen Raum sah Hänsel keine Möglichkeiten einer Gruppenbildung, weder für die frühe, noch für die klassische Phase der stempelverzierten Keramik, zu sporadisch war der Fundstoff” (Czyborra 2005: 9).

Возможно, именно поэтому в более поздней, совместной с В.С. Бочкаревым работе В.А. Дергачева — фундаментальном труде, посвященном бронзовым серпам Восточной Европы поздней бронзы, по поводу серпов типа Вырбица указывается, что «К сожалению, ничего конкретного нельзя сказать о возможной культурной принадлежности серпов этого варианта» (Дергачев, Бочкарев 2002: 274).

Однако зато В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев смогли путем картографирования очер-

тить достаточно четко ареалы изделий как Вырбицкого очага металлопроизводства, действовавшего и в эпоху раннего гальштата, так и другого нижнедунайского (на их взгляд, более раннего) — Дичевского очага эпохи поздней бронзы (Дергачев 1997: 82—84; Дергачев, Бочкарев 2002: 272—274).

Здесь следует оговорить, что автором самих понятий Вырбицкого и Дичевского очагов металлообработки является Е.Н. Черных (1978: 250), и многие характеристики этих очагов (в том числе — пространственные) были установлены им же. Вместе с тем, В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев как подтвердили ряд выводов Е.Н. Черных, опираясь на гораздо более обширный фонд источников, так и предложили ряд уточнений. В частности, они приходят к весьма важной идее о том, что Дичевский очаг металлообработки закончил свое функционирование раньше Вырбицкого.

Итак, как же размещались в пространстве Вырбицкий и Дичевский очаги металлообработки?

Как отмечают В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев, «серпы варианта Дичево и в количественном отношении, и по плотности местонахождений концентрируются преимущественно в низовьях правого и левого берега Дуная, где они отчетливо соотносятся с ареалом поздних фаз культуры Тей и ареалом культуры Кослоджень» (Дергачев, Бочкарев 2002: 273). Причем происхождение и производство серпов типа Дичево, по их мнению, следует связывать с ареалом и носителями «главным образом, культуры Кослоджень». То есть, Мунтения и Добруджа — это и есть ареал очага Дичево.

Что же касается серпов типа Вырбица, распространенных в На А1, то по сравнению с серпами типа Дичево «их ареал явно смещен к западу» (Дергачев, Бочкарев 2002: 274). И местом их производства авторы полагают треугольник Вырбица-Градешница-Русе в Северной Болгарии. По их мнению, «подобное заключение полностью согласуется и с общей тенденцией пространственной эволюции Дичевского очага металлопроизводства, который на этапе перехода к раннему гальштату смещается несколько на запад — из Нижнего Подунавья и Добруджи — в центральные районы северной части современной Болгарии». Действительно, этот вывод полностью подтверждается и привлечением к анализу кельтов типа Вырбица (Дергачев 1997: 82—83; Dergachev 2002: 167—169, Taf. 123).

Здесь опять-таки стоит отметить, что к аналогичным выводам о пространственном соотношении Вырбицкого и Дичевского очагов металлообработки пришел в свое время

Е. Н. Черных (Черных 1978: 250—251, рис. 107). Помимо уточнения географических рамок Вырбицкого очага, существенное значение здесь имеет и уточнение его временных рамок — точнее, его верхней хронологической границы. Как отмечал в свое время Е. Н. Черных, «...дичевский и вырбицкий очаги прекратили свою деятельность не позднее XII века до н.э.» (Черных 1978: 259); «позднее На А1 ... эти очаги уже не существуют». И далее: «примерно с XI века до н.э. на территории Северо-Восточных Балкан великолепно налаженное производство многочисленных кельтов, серпов, наконечников копий и других категорий бронзовых изделий угасает едва ли не полностью. Теперь уже не может быть и речи о выделении в исследуемом районе особых очагов металлургии и металлообработки со своими характерными формами и сплавами. Материалы последующего времени настолько ничтожны, что мы вправе поставить вопрос о практически полном прекращении здесь металлообрабатывающего производства» (Черных 1978: 260).

За истекшее время не появились новые находки, которые позволили бы пересмотреть данный вывод Е. Н. Черныха. Как отмечает Е. Ушурелу, любезно предоставивший после знакомства с рукописью данной статьи свои, еще неопубликованные, наработки в этой области, «...не отрицая возможного развития и в На А2, следует констатировать, что к его концу эпицентр производства кельтов с арковидными и трапециевидными фасками, украшенными вертикальными нервюрами, смещается на северо-восток Сербии и юго-запад Румынии».

То есть, уже те раннегалльские группы с территории Северо-Западной Болгарии, которые возникают не раньше На А2, являются достаточно сомнительными претендентами на роль носителей традиций Вырбицкого очага металлообработки. Тем более — группы, относящиеся к На В1.

Замечу в скобках, что это, собственно говоря, уже имеет существенное значение. На мой взгляд, ранний горизонт культуры Сахарна-Солончень (горизонт Солончень-Хлиная-Климауц де Жос, как я его обозначил), возникает уже в На А1 (Романчук 2003: 117). Однако, с точки зрения большинства исследователей, возникновение культур Сахарна-Солончень и Козия относится в лучшем случае к концу На В1 или его второй половине.¹

¹ Хотя, следует заметить, что лед в этом отношении уже тронулся. В частности, в одной из последних работ М. Т. Кашуба тоже предлагает удревнение Сахарна-

Соответственно, в логической цепочке их рассуждений в данном случае существует неразрешимое противоречие — либо Сахарна-Солончень и Козия возникают раньше, чем они полагают, и намного, либо же никакие североболгарские группы *Schtempelverzirten Keramik* не смогли бы передать им традиции Вырбицкого очага металлообработки, поскольку сами эти традиции на территории Северо-Западной Болгарии к этому времени уже угасли. Впрочем, чуть ниже мы остановимся на этом подробнее.

Пока же обозначим те археологические культуры, которые соответствуют обозначенным временным и географическим рамкам. Прежде всего, для позднего бронзового века это, как отмечает и В. А. Дергачев, культура Зимнича-Пловдив (Дергачев 1997: 50). Так ее обычно именуют румынские исследователи, западные же предпочитают другое название — группа Церковна (*Cerkovna-group*) (Krauss 2006: 18).

Правда, заметим в скобках, что ряд исследователей вообще сомневается в справедливости выделения данной культуры — как бы ее ни именовать. По их мнению, в качестве основания для выделения культуры Церковна (Зимнича-Пловдив) использовались керамические формы, которые обычны для всей территории Болгарии в эту эпоху (Стоянов, Ников 2003: 34). Ниже мы еще вспомним об этом очень интересном моменте.

Впрочем, существует еще больше вопросов по поводу культурной ситуации в Северо-Западной Болгарии после завершения существования культуры Зимнича-Пловдив-Церковна — что бы под этим лейблом не скрывалось. Как следует из недавно опубликованных работ, Северо-Западная Болгария все еще остается для этой эпохи достаточно «темным пятном» (Czyborra 2005: 278, map 134; 279, 281). Источники все еще достаточно скудны.

Солончень, правда, лишь до конца На А2 (Kašuba 2009). Могу это только приветствовать, хотя не могу не отметить и то, что подобные половинчатые решения вряд ли помогут удержать в целостности старую схему. Например, признав удревнение Сахарна-Солончень, М. Т. Кашубе придется признать и, как я предлагаю, ее большую древность в сравнении с культурой Козия. Поскольку удревнить культуру Козия не позволяет такой достаточно твердо установленный факт, как существование на этой самой территории в На В1 еще культуры Кишинев-Корлатень. Соответственно, этот факт не позволяет ни рассматривать Козия и Сахарна-Солончень как единую культуру, как предлагает М. Т. Кашуба, ни считать Козия предком Сахарна-Солончень, как предлагал С. Моринц. Зато вполне это коррелирует с предложенной мной трактовкой Козия как культуры, происходящей из Сахарна-Солончень.

№2. 2010

Тем не менее, определенные шаги в этом отношении уже сделаны. В результате было предложено выделение культуры Зимнича-Новград (Gumă 1995: 135, pl. XVIII). Именно Зимнича-Новград, очевидно, и занимала основную часть территории Северо-Западной Болгарии в период На А-На В1.

Кроме того, помимо Зимнича-Новград, здесь следует упомянуть и культурную группу Хинова-Мала Врбица. Она занимала зону Железных Ворот, распространяясь и на часть территории Северо-Западной Болгарии (Gumă 1995: 135, pl. XVIII). К тому же, кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, распространяются и в ареале группы Хинова-Мала Врбица.

В меньшей степени заслуживает внимания в данном контексте культурная группа Сборяново (Czyborra 2005: 11, 173). Во-первых, она относится уже к классической фазе КРШК Болгарии (Czyborra 2005: 123, Abb. 69), то есть датируется, соответственно, начиная, в лучшем случае, с X в. до Р. X. Во-вторых, занимала она район современного Разграда (то есть, это уже скорее Северо-Восточная Болгария). Но, заметим, группа Сборяново непосредственно граничила с ареалом рассматриваемых кельтов на территории Болгарии. И, кроме того, именно Сборяново была упомянута в связи с проблемой происхождения погребального обряда культуры Сахарна-Солончень (Кашуба 2000: 286—287). Действительно, погребальный обряд Сборяново, равно как и Зимнича-Новград — ингумация.

К тому же, как обратил мое внимание Н. Борофка, в орнаментации керамики Сборяново используются т.н. «букели» — большие, полые изнутри выступы-рога. Эта черта, являясь влиянием со стороны культуры Гава (в широком смысле слова), является архаичной и характерна для ранней фазы Гава (в частности, группы Грэнчешть) и даже предгавских комплексов. То есть, возможно, что Сборяново все же возникает раньше, чем это традиционно полагают — опираясь, прежде всего, на развитый характер штампованной орнаментации керамики этой группы. Поэтому, на всякий случай, рассмотрим здесь и Сборяново.

Итак, для того, чтобы решить вопрос о появлении в Карпато-Поднепровье кельтов, украшенных вертикальными линиями-нервюрами, мы должны выяснить: возможно ли, чтобы вышеназванные культуры вместе, или одна из них, могли стать предками культур Сахарна-Солончень и Козия?

Что касается группы Хинова-Мала Врбица, то здесь вопрос прост — она относится

к культурам «каннелированного гальштата». По своим характеристикам она резко отличается от любой культуры резной и штампованной керамики.

Культура же Зимнича-Новград полагается «радикально отличным образованием в сравнении с прочими культурными группами» (т.е. «группами каннелированного гальштата») (Gumă 1995: 109), прежде всего, благодаря своему погребальному обряду. Тем не менее, для Зимнича-Новград базовый тип орнаментации керамики — это каннелюры в виде аркад и зигзагов. А базовый керамический тип — это черпаки усечено-конической и «полусферической» формы (Alexandrescu 1978: 117—119; Gumă 1995: 131, pl. XIII). По словам А. Александреску, «каннелюры являются постоянным видом орнаментации» для черпаков Зимнича-Новград (Alexandrescu 1978: 117). Согласно же М. Гумэ, черпаки Зимнича-Новград аналогичны черпакам из Vajuga — памятника, который относится ко второй стадии развития группы Хинова-Мала Врбица (Gumă 1995: 110). Поэтому представляется, что Зимнича-Новград, при всем ее своеобразии — это тоже культура каннелированного гальштата. Сама А. Александреску сопоставляла керамику Зимнича-Новград, прежде всего, с такими культурами каннелированного гальштата, как Выртоп, Мери, Сусани (Alexandrescu 1978: 119).

Между тем, напомним, в Сахарна-Солончень каннелюры практически отсутствуют, а в Козия — очень редки. Уже поэтому, не говоря о прочих характерных особенностях керамического ансамбля Зимнича-Новград (прежде всего черпаках типа Хинова-Мала Врбица), невозможно предположить участие Зимнича-Новград в генезисе Сахарна-Солончень, равно как и Козия.

Что же касается Сборяново, то это еще очевиднее. Хотя Сборяново традиционно определяется как часть культурной общности КРШК, каннелюры являются одним из основных, если не доминирующим типом орнаментации керамики Сборяново (Гоцев, Шалганова 2004: 60—61; Czyborra 2005: 173). Помимо того, основным керамическим типом Сборяново является т.н. «кантарос» — двуручный сосуд (Czyborra 2005: 99—101). Равно как, кстати, и Зимнича-Пловдив (Alexandrescu 1973: 77—78, 81). Тип «кантарос» не имеет аналогий ни в Сахарна-Солончень, ни в Козия.

В этой ситуации нам остается попытаться проверить возможность того, что традиция кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, попадает в Карпато-Поднепровье в результа-

те импульса со стороны Зимнича-Пловдив. Разумеется, нет необходимости даже обсуждать вопрос о непосредственном участии Зимнича-Пловдив в формировании Сахарна-Солончень и Козия — слишком велика разница в их материальной культуре, и, в первую очередь, формах и орнаментации керамики. Но, возможно, традиции Вырбицкого очага металлообработки были восприняты ранними группами КРШК? И, затем, уже опосредованно, они были транслированы ими носителям Сахарна-Солончень и Козия?

Действительно, такая идея высказывается. При этом отмечается, что с поселения Радовану культуры Кослоджень на Нижнем Дунае происходит находка литейной формы кельта, орнаментированного вертикальными линиями-нервюрами (Uşurelu 2003: 216). Именно же «аспект Радовану» (или «поздняя фаза Кослоджень», как обозначают его многие исследователи), предлагается традиционно в качестве предка общности КРШК — как на Нижнем Дунае, так и в Карпато-Поднепровье (включая такие группы, как Балта, Холеркань-Ханска, Тэмэоань). Поэтому находка литейной формы в Радовану используется как доказательство того, что ранние группы КРШК унаследовали традиции Вырбицкого очага металлопроизводства (Uşurelu 2003: 217).

Прежде чем идти далее, здесь следует сделать короткое отступление. Ряд других металлических изделий был обнаружен как в Радовану, так равно и в Зимнича-Новград и Тэмэоань (Alexandrescu 1978: 120; Gumă 1995: 110). Это бронзовые ножи с загнутым острием. Но ножи этого типа явно представляют собой традицию, восходящую к Центральной Европе (Laszlo 1986: 76; Dergačev 2002: 178, Taf. 130). То есть, это влияние с третьей стороны как для Радовану и Зимнича-Новград, так и для Тэмэоань. И о родстве этих трех культурных групп эти находки не свидетельствуют.

Итак, возвращаясь к литейной форме с поселения Радовану, замечу — она, очевидно, свидетельствует об определенных связях Радовану и Вырбицкого очага металлопроизводства. Далее, именно влияние со стороны Зимнича-Пловдив на Радовану послужило С. Моринцу основанием для обозначения Радовану в качестве фазы «Кослоджень III» или «поздней Кослоджень» (Dobrinescu 2005: 204; 2008: 10). Действительно, Радовану, как и другое поселение Кослоджень — Кэсчиоареле, демонстрирует заметное влияние со стороны Зимнича-Пловдив (Palincaş 1997: 252). Оно проявляется в значительном присутствии характерных для Зимнича-Пловдив «кантарос»

и ряда других типов керамики на этих поселениях. Более того, Н. Палинкаш полагает, что Кэсчиоареле является поселением Зимнича-Пловдив. И «можно ожидать, что и Радовану следует относить к культуре Зимнича-Пловдив» (Palincaş 1997: 252).

Итак, влияние со стороны Зимнича-Пловдив на Радовану очевидно. Но не менее очевидно, что керамический ансамбль Зимнича-Пловдив (с такими базовыми типами, как «кантарос» и «аскос» (Alexandrescu 1973: 77—78, 81)) существенно отличается от керамического ансамбля ранних групп КРШК (см.: Laszlo 1986; Leviţki 1994a; Ванчугов 1983; 1993). Поэтому, каковы на самом деле взаимоотношения Радовану и ранних групп КРШК?

Последнее десятилетие принесло значительное количество свидетельств того, что Кослоджень существовала вплоть до На А2 и была частично синхронна даже культуре Бабадаг (Irimia 2001; Vernescu 2004; Dobrinescu 2005; 2008). Полагаю, что это требует, по крайней мере, проверки устоявшихся представлений о направлении культурных влияний. Так, мы должны иметь в виду, что керамика Кослоджень, как правило, не орнаментирована. «Балканские элементы» («кантарос» и «аскос») в керамическом ансамбле Кослоджень «отличаются от своих прототипов отсутствием орнаментации» (Dobrinescu 2008: 15). Более того, и «кантарос» Зимнича-Пловдив «в основном не орнаментированы» (Alexandrescu 1973: 78). Последнее верно и для других керамических типов Зимнича-Пловдив.

В тех же случаях, когда керамика Зимнича-Пловдив все же орнаментирована резным орнаментом (Krauss 2006: 20, Abb. 10; 22, Abb. 11), этот орнамент зачастую существенно отличается от достаточно простого, бедного и скромного стиля орнаментации ранних групп КРШК (см.: Ванчугов 1983: 92—93, рис. 3, 4; Ванчугов 1993; Laszlo 1986: 90, fig. 12; Leviţki 1994a: 231—232, pl. 14—17).

Думаю, здесь стоит напомнить и о том, что в Южной Болгарии еще в Alada-Phase появляются и штампованная орнаментация керамики (зубчатый штамп, или т.н. «псевдошнуровой орнамент»), и «клетчатая штриховка» (Czyborra 2005: 109, Abb. 59). В следующем периоде, Frühphase, к этому добавляется еще и S-видный штамп (Czyborra 2005: 113, Abb. 61; 116, Abb. 62). Начало Alada-Phase относится еще к XII в. до Р.Х. (Czyborra 2005: 123, Abb. 69).

Это важно отметить потому, что и «кантарос», и «аскос» в культурах позднего бронзового и раннего железного века на Нижнем Дунае представляют собой результат влияния

с юга (Leahu 1978: 68; Czyborra 2005: 68, Abb. 14). Для ранних же групп КРШК Карпато-Поднестровья (и Балта, и Холеркань-Ханска, и Сихляну) все это не характерно — ни зубчатый штамп, ни «клетчатая штриховка», ни тем более S-видный штамп. Напротив, мотивы резной орнаментации, характерные для ранних групп КРШК (в том числе в виде косо заштрихованных треугольников), появляются в Северном Причерноморье еще на ряде поселений культуры Сабатиновка (Черняков 1985: 73—83; Ванчугов 1993: 29). Хотя и сравнительно редкие, эти свидетельства не становятся от этого менее важными.

Здесь следует также отметить, что в культуре Кослоджень мотивы резной орнаментации, помимо Радовану, отмечены на таких поселениях, как Ульму, Доробанцу, Султана (Morintz 1978: 126—139). И именно для этих поселений Кослоджень отмечается и сильное влияние культуры Сабатиновка (Morintz 1978: 150; Irimia 2001: 184; Dobrinescu 2008: 9). Прочитую: «керамика некоторых поселений Кослоджень в Мунтении (Ульму, Доробанцу, Султана) имеет четкие аналогии в культуре Сабатиновка» (Irimia 2001: 184).

Кстати сказать, мотивы резной орнаментации как в Радовану, так и в Ульму, Доробанцу и Султана (на всех этих поселениях они тоже очень редки и явно представляют собой периферийный элемент) лишь частично совпадают с мотивами резной орнаментации, характерными для ранних групп КРШК и представленными также на керамике некоторых поселений Сабатиновки.²

Помимо резной орнаментации, следует указать и на черпаки с возвышающейся ручкой. Они редки в культуре Кослоджень и полагаются спецификой т.н. фазы «Сабатиновка-Кослоджень» (т.е. тех же Ульму, Доробанцу и Султана) и результатом влияния из Северного Причерноморья (Dobrinescu 2008: 10). При этом К. Добринеску объясняет присутствие таких черпаков на ряде поздних поселений Кослоджень тем, что имела место своего рода «консервация» традиций фазы «Сабатиновка-Кослоджень» на периферии ареала культуры Кослоджень.

Замечу, что и первооткрыватели культуры Кослоджень считали черпаки с возвышаю-

щейся ручкой и выступом на перегибе ручки очень редкими в этой культуре. И аналогии им С. Моринц и Н. Анджелеску видели именно в культуре Сабатиновка (Morintz, Angelescu 1970: 407).

Действительно, И.Т. Черняков привел целый ряд памятников Сабатиновки, где представлены черпаки с выступами на перегибе ручки (Черняков 1985: 69—83). В белозерской же культуре «по сравнению с сабатиновским временем количество черпаков резко сократилось» (Ванчугов 1993: 36). И В.П. Ванчугов считал черпаки более характерными для группы Балта, чем для белозерской культуры (Ванчугов 1990: 74; 1993: 36).

Чрезвычайно интересно здесь обратить внимание на ряд работ Я. Лихардуса с коллегами, в которых обрисовывается очень значительное влияние со стороны Северного Причерноморья, а именно, культурного блока Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень, на памятники поздней бронзы Юго-Восточной Болгарии. При этом Я. Лихардус и его коллеги полагают, что имела место даже миграция носителей Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень в северо-восточную часть Эгеиды (Lichardus u.a. 1999: 110). Впрочем, здесь опять-таки лучше процитировать. Рассматривая эпоху поздней бронзы Юго-Восточной Болгарии, они пишут: «... выделяются две линии развития этой территории. Первая связана с фазой Асеновец с характерными сосудами, украшенными прочерченным и накольчатым орнаментом, а также типичными ручками “Wishbone”. Вторая линия связана с фазой Пловдив-Церковна, в которой прочерченный орнамент сочетается с пластически орнаментированными сосудами и формами, характерными для комплекса Сабатиновка-Кослоджень-Ноуа. Первая, более ранняя фаза, по времени соответствует существованию Кастанас IV, Трое VI — поздней и Трое VIIa, вторая же, в свою очередь, соответствует завершающей стадии Кастанас IV, Кастанас V и Трое VIIb» (Lichardus u.a. 2003: 184). Следует отметить еще и то, что аналогии северопричерноморским формам керамики Пловдив-Церковна авторы видят именно в «младшей», поздней фазе Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень (Lichardus u.a. 2003: 150).

Таким образом, мне представляется, что те элементы керамического ансамбля Радовану, которые используются как свидетельство участия данного культурного объединения в генезисе КРШК, при современном состоянии вещей уместнее объяснять как результат влияния со стороны КРШК на Радовану. Или же, это может быть опять-таки влияние с третьей

² Небезынтересно, на мой взгляд, и то, что написал в свое время С. Моринц, характеризуя резной орнамент поселения Ульму. Указывая на нехарактерность такого орнамента для Кослоджень, он пишет: «относительно орнаментации и особенно заштрихованных треугольников, аналогии им мы находим в культуре Костиша» (Morintz 1978: 135). Итак, опять Костиша (см.: Романчук 2003; 2009).

стороны (как это уже было отмечено выше для бронзовых ножей).

Уместно в этой связи указать, что ряд керамических типов группы Балта, которые ранее считались свидетельством влияния с Нижнего Дуная, на деле появляются в группе Балта в результате воздействия со Среднего Дуная, из культур «каннелированного гальштага» (Leviťki 2000: 182). Это влияние со Среднего Дуная на культуры Северного Причерноморья началось еще в позднесабатиновское время и ряд «гальштатских типов» культуры Белозерка был унаследован ею из Сабатиновки и поздней Ноуа (Leviťki 2000: 183—188). Равно как еще к сабаатиновскому времени восходит и традиция домостроительства населения группы Балта (Vančugov 1996: 290; Черниенко 1993: 40).

Возвращаясь к металлическим изделиям, мы должны вспомнить и очень важный вывод Е. Н. Черныха, цитированный выше — о тотальном прекращении традиций металлообработки на Северо-Востоке Балкан с началом На А2 (Черных 1978: 260).

Еще четче это звучит у В. А. Дергачева: «... что принципиально важно, с “исчезновением” культуры Кослоджень и распространением на ее месте культуры Пре-Бабадаг или Бабадаг I, в Низовьях Дуная полностью утрачиваются выработанные здесь на протяжении позднего периода бронзы местные традиции металлопроизводства» (Дергачев 1997: 50). Заметим!

Из этого ясно следует, что носители Пре-Бабадага и вообще ранних групп КРШК на Нижнем Дунае не только не унаследовали традиции Кослоджень в металлообработке, но и, видимо, стали причиной этого разрыва традиции. Считать после этого Радовану или иные «поздние проявления Кослоджень» предком ранних групп КРШК кажется странным.

В целом же, что касается собственно проникновения металлических изделий Вырбицкого и Дичевского очагов в Карпато-Поднепровье и Северное Причерноморье, то, как следует из анализа В. А. Дергачева, для эпохи поздней бронзы, для блока культур Сабатиновка-Кослоджень-Ноуа, характерна «достаточно свободная циркуляция типов изделий» (Дергачев 1997: 37). Так что, например, серпы типа Дичево и кельты типа Ойкак из Дичевского очага металлообработки проникают на восток вплоть до Днепра (Дергачев 1997: 82, 84). И наоборот, северопричерноморские типы кельтов и серпов в период поздней бронзы проникают даже в ареал культуры Зимнича-Пловдив.

С переходом к раннему железному веку картина связей Нижнего Подунавья

и Северного Причерноморья резко меняется. Происходит «почти полное прекращение связей» (Дергачев 1997: 16), если судить по металлическим изделиям. Как следует из карт В. А. Дергачева, ни северопричерноморские типы не проникают на Нижний Дунай, ни, наоборот, нижнедунайские — в Северное Причерноморье (Дергачев 1997; Дергачев, Бочкарев 2002; Dergačev 2002).

Тем не менее, обращаясь к территориальному распределению некоторых северопричерноморских кельтов периода На А-На В1, мы наблюдаем очень любопытные закономерности. Так, В. А. Дергачев по поводу типа Кардашинка пишет, что его ареал соотносится в целом с ареалом белозерской культуры. При этом литейные формы концентрируются в Нижнем Поднепровье, где эти изделия, очевидно, изготавливали. А готовые изделия — в Киевском Поднепровье и в западной части белозерской культуры (Дергачев 1997: 13).

На самом деле, как следует из карт В. А. Дергачева (Дергачев 1997: 83, карта 5; Dergačev 2002: Taf. 101), кельты типа Кардашинка образуют три четких пространственных кластера. Первый — это Киевское Поднепровье, второй — Нижнее Поднепровье. И, наконец, это очень компактный кластер на Нижнем Днестре («вариант В» типа Кардашинка, по В. А. Дергачеву). Именно этот третий кластер («на правом берегу Днестра» — Dergačev 2002: 118) представляет для нас наибольший интерес. Он расположен на пересечении ареалов памятников белозерской культуры и памятников одной из ранних групп КРШК — группы Холеркань-Ханска (см: Leviťki 1994a).

Более того, сравнивая эту картину с территориальным распределением памятников белозерской культуры в Карпато-Днестровском регионе (т.н. «варианта Тудорово»), мы видим, что подавляющее большинство памятников варианта Тудорово белозерской культуры концентрируются в районах, прилегающих к Нижнему Дунаю, между Нижним Дунаем и рекой Сарата (Vančugov 1996: 289, Abb. 2). Другая группа памятников варианта Тудорово располагается ближе к Днестровскому лиману. И лишь шесть поселений и могильник варианта Тудорово совпадают с Нижнеднестровским кластером кельтов типа Кардашинка.

Но из этих шести, по крайней мере, такие, как Калфа, Кошница, Погребя 3 и Погребя 5 характеризуются наличием и керамики Холеркань-Ханска (Leviťki 1994a: 220—221). И в более поздней работе О. Г. Левицкий относит эти памятники к числу памятников Холеркань-Ханска (Leviťki 2000: 180).

№2. 2010

Здесь мы должны иметь в виду, что памятники Холеркань-Ханска ранее относились к числу памятников белозерской культуры (подробнее см. критику этой идеи: Levički 1994a: 220). И аналогичная точка зрения существовала (или все еще существует) по поводу группы Балта (Vančigov 1996). Поэтому напрашивается вывод, что нижнеднепровский кластер кельтов типа Кардашинка совпадает именно с ареалом группы Холеркань-Ханска. И, вдобавок к кельтам Кардашинка, другой северопричерноморский тип кельтов — Завадовка, также представлен в ареале Холеркань-Ханска (Дергачев 1997: 14; Dergačev 2002: Taf. 101).

Помимо того, литейная форма типа Кардашинка («вариант А», по В. А. Дергачеву) была обнаружена на левом берегу Днестра (Красный Маяк), можно сказать — по направлению к группе Балта. И здесь важно отметить, что Красный Маяк — мастерская, «которая определенно относится к...Северо-Молдавскому очагу» металлообработки, который располагался на восточной периферии культуры Ноуа, и помимо ноуаских изделий изготавливал и вещи, относящиеся к культуре Сабатиновка (Дергачев 1997: 47—48). Причем этот центр металлообработки действовал «в течение XIII—XII вв., и возможно, в самом начале XI в. до н.э.» (Дергачев 1997: 48). То есть — На А1 и, возможно, начало На А2 включительно.

Стоит напомнить, что, согласно В. П. Ванчугову, «Раннебелозерская культура существовала в течение XII — первой половины XI вв. до Р.Х.»; «Раннебелозерская культура должна синхронизироваться с поздней Ноуа и Кослоджень» (Vančigov 1996: 302). И здесь В. П. Ванчугов подразумевал и группу Балта; более того, он даже полагал, что группа Балта возникла раньше, чем вариант Тудорово (Ванчугов 1993: 38). В последнее время предлагается даже, что первая фаза Белозерки датируется концом Bг D — первой половиной На А1 (Агульников 2005: 89).

Впрочем, помимо того, В. А. Дергачев полагает что «кельты с лобным ушком типа Красный Маяк... появляются в рассматриваемой зоне, очевидно, в период Bг D, но преобладающе характерны для периода На А1-На В1, и территориально, за редкими исключениями, лимитированы ареалом белозерской культуры» (Дергачев 1997: 14). Но, что интересно, мы не видим поселений культуры Белозерка вокруг мастерской Красный Маяк (Vančigov 1996: 289, Abb. 2). И Красный Маяк расположен ближе к ареалу группы Балта. При этом в ареале Балта имеются на-

ходки кельтов и серпов северопричерноморских и восточнокарпатско-трансильванских типов (в том числе и литейных форм), которые использовались и в На А1. Так, два серпа типа Хелештень, варианта Чут (по типологии В. А. Дергачева) были обнаружены в кладе Пужайково, район Балта (Дергачев, Бочкарев 2002: 250). Вариант Чут использовался в течение На А и, возможно, отчасти На В1 (Дергачев, Бочкарев 2002: 256).

Далее, кельты типа Мындрешть производились в мастерской Красный Маяк (Dergačev 2002: 121); этот тип представлен в кладе Курячьи Лозы (клад периода Bг D, согласно В. А. Дергачеву), который также обнаружен в непосредственной близости к ареалу группы Балта (Dergačev 2002: Taf. 100). Впрочем, есть еще ряд северопричерноморских и восточнокарпатско-трансильванских типов металлических изделий (Dergačev 2002: Taf. 106; 109—112; 114; 118), которые стоило бы, по крайней мере, проверить на возможную принадлежность к носителям группы Балта.

Как бы то ни было, мы, похоже, можем сказать, что представители группы Балта и Холеркань-Ханска производили и использовали некоторые северопричерноморские и восточнокарпатско-трансильванские типы серпов и кельтов. Но не использовали никаких нижнедунайских типов кельтов и серпов.

Это наблюдение следует дополнить выводами, сделанными в свое время Е. Н. Черныхом. Он писал, что химический анализ металлических изделий типа Кардашинка показал, что их производители не использовали руду с Нижнего Дуная. Не обнаруживают эти изделия и какого-либо влияния с Нижнего Дуная в стиле и морфологии (Черных 1976: 188). Последнее согласуется и с мнением В. А. Дергачева (Дергачев 1997: 16).

Но при этом «вопреки низкой продуктивности очага Кардашинка и очень слабым связям с западными соседями, мы наблюдаем проникновение кельтов типа Кардашинка на юго-запад, на территорию Северной Болгарии» (Черных 1976: 188). В более поздней работе Е. Н. Черных трактует эти кельты (из Галиче, Малорада, Попгруево) как местные подражания продукции Кардашинского очага (Черных 1978: 203). Причем в другом месте этой работы он пишет, что «ко времени, синхронному На А2 и На В... мы можем отнести лишь комплекс из двух неправильно отлитых кельтов, найденных в Попгруево (Коджа Олар); один из них является почти полной аналогией кельтам кардашинского очага в Северном Причерноморье» (Черных 1978: 260).

К этому следует добавить и находку кельта типа Кардашинка в западной Трансильвании (Дергачев 1997: 13; Dergachev 2002: Taf. 101). Помимо того, и некоторые северопричерноморские типы долот тоже свидетельствуют о влиянии из Северного Причерноморья на Нижний Дунай в течение На А (Dergachev 2002: 122, Taf. 102).

Ряд других фактов, демонстрирующих влияние культуры Белозерка на Нижний Дунай, были недавно обобщены О.Г. Левицким. Керамика Белозерки, в частности, представлена на поселениях группы Тэмэоань (Левицкий 2002: 194). И здесь же хотелось бы напомнить, что в свое время В.П. Ванчугов предполагал присутствие белозерской керамики и среди находок в Сихляну (Ванчугов 1993: 96). Хотя, указывая он, достаточно скудный материал не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Вероятно, стоит отметить и тот факт, что влияние Белозерки сильнее чувствуется на группах общности резной керамики, нежели на «каннелированном гальштате» (Левицкий 2002: 201).

Учитывая все вышесказанное, я полагаю, что вырисовывающаяся картина не позволяет заподозрить ранние группы КРШК в качестве восприемников традиций металлообработки Вырбицкого очага. И представляется, что данная традиция возникает в Карпато-Поднестровье в результате влияния не вообще из Северо-Западной Болгарии, но из достаточно небольшого, территориально ограниченного региона — района Железных Ворот (Романчук 2009; 2009а). Замечу здесь, что независимо от меня к этому же выводу пришел и Е. Ушурелу. Результаты анализа, как было указано выше, привели его к заключению, что именно на юго-восток Сербии и юго-запад Румынии с началом На А2 смещается эпицентр производства кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами.

Почему именно из региона Железных Ворот, а не все-таки вообще с территории Северо-Западной Болгарии — пусть и не с представителями культур резной и штампованной керамики? Существенное значение здесь имеет, прежде всего, то обстоятельство, что в Карпато-Поднестровье распространяются не просто кельты с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, а именно их одноушковый вариант.

Между тем, как следует из картографирования В.А. Дергачева, кельты с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, распространялись на территории Юго-Восточной Европы в трех основных ареалах. Это центральная и западная часть Северной Болгарии,

Карпато-Поднестровье и, наконец, очень значительная масса находок в Трансильвании — в ареале культуры Гава (Dergachev 2002: 167—169, Taf. 123), Однако в Болгарии, за единичными исключениями, распространялся именно безушковый вариант. В Трансильвании же и Карпато-Поднестровье — одноушковый (Dergachev 2002: 168, Taf. 123). То есть, тот вариант кельтов с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, который распространился в Карпато-Поднестровье, в Северо-Западной Болгарии практически отсутствует.

Заметим здесь также и то, что, как следует из результатов картографирования В. А. Дергачева, основными носителями одноушковых кельтов с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, вне Карпато-Поднестровья были именно представители «каннелированного гальштата» (!) — именно к этой общности относится культура Гава.

Не акцентируя пока этот момент, напомним, что, согласно В. А. Дергачеву, одноушковые кельты с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами — это результат синтеза традиций Вырбицкого очага и трансильванских традиций металлообработки (Дергачев 1997: 58; Dergachev 2002: 168). То есть, данный вывод как будто вполне коррелирует с результатами картографирования. В этой ситуации, однако, следует вспомнить, что культурная общность «каннелированного гальштата», по общепринятому на сегодняшний день мнению, сложилась в результате сложных культурно-трансформационных и миграционных процессов, решающую роль в которых сыграли импульсы из региона Среднего Подунавья — региона, расположенного выше Железных Ворот.

Это весьма важно, если учесть некоторые наблюдения и выводы, сделанные в свое время еще Е.Н. Черныхом. Рассматривая вообще одноушковые кельты с территории Болгарии (а не только орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами), он отмечал как их незначительное количество (23 экземпляра на тот момент), так и то, что они четко концентрируются «на Северо-Западе Болгарии — западнее реки Осым». Поэтому «по всей вероятности, в целом распространение в рассматриваемом районе этих кельтов обязано импорту, или же, скорее всего, подражаниям продукции более северных или же северо-западных очагов металлообработки ПБВ» (Черных 1978: 203). В другом месте своей работы, характеризуя в целом

Вырбицкий очаг, он указывает, что теснее всего он был связан с Дичевским, но вторые по значимости связи Вырбицкого очага «простирались в северо-западном направлении, где локализовались еще не очерченные отчетливо очаги Среднедунайской равнины» (Черных 1978: 253). То есть, можно полагать, что традиция изготовления одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, возникает все же в результате синтеза среднедунайских и вырбицких традиций металлообработки.

Разумеется, этот синтез мог происходить и на территории Трансильвании, в ареале культуры Гава. Однако, как следует из картографирования Е. Ушурелу (который учел целый ряд находок, не попавших в поле зрения его предшественников), именно в районе Железных Ворот, наряду с Трансильванией и Карпато-Поднестровьем, вырисовывается третий, очень значительный кластер одноушковых кельтов с арковидной и трапециевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами. Причем этот кластер очень точно соотносится с ареалом группы Хинова-Мала Врбица и тесно связанной с ней и расположенной непосредственно к западу группой Молдова Ноуэ-Либораждя (Gumă 1995: 135, pl. XVII), которые возникают под влиянием из Среднего Подунавья со стороны т. н. «поздней Кручень-Белегиш» в На А1 (Gumă 1995: 108).

По мнению румынских исследователей (Gumă 1995: 109), группа Хинова-Мала Врбица приняла активное, если не решающее, участие в формировании культуры каннелированного гальштата Кишинев-Корлатень в Карпато-Поднестровье. Поэтому именно группу Хинова-Мала Врбица я и предложил (Романчук 2009; 2009а) в качестве локуса, где происходил сначала синтез вырбицких и среднедунайских традиций, и откуда затем шла трансляция идеи одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье.³

³ Замечу, что мы наблюдаем еще ряд металлических изделий, появление которых в Карпато-Поднестровье, видимо, следует связывать с приходом носителей Хинова-Мала Врбица. По крайней мере, это двуспиральные смычковые фибулы. На мой взгляд, картографирование находок фибул этого типа, произведенное в недавно вышедшей прекрасной работе М. Т. Кашуба (Kašuba 2009: 213, Abb. 18) и показавшее наличие четкого кластера в районе Железных Ворот, подтвердило это еще раз. Вопрос о появлении на Среднем Днестре пластинчатых браслетов с рифлением (даже если считать их височными кольцами) остается для меня пока неясным, поскольку ранее аналогии таковым М. Т. Кашуба видела как раз в кладе Хинова (Кашуба

Здесь, прежде чем перейти к аргументации этой идеи на новом уровне, с использованием недавно обнаруженных фактов, я хотел бы сделать небольшое отступление. В связи с этой проблемой я ранее не включал в рассмотрение такую культурную группу штампованной керамики, как Инсула Банулуй, которая, напомним, занимала очень ограниченный ареал как раз в районе Железных Ворот на Дунае (Gumă 1993: 204). Именно данная группа традиционно предлагалась как один из главных предков культур Сахарна-Солончень и Козия.

Не включал я ее в рассмотрение потому, что она, на мой взгляд, слишком очевидно выпадала из списка возможных претендентов на роль транслятора вырбицких традиций — в опубликованных ранее работах я достаточно подробно обрисовал ряд существенных обстоятельств, которые тому препятствуют. Не пытаясь еще раз пересказать эти работы, считаю все же необходимым повторить некоторые самые важные моменты.

Итак, прежде всего, в более ранних работах я достаточно подробно аргументировал, почему Инсула Банулуй не может быть принята в качестве предка Сахарна-Солончень и Козия (Романчук 2003: 55—68; Романчук 2009б: 298—300). Укажу лишь на самое существенное: Инсула Банулуй является культурой, в орнаментации керамики которой практически на равных борются за преобладание очень богатый и разнообразный штампованный орнамент и не менее богатый и разнообразный каннелированный орнамент. Это резко отличает ее от культур Козия и Сахарна-Солончень, для которых характерно (особенно для последней) преобладание резной орнаментации керамики. Каннелюры в Козии представлены мало, а в Сахарна-Солончень они вообще почти полностью отсутствуют. Эти два момента имеют тем большее значение, что и доля штампованной орнаментации, и доля каннелюров нарастала в культурах резной и штампованной керамики от ранних к поздним — так, что самые поздние культуры характеризуются очень высоким удельным весом и штампа, и каннелюр. То есть, судя

2000: 348). Не пытаюсь пока решать этот вопрос, замечу, что мне кажется странным и другое обстоятельство. А именно то, что как раз в той части Приальпийской зоны, где картографирование показало достаточно четкий (и единичный) кластер «височных колец» (Kašuba 2009: 213, Abb. 18), полностью отсутствуют как односпиральные, так и двуспиральные смычковые фибулы (Kašuba 2009: 209, Abb. 15). Отсутствуют в ареале «височных колец» и другие типы ранних фибул (Kašuba 2009: 215, Abb. 19). Исключение составляет одна находка фибулы типа Posamenterie и три находки, не поддающиеся идентификации.

по ее орнаментальному ансамблю, Инсула Банулуй — одна из самых поздних культур общности КРШК и, очевидно, позднее даже культуры Козия.⁴

Этот вывод вполне согласуется с тем, что, как убедительно показал М. Гумэ, исходя из ряда параметров, датировать группу Инсула Банулуй возможно лишь не ранее времени На В2-На В3 (Gumă 1993: 208).

Если же теперь, имея в виду хронологическую позицию Инсула Банулуй, мы обратимся к проблеме трансляции традиций Вырбицкого очага металлообработки, то очевидно, что она возникает намного позднее, чем эти традиции пресеклись. Поэтому она явно не была, по крайней мере, тем локусом, в котором происходил синтез вырбицких и среднедунайских традиций.

Более того, очевидно, что у нас нет другого претендента (!) на роль локуса, где происходил синтез идеи одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, кроме культур каннелированного гальштата — Хинова-Мала Врбица — Молдова Ноуэ-Либоражда, и отчасти, видимо, Зимнича-Новград. И очевидно, что и трансильванский кластер одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, и связанный с такой культурой каннелированного гальштата, как Гава — тоже никак не мог возникнуть под влиянием Инсула Банулуй. Этого (не говоря о принципиальном не-родстве этих двух культур) не допускает уже датировка трансильванских комплексов, в которых впервые появляются эти кельты — в Северо-Западной Болгарии они датируются начиная с На А1 (Dergačev 2002: 169; Uşurelu 2003: 214); в Трансильвании, Банате, Юго-Восточной Сербии и Воеводине они появляются тоже еще в На А1 (Dergačev 2002: 168; Uşurelu 2003: 214—217).

⁴ Вообще, если в более ранних работах я ограничился тем, что продемонстрировал невозможность принятия Инсула Банулуй в качестве предка Сахарна-Солончень и Козия, то сегодня мне представляется необходимым поставить вопрос о том, что Инсула Банулуй сама возникает как результат какого-то импульса со стороны культуры Козия, наложившегося на локальные традиции района Железных Ворот. Получившееся производное было, очевидно, очень незначительным и территориально, и количественно, и, судя по всему, недолговечным. Во всяком случае, М. Гумэ отмечал, что на эпонимном поселении фактически отсутствует культурный слой, фиксируясь лишь вокруг жилищ, где он составляет не более 0,2 м (и лишь в отдельных случаях — 0,7 м). Это, по его мнению, свидетельствует о непродолжительности существования как эпонимного поселения, так и культуры Инсула Банулуй в целом (Gumă 1993: 205).

Поэтому мне представляется, что у нас нет и других претендентов, кроме носителей каннелированного гальштата, на то, чтобы принести традицию одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье. Впрочем, решающее значение в данном случае имеет ответ на вопрос — а когда, собственно говоря, проникают одношковые кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье? Можем ли мы это установить? Полагаю, что такая возможность у нас есть.

Прежде всего, следует отметить, что два экземпляра одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, происходят из окрестностей села Ружиноаса (долина Сирета). И, согласно Е. Ушурелу, эти находки были «необоснованно атрибутированы кладу Ружиноаса» (Uşurelu 2003: 214). Напомню, что клад Ружиноаса датируется На А1, происходит с поселения культуры Кишинев-Корлатень и, соответственно, относится к культуре Кишинев-Корлатень (Levițki 1994: 145).

Итак, вопрос заключается в том, включать или не включать эти находки в состав клада Ружиноаса?

На мой взгляд, отвечая на этот вопрос, мы должны иметь в виду следующее. Во-первых, эти два одношковых кельта, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, происходят из того же урочища Дялул Фрэтештелор, что и клад Ружиноаса (Vatamanu 1985: 483). Во-вторых, именно на территории Дялул Фрэтештилоар обнаруживается керамика культуры Кишинев-Корлатень (Vatamanu 1985: 483, 485). То есть, как и клад Ружиноаса, эти два одношковых кельта, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, происходят с того же поселения культуры Кишинев-Корлатень (!). И вокруг Ружиноаса отсутствуют поселения культуры Козия (Кашуба 2000: 256, рис. III). В этой ситуации, как мне кажется, уже не столь важно, входили ли эти кельты в состав собственно клада Ружиноаса.

Продолжая, замечу, что вообще пространственное распределение находок одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье хорошо соответствует как раз ареалу культуры Кишинев-Корлатень. И плохо — ареалам культур Сахарна-Солончень и Козия (Dergačev 2002: Taf. 123; Uşurelu 2003: 212, fig. 1).

№2. 2010

Так, лишь одна находка происходит из ареала Сахарна-Солончень (Матеуцы). Далее, всего четыре находки происходят из района максимальной концентрации поселений культуры Козия — междуречья Бырлада и Жижии (район, весьма плотно заселенный и во времена Кишинев-Корлатень). Тогда как регион между Прутом и Реутом, где практически отсутствуют поселения культур Козия или Сахарна-Солончень (но зато много поселений Кишинев-Корлатень), дал семь находок. Это около 30% от их общего числа в Карпато-Поднестровье.

Далее, опять-таки, всего лишь четыре поселения культуры Козия имеются в долине Сирета. (Кашуба 2000: 256, рис. III). А именно из долины Сирета происходят еще семь находок кельтов этого типа (Uşurelu 2003: 212, fig.1). Во времена же Кишинев-Корлатень долина Сирета была достаточно плотно заселена (Leviţki 1994: 177, fig. 1).

Думается, эта картина пространственно-распределения в Карпато-Поднестровье одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, однозначно свидетельствует в пользу Кишинев-Корлатень как носителя этой традиции в данном регионе.

В этом же контексте следует упомянуть и находку одноушкового кельта, орнаментированного вертикальными линиями-нервюрами, с поселения Дриду-Ла Метерезе (бассейн реки Яломица в Мунтении). Мое внимание на нее обратил Е. Ушурелу.

Это поселение каннелированного гальштата, и в одной из землянок этого поселения был обнаружен известный клад Дриду, датируемый Ha B1, в составе которого много вещей западного, среднедунайского происхождения (Gumă 1995: 109).

Румынская исследовательница Е. Ренца, вводящая в научный оборот материалы поселения Дриду-Ла Метерезе, полагает, что это поселение (как и ряд соседних памятников), относится к культуре Кишинев-Корлатень (Renţa 2008: 83, 101). Находка эта чрезвычайно важна, но, вместе с тем, я не берусь судить, насколько правомерно включение этих памятников в состав культуры Кишинев-Корлатень. Скорее все же, мне представляется, что это отдельная культурная группа каннелированного гальштата — пусть и достаточно близкая к Кишинев-Корлатень.

Помимо самих кельтов, представляется, однако, что здесь может помочь привлечение к анализу и серпов типа Вырбица — они тоже проникают в Карпато-Поднестровье (Дергачев, Бочкарев 2002: 272, карта 31), но весьма ред-

ки здесь. Впрочем, они редки и собственно в ареале Вырбицкого очага — причиной тому их сравнительно непродолжительное существование. Серпы типа Вырбица датируются значительно уже одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями — Ha A1 преимущественно (Дергачев, Бочкарев 2002: 274). Правда, в другом месте своей работы В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев указывают, что “The Vyrbica variant was mainly used during Ha A and partly Ha B periods” (Дергачев, Бочкарев 2002: 346).

Однако серпы типа Вырбица появляются в Карпато-Поднестровье в достаточно четком культурном и хронологическом контексте. Два экземпляра происходят из клада Негрешть, и обломок серпа — с поселения культуры Ноуа (Дергачев, Бочкарев 2002: 268, 269). Клад Негрешть тоже атрибутируется культурой Ноуа (Дергачев 1997: 25; Petrescu-Dîmboviţa 1977: 31, 76).

Соответственно, здесь возникает вопрос: должны ли мы предположить, что серпы типа Вырбица и одноушковые кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, проникают в Карпато-Поднестровье в разное время? Полагаю, что ключ к ответу может дать анализ состава клада Негрешть (Petrescu-Dîmboviţa 1977: 76, pl. 84).

Согласно типологии кельтов и серпов В.А. Дергачева, клад Негрешть содержит: два экземпляра кельтов типа Негрешть, три экземпляра кельтов типа Ружиноаса, два серпа типа Вырбица и один серп «типа Германешть, варианта Илишень».

Тип кельтов Негрешть был выделен В.А. Дергачевым (Дергачев 1997: 25; Dergačev 2002: 137—138, Taf. 109). Этот тип распространялся в кладах периода Bг D в Карпато-Поднестровье, а в Трансильвании, за редким исключением, в кладах Ha A. Впрочем, в Карпато-Поднестровье экземпляр кельта типа Негрешть был обнаружен и в кладе Жижия (Dergačev 2002: 138; Şadurschi 1989: 177, fig.4). Этот клад относят к Ha B1 (Dergačev 2002: 169; Uşurelu 2003: 214). Правда, В.А. Дергачев считает эту находку исключением из правила и более поздним деривативом от типа Негрешть — с аналогиями в кладах Ha A из Олтении, Трансильвании и Мунтении (Дергачев 1997: 25). Е. Ушурелу тоже указывает на аналогии этому кельту в кладе Пленица в Олтении (Ha A2), а также Козла и Петрошница в Банате (Ha A1-Ha A2) (Uşurelu 2003: 214). Как бы то ни было, представленность кельтов типа Негрешть в кладах Ha A1 в Трансильвании вне сомнений.

Серпы варианта Илишень являются самым поздним из вариантов типа Германешть и доминируют в кладках периода На А1 в Карпато-Поднестровье (Дергачев, Бочкарев 2002: 226, 234—236).

Кельты типа Ружиоаса характерны, главным образом, для кладов периода Вг D в Карпато-Поднестровье, но имеется одна находка и в кладе времени На А1 (клад Илишень). В Трансильвании же этот тип существует опять-таки дольше — в течение На А и даже На В частично (30 кладов и более чем 90 экземпляров этого типа) (Dergachev 2002: 145).

И, наконец, два экземпляра серпов типа Вырбица — типа, как было указано выше, датирующегося На А1. В своей монографии В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев подчеркивают, что, по сравнению с более ранними серпами типа Дичево, «малые серпы — вариант Вырбица, происходят только из кладов На А1» (Дергачев, Бочкарев 2002: 262).

Таким образом, все это склоняет к тому, чтобы и весь клад Негрешть датировать временем На А1. И что серпы и кельты, восходящие в конечном итоге к традициям Вырбицкого очага металлопроизводства, распространяются в Карпато-Поднестровье одновременно — в первой половине На А1, когда культуру Ноуа сменяет Кишинев-Корлатень (см: Дергачев, Бочкарев 2002: 236).

В этом контексте важно указать, что серпы типа Вырбица представлены и в Центральной Трансильвании (и именно в комплексах времени На А1), а также и на территории Сербии (Добринци) и Венгрии (Polotabazsok) (Дергачев, Бочкарев 2002: 274). То есть, серпы типа Вырбица демонстрируют тот же процесс синтеза вырбицких и среднедунайских традиций, что и одноушковые кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами. В свое время Е. Н. Черных писал, что «местное производство малых серпов без кнопки возникло в Северной Болгарии под влиянием более северных очагов»; основные типологические аналогии им происходят из Среднего Подунавья, «Тиса, Сава, Драва, отчасти Трансильвания и далее на северо-запад» (Черных 1978: 224). При этом, отмечал он, в отличие от больших серпов (т.е. типа Дичево), малые серпы (т.е. типа Вырбица) тяготеют к западу Северной Болгарии — бассейну рек Вит и Осым и изготавливались из бронзы химической группы X, по терминологии Е. Н. Черных (большие серпы — из бронзы группы XI) — что тоже сближает их со среднедунайскими очагами металлообработки.

Таким образом, все вышеприведенное, на мой взгляд, достаточно убедительно свидетельствует в пользу того, что кельты и серпы, восходящие, в конечном итоге, к традициям Вырбицкого очага металлообработки, были принесены в Карпато-Днестровский регион из района Железных Ворот именно представителями «каннелированного гальштата» — предками культуры Кишинев-Корлатень.⁵ Представители же культур резной и штампованной керамики не имели к этому никакого отношения. И никак, даже на уровне самых ранних групп, не восприняли металлургических традиций Вырбицкого очага. Зато эти самые ранние группы культур резной керамики (в лице Балта и Холеркань-Ханска) демонстрируют очевидную преемственность с традициями северопричерноморских очагов металлообработки эпохи поздней бронзы. Это вполне согласуется с предложенной мной ранее (Романчук 2003) гипотезой о локальном, северопричерноморском происхождении культурной общности КРШК Карпато-Поднестровья.

Благодарности

Прежде всего, я крайне признателен И.В. Бруяко, который очень тепло отнесся к моим первым наработкам по кельтам и серпам — для меня это было чрезвычайно важно. Не менее признателен я и Е. Ушурелу, не только высказавшему очень ценные и конструктивные замечания по поводу этой работы, но также предоставившему мне и возможность ознакомиться с его собственными, еще не опубликованными, наработками по этой проблеме. Кроме того, хочу поблагодарить его за помощь в ознакомлении с рядом редких и трудно-

⁵ Существует еще сложный вопрос о том, как именно продвигались носители культуры Кишинев-Корлатень в Карпато-Поднестровье. Ряд исследователей, в том числе и Е. Ушурелу, склонны считать, что их движение шло по долине Дуная. Не берясь здесь решать эту проблему, отмечу только, что и в Мунтении, и в Добрудже кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, появляются позже — лишь в На В1 (Uşurelu 2003: 214—217). Причем они весьма редки и относятся к варианту одноушковых (Dergachev 2002: Taf. 123). А серпы типа Вырбица не обнаружены в Мунтении и Добрудже вообще (Дергачев, Бочкарев 2002: 272, табл. 31). Поэтому, если предки Кишинев-Корлатень и двигались по долине Дуная, то это, видимо, было быстрое, даже молниеносное продвижение. А появление одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Мунтении и Добрудже — это либо результат каких-то более поздних импульсов из района Железных Ворот, либо же — обратное влияние, со стороны, возможно, уже Кишинев-Корлатень.

№2. 2010

доступных работ, что существенно помогло мне в работе над статьей. Также за весьма ценные советы и замечания по поводу данной статьи я хотел бы поблагодарить Н. Борофка,

В.А. Дергачева, В.С. Клочко, О.Г. Левицкого и особенно Т. Сорочану, который просто открыл меня своей доброжелательностью, открытостью и полным отсутствием снобизма.

Литература

- Агульников С.М. 2005. Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья. *Revista arheologică* (S.N.) I (1), 77—91.
- Ванчугов В.П. 1983. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы. В: Дзис-Райко Г.А. (отв. ред.). *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 88—101.
- Ванчугов В.П. 1993. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Древности причерноморских степей*. Киев: Наукова думка, 28—39.
- Гоцев А., Шалганова Т. 2004. Керамический комплекс «Камен Рид», Северо-Восточная Болгария и ранний железный век восточнобалканского культурного круга. В: Niculiță I.T. (red. resp.). *Tracii și lutea circumponțică*. Chișinău: Reclama, 60—61.
- Дергачев В.А. 1997. *Металлические изделия: к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона*. Кишинев: Академия наук Молдовы.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Кашуба М.Т. 1999. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой. *Stratum plus* (3), 369—389.
- Кашуба М.Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом. *Stratum plus* (3), 241—488.
- Левицкий О.Г. 2002. Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье — о диалоге миров. В: Кетрару Н.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от неолита к античности*. Тирасполь: Типар, 180—205.
- Романчук А.А. 2003. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата. *Stratum plus* (3), 8—117.
- Романчук А.А. 2009. Культурно-хронологическое и генетическое соотношение ранних групп КРШК. В: Степанов В.П. (отв. ред.). *Сохранение культурного наследия в странах Европы: материалы конференции*. Кишинев: Бизнес-Элита, 53—56.
- Романчук А.А. 2009а. Металлические изделия (кельты и серпы) и генезис исторической общности КРШК эпохи раннего гальштата Карпато-Днестровского региона. *МАСП* 9, 54—67.
- Романчук А.А. 2009б. Басарабский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень. *Stratum plus* (3), 297—307.
- Стоянов Т., Ников К. 2003. Спасительни сондажни проучвания на обекти от ранножелязната епоха в землището на с. Рогозиново, Харманлийско. *Годишник на Софийския Университет “Св. Климент Охридски”*. Исторически факултет. Специалност археология 2, 7—92.
- Черниенко Ю.А. 1993. Строительное дело Белозерской культуры: традиции и инновации. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Древности причерноморских степей*. Киев: Наукова думка, 40—45.
- Черных Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва: Наука.
- Черных Е.Н. 1978. *Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии*. София: Издательство на БАН.
- Черняков И.Т. 1985. *Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э.* Киев: Наукова думка.
- Alexandrescu A.D. 1973. La nécropole du bronze récent de Zimnicea (dep. de Teleorman), *Dacia* (N.S.) 17, 77—98.
- Alexandrescu A.D. 1978. Sépulture du premier Age du Fer a Zimnicea (dep. de Teleorman), *Dacia* (N.S.) 22, 115—124.
- Boroffka N. 2009. Buchbesprechungen: V. Dergačev, *Die äneolithischen und bronzzeitlichen Metallfunde aus Moldavien*. PBF XX, 9. *Eurasia Antiqua* 14, 341—346.
- Czyborra I. 2005. Die ältere Eisenzeit türkisch Thrakiens und ihr Verhältnis zur südosteuropäischen Urnenfelder- und Hallstattzeit: http://en.scientificcommons.org/ina_czyborra
- Dergačev V.A. 2002. *Die äneolithischen und bronzzeitlichen Metallfunde aus Moldavien*. PBF XX (9).
- Dobrinescu I.C. 2005. Noi puncte de vedere privind cronologia bronzului târziu și a începutului epocii fierului în Dobrogea. *Studii de Preistorie* 2, 203—206: <http://www.arheologie.ro/doc/sp2/Dobrinescu.pdf>
- Dobrinescu I.C. 2008. *Bronzul târziu și începutul epocii fierului în sectorul inferior al Dunării de Jos*. Ph.D. diss. Thesis. Constanța: <http://www.univ-ovidius.ro/stiri-si-noutati/downloads/rezumat-dobrinescu.pdf>
- Gumă M. 1993. *Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României*. București: S.C. Melior Trading S.R.L.
- Gumă M. 1995. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review. *Thraco-Dacica* 16, 99—137.
- Iconomu C. 1996. Cercetările arheologice din cetatea Poceaca-Iași. *Arheologia Moldovei* 19, 21—56.
- Irimia M. 2001. Descoperiri din bronzul târziu pe teritoriul Dobrogei și unele probleme privind cultura Cosloveni. *Thraco-Dacica* 22 (1—2), 183—196.
- Kašuba M. 2009. Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa. *Eurasia Antiqua* 14, 193—232.
- Krauß R. 2005. Der Depotfund von Ovča Mogila, Kreis Svištov (Bulgarien): Zur Datierung der Bronzehorte von der unteren Donau über mykenische Schwerter. In: Horejs B., Jung R., Kaiser E., Teržan B. (Hrsg.). *Interpretationsraum Bronzezeit*. Bonn: Habelt, 199—210.
- Krauss R. 2006. Indizien für die Mittelbronzezeit in Nordbulgarien. *Arheologia Bulgarica* 10/3: 3—26: <http://www.ufg.uni-tuebingen.de/fileadmin/Juenge-re/Mitarbeiter/Krauss/Indizien.pdf>
- Laszlo A. 1972. O așezare halstattiană la Cozia (jud. Iași). *Arheologia Moldovei* 7, 207—222.
- Laszlo A. 1986. Grupul Tămăoani. Asupra orizontului hallstattian timpuriu cu ceramica incizată din sudul

- Moldovei. *Memoria Antiquitatis* 12—14, 65—91.
- Leahu V. 1978. Cu privire la raporturile culturii Tei cu unele culturi ale epocii bronzului din Balcani. *SCIVA* 29 (1), 43—72.
- Levițki O.G. 1994. *Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați*. București: Institutul de Thracologie.
- Levițki O.G. 1994a. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată. In: Roman P. and Toma I. (eds.). *Relations Thraco-Illiro-Helléniques*. București: Institutul de Thracologie, 219—256.
- Levițki O.G. 2000. Tradiții hallstatiene în producția ceramicii culturii Belozerka. *Thraco-Dacica*, 21, 177—209.
- Lichardus u.a. 1999: Lichardus J., Iliev I., Christov Ch. 1999. Die Spätbronzezeitlichen „Steinstößel Zepfer“ in Südostbulgarien und die Frage der nordpontischen Verbindungen zur Ägäis. *Eurasia Antiqua* 5, 95—110.
- Lichardus u. a. 2003: Lichardus J., Echt R., Iliev I., Christov Ch. 2003. Die Spätbronzezeit an der Unteren Tundža und die ostägäischen Verbindungen in Südostbulgarien. Mit Beiträgen W.-R. Thiele und J.C. Becker. *Eurasia Antiqua* 8, 133—184.
- Morintz S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii*. București: Editura Academiei RSR.
- Morintz S., Angelescu N. 1970. O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni. *SCIV* 21 (3), 373—416.
- Palincaș N. 1997. Ceramica Zimnicea-Plovdiv de la Căscioarele. *SCIVA* 48 (3), 237—254.
- Petrescu-Dîmbovița M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București: Editura Academiei RSR.
- Rența E. 2008. *Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomița*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Romanchuk A.A. 2009. Axes, sickles and Incised Pottery entities (Ha A— Ha B1): [http://moldo.org/2 nd.php?idm=1&ida=56](http://moldo.org/2_nd.php?idm=1&ida=56).
- Șadurschi P. 1989. Piese metalice din epoca bronzului descoperite pe teritoriul județului Botoșani. *Hierasus* 7—8, 157—182.
- Ușurelu E. 2003. Considerații cu privire la culturile de tip Cozia-Saharna. In: Sava E. (ed.). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chișinău: Institutul de arheologie și etnografie, 211—219.
- Ușurelu E. 2006. *Relațiile culturale ale comunităților bronzul târziu din spațiul Carpato-Nistean*. Autoref. tezei de doctor în științe istorice. Chișinău.: http://www.cnaa.md/files/theses/2006/5241/eugen_usurelu_abstract.pdf
- Vančugov V.P. 1996. Das Ende der Bronzezeit im nordlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur. *Eurasia Antiqua* 2, 287—310.
- Vatamanu I. 1985. Noi date referitoare la depozitul de la Ruginoasa, județul Neamț. *Memoria Antiquitatis* IX—XI, 483—490.
- Vernescu M. 2004. Materiale de tip Coslogeni descoperite în așezările hallstatiene timpurii din Cîmpia Brăilei. *Istros* 11, 337—345.

Статья поступила 22 декабря 2009 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. High Anthropological School.

Aleksey Romanchuk (Chișinău, Moldova). Magistru în antropologie. Universitatea «Școala Antropologică Superioară».

Романчук Алексей Андреевич (Кишинев, Молдова). Магистр антропологии. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: dierevo@mail.ru , dierevo5@gmail.com

Исследования и публикации

Research and publications
Cercetări și publicații

Д. Л. Гаскевич

Северо-понтийское импрессо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы

D. L. Gaskevych.

North-Pontic Impresso: Origin of the Neolithic Pottery with Comb Decoration in the South of Eastern Europe.

Archaeologists so far have connected appearance of ware with pointed and rounded bottoms and comb decoration on the northern part of the Black Sea area with spread of inhabitants of northern and northeast regions to the south. Large series of absolute dates of Neolithic sites of Eastern Europe have been received in the Kiev radiocarbon laboratory recently. They have shown that such pottery appeared in the northern part of the Black Sea area earlier than on the Upper Dnieper region, the Volga river region, the Kama river basin and the Trans-Ural area. These data suggest incorrectness of existing hypotheses. Alternatively to these, the author proposes to regard North-Pontic Neolithic with comb decorated pottery as a part of the area of Mediterranean Neolithic cultures with Impresso ware.

The possible Mediterranean prototype of the North-Pontic pottery with comb decoration could be ware of the North Africa Neolithic known as the «Saharan Sudanese Complex» or the «Khartoum Mesolithic». Formed in 9—8 thousand cal BC, in the middle 7 thousand cal BC it could diffuse to the Near East, and further — to the Northern Black Sea coast. Radiocarbon dates show high speed of this process. It corresponds to concept of «leapfrog colonization» founded on a coasting (model of «maritime pioneers» by J. Zilhão). Occurrence of the Neolithic pottery in the region only after formation of the Bosphorus Strait which has united the Black Sea with the Mediterranean supports possible maritime colonization of the Northern coast of the Black Sea too.

Sites left by the Mediterranean migrants with full «Neolithic package» have not been found in the northern part of the Black Sea area so far. It can result from their position on nowadays flooded fertile lowlands along the coast of the sea, the level of which rose more than 10 m over the last 8.5 thousand years.

On the other hand, one fragment of the vessel with Cardium decoration was found on the Savran' site of the Bug-Dniester culture. It suggests settlement here of some Mediterranean makers of Cardium ware in the northern part of the Black Sea area, or of their contacts with local population. Availability of ware with comb and linear decoration, all attributes of which are met in ceramics of Impresso-ware zone, and also specific «Neolithic» flint implements, bones of domestic animals, polished stone artifacts, found on Neolithic settlements of the North-Pontic area, also can be evidence of contacts of the local population with Mediterranean migrants who lived on the Black Sea coast.

D. L. Gaskevych.

Impresso de tip Nord Pontic: originea ceramicii neolitice cu ornament cu pieptene din sudul Europei de Est.

Apariția ceramicii cu fund ascuțit și rotunjit, cu ornamente făcute cu dintele și cu pieptenele în spațiul nord-pontic, pînă în prezent, se lega de către arheologi de răspîndirea spre sud a locuitorilor din regiunile nordice și nord-estice. Serii semnificative de date absolute ale monumentelor neolitice din Europa de Est, obținute recent în laboratoarele de radiocarbon din Kiev, au arătat că astfel de vase au apărut pe coasta nordică a Mării Negre mai devreme decît în regiunea Niprului de Sus, râului Volga, bazinului râului Kama și Transuralia. Aceste date sunt o dovadă convingătoare a netemeinicii ipotezelor existente. Drept alternativă autorul propune să studieze neoliticul de pe Marea Neagră, cu ceramica ornamentată cu pieptene, ca o parte a culturilor neolitice mediteranene cu ceramică de tip Impresso.

Drept prototip posibil mediteranean al ceramicii din spațiul nord-pontic cu un ornament de tip pieptene, ar putea fi considerate vase neolitice din Africa de Nord, cunoscute sub denumirea de «complexul Sahara-Sudan» sau «Mezoliticul Khartoum». Apărute în mileniile IX—VIII cal BC, către mijlocul mileniului al VII-lea cal BC acestea ar putea ajunge la Orientul Mijlociu și mai departe — la coasta de nord a Mării Negre. O viteză mare de răspîndire a acestora, confirmată de datele radiocarbon, corespunde modelului de «colonizare în salturi» bazată pe navigație maritimă pe distanțe scurte

(conceptul de “pionieri maritimi” al lui J. Zilhão). Posibila colonizare maritimă a spațiului nord-pontic poate fi atestată prin apariția în regiunea această a ceramicii neolitice abia după formarea strâmtoarei Bosfor, când Marea Neagră deja a devenit parte a zonei Mării Mediterane.

Așezările migranților mediteraneeni cu un întreg “pachet neolitic” încă nu au fost descoperite în nordul Mării Negre. Acest lucru poate fi explicat prin localizarea unor așezări pe șesuri fertile de pe coastă, acum inundate de apele mării, al căror nivel s-a ridicat cu mai mult de 10 m în ultimii 8.5 mii de ani.

Pe de altă parte, un fragment al vasului, cu ornament de tip cardium, a fost descoperit în așezarea din cadrul culturii Savran din regiunea Bug-Nistru. Această constatare indică localizarea în nordul Mării Negre a purtătorilor de tradiție a ceramicii cu ornament de tip cardium sau contactele acestora cu locuitorii din regiunea dată. Vasele cu ornamente cu pieptene și linii, toate semnele ale cărora se găsesc pe vasele neolitice cu ceramica de tip Impresso, precum și inventarul specific “neolitic” din silex, oase de animale domestice, articole din piatră șlefuită, găsite pe așezări neolitice de pe coasta nordică a Mării Negre, de asemenea, pot indica contactele între locuitorii acestora și migranții mediteraneeni de pe coasta Mării Negre.

Д. Л. Гаскевич.

Северо-понтійське імпресо: походження неолітичної кераміки з гребенчатим орнаментом на юге Восточної Європи.

Появлення остродонної і округлодонної кераміки з зубчато-гребенчатим орнаментом в Северному Причорномор'ї до настоящего времени связывалось археологами с распространением на юг обитателей северных и северо-восточных регионов. Значительные серии абсолютных дат неолитических памятников Восточной Европы, полученные в последнее время в Киевской радиоуглеродной лаборатории, показали, что такая посуда появилась в Северном Причерноморье раньше, чем в Верхнем Поднепровье, Поволжье, бассейне Камы и Зауралье. Эти данные убеждают в необоснованности существовавших гипотез. Как альтернативу им автор предлагает рассматривать причерноморский неолит с гребенчатой орнаментацией керамики как часть области средиземноморских неолитических культур с керамикой импресо.

Возможным средиземноморским прототипом северо-причерноморской керамики с гребенчатим орнаментом могла быть посуда неолита Северной Африки, известного как «сахаро-суданский комплекс» или «хартумский мезолит». Сформированная в 9—8 тыс. cal BC, к середине 7 тыс. cal BC она могла попасть на Ближний Восток, и далее — на северное побережье Черного моря. Высокая скорость её распространения, засвидетельствованная радиоуглеродными датами, отвечает модели «скачкообразной колонизации», основанной на каботажном плавании (концепция «морских пионеров» Ж. Зильяна). О возможности морской колонизации Северного Причерноморья свидетельствует появление тут неолитической керамики лишь после образования Босфорского пролива, когда Черное море уже стало частью Большого Средиземноморья.

Поселения средиземноморских мигрантов с полным «неолитическим пакетом» в Северном Причерноморье пока не найдены. Это может объясняться их расположением на плодородных прибрежных низменностях, в настоящее время затопленных морем, уровень которого в течение последних 8,5 тысяч лет повысился более чем на 10 м.

С другой стороны, один фрагмент сосуда с кардиумным орнаментом был обнаружен на поселении бугонднестровской культуры Саврань. Эта находка свидетельствует о проживании в Северном Причерноморье носителей традиции кардиумной орнаментации керамики или об их контактах с жителями этого региона. Посуда с гребенчатым и линейным орнаментом, все признаки которой встречаются на посуде неолита с керамикой импресо, а также специфичный «неолитический» кремневый инвентарь, кости домашних животных, полированные каменные изделия, найденные на неолитических поселениях Северного Причерноморья, также могут свидетельствовать о контактах их обитателей со средиземноморскими мигрантами, жившими на побережье Черного моря.

Keywords: Neolithic, North-Pontic area, Mediterranean area, comb decoration, Impresso ware, Cardium ware, maritime colonization.

Cuvinte cheie: neolitic, zona nord-pontică, zona mediteraneană, ornament cu pieptene, ceramica de tip Impresso, ceramica de tip Cardium, colonizarea maritimă.

Ключевые слова: неолит, Северное Причерноморье, Средиземноморье, гребенчатый орнамент, керамика импресо, керамика кардиум, морская колонизация.

Вступление

В течение двух последних десятилетий в изучении неолита Северного Причерноморья, которое занимает степные и лесостепные территории между Дунаем на западе и Доном на востоке, наиболее дискутируемыми являются две проблемы. Первая проблема — это процесс «неолитизации» данного региона, то есть появление тут основных составляющих так называемого «неолитического пакета» (Neolithic package). Обычно под ним подразумевают поселения с долговременными сооружениями, земледелие и животноводство, шлифованные каменные изделия, керамическую посуду, прогрессивную кремнеобработку, основанную на получении отжимных пластин, из которых изготавливается значительная часть орудий, в т. ч. многочисленные геометрические микролиты. Поскольку источником «неолитизации» Северного Причерноморья большинство исследователей считают более развитые общества Передней Азии, предметом дискуссии стали лишь время и пути её распространения: западный — через Балканы и Подунавье, или восточный — через Кавказ или Закаспий. Вторая широко обсуждаемая проблема — происхождение первой неолитической керамики юга Восточной Европы. Длительное время как альтернатива её ближневосточного генезиса рассматривалась возможность независимого восточноевропейского появления керамического производства, что как будто подтверждалось очень ранними радиоуглеродными датами елшанской неолитической культуры лесостепного Поволжья.

При рассмотрении обеих проблем основное внимание исследователей было приковано к наиболее ранним образцам неолитической керамики, которая характеризуется или ближневосточными признаками (плоскодонность, развитость форм и технологий), или подобием с елшанскими образцами (примитивные остродонные горшки без орнамента или украшенные разреженными наколами и простыми линейными композициями). При этом намного меньше внимания уделялось остро- и округлодонной посуде, украшенной зубчато-гребенчатым орнаментом. Его появление в лесостепной и степной зоне региона традиционно рассматривалось как проявление влияния населения более северных и северо-восточных территорий, которое привело к трансформации местной раннеолитической керамики южного или восточного происхождения (Телегин 1968: 229—231; Даниленко 1969: 35, 36, 153, 156; 1974: 39; Котова 1994: 55; Kotova 1998: 181—183).

Пожалуй, наиболее ярким проявлением посуды с зубчато-гребенчатым¹ орнаментом в Северном Причерноморье является керамика так называемого «самчинского» типа буго-днестровской неолитической культуры (далее — БДК). Ее своеобразие особенно заметно из-за значительного контраста между самчинским и другими типами керамики этой культуры — скибинецко-сокильцивским и пещерским, — имеющими яркие признаки посуды раннеземледельческого неолита Балкан и Карпато-Подунавья (Даниленко 1969: 152—153). Радиоуглеродные даты неолитических памятников, в инвентаре которых есть керамические сосуды с характерными самчинскими чертами, свидетельствуют об их довольно раннем возрасте и позволяют по-новому подойти к решению проблемы как происхождения традиции зубчато-гребенчатой орнаментации в Северном Причерноморье, так и неолитизации этого региона в целом.

1. Керамика самчинского типа: История выделения. Общая характеристика

Керамика самчинского типа была выделена В. Н. Даниленко. В самых общих чертах он охарактеризовал её как округлодонную посуду, украшенную гребенчатым орнаментом (Даниленко 1969: 156). Впервые термин «керамика типа Самчинцы» был использован в октябре 1958 г. Он содержится в записи полевого дневника В. Н. Даниленко, описывающей разведочные работы П. И. Хавлюка на памятниках Ладыжин I и Ладыжин II, которые расположены на правом берегу р. Южный Буг, вблизи г. Ладыжин Винницкой области (Даниленко 1958). По утверждению исследователя, это название связано с эталонной коллекцией керамики, найденной им и П. И. Хавлюком в 1957 г. при расчистке «кухонной кучи» на памятнике Самчинци II,² расположенном на левом берегу Южного Буга, вблизи железнодорожной станции Самчинци в с. Райгород Нэмыривского района Винницкой области (Даниленко 1959—1961; 1969: 65, 118).

¹ Под «зубчатым» автор подразумевает орнамент, при нанесении которого один оттиск штампа оставляет след из двух или более углублений. При этом «гребенчатый» орнамент является частным проявлением «зубчатого».

² Тут и далее, приводя названия населенных пунктов, расположенных на территории Украины, а также производные от них названия археологических памятников, автор не переводит их на русский язык, а использует русскую транслитерацию украинских названий.

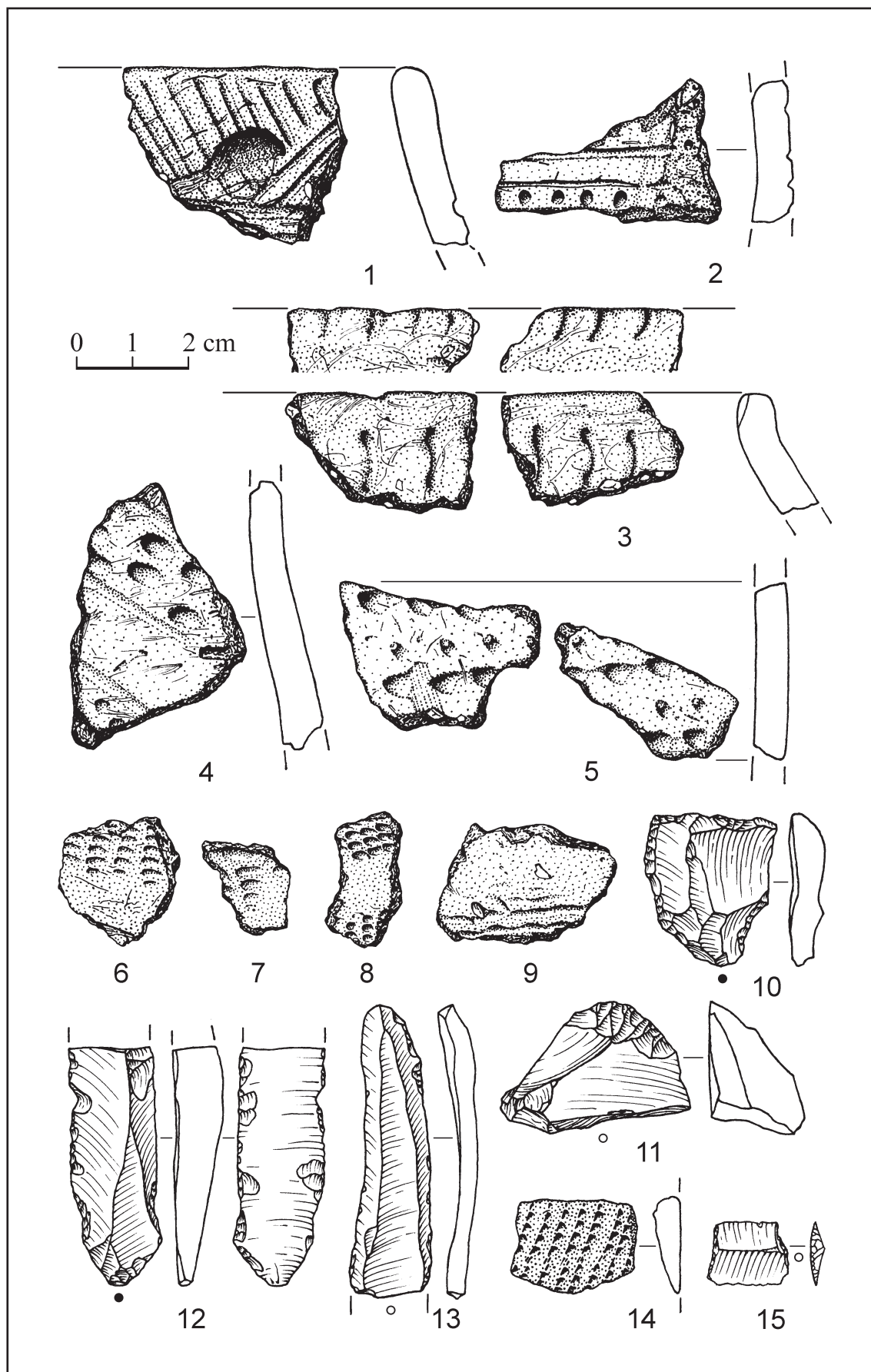
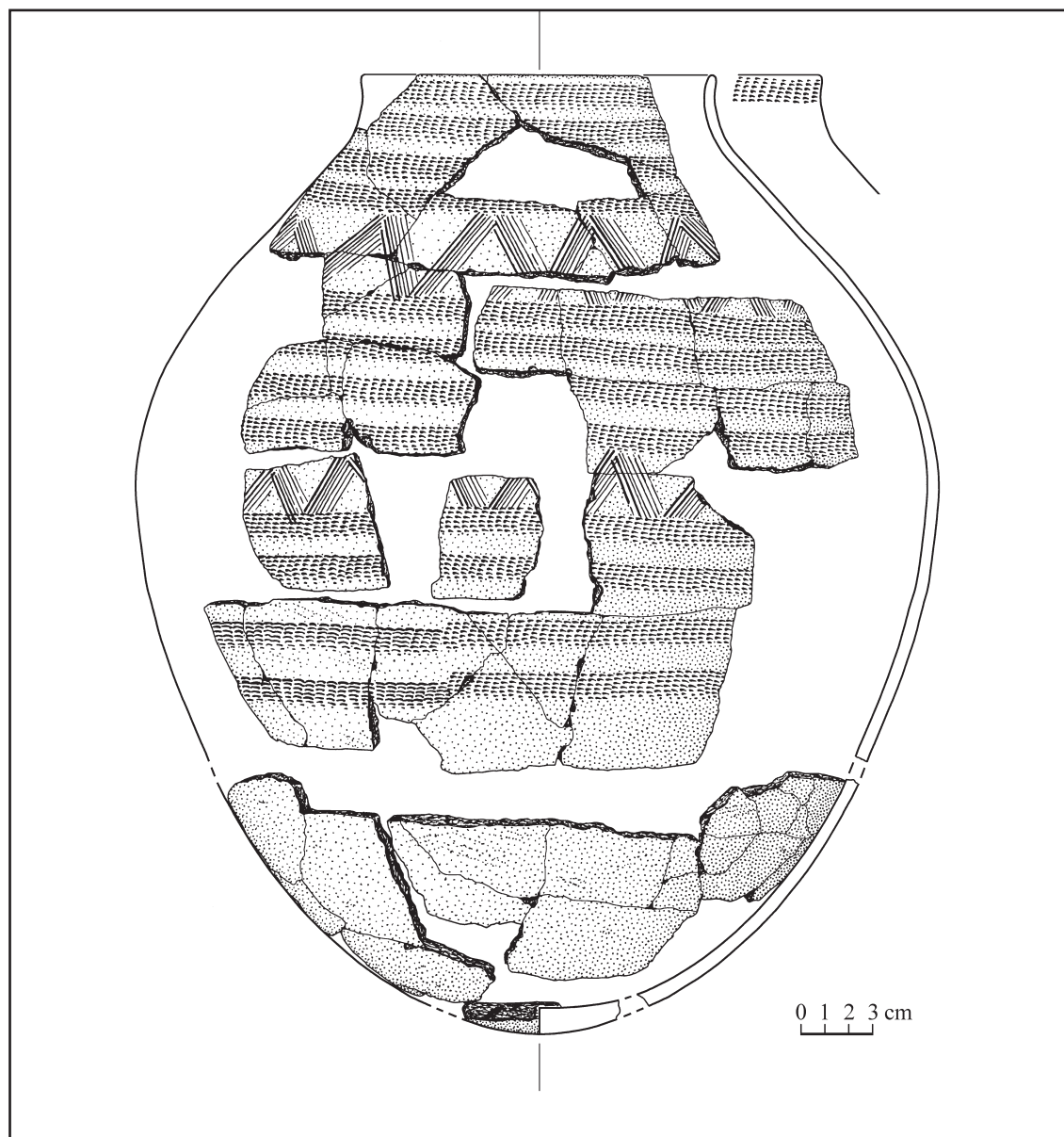

Рис. 1. Самчинцы II (1—13), Завалля (14, 15). Керамика (1—9, 14) и кремневые изделия (10—13, 15). 6—9 — по фотографиям из полевого отчета В. Н. Даниленко (Даниленко 1958: табл. I).

Рис. 2. Самчинци I. Графическая реконструкция сосуда № 3.

Знакомство с коллекцией Самчинцев II, находящейся в Институте археологии НАН Украины, заставляет усомниться в этом утверждении В. Н. Даниленко, поскольку из-за значительной фрагментированности и маленьких размеров обломков керамика совершенно неинформативна с точки зрения изучения формы посуды (рис. 1: 1—9). В ней, как и в инвентаре всех остальных памятников БДК, известных на 1957 г., отсутствуют находки достоверно округлодонных сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом (Гаскевич 2008а). К тому же этот памятник не был ни первым с материалами такого типа, обнаруженным на Южном Буге, ни самым ярким или самым богатым по количеству находок. Удивление вызывает и то, что не в 1957 г., а только через год после исследования этот

пункт начинает выступать в качестве эталонного и эпонимного.

Более вероятной выглядит связь названия «керамика самчинского типа» с другим памятником — Самчинци I, расположенном на левом берегу Южного Буга, неподалеку от с. Самчинци Нэмыривского района Винницкой области, в 2,3 км юго-западнее Самчинцев II (Гаскевич 2008б: 181, 182). Памятник был обнаружен П. И. Хавлюком в 1956 г. и исследован им и В. Н. Даниленко в 1957—1959 годах. При этом в 1958 г. на памятнике были обнаружены остатки всего лишь одного сосуда (№ 3), залежавшие на поверхности размытого берега реки (Даниленко 1958). Однако, без сомнения, именно он является самым известным и лучше всего сохранившимся сосудом самчинского типа, изображе-

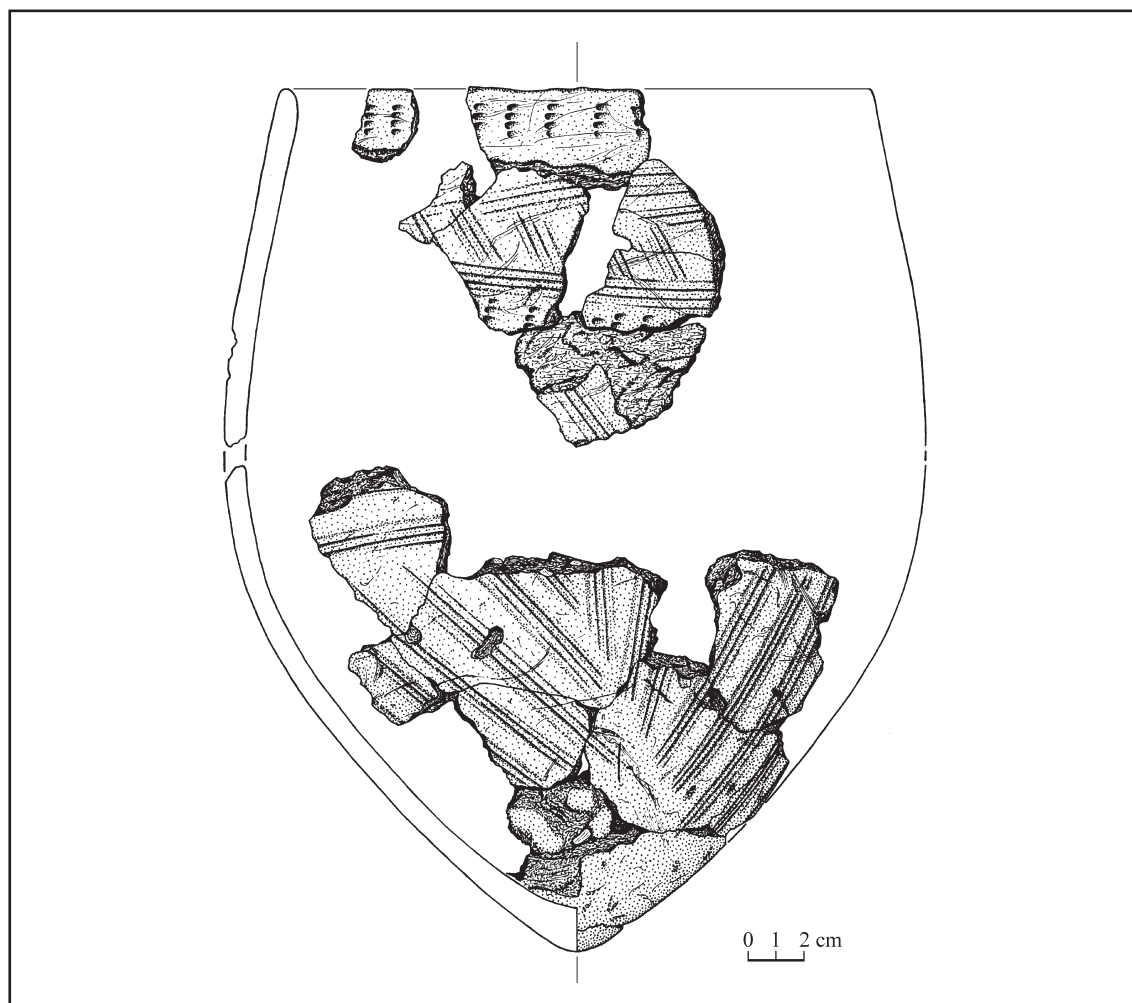

Рис. 3. Шуришви-Пориг. Графическая реконструкция сосуда.

ние которого уже в течение 50 лет чаще всего иллюстрирует упоминания о самчинской керамике в обобщающих публикациях, посвященных БДК и неолиту Украины (Даниленко 1969: 119, рис. 92; 1971: 90, рис. 24: 15; 1985: 123, рис. 31: 15; Котова 1994: 137, рис. 27: 7; 2002: 179, рис. 55: 11; Черныш 1996: 23, рис. 23: 56).

Это горшок с округлым дном, несколько вытянутым шаровидным корпусом, низкой вертикальной горловиной и слегка отогнутым наружу краем венчика (рис. 2). Диаметр венчика — 15 см, максимальный диаметр корпуса — 33,5 см, а высота — около 40 см. Край венчика приостренный, срез заокругленный. Толщина стенок — 0,4—0,6 см, дна — 1,1 см. Сосуд изготовлен из глины с примесью большого количества грубой дресвы и камней (максимальный зафиксированный размер — 0,8 см),³ конкреций темно-красной охры

(максимальный зафиксированный размер — 0,6 см), а также незначительного количества тонких органических волокон. Большая часть внешней поверхности тщательно заглажена и подлощена, хотя местами на ней заметны разнонаправленные расчесы, а также долепы, призванные скрыть сильно выступающие камни. Внутренняя поверхность заглажена, имеет спорадические следы горизонтальных расчесов. Цвет снаружи и в середине красно-бурый с темно-бурыми и черными пятнами, излом чаще бурый, местами серый, черный или пестрый. На внутренней поверхности сосуда, под краем венчика, нанесен 1 горизонтальный ряд отпечатков гребенчатого штампа. Внешняя поверхность орнаментирована 3 горизонтальными зонами из 4 горизонтальных рядов отпечатков гребенчатого штампа каждая, разделенными 2 зонами проглаженного орнамента из нескольких параллельных линий, образующих горизонтальный зигзаг. Вертикально поставленные или слегка наклоненные отпечатки 7-зубого гребенчатого штампа длиной 1,1 см наносились скорописным способом — с протягиванием.

³ Тут и далее гранулометрические показатели даны по Н. А. Качинскому: песок — до 0,1 см, дресва и гравий — 0,1—0,3 см, камень — больше 0,3 см (Качинский 1965).

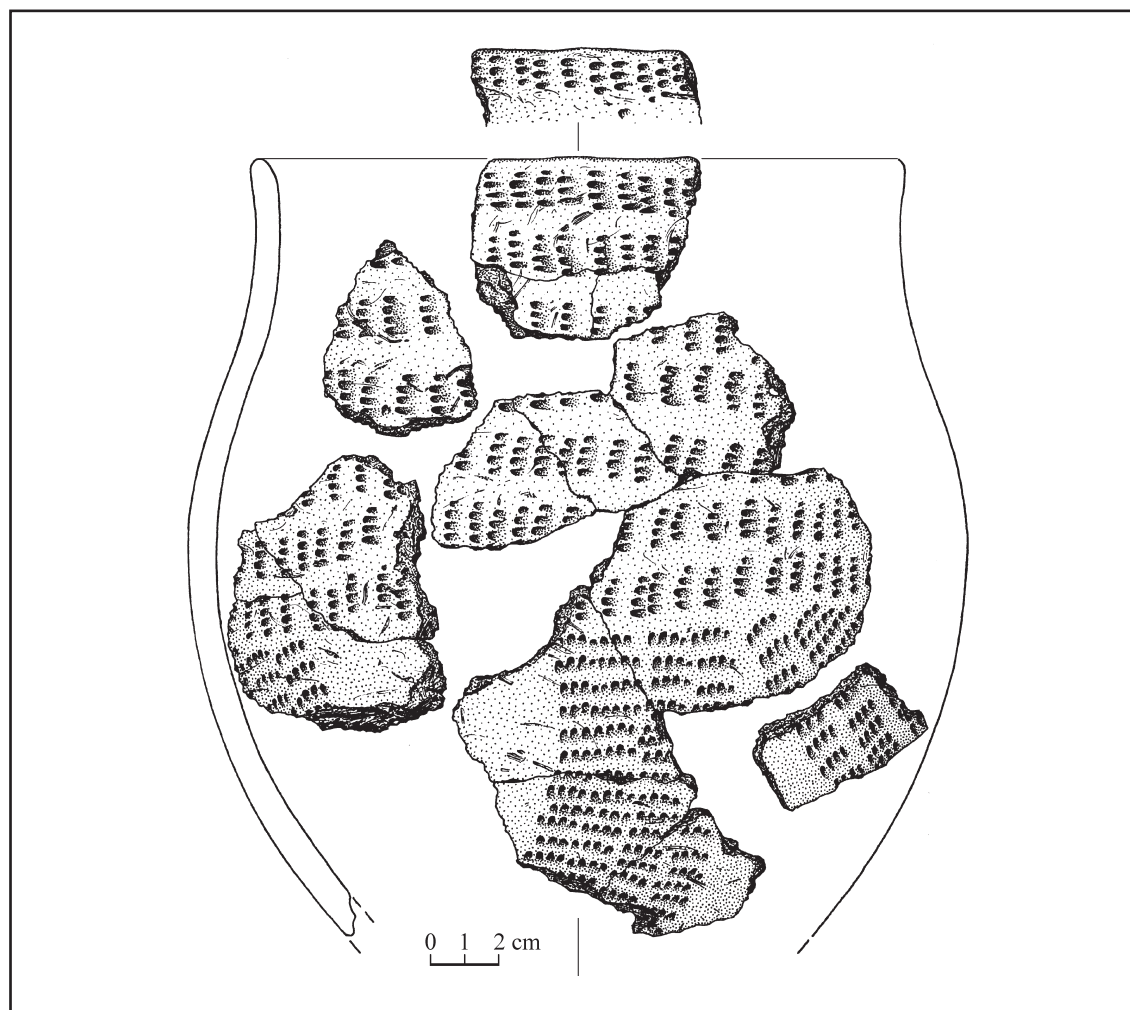

Рис. 4. Шуриуци-Порию. Графическая реконструкция сосуда.

Этим же штампом проглаживались и тонкие параллельные линии. В зависимости от угла, под которым наносился штампованный и прочерченный орнамент, иногда заметны следы лишь 6 или 5 зубцов.

Описанный сосуд полностью отвечает обобщенным характеристикам технологии изготовления и стилистических особенностей орнамента самчинской керамики, установленным в результате анализа керамических материалов буго-днестровских пунктов, «самчинский» характер которых определил сам В. Н. Даниленко (детальнее: Гаскевич 2008б). По данным его монографии 1969 г., керамика самчинского типа представлена на 19 описанных в ней буго-днестровских памятниках Лесостепного Побужья. При этом для 14 из них исследователь отметил наличие, кроме самчинских, еще и находок буго-днестровской посуды других керамических типов. Поэтому, чтобы упредить возможные упреки в рассмотрении смешанных комплексов, анализу были подвергнуты материалы лишь тех 5 памятников, при описа-

нии которых никаких других находок, кроме самчинских, В. Н. Даниленко не упоминал. Этими памятниками являются: Самчинци II, Шуриуци-Порию, Жакчик, Завалля и Ладьжин II (Даниленко 1969: 117—121). В целом их коллекции, хранящиеся в Институте археологии НАН Украины, на данный момент содержат обломки 1 сосуда культуры линейно-ленточной керамики (Шуриуци-Порию, сосуд № 4 — рис. 5: 1) и 27 сосудов БДК (см. таблицу 1).

Проведенный анализ был направлен, в первую очередь, на выявление стилистических особенностей самчинского орнамента — его типов и манеры нанесения. В отличие от содержания орнамента, выраженного в его композиции, стилистические характеристики практически не зависят от функционального назначения конкретного сосуда, возрастного и социального статуса его изготовителя или владельца и т. д. Соответственно, они шире представлены в археологическом материале и легче выделяемы. В то же время, именно стойкие стилистические тенденции, иначе

Таблица 1.

**Характеристики буго-днестровских сосудов
из памятников с «чистыми» (по В. Н. Даниленко) самчинскими комплексами**

Памятник	Сосуд	Кол-во фрагментов	Орнамент										Формовочная масса										Толщина стенки (см)	Рисунок
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20		
Самчинци II	№1	1	0.1	0.1, 0.2								+	+	+								0.7	1: 1	
	№2	6												+									0.6—0.7	1: 3
	№3	1	0.1																				0.6—0.7	1: 2
	№4	3				2 / 1.0																	0.5—0.6	1: 5
	№5	1		0.2																			0.5—0.7	1: 4
	№6	3																					0.5	
Шурици - Пориг	№1	17			4 / 1.0	4 / 1.0																	0.7—0.9	3
	№2	23				4 / 1.1	+																0.6—0.7	4
	№3	1	0.1																				0.4—0.6	5: 3
	№5	1				3 / 0.6	+																0.5—0.6	5: 2
	№6	1																					0.6—0.7	
	№7	1																					0.5—0.6	
	№1	42	0.2	4 / 0.7	4 / 0.7	+																	0.3—0.7	6
Лальжин II	№2	24		2 / 0.4																			0.3—0.7	7: 1—6
	№3	4	0.1																				0.4—0.7	7: 7
	№4	4																					0.5—0.7	7: 10
	№5	1	0.1	0.4																			1.0	7: 9
	№6	1																					0.7	7: 11
	№7	1																					0.5—0.6	7: 8
	№1	2				4 / 0.7	+																0.5—0.7	9: 1, 2
Жакчик	№2	1	0.2, 0.3			3 / 1.1																	0.5—0.6	9: 3
	№3	1	0.1	0.2																			0.3	9: 4
	№4	1			5 / 1.2	5 / 1.2																	0.7—0.8	9: 5
	№5	3	0.3																				0.6—0.9	9: 6—8
	№6	2	0.1																				0.6—0.7	9: 9, 10
	№7	2	0.3																				0.7—0.9	9: 11
	Завалля	№1	1			6 / 1.1																	?	1: 14

1 — прочерченные линии (ширина, см); 2 — проглаженные линии (ширина, см); 3 — ленты линий, проглаженных зубчатых штампом (количество зубцов/ширина ленты, см); 4 — отпечатки зубчатого штампа (количество зубцов/длина, см); 5 — отпечатки зубчатого штампа, нанесенные с протягиванием; 6 — ногтевые наколы; 7 — овалы и треугольные наколы; 8 — дуговидные наколы (длина, см); 9 — мелкие ямки-наколы; 10 — пальцевые наколы; 11 — органические волокна; 12 — дресва; 13 — дресва; 14 — камень (максимальный зафиксированный размер, мм); 15 — слюда; 16 — графит; 17 — графит; 18 — обломки раковин (максимальный зафиксированный размер, мм); 19 — охра/дровавик; 20 — шмот.

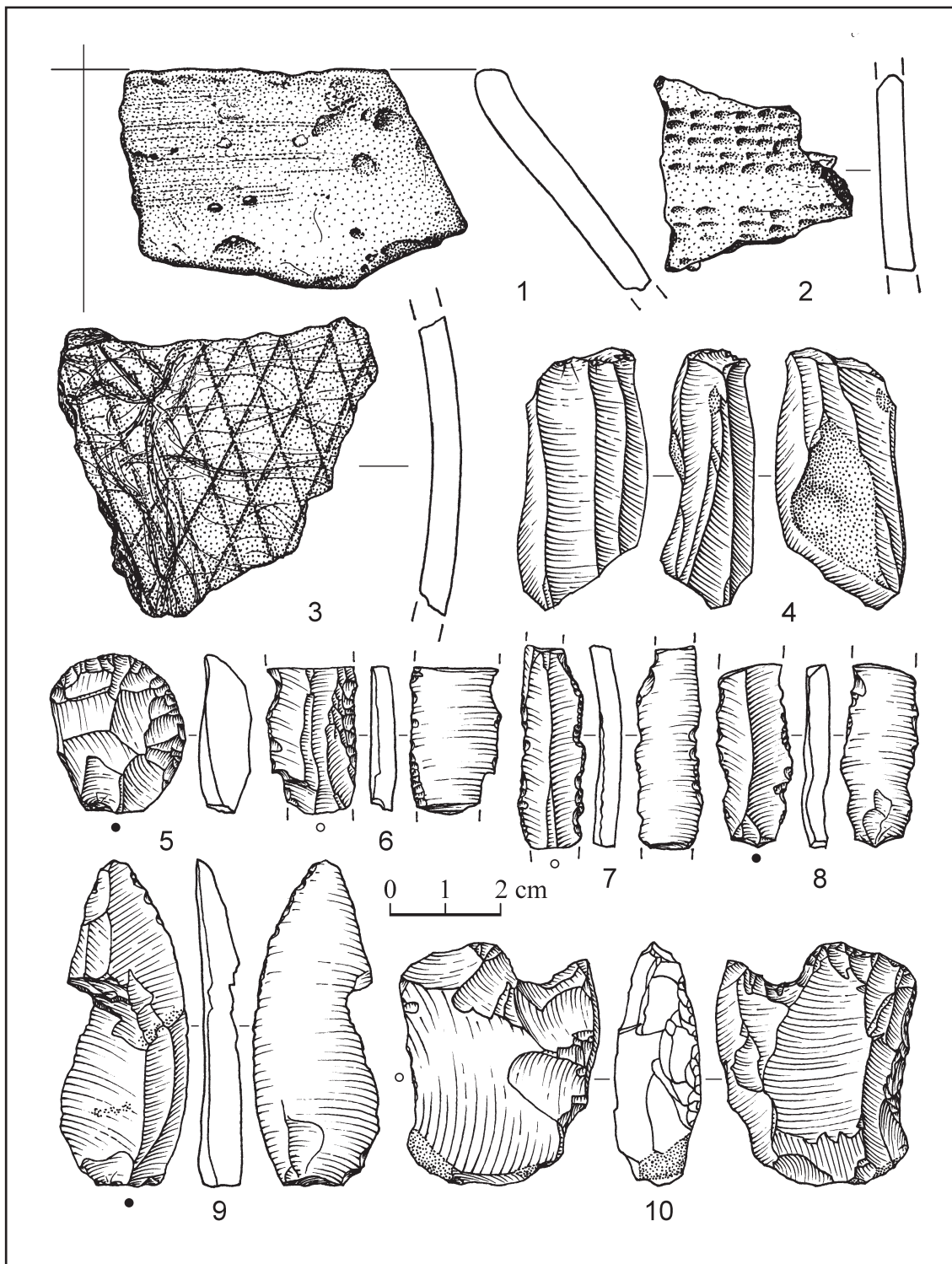

Рис. 5. Шуривци-Пориг. Керамика (1—3) и кремневые изделия (4—10).

называемые «традицией» (Шер 2004: 11, 12), имеют первоочередное значение как критерии классификации археологического материала и в силу своей консервативности более подходят для решения проблем генезиса археологических явлений.

Итак, орнамент был зафиксирован для 22 из 27 рассмотренных сосудов БДК. Это свидетельствует о высоком проценте орна-

ментированной посуды по сравнению с неорнаментированной. Учитывая, что многие сосуды представлены 1—3 фрагментами, этот показатель может говорить и о высокой плотности заполнения орнаментом поверхности каждого изделия.

Все разнообразие орнаментов было поделено на 2 типа: линейный (15 сосудов) и штампованный (15 сосудов).

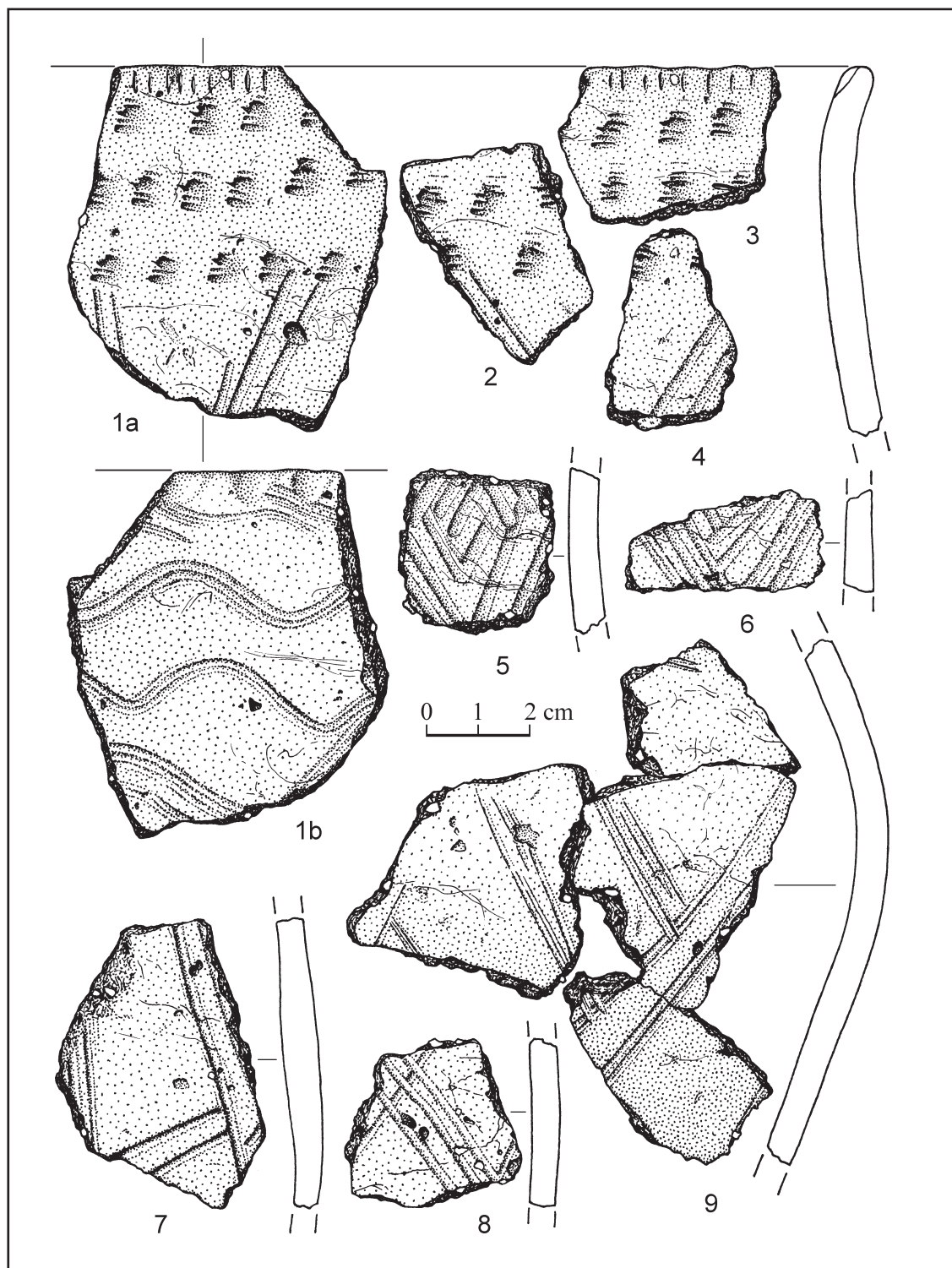

Рис. 6. Ладыжин II. Фрагменты керамического сосуда.

По манере нанесения были выделены 2 вида линейного орнамента: а) прочерченный (5 случаев) и б) проглаженный (13 случаев). При этом в 3 случаях орнамент обоих видов сочетается на одном сосуде. Максимальная зафиксированная ширина прочерченной линии — 0,1 см. Средняя ширина проглаженных линий — 0,2 см, максимальная — 0,4 см. Обращает на себя внимание,

что иногда проглаженные линии наносились зубчатым орнаментом (4 случая). При этом они лишь один раз сочетались с обычными проглаженными линиями и ни разу — с прочерченными.

Исходя из характера использованного орнамента, выделено 3 вида штампованного орнамента: а) нанесенный зубчатым орнаментом (9 случаев); б) нанесенный не-зубчатым

№2. 2010

орнаментиром разной формы, далее — «наколь» (4 случая); в) нанесенный подушечкой пальца или ногтем (4 случая). При этом на 2 сосудах зубчатые отпечатки сочетаются с обычными проглаженными линиями, на 3 — с линиями, проглаженными тем же зубчатым штампом, на 1 — с пальцевым вдавлением. Ни на одном сосуде не зафиксировано сочетаний отпечатков зубчатого штампа с тонкими прочерченными линиями и наколами. Зубчатые штампы имеют от 2 до 6 зубцов, но чаще всего встречаются 4-зубые. Их длина варьирует в диапазоне 0,6—1,2 см. В 4 случаях они наносились в скорописной манере — с протягиванием.

По результатам проведенного анализа, исходя из наиболее повторяемых стилистических особенностей орнаментации, в керамике рассмотренных памятников выделены 2 относительно обособленные друг от друга группы посуды. Первая — сосуды с композициями, образованными проглаженными линиями шириной до 0,4 см. Вторая — сосуды с отпечатками зубчатых штампов, часто сочетающимися с линиями, нанесенными этими же зубчатыми штампами. Каждая из двух групп представлена 10 сосудами. Сочетание орнаментов разных групп на одном сосуде встречается лишь дважды (Ладъжин II, сосуд № 1 и Жакчик, сосуд № 2). Еще одной специфической самчинской чертой можно считать нанесение орнамента на внутренний край венчика, зафиксированное на обломках 3 из 7 сосудов, венчики которых сохранились.

Возвращаясь к «эталонному», с точки зрения автора, сосуду № 3 поселения Самчинци I, следует отметить, что его орнамент соответствует критериям выделения второй группы самчинской посуды. Значит ли это, что керамика первой группы является инородной для 5 рассмотренных памятников и не может называться «самчинской»? Ответ на этот вопрос был дан через сравнение визуально определимых примесей в составе формовочных масс сосудов обеих групп.

Формовочные массы 27 проанализированных сосудов чаще всего содержат примесь органических волокон (23 сосуда) и песка (23 сосуда). Сочетание этих примесей зафиксировано в 20 случаях. Несколько реже в массе встречается дресва (20 сосудов) и камни, обычно, полевого шпата (13 сосудов). Обращает внимание, что камни всегда сочетаются с дресвой. Поэтому будет логичным далее примесь камней и дресвы рассматривать вместе как единую «грубую минеральную» примесь. В глине приблизительно четверти изделий присутствует слюда (7 сосудов) и гра-

фит (6 сосудов). Первая — всегда, а второй — почти всегда сочетается с камнями и дресвой (исключение — Завалля).

К нехарактерным для самчинской посуды следует отнести примеси гравия (4 сосуда) и измельченных раковин (4 сосуда). Примечательно, что в 3 случаях они сочетаются между собой, и реже — с дресвой и камнями (1 случай для раковин и 2 — для гравия). Это может свидетельствовать, что примеси раковин и гравия являются показателем некоей отличной от самчинской традиции приготовления формовочной массы.

Малоинформативными из-за своей малочисленности являются примеси охры/краски (3 случая) и шамота (2 случая). Они могут выступать как вместе с характерной самчинской примесью дресвы и камней, так и отдельно.

Таким образом, из 10 достоверно «самчинских» сосудов, украшенных зубчатыми отпечатками и линиями, нанесенными зубчатым штампом, формовочные массы только двух (Щуривец-Пориг, сосуд № 1 и Завалля, сосуд № 1) не содержали грубой минеральной примеси. Точно так же из 10 сосудов, орнаментированных проглаженными линиями, грубой минеральной примеси не было лишь в двух случаях (Жакчик, сосуды № 3 и № 5). Этот результат демонстрирует, что в большинстве случаев сосуды обеих групп, выделенных по стилю орнаментации, изготовлялись из одинаковой формовочной массы и могут считаться равноправными составляющими единого «самчинского» керамического комплекса.

В то же время, проведенный анализ позволяет выделить из рассмотренной орнаментированной посуды те сосуды, которые не имеют ни характерной самчинской орнаментации, ни характерных самчинских примесей. Это сосуд № 3 из Самчинцев II, украшенный прочерченными линиями и ямками-наколами, изготовленный из глины с примесью гравия и раковин (рис. 1: 2), и, возможно, сосуд № 4 из Ладъжина II, украшенный ногтевыми вдавлениями и сделанный из глины с примесью только органических волокон и песка (рис. 7: 10). Отсюда можно сделать вывод, что коллекции этих двух памятников содержат некоторое количество буго-днестровской керамики другого — «не-самчинского» — типа. Является ли ее сочетание с самчинской керамикой следствием механического смешения разновременных материалов или одновременного использования на поселениях разнотипной посуды, сейчас определить не представляется возможным.

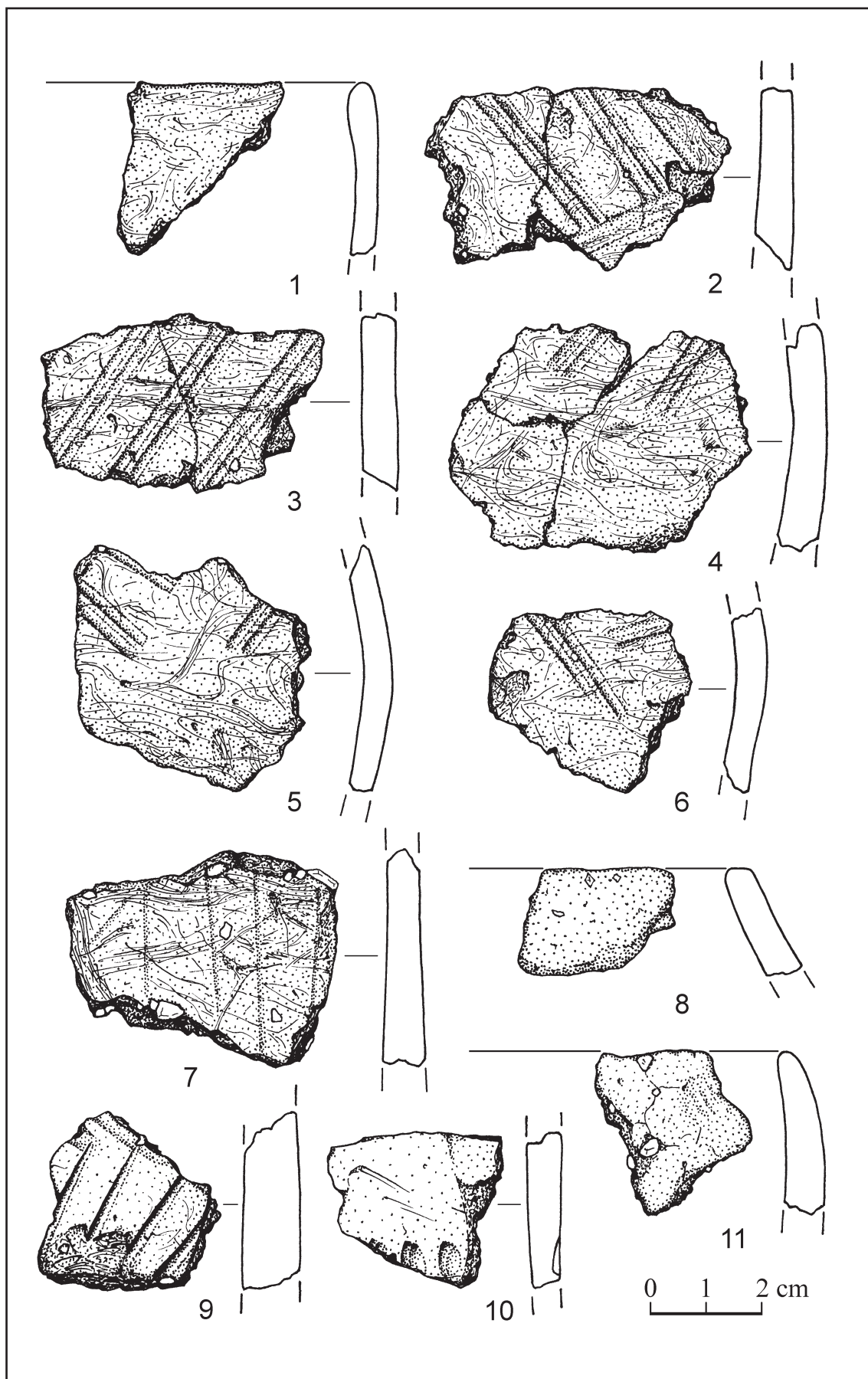

Рис. 7. Ладыжин II. Керамика.

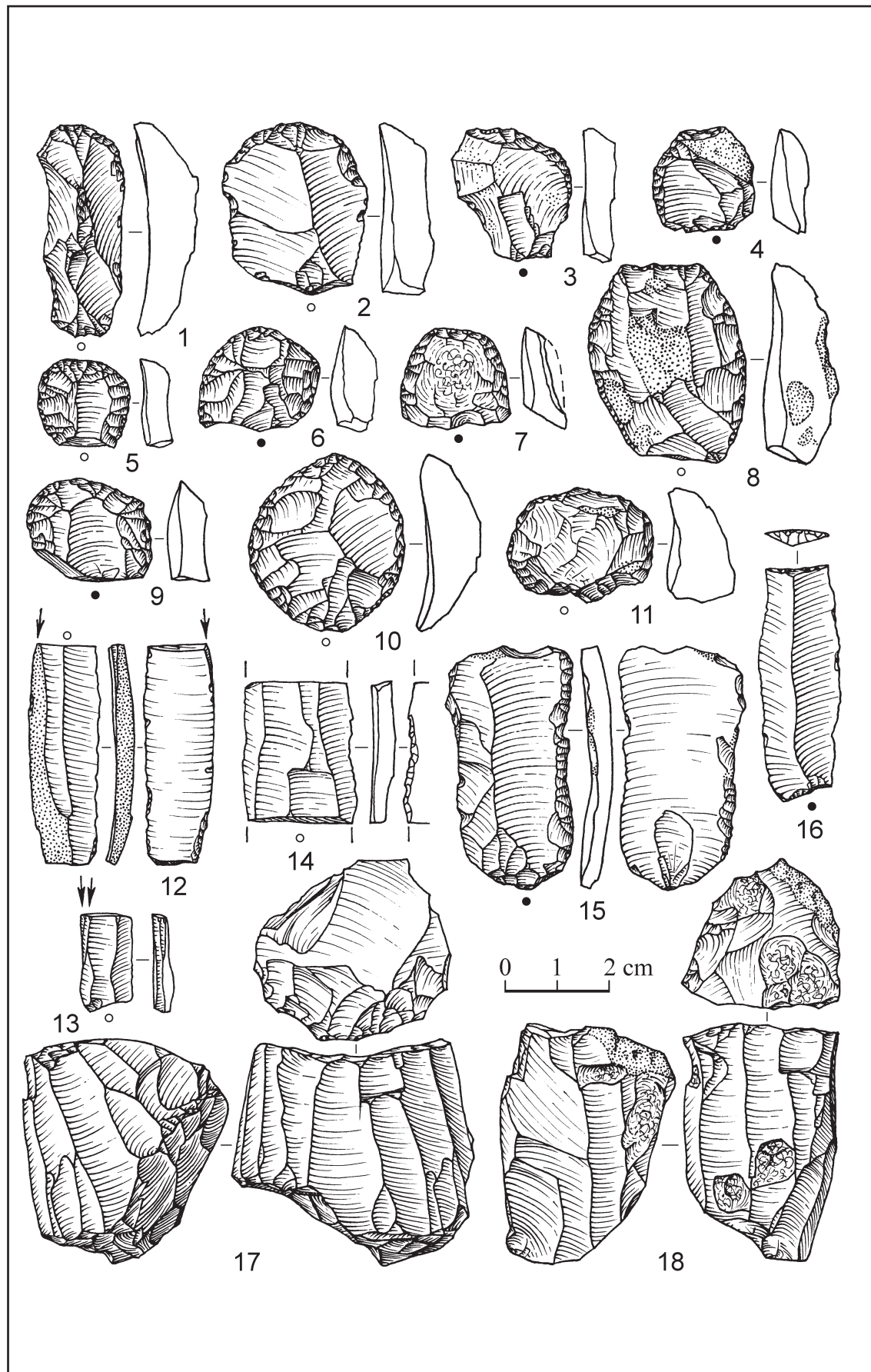

Рис. 8. Ладжин II. Кремневые изделия.

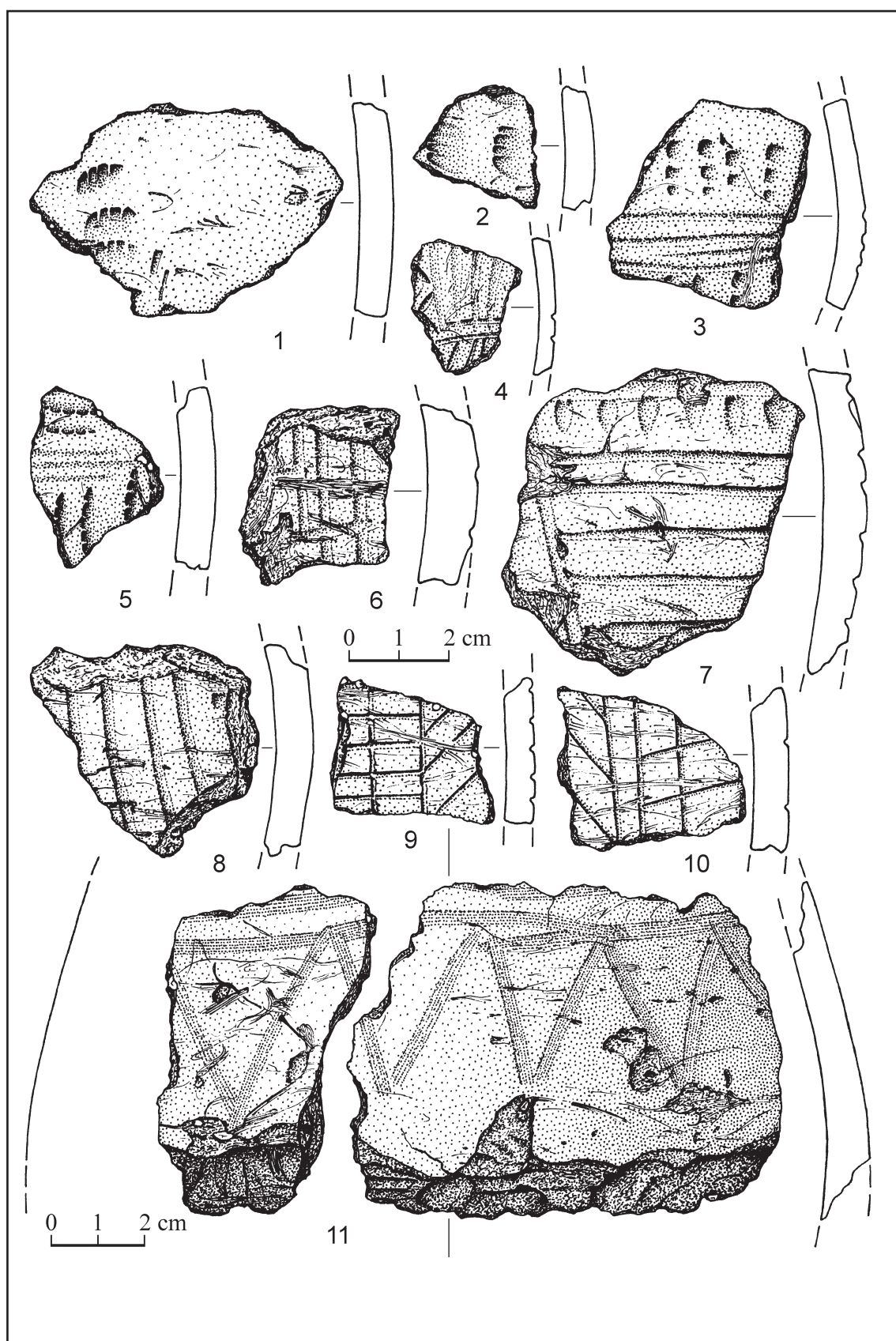

Рис. 9. Жакчик. Керамика.

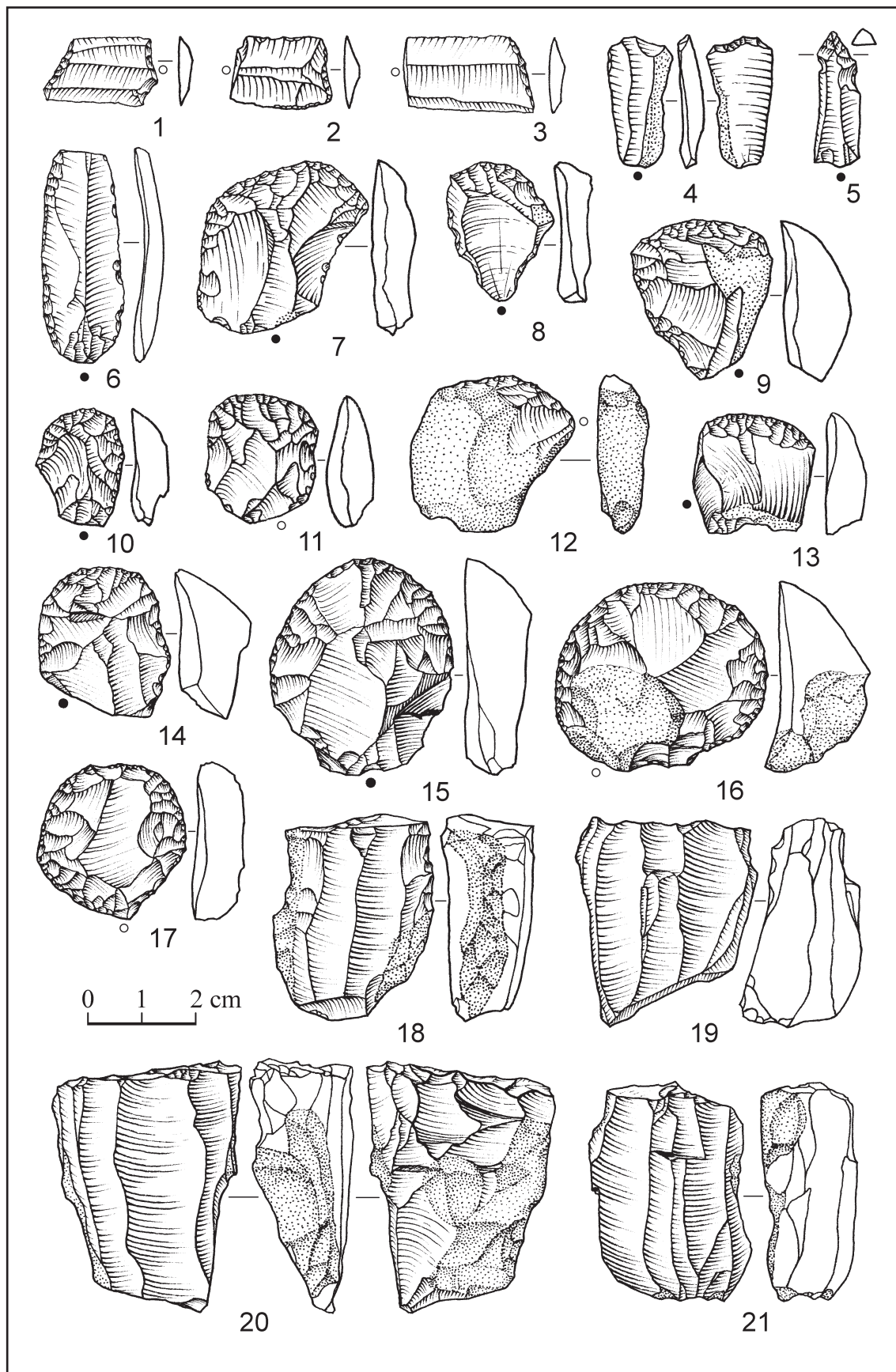

Рис. 10. Жакчик. Кремневые изделия.

2. Керамика самчинского типа на Южном Буге и Днестре

Как уже упоминалось, по данным монографии В. Н. Даниленко, «самчинская» керамика, кроме 5 проанализированных «чистых» самчинских памятников, представлена еще на 14 исследованных раскопками и зачистками пунктах БДК Лесостепного Побужья,⁴ в инвентаре которых она сочетается с посудой других типов. Это практически все неолитические памятники с более-менее представительными керамическими коллекциями, которые были известны в регионе на тот момент.

По данным Н. Т. Товкайло, в инвентаре буго-днестровских памятников Степного Побужья Пугач 1, Пугач 2, Гард 3, Гард 4 преобладает так называемая «савранская» керамика, орнаментированная широкими желобчатыми линиями. Но вместе с ней на этих памятниках была найдена и керамика с характерными самчинскими чертами: протянутыми оттисками гребенчатых штампов, узкими проглаженными линиями и линиями, нанесенными гребенчатыми штампами, венчиками, орнаментированными с внутренней стороны. Также исследователь обращает внимание на широкое распространение в регионе посуды «с преобладающими примесями толченого кварца, грубого и мелкого песка» (Товкайло 2005: 30—35).

Единственным буго-днестровским памятником Поднестровья, керамика которого четко определяется как «самчинская», является раскопанный В. И. Маркевичем пункт Сорока I, слой 1, горизонт «а». Исходя из описания, помещенного в монографии исследователя, формовочные массы сосудов почти всегда содержат примесь органических волокон и в большинстве случаев — песка, что соответствует фоновым примесям в однотипной керамике Побужья. Также В. И. Маркевич упоминает наличие посуды, изготовленной из глины «с толченым кварцем (кремнем)», который следует соотнести с грубой минеральной примесью камней и дресвы. В орнаментации сосудов широко использовались различные виды зубчатых штампов с числом зубцов от 2 до 6. Судя по опубликованным рисункам и фотографиям, иногда они наносились в скорописной манере. Также с материалами Побужья хорошо согласуется то, что у сосудов из Сорока I,

слой 1, горизонт «а» «по краю венчика с внутренней стороны всегда наносился один ряд оттисков штампа» (Маркевич 1974: 56—58).

Таким образом, самчинский характер керамических материалов памятника можно считать подтвержденным. Но, как в свое время отметил Д. Я. Телегин, в ранних публикациях В. И. Маркевича все находки слоя 1 этого поселения рассматривались как один однородный комплекс. Исходя из этого, Д. Я. Телегин сделал вывод насчет расчленения слоя 1 на самчинский и печерский горизонты уже после окончания полевых работ, что может свидетельствовать об отсутствии на памятнике четкой стратиграфии (Телегин 1977: 89). Следовательно, находки Сорока I, слой 1, горизонт «а» не следует рассматривать как «чистый» самчинский комплекс.

Сосуды, орнаментированные отпечатками зубчатых штампов, находящихся в движении, были обнаружены и на савранских памятниках Поднестровья Сорока V и Цыкынивка, исследованных В. И. Маркевичем. Однако, описывая состав их формовочных масс, исследователь не упоминает наличие грубых минеральных примесей (Маркевич 1974: 115, 116, 123, 124). Обломки посуды, по всем признакам подпадающей под определение «самчинской», также найдены на недавно исследованном В. А. Дергачевым, О. В. Лариной и К.-П. Вехлером памятнике Тэтэрэука Ноуэ XV (Ларина 2006: 41—47).

В отличие от перечисленных памятников, расположенных непосредственно на Днестре в пределах лесостепной зоны, пункт Гиржевэ находится в степном междуречье Днестра и Южного Буга, на правом берегу р. Кучурган (левый приток Днестра), неподалеку от с. Гиржевэ Вэлько-Мыхайлиевского района Одесской области. Памятник был исследован П. И. Борисковским и В. Н. Станко в 1961—1963 гг. Кремневые изделия и обломки керамической посуды залежали вперемешку на незначительной глубине, в слое глины и глинистого песка, сильно пострадавшем вследствие плантажной вспашки (Борисковский 1963: 2—8). На момент исследования все найденные на нем материалы были поделены на два комплекса — мезолитический кремль и трипольскую керамику. Позже в керамической коллекции были выделены еще три составляющие — посуда римского (черняховская культура) и скифского времени, а также неолитической эпохи. По словам В. Н. Станко, 7 фрагментов неолитической керамики, опубликованные им в 1967 г., В. Н. Даниленко отнес к «самчинскому времени» (Станко 1967: 167,

⁴ Базькив Острив, Мытькив Острив, Сокильци I, Сокильци II, Сокильци VI, Зянькивци II, Шимановськэ II, Глынськэ I, Мэльнычна Круча, Пэчера I, Самчинци I, Коржив, Ладыжин I, Саврань.

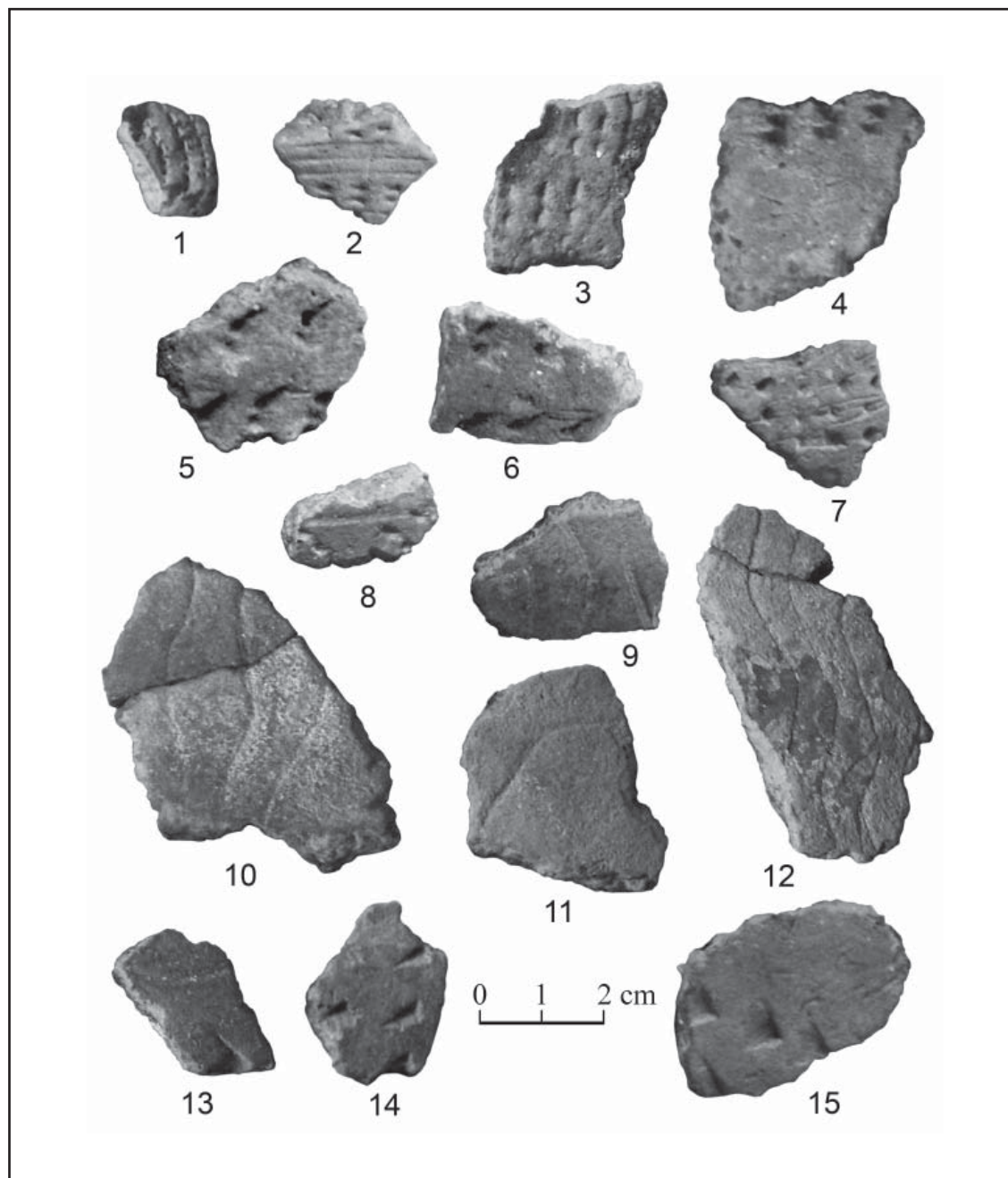

Рис. 11. Гиржевэ. Керамика (по фото планшета из экспозиции Одесского археологического музея).

168). Сейчас 5 из них выставлены в экспозиции Одесского археологического музея. Вместе с ними экспонируется еще 1 неолитический фрагмент, ранее опубликованный исследователем как обломок трипольского сосуда, а также 10 ранее не публиковавшихся фрагментов неолитической керамики. Орнаментация некоторых из этих 16 фрагментов имеет выраженный самчинский характер. В частности, в коллекции присутствуют обломки посуды, орнаментированные отпечатками гребенчатого штампа (рис. 11: 1—8), в т. ч. скорописными (рис. 11: 2, 4—6);

линиями, нанесенными гребенчатым штампом (рис. 11: 2); узкими проглаженными линиями (рис. 11: 10—13).

3. Керамика самчинского типа за пределами ареала БДК

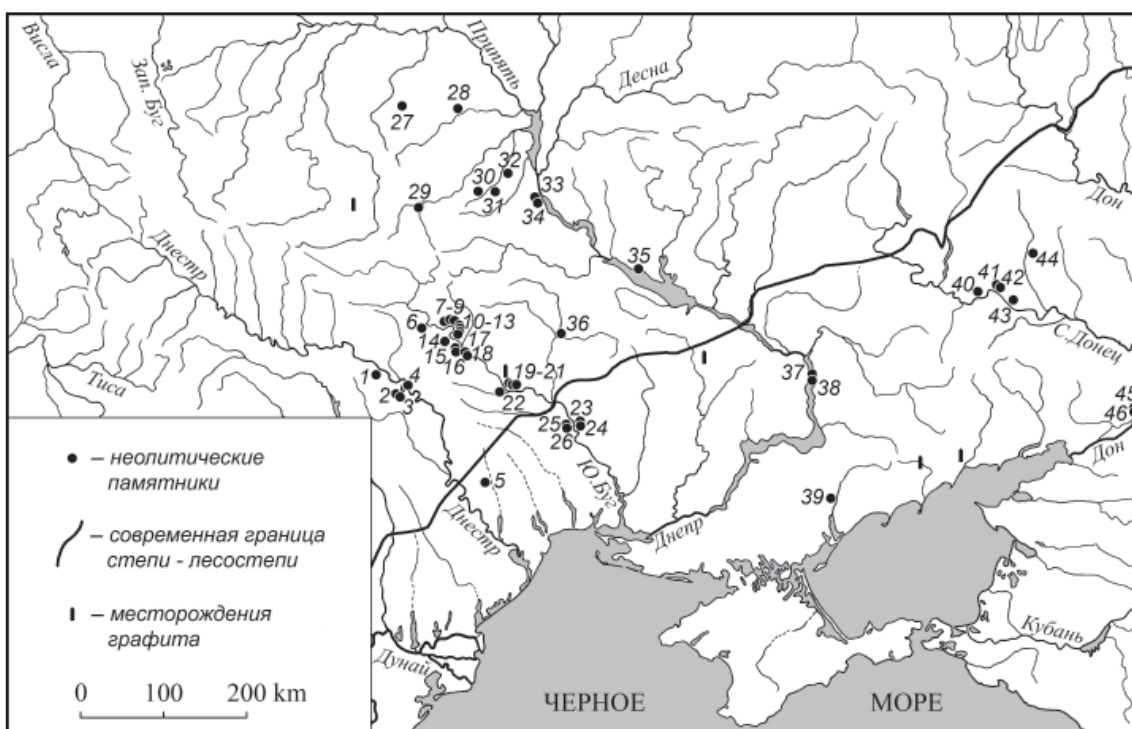
Характерные черты самчинской орнаментации зафиксированы не только в буднестровской керамике, но и на посуде других неолитических культур степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Так, скорописные отпечатки гребенчатого штампа,

орнамент на внутренних краях венчиков сосудов, линейный орнамент, нанесенный зубчатым штампом, отдельно и в различных сочетаниях присутствуют в керамических материалах памятников, относимых к ракушечной (Ракушечный Яр, слой 22, 15, 13, 10) (Белановская 1995: 100—109), нижнедонской (Раздорское 1, слой 2; Ракушечный Яр, слой 5) (Котова 2002: 196, 202, рис. 72: 1, 2; 78: 2, 5), сурской (Сэмэнивка 1, нижний слой; Стрильча Скэля, нижний слой; Кизлэвий Острив V) (Котова 2002: 129, 134, 136, рис. 5: 2, 3, 13, 14; 10: 3; 12: 1—3, 7; Тубольцев 2003), тубинской (Старобильськ; Туба 2) (Манько 2006: 205—206, 221—232, рис. 85: 1; 86: 2; 101—112) и донецкой (Зэлэна Горныця 5; Зэлэна Горныця 6; Зльвки) (Котова 2002: 230, рис. 106: 3; Манько 2006: 162, 165, рис. 42; 45) неолитическим культурам.

Самчинские черты орнаментации присутствуют и на ранне-неолитической керамике памятников днепро-донецкой культуры в лесостепном Поднепровье (Мутыхи) и Буго-Днепровском междуречье (Добрянка 1), а также на самом юге лесной зоны,

в Киево-Житомирском Полесье (Лазаривка, Крушныкы, Заваливка, Ходосивка, Романкив) (Телегин 1995: 112, рис. 3: 1, 2; Телегин, Титова 1998: 142, рис. 42: 19; Залізняк 1998: 233, рис. 91: 1, 4, 5; Залізняк, Манько 2004: 161, рис. 8; Гаскевич 2001: 45—46, рис. 5: 16, 18; 6: 27—32; Готун та ін. 2007: 116, рис. 54: 10). Также они зафиксированы на посуде наиболее юго-восточных памятников припятско-неманской культуры, кремневые коллекции которых имеют яниславицкий характер при наличии отдельных изделий кукрекской культурной традиции (Гырло Гнылопяти, Корма 1Б, Бородянка 3В) (Неприна 1969: 135, рис. 1: 2, 3; Залізняк 1979: 57, рис. 3: 6; Залізняк, Балакин, Охріменко 1987: 69, рис. 4: 10, 12).

Итак, создается впечатление, что керамика самчинского типа БДК является лишь отдельным проявлением определенного стиля орнаментации посуды, который в большей или меньшей степени был распространен в неолите огромной территории от Днестра на западе до Дона на востоке и от северного побережья Черного моря на юге до Припяти на севере (рис. 12).

Рис. 12. Неолитические памятники с находками самчинской керамики и посуды, имеющей отдельные «самчинские» черты орнаментации: 1 — Тэтэрзука Ноуэ XV; 2 — Сорока I, сл. гор. «а»; 3 — Сорока V; 4 — Цыкынивка; 5 — Гиржевэ; 6 — Пэчера I; 7 — Коржив; 8 — Самчинци I; 9 — Самчинци II; 10 — Шуривици-Пориг; 11 — Шимановськэ II; 12 — Сокильци I, II, VI; 13 — Зянькивици II; 14 — Глыньськэ I; 15 — Ладыжин II; 16 — Ладыжин I; 17 — Мытькив Острив; 18 — Базькив Острив; 19 — Завалля; 20 — Жакчик; 21 — Мэльнычна Круча; 22 — Саврань; 23 — Пугач 2; 24 — Пугач 1; 25 — Гард 4; 26 — Гард 3; 27 — Жакчик; 28 — Крушныкы; 29 — Гырло Гнылопяти; 30 — Лазаривка; 31 — Заваливка; 32 — Бородянка 3В; 33 — Ходосивка; 34 — Романкив; 35 — Мутыхы; 36 — Добрянка 1; 37 — Стрильча Скэля, нижний слой; 38 — Кизлэвий V; 39 — Сэмэнивка 1; 40 — Зльвки; 41 — Зэлэна Горныця 6; 42 — Зэлэна Горныця 5; 43 — Туба 2; 44 — Старобильськ; 45 — Раздорское 1; 46 — Ракушечный Яр.

4. Датирование памятников с керамикой самчинского типа

Важную информацию о месте первичного появления и направлении дальнейшего распространения традиций самчинского стиля орнаментации может дать сравнение радиоуглеродных дат неолитических памятников, на которых была обнаружена соответствующая керамика. Однако перед началом рассмотрения данных абсолютной хронологии следует сделать следующее замечание.

На сегодняшний день среди исследователей неолита Украины существуют два подхода к использованию радиоуглеродных дат памятников буго-днестровской культуры. Так, Н. С. Котова и В. А. Манько в своих работах используют исключительно даты, сделанные в Киевской радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины (далее — Киевская лаборатория) за последние 11 лет. При этом они игнорируют даты БДК, полученные в Киеве до 1998 г., а также даты Берлинской лаборатории (Котова 2002; Манько 2006). С другой стороны, Н. Т. Товкайло обращает внимание на несоответствие новых дат Киевской лаборатории археологическим данным и призывает отказаться от их использования (Товкайло 2004; 2005: 44—49). Причиной появления таких противоположных взглядов является несоответствие между новыми датами Киевской лаборатории, с одной стороны (далее — «новые даты»), и всеми остальными датами — с другой (далее — «старые даты»). Оно проявляется в систематическом углублении Киевской лабораторией календарного возраста памятников БДК, что заметно при сопоставлении их «старых» и «новых» дат, а также «новых» киевских дат с данными археологической синхронизации и радиоуглеродного датирования соседних неолитических культур Центральной Европы (Залізняк 2005: 125; 2006: 14,15; Товкайло 2005: 44—49; Гаскевич 2007; Kadrow 2007: 254). Позиция автора данной статьи в этой дискуссии сводится к тому, что до момента окончательного установления правильности одной серии дат и ошибочности другой и «старые», и «новые» даты БДК имеют одинаковое право на использование. Но такое использование может быть корректным лишь при условии, что «старые» и «новые» даты не будут рассматриваться в рамках одного «пакета», а также сравниваться друг с другом.

Итак, сейчас БДК имеет две абсолютные хронологии. Согласно «старой», самые ранние памятники культуры существовали в первой

половине 6 тыс. cal BC⁵ (Bln-586: 6830±150 BP, для Сорока II, слой 1), а согласно «новой» — приблизительно на 500 лет раньше — еще в третьей четверти 7 тыс. cal BC (Ki-6697: 7470±60 BP; Ki-6698: 7405±55 BP; Ki-8166: 7410±65 BP, для нижних слоев Сокильци II и Базькив Острив) (Маркевич 1974: 138; Котова, Ковалюх 2002: 103). По «старым» датам, буго-днестровские памятники с самчинской посудой, но без керамики пещерского и скибинецко-сокильцивского стиля, которая традиционно считается более древней, существовали начиная с середины 6 тыс. cal BC (Bln-589: 6495±100 для Сорока V) (Маркевич 1974: 138). По «новым» датам, аналогичные памятники могли появиться почти за 500 лет до этого — в самом начале 6 тыс. cal BC (Ki-6655: 6930±55 BP для Гард 3 и Ki-6656: 6895±50 BP для Пугач 2) (Котова, Ковалюх 2002: 104).

Та же закономерность наблюдается и при сопоставлении дат памятника Гиржевэ. Одна «старая» дата Санкт-Петербургской радиоуглеродной лаборатории относит его существование к первой четверти 6 тыс. cal BC (Je-1703: 7050±60 BP) (Станко, Свеженцев 1988: 117). Однако 3 «новые» даты Киевской лаборатории, 2 из которых сделаны непосредственно по органической примеси в глине неолитической керамики, датируют Гиржевэ в пределах всей второй половины 7 тыс. cal BC (Ki-11240: 7390±100 BP; Ki-11241: 7280±170 BP; Ki-11743: 7200±220 BP) (Манько 2006: 19).

Две хронологии, «старая» и «новая», существуют и для памятника Ракушечный Яр, исследованного Т. Д. Белановской на острове Поречном, который расположен на р. Дон вблизи станицы Раздорская Усть-Донецкого района Ростовской области Российской Федерации (Белановская 1995). На сегодняшний день опубликованы 12 «старых» дат Ракушечного Яра, из которых 9 были сделаны в Санкт-Петербургской радиоуглеродной лаборатории по образцам раковин, костей и грунта, 2 — в Берлинской лаборатории по образцам древесного угля, и 1 — в Киевской по образцу раковины (Тимофеев и др. 2004: 75, 76). К сожалению, даты этой серии характеризуются значительными внутренними противоречиями. Например, по образцу раковины слой 5 датируется в пределах первой половины 7 тыс. cal BC, а по грунту — второй половиной 6 тыс. cal BC. При этом дата слоя 9, сделанная по об-

⁵ Тут и далее календарные даты были получены с использованием программы OxCal Version 3.8, Bronk Ramsey 2002 и приведены исходя из их полных интервалов для базовой вероятности 68,2% (1σ).

разцу угля, относится к последней четверти 6 — первой четверти 5 тыс. cal BC, и к этому же времени относится дата для грунта из слоя 2. Вероятнее всего, эти противоречия объясняются использованием ненадежных образцов — раковин, грунта, угля, который мог принадлежать деревьям долгоживущих видов, а также образцов из ненадежных контекстов. По 13 «новым» киевским датам, полученным для образцов нагара на поверхности керамической посуды и органической примеси в их формовочной массе, слой 20 датируется в пределах первой половины 7 тыс. cal BC; слои с 14 по 10 — последней четвертью 7 тыс. cal BC — первой половиной 6 тыс. cal BC; слой 8 — первой половиной 5 тыс. cal BC (Манько 2006: 15, 16).

Для неолитических памятников сурской, азово-днепровской, тубинской, донецкой и днепро-донецкой культур, в инвентаре которых присутствует керамика с самчинской орнаментацией, на данный момент опубликованы лишь даты, сделанные в Киевской лаборатории в течение последних 11 лет. Так, по 5 образцам костей слой сурской культуры поселения Сэмэнивка 1, расположенного в Северо-Западном Приазовье, был датирован концом 7 — началом 6 тыс. cal BC (Котова, Ковалюх 2002: 96). Для образца органической примеси в формовочной массе сурской керамики надпорожского поселения Стрильча Скэля была получена одна дата второй четверти 6 тыс. cal BC (Манько 2006: 15). Аналогичная дата второй четверти 6 тыс. cal BC была получена и для образца кости из другого сурского поселения Надпорожья — Кизлэвый Острив V (Котова, Ковалюх 2002: 96). Три даты первой половины — середины 6 тыс. cal BC были получены для образцов органической примеси в формовочной массе керамических сосудов поселения тубинской культуры Старобильськ, исследованного на р. Айдар в бассейне Северского Донца (Манько 2006: 16). Для расположенных в этом же регионе памятников донецкой культуры Зэлэна Горньця 5 и Зэлэна Горньця 6 по образцам органической примеси в формовочной массе их керамики получены 2 даты второй и третьей четверти 6 тыс. cal BC (Манько 2006: 15). Пять дат были сделаны по образцам органической примеси в раннеолитической керамике днепро-донецких памятников Киево-Житомирского Полесья, в инвентаре которых зафиксирована посуда с самчинской орнаментацией. В частности, одна дата Лазаривки относится к первой половине 6 тыс. cal BC, одна дата Гырла Гнылопяти — к третьей четверти 6 тыс. cal BC (Манько 2006: 16,

17), а три даты Ходосивки — ко всему 6 тыс. cal BC (Готун та ін. 2007: 104).

Сейчас сопоставление календарного возраста неолитических памятников различных частей ареала самчинского стиля орнаментации возможно лишь с использованием «новых» дат Киевской лаборатории. Несмотря на упомянутые критические высказывания касательно их абсолютных значений, использование этих дат для выяснения относительной хронологии, на взгляд автора, является вполне допустимым.

Таким образом, исходя из «новых» дат Киевской лаборатории, керамика с самчинскими элементами орнаментации существовала в Северном Причерноморье, по крайней мере, с начала второй половины 7 тыс. cal BC до конца 6 тыс. cal BC. При этом самые ранние даты, полный интервал которых для базовой вероятности 68,2% полностью лежит в 7 тыс. cal BC, были получены для памятника Гиржевэ. Аналогичные интервалы дат Сэмэнивки 1 и слоев 13, 12 Ракушечного Яра частично захватывают 7 тыс. cal BC. Обращает внимание расположение всех трех памятников в степной зоне (рис. 12), что может свидетельствовать о более раннем появлении самчинских орнаментальных традиций на юге, а не на севере их ареала.

5. Происхождение керамики самчинского типа

Автор выделения керамики самчинского типа — В. Н. Даниленко — объяснял её появление в Побужье проникновением с севера части населения днепро-донецкой культуры, «которое проживало до этого, скорее всего, в припятской части днепровского бассейна» (Даниленко 1962: 24; 1969: 153, 156; 1985: 123). Эта гипотеза была широко поддержана украинскими и зарубежным археологами (Телегин 1968: 170, 191, 230; Маркевич 1974: 134; Comşa 1971: 383; Tringham 1971: 101, 102; Титова 1990: 30; Ursulescu 2000: 211; Черньш 1996: 25; Ларина 2006: 50, 51).

Как было упомянуто, керамика с характерными самчинскими чертами действительно была обнаружена на ряде неолитических памятников, расположенных на правых притоках нижнего течения Припяти и правых притоках Днепра, впадающих в него между Киевом и устьем Припяти. Самым ярким из них на момент написания монографии «Неолит Украины» был пункт Гырло Гнылопяти. Именно его В. Н. Даниленко принял за один из эталонных при выделении группы днепро-донецких памятников «типа

№2. 2010

Гирло Гнилопяти — Бондариха», набор глиняной посуды которых «почти не отличим от самчинского». Появление этих памятников он объяснил «экспансией северо-восточных палеоевропейских племен» с территории, ограничивающейся на западе левобережьем верхнего Днепра, на севере — Валдайской возвышенностью, на юге — Деснянским бассейном (Даниленко 1969: 36, 191).

Сейчас территория, очерченная В. Н. Даниленко, рассматривается как часть ареалов верхнеднепровской и верхневолжской культур. По данным А. Г. Калечиц, инвентарь ранне-неолитических памятников верхнеднепровской культуры Мишурова Грива, Федоткина Грива, Титов Бугор характеризуется остродонной толстостенной «рыхлой» керамикой со значительной примесью растительности или грубозернистого песка. Её орнамент состоит из отпечатков широкозубого гребенчатого штампа, ямочных вдавлений, покрывающих всю поверхность сосуда, реже — прочерченной «сетки» и точечных наколов, ямок под краем венчика, при наличии совершенно не орнаментированных сосудов (Калечиц 1987: 44, 46, 89, 101, 102). На позднеолитической керамике региона спорадически фиксируется такая самчинская черта, как орнаментирование внутреннего края венчика (Калечиц 1987: 102—113). Но в тексте своей монографии исследовательница вообще не упоминает отступающие гребенчатые отпечатки и линии, нанесенные зубчатым штампом, присущие материалам самчинских памятников БДК и ранних днепро-донецких памятников Киево-Житомирского Полесья.

Приведенная гипотеза В. Н. Даниленко не подтверждается и данными радиоуглеродного датирования. Согласно последним, буго-днестровские памятники с керамикой самчинского типа древнее днепро-донецких с аналогичными материалами. В свою очередь, 3 «новые» киевские даты для двух образцов угля и одного образца керамики с органической примесью верхнеднепровского памятника Плютовцы I, исследованного В. А. Манько неподалеку от г. Чернобыль Киевской обл., относятся к последней четверти 6 — первой четверти 5 тыс. cal BC (Манько, Сапожников 2007: 238). Самые ранние даты памятников верхневолжской культуры, расположенных дальше на северо-восток, демонстрируют лишь незначительно более древний возраст. Например, дата, сделанная по образцу кости в радиоуглеродной лаборатории Института геологии РАН, относит существование ранне-неолитического слоя верхневолжской стоянки Замостье 2, в инвентаре

которого присутствует керамика, украшенная отпечатками гребенчатого штампа, ко времени не ранее последней четверти 6 тыс. cal BC (Лозовский 2003: 220, 237). Таким образом, и «старые», и «новые» даты памятников с посудой с гребенчатым орнаментом на территории, которую В. Н. Даниленко считал местом формирования традиции гребенчатой орнаментации керамики, оказались моложе дат памятников с керамикой самчинского типа БДК.

Итак, самчинские черты орнаментации посуды днепро-донецкой культуры имели другое, несевверное происхождение. Первой их источник назвала Н. С. Котова, допустившая распространение самчинской керамики в обратном направлении — из Побужья на север (Котова 1994: 78). Такой подход на сегодняшний день является лучше аргументированным и чаще поддерживается в современных исследованиях (Гаскевич 2001: 44; Залізняк, Манько 2004: 146—148; Залізняк 2005: 148). С другой стороны, он вновь делает актуальным вопрос о происхождении самчинской посуды в ареале самой БДК.

Обращает внимание, что все исследователи БДК отмечают частое присутствие примеси графита в формовочных массах сосудов с самчинской орнаментацией всех частей её ареала (Даниленко 1969: 66, 118, 120; Маркевич 1974: 56; Ларина 2006: 38; Товкайло, 2005: 31). Примесь графита также встречается в посуде днепро-донецкой (Успэнка, Бузькы) (Телегин, Титова 1998: 83, 108) и сурской (Вовчок, Собачкы, Стрильча Скэля) культуры (Даниленко 1969: 47; Котова, Тубольцев 1992: 8, 10). На территории Украины разведанные месторождения графита сконцентрированы в побужском, бердичевском, криворожском и приазовском районах Украинского кристаллического щита (рис. 12). За исключением Буртынського месторождения в Шепэтивском и Полонском районах Хмельницкой обл., остальные находятся в степном Приазовье (Троицькэ месторождение в Бердянском районе Запорожской обл. и Старокрымськэ месторождение возле г. Мариуполь Донецкой обл.), а также на границе степи и лесостепи непосредственно на Южном Буге (Завалливськэ месторождение в Гайворонском районе Кировоградской обл.), или между Южным Бугом и Днестром (Петривсько-Балахивськэ месторождение в Петривськом районе Кировоградской обл.). Следовательно, независимо от места обнаружения соответствующих самчинских сосудов, следует признать их связь с Северным Причерноморьем, поскольку только тут,

а не севернее, можно встретить глину с природной примесью графита.

О распространении самчинского стиля орнаментации с юга, а не севера, опосредованно свидетельствует характер кремневого инвентаря буго-днестровских памятников с находками керамики самчинского типа. Набор кремневых изделий пяти ранее названных «чистых» самчинских памятников Побужья (рис. 1: 10—13, 15; 5: 4—10; 8; 10), а также Гиржевэ, характеризует пластинчатая техника, направленная на получение пластин средней ширины, сколотых с отжимных одноплощадочных односторонних нуклеусов. Среди микролитов преобладают симметричные и асимметричные трапеции, иногда с дорсальным подтесыванием, попадают параллелограммы. В коллекциях почти полностью отсутствуют резцы (Станко 1967; Гаскевич 2005: 29—32; 2008б). Подобный набор изделий составляет основу инвентаря ряда финальномезолитических и неолитических памятников степной и юга лесостепной зоны между р. Быстрица на западе и р. Дон на востоке.⁶ Позднее этот набор постепенно распространился на север, сменяя на новых территориях кукрекскую индустрию буго-днестровских памятников печерского типа, ранних днепро-донецких и ранних сурских стоянок, а также родственную с кукрекской донецкую индустрию памятников типа Клешня (Гаскевич 2003). Таким образом, стабильное сочетание буго-днестровской керамики самчинского типа с этим кремневым набором южного происхождения может опосредованно свидетельствовать и о ее южных степных истоках.

Распространение самчинского стиля орнаментации в ареал БДК из степной зоны, на первый взгляд, отвечает гипотезе Н. С. Котовой о возможной связи между появлением керамики самчинского типа и расселением носителей первого периода нижнедонской культуры из степей Нижнего Дона и Восточного Приазовья «на запад до Днепра, и проникновением отдельных их групп в бассейн Южного Буга» (Котова 1994: 53, 54, 77). Если эта гипотеза Н. С. Котовой является верной, решение проблемы происхождения самчинских орнаментальных традиций невозможно без выяснения генезиса самой нижнедонской культуры.

Нижнедонская археологическая культура была выделена А. Т. Синюком и позднее включена И. Б. Васильевым в мариупольскую культурно-историческую область. Наиболее детально вопросы её распространения, типологии инвентаря, погребального обряда, периодизации и хронологии рассмотрела Н. С. Котова (Котова 1994: 10—18). Однако не все исследователи согласны с выделением этой культуры. Так, Т. Д. Белановская и Д. Я. Телегин относят её памятники к позднему периоду ракушечноярской культуры (Белановская 1983; Телегин 1988: 47—48). В последнее время эту точку зрения отстаивает В. В. Цыбрий (2005: 13).

Сейчас вопрос генезиса нижнедонской культуры является одним из наименее разработанных в публикациях сторонников её выделения. Как единую существующую относительно этого гипотезу Н. С. Котова называет возможную миграцию раннеолитического населения Зауралья в лесостепное Поволжье и далее на юго-восток в Северное Приазовье, где оно «частично вытеснило, частично ассимилировало местное ракушечноярское население» (Котова 1994: 55; Kotova 1998: 181—183). Напомним, что ранее сходное предположение высказал В. Н. Даниленко, отметивший подобие керамики нео-энеолитических памятников Восточного Приазовья, бассейна Камы, Башкирии и Южного Урала (Даниленко 1974: 39).

Как общие черты неолитических материалов Подонья и Зауралья Н. С. Котова называет использование орнамента, нанесенного гребенчатым штампом (в т. ч. «шагающие» и протянутые отпечатки, волнистые линии, проглаженные штампом), орнаментацию внутреннего края венчиков, оформленного косым срезом всередину (Kotova 1998: 182). Эти черты отдельно и в разных сочетаниях в большей или меньшей мере присутствуют на посуде неолитических памятников Среднего и Северного Зауралья с гребенчатой и прочерчено-накольчатой керамикой, которые разными исследователями относятся к быстринской и козловской культурам, памятникам сосновоостровского, барсовогорского, полуденковского, сумпаньинского, этговского, амнинского и чилимковского типов.

Для неолита Среднего и Северного Зауралья в последние десятилетия были получены значительные серии радиоуглеродных дат. Большинство из них, сделанные преимущественно по образцам древесного угля в Санкт-Петербургской радиоуглеродной лаборатории, уже неоднократно были опубликованы (Тимофеев и др. 2004: 47—48). Другие

⁶ Бэняса, Брэдешти, Бэлэбэнешти, Берешти-Дялул Таберей, Саратены, Лазо V, Карпово, Барабой, Сорока II, сл. 2 и 3, Сорока I, сл. 2, Цыбулинка, Довжанка, Олэнивка, Познанка, Казанка, Сэргийивка II, Ишуньска, Мартынивка, Олэксийивка I, Игрэнь — ур. Городок, Сэмэнивка 1, Сэмэнивка 2, Камяна Могыла III, Прылукивка, Матвеев Курган и др.

№2. 2010

серии, полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории в самое последнее время по образцам органической примеси в формовочной массе неолитической керамики, опубликованы лишь предварительно (Чаиркина 2009; Шорин 2009). Чтобы далее корректно сопоставить их со «старыми» и «новыми» датами БДК, киевские даты зауральского неолита будут рассмотрены отдельно от санкт-петербургских.

Несмотря на некоторую дискуссионность (Косинская 2004), хронологические рамки отдельных культурных образований «старые» даты определяют следующим образом. Памятники амнинского типа датируются первой половиной 6 тыс. cal BC, быстринская культура — серединой 6 тыс. cal BC — второй половиной 5 тыс. cal BC, памятники эттовского и сумпаньинского типов — от начала 6 тыс. cal BC по середину 5 тыс. cal BC (Косинская 2004; Косинская и др. 2006: 57—67). В целом нижняя хронологическая граница этих серий совпадает с нижней хронологической границей «старых» дат неолитических памятников с керамикой самчинского типа (Гиржевэ).

Несколько «новых» киевских дат, сделанных для посуды поселений Кокшаровский Холм и Нижнее Озеро III, относят существование сумпаньинской керамики к середине второй половины 6 тыс. cal BC (Чаиркина 2009: 180, 181), а козловской и полуденковской — к последней четверти 6 — первой четверти 5 тыс. cal BC (Шорин 2009: 177). Сравнение этих определений с «новыми» датами БДК свидетельствует о значительно более молодом возрасте гребенчатой керамики Северного Зауралья и Западной Сибири относительно керамики с самчинской орнаментацией Северного Причерноморья. Таким образом, решение вопроса о возможном зауральском происхождении самчинской орнаментации при использовании «новых» киевских дат однозначно решается негативно.

В Среднем Поволжье, которое Н. С. Котова считает транзитной территорией в процессе распространения гребенчатой керамики с востока на запад, соответствующая посуда впервые появляется на лесостепных памятниках средневожской неолитической культуры. Её происхождение А. А. Выборнов связывает с влиянием неолита лесного Прикамья, куда она, в свою очередь, распространилась из ареала сумпаньинских памятников Зауралья (Выборнов 1992: 41; 2000: 182). Исходя из данных большой серии «новых» радиоуглеродных дат Киевской лаборатории, сделанных для образцов органической примеси в формовочных массах неолитической посуды разных частей

Поволжья, зубчато-гребенчатая орнаментация как в лесном Волго-Камье, так и в лесостепном Зауралье появляется лишь с середины 5 тыс. cal BC. На юге она используется до середины 4 тыс. cal BC, а на севере — до конца 4 тыс. cal BC (Выборнов 2008; Выборнов и др. 2008; 2009). Сравнение этих результатов с «новыми» киевскими датами БДК свидетельствует, что на юге Украины гребенчатая керамика появилась приблизительно на два тысячелетия раньше, чем в бассейне Волги.

Итак, на сегодняшний день довольно уверенно можно констатировать более ранний возраст неолитических памятников с зубчато-гребенчатой орнаментацией керамики в Зауралье и Северном Причерноморье и отсутствие настолько древней посуды с аналогичным орнаментом на территории расположенного между ними Поволжья. Это позволяет говорить о независимом от северо-восточных влияний формировании нижнедонских орнаментальных традиций и, следовательно, об ошибочности соответствующей гипотезы Н. С. Котовой.

Учитывая спорность аргументов в пользу северного или северо-восточного происхождения северно-причерноморской керамики с зубчато-гребенчатым орнаментом, проблема её генезиса вновь остается нерешенной. Очевидно, выход из сложившейся ситуации требует использования новых подходов. Один из них, предложенный автором этой статьи, — поиск истоков традиции зубчато-гребенчатой орнаментации керамики на западе и юге.⁷ Тут посуду, украшенную отпечатками зубчатых штампов, изготавливало неолитическое население, известное по памятникам нескольких локальных археологических культур, объединяемых археологами в круг керамики кардиум/импрессио (Cardial/Impresso Ware).

6. Керамика импрессио в неолите Причерноморья

Свое название керамика импрессио получила из-за способа нанесения орнамента — штампования. При этом штампы могут быть самыми разнообразными — ноготь или конец пальца, природный орнаментир, или специально изготовленный зубчатый

⁷ Взгляды, изложенные в этой статье, автор впервые представил в докладе «Керамика "самчинского" типа и проблема происхождения гребенчатого орнамента в неолите территории Украины», прочитанном в рамках международной научной конференции «С. Н. Бибиков и первобытная археология» (Киев, 4—7 ноября 2008 г.).

штамп. Неолитическое население морских побережий часто наносило отпечатки створкой ракушки морского моллюска рода *Cardium* (*Cerastoderma*), съедобный вид которого *Cardium edule* распространен во всех морях, омывающих Европу. Из-за этого соответствующий орнамент получил название «кардиумного». Иногда название «кардиум» (или по-французски «кардьяль») неоправданно используют применительно ко всей керамике со штампованным орнаментом.

Смыслом выделения такого явления, как керамика импрессио, было её противопоставление посуде, украшенной расписным орнаментом, прочерченными линиями, барботином, или посуде с залощенной неорнаментированной поверхностью. Из-за настолько общего основного характеризующего признака ареал культур импрессио необычайно велик. Он охватывает практически все побережье и острова Средиземноморья, а также часть внутренних районов Передней Азии, Северной Африки и Западной Европы. В черноморском регионе к кругу культур с керамикой Импрессио сейчас принято относить лишь культуру Хаманджия.

6.1. Западное Причерноморье

Памятники культуры Хаманджия — единственной в Причерноморье, чье отнесение к культурному кругу керамики импрессио является общепризнанным, находятся в Нижнем Подунавье, на юго-востоке Румынии и северо-востоке Болгарии. Их керамика представлена грубой «кухонной» и качественной «столовой» посудой. Последняя характеризуется разнообразием форм, тщательным лощением поверхности, использованием преимущественно накольчатого орнамента, реже — каннелюров и прочерченных линий, на ранних памятниках — кардиумных отпечатков. Особое внимание привлекает частое добавление в её формовочную массу графита. Носители культуры изготавливали глиняные и мраморные антропоморфные статуэтки, украшения из мрамора, меди и морских раковин, шлифованные каменные рубящие орудия. Кремневый инвентарь крупный пластинчатый. В нем присутствуют геометрические микролиты — трапеции. Определенной спецификой Хаманджии является наличие грунтовых могильников, что отличает её от соседних раннеземледельческих культур, носители которых хоронили умерших на поселениях. Погребенные лежат скорченно на боку или вытянуто на спине и сопровождаются керамической посудой, топорами, украшениями. Среди них были определены пред-

ставители разных антропологических типов, в том числе протоевропеоидного и атланти-средиземноморского. В хозяйстве носителей культуры первоначально преобладали при-сваивающие, а потом — производящие отрасли. Значительную роль играл морской промысел, о чем свидетельствуют кости морских рыб и дельфинов (Berciu 1966; Tringham 1971: 150—155).

Как считал Д. Берчу, носители культуры были потомками переселенцев из Передней Азии, морским путем добравшихся до устья Дуная и расселившихся вдоль его нижнего течения. Исходя из аналогий в форме и орнаментации посуды культуры линейно-ленточной керамики и раннего периода Хаманджии (Berciu 1966: 291—294), последний может датироваться второй половиной 6 тыс. cal BC. Дата по образцу кости из поселения Кейя (Cheia) (UB-7276: 6020±43 BP) относит фазу Хаманджия III к первой четверти 5 тыс. cal BC, а две даты эпонимного поселения (Gm-1986: 5830±70 BP) и могильника (Hv-12759: 5840±200 BP) относят фазу Хаманджия IV ко второй четверти 5 тыс. cal BC (Voinea, Neagu 2006: 151; 2008: 16).

6.2. Северное Причерноморье

По формальным признакам керамикой импрессио является и вся неолитическая керамика Северного Причерноморья с гребенчатым и накольчатым орнаментом. Однако автору неизвестны публикации, в которых соответствующие археологические материалы рассматривались бы в контексте остальных культур круга импрессио. Исключение составляют несколько незначительных по объему сюжетов в монографиях Д. Берчу и В. Н. Даниленко.

Так, Д. Берчу допустил существование на территории Северного Причерноморья горизонта памятников с кардиумной керамикой. Основанием для этого послужили некоторые, к сожалению, не названные им аналогии между материалами неолита Южного Буга, с одной стороны, и культуры Хаманджия — с другой. Возможные истоки этого горизонта памятников исследователь увидел в «культурном импульсе», который мог распространиться с территории Месопотамии и Ирана на север через юго-восточный берег Черного моря (Berciu 1966: 291—292).

В свою очередь, В. Н. Даниленко отметил определенное сходство самчинской керамики БДК и керамики импрессио Балкан и Восточной Адриатики. Но, исходя из своей концепции относительно северо-восточного

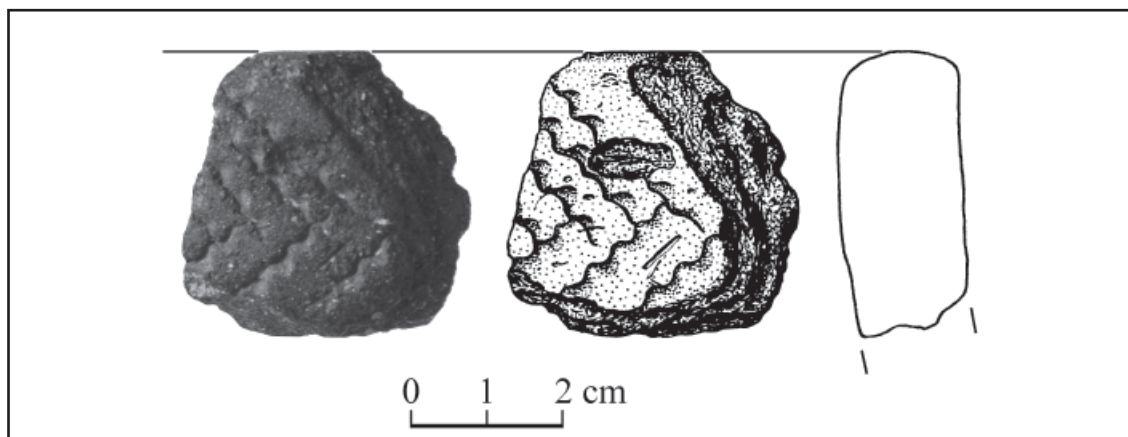

Рис. 13. Саврань. Фрагмент сосуда с кардиумным орнаментом.

происхождения самчинских традиций, появление гребенчатого орнамента на керамике памятников Отзаки-Магула, Сербия, Црвена Стена и Зелена Печина он объяснил наличием «элементов культуры восточноевропейского (днепро-днепровского) происхождения» и даже «инфильтрацией» населения днепродонецкой культуры. Последней он обосновал и вытянутую на спине позу погребенных в могильниках культуры Хаманджия (Даниленко 1969: 203—204, 213, 217).

С другой стороны, на буго-днепровском памятнике Саврань, находящемся на юге лесостепного Побужья, В. Н. Даниленко обнаружил обломок орнаментированного венчика неолитического сосуда, единственным известным ему аналогом которого он назвал керамику «с так называемым кардиумным орнаментом из Адриатики» (Даниленко 1969: 132). Сейчас эта находка хранится в Институте археологии НАН Украины (коллекция № 319, инв. № 87). Это обломок прямого вертикального венчика толщиной 1,4 см с чуть закругленным срезом. Внешняя и внутренняя поверхности хорошо заглажены, внешняя — подлощена. Снаружи цвет черный, изнутри — темно-бурый, слом черный. Керамическая масса слоистая, содержит незначительную примесь мелкого песка и тонких органических волокон, а также большое количество отдельных створок и целых раковин мелких (менее 1 мм) ракушковых рачков *Cyprideis torosa littoralis* (Brady, 1864),⁸ из-за которых черепок выглядит пористым. Снаружи по краю венчика нанесен орнамент в виде горизонтальной «елочки» из двух рядов разнонаправленных диагонально поставленных отпечатков волни-

стого края створки раковины моллюска рода *Cardium* (рис. 13).

На сегодняшний день другие случаи выявления кардиумного орнамента в керамических материалах БДК Побужья не описаны. Более того, автору данной статьи пока не известны и буго-днепровские сосуды, изготовленные из такой же керамической массы. Её специфику определяет примесь песка, перенасыщенного ракушками остракод *Cyprideis torosa littoralis* (Brady, 1864). Последние живут в водах широкого диапазона солености от почти пресной до гиперсоленой, но в наибольшем количестве встречаются в слабосоленой воде с содержанием соли от 2‰ до 16‰. Эти рачки предпочитают спокойные воды внутренних озер, а также лагун, устьев рек, фьордов, дельт и других маргинальных морских сред глубиной до 30 м с илистым и песчано-илистым дном. География их распространения чрезвычайно широка: все побережья Европы, средиземноморские берега Ближнего Востока и Северной Африки, озера Центральной Африки, Каспийское и Аральское море (Athensuch et al. 1989: 114; Opreanu 2003: 74).

Таким образом, сосуд с кардиумным орнаментом из Саврани был сделан неподалеку от морского побережья Средиземного или, что более вероятно, Черного моря. В обоих случаях эта уникальная находка свидетельствует или о проживании в Северном Причерноморье носителей традиции кардиумной орнаментации керамической посуды, или, в крайнем случае, об их контактах с жителями этого региона. К сожалению, условия обнаружения находки не позволяют четко определить ее возраст.

Памятник Саврань находится на правом берегу Южного Буга, в пределах г. Саврань Савраньского района Одесской области. В 1949 и 1955 гг. В. Н. Даниленко исследовал тут несколько скоплений разновременных материалов, в частности, энеолитических —

⁸ Определение старшего научного сотрудника Института геологии НАН Украины, к. г. н. В. А. Присяжнюка.

Триполье А и Триполье С I, неолитических — два скопления с керамикой самчинского типа и два скопления материалов савранского типа («жилища» № 1 и № 2), и мезолитических (Даниленко 1957: 43—49; 1969: 125—134). По двум образцам кости в Киевской радиоуглеродной лаборатории были получены две «новые» даты, соответствующие середине первой половины 6 тыс. cal BC. Один образец был отобран из савранского «жилища» № 2, а место отбора другого в публикации не указано (Котова, Ковалюх 2002: 104).

Обломок венчика с кардиумным орнаментом был обнаружен на крайней западной границе памятника, на 60 м западнее от ближайшего скопления керамики самчинского типа и более чем за 100 м от ближайшего скопления посуды савранского типа. В этом месте на поверхности разрушенного глинищем участка надпоймы, вокруг большой глыбы гранита и в заложенном тут раскопе IV площадью 24 кв. м, кроме упомянутого фрагмента, были найдены кости животных, раковины *Unio*, обломок обычной буго-днестровской керамики савранского типа и около десяти кремневых изделий, среди которых обращают на себя внимание вкладыш кукрекского типа и треугольный наконечник дротика, обработанный с обеих сторон плоской отжимной ретушью (Даниленко 1955). Исходя из характера находок и их залегания на поверхности и в слое супеси до глубины 0,3 м, можно допустить, что данный раскоп раскрыл переотложенные материалы мезолитического, неолитического и энеолитического времени (Гаскевич 2005: 34), датирующиеся в широком диапазоне 7—5 тыс. cal BC. Итак, место и контекст обнаружения описанного обломка венчика не позволяют однозначно связать его с определенными кремневыми и керамическими находками, а также имеющимися радиоуглеродными датами памятника.

7. Северо-понтийское импрессио: *pro et contra*

Как свидетельствуют приведенные археологические данные, носители традиций изготовления керамики импрессио в 6—5 тыс. cal BC проживали в непосредственной близости к Северному Причерноморью (культура Хаманджия) и контактировали с населением лесостепного Побужья (сосуд с кардиумным орнаментом из Саврани). Но для подтверждения гипотезы о средиземноморском происхождении всей севернопричерноморской неолитической керамики с гребенчатой орнаментацией этого явно недостаточно.

На взгляд автора этой статьи, чтобы данная гипотеза приобрела право на существование, следует получить ответы на ряд взаимосвязанных вопросов:

— есть ли в неолите Средиземноморья керамика, характеристики и время существования которой позволяют рассматривать ее как прототип раннеолитической гребенчатой керамики Северного Причерноморья?

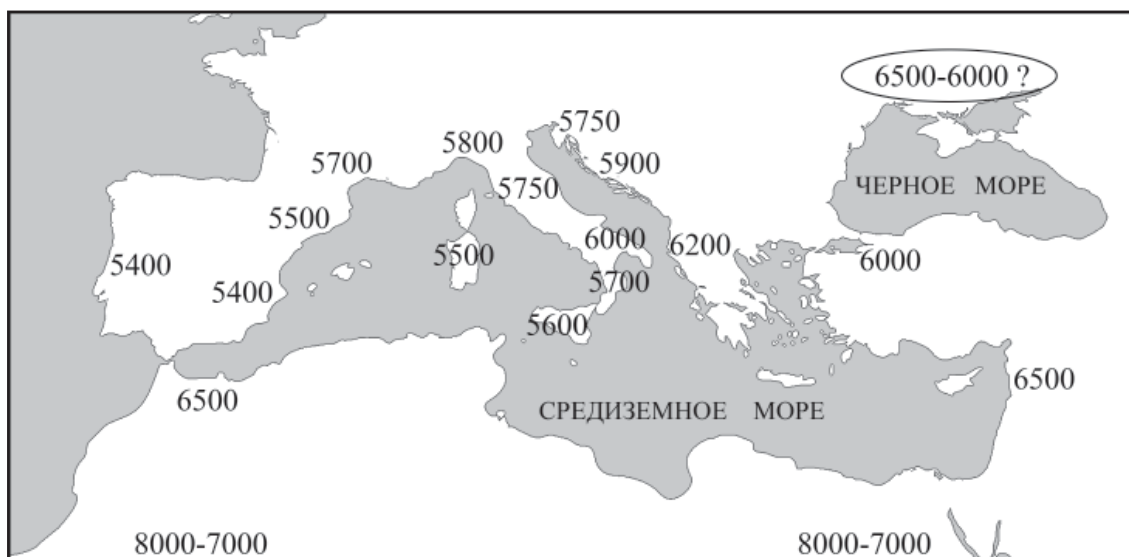
— существовала ли физическая возможность попадания в Северное Причерноморье средиземноморских мигрантов с керамикой импрессио во время, когда тут появляется первая гребенчатая керамика?

— существуют ли свидетельства пребывания в Северном Причерноморье средиземноморских мигрантов во время, когда тут появляется первая керамика с зубчато-гребенчатым орнаментом?

7.1. Прототипы керамики самчинского типа в Средиземноморье

Прототипом гребенчатой керамики Северного Причерноморья может выступать посуда, имеющая схожие стилистические особенности орнаментации и имеющая возраст не меньший, чем у древнейших образцов самчинской керамики. Напомним, что согласно «старым» датам последняя датируется временем не ранее рубежа 7 и 6 тыс. cal BC, а исходя из «новых» — начиная приблизительно с середины 7 тыс. cal BC. В различных источниках авторы указывают разные даты первого появления керамики импрессио на той или иной территории Средиземноморья. Картографирование этих данных свидетельствует, что керамика импрессио, отвечающая критерию «старой» хронологии БДК, известна в Северной Африке, на Ближнем Востоке, на берегах и островах Адриатики, а отвечающая критерию «новой» хронологии — лишь в Северной Африке и на Ближнем Востоке (рис. 14).

Из перечисленных регионов географически самым близким к ареалу самчинской керамики является восточное побережье Адриатики. В материалах восточноадриатической культуры импрессио наибольшее сходство с гребенчатой посудой Северного Причерноморья демонстрируют материалы памятников типа Медулин, расположенных на полуострове Истрия, что на севере Хорватии. Она изготовлена из глины со значительной примесью кварцевого песка и орнаментирована отпечатками необработанного края створок раковин морских и речных моллюсков, гребенчатого или двузубого штампов, а также линиями, на-

Рис. 14. Приблизительное время появления керамики импрессио в Большом Средиземноморье (гг. cal BC) (по данным Balossi, Frangipane 2002; Daugas et al. 2008; Forenbaheer, Miracle 2004; Mohammed-Ali, Khabir 2003; Robb 2007; Zilhão 2001).

несенными этими штампами. Отдельно поставленные и «шагающие» отпечатки часто группируются в горизонтальные ряды, нередко чередующиеся с прочерченными линиями. Иногда линии образуют треугольники, в т. ч. заштрихованные (Bačić 1969; Müller 1991: 324—325). Однако по двум радиоуглеродным датам памятника Вижула, группа Медулин датируется в широком диапазоне 5900—5000 cal BC (Müller 1991: 354), хотя в публикациях чаще встречается лишь одна дата HD-12093: 6850±180 BP (5970—5560 cal BC) (Biagi et al. 2005: 45). Таким образом, адриатические параллели самчинской керамики относятся ко времени более позднему или синхронному её появлению в Причерноморье («старая» дата Гиржевэ). Соответственно, восточноадриатическая керамика импрессио не могла выступать прототипом керамики самчинского типа, и схожесть ряда их характеристик следует объяснять не прямым заимствованием, а лишь возможностью их общего происхождения.

Относительно генезиса восточноадриатического импрессио, как и всего круга памятников с керамикой импрессио, на данный момент единой точки зрения не существует. Чаще всего его происхождение связывают с прибрежными районами Восточного Средиземноморья, где керамика, украшенная штампованным орнаментом, в т. ч. отпечатками двузубого и гребенчатого штампа, датируется второй половиной 7 — началом 6 тыс. cal BC (Balossi, Frangipane 2002: 12, 13). Однако незначительная роль такой посуды в керамических

коллекциях ближневосточных памятников в последнее время заставляет некоторых исследователей сомневаться в её распространении на север и запад именно из Леванта. Вместо этого как возможное место зарождения керамики импрессио они называют территории Греческой Фракии или юго-восточное побережье Адриатики (Balossi, Frangipane 2002: 7, 11, 15; Benvenuti, Metallinou 2002: 17—23). В пользу местного происхождения керамики восточноадриатического Импрессио, по мнению Йоханеса Мюллера, свидетельствует и отсутствие подобных материалов на островах, лежащих между Сиро-Киликией и Адриатикой (Müller 1991: 353).

Обращает на себя внимание, что в исследованиях, посвященных происхождению керамики импрессио, мало внимания уделяется Северной Африке. Здесь, на территории современных Мали и Нигерии, на юге Сахары, первая керамическая посуда появляется уже в 10 тыс. cal BC — задолго до её появления на Ближнем Востоке (Le Quellec 2006: 174, 175; Ozainne et al. 2009: 39, 41; Huysecom et al. 2009).

Приблизительно в 8500 г. cal BC плейстоценовые гипераридные условия Южной Сахары достаточно резко сменились более влажными, обусловленными обильными летними муссонами. Вследствие этого здесь установился полувлажный климат, а в центре Сахары — полусухой. В регионе сформировались озера и временные реки. Присущая саваннам растительность распространилась более чем на 800 км к северу от ее современ-

ной границы (Kuper, Kröpelin 2006: 803—807). На эту территорию с юга переселились племена, хозяйство которых базировалось на добычании водных млекопитающих и рыбной ловле. Вместе с ними в 9—8 тыс. cal BC по всей Сахаре от Сенегала на западе до Красного моря на востоке распространилась и керамическая посуда, которая характеризует явление, известное под названиями «неолит суданской традиции», «сахаро-суданский комплекс», «хартумский мезолит» и «хартумский неолит». Эта посуда характеризуется керамической массой со значительной минеральной примесью; хорошо залощенными поверхностями; цилиндрической, шаровидной или конической формами корпуса сосудов; округлыми, плоскими и, реже, шиповидными доньшками; «волнисто-линейным» (wavy line) и «пунктирно-волнистым» (dotted wavy line) орнаментом. При нанесении этого орнамента волнистые или угловатые (зигзаг) линии чаще всего проглаживались или оттискивались гребенчатыми штампами или краем раковины. Иногда такие линии сочетались с обычными, протянутыми и «шагающими» отпечатками зубчатого штампа, прямыми прочерченными линиями. Реже встречаются ряды разреженных наколов (Caneva 1987; Mohammed-Ali, Khabir 2003; Fernández et al. 2003: 290—305).

Археологически установлено, что на поселениях долины Нила носители «неолита суданской традиции» уже в 7 тыс. cal BC разводили крупный и мелкий рогатый скот, выращивали пшеницу и ячмень. При этом некоторые исследователи не исключают, что навыки разведения крупного рогатого скота, который имеет на континенте местные дикие формы, были знакомы африканцам еще начиная с 9 тыс. cal BC. Остальные домашние животные и растения попали сюда с Ближнего Востока (Marshall, Hildebrand 2002: 109—111, 122; Le Quellec 2006: 181; Kuper, Kröpelin 2006: 805). О тесных контактах с населением Передней Азии свидетельствует и появление в регионе образцов глиняной пластики, присущих ближневосточному докерамическому неолиту фазы В и С (PPNV и PPNC) (Pardo Mata 2004). Обратным эффектом этих контактов могло стать появление на Ближнем Востоке во второй половине 7 — начале 6 тыс. cal BC известных по находкам в Фаюме специфичных типов наконечников стрел, ножей, оббитых топоров с пришлифованным лезвием (Smith 1992: 128) и, возможно, немногочисленной керамики импрессо.

В середине 6 тыс. cal BC количество осадков в Северной Африке стало резко сокра-

щаться, что сопровождалось продвижением пустыни на юг. Окончательное установление современной границы Сахары приходится приблизительно на 5300 г. cal BC (Kuper, Kröpelin 2006: 803—807). Прогрессирующее изменение климата вызвало активное переселение неолитических обитателей Сахары на другие территории, а также привело к концентрации населения в долине и дельте Нила, а также отдельных оазисах, где традиции «хартумского неолита» сохранялись еще почти тысячу лет.

Таким образом, наиболее ранняя керамика с зубчато-гребенчатым орнаментом, в т. ч. нанесенным способами, близкими к зафиксированным в раннем неолите Причерноморья, уже в 9—8 тыс. cal BC существовала на севере Африканского континента. Именно оттуда в середине 7 тыс. cal BC она могла распространиться на Ближний Восток, а в конце 7 тыс. cal BC — в Северное Причерноморье («старая» хронология БДК). Если же верной является «новая» хронология буго-днестровского неолита, распространение традиций керамики импрессо на Ближний Восток и в Северное Причерноморье произошло практически синхронно в середине 7 тыс. cal BC.

7.2. Способы и средства распространения керамики импрессо

В данной работе автор исходит из того, что в неолите распространение определенных новаций, в т. ч. традиций керамического производства в целом и орнаментации посуды в частности, было невозможно без перемещения какой-то части населения, являющегося носителем этих традиций. При этом способы такого перемещения, а также дистанции, на которые оно осуществлялось, могли значительно отличаться в зависимости от конкретных исторических и географических условий.

Обычно распространение неолитических новаций принято связывать с т. н. «волной прогресса» (wave of advance), вызванной действием демографического давления, возникшего в оседлых земледельческих общинах и приводившего к сельскохозяйственному освоению соседних земель избыточным населением. Такая модель неолитизации (demic diffusion) имеет вид медленного постепенного увеличения ареала, происходящего с довольно низкой скоростью, которая, по оценкам Альберта Дж. Аммермана и Луиджи Л. Кавалли-Сфорца, составляет в среднем 1 км в год и не должна превышать 2 км в год (Ammerman, Cavalli-Sforza 1984).

№2. 2010

Другой формой «волны прогресса» могла быть целенаправленная колонизация определенной территории, или «скачкообразная колонизация» (leapfrog colonisation), приводившая к созданию сети поселений-анклавов на территориях, по какой-то причине остававшихся незаселенными местными обитателями. В случае со «скачкообразной колонизацией» переселение происходило намного быстрее и, по некоторым оценкам, могло превышать 10 км в год, что предусматривает движение людей благодаря морскому каботажному плаванию (Zilhão 2001).

Обособленность ареала керамики импрессио Северного Причерноморья от ареала синхронных средиземноморских культур круга импрессио указывает на модель морской колонизации. Об этом же свидетельствует необычайно высокая скорость распространения сюда первой керамики (особенно исходя из «новой» хронологии БДК). Схожий процесс необычайно быстрой неолитизации значительно удаленных друг от друга территорий зафиксирован и для другой части ареала импрессио — Западного Средиземноморья. Не так давно Жуан Зильян пришел к выводу, что распространение кардиумной керамики вдоль южного побережья Франции и Испании, а также атлантического побережья Португалии, состоялась приблизительно в 5500—5400 г. cal BC. О высокой скорости этого процесса говорят как изотопные даты соответствующих памятников, так и практически одинаковый характер их керамической посуды (Zilhão 1997; 2001). Морской характер колонизации Западного Средиземноморья подтверждается распространением на побережье Франции, Италии и Северной Африки обсидиана с месторождений, расположенных на островах Сардиния, Пантеллерия, Липари, Палмарола (Tikot 1996).

Однако существовала ли физическая возможность морской колонизации Северного Причерноморья выходцами из Восточного Средиземноморья?

Действительно, на начальных этапах голоцена Черное море не сообщалось со Средиземным и существовало в виде пресноводного Новозвксинского озера, отделенного от Мирового океана сухоходным перешейком между Европой и Азией. В результате подъема уровня Мирового океана и, возможно, тектонических сдвигов, в нем образовался Босфорский пролив. Попадание соленой средиземноморской воды в Черное море привело к сравнительно быстрому поднятию его уровня до уровня Мирового океана. Значительно увеличилась и соленость

черноморской воды, что повлекло изменение видового состава ее обитателей. Как было установлено радиоуглеродным датированием образцов раковин средиземноморских солоноводных моллюсков, поднятых со дна Черного моря, наиболее вероятной датой образования Босфорского пролива может считаться 6700 г. cal BC (Ballard et al. 2000: 259; Yanko-Hombach, Tschepalyga 2003).

Итак, к моменту появления первой причерноморской керамики с зубчато-гребенчатым орнаментом (даже исходя из более древней «новой» хронологии БДК) водный путь, позволявший навигацию из Средиземного моря в Черное, уже существовал. К сожалению, пока отсутствуют прямые данные, позволяющие судить о характере морских путешествий людей того времени. Однако можно предположить, что это были многодневные плавания, в ходе которых в течение светлого времени суток небольшие участки пути преодолевались в пределах видимости берега. При этом могли использоваться крупные лодки достаточно развитой конструкции. О существовании таких судов у населения долины Нила времен «хартумского мезолита» свидетельствует находка, обнаруженная на поселении 16 — D-5 в Центральном Судане. Это — обломок гранитной гальки с нарисованным черной краской изображением задней части лодки с рулем сложной конструкции и куполообразной каютой посередине палубы. Аналогичные изображения широко известны в наскальных гравюрах Суданской Нубии и Египта. Но в отличие от них, упомянутая находка имеет четкое радиоуглеродное датирование в пределах первой четверти 7 тыс. cal BC (Usai, Salvatori 2007).

7.3. Свидетельства морской колонизации Северного Причерноморья в раннем неолите

Задача поиска свидетельств пребывания в Северном Причерноморье средиземноморских мигрантов, изготавливавших керамику импрессио, требует предварительного определения круга тех явлений, которые могут выступать в качестве таких свидетельств. Для этого следует рассмотреть процессы, приведшие к появлению керамики импрессио в других частях ее ареала.

Согласно основным современным концепциям, распространение керамики импрессио в Западном Средиземноморье (Zilhão 1997; 2001) и Адриатике (Chapman, Müller 1990; Forenbaeh, Miracle 2004) происходило в два этапа.

На первом этапе морская колонизация новых территорий носителями неолитических новаций привела к появлению здесь первых ранне-неолитических поселений. Они могут быть двух типов. Первый — одиночные памятники, на которых зафиксированы все основные составляющие «неолитического пакета». Эти памятники всегда располагаются в низинах на морских побережьях, иногда уже затопленных морем (Ла Драга на озере Баньолес в Каталонии, Лекот-Корреже в Лангедоке, Тинь Подливаде и Покровник в Хорватии). Второй тип поселений — более многочисленные небольшие временные стоянки, находки которых содержат лишь часть «неолитического пакета» — «неолитический» кремневый инвентарь, керамику и кости домашних животных. Эти стоянки на прибрежных равнинах имели открытый характер, а в прибрежных горных районах располагались в пещерах и скальных навесах.

На втором этапе прогрессивные неолитические навыки распространялись от прибрежных регионов в глубь суши. Это распространение могло приобретать черты земледельческого освоения или процесса индивидуальной пограничной подвижности и инфильтрации. Археологически первое фиксируется по появлению памятников с находками всего «неолитического пакета», а второе — по памятникам с находками традиционной мезолитической кремневой индустрии, неолитической керамики и/или костей домашних животных, чаще всего в условиях доминирования костей диких видов (Zvelebil, Lillie 2000: 62).

Обращает внимание, что в Западном Средиземноморье на первом этапе распространения традиций керамики импрессо посуда отдаленных друг от друга территорий характеризуется высоким качеством и значительным подобием — «настоящий кардиал» («Le Vrai Cardial» или «true Cardial»). На втором этапе в результате процесса неолитизации внутренних территорий в регионе появился целый ряд локальных неолитических культур со специфическими видами кремневого инвентаря и более разнообразной и, в то же время, менее совершенной керамической посудой (горизонт керамики «Epicardial»), которая является свидетельством разрыва связей неолитических общин ранее единой области, а также их взаимодействия с местным мезолитическим населением (Barnett 2004: 249).

Описанные процессы первичной морской колонизации и постепенного освоения внутренних территорий не обязательно должны приводить к изменению антропологического

типа населения и отражаться в геномном объединении современного населения соответствующего региона. Например, данные с территории Португалии свидетельствуют лишь об отличных характеристиках зубной системы и посткраниального скелета местного населения мезолитического и неолитического времени. Это отличие может объясняться как заменой одного населения другим в процессе неолитизации, так и приспособлением местного населения к новым видам хозяйственной деятельности и пищевых ресурсов (Zilhão 1997; 1998). Исследование погребенных с 10 отдаленных друг от друга памятников с кардиумной керамикой продемонстрировало очень широкую вариабельность их краниологических показателей, что может свидетельствовать о распространении одного комплекса материальной культуры у нескольких различных популяций древнего населения Средиземноморья (Pinhasi 2006: 68).

Итак, главным препятствием для восприятия гипотезы о включении неолита Северного Причерноморья в круг культур с керамикой импрессо является отсутствие на юге Украины археологических памятников с полным «неолитическим пакетом». Наиболее простым объяснением этого факта может быть расположение в этом регионе, как и на остальной территории Большого Средиземноморья, самых ранних неолитических поселений на плодородных низинах неподалеку от тогдашнего морского побережья. По оценкам разных исследователей, современный уровень Мирового океана в сравнении с его уровнем 8,5 тысяч лет назад выше на 10—12 м. Это значит, что в середине — второй половине 7 тыс. лет до н.э. северный берег Черного моря проходил на много километров южнее современной береговой линии, а на месте Азовского моря, наибольшая глубина которого достигает 15 м, находился небольшой лиман в устье Дона. Следовательно, береговые поселения первых неолитических мореплавателей, которые попали из Средиземного моря в Черное, теперь находятся под водой.

Уничтожение береговых неолитических памятников характерно для всего Средиземноморья. Так, неолитические памятники длительное время не были известны на южном берегу Мраморного и турецком побережье Эгейского моря. Здесь в результате повышения уровня Мирового океана устья горных рек Западной Анатолии, на плодородных аллювиальных почвах которых располагалось большинство неолитических поселений, превратились в морские заливы. За счет выноса пород, смытых с Анатолийского плато, в глу-

№2. 2010

бине этих заливов начали формироваться новые дельты рек. Это привело к тому, что даже уцелевшие от затопления памятники оказались в условиях, которые чрезвычайно усложняют их выявление. Например, неолитические слои памятника Демирджи Хёйюк (Demirci Höyük) теперь находятся на глубине 6 м от современной поверхности и на 4 м ниже уровня грунтовых вод, а памятник Йеникапы (Yenikapı) — на глубине 6 м от современного уровня Мраморного моря. Последний был обнаружен в устье реки Байрампаша (Bağrampaşa) в центре Стамбула только благодаря работам по прокладке по дну Босфора железнодорожного тоннеля. Из-за этого на западе Турции теперь исследованы только неолитические памятники в пещерах гор Восточной Фракии, например, Йаримбургаз (Yarimbürgaz), или расположенные на высоких скалистых берегах островов, например, Салиагос (Saliagos) и Хагиос Петрос (Hagios Petros), а также немногочисленные поселения, обнаруженные в местах проведения мелиорационных работ — на террасах реки Изник (Iznik), ныне сухого озера Йенишехир (Yenişehir), на берегах Боспорского пролива (Özdoğan 1989: 202; Algan et al. 2009).

Существует надежда, что в условиях, аналогичных описанным для запада Турции, ранне-неолитические поселения с собственно средиземноморской керамикой импрессо могут быть обнаружены и в Причерноморье. Местами, где они могли сохраниться, являются южный берег Крыма и побережье Северо-Западного Кавказа между гг. Геленджик и Сухуми. Из-за наличия здесь Крымских и Кавказских гор подъем уровня Черного моря почти не изменил очертаний его берегов (Dimitrov P., Dimitrov D. 2004: fig. 24).

И все же, если морская колонизация Северного Причерноморья носителями традиций изготовления керамики импрессо действительно имела место, отдельные специфические элементы их «неолитического пакета» должны были попасть к обитателям удаленных от моря территорий и сохраниться в оставленных ими археологических памятниках.

Таковыми элементами, имеющими средиземноморское происхождение, в первую очередь, могут выступать уже рассмотренные в данной статье первая неолитическая керамика с зубчато-гребенчатым и линейным орнаментом, а также «неолитический» кремневый комплекс, базирующийся на получении тонких отжимных пластин, из которых изготавливались многочисленные геометрические микролиты. Последний представлен не только на ранее названных памятниках степного

и лесостепного Причерноморья, но и на стоянках мурзак-кобинской культуры Горного Крыма. Еще 50 лет назад С. Н. Бибилов связал происхождение мурзак-кобинской кремневой индустрии с капсидской индустрией мезолитических памятников североафриканского побережья Средиземного моря (Бибилов 1959: 27), а недавно Л. Л. Зализняк отметил ее родство с кремневым комплексом средиземноморских культур, известных под обобщающим названием «кастельновьен». По мнению ученого, носители этой индустрии, имевшие южноанатолийские корни, попали в современный Крым морским путем (Зализняк 1998: 173, 228).

По серии из определенных А. А. Яневичем 9 наиболее достоверных радиоуглеродных дат, сделанных в последние годы в Киевской лаборатории по образцам кости из мурзак-кобинских слоев памятников Шпан-Коба, Фатьма-Коба, Шан-Коба и Мурзак-Коба, время существования культуры относится к 7600—6300 ВР, что отвечает приблизительно 6450—5200 гг. cal BC (Яневич 2008: 135—137). Как видим, нижний предел этих дат в целом совпадает с «новыми» киевскими датами самых ранних неолитических памятников Северного Причерноморья (Гиржевэ, Ракушечный Яр). Не противоречат они и упомянутой дате образования Боспорского пролива, следовательно, относят формирование мурзак-кобинских традиций ко времени, когда побережье Крыма было потенциально доступным для морской колонизации обитателями Средиземноморья.

Во-вторых, у средиземноморских мигрантов могли быть заимствованы навыки производящих отраслей хозяйства, свидетельства которых зафиксированы в различных частях Северного Причерноморья.

На сегодняшний день лучше подтвержденным является достаточно раннее появление в регионе доместифицированных животных. Так, в остеологических материалах Ракушечного Яра кости мясных домашних животных — быка, овцы, свиньи — попадают уже в древнейших слоях 21, 20, 19, 14 и являются стабильной составляющей фаунистической коллекции всех верхних слоев, начиная со слоя 11 (Белановская 1995: 151, табл. 22). В Восточном Приазовье на ранне-неолитическом поселении Матвеев Курган I обнаружены кости домашних животных: свиньи, быка, коня, овцы-козы, собаки, которые вместе составили 18,8% всех костей, определенных до вида. Согласно двум радиоуглеродным датам, сделанным по образцам древесного угля в Санкт-Петербургской и Гронингенской

лабораториях, этот памятник датируется второй половиной 7 тыс. cal BC (Крижевская 1992: 101, табл. 13, 14; 114). Кости мясных домашних животных — быка, мелкого рогатого скота, свиньи, коня в разных сочетаниях и пропорциях представлены в остеологических коллекциях сурских поселений Сурский Остров I, Сурский Остров II и Сэмэнивка 1, нижний слой. При этом вместе представители домашних видов составляют от 9% (Сурский Остров I) до 56% (Сэмэнивка 1) общего количества особей мясных животных (Журавлев, Котова 2002: 116, табл. 4).

Видовое определение было сделано и для остеологических находок пяти буго-днестровских поселений Степного Побужья (Пугач 1, Пугач 2, Гард 3, Гард 4, Мыкольна Брояка), которые по «новым» киевским датам относятся к 6 — началу 5 тыс. cal BC. Остатки мясных домашних животных — быков, овец, коз, свиней и коней — в разных сочетаниях и пропорциях были обнаружены на всех названных памятниках, где по количеству особей они доминировали (за исключением Мыкольной Брояки) над представителями дикой фауны (Товкайло 2005: 51, 52, табл. 6.1, 2). Но, по наблюдениям Н. Т. Товкайло, во всех названных комплексах слои с материалами буго-днестровской культуры также содержали керамику раннего периода трипольской культуры (Товкайло 2005: 33, табл. 4.7; 67). Следовательно, нельзя исключать связь остатков, по крайней мере, части этих домашних животных с находками трипольской культуры.

На западе региона, на стоянке Гиржево, найдено 18 костей, скорее всего, одной особи крупного «дикого или домашнего» быка, а также 48 костей одной или двух особей небольшого «дикого или домашнего» коня (Станко 1967: 166). Учитывая наличие на памятнике материалов энеолита и раннего железного века, а также перемешанный характер культурного слоя, даже принадлежность костей domesticiрованным видам не позволит однозначно связывать их с неолитическими находками. Более четко раннее появление домашних животных было зафиксировано на несколько более северных безкерамических памятниках Лесостепного Поднестровья. В частности, в Сорока II, слой 3 были обнаружены кости трех особей домашней свиньи, в Сорока II, слой 2 — одной особи домашнего быка и двух особей домашней свиньи, в Сорока I, слой 2 — одной особи домашнего быка и двух особей домашней свиньи (Маркевич 1974: 32, 73, 83). Две «старые» радиоуглеродные даты Берлинской лаборатории относят существова-

ние двух первых памятников к третьей четверти 7 тыс. cal BC (Маркевич 1974: 138).

В свое время определенной неожиданностью стало трасологическое определение Г. Ф. Коробковой вкладышей серпов в материалах расположенной в Нижнем Подунавье мезолитической стоянки Мырнэ, имеющей «старую» дату 6210—5920 cal BC (Ле-1647) (Станко 1982; Станко, Свеженцев 1988). При этом в одних публикациях все найденные вкладыши осторожно охарактеризованы как предназначенные для срезания травы (Станко 1982: 128), а в других — для срезания как диких трав (14 экз.), так и культурных злаков (2 экз.) (Сапожникова 2007: 127). Однако наличие в коллекции памятника материалов трипольской культуры (Бурдо, Станко 1981) позволяет поставить под сомнение связь упомянутых вкладышей с его мезолитическими находками. Невзирая на тщательное изучение буго-днестровской керамики Степного Побужья палеоботаником Г. А. Пашкевич, отпечатки культурных растений — 2 зерновок пленчатого ячменя — были обнаружены лишь в материалах Мыкольной Брояки (Котова, Пашкевич 2002: 109, табл. 2). Похожая ситуация наблюдается и в раннем неолите Надпорожья и Степного Приазовья. Для памятников сурской культуры ныне зафиксирован лишь 1 отпечаток культурного растения — пленчатой пшеницы двузернянки, — обнаруженный на обломке сосуда из нижнего слоя поселения Стрильча Скэля (Котова, Пашкевич 2002: 108).

Более многочисленными и разнообразными являются находки отпечатков культурных растений на керамике БДК лесостепного Поднестровья (Сорока II, сл. 1; Сорока III; Сорока I, сл. 1, гор. «б»; Сорока V) и Побужья (Сокильци II; Сокильци VI; Базькив Остров; Зянькивци II; Чернятка; Шимановськэ II) (Маркевич 1974: 153, табл. 8; Котова, Пашкевич 2002: 109, табл. 2). Обращает внимание, что в нескольких случаях эти отпечатки были обнаружены на сосудах, украшенных гребенчатыми оттисками и линиями, проглаженными гребенчатым штампом (Базькив Остров; Чернятка; Шимановськэ II). Но их наличие здесь, при условии отсутствия на смежных степных территориях, скорее свидетельствует о распространении земледельческих навыков не с юга на север, а с запада на восток — от носителей культуры Криш и линейно-ленточной керамики. Этот вывод хорошо коррелирует с наличием находок импортной керамики соответствующих культур в инвентаре лесостепных поселений БДК и их отсутствием в степной зоне. Одиночные от-

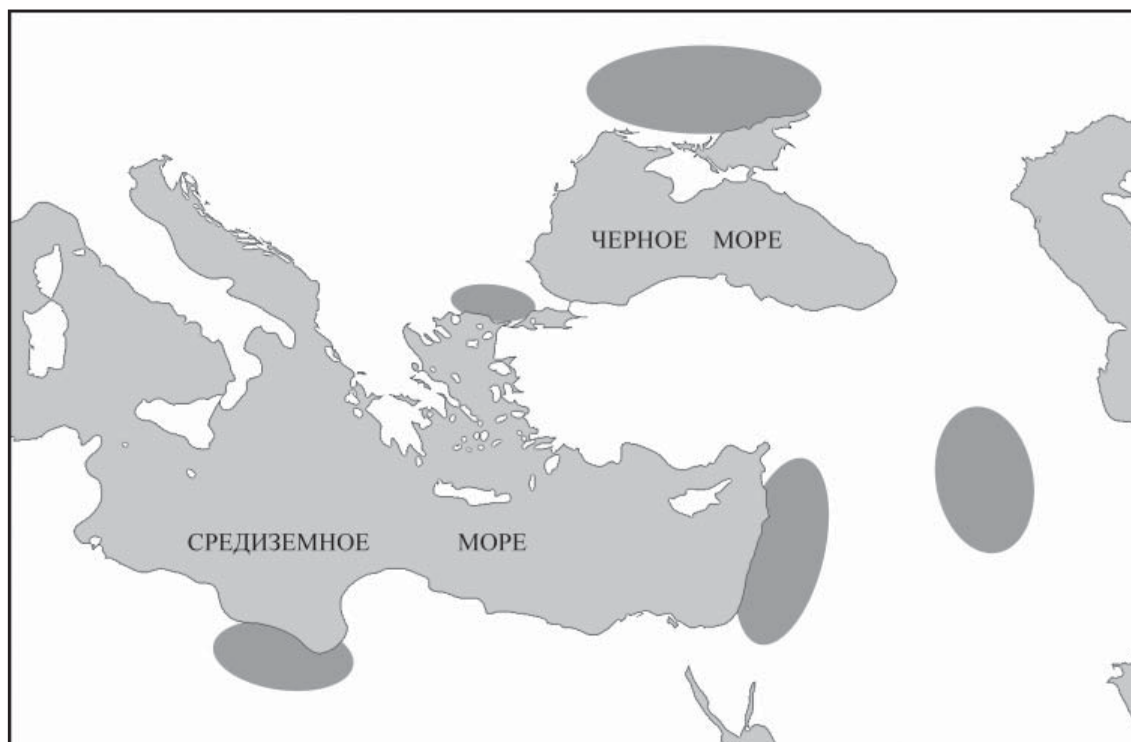

Рис. 15. Распространение «челноков» в 7 тыс. cal BC (по: Усачева 2005: рис. 2).

печатки культурных растений обнаружены на посуде второго периода азово-днепровской культуры Надпорожья (Лысогорский могильник; Мыкильський могильник; Стрильча Скэля) (Котова, Пашкевич 2002: 109, табл. 1). Их появление также следует связывать с межкультурными контактами, осуществлявшимися в широтном направлении и фиксирующимися по импортам раннетрипольской керамики и первых металлических изделий (Мыкильський могильник).

Еще одной составляющей «неолитического пакета», имеющейся в Северном Причерноморье в инвентаре памятников второй половины 7 тыс. cal BC — 6 тыс. cal BC, являются шлифованные каменные изделия. Они представлены рубящими орудиями (Матвеев Курган I, Матвеев Курган II; Сурский Остров I; Мэлынычна Круча; Сорока I, сл. 1, гор. «б»; Сорока III), каменной посудой (Сурский Остров I; Выноградный Остров; Игрэнь V; Гард) и специфическими каменными поперечножелобчатыми изделиями, известными под названиями «челноки», «утюжки», «гладилки» (Сорока II, сл. 3; Сурский Остров I; Сурский Остров II; Игрэнь 8; Раздорское I). Особенный интерес вызывают последние. Их происхождение четко связывается с ближневосточными культурами 10—9 тыс. cal BC (протонеолитические комплексы Загроса; натуфийская культура; докерамический неолит Иерихона А). Но, в отличие от рубящих орудий и каменных

сосудов, которые также происходят с Ближнего Востока, они не приобрели распространения у носителей раннеземледельческих культур соседних с Северным Причерноморьем регионов. Так, в 7 тыс. cal BC кроме ближневосточного населения их использовали лишь обитатели Северной Африки и Северного Причерноморья (рис. 15) (Wechler 2001: 243, 244; Усачёва 2005: 12—14). Распространение в это время «челноков» в отдельных несвязанных между собой географически удаленных ареалах может объясняться или конвергентностью развития населения этих территорий, или морским распространением традиции их изготовления.

Как уже отмечалось, неолитизация новых территорий вследствие морской колонизации может не сопровождаться изменениями антропологического типа их обитателей. Однако в могильниках мариупольского типа, существовавших в Северном Причерноморье в 7—5 тыс. cal BC, отмечается появление населения с новыми антропологическими характеристиками. Погребенные в них представляют два краниологических варианта гиперморфных протоевропеоидов - долихокранов с очень широким и хорошо профилированным лицом, и мезокранов с широким, высоким и слабопрофилированным лицом. Сейчас наибольшее распространение получило мнение, что представители первого варианта являются потомками местного финальнопалеолитического населения, известного по скорченным

погребениям надпорожских могильников Васыливка I и Васыливка III, а второго — мигрантами, не имеющими корней в предшествующих археологических культурах региона. Погребенные, сочетающие признаки обоих краниологических вариантов, зафиксированы в одном из двух самых ранних могильников мариупольского типа — Васыливка II, датирующимся 7000—6200 гг. cal BC. В чистом виде и в большем количестве представители второго варианта появляются в могильниках, относящихся к 6—5 тыс. cal BC (Потехина 1999: 69—71; Telegin et al. 2002).

Исходя из специфики погребального обряда и антропологических характеристик, генезис представителей второго краниологического варианта и археологи, и антропологи видели лишь на севере Центральной и Восточной Европы, в частности, в могильниках Дании (Ведбэк, Эртебелле), Швеции (Скаттехольм), и северо-запада европейской части России (Попово, Олений Остров) (Телегин 1968: 186—188; Potekhina 1998; Залізник 1998: 204, 218, 243; 2005: 86, 88, 100).

Однако сравнительным анализом антропологических данных древнего населения Северного Причерноморья и других территорий, проведенным И. Д. Потехиной в 1990 - х гг., было установлено, что аналоги второго краниологического варианта мезо-неолитического населения Надпорожья обнаружены не только в Западной Балтии (Ведбэк), но и в мезолите Крыма (Мурзак-Коба) и Северной Африки (Тафоральт). По мнению исследовательницы, значительное подобие черепов с таких отдаленных друг от друга территорий является свидетельством общего происхождения соответствующих популяций от близких верхнепалеолитических вариантов и их последующего параллельного развития (Потехина 1999: 137—143). Однако данное замечание не решает проблемы появления в Северном Причерноморье представителей второго краниологического варианта. Существующая гипотеза про северо-западное происхождение этого населения выглядит недостаточно убедительно, учитывая, что время максимума его распространения в Надпорожье и Крыму совпадает с максимальным распространением здесь неолитических новаций, имеющих балканские, восточноевропейские и, возможно, североафриканские корни. В свете приведенных наблюдений вопрос генезиса отдельных краниологических вариантов неолитических обитателей Северного Причерноморья, видимо, еще далек от своего окончательного решения.

Таким образом, среди находок ранне-неолитических памятников Северного Причерноморья зафиксированы такие составляющие «неолитического пакета», как керамическая и каменная посуда, специфическая «неолитическая» кремнеобработка, шлифованные каменные изделия и кости domesticированных животных. При этом, исходя из радиоуглеродных дат, их первое появление и по «старой», и по «новой» хронологии произошло в период между серединой и концом 7 тыс. cal BC. С одной стороны, в это время Черное море уже соединилось с Мировым океаном и его берега стали доступны для морской колонизации обитателями Средиземноморья. С другой — исходя из радиоуглеродных дат ранне-неолитических памятников Румынии, сухопутная «волна прогресса» раннеземледельческих колонистов Балкан могла достичь границ Северного Причерноморья не ранее 6200 г. cal BC (Biagi, Spataro 2005; Biagi et al. 2005). Отсюда с высокой степенью вероятности можно сделать вывод, что распространение, по крайней мере, части перечисленных новаций связано с процессами индивидуальной пограничной подвижности и инфильтрации средиземноморских мигрантов, ранее колонизировавших черноморское побережье морским путем.

Проводя аналогии с Западным Средиземноморьем, за неолитическими культурами Северного Причерноморья можно увидеть некую область, сродни «эпикардиалу» материковых районов Франции и Испании. Являясь северной периферией более развитого приморского населения, носители этих культур переняли у него лишь часть неолитических новаций, которые в несколько измененном виде представлены в их археологическом комплексе наряду с характерными чертами местного мезолита.

Выводы

Появление в Северном Причерноморье остродонной и круглодонной посуды с зубчатогребенчатым орнаментом традиционно связывается с переселением сюда групп обитателей более северных и северо-восточных регионов. В качестве таковых разные исследователи называли лесостепное Поднепровье и бассейны Припяти (Д. Я. Телегин), Левобережье Верхнего Днепра (В. Н. Даниленко), Среднее и Северное Зауралье (Н. С. Котова). Значительные серии абсолютных дат, полученные в последние 15 лет в Киевской радиоуглеродной лаборатории, позволили устано-

№2. 2010

вить, что в Северном Причерноморье такая керамика появилась раньше, чем на Верхнем Днепре, в Поволжье, бассейне Камы, Зауралье, а в степном Причерноморье — раньше, чем в лесостепи. Эти данные убеждают в несостоятельности упомянутых гипотез. Как альтернативу им автор предлагает рассматривать причерноморский неолит с зубчато-гребенчатой орнаментацией керамики как часть средиземноморской области неолитических культур с керамикой импрессо.

Поиск возможных средиземноморских прототипов причерноморской керамики с зубчато-гребенчатым орнаментом привел к выводу, что ею могла быть посуда неолита Северной Африки, известного под названием «неолит суданской традиции», «сахаросуданский комплекс» либо «хартумский неолит». Сформировавшись в 9—8 тыс. cal BC, в середине 7 тыс. cal BC она могла распространиться на Ближний Восток, и далее — в Северное Причерноморье. Высокая скорость её распространения, засвидетельствованная радиоуглеродными датами, отвечает модели «морских пионеров» (*maritime pioneers*), разработанной Жуаном Зильяном на примере распространения кардиумной керамики в Западном Средиземноморье в середине 6 тыс. cal BC. Про возможность морской колонизации Северного Причерноморья свидетельствует появление в регионе неолитической керамики лишь после образования Боспорского пролива, т. е. когда Черное море уже стало частью Большого Средиземноморья.

Главным препятствием в восприятии предложенной автором гипотезы является отсутствие в Северном Причерноморье археологических памятников с полным «неолитическим пакетом». Объяснением этого факта может быть расположение самых ранних неолитических поселений на плодородных низинах неподалеку от морского побережья, впоследствии затопленного морем, уровень которого за последние 8,5 тысяч лет поднялся более чем на 10 м.

С другой стороны, в инвентаре бугоднестровского поселения Саврань присутствует фрагмент сосуда, украшенного кардиумным орнаментом. Использование при его изготовлении мелкого песка, перенасыщенного ракушками остракод *Cyprideis torosa littoralis* (Brady, 1864), указывает на его изготовление на берегу слабосоленого водоема, скорее всего, одного из лиманов Черного моря. Таким образом, эта находка свидетельствует или о проживании в Северном Причерноморье носителей традиции кардиумной орнаментации

керамики, или, в крайнем случае, об их контактах с жителями этого региона.

Опосредованно об этом же свидетельствует наличие на неолитических памятниках Северного Причерноморья посуды с зубчато-гребенчатым и линейным орнаментом, все признаки которой встречаются и в керамике средиземноморской области импрессо, а также специфического «неолитического» кремневого комплекса, костей domesticiрованных животных, шлифованных каменных изделий. Судя по радиоуглеродным датам, эти составляющие «неолитического пакета» появились тут в период между соединением Черного моря с Мировым океаном и расселением в Подунавье первых ранних земледельцев Балкан. Отсюда можно сделать вывод, что распространение, по крайней мере, части перечисленных неолитических новаций связано с процессами индивидуальной пограничной подвижности и инфильтрации средиземноморских мигрантов, обитавших на ныне затопленных участках черноморского побережья.

Проводя аналогии с Западным Средиземноморьем, за неолитическими культурами Северного Причерноморья — бугоднестровской, днепро-донецкой, сурской, азово-днепровской, ракушечной, нижнедонской — можно увидеть некую область, схожую с «эпикардием» материковых районов Франции и Испании. Являясь северной периферией более развитого приморского населения, носители этих культур переняли у него лишь часть «неолитического пакета». Соответственно, в археологическом инвентаре их памятников неолитические новации сочетаются с характерными чертами местного мезолита.

Таким образом, на нынешнем уровне наших знаний о неолите Северного Причерноморья гипотеза, рассматривающая его как часть культурной области импрессо Большого Средиземноморья, выглядит более убедительной, чем связывающая с северными и северо-восточными территориями. В ее пользу свидетельствуют как археологические данные и радиоуглеродные даты, так и логика исторического развития, обуславливающая распространение неолита из южных регионов с кризисными экологическими явлениями и более высоким уровнем развития общества на север. Дальнейшее развитие этой гипотезы требует продолжения датирования неолита Северного Причерноморья, полевого поиска неолитических памятников на берегах Черного моря, в т. ч. в местах, находящихся ниже уровня его современной

поверхности, изучения изменений антропологических особенностей позднемезолитического и неолитического населения региона, детального исследования наиболее ранних проявлений воспроизводящей экономики.

Благодарности

Автор сердечно благодарит канд. ист. наук Н. Б. Бурдо (Институт археологии НАН Украины) за помощь в работе с неолитическими коллекциями научных фондов ИА НАНУ, д-ра биол. наук Г. А. Пашкевич (Институт археологии НАН Украины) за любезно пре-

доставленные неопубликованные данные об отпечатках культурных растений на бугодноднестровской керамике Побужья, канд. геогр. наук В. А. Присяжнюка (Институт геологии НАН Украины) за видовое определение раковин остракод, проф., д-ра хаб. Л. Черняка (Институт археологии Гданьского университета) и канд. ист. наук А. А. Яневича (Институт археологии НАН Украины) за плодотворное обсуждение отдельных положений данной статьи, сотрудников Одесского археологического музея за любезное разрешение сделать фотографии материалов, выставленных в экспозиции музея.

Литература

- Белановская Т. Д. 1983. Ракушечноярская культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону. В: *Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону: РГУ, 10—15.
- Белановская Т. Д. 1995. *Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета.
- Бибииков С. Н. 1959. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. *СА* 4, 19—28.
- Борисковский П. И. 1963. *Отчет о работе Одесского палеолитического отряда в 1963 г.* Київ. Науковий архів ІА НАНУ. № 1963/28.
- Бурдо Н. Б., Станко В. Н. 1981. Энеолитические находки на стоянке Мирное. В: Мезенцева Г. Г. (отв. ред.). *Древности Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 17—22.
- Выборнов А. А. 1992. *Неолит Прикамья*. Самара: Изд-во Самарского государственного педагогического университета.
- Выборнов А. А. 2000. Средневожская культура. *Известия Самарского научного центра РАН*. Спец. вып. «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней». Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 177—215.
- Выборнов А. А. 2008. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4, 15—24.
- Выборнов и др. 2008: Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. 2008. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион. *РА* 4, 64—71.
- Выборнов и др. 2009: Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. 2009. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион. *РА* 3, 58—65.
- Гаскевич Д. 2001. Регіональні особливості у неолітизації Прип'ятського Полісся. *Гістарично-археологічний збірник* 16, 36—49.
- Гаскевич Д. Л. 2003. *Крем'яний інвентар неолітичних культур України*. Автореф. дисс.... канд. іст. наук. Київ.
- Гаскевич Д. Л. 2005. Крем'яні вироби кукрекської культурної традиції в інвентарі буго-дністровських пам'яток Побужья. *Археологія* 3, 24—37.
- Гаскевич Д. Л. 2007. Синхронізація буго-дністровського неоліту та неоліту Центральної Європи: Проблема радіовуглецевих дат. В: Gierlach M., Bakalarska L. (red.) *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, Łańcut, 26—28 X 2005 r. Warszawa: Krajowy Ośrodek Badań i Dokumentacji Zabytków, 115—147.
- Гаскевич Д. 2008а. Форма дна керамічного посуду бугоднодністровських пам'яток Лісостепового Побужья. *Археологічний альманах* 19. Донецьк: ООО «Апекс», 275—307.
- Гаскевич Д. Л. 2008б. Кераміка «самчинського» типу та проблеми періодизації буго-дністровської неолітичної культури. *КДУ* 11, 157—187.
- Готун та ін. 2007. Готун І. А., Гаскевич Д. Л., Казимір О. М., Лисенко С. Д., Петраускас А. В., Петраускас О. В. *Поселення між Ходосівкою та Лісниками: Дослідження 2003 р.* Північна експедиція ІА НАН України: Матеріали і дослідження І. Київ: ВД «Стилос».
- Даниленко В. Н. 1955. *Отчет об археологических исследованиях Южнобугского отряда за 1955 г.* Київ. Науковий архів ІА НАНУ. № 1955/8.
- Даниленко В. М. 1957. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бугу. *Археологія* X, 36—49.
- Даниленко В. Н. 1958. *Археологические исследования на Южном Буге в 1957—1958 гг. Отчет о работе Среднебугской неолитической экспедиции*. Київ. Науковий архів ІА НАНУ. № 1958/5.
- Даниленко В. Н. 1959—1961. *Отчет об исследовании Бугской экспедицией ИА АН УССР неолитических памятников на Южном Буге в 1959—1961 гг.* Київ. Науковий архів ІА НАНУ. № 1959—1961/7.
- Даниленко В. Н. 1962. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 гг. *КСИА АН УССР* 12, 23—27.
- Даниленко В. Н. 1969. *Неолит Украины: главы древней истории Юго-Восточной Европы*. Киев: Наукова думка.
- Даниленко В. М. 1971. Буго-дністровська культура. В: Телегін Д. Я. (відп. ред.) *Археологія УРСР* 1. Київ: Наукова думка, 85—96.
- Даниленко В. Н. 1974. *Энеолит Украины*. Киев: Наукова думка.
- Даниленко В. Н. 1985. Буго-дністровська культура. В: Телегін Д. Я. (отв. ред.). *Археологія Української ССР* 1. Киев: Наукова думка, 118—126.
- Журавлев О. П., Котова Н. С. 2002. Каталог остеологи-

№2. 2010

- ческих материалов неолитических памятников Украины (Приложение 3). В: Котова Н. С. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях, 111—119.
- Залізник Л. Л. 1979. Неолітичні пам'ятки р. Здвиж. *Археологія* 31, 54—65.
- Залізник Л. Л. 1998. *Передісторія України X—V тис. до н. е.* Київ: Бібліотека українця.
- Залізник Л. Л. 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація. *КДУ* 8.
- Залізник Л. Л. 2006. Гребениківська мезолітична культура: походження, хронологія, історична доля. *Археологія* 4, 3—18.
- Залізник Л. Л., Балакін С. А., Охріменко Г. В. 1987. Неолітичні поселення Корма-1 та Крушники на Житомирщині. *Археологія* 58, 64—73.
- Залізник Л. Л., Манько В. О. 2004. Стоянки біля с. Добрянка на р. Тікич та деякі проблеми неолітизації Середнього Подніпров'я. *КДУ* 5, 137—168.
- Калечиц Е. Г. 1987. *Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии*. Минск: Наука и техника.
- Качинский Н. А. 1965. *Физика почвы*. Учебное пособие. Ч. 1. Москва: Высшая школа.
- Косинская Л. Л. 2004. Проблемы хронологии западно-сибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования). В: Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. (отв. ред.). *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 301—307.
- Косинская и др. 2006: Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. 2006. Поселение Быстрый Кульёган 66 и быстринская археологическая культура. В: Косинская Л. Л., Труфанов А. Я. (ред.). *Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья*. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 57—67.
- Котова Н. С. 1994. *Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-донское междуречье)*. Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України 1. Ковель: Вежа, 1—143.
- Котова Н. С. 2002. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях.
- Котова Н. С., Ковалюх Н. Н. 2002. Каталог радиоуглеродных дат неолитических памятников Украины (Приложение 1). В: Котова Н. С. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях, 85—105.
- Котова Н. С., Пашкевич Г. А. 2002. Каталог отпечатков культурных растений на керамике неолитических культур Украины (Приложение 2). В: Котова Н. С. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях, 106—110.
- Котова Н. С., Тубольцев О. В. 1992. Поздняя сурская культура и ее окружение. *Древности степного Причерноморья и Крыма* 3, 8—23.
- Крижевская Л. Я. 1992. *Начало неолита в степях Северного Причерноморья*. Археологические изыскания 5. Санкт-Петербург: ИИМК АН СССР.
- Ларина О. В. 2006. Неолитическая керамика поселения Тэтэрэука Ноуэ XV (к проблеме исчезновения культуры линейно-ленточной керамики). *Revista Arheologică (Serie nouă)* II: 1—2, 35—55.
- Лозовский В. М. 2003. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье. В: Тимофеев В. И. (отв. ред.). *Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточной Европы*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 219—240.
- Манько В. О. 2006. *Неоліт Південно-Східної України*. *КДУ* 9.
- Манько В. О., Сапожников И. В. 2007. Неолітичний господарсько-побутовий комплекс Плітовиче I у Чорнобильському Поліссі. *КДУ* 10, 235—242.
- Маркевич В. И. 1974. *Буго-днестровская культура на территории Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Неприна В. И. 1969. Тетеревское поселение днепродонецкой культуры. *СА* (2), 134—139.
- Потехина И. Д. 1999. *Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным*. Киев: ИА НАНУ.
- Сапожникова Г. В. 2007. Про елементи відтворювального господарства в пізньому палеоліті і мезоліті України. *КДУ* 10, 126—130.
- Станко В. Н. 1967. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья (по материалам раскопок стоянки Гиржево). *ЗОО* 2 (35), 155—168.
- Станко В. Н. 1982. *Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Станко В. Н., Свеженцев Ю. С. 1988. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья. *Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода* 57, 116—119.
- Телегин Д. Я. 1968. *Дніпро-донецька культура: до історії населення епохи неоліту — раннього металу півдня Східної Європи*. Київ: Наукова думка.
- Телегин Д. Я. 1977. Рецензія на книгу: В. И. Маркевич. *Буго-днестровская культура на территории Молдавии*. *Археологія* 23, 88—91.
- Телегин Д. Я. 1988. Области культуры эпохи неолита юга Европейской части СССР, их хронология и периодизация. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы*. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 33—56.
- Телегин Д. Я. 1991. *Неолитические могильники мариупольского типа*. Киев: Наукова думка.
- Телегин Д. Я. 1995. Неолитическая керамика романковского типа в Киевском Поднепровье. *РА* 1, 110—120.
- Телегин Д. Я., Титова Е. Н. 1998. Поселения днепродонецкой этнокультурной общности эпохи неолита. *САИ*. Киев: Наукова думка.
- Тимофеев и др. 2004. Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. *Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии*. Санкт-Петербург: Теза.
- Титова Е. Н. 1990. О контактах населения киево-черкасской и буго-днестровской культур. В: Неприна В. И. (отв. ред.). *Каменный век на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 28—39.
- Товкайло М. Т. 2004. До проблеми датування буго-дністровського неоліту. *КДУ* 5, 236—246.
- Товкайло М. 2005. *Неоліт Степового Побужжя*. *КДУ* 6.
- Тубольцев О. В. 2003. Неопубликованные материалы по раннему неолиту Надпорожья. *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету XVIII*, 28—49.
- Усачева И. В. 2005. «Утюжки» в культурах Евразии. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 6. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, 12—23.
- Цыбрий В. В. 2005. *Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья*. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

- Чаиркина Н. М. 2009. Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья. В: Васильев С. А. (отв. ред.). *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Н. Н. Гуриной. Санкт-Петербург: ИИМК РАН/МАЭ РАН, 179—181.
- Черныш Е. К. 1996. Буго-днестровская культура. В: Ошибкина С. В. (отв. ред.). *Археология. Неолит Северной Евразии*. Москва: Наука, 19—26.
- Шер Я. А. 2004. Стиль в первобытном искусстве. В: *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция*. Материалы V тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 1—4 декабря 2004 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 10—13.
- Шорин А. Ф. 2009. Хроностратиграфия неолитических комплексов Кокшаровского холма в Среднем Зауралье. В: Васильев С. А. (отв. ред.). *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100 — летию Н. Н. Гуриной. Санкт-Петербург: ИИМК РАН/МАЭ РАН, 176—178.
- Яневич О. О. 2008. Хронологія пізньомезолітичної мурзак-кобинської культури Гірського Криму. В: Кулаковська Л. В. (відп. ред.). *Дослідження первісної археології в Україні (До 50-річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомішль)*. Матеріали міжнародної археологічної конференції «Радомішль та його історія», 3—4 жовтня 2006 р. Київ: Корвін Пресс, 135—145.
- Algan et al. 2009. Algan O., Yalçın M. N., Özdoğan M., Yılmaz İ., Sarı E., Kırç-Elmas E., Ongan D., Bulkan-Yeşiladağ Ö., Yılmaz Y., Karamut I. 2009. A Short note on the geo-archaeological significance of the ancient Theodosius Harbour (İstanbul-Turkey). *Quaternary research* 72, 457—461.
- Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L. 1984. *The Neolithic Transition and the Genetics of Population in Europe*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Athersuch et al. 1989: Athersuch J., Home D. J., Whittaker J. E. 1989. *Marine and Brackish Water Ostracods (superfamilies Cypridacea and Cytheracea): Keys and Notes for the Identification of the Species*. Synopses of the British Fauna (N. S.) 43. Avon: The Bath Press.
- Ballard et al. 2000: Ballard R. D., Coleman D. F., Rosenberg G. D. 2000. Further evidence of abrupt Holocene drowning of the Black Sea shelf. *Marine Geology* 170, 253—261.
- Balossi F., Frangipane M. 2002. La ceramica impressa del Vicino Oriente. In: Fugazzola Delpino M. A., Pessina A., Tiné V. (a cura di). *Le ceramiche impresse nel Neolitico antico, Italia e Mediterraneo*. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 3—15. (Bullettino di Paleontologia Italiana. Studi di Paleontologia I).
- Barnett W. K. 2004. Spread of Agriculture Westward Across the Mediterranean. In: Bogucki P., Crabtree P. J. (ed). *Ancient Europe 8000 B. C.—A. D. 1000. Encyclopedia of the Barbarian World*. Vol. 1. New York: Scribner, 248—253.
- Benvenuti A. G., Metallinou L. 2002. La ceramica impressa della Grecia. In: Fugazzola Delpino M. A., Pessina A., Tiné V. (a cura di). *Le ceramiche impresse nel Neolitico antico, Italia e Mediterraneo*. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 17—28. (Bullettino di Paleontologia Italiana. Studi di Paleontologia I).
- Berciu D. 1966. *Cultura Hamangia*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Biagi P., Spataro M. 2005. New observations on the radiocarbon chronology of the Starčevo-Criș and Körös cultures. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education: Archaeology, Cultural Anthropology, Genealogy, Student Anthropological Projects*. Salt Lake City, US: International Institute of Anthropology, 35—40. (Reports of Prehistoric Research Projects 6—7).
- Biagi et al. 2005: Biagi P., Shennan S., Spataro M. 2005. Rapid rivers and slow seas? New data for the radiocarbon chronology of the Balkan peninsula. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education: Archaeology, Cultural Anthropology, Genealogy, Student Anthropological Projects*. Salt Lake City, US: International Institute of Anthropology, 41—50. (Reports of Prehistoric Research Projects 6—7).
- Caneva I. 1987. Pottery Decoration in Prehistoric Sahara and Upper Nile: a New Perspective. In: Barich B. E. (ed.). *Archaeology and Environment in the Libyan Sahara: The excavations in Tadrart Acacus, 1978—1983*. BAR International Series 368, 231—254.
- Chapman J., Müller J. 1990. Early farmers in the Mediterranean Basin: the Dalmatian evidence. *Antiquity* 64, 127—134.
- Comşa E. 1971. Unele date privind raporturile dintre culturile neolitice timpurii din estul României cu cele din sud-vestul U. R. S. S. *SCIV* 22, 377—386.
- Daugas et al. 2008: Daugas J.-P., El Idrissi A., Ballouche A., Marinval P., Ouchau B. 2008. Le Néolithique ancien au Maroc septentrional: données documentaires, sériation typochronologique et hypothèses génétiques. *Bulletin de la Société préhistorique française* 105, 787—812.
- Dimitrov P., Dimitrov D. 2004. *The Black Sea, the Flood and the Ancient Myths*. Varna: Slavena.
- Fernández et al. 2003: Fernández V. M., Jimeno A., Menéndez M. 2003. Archaeological excavations in prehistoric sites of the Blue Nile area, Central Sudan. *Complutum* 14, 273—344.
- Forenbaher S., Miracle P. T. 2005. The spread of farming in the Eastern Adriatic. *Antiquity* 79, 514—528.
- Huysecom et al. 2009: Huysecom E., Rasse M., Lespez L., Neumann K., Fahmy A., Ballouche A., Ozainne S., Maggetti M., Tribolo Ch., Soriano S. 2009. The emergence of pottery in Africa during the tenth millennium cal BC: new evidence from Ounjougou (Mali). *Antiquity* 83, 905—917.
- Kadrow S. 2007. Kontakty kultur środkowoeuropejskich ze środowiskiem kulturowym na terenach Ukrainy we wczesnym neolicie — wybrane zagadnienia. W: Gierlach M., Bakalarska L. (red.) *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, Łańcut, 26—28 X 2005 r. Warszawa: Krajowy Ośrodek Badań i Dokumentacji Zabytków, 250—269.
- Kotova N. S. 1998. The role of eastern impulse in development of the Neolithic cultures of Ukraine. In: Domańska L., Ken J., Koško A. (eds.). *Beyond Balkanization*. Poznań: Adam Mickiewicz University, 160—194. (Baltic-Pontic Studies 5).
- Kuper R., Kröpelin S. 2006. Climate-Controlled Holocene Occupation in the Sahara: Motor of Africa's Evolution. *Science* 313, 803—807.

№2. 2010

- Le Quellec J. L. 2006. Rock Art and Cultural Responses to Climatic Changes in the Central Sahara During the Holocene. In: Peddarapu C. R. (ed.) *Exploring the Mind of Ancient Man*. New Delhi: Research India Press, 173—188.
- Marshall F., Hildebrand E. 2002. Cattle Before Crops: The Beginnings of Food Production in Africa. *Journal of World Prehistory* 16, 109—143.
- Mohammed-Ali Abbas S., Khahir Abdel-Rahim M. 2003. The Wavy Line and the Dotted Wavy Line Pottery in the Prehistory of the Central Nile and the Sahara-Sahel Belt. *African Archaeological Review* 20, 25—58.
- Müller J. 1991. Die ostadriatische Impresso-Kultur: Zeitliche Gliederung und kulturelle Einbindung. *Germania* 69, 311—358.
- Opreanu P. 2003. Contribution to the Knowledge of Recent Ostracod Fauna from Some Danube Delta Lakes. *Geo-Eco-Marina* 9—10, 72—74.
- Ozainne et al. 2009: Ozainne S., Huysecoml E., Mayor A., Robion-Brunner C., Soriano S. 2009. Une chronologie pour le peuplement et le climat du pays dogon: la séquence culturelle et environnementale du gisement d'Ounjougou (Mali). *Antropo* 18, 37—46.
- Özdoğan M. 1989. Neolithic Cultures of Northwestern Turkey. A General Appraisal of the Evidence and Some Considerations. In: Bökönyi S., Raczky P. (eds.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern Connections*. International conference, 1987, Szolnok-Szeged. Budapest: Institute of Archaeology of the Hungarian Academy of Sciences, 201—215.
- Pardo M. P. 2004. Possible parallels between Egyptian and Sudanese Neolithic figurines, and another contemporaneous ones coming from the Near Eastern area. *Boletín de la Asociación Española de Orientalistas* XL, 135—147.
- Pinhasi R. 2006. Neolithic skull shapes and demic diffusion: a bioarchaeological investigation into the nature of the Neolithic transition. *Documenta Praehistorica* XXXIII 61—70.
- Potekhina I. 1998. Ancient North Europeans in the Mesolithic-Neolithic Transition of Southeast Europe. In: Zvelebil M., Domańska L., Drenth R. (eds.). *Harvesting the Sea, Farming the Forest: The Emergence of Neolithic Societies in the Baltic Region*. Sheffield: Sheffield Academic Press, 65—70.
- Robb J. 2007. *The Early Mediterranean Village: Agency, Material Culture, and Social Change in Neolithic Italy*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Smith A. B. 1992. Origins and Spread of Pastoralism in Africa. *Annual Review of Anthropology* 21, 125—141.
- Telegin et al. 2002: Telegin D. Ya., Potekhina I. D., Lillie M., Kovalyukh M. M. The chronology of the Mariupol-type cemeteries of Ukraine re-visited. *Antiquity* 76, 356—363.
- Tikot R. H. 1996. Obsidian Procurement and Distribution in the Central and Western Mediterranean. *Journal of Mediterranean Archaeology* 9, 39—82.
- Tringham R. 1971. *Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe (6000—3000 B. C.)*. London.
- Ursulescu N. 2000. *Contribuții privind neoliticul și eneoliticul din regiunile est-carpătice ale României*. Vol. 1. Iași: Editura universității «Al. I. Cuza».
- Usai D., Salvatori S. 2007. The oldest representation of a Nile boat. *Antiquity* 81. Antiquity Gallery: antiquity.ac.uk/ProjGall/usai/index.html.
- Voinea V., Neagu G. 2008. Archaeological Research at Hamangia III Settlement From Cheia (2004—2008). *Pontica* 41, 9—34.
- Voinea V., Neagu G. 2006. Începutul eneoliticului în Dobrogea: între prejudecăți și certitudini. *Studii de Preistorie* 3, 149—161.
- Wechler K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe*. Archäologie in Eurasien 12. Mainz: von Zabern.
- Yanko-Hombach V., Tschepalyga A. 2003. Geology of a Catastrophe — The When and Where of the Black Sea Flood. In: *Shaping the Earth: A Quaternary Perspective*. XVI INQUA Congress. Abstracts with Programs. July 23—30, 2003, Reno, Nevada USA. Reno: The Desert Research Institute, 224.
- Zilhão J. 1997. Maritime pioneer colonisation in the Early Neolithic of the west Mediterranean. Testing the model against the evidence. *Poročilo o raziskovanju paleolitika, neolitika in eneolitika v Sloveniji* XXIV. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za arheologijo, 19—42. (Neolithic Studies 4).
- Zilhão J. 1998. On Logical and Empirical Aspects of the Mesolithic-Neolithic Transition in the Iberian Peninsula. *Current Anthropology* 39, 690—698.
- Zilhão J. 2001. Radiocarbon evidence for maritime pioneer colonization at the origins of farming in west Mediterranean Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 98, 14180—14185.
- Zvelebil M., Lillie, M. 2000. Transition to agriculture in Eastern Europe. In: Price T. D. (ed.). *Europe's First Farmers*. Cambridge: Cambridge University Press, 57—92.

Статья поступила в номер 13 января 2010 г.

Dmitry Gaskevych (Kiev, Ukraine). Candidate of historical sciences. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences.

Dmitry Gaskevych (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Гаскевич Дмитрий Леонидович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии НАН Украины.

E-mail: gaskevych@ukrpost.ua

М. Спасич

Персонафицированные типы сосудов в изучении хронологии сербского энеолита: ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΦΟΡΑ*

M. Spasić

Personalized Vessel Types in The Study of Chronology of Serbian Eneolithic: ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΦΟΡΑ.

Taken as whole, history of almost all European prehistoric archaeologies is marked with development of material culture studies and recognizing its association with chronology and periodization. Observed chronological value of diagnostic objects—so called Leitfossils, such as certain types of vessels, jewelry, weapons and tools was often taken as rule, while its cultural, functional and socio-economic significance was neglected. Current paper will examine some of the most frequently referred types of Eneolithic clay vessels in Serbia and Southeastern Europe, and try to answer whether their chronological and cultural attribution has changed. Rather than redundant generalization of the problem, depositional contexts, possible functional attributes of objects and their macro-regional distribution were discussed in order to stress the variability and distinctiveness of each item's life-biography. Also, since there is vague discrepancy in the terminology dealing with the study of prehistoric pottery in Southeastern Europe, I proposed a personalized terminology for analyzed vessel forms.

M. Spasić

Tipuri de vase personalizate în studiul cronologiei eneoliticului din Serbia: ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΦΟΡΑ.

Sub aspect general, istoria majorității arheologiilor preistorice europene este marcată de dezvoltarea studiilor din sfera culturii materiale și a raporturilor ei cu cronologia și periodizarea. Valorile cronologice stabilite pentru obiectele diagnostice — așa-numitele «fosile sugestive» — precum diferite tipuri de ceramică, podoabe, arme și unelte erau deseori primite în calitate de regulă, în timp ce valoarea lor culturală, funcțională și economică era neglijată. Acest articol examinează modificările în atribuirea cronologică și culturală a unelor dintre cele mai citate tipuri de ceramică în Serbia și Europa de Sud-Est. Respingînd generalizarea excesivă a problemei respective, precum și pentru a accentua variabilitatea și trăsăturile distinctive ale «biografiei» fiecăruia dintre tipurile de vase, se aduc date cu privire la contextul, posibila funcționalitate și răspîndirea macro-regională a lor. De asemenea, date fiind discrepanțele majore în terminologia studierii ceramicii preistorice din Sud-Estul Europei, eu propun o terminologie personalizată pentru fiecare dintre tipurile de vase studiate.

M. Спасич

Персонафицированные типы сосудов в изучении хронологии сербского энеолита: ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΦΟΡΑ.

Рассматриваемая в целом, история почти всех преисторических археологий Европы отмечена развитием исследований в области материальной культуры и выявлением ее связей с хронологией и периодизацией. Отмеченные хронологические значения диагностических предметов — т.н. наводящих ископаемых — таких, как определенные типы посуды, украшений, оружия и орудий труда, часто принимались в качестве правила, в то время как их культурная, функциональная и социально-экономическая значимость игнорировалась. В данной статье рассматриваются изменения в хронологической и культурной атрибуции одних из наиболее заметных типов глиняной посуды в Сербии и Юго-Восточной Европе. Отвергая излишнее обобщение данной проблемы, а также в целях подчеркивания варибельности и отличительных черт «биографии» каждого из видов керамики, приводятся их контекст обнаружения, возможное функциональное назначение и макрорегиональное распространение. Также, учитывая серьезные расхождения в терминологии изучения преисторической посуды Юго-Восточной Европы, я предлагаю персонализированную терминологию для рассматриваемых видов посуды.

---

* Παλαιά διαφορά (старый спор) — выражение Платона, которое он использовал для определения сущности взаимоотношений между поэзией и философией.

Keywords: Serbia, Eneolithic, material culture, pottery, chronology.

Cuvinte cheie: Serbia, eneoliticul, cultura materială, ceramică, cronologie.

Ключевые слова: Сербия, энеолит, материальная культура, керамика, хронология.

*Вещи обладают собственной жизнью...
...Следует лишь пробудить их души
(Márquez 1972: 2)*

Кратко о сербском энеолите

Начало энеолита на территории современной Сербии отмечено т.н. фазой Градац культуры Винча, которая датируется периодом между 5100—4800 BC (см. Schier 1996: 149; Gläser 1996: 181—182). Культурное развитие в Раннем Энеолите I включает разнообразные региональные проявления с четко наблюдаемыми процессами пространственных и региональных социально-экономических адаптаций, которые выявляются путем контекстуального анализа материальной культуры. Ранний Энеолит I считается периодом культурных и экономических изменений на всей территории распространения культуры Винча (Spasić, в печати). Эти инновации преимущественно связывались с внедрением новой технологии, такой как обработка меди (Jovanović 1982). Изучение сущности социально-культурных, экономических и региональных адаптаций в Раннем Энеолите I часто связывалось с анализом отдельных типов предметов и выявлением их происхождения, типологической эволюции и регионального распределения (Jovanović 2006). Для второй фазы раннего энеолита на территории современной Сербии характерны начало дезинтеграции культуры Винча и появление нового населения с севера — носителей культур прото-Тисаполгар и Тисаполгар. Предложенная абсолютная датировка для позднейшей фазы культуры Винча и для начала Тисаполгар располагается в границах 4800—4200 BC (см. Gläser 1996: 182; Borić 2009). Комплексным изменениям в моделях организации поселений, хозяйстве, средствах существования, материальной культуре и религии сопутствовали исчезновение диагностических керамических форм Винча и появление новой посуды (Brukner 1980—1981; 1988).

Средний энеолит характеризуется дальнейшим развитием вышеупомянутых социально-культурных и демографических изменений. С севера, на территорию нынешней Сербии, проникли новые потоки населения — носители культур Бодрокерестур и Вайска-Хуньядхалом; с востока и юго-востока — носители культур Бубань-Хум-Сэлкуца-Криводол.

Пришедшее население продолжило процесс трансформации некогда типично неолитической сети низинных, сосредоточенных вокруг теплей земледельческих поселений.¹ Новое хозяйство, новая технология, новая религия и новые торговые пути определили возникновение новых форм материальной культуры и совершенно новых стилистических выражений. Средний энеолит может быть продатирован в пределах 4200—3600 BC (см. Parkinson 1999: Т. 4.1; Nikolova 1999: 397—398).

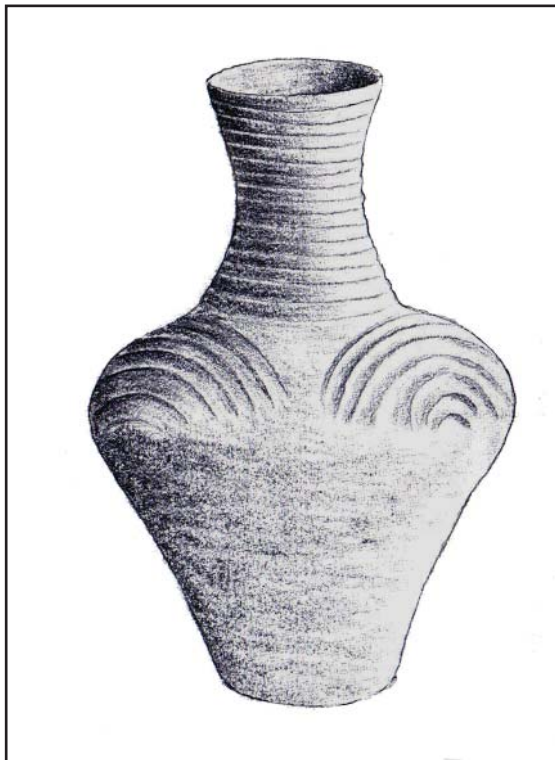
Горизонт Болераз/Баден-Костолац/Коцофень-Вучедол со спорадическими инфильтрациями степного населения рассматривается в качестве линейного эволюционного пути для позднего энеолита Центральных Балкан (3600—2200 BC; см. Stadler et al 2001; Durman 1989).² В это время отсутствует какая-то отчетливая логическая связь с материальной культурой предшествующего периода, что рассматривается в качестве признака новой миграции (см. Dimitrijević 1979; Kalicz 1963; Tasić 1967). Следует упомянуть, что керамическая посуда позднего энеолита отображает высокий уровень унификации на обширной территории Центральной и Юго-Восточной Европы.

Глиняная посуда в изучении хронологии

В основе полноценного исследования любого вопроса, связанного с преисторическим обществом, его социально-культурных и хозяйственных аспектов, стоит изучение материальной культуры. Подобным образом, разбитая глиняная посуда, представляя собой

¹ Несколько другой процесс социально-культурной и региональной адаптации происходил только на территории Южной Сербии, где поселения типа теплей продолжают существовать на протяжении всего энеолитического периода (напр. Бубань, Хум, Хисар), и где новое население сохранило большинство влияний винчанской материальной культуры.

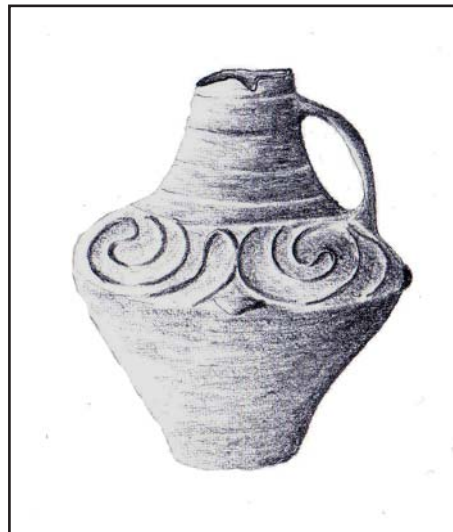
² И в этом периоде территория Южной Сербии выделяется несколько отличной культурной эволюцией, которую невозможно понять до полноценного разрешения вопроса т.н. культуры Бубань-Хум II (Garašanin 1973: 182—185).

Рис. 1. Амфора Бора из Рудна Глава (по Jovanović 2006: Fig. 2/4).

самую многочисленную категорию археологического материала, использовалась в качестве наиболее значительного признака как для определения хронологической позиции изучаемой культурной группы, так и в качестве основы для рассмотрения проблем миграции и диффузии людей и идей (см. Hodder 1979: 446—454; 1986: 21—27; Shanks, Tilley 1987: 137—171). В изучении материальной культуры сербские археологи последовали в аналогичных исследовательских направлениях, сосредоточенных вокруг проблем хронологии, миграции и диффузии (см. Brukner 1980—1981; 1988; Garašanin M. 1951; Tasić 1983; 1995; Jovanović 2006). Даже с усовершенствованием точных методов датирования археологических находок (например, датировки C^{14} и AMS, дендрохронология) преисторическая керамика остается самым важным признаком для хронологии и периодизации в сербской археологии. Кросс-культурные аналогии становятся предметом упорного поиска на соседних территориях в целях обнаружения аналогичного типа посуды, которая бы смогла надежно продатировать нашу керамику и, таким образом, продатировать поселение, могильник или другой тип археологического памятника.

Еще более усложняет проведение определенных хронологических исследований терминологический хаос в изучении преи-

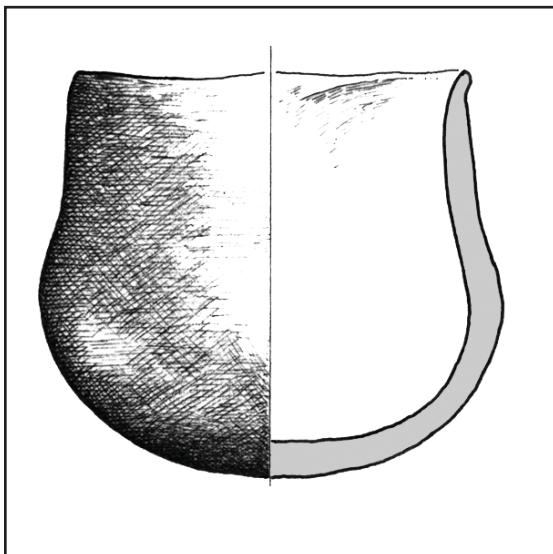

Рис. 2. Кувшин Бора из Рудна Глава (по Jovanović 2006: Fig. 3/1).

сторической керамики Сербии, порожденный неравномерными и нестандартизированными типологическими и стилистическими определениями для легкой посуды. Вследствие этого становится невозможным упоминание определенного типа сосуда без привлечения его рисунка или детального описания. Для лучшего понимания связи «сосуд-хронология» я хотел бы предложить персонифицированную терминологию для определенных форм посуды, которые часто приводятся в качестве диагностирующих типов, или т.н. наводящих ископаемых. Приводимые здесь керамические формы включают пять типов энеолитической глиняной посуды, которые являлись важными составляющими исследований Б. Йовановича, Б. Брукнера, Д. Гарашанина и Н. Тасича по изучению хронологии энеолита на Центральных Балканах и в Юго-Восточной Европе.

Амфоры и кувшины Бора

История изучения данных типов посуды весьма продолжительна (Grbić 1929; Garašanin M. 1951; Milošić 1949). Амфоры Бора обладают усеченной грушевидной формой тулова с высоким цилиндрическим или узким каннелированным горлом. Тулово сосудов щедро покрыто каннелированным спиральным орнаментом. Высокое качество формовки и заглаживание как внутренних, так и внешних стенок может указать на функциональное назначение данной посуды, которая, возможно, использовалась для хранения жидкостей. Кувшины Бора также представляют собой хорошо смоделированные биконические сосуды с выделенной конической или узкой горловиной. Тулово сосудов украшено

Рис. 3. Кубок Брукнера из Црквине — Малы Борак (по Spasić, в печати).

каннелированным или углубленным спиральным декором. Борислав (Бора) Йованович стал одним из первых сербских археологов, который указал на культурное и хронологическое значение данного типа посуды (Jovanović 1982; 2006). Учитывая их хронологическую связь с т.н. фазой Градац культуры Винча, амфоры Бора и кувшины Бора довольно часто приводились в качестве особых находок в керамическом инвентаре поселений Винча С в районе Моравской долины, Центральной Сербии, Косово и Метохии (ср. Galović 1959: 35—36; Madas 1988: 143—157; Garašanin M., Garašanin D. 1979: Т. XXVII; Stalio 1972: Т. XIV; Tasić, Tomić 1969: Т. VI/8).

Кубки Брукнера

Небольшие биконические кубки с низким туловом, изготовленные, как правило, с применением окислительного обжига, являются частью инвентаря, который Б. Брукнер выделил для типа Господинцы, соотносимого с прото-Тисаполгар и ранней фазой культуры Тисаполгар (Brukner 1974: 114—118). Несмотря на то, что Брукнер определил данные сосуды как небольшие биконические горшки (Brukner 1974: 116), их морфологические и типологические характеристики указывают на их использование для манипуляций с жидкостями — подачи, измерения или питья. Начиная с первого культурного и хронологического определения кубков Брукнера (Brukner 1974; 1980—1981; 1988), аналогичные типы посуды начали регулярно распознаваться на различных поселениях поздней Винчи, раннего Ленделя и ранней Тисаполгар.

Вазы Лалки

В 1949 году Драга-Лалка Гарашанин опубликовала небольшой прямоугольный сосуд из Пригревицы, в районе Белграда (Garašanin D. 1949: 78—86; 1950: 106—112, сл. 1). Это была одна из первых опубликованных находок данного вида посуды — прямоугольный сосуд на плоском днище или небольших ножках, богато орнаментированный линзовидными налестками под венчиком и на ребрах или углубленными линиями, пальцевыми вдавлениями, реже — белыми расписными меандрами (Monah 1998; Makkaу 2005: 205, Abb. 1/5). Верхняя часть сосуда украшена небольшими боковыми лентами или шайбовидными ручками (Scheibenhenkel). Иногда сосуды снабжены волотными ручками, смоделированными на выступающих налестках. Венчик сосуда является либо плоским, непрофилированным, либо с четырьмя вырезами. Драга-Лалка Гарашанин столкнулась с определенными трудностями в попытке объяснить функцию сосуда. Предполагалось его культовое назначение в качестве ритуальной посуды. Датирование сосуда из Пригревицы также стало сложной задачей, принимая во внимание недостаточное количество опубликованных, хорошо стратифицированных находок в 1950-х и 60-х гг. Следовательно, предложенное происхождение данных сосудов в раннем бронзовом веке (Garašanin D. 1950: 112) должно рассматриваться в качестве предварительной попытки культурной и хронологической атрибуции этого типа посуды.

Рис. 4. Ваза Лалки из Пригревицы (по Spasić 2008: Pl.1/1).

Рис. 5. Миска Тасича из Белегиш-Шанчине.

Миски Тасича

В Юго-Восточной Европе период позднего энеолита характеризуется значительным технологическим, морфологическим и стилистическим развитием керамической посуды. Среди многочисленных типов мисок есть определенный вид, который использовался Николой Тасичем для рассмотрения взаимных влияний и хронологической последовательности между Костолац и культурой Вучедол (Tasić 1995: 80, Pl. XXVI/5). Миски Тасича обладают извилистым, биконическим профилем с отогнутым краем и приземистым, неглубоким туловом, которое украшено симметричным, организованным орнаментом в виде, как правило, углубленных, точечных или прочерченных метопных лент.

Новый взгляд на старую дискуссию

Детальная хронологическая и культурная идентификация места вышеупомянутых керамических форм в периодизации энеолита Юго-Восточной Европы породила многочисленные дискуссии. В ущерб полноценным хронологическим построениям, отсутствуют новые функциональные, социально-культурные, равно как и микрорегиональные исследования. Развитие источниковедческой базы для Центральных Балкан неоднократно определяло изменения в хронологической атрибуции почти всех типов представленных форм посуды.

Амфоры Бора и кувшины Бора соотносились, главным образом, с фазой Градац культуры Винча, в то время как их региональное распространение ограничивалось областью долины Моравы, Косово и Метохией. Благодаря обнаружению в жилище Винча D2 в Подуене аналогичных кувшинам Бора форм (Todorova 1990: Т. III/3, 4), сегодня мы можем уверенно расширить границы их распространения до Западной Болгарии. Схожие формы, но с совершенно другим стилистиче-

ским выражением, известны также в Западной Анатолии (Jovanović 2006: fig. 8.1—3), представляя собой на данный момент самую восточную находку данного вида. Амфоры Бора были обнаружены на поселении культуры Винча D2 в Црквине — Малы Борак, в Северо-Западной Сербии (Spasić, в печати: Т. XVII/1,3), маркируя сейчас западную границу распространения данного вида. Таким образом, ареал амфор и кувшинов Бора выходит за пределы территории т.н. классической культуры Винча. Их появление совпадает с началом обработки меди. Следовательно, столь широкое распространение данных изделий должно рассматриваться сквозь призму налаживания новых связей и торговых путей на заре новой эпохи и развития новой технологии. Хронологическое положение амфор Бора и кувшинов Бора перемещается к самому концу культуры Винча, то есть к периоду Раннего Энеолита II. Осмысленный функциональный анализ керамики всегда сопряжен с анализом контекста, поэтому неудивительно, что отсутствие хороших контекстуальных исследований сопутствует отсутствию функциональных определений. На данный момент мы можем лишь отметить, что контекст обнаружения не ограничивается определенным типом поселения. Оба вида сосудов были обнаружены в керамическом инвентаре как долговременных и кратковременных поселений (в наземных жилищах, землянках и мусорных ямах), так и на памятниках, чье изначальное назначение не было связано с проживанием (например, в медном руднике Рудна Глава). И все же, без внимательного рассмотрения процессов депонирования и соотношения между всеми находками и их местонахождением внутри и вне жилища, мусорной ямы и т.д., остается довольствоваться макроскопическими наблюдениями технологических атрибутов находки, которые указывают на хранение жидкостей и операции с ними.

Из-за того, что формовка и орнаментирование данных сосудов не обладают той же

<p>Ранний энеолит I: Винча С. 5100–4800 BC (Кувшины Бора и амфоры Бора)</p> <p>Ранний энеолит II: Винча D; прототисаполгар; Тисаполгар. 4800–4200 BC (Кубки Брукнера)</p> <p>Средний энеолит: Бодрогкерестур; Бубань Хум–Сэлкуца–Криводол Важска–Хуньядхалом–Сэлкуца IV. 4200–3600 BC (Вазы Лалки)</p> <p>Поздний энеолит: Болераз–Чернавода III; Баден; Костолац; Вучедол. 3600–2200 BC (Миски Тасича)</p>

Рис. 6. Хронологическая таблица энеолита Сербии.

визуальной эффектностью, как и в случае других рассмотренных керамических форм, кубки Брукнера никогда не привлекали особого интереса исследователей. Тем не менее, их значение в качестве хронологического индикатора начала пришествия иноэтнического населения с севера всегда подчеркивалось в работах Б. Брукнера (Brukner 1974: 114–118; 1980–1981: 20–24; 1988: 27). Хронологическое соотношение данных сосудов с горизонтом прото-Тисаполгар/ранний этап Тисаполгар, т.е. с нашим Ранним Энеолитом II (Spasić, в печати) до сих пор может быть принято, в то время как их культурная атрибуция в качестве отдельного чужеродного типа посуды, поступившего с севера (Brukner 1974: 116), выглядит не столь убедительной. Некоторые находки указывают на, по меньшей мере, более широкое распределение этой керамики, если не на ее гетерогенное происхождение. Кубки Брукнера были идентифицированы в керамическом инвентаре поздненелендельского поселения Градина на Босуте, в западном Среме (Spasić 2007) и на поселении Винча D2 Црквине-Малы Борак в Северо-Западной Сербии (Spasić, в печати). Таким образом, становится очевидным, что кубки Брукнера не являются исключительно прото- или раннетисаполгарским видом посуды, представляя собой керамику с широким ареалом, чье точное культурное происхождение неясно. В большинстве случаев контекст обнаружения кубков Брукнера представлен полами жилищ и мусорными ямами на поселениях, что указывает на их утилитарное назначение, возможно, для подачи, употребления и обращения с жидкостями.³

С момента первого хронологического, культурного и функционального анализа ваз Лалки, проведенного Д. Гарашанин, прошло уже более полувека (Garašanin 1949: 78–86; 1950: 106–112, сл. 1), в течение которого были обнаружены десятки аналогий (Spasić 2008: 32, 34–37). Сейчас они хронологически соотносятся с периодом среднего энеолита Юго-Восточной Европы, т.е. споздними Бодрогкерестур–Вайска–Хуньядхалом–Сэлкуца–горизонт шайбовидных ручек. Среди всех изученных форм контекст обнаружения ваз Лалки наиболее разнообразен. Помимо многочисленных случайных находок, вазы Лалки были идентифицированы в инвентаре жилищ и мусорных ям на поселениях, в качестве погребальных приношений и в пещерных поселениях. Качество изготовления ваз Лалки очень высоко. Они часто украшены рельефным, углубленным и расписным орнаментом, что, наряду с другими формальными характеристиками, исключает их назначение в качестве посуды для приготовления пищи, поскольку маловероятно, что эти вазы подвергались действию огня, необходимого для данных операций. Учитывая, что циркулировавшие в среде населения среднего энеолита Юго-Восточной Европы вазы Лалки изготовлены по строгим, четким формальным и стилистическим канонам, я предполагаю, что их назначение кроется в сфере обмена и торговли престижными объектами вдоль горизонтальной оси коммуникации в среднем энеолите (Spasić 2008).

Среди всех изученных типов посуды хронологическая и культурная позиция мисок Тасича в позднем энеолите Юго-Восточной

³ Проводимое мною в настоящее время исследование поздненелендельского символического захоронения в Балаце (возле Белграда) показало, что кубки Брукнера были также

обнаружены и в другом контексте, вне области хозяйственной деятельности, что определенно не исключает их первоначальное назначение в качестве столовой посуды.

№2. 2010

Европы остается практически неизменной. Определение их места в эволюции материальной культуры Костолац-Вучедол, предложенное Н. Тасичем (Tasić 1995: 80), до сих пор актуально. Можно лишь отметить, что миски Тасича чаще обнаруживаются на многослойных памятниках, с жилыми слоями как Костолац, так и Вучедол (например, Вучедол, Сарвац, Гомолава, Печне-Врдник и Белегиш-Шанчине). С контекстуальной и технологической точки зрения, чаши Тасича использовались, вероятно, в целях потребления. Также, учитывая их заметную высокохудожественную орнаментацию, они могли использоваться и для передачи неких символических сообщений.

Выводы

В данной работе предлагается новая терминология для пяти диагностических типов посуды, которые часто упоминаются в исследованиях по сербскому энеолиту. Персонифицированная терминология служит не только лучшему пониманию культурных

процессов, но и в качестве своеобразного проявления уважения первым исследователям данных видов керамики. Также были рассмотрены некоторые новые перспективы и направления в изучении материальной культуры энеолита. Дальнейшее исследование предложенных здесь наводящих ископаемых должно проводиться по пути привлечения более широких данных, прежде всего физических и химических анализов органических осадков, которые бы могли точно указать назначение посуды и их происхождение.

Благодарность

Я бы хотел выразить свою искреннюю благодарность дорогой коллеге Лолите Николовой за комментарии к статье. Также, я бесконечно признателен «крестным отцам» моих наводящих ископаемых, Б. Йовановичу, Б. Брукнеру, Д. Гарашаниной и Н. Тасичу, которые являются постоянными источниками вдохновения для моей профессиональной деятельности.

Литература

- Borić D. 2009. Absolute Dating of Metallurgical Innovations in the Vinča Culture of the Balkans. In: Kienlin T.L., Roberts B. (eds). *Metals and Societies: Studies in honour of Barbara S. Ottaway*. Bonn: Habelt, 191—246.
- Brukner B. 1974. Pozni neolit. In: Benac A. (ed.) *Praistorija Vojvodine*. Novi Sad: Institut za izučavanje istorije Vojvodine, 69—113.
- Brukner B. 1980—1981. Zum Problem der Auflösung der Frühäneolitischen Kulturen in Südostpannonien. *Archaeologica Jugoslavica*, 20—21, 16—27.
- Brukner B. 1988. Die Siedlung der Vinča-Gruppe aus Gomolava. In: Tasić N., Petrović J. (Hrsg.). *Gomolava Chronologie und Stratigraphie der Vorgeschichtlichen und Antiken Kulturen der Donauniederung und Südosteuropas*. Ruma: Balkanološki institut SANU, 19—39.
- Dimitrijević S. 1979. Badenska kultura. In: Benac A. (ed.) *Praistorija jugoslovenskih zemalja III*. Sarajevo: Centar za balkanološka istraživanja, 183—234.
- Galović R. 1959. *Predionica, neolitsko naselje kod Prištine*. Priština: Muzej Kosova i Metohije.
- Garašanin D. 1949. Iz preistorije Zemuna. *Muzeji* 2, 78—86.
- Garašanin D. 1950. Jedan praistorijski sud neobičnog oblika iz Zemuna. *Muzeji* 5, 106—112.
- Garašanin M. 1951. *Hronologija vinčanske grupe*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani.
- Garašanin M. 1973. *Praistorija na tlu Srbije I—II*. Beograd: Srpska književna zadruga.
- Garašanin M., Garašanin D. 1979. *Supska „Stublina“ — Vorgeschichtliche Ansiedlung der Vinča-Gruppe*. Beograd: Narodni muzej.
- Gläser R. 1996. Zur absoluten Datierung der Vinča-Kultur anhand von C14-Daten. In: Draşovean F. (ed.). *The Vinča Culture, its Role and Cultural Connections*. Timişoara: Muzeul Banatului, 175—212.
- Grbić M. 1929. *Pločnik, eine prahistorische Ansiedlung aus der Kupferzeit*. Beograd: Narodni muzej.
- Durman A., Obelić B. 1989. Radiocarbon dating of the Vučedol culture complex. *Radiocarbon* 31 (3), 1003—1009.
- Hodder I. 1979. Economic and Social Stress and Material Culture Patterning. *American Antiquity* 44 (3), 446—454.
- Hodder I. 1986. *Reading the Past*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jovanović B. 1982. *Rudna Glava — najstarije rudarstvo bakra na Centralnom Balkanu*. Bor-Beograd: Muzej rudarstva i metalurgije.
- Jovanović B. 2006. Gradac Phase of the Vinča Culture: Origin of Typological Innovation. In: Tasić N., Grozdanov C. (eds). *Homage to Milutin Garašanin*. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 221—235.
- Kalicz N. 1963. *Die Pécelér (Badener) Kultur und Anatolien*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Madas D. 1988. Ceramic Vessels from Divostin II House Floors. In: McPherron A., Srejović D. (eds). *Divostin and the Neolithic of Central Serbia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh, Department of Anthropology, 143—157.
- Makkay J. 2005. Ein Gründungopfer der Tiszapolgárkultur von Vészto-Mágó. In: Spinei V., Lazarovici C.M., Monah D. (eds). *Scripta praehistorica: Miscellanea in honorem nonagenarii magistri Mircea Petrescu-Dîmbovița oblate*. Iași: Institutul de Arheologie din Iași, 201—215.
- Márquez G.G. 1972. *One Hundred Years of Solitude*. London: Pan Books.
- Milojčić V. 1949. *Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas*. Berlin: Mann.
- Monah D. 1997. The Last Great Chalcolithic Civilization of Old Europe. In: Mantu C.M., Dumitroaia Gh.,

- Tsaravopoulos A. (eds). *Cucuteni, The Last Great Chalcolithic Civilization of Old Europe*. Bucharest: Athena publishing and printing house, 77—82.
- Nikolova L. 1999. *The Balkans in Later Prehistory*. BAR International Series 791.
- Schier W. 1996. The Relative and Absolute Chronology of Vinča: New Evidence from the Type Site. In: Draşovean F. (ed.). *The Vinča Culture: its Role and Cultural Connections*. Timişoara: Museul Banatului, 141—163.
- Shanks M., Tilley C. 1987. *Re-Constructing Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Spasić M. 2007. *Neolitska i eneolitska naselja na Gradini na Bosutu*. Unpublished MA thesis defended at the Department of archaeology on Faculty of Philosophy, Belgrade University.
- Spasić M. 2008. Horizontal and Vertical Communication Axis in Middle and Late Eneolithic of Southeastern Europe. *Analele Banatului XVI*, 31—45.
- Spasić M., in print. Vinčanska keramika sa lokaliteta Crkvine-Mali Borak: relativna hronologija i prilog problemu eneolitizacije u zapadnoj Srbiji. *Kolubara* 5.
- Spasić M. in preparation. *The Time is out of Joint: Chronology of Serbian Eneolithic*.
- Stalio B. 1972. *Gradac, eine vorgeschichtliche Ansiedlung*. Beograd: Narodni muzej.
- Stadler et al. 2001: Stadler P., Draxler S., Friesinger H., Kutschera W. et al. 2001. Absolute Chronology for Early Civilizations in Austria and Central Europe using ¹⁴C Dating with Accelerator Mass Spectrometry with special Results for the Absolute Chronology of the Baden Culture. In: Roman P., Diamandi S. (Hrsg.). *Cernavodă III-Boleráz, ein vorgeschichtliches Phänomen zwischen dem Oberrhein und der Unteren Donau*. Bucureşti: S. C. Vavila Edinf, 541—563.
- Tasić N. 1967. *Badenski i vučedolski kulturni kompleks u Jugoslaviji*. Novi Sad-Beograd: Arheološko društvo Jugoslavije.
- Tasić N. 1983. *Jugoslovensko Podunavlje od Indoevropske seobe do prodora Skita*. Novi Sad-Beograd: Balkanološki institut.
- Tasić N. 1995. *Eneolithic Cultures of Central and West Balkans*. Belgrade: Draganić.
- Tasić N., Tomić E. 1969. *Crnokalačka Bara: Naselje starčevačke i vinčanske kulture*. Kruševac-Beograd: Narodni muzej.
- Todorova H. 1990. Eine mitteläneolithisches Haus aus Poduene (Sofia) aus der Vinča D2 Zeit. In: Srejović D., Tasić N. (eds.). *Vinča and its World*. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti, 155—167.

Статья поступила 29 ноября 2009 г.

Miloš Spasić (Belgrad, Serbia). Curator of Prehistoric Collection. City Museum of Belgrad.

Miloš Spasić (Belgrad, Serbia). Curator al colecţiei preistorice. Muzeul oraşenesc din Belgrad.

Милош Спасич (Белград, Сербия). Куратор преисторической коллекции. Городской музей Белграда.

E-mail: spasicmilos@gmail.com

Т. Фернандес Креспо

Использование огня в массовых захоронениях неолита-энеолита: определение, попытка интерпретации и дифференцированная диагностика

T. Fernández Crespo.

Use of Fire in Neo-Eneolithic Mass Graves: Definition, Attempt of Interpretation and Differential Diagnosis.

The article is a review of the use of fire in the Neo-Eneolithic mass graves. The main characteristics of this practice are analyzed based on the data from the Iberian Peninsula. Then, the most acceptable interpretations around its role are set out, which connect cremation processes to many different factors like accidental fires, development of funerary rituals, or a more complex intention that some authors call "bureaucratic". Finally, since presence of signs produced by fire on human remains has never been adequately discussed, the author presents a proposal for differential diagnosis, focused on the analysis of the resulting coloration and of the original and final state of bones.

T. Fernández Crespo.

Utilizarea focului în înmormântările în masă neo-eneolitice: definiția, tentativă de interpretare și diagnostic diferențial.

În acest articol este realizată o privire generală asupra utilizării focului în înmormântările în masă neo-eneolitice. În baza datelor din Peninsula Iberică sunt analizate principalele caracteristici ale acestei practici. Apoi, se face o trecere în revistă a celor mai acceptabile interpretări ale rolului focului, care leagă procesele de cremație cu diferiți factori, precum arderi accidentale, dezvoltarea riturilor funerare sau o intenție mai complexă, pe care unii autori o numesc „birocratică”. În sfârșit, deoarece prezența semnelor produse de foc pe resturile umane nu a fost niciodată discutată adecvat, este propus un diagnostic diferențial, bazat pe analiza culorii oaselor, precum și a stării inițiale și finale a materialului osos.

Т. Фернандес Креспо.

Использование огня в массовых захоронениях неолита-энеолита: определение, попытка интерпретации и дифференцированная диагностика.

В статье производится обзор использования огня в нео-энеолитических массовых захоронениях. На основе данных с Иберийского полуострова анализируются основные характеристики этой практики. Затем приводятся наиболее приемлемые интерпретации роли огня, которые связывают кремационные процессы со многими различными факторами, такими как случайные пожары, развитие погребальных ритуалов или с более сложными намерениями, которые некоторые авторы называют «бюрократическими». Наконец, учитывая, что присутствие следов огня на человеческих останках никогда адекватно не изучалось, представлена попытка дифференцированной диагностики, где особое внимание уделено анализу присутствующей окраски и первоначального и конечного состояния костей.

Keywords: fire, mass graves, Iberian Peninsula, Neolithic, Eneolithic.

Cuvinte cheie: foc, înmormântări în masă, Peninsula Iberică, neolitic, eneolitic.

Ключевые слова: огонь, массовые захоронения, Иберийский полуостров, неолит, энеолит.

Введение

Определение

Огонь как некая постоянная и в то же время непрерывно меняющаяся субстанция всегда являлся существенным элементом погребальных ритуалов многих обществ, воздействующим как на собственно умерших, так и непосредственно на погребальный памятник (Guillot, Le Goff 1995: 113). Воздействие огня на вместилище (гробницу) почти всегда обладает «большим общественным значением: жертвенным, искупительным, карающим, или связано с территориальными ограничениями». Несмотря на это, определение его характера — преднамеренного (поджог) или случайного (даже катастрофического) — является весьма сложной процедурой (Andrés et al. 2002: 208).

С другой стороны, когда действие огня ограничивается только содержимым погребения (тело, останки, иногда погребальный инвентарь), мы говорим о кремации. Результатом этого акта «является, прежде всего, карбонизация и, в конечном счете, сжигание различных тканей, включая скелетные» (Etxeberria, Delibes 2002: 59). Однако наблюдаемая различная интенсивность изменений в костях может являться результатом «многих разных факторов, таких как: а) полученная теплотворная способность, б) близость к источнику тепла; в) время его воздействия; г) восстановительная или окислительная среда; д) фазы подъема, сохранения и спада температуры; е) часть тела и ж) масса тела покойного» (Botella et al. 2000: 147). В результате развитие кремационных процессов в структуре тела и даже в одном отдельном фрагменте кости могло быть различным (Botella et al. 2000: 151).

Проблемы и цели исследования

На протяжении десятилетий обожженные кости обычно игнорировались в качестве предмета антропологического анализа, рассматриваясь в качестве «любого другого неклассифицируемого вида материала, занимающего всегда скромные места в хранилищах, если не простых отходов» (Gómez Bellard 1996: 55). Тем не менее, в современной археологии произошел решительный поворот в сторону научной оценки кремаций как необычного, но надежного источника данных по различным демографическим и ритуальным аспектам функционирования преисторических обществ.

Мы сфокусируем эту небольшую заметку на анализе ритуальных аспектов, исключив из рассмотрения то, что касается палеодемографической (возраст и пол) или палеопатологической диагностики, так как этим проблемам посвящены сотни антропологических работ (Gejvall 1980; Duday et al. 2000; Polo-Cerdá 2000; Polo-Cerdá, García-Prosper 2004).

Следовательно, цели нашего исследования предстают следующим образом:

— выявление природы огня (преднамеренного или нет) и его неопределенного ритуального значения в нео-энеолитических захоронениях Юго-Западной Европы;

— попытка исследования возможностей для дифференцированной диагностики кремированных человеческих остатков в рассматриваемом географическом контексте путем краткого представления современного состояния проблемы.

Интерпретация: случайность, ритуальная практика или бюрократизация смерти?

Несмотря на то, что использование огня в захоронениях прослеживается начиная с палеолита (Vinant 1991: 72), именно в неолите оно становится относительно распространенной практикой. Первые свидетельства кремации относятся к раннему неолиту и впоследствии сосуществуют с другими видами обращения с телом до среднего неолита (Vaquer 1998: 173). Среди них известны разнообразные типы частичных трупосожжений и «полные» кремации. В течение финального неолита и энеолита число кремаций резко возрастает (Andrés 1977, 2005; Gutiérrez et al. 2002: 109; Leisner 1951: 165—166), что очень часто иллюстрируется именно массовыми захоронениями независимо от их типологических особенностей (мегалитические погребения, захоронения в пещерах и обычные захоронения).

Тем не менее, эта весьма распространенная практика так и не стала предметом полноценного внимания исследователей, хотя важность подобного анализа очевидна в силу значительного количества подобных погребений. Именно отсутствие полного исследования следов огня в захоронениях объясняет традиционную интерпретацию кремаций как результата произвольных возгораний.

Одним из аргументов в поддержку этой гипотезы, хотя и не самым определяющим, выступало обнаружение очагов внутри или вблизи некоторых погребальных комплексов (как, например, в Эль Касетон де лос Морос

Таблица 1.

**Различия в цвете костей под воздействием различных температур,
согласно некоторым исследователям**

Цвет	Температура (°C)	
	MASSET 1986; ETXEBERRIA 1994	GÓMEZ BELLARD 1996
Без изменений — ДЕГИДРАТАЦИЯ	< 200	100
Красновато-желтый	200—250	100—250
Коричневый	250—300	250—300
Черный — КАРБОНИЗАЦИЯ	300—350	300—400
Серый	550—600	400—600
Белый — КРЕМАЦИЯ	> 650	600

или Аискоменди). Эти очаги интерпретировались в качестве источников освещения (Duday 1976: 130), элементов ритуального процесса (использование огня и света при жертвоприношениях — Barandiarán 1966) или же пережитка некоего обычая (Binant 1991). В нашем случае важно то, что, независимо от их функций, очаги представляли собой серьезный риск произвольного возгорания. Это особенно касается тех памятников, где кости, деревянные сооружения (напр. срубы или каркасы) и растительные саваны (изготовленные, например, из тростника, как в Пенья Ла Абуела) в крайне сухих условиях должны были являться превосходным топливом (Delibes 1995: 7).

Также является общепринятым объяснение «частичных кремаций в некоторых захоронениях воздействием случайных факторов, имевших место после завершения функционирования погребального комплекса, в особенности, когда обожженные кости редки и происходят из непонятного источника» (Pascual 2002: 172). В таких случаях они находятся в поверхностном слое или даже над культурными отложениями. Традиционно их размещение объяснялось следствием повторного использования данного места в более позднем железном веке или, в случае пещер, результатом действия костров, которые разводились, например, на протяжении веков пастухами.

С другой стороны, «следы действия сильно горячего огня появляются все чаще и чаще» (Delibes, Etxebarria 2002: 50), и таких данных «попросту говоря, слишком много для того, чтобы постоянно считать этот феномен возникшим по случайности» (Rojo et al. 2002: 21). Это

заставляет рассмотреть возможность существования других причин для возникновения таких следов воздействия огня. Здесь можно, например, упомянуть: а) церемониальные цели, направленные на освящение или облегчение смены статуса умерших посредством вышеупомянутых обрядов перехода (религиозное измерение), или б) «бюрократические» причины, направленные на «выдворение» трупа, понимаемого как неприятный объект, из сферы живых (практическое и профилактическое намерение) (Masset 1993: 99).

Рассматривая подобную церемониальную природу кремаций, некоторые авторы отнесли их к действиям по отделению плоти от костей и расчленению тела как практики антропофагии (Soriano 1986: 140) или части сложного ритуала. Подобные обычаи были отмечены в некоторых первобытных обществах Южной Америки, где погребали тела с последующим выкапыванием «чистых» останков и помещением их в оссуарии, «удостоверившись, что кости были хорошо очищены, а если на некоторых из них сохранялась неразложившаяся плоть, они ее сжигали» (Ortega 1991: 23):

— в пользу существования сходного по сложности ритуала говорит присутствие определенных сооружений (Трес Монте и Ла Аталаюела), интерпретированных в качестве «домов мертвых» (по планировке сходных с Totenhütten), или вероятных площадок, где происходило разложение останков (Andrés et al. 2002; Andrés, Barandiarán 2004). К тому же, существуют некоторые следы (порезы, отметки, вмятины и следы человеческих зубов), ко-

торые подтверждают гипотезу о проведении подобных сложных ритуалов в некоторых погребальных комплексах Юго-Восточной Иберии — Малаальмуерсо, Лас Мажоликас или пещера Каригъела (Botella et al. 2000).

— с другой стороны, с Испанского Северо-Центрального плато происходит значительное количество дольменов (здесь показателен случай Эль Мирадери), в которых сожжение скелетов производилось на месте. Это позволяет нам говорить не о «наборах костей, происходящих из “бустума” и помещенных в гробницу, а о целых скелетах, подверженных воздействию разведенного в гробнице огня, на что указывает идеальный анатомический порядок некоторых их частей» (Delibes, Etxeberria 2002: 48) и следы горения на погребальном инвентаре.

Другие исследователи, отстаивающие «бюрократическую» гипотезу, склоняются к мысли, что эти частичные кремации являлись способом организации погребального пространства, что также могло обладать ритуальным смыслом. С этим могли быть связаны:

— действия по наведению порядка, которые проводились:

* или в практических целях сокращения объема «морга» для освобождения места под новые захоронения, так чтобы кремация затронула только ранее помещенные останки (Guillot, Le Goff 1995: 114), как в некрополе в Горафе, в Эль Барранкете или в некоторых дольменах из Сьерра де Камерос;

* или 1) с гигиенической целью очистки «памятника на некоторых этапах его использования» (Andrés 1977: 111; Utrilla 1982: 237); 2) в целях очищения после ритуала повторного использования памятника в энеолите (Andrés 1998: 95 и 122), необходимого из-за лежащих на поверхности останков (в отличие от останков, погребенных в земле) (Guilaine 1998: 146); 3) перед первым использованием погребального вместилища (Fábregas 1988: 282), как в Абантце или Куева Матуррас;

— санитарные меры по предупреждению или ликвидации эпидемических заболеваний, которые со временем могли превратиться в обычные ритуальные действия, утратив свой изначальный смысл (Zammit 1991: 72);

— закрытие или разрушение некоторых погребальных памятников с целью «прерывания многолетнего развития этих гробниц и предотвращения их заполнения новыми телами» (Чабола де ла Хечикера, Сан Мартин или Лос Моркалес), при этом все же поддерживая их сакральное значение и сохраняя за ними специальное место в коллективной

памяти общества.¹ Это «желание нейтрализации всех погребений было столь сильным и окончательным (в отличие от того, что должно было происходить в случае непреднамеренных действий), что ни в одном случае не была проведена какая-то серьезная попытка восстановления или немедленного ремонта заново разрушенных гробниц. Огонь, таким образом, стал следствием окончательного отказа от их повторного использования» (Etxeberria, Delibes 2002: 50) с ритуальным или карательным намерением.

Другой проблемой являются значительные разногласия в оценке наличия извести в кремациях, которую большинство из авторов связывает с ритуальными действиями. Однако этому феномену может быть дано совершенно другое объяснение. Оказывается, что «для превращения известняка в известь достаточна температура в 1000 °С. Это означает, что в погребениях с конструкциями из известняка при возгорании... и достижении данной температуры появление обожженных костей и негашеной извести (оксида кальция) является нормальным. Со временем влажность и вода могли преобразовать негашеную известь в гашеную (гидрат окиси кальция), способствуя появлению извести на костях» (Etxeberria, Delibes 2002: 61).

Другим вопросом, тем не менее, является «сочетание необожженных костей и извести в результате гигиенических действий, которые направлены на предотвращение естественного процесса разложения тела с его последствиями для здоровья живого человека... в контролируемых захоронениях» (Etxeberria 1994: 115) — нечто характерное для различных исторических эпох, но пока неочевидное для времени нео-энеолита.

Дифференцированная диагностика

Учитывая сложный характер рассмотренных данных, дифференцированная диагностика огневых процессов на костях, наряду с использованием других методов археометрии (таких, как анализ археологической пылицы, угля, растительных макроостатков или седиментов), обладает, похоже, существенным

¹ Некоторые случаи повторного использования были засвидетельствованы в испанском энеолите в культуре колоколовидных кубков, согласно Т. Андресу (Andrés 2005: 261).

Таблица 2.

Различия во внешнем виде обожженных костей на основе собственных экспериментальных данных

Первоначальное состояние кости	Тепловое воздействие	Текстура	Вес	Расположение борозд, трещин, изломов и эксфолиаций	Деформирования	Интенсивность фрагментации
Свежая кость	Кость сокращается	Гладкий и стеклообразный вид, издает особый звук при ударе	Значительно уменьшается	Обычно перпендикулярное / поперечное по отношению к основной оси длинных костей и параллельной оси плоских костей	Довольно часто присутствуют четкие деформирования с типичными изменениями в <i>Гаверсовых</i> каналах	Высокая
Сухая кость	Кость почти или совсем не сокращается	Мучнистый вид, может выглядеть будто покрытая порошком	Незначительно уменьшается	Обычно параллельное / продольное по отношению к основной оси кости	Четкие деформирования отсутствуют	Несколько более низкая

характером для надежной интерпретации роли огня в погребениях (Fernández Crespo 2007).

Для правильного анализа состояния костей мы считаем необходимым провести оценку нижеперечисленных факторов (Botella et al. 2000: 154), которая способна предоставить данные о некоторых особо интересных аспектах, таких как температура и сила огня, или состояние останков (свежие или сухие) на момент кремации:

1. Окраска: криминалистические опыты показали, что разница в цвете костей способна указать в самых общих чертах на температуру, воздействию которой они подвергались (Guillon 1986; Hummel Schutkowski, Hertmann 1988; Masset 1986; Etzeberria 1994; Gómez Bellard 1996), несмотря на то, что другие опыты позволили ряду авторов (Dutour et al. 1989: 23—28) усомниться в существовании подобной связи (следует, однако, отметить, что в этих случаях анализы проводились на основе ограниченного количества образцов).

2. Тепловые воздействия, текстура, вес, расположение борозд, трещин, изломов и эксфолиаций, деформирование и характер интенсивности фрагментации (Botella et al. 2000: 148):

Заключительные положения

В заключение мы можем сказать, что при анализе гипотезы о случайном характере огня в нео-энеолитических массовых захоронениях

выявляется слишком много ясных свидетельств, указывающих на его преднамеренное использование при обращении с телами усопших.

Следовательно, несмотря на отсутствующие до сих пор важные ключи к разрешению вопроса о ритуальных манипуляциях (Fernández Crespo in press) в данных захоронениях (с одной стороны, из-за недостатка археологического анализа и, с другой — из-за недостаточного использования археометрического анализа), их, по сути, преднамеренный характер является очевидным. Таким образом, по крайней мере, в некоторых случаях использование огня могло выходить за пределы простых символических потребностей и исполнять, наверняка неслучайно, другие роли (связанные с действиями по упорядочиванию, гигиеническим/санитарным мерам или закрытием и/или разрушением погребального памятника), что, конечно, не отрицает их возможной ритуальной роли.

Благодарность

Исследовательский проект *Discusión de unidades regionales del Paleolítico Superior a comienzos del Neolítico en el Pirineo Occidental: entidades del paisaje y comportamientos industriales y simbólicos* (HUM2005—04236), финансируемый Ministerio de Educación y Ciencia — Plan Nacional de Investigación Científica, Desarrollo e Innovación tecnológica (I+D+I). Ведущий научный сотрудник: д-р Игнасио Барандиаран Маесту.

Литература

- Andrés T. 1977. Las estructuras funerarias del Neolítico y Eneolítico en la Cuenca Media del Ebro. Consideraciones críticas. *Príncipe de Viana* 146/147, 65—129.
- Andrés T. 1998. *Colectivismo funerario neo-eneolítico. Aproximación metodológica sobre datos de la Cuenca Alta y Media del Ebro*. Zaragoza: Institución Fernando el Católico.
- Andrés T. 2005. *Concepto y análisis del cambio cultural: su percepción en la materia funeraria del Neolítico y Eneolítico*. Monografías Arqueológicas 42. Zaragoza: Departamento de Ciencias de la Antigüedad de la Universidad de Zaragoza.
- Andrés T., Barandiarán I. 2004. La tumba calcolítica de la Atalayuela, treinta y cinco años después. *Saldvie* 4, 85—124.
- Andrés et al. 2002: Andrés T., García L., Sesma J. 2002. Una tumba destruida por el fuego: El sepulcro campaniforme de Tres Montes en Las Bardenas Reales, Navarra. In: Rojo M., Kunst M. (eds). *Sobre el significado del fuego en los rituales funerarios del Neolítico*. Studia Archaeologica 91. Valladolid: Universidad de Valladolid, 191—218.
- Barandiarán J.M. 1966. Exploración de Aizkomendi. Desmonte de la parte meridional del túmulo. *Estudios de Arqueología Alavesa* 1, 27—40.
- Pascual J.L. 2002. Incineración y cremación parcial en contextos funerarios neolíticos y calcolíticos del Este Peninsular al Sur del Xúquer. In: Rojo M., Kunst M. (eds). *Sobre el significado del fuego en los rituales funerarios del Neolítico*. Studia Archaeologica 91. Valladolid: Universidad de Valladolid, 155—190.
- Binant P. 1991. *La Préhistoire de la mort*. París: Éditions Errance.
- Botella et al. 2000: Botella M., Alemán I., Jiménez S. 2000. *Los huesos humanos, manipulaciones y alteraciones*. Barcelona: Bellaterra.
- Delibes G. 1995. Ritos funerarios, demografía y estructura social entre las comunidades neolíticas de la Submeseta Norte. In: Fábregas R., Pérez F., Fernández C. (eds). *Arqueología da Morte na Península Ibérica desde os Orixes ata Medioevo*. Xinzo de Limia: Excmo, 61—94.
- Delibes G., Etxeberria F. 2002. Fuego y cal en el sepulcro colectivo de “El Miradero” (Valladolid): ¿accidente, ritual o burocracia de la muerte? In: Rojo M., Kunst M. (eds). *Sobre el significado del fuego en los rituales funerarios del Neolítico*, Studia Archaeologica 91. Valladolid: Universidad de Valladolid, 39—59.
- Dutour O. et al. 1989. Analyse de la temperature de crémaison d’incinérations antiques par diffractométrie Rx. Nécropole du Haut Empire de St. Lambert de Fréjus, Var. *Revue d’Archéométrie*, 13, 23—28.
- Duday H. 1976. Les sépultures des hommes du Mésolithique. In: Lumley H. (ed.). *La Préhistoire Française*. Vol. I. Paris: C.N. R. S., 728—733.
- Duday et al. 2000: Duday H., Depierre G., Janin T. 2000. Validation des paramètres de quantification, protocoles et stratégies dans l’étude anthropologique des sépultures secondaires incinération. L’exemple des nécropoles protohistoriques du Midi de la France. In: *Archéologie de la Mort, Archéologie de la tombe au premier Age du Fer, Actes du XXI colloque international de l’A.F. E.A. D. (Conques-Montrozier, 1997)*. Monographies d’Archeologie Méditerranéenne 5. Lattes: C.N. R. S., 7—29.
- Etxeberria F. 1994. Aspectos macroscópicos del hueso sometido al fuego. Revisión de las cremaciones descritas en el País Vasco desde la Arqueología. *Munibe (Antropología-Arqueología)* 46, 111—116.
- Etxeberria F., Delibes G. 2002. Interpretación del fuego en los sepulcros megalíticos. In: Rojo M., Kunst M. (eds). *Sobre el significado del fuego en los rituales funerarios del Neolítico*. Studia Archaeologica 91. Valladolid: Universidad de Valladolid, 59—64.
- Fábregas R. 1988. Cronología y periodización del megalitismo en Galicia y norte de Portugal. *Espacio, Tiempo y Forma (Prehistoria)* 1, 279—292.
- Fernández Crespo T. 2007. *Enfermedad, muerte y ritual funerario desde el Paleolítico superior a la Edad de Bronce inicial-media en el Pirineo Occidental y la Cuenca Media-Alta del Ebro*. Trabajo de Investigación Tutelado. Inédito. Universidad del País Vasco, Vitoria.
- Fernández Crespo T. in press. The use of «ochre» in megalithic burials: a symbolic ritual or a conservationist and prophylactic treatment? *14th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists* (16—21 September 2008), University of Malta, Msida, Malta.
- Gejvall N.G. 1980. Cremaciones. In: Brothwell D.R., Higgs E. (comp.). *Ciencia en Arqueología*. Fondo de Cultura Económica, 482—493.
- Gómez Bellard F. 1996. El análisis antropológico de las cremaciones. *Complutum Extra* 6, 55—64.
- Guilaine J. (ed.) 1998. *Sépultures d’Occident et genèse des mégalithismes (9.000—3.500 avant notre ère)*. Paris: Ed. Errance.
- Guillon F. 1986. Brulés frais ou brulés secs? In: Duday H., Masset C. (dir.). *Anthropologie physique et archéologie. Méthodes d’étude des sépultures*. Actes du colloque de Toulouse. Paris: ed. C. N. R. S., 191—194.
- Guillot H., Le Goff I. 1995. Les usages du feu. In: Masset C., Solier P. (dir.). *Allées couverts et autres monuments funéraires du Néolithique dans la France du Nord-Ouest: allées sans retour, Guiry-en-Vexin*. Paris: Ed. Errance, 112—114.
- Gutiérrez et al. 2002: Gutiérrez C., Gómez A., Ocaña A. 2002. Fuego y ritual en el enterramiento colectivo de Cueva Matura (Argamasilla de Alba, Ciudad Real). In: Rojo M., Kunst M. (eds). *Sobre el significado del fuego en los rituales funerarios del Neolítico*. Studia Archaeologica 91. Valladolid: Universidad de Valladolid, 99—126.
- Hummel et al. 1988: Hummel S., Schutkowski H., Herrmann B. 1988. Advances in cremation research. *Notes et monographies techniques* 24, 177—194.
- Leisner G., Leisner V. 1951. *Antas do concelho de Reguengo de Monsaraz. Materiais para o estudo da cultura megalítica en Portugal*. Lisboa.
- Masset C. 1986. Le «recrutement» d’un ensemble funéraire. In: Duday H., Masset C. (dir.). *Anthropologie physique et archéologie. Méthodes d’étude des sépultures*. Actes du colloque de Toulouse. Paris: Ed. C. N. R. S., 191—194.
- Masset C. 1993. *Les dolmens: Sociétés néolithiques, pratiques funéraires*. Paris: Ed. Errance.
- Ortega J. 1991. Consideraciones sobre el descuartizamiento ritual. *Verdolay* 3, 21—32.
- Polo-Cerdá M. 2000. Estudio antropológico de las cremaciones de época romana en Valencia: resultados

№2. 2010

- preliminares. En: *Actas del Seminario Arqueología Funeraria Romana. Una aproximación interdisciplinar*. 2. Valencia: UIMP, 41—55.
- Polo-Cerdá M., García-Prosper E. 2004. Ficha de laboratorio para estudio de restos óseos incinerados (anexo nº 2). In: Sanabria C. (ed.). *Antropología Forense y la investigación médico-legal de las muertes. Policía Nacional*. Dirección Nacional de escuelas. Facultad de Investigación Criminal. Bogotá: DNE, 137—138.
- Rojo et al. 2002: Rojo M., Kunst M., Palomino A. 2002. El fuego como procedimiento de clausura en tres tumbas monumentales de la Submeseta Norte. In: Rojo M., Kunst M. (eds). *Sobre el significado del fuego en los rituales funerarios del Neolítico*. Studia Archaeologica 91. Valladolid: Universidad de Valladolid, 21—38.
- Soriano R. 1986. Notas sobre el Eneolítico y los orígenes del poblamiento de la Edad de Bronce en la Vega Baja del Segura. In: VV. AA.: *El Eneolítico en el País Valenciano*. Instituto de Estudios Juan Gil Albert, Diputación provincial de Alicante. Alicante: IEJGA, 139—144.
- Utrilla P. 1982. El yacimiento de la cueva de Abauntz (Arraiz-Navarra). *Trabajos de Arqueología Navarra* 3, 203—353.
- Vaquer J. 1998. Les sépultures du Néolithique moyen. In: Guilaine J. (dir.). *Sépultures d'Occident et genèse des mégalithismes (9.000—3.500 avant notre ère)*. Paris: Ed. Errance, 145—164.
- Zammit J. 1991. Les sépultures préhistoriques et le feu: utilisation rituelle, crémation et incinération. *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 88 (3). Paris: SPF, 70—72.

Статья поступила 18 января 2010 г.

Teresa Fernández Crespo (Vitoria-Gasteiz, Spain). PhD researcher. University of the Basque Country.

Teresa Fernández Crespo (Vitoria-Gasteiz, Spania). Doctorandă. Universitatea din Țara Baschilor.

Тереза Фернандес Креспо (Витория-Гастейс, Испания). Докторант. Университет Страны Басков.

E-mail: teresa_fernandez@ikasle.ehu.es

М. Бакович, Б. Говедарица

Находки из «княжеского» кургана Груда Больевича в Подгорице, Черногория

M. Baković, B. Govedarica.

Finds from the Princely Burial Mound Gruda Boljevića in Podgorica, Montenegro.

The burial mound Gruda Boljevića belongs to the group of large Montenegrin tumuli, dated to the beginning of the Early Bronze Age (around the second quarter of 3rd millennium BC), which also includes Mala and Velika Gruda, as well as the destroyed tumulus near Rubeža. Main characteristics of this group of barrows are monumental mounds and rich central graves, for which mounds were erected. These features outline the group as an independent phenomenon within its cultural milieu, the complexes being named "princely or ruler tombs" by researchers. The monumentality of the barrows, as well as the richness of the graves reflect social stratification, namely the existence of a leading aristocracy stratum in the Early Bronze Age society in the Adriatic region. Such a concentration of rich graves has been identified only in Montenegro, proving that this area has been one of the most important foci in the historical and social development of the Adriatic region in Early Bronze Age.

M. Baković, B. Govedarica.

Descoperirile din tumulul princiar Gruda Boljevića în Podgorița, Muntenegru.

Tumulul Gruda Boljevića aparține grupului tumulilor de dimensiuni mari din Muntenegru, datați cu începutul epocii bronzului timpuriu (aproximativ sfertul al doilea al mileniului 3 BC), din care mai fac parte tumulii Mala și Velika Gruda, precum și complexul distrus de lângă Rubeža. Caracteristicile de bază ale acestui grup de tumuli sunt monumentalitatea mantalei și bogăția mormîntului central, asupra căruia această mantă a fost ridicată. Aceste particularități disting grupul dat în calitate de un fenomen aparte în mediul său cultural, complexe funerare fiind denumite în literatura de specialitate ca „morminte princiare sau morminte aristocratice”. Monumentalitatea tumulilor, bogăția mormintelor reflectă stratificarea socială, anume existența unui grup aristocratic de vîrf în societatea bronzului timpuriu din regiunea Adriatică. O asemenea concentrare a mormintelor bogate a fost depistată doar în Muntenegru, arătînd, că această regiune a fost unul dintre focarele evoluției istorice și culturale a regiunii Adriatice în perioada timpurie a epocii bronzului.

М. Бакович, Б. Говедарица.

Находки из «княжеского» кургана Груда Больевича в Подгорице, Черногория.

Курган Груда Больевича относится к группе больших черногорских курганов, датированных началом раннего бронзового века (примерно вторая половина 3-го тыс. BC), которая также включает Малу и Велику Груды, равно как и разрушенный курган возле Рубежи. Основными характеристиками данной группы курганов являются монументальные насыпи и богатые центральные погребения, для которых эти насыпи возводились. Эти черты выделяют группу в качестве самостоятельного феномена в региональной культурной среде, а сами погребальные комплексы обозначаются исследователями как «захоронения вождей или правителей». Монументальность курганов, богатство захоронений отражают значительную социальную стратификацию, связанную с наличием правящей аристократической среды в обществе раннего бронзового века Адриатики. Подобная концентрация богатых захоронений была выявлена лишь в Черногории, показывая, что данный регион являлся одним из наиболее значимых очагов исторического и культурного развития Адриатического региона в раннем бронзовом веке.

Keywords: Burial mound, princely grave, Montenegro, Early Bronze Age, Adriatic cultural circle.

Cuvinte cheie: tumul, mormînt princiar, Muntenegru, bronzul timpuriu, cercul cultural adriatic.

Ключевые слова: курган, «княжеское» погребение, Черногория, ранний бронзовый век, адриатический культурный круг.

1. Введение

На территории Черногории за последние пятьдесят лет был исследован ряд монументальных курганов с богатыми захоронениями раннего бронзового века. Первый такой курган был раскопан в Рубеже (возле города Никшич) в 1952 году (Benac 1955: 86, Т. 1,6). В 1976 году были проведены раскопки кургана Мала Груда на Тиватском поле (Parović-Pešikan, Trbuhović 1971: 129 ff.; Primas 1996: 17 ff., 75 ff.; Della Casa 1996: 15 ff.), а в 1991 году богатые захоронения были обнаружены в близлежащем кургане Велика Груда (Primas 1996: 11 ff.). Наконец, в 2001 году был исследован курган Груда Больевича в Подгорице.¹ Таким образом, на сегодняшний день нам известны четыре подобных кургана, но эта цифра, очевидно, отражает лишь текущее состояние исследований и не может считаться конечной. Все четыре кургана обладают сходными культурными характеристиками. Они расположены на Адриатическом побережье, на примыкающих к нему карстовых территориях, внутри гипотетического треугольника, длина сторон которого не превышает 40 км (рис. 1). За исключением неполных данных о комплексе из Рубежи, который был разрушен до прибытия археологов (Benac 1955: 86 ff.), все остальные курганы обладали большими размерами и содержали по центральному погребению с богатым инвентарем. Результаты исследований в Великой и Малой Груде были детально и обстоятельно представлены в работах М. Примас, Ф. Делла Каса, М. Парович-Пешикана и Й. Трбуховича (Parović-Pešikan, Trbuhović 1971: 129 ff.; Primas 1996: 17 ff., 75 ff.; Della Casa 1996: 15 ff.). Данная работа посвящена детальной публикации находок из Груды Больевича — кургана, который был исследован последним в этой серии и чей погребальный обряд, помимо известных общих культурных черт, обладает рядом специфических характеристик. Помимо того, предлагается провести обзор результатов исследования других монументальных курганов

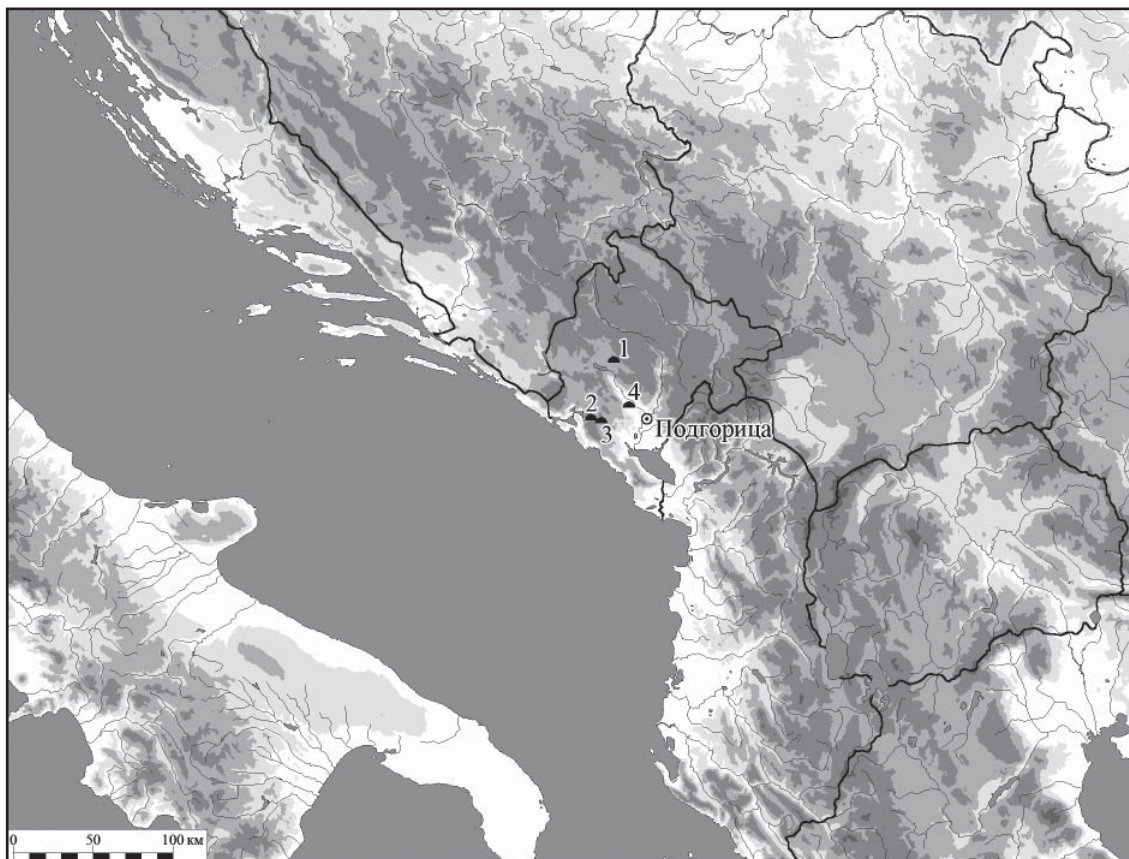
¹ Раскопки кургана проводились между 30 апреля и 24 июня 2001 года. Руководила проектом Ленка Булатович, директор ЈУ музея и галереи Подгорица, полевые исследования проводились под руководством Миле Баковича, сотрудника Центра археологических исследований Црне Горе в Подгорице. Также в раскопках принимали участие Верице Дрекун, археолог, Драгана Радовича, искусствовед (обе из ЈУ музея и галереи Подгорица), Желько Калежич, консерватор из Центра археологических исследований СГ, Ристо Драшкович, археолог, Ясна Жечевич, студентка-археолог (Saveljić-Bulatović, Lutovac 2003: 29—32; Guštin 2006: 87—99; Baković 2010).

Черногории, а также некоторых основных работ по данной проблематике.

2. Находки из кургана

Курган Груда Больевича был расположен на окраине современной Подгорицы (предместье Толоши), к северо-западу от Скадарского озера.² Форма насыпи неправильно-коническая, с диаметром в 24 м и высотой в 1,8 м (рис. 2; 3). Западная часть кургана повреждена недавним строительством дороги и других элементов инфраструктуры. Насыпь кургана состояла из чистой, однородной земли без камня. В центральной части кургана было обнаружено несколько прослоек глины различной консистенции и толщины (толщина 1—3 см). Вокруг центра кургана, в зоне диаметром от 6 до 8 м, были зафиксированы шесть таких прослоек, располагавшихся последовательно в интервале от около 20 см от древней поверхности до метровой высоты насыпи. Основное захоронение находилось в центре, на глубине в 2,30—2,40 м от высшей точки кургана. Погребальная яма прямоугольной формы с округленными углами, размерами 1,1×0,85 м, была впущена в каменное природное основание на глубину в 0,5—0,6 м. Ориентирована яма по линии восток-запад (рис. 5). С восточной стороны дно ямы было глубже, чем в западной половине, примерно на 10 см. В нижней части ямы были обнаружены две плохо сохранившиеся кости ног взрослого (?) человека, тогда как от остальных костей скелета остались лишь следы. В центральной части ямы были выявлены отдельные тазовые кости (из одной кости была взята проба для радиоуглеродного анализа — см. Guštin 2006: 89), а в западной части находился фрагмент кости руки. Учитывая размер погребальной ямы и расположение обнаруженных костей ног, можно предположить, что погребенный лежал в скорченном положении и был ориентирован по линии запад-восток (головой на запад). После совершения захоронения яма была заполнена камнем и глиной, добытой в процессе ее выкапывания. Со временем, под воздействием тяжести насыпи заполнение ямы сползло вниз, на что указывает форма обнаруженных глиняных прослоек. За исключением вышеописанных костей, других находок в яме не было. Отсутствовали также следы гроба или других погребальных конструкций. Только в восточной части ямы

² Груда Больевича находится на территории, принадлежащей Драгану Больевичу (координаты N 42°27'17,53" и E 19°13'55,69").

Рис 1. Географическое расположение черногорских курганов с «княжескими» захоронениями: 1 — Рубежа, 2 — Велика Груда, 3 — Мала Груда, 4 — Груда Больевича.

были зафиксированы 15 камней размерами в 10—15 см (рис. 4; 5), а на площади вокруг захоронения были обнаружены следы огня в виде красноватых вкраплений прокаленной земли.

В насыпи кургана были обнаружены две группы инвентаря. Первая группа находилась на высоте примерно 0,8 м над погребальной ямой; вторая располагалась также в центре насыпи, в верхней ее части, на глубине около 0,6 м от высшей точки кургана. Первая группа содержала следующие восемь предметов:

1. Топор из тщательно отполированного зеленоватого гранита со слегка скошенным обухом и утолщенной вокруг отверстия средней частью, предназначенной для крепления муфты. Верхняя часть отверстия была закрыта миниатюрной крышечкой с крестообразным и круговым пунктирным орнаментом, изготовленной из золотой фольги. На одном краю режущей части видны небольшие повреждения. Размеры топора: длина 12 см; диаметр отверстия 2,2 см (рис. 6).

2. Сильно коррозированный и патинированный бронзовый кинжал удлиненно-треугольной формы с трапециевидным в сечении лезвием и арочной верхней частью,

на которой имеются два отверстия для рукоятки (длина 10 см; рис. 7: 2).

3—4. Два золотых колечка, изготовленные из толстой, ромбовидной в сечении проволоки, с одним заостренным и одним уплощенным концами (диаметр 1,3 и 1,9 см, вес 1,85 и 1,75 г; рис. 7: 3, 4).

5. Подвеска удлиненно-трапециевидной формы со слегка подкругленными углами, изготовленная из тщательно отполированного красного порфирита. Перфорирована в верхней, узкой половине (длина 7,5 см; толщина 0,5 см; рис. 7: 1).

6. Кусочек глины с круглым кольцевидным отпечатком, диаметром 4,2 см (рис. 8);

7—8. Два речных камня размерами 18×15 см лежали рядом, непосредственно к северо-западу от группы инвентаря.

Вторая группа инвентаря состояла из трех сосудов, изготовленных из хорошо отмученной, но плохо обожженной глины.

1. Неглубокая чаша на ножках с высоким прямоугольным выступом, отходящим от края венчика. На углах выступа имеются два округлых отверстия. Сосуд богато украшен с внутренней и внешней стороны резным и штампованным орнаментом в виде крестообразных

Рис. 2. Груда Больевича перед началом раскопок, вид с запада.

и округлых фигур (диаметр 20 см; высота 6,1 см; рис. 9).

2. Коническая чаша на высокой полой цилиндрической ножке. Внешняя сторона сосуда полностью покрыта орнаментом, техника нанесения которого и мотивы аналогичны декору вышеописанной чаши (высота 18,2 см; диаметр венчика 14,1 см; диаметр дна 4,2 см; рис. 10).

3. Кувшин с высоким, слегка растробовидным горлом, биконическим туловом и узким плоским дном. Сосуд снабжен длинной ленточной ручкой, которая тянется от венчика до плечика. Орнаментация состоит из верти-

кальных и горизонтальных полос на тулове и ручке, состоящих из резных линий и отпечатков штампа, и аналогична системе орнамента на двух других сосудах этой группы (высота 22,5 см, диаметр венчика 6,4 см; рис. 11).

В средние века курган Груда Больевича был повторно использован в качестве места для погребения (рис. 4), поэтому в насыпи и в непосредственной близости от кургана были исследованы 192 погребения этого времени. Также, в слое непосредственно под поверхностью кургана были обнаружены фрагменты большого сосуда, характерного для среднего бронзового века. При этом следы погребения отсутствовали (Baković 2010: Т. 1, 4). Поскольку этот слой, наряду со средневековыми захоронениями, был значительно поврежден, установить точный контекстуальный характер данной находки не представляется возможным.

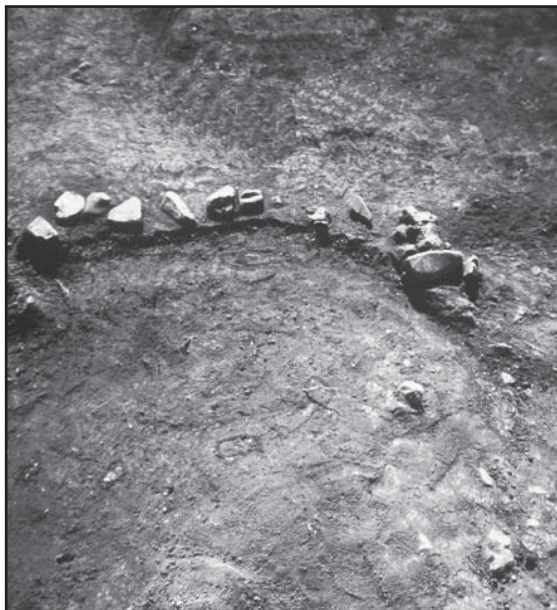
3. Культурные особенности инвентаря и погребального ритуала

Данные стратиграфии четко показывают отсутствие в Груде Больевича каких-либо дополнительных насыпей. Это означает, что курган был возведен исключительно в целях маркировки и предохранения первичного захоронения, совершенного в центре до соору-

Рис. 3. Груда Больевича в начале раскопок, вид с юго-запада.

№2. 2010

Рис. 4. Груда Больевича: поверхность центрального захоронения с каменным скоплением, вид с северо-запада.

жения насыпи. Факт отсутствия поздних вторжений в центральной части кургана, за исключением средневековых захоронений в верхнем слое, указывает на то, что зафиксированная археологическая ситуация — частичная сохранность скелета, неровное дно погребальной ямы, обнаружение двух групп

инвентаря за пределами захоронения — отражает реальное положение находок, образовавшееся в результате действия природных факторов и специфики погребального ритуала, практиковавшегося в раннем бронзовом веке. Центральное захоронение и две находившиеся над ним группы инвентаря, таким образом, могут быть рассмотрены в качестве закрытого комплекса.

Что касается культурной принадлежности исследованного комплекса, то типологические особенности инвентаря полностью вписываются в материальную культуру обществ раннего бронзового века Восточной Адриатики. Керамический материал обладает некоторыми, прежде всего, орнаментальными характеристиками, присущими поствучедольскому времени и культуре колоколовидных кубков. Однако, в этом смысле, наиболее близкие аналогии встречаются в узком контексте носителей восточно-адриатического культурного круга (о характеристиках восточно-адриатического культурного круга — см. *Govedarica* 1989). Форма и орнамент кубка и ножек чаши полностью соответствуют керамическому комплексу южно-адриатического типа люблянской культуры. Практически идентичная чаша была обнаружена в центральном погребении (№ 1) кургана Велика Груда (Primas 1996: sl. 5,1—5,4), а сходные формы известны из кургана в Рубеже и центрального

Рис. 5. Груда Больевича: яма центрального захоронения, вид с запада.

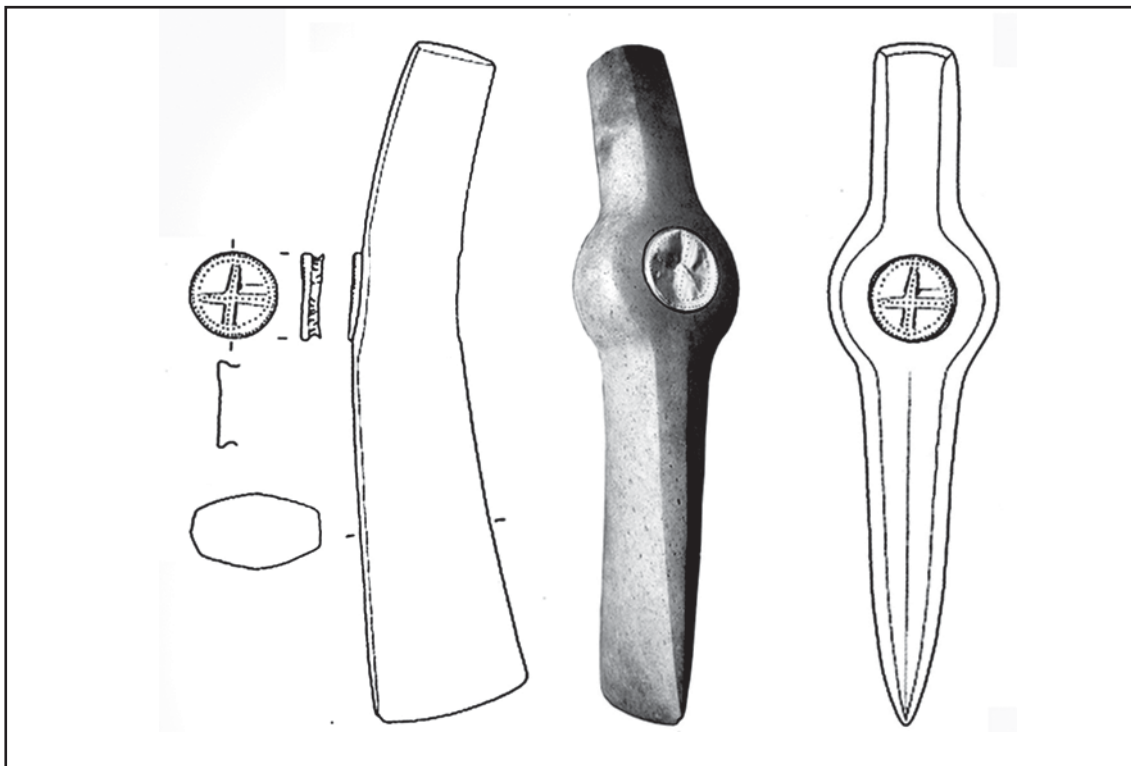

Рис. 6. Груда Больевича, первая группа инвентаря: каменный топор с золотой крышечкой (М. 1 : 2).

погребения кургана Мала Груда. Кубки с ручками аналогичной формы и похожим орнаментом были обнаружены как в кургане Пажока в центральной Албании, так и в более обширном ареале восточно-адриатического культурного круга (тип Циклами-Митрео), а также на континентальной периферии культуры Цетин (Govedarica 1989: Taf. 12: 3; 42: 2; 43: 1; Govedarica 2006: sl. 3: 1). К тому же, кубок из Груды Больевича по своему облику весьма близок как соответствующей посуде группы Белотич-Бела Црква в Западной Сербии, так и посуде южно-паннонской группы Шомодьвар-Винковцы (Maran 1998: Taf. 17: 5). Бронзовые кинжалы с лезвием в виде вытянутого треугольника и отверстиями для крепления рукояти являются типичным продуктом адриатическо-эгейского круга. Самые близкие аналогии экземпляру из Груды Больевича известны в курганах Медуна в Черногории и Иванковачи в Далмации, где, по-видимому, очень рано появляются кинжалы, изготовленные из бронзы (Оловянистая бронза — Govedarica 1989: Taf. 35: 2).

Каменный топор из первой группы инвентаря в Груде Больевича не обнаруживает формальных аналогий на ближайших территориях, тогда как золотая накладка полностью соответствует аналогичному изделию на серебряном топоре из Малой Груды (Govedarica 1989: Taf. 43: 7). Золотые височные кольца

являются весьма редкой категорией находок в раннем бронзовом веке Европы. Они встречаются только в некоторых «княжеских» захоронениях, преимущественно на Балканах. Согласно типологии М. Примас, различаются два типа этих украшений: «тип Левка», с одинаковыми заостренными перекрывающимися окончаниями, и тип «Мала Груда», с различными окончаниями (Primas 1996: 76—77). Тип Левка известен из пифосного погребения R 15 на острове Левка (3 экземпляра), центрального захоронения в Великой Груде (5 экземпляров), погребения 8 кургана 1 в Тырново, северо-западная Болгария (1 экземпляр) и погребения 1 кургана 3 в Ампоице-Перет в Трансильвании (2 экземпляра) (Maran 1989: Taf. 20: 1—14; Ciugudean 1991: tab. 20: 4, 5). Находки из Груды Больевича полностью соответствуют типу Мала Груда, который известен только в черногорских курганах (Мала Груда — 5 экземпляров; Велика Груда — 3 экземпляра и Груда Больевича — 2 экземпляра: Primas 1996: 76 ff., taf. 6.1—6.5; 6.13; A9-A13). Показательно, что оба варианта данных украшений очень хорошо представлены в черногорских курганах. Это указывает на то, что этот регион мог быть центром производства данного типа золотой бижутерии. Все десять обнаруженных до сих пор экземпляров типа Мала Груда являются практически идентичными по отношению друг к другу, и можно

№2. 2010

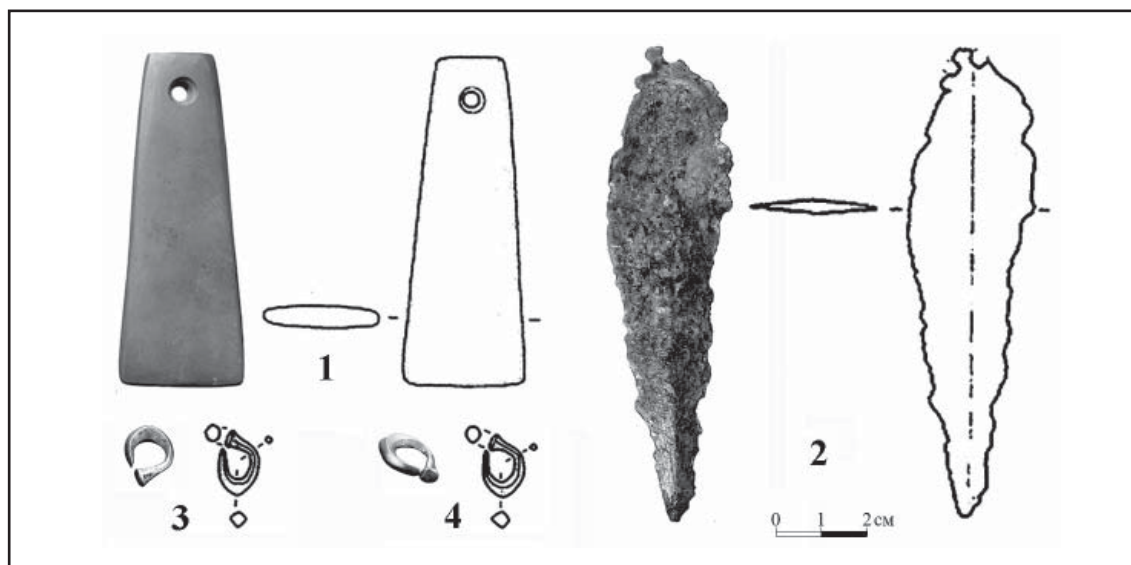

Рис. 7. Груды Больевича, первая группа инвентаря: 1 — каменная подвеска, 2 — бронзовый кинжал, 3—4 — височные кольца.

предположить, что они происходят из одной мастерской, находящейся в этой зоне.

Керамическая чаша на высокой подставке из Груды Больевича по форме представляет собой уникальный экземпляр, аналогий которому нам не известно. Тем не менее, на основании орнаментальных характеристик, эта находка также может быть отнесена к южно-адриатическому типу люблянской культуры.

Погребальный ритуал из Груды Больевича обладает своеобразными и специфическими характеристиками. В любом случае, подобный ритуал неизвестен ни среди других «княжеских» захоронений Черногории, ни в более широком ареале адриатического культурного круга, к которому принадлежат все эти захоронения. Отсутствие каменного ящика является необычным в данном регионе. Другими необычными элементами являются различная глубина дна ямы и отдельное депонирование двух групп инвентаря. При этом важно отметить, что возможность частичного захоронения или поздних вторжений может быть полностью отвергнута. На первое указывает присутствие костей скелета (правда, в очень плохой сохранности из-за повышенной кислотности грунта) на всей площади ямы. Непотревоженная глиняная прослойка над погребением свидетельствует об отсутствии каких-либо поздних нарушений. Как показывают следы обожженного грунта возле захоронения, погребальный ритуал начался с ритуального очищения земли в центральной части кургана, выполненного при помощи огня. Затем было совершено захоронение, над которым была возведена насыпь, чему наверняка сопутствовали специальные обряды.

Такой престижный предмет, как топор, наряду с остальными предметами из первой группы инвентаря, может быть интерпретирован в качестве персональной собственности умершего — мужчины, обладавшего высоким рангом. Обычно в преисторических погребениях подобные предметы располагались в непосредственной близости от покойника или в пределах погребальной ямы. В этом контексте ситуация, зафиксированная в Груде Больевича, является крайне необычной. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют судить о причинах подобного расположения этих личных предметов — за пределами погребения. Тем не менее, можно предположить, что это является специфической особенностью погребального обряда.

Особенности расположения второй группы инвентаря и причины ее отдельного депони-

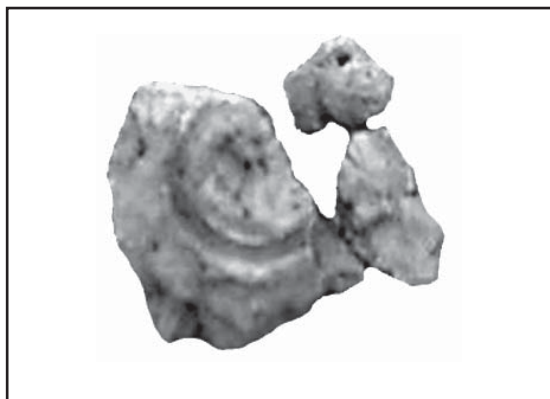

Рис. 8. Груды Больевича, первая группа инвентаря: отпечаток в глине.

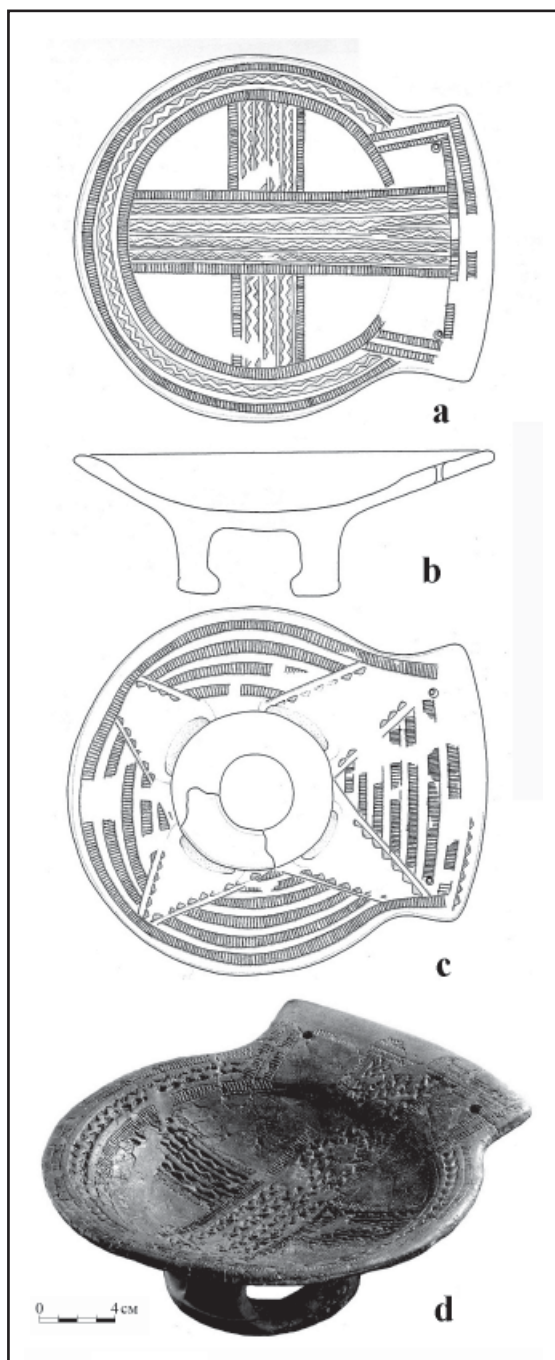

Рис. 9. Грета Больевича, вторая группа инвентаря: чаша на ножках.

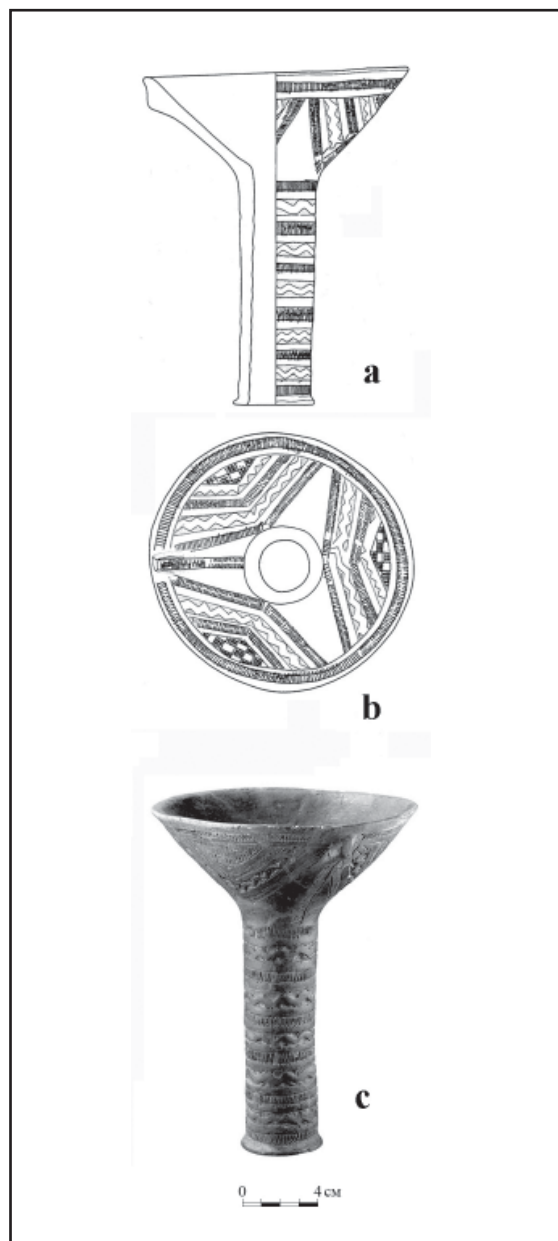
рования отчасти являются более понятными. Три сосуда из этой группы были, очевидно, использованы в ритуале, проведенном после совершения захоронения в центральной яме и возведения над ним насыпи. Кувшин и чаша на высокой цилиндрической подставке предназначались для проливания жертвенной жидкости, что выделяет их в качестве уникальной находки в более широком культурном окружении. Третий сосуд из этой группы — неглубокая чаша на ножках — является стандартной находкой в черногорских «княжеских» по-

гребениях. Он, вероятно, служил в качестве кадила и использовался в ритуале окуривания (напр., благовониями). Диаметр отпечатка на кусочке глины из первой группы инвентаря полностью соответствует диаметру нижнего отверстия полый цилиндрической подставки чаши из второй группы, что позволяет предположить, что на этом месте была пролита жертвенная жидкость, а также, вероятно, проводилось окуривание. Эти обряды являлись составной частью общей церемонии, в результате которой личные вещи покойника были уложены в насыпь над погребальной ямой. После проведения этой церемонии и в процессе возведения насыпи сосуды были установлены в центр кургана, непосредственно над центральным захоронением. Чаша-воронка на полый цилиндрической подставке была поставлена в вертикальном положении, в то время как кувшин и неглубокая чаша-кадила лежали рядом. Это показывает, что обряд приношения жидкости и ритуального окуривания мог быть также проведен и здесь, вероятно, в то же время, маркируя завершение всех траурных действий и окончательное возведение насыпи кургана Грета Больевича.

В отличие от необычной практики положения личных предметов за пределами погребения, обычай, согласно которому керамические сосуды после соблюдения некоторых обрядовых норм ставились не в само погребение, а около или вокруг него, является весьма распространенным в адриатическом культурном круге, в особенности в протоцетинской и цетинской культурах (Govedarica 1989: 117). Однако нигде этот ритуал не был так хорошо документирован, как в Грете Больевича. Три сосуда из второй группы инвентаря этого кургана впервые четко показывают, что погребальному обряду черногорских «княжеских» курганов, а также, вероятно, и более широкой территории восточно-адриатического культурного круга, сопутствовали обряды приношения священной жидкости и курения благовоний.

4. Вопросы абсолютной хронологии

На основе радиоуглеродных определений костей скелета из центрального погребения была получена следующая дата для комплекса в Грете Больевиче — 3090—3044 cal. BC (Guštin 2006: 89, где, однако, опубликована лишь собственно дата, без соответствующей документации и данных о лаборатории и методе датирования). Это соответствует датам C^{14} из преисторического кургана в Великой Грете, которые располагаются в интервале

Рис. 10. Груда Больевича, вторая группа инвентаря: керамическая чаша-воронка.

3081—2625 cal. BC, фокусируясь на 2950 BC (Primas 1996: 48). Таким образом, время возведения черногорских «княжеских» курганов — и, соответственно, начало развития южно-люблянского типа люблянской культуры — восходит к началу III тыс. до н. э. (Primas 1996: 141 ff; Guštin 2006: 88—89; Maran 1998: 330 par. 243; Maran 2007: 8 ff; Vuković 2009). Значит, время существования курганов и адриатической люблянской культуры в целом смещается в вучедольский период. Однако такая датировка выглядит проблематично, поскольку радиоуглеродные даты весьма плохо сочетаются с уже приведенными аналогиями и археологическими данными. В действительности, указанные сопоставления показывают,

что южно-адриатический тип люблянской культуры принадлежит к поствучедольскому, а не к вучедольскому культурному кругу. К поствучедольскому кругу относятся также культуры Шомодьвар-Винковцы и Белотич-Бела Црква, которые только в начальной фазе своего развития соприкасаются с вучедольской культурой, полностью относясь, с культурной точки зрения, к поствучедольскому культурному кругу. Согласно нынешней хронологии, эти культуры не могут быть старше рубежа 2600/2500 cal. BC (Maran 1998: 347 ff.). С другой стороны, самые древние известные аналогии инвентарю из черногорских «княжеских» курганов (золотые кольца из R-погребений в Левке) датируются периодом РЭ-II (Primas 1996: 136), что соответствует времени 2700 cal. BC. Следовательно, ранний этап греческой культуры РЭ-II мог частично пересекаться с поздней фазой Вучедола. Однако это могли быть лишь частичные параллели, поскольку культура РЭ-II сходна вышеупомянутым балкано-паннонским культурам, которые относятся к поствучедольскому культурному кругу (Maran 1998: 7 ff., 427; 2007: 8 ff). Основываясь на радиоуглеродных датах из Великой Груды, Й. Маран в своих последних работах склоняется к вучедольской датировке черногорских курганов (см. Maran 2007: 8, par. 35, 36, Taf. 5). Археологический же материал позволяет, в лучшем случае, установить лишь временную параллель с концом вучедольской культуры. Учитывая эти элементы, столь древняя датировка черногорских «княжеских» курганов, установленная на основе радиоуглеродной хронологии, не подтверждается археологическим материалом. Более правильной представляется датировка этих погребений, а также люблянской культуры в целом, первой половиной III тыс. до н. э., а именно временем 2700 cal. BC. Более точное хронологическое определение, равно как и объяснение столь древних радиоуглеродных дат, требует дальнейшего археологического и абсолютно хронологического анализа, учитывая действие т. н. «резервуарного эффекта».

5. Выводы

Основными характеристиками кургана Груда Больевича и других черногорских «княжеских» курганов являются их монументальность и наличие богатых центральных захоронений, над которыми и были возведены эти насыпи. Этим рассматриваемые курганы выделяются в качестве особого феномена в своей культурной среде и интерпретируются как «княжеские» курганы, или курганы пра-

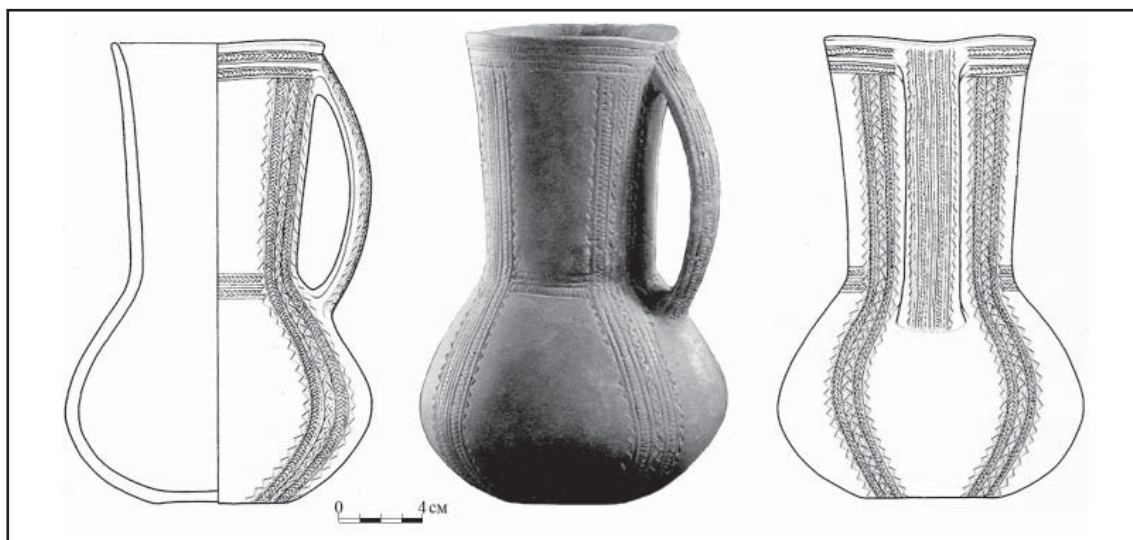

Рис. 11. Груда Больевича, вторая группа инвентаря: кувшин.

вителей» (Guštin 2006: 87 ff.; Baković 2010). В целом, функция данных погребальных сооружений соответствует основному назначению курганов как таковых в первобытном обществе. Они представляют собой место захоронения и памятник, посвященный персонам высокого ранга, а также символ «мировой горы», посредством которой земной мир смертных символически соприкасается с божественным небом (Govedarica 2010). Первоначальная функция курганов в качестве центрального места, которое связывает преемственного человека с его героизированными предками и соединяет недолговечность человеческого бытия с вечностью небесного мира, предстает в качестве фундаментального элемента появления первых подобных конструкций в причерноморских степях в V тыс. до н. э. (Govedarica 2010). В Адриатическом регионе курганные памятники появляются в III тыс. до н. э., причем черногорские кур-

ганы, наряду с курганами протоцетинской культуры, являются самыми древними на данной территории. Монументальность их насыпей и богатый инвентарь отражают развитие социальной дифференциации в обществах раннего бронзового века Адриатики и формирование определенной социальной элиты. Подобная концентрация престижных вещей отмечается лишь на территории современной Черногории. Значение этого феномена является многогранным, определяя ключевой характер региона в социальном и культурном развитии Адриатического побережья в период наступления нового культурно-исторического периода — раннего бронзового века. За этим следует появление т. н. «королевских» R-гробниц с острова Левка (рис. 1), которые связаны с черногорскими «княжескими» курганами не только с типологической, но и с более широкой культурной и исторической точки зрения.

Литература

- Ростунов В. Л. 2007. *Эпоха энеолита — средней бронзы Центрального Кавказа. III. Опыт реконструкции сакрального пространства ранних курганов Европы и Северного Кавказа*. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований.
- Baković M. 2010. The princely Tumulus Gruda Boljeviča, Podgorica, Montenegro. In: Müller Celka S. (ed.). *Ancestral Landscapes: Burial Mounds in the Copper and Bronze Ages*. International conference Udine 2008 (in press).
- Benac A. 1955. Nekoliko prahistorijskih nalaza sa područja Nikšića u Crnoj Gori. *Glasnik Sarajevo* (N. S.) 10, 85—90.
- Ciugudean H. 1991. Zur frühen Bronzezeit in Siebenbürgen im Lichte der Ausgrabungen von Ampoița, jud. Alba. *PZ* 66, 79—114.
- Govedarica B. 1989. *Rano bronzano doba na području istočnog Jadrana*. Sarajevo: Centar za balkanološka ispitivanja.
- Govedarica B. 2006. Finds of the Cetina-type in the western Balkan hinterland and the issue of culture-historical interpretation in the prehistoric archaeology. *VAPD Split* 99, 27—41.
- Govedarica B. 2010. Die sakrale Symbolik des Kreises: Gedanken zum verborgenen Sinnbild der Hügelbestattungen. In: Müller Celka S. (ed.). *Ancestral Landscapes: Burial Mounds in the Copper and Bronze Ages*. International conference Udine 2008 (in press).
- Guštin M. 2006. The First Rulers Between the Aegean and Adriatic Seas. In: Poklečki Stošić J. (ed.). *Symbol of God and King, The First European Rulers*.

№2. 2010

- Catalogue of the Exhibition. Zagreb, 87—99.
- Della Casa Ph. 1996. *Velika Gruda II. Die bronzezeitliche Nekropole Velika Gruda (Opš. Kotor, Montenegro)*. Bonn: Habelt.
- Maran J. 1989. *Kulturwandel auf dem griechischen Festland und den Kykladen im späten 3. Jahrtausend v. Chr. Studien zu den kulturellen Verhältnissen in Südosteuropa und dem zentralen sowie östlichen Mittelmeerraum in der späten Kupfer- und frühen Bronzezeit*. Bonn: Habelt.
- Maran J. 2007. Seaborne Contacts between the Aegean, the Balkans and the Central mediterranean in the 3rd Millenium BC: The Unfolding of the Mediterranean World. In: Galanaki I., Tomas H., Galanakis Y., Laffineur R. (eds). *Between the Aegean and Baltic Seas: Prehistory across Borders*. Proceedings of the International Conference “Bronze and Early Iron Age Interconnections and Contemporary Developments between the Aegean and the Regions of the Balkan Peninsula, Central and Northern Europe”. University of Zagreb, 11—14 April 2005. *Aegaeum* 27, 3—21.
- Parović-Pešikan M., Tribuhović V. 1971. Iskopavanja tumularnog bronzanog doba u Tivatskom polju. *Starinar* (N. S.) 22 (1971), 129—141.
- Primas M. 1996. *Velika Gruda I. Hügelgräber des frühen 3. Jahrtausends v. Chr. im Adriagebiet — Velika Gruda, Mala Gruda und ihr Kontext*. Bonn: Habelt.
- Saveljić-Bulatović L., Lutovac P. 2003. *Zlatno doba Crne Gore*. Podgorica: JU Muzeji i galerije.

Статья поступила в номер 11 января 2010 г.

Mile Baković (Podgorica, Montenegro). Archaeological Research Center of Montenegro, Podgorica.

Mile Baković (Podgorița, Muntenegru). Centrul de cercetări în arheologie din Muntenegru, Podgorița.

Миле Бакович (Подгорица, Черногория). Центр археологических исследований Черногории, Подгорица.

E-mail: milebakovici@yahoo.com

Blagoje Govedarica (Berlin, Germany). Professor. German Archaeological Institute.

Blagoje Govedarica (Berlin, Germania). Profesor. Institutul de arheologie a Germaniei.

Благое Говедарица (Берлин, Германия). Профессор. Немецкий археологический институт.

E-mail: bgo@eurasiens.dainst.de

Д. А. Топал, С. В. Церна

Позднетрипольский могильник и поселения у с. Кунича (Флорештский р-н, Республика Молдова)¹

D. A. Topal, S. V. Țerna.

A Cemetery and Settlements of the Late Tripolye Culture near the Village of Cunicea (Florești District, Republic of Moldova).

The article brings into account the material from a late-Tripolye cemetery and some settlements, recently discovered in the surroundings of Cunicea village, Florești district, Republic of Moldova. The preliminary analysis of grave-goods from the two investigated burials shows that the cemetery can be dated with the Chirileni phase, which is an intermediary stage between late-Tripolye Vyhvatinczy and Hordinești sites, characteristic for the forest-steppe zone between Prut and Nistru. Up to date, this is the first publication of a Chirileni cemetery in the region. At the same time, analogies for some ornamental elements from Cunicea are to be found in tumuli complexes, which are situated quite far to the east, in the North Pontic steppe zone. If further investigations substantiate our cultural and chronological interpretation of the cemetery, this could provide important data for a chronological reevaluation of some phenomena, bound with the distribution of Hordinești pottery in the steppe zone. It is also worth mentioning that a ceramic agglomeration (pit?) containing earlier pottery of Vyhvatinczy type was located in the same quarry where the burials were discovered. Solving this situation, namely the determination of the stratigraphical relationship between the burials and the agglomeration could serve to a better understanding of the region's final Eneolithic micro-chronology. Numerous questions raised by the material from the burials, as well as the cemetery's good state of preservation, provide strong reasons for the necessity of stationary archaeological excavations of the complex.

D. A. Topal, S. V. Țerna.

O necropolă și așezări din etapa tardivă a culturii Cucuteni-Tripolie de longă s. Cunicea (raionul Florești, Republica Moldova).

În articol sunt prezentate materialele, ce provin dintr-o necropolă și de pe câteva așezări noi din faza tardivă a culturii Cucuteni-Tripolie, recent descoperite în împrejurimile satului Cunicea, r-n. Florești, Republica Moldova. Analiza preliminară a inventarului din cele două complexe funerare investigate a arătat, că necropola poate fi atribuită fazei Chirileni, intermediare între grupele Vîhvatînți și Hordinești, ce sunt caracteristice pentru Tripolianul tîrziu din silvostepa Pruto-Nistreană. La moment, este prima necropolă de tip Chirileni, publicată în spațiul respectiv. În același timp, analogii unor forme de decor ale vaselor din Cunicea se găsesc în complexe tumulare, aflate departe spre est în regiunile de stepă din spațiul Nord-pontic. În cazul, dacă investigațiile ulterioare vor demonstra veridicitatea atribuirii cultural-cronologice a necropolei, acest fapt va furniza date importante pentru reevaluarea cronologică a unor fenomene, ce țin de răspîndirea ceramicii de tip Hordinești în zona de stepă. Menționăm și faptul, că în cariera unde a fost descoperită necropola a fost cercetată și o aglomerare de ceramică (groapă?) de tip Vîhvatînți, aparent mai timpurie decît inventarul celor două morminte. Clarificarea acestei situații, anume a relației stratigrafice dintre morminte și aglomerare, ar putea duce la o mai bună înțelegere a microcronologiei eneoliticului final din regiune. Multiplele întrebări, provocate de materialul din necropolă, cît și starea bună de păstrare a ei, argumentează necesitatea efectuării unor investigații arheologice staționare în Cunicea.

Д. А. Топал, С. В. Церна.

Позднетрипольский могильник и поселения у с. Кунича (Флорештский р-н, Республика Молдова).

Данная статья посвящена публикации материалов, происходящих из недавно обнаруженных могильника и нескольких поселений позднего Триполья в окрестностях села Кунича (р-н Флорешть, Республика Молдова). Предварительный анализ инвентаря из двух исследованных захоронений показал, что могильник может быть отнесен

¹ Авторы статьи выражают искреннюю благодарность жителям с. Кунича С. В. Придорожнову, П. И. Лепилу и Н. П. Сержникову за информацию и помощь в ходе полевого исследования позднетрипольских памятников из окрестностей Куничи. Публикация данного материала во многом стала возможной благодаря их неподдельному интересу к археологическому прошлому родного села.

к фазе Кирилень, промежуточной между характерными для позднего Триполья лесостепи Пруто-Днестровского региона выхватинскими и гординештскими памятниками. На сегодняшний день это первая публикация могильника кириленского типа в данном регионе. В то же время, аналогии некоторым видам орнамента сосудов из Куничи известны в курганных комплексах, расположенных далеко к востоку, в степях Северного Причерноморья. В том случае, если будущие исследования подтвердят предложенную здесь культурно-хронологическую атрибуцию могильника, это сможет послужить источником важных данных для хронологического пересмотра некоторых феноменов, связанных с распространением гординештской керамики в степной зоне. Отметим также, что в карьере, где был обнаружен могильник, удалось исследовать и скопление керамики (яму?) выхватинского облика — очевидно, более ранней, чем инвентарь двух выявленных погребений. Разрешение данной ситуации, а именно, определение стратиграфического соотношения скопления и захоронений, может послужить лучшему пониманию микрохронологии финального энеолита региона. Многочисленные вопросы, поставленные материалом могильника, равно как и его хорошая сохранность, диктуют необходимость проведения стационарных археологических исследований в Куниче.

Keywords: Cunicea, final Eneolithic, late Tripolye, cemetery, Chirileni type, Hordinești type.

Cuvinte cheie: Cunicea, eneolitic final, Tripolie târziu, necropolă, tipul Chirileni, tipul Hordinești.

Ключевые слова: Кунича, финальный энеолит, позднее Триполье, могильник, кириленский тип, гординештский тип.

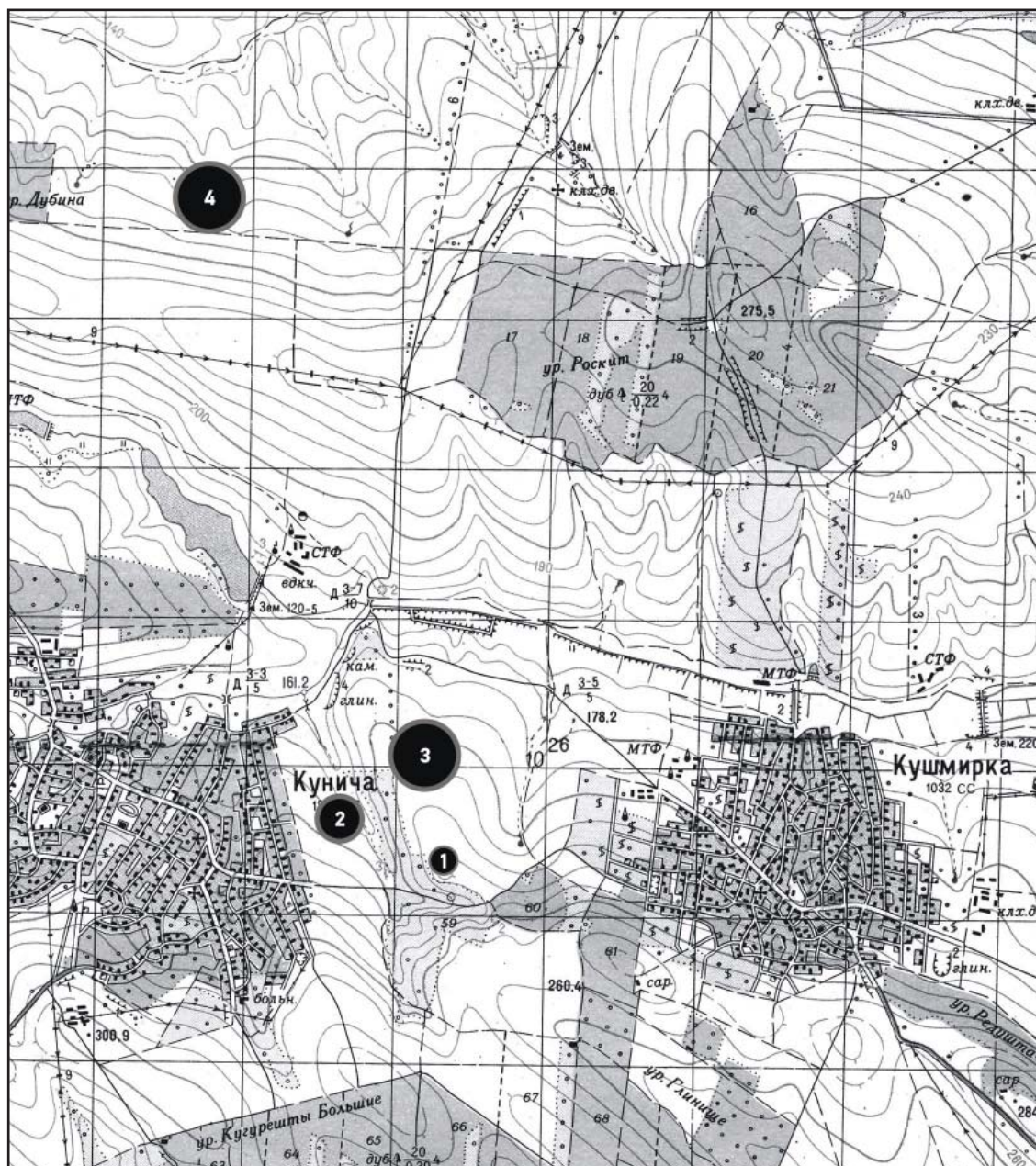
Весьма однородная на раннем этапе своего существования культура Кукутень-Триполье прошла в ходе своей эволюции сложный процесс дифференциации, выразившейся в возникновении обособленных локальных групп. Начавшийся еще на этапе Кукутень А-Триполье В I (Цвек 2004), этот феномен достиг своего апогея на финальных фазах существования культуры, когда некогда достаточно гомогенная общность предстает в виде конгломерата относительно самостоятельных структурных единиц, занимавших обширные лесостепные и отчасти степные области на огромной территории от восточных отрогов Карпат до бассейна Днестра (Дергачев 1980). Именно позднее Триполье характеризуется присутствием большого количества региональных культурных групп, в которых значительно видоизменились либо исчезли основные трипольские элементы, присущие более ранним этапам.

В настоящий момент выделено не менее девяти разнотипных групп позднетрипольских памятников. В Пруто-Днестровском регионе, а также в степях Северо-Западного Причерноморья, позднее Триполье представлено двумя региональными подразделениями: характерными для степной и отчасти лесостепной части Пруто-Днестровского междуречья памятниками выхватинского и усатовского типов, с одной стороны, и преимущественно лесостепные памятники бронзенского и гординештского типов — с другой (Дергачев 1980). Сюда же следует отнести выделенные позже памятники типа Кирилень, которые являются промежуточными между выхватинскими и гординештскими комплексами (Бикбаев 1994). Остальные локальные группы (трояновская, городская, лукашевская, софиевская и серезлиевская) занимали про-

странства к востоку от Пруто-Днестровского региона (Круц 1993), маркируя процесс эволюции культуры в Буго-Днестровском междуречье, Вольни и Поднепровье.

Наряду с основными элементами материальной культуры, процесс дифференциации кукутень-трипольской исторической общности отразился и на такой специфической сфере, как погребальный обряд. В то время как для раннего и среднего Триполья нам известны одни интрамуральные погребения (Авилова 1986; Мовша 1960; Вем 2007: 199 ff.), в позднем Триполье появляются и развиваются новые погребальные памятники, а именно экстрамуральные грунтовые и курганные могильники с трупоположениями, а в отдельных случаях — и с кремациями. Экстрамуральные грунтовые могильники с ингумациями характерны для выхватинской и гординештской групп лесостепной зоны в Пруто-Днестровском междуречье (Дергачев 1978; Ларина 2003). Кремации, совершенные в грунтовых могильниках, известны в софиевской группе, расположенной в лесостепи Среднего Поднепровья (Videiko 1995). Наконец, в степной зоне Северо-Западного Причерноморья преобладают подкурганные трупоположения (усатовская группа — Петренко 1989). Следует отметить, что отдельные курганы с гординештскими материалами присутствуют в лесостепи и степи Пруто-Днестровской зоны, а для усатовской группы известны и немногочисленные грунтовые могильники.

Столь пестрая картина еще более усложняется при детальном рассмотрении развития погребального обряда лесостепных позднетрипольских групп Верхнего и Среднего Поднепровья, Верхнего и Среднего Поднепровья и Побужья, которые представлены памятни-

Рис. 1. Позднетрипольские памятники у с. Кунича. 1 — могильник Кунича — Пришанская гора, 2 — поселение Кунича — Савостьянова долина, 3 — поселение Кунича — Северный склон Пришанской горы, 4 — поселение Кунича — у Вороньего леса.

ками выхватинского, бронзенского и гординештского типов, а также промежуточными памятниками типа Кирилень (Бикбаев 1993; Дергачев 1980; Захарук 1971; Маркевич 1981; Мовша 1985; Manzura 1994; Dumitroaia 2000). Для каждой из этих групп характерны свои особенности погребального обряда. Погребения бронзенской группы до сих пор не обнаружены, и вполне вероятно, что ее обряд захоронения аналогичен практиковавшемуся на раннем и среднем этапах культуры, т. е. тому, который остается неизвестным археологам. Выхватинская группа представлена грунтовыми экстрамуральными могильни-

ками с труположениями. Наибольшую вариативность представляет собой погребальный обряд гординештской группы — для нее известны как интрамуральные захоронения, так и экстрамуральные одиночные грунтовые и курганные погребения, а также грунтовые могильники (Ларина 2003). Следует отметить, что из упомянутых обрядовых форм захоронения грунтовые могильники гординештской группы являются наименее изученной категорией.

Описанная выше ситуация порождает многочисленные исследовательские проблемы. Прежде всего, остается неразрешенным во-

прос о генезисе экстрамурального погребального обряда у трипольских племен. Непонятны механизмы его эволюции в среде различных обособленных культурных групп. Интересна также проблема столь высокой вариативности обряда захоронения у носителей гординештских традиций. Наконец, невыясненными остаются аспекты распространения в курганных комплексах степной зоны отдельных позднетрипольских, прежде всего гординештских элементов.

Поставленные выше проблемы уже освещались в работах различных исследователей (Мовша 1984; Манзура 1990; Ларина 2003). Тем не менее, введение в научный оборот новых материалов всегда способно пролить дополнительный свет на данные дискуссионные вопросы. Публикации нового позднетрипольского могильника, а также нескольких поселений, обнаруженных в окрестностях с. Кунича Флорештского района (рис. 2: 1), и посвящена данная статья.

Могильник Кунича — Пришанская гора

Следы могильника удалось обнаружить в 2007 г. в карьере, вырытом пятью годами ранее местным кладоискателем и до сих пор используемом местными крестьянами для добычи глины. История его появления подробно описана в краеведческой литературе (Придорожнов 2007: 175—180). Карьер (рис. 1) располагается в 1,3 км к востоку от с. Кунича (47°54'15 N, 28°40'27 E), в урочище «Пришанская гора». В настоящее время он представляет собой удлиненный котлован неправильной формы, вытянутый по линии запад-восток, длиной 300—350 м, шириной 2—2,5 м в западной части и 8—10 м в восточной. Глубина карьера варьирует между 1,5 м (на западе) и 2,5—3 м (на востоке). Погребение (получившее номер 1-2007) было обнаружено примерно в середине карьера, в его северной стенке. Исследованиями стенок и дна карьера в 2009 году удалось обнаружить еще одно захоронение, скопление керамики (яму?), а также отдельные черепки и разбросанные человеческие кости в восточной части котлована, происходящие, по-видимому, из разрушенного захоронения.

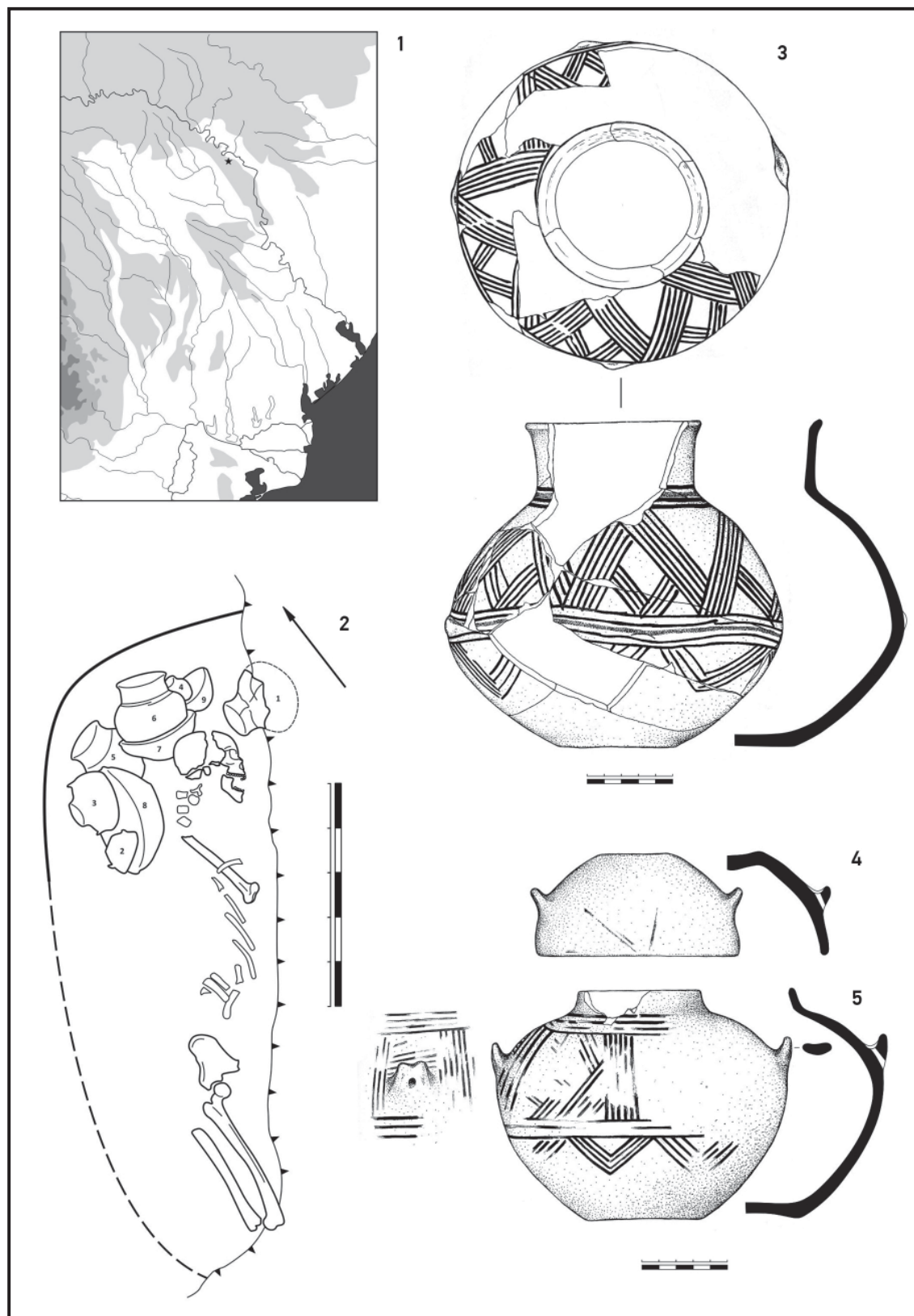
Погребение 1-2007

Погребение было обнаружено в северной стенке карьера, на глубине 0,7—0,8 м от уровня современной дневной поверхности по фрагментам расписного сосуда, человеческому черепу и фрагментам ребер. В результате исследования стало возможным проследить лишь северный край погребальной ямы, по всей видимости, вытянутой подовальной формы (рис. 2: 2). Сильно разрушенный костяк взрослого мужчины (25—35 лет) лежал на левом боку по линии ЮЗ-СВ (головой ориентирован на СВ), ноги согнуты в коленях. К востоку от черепа располагался развал расписного сосуда (№ 1), большая часть фрагментов которого была обнаружена в осыпи на дне карьера. В се-

верной части погребальной ямы, за черепом погребенного, располагалась группа из восьми сосудов. Так, в миске большого диаметра (№ 8) была обнаружена шаровидная амфора (№ 2) и полусферическая крышка (№ 3), снабженные ручками. Далее, к северу от этой группы, находился развал сосуда с высоким цилиндрическим горлом, орнаментированного шнуром и штампом (№ 5). За черепом погребенного, в миске (№ 7), был уложен орнаментированный шнуром и штампом сосуд (№ 6). Практически под ним был обнаружен миниатюрный сосудик (№ 4) в миске (№ 9).

Описание находок

1. Светлоглиняная расписная амфора (рис. 2: 3) с высоким цилиндрическим горлом и двухчастным яйцевидным туловом. Украшена бихромным орнаментом (оранжево-красный и темно-коричневый цвета). Роспись составляют два орнаментальных пояса, разделенные лентами из четырех горизонтальных линий, из которых одна красная, остальные темно-коричневые. Верхний орнаментальный пояс начинается в месте перехода горловины к тулову и состоит из больших и малых геометрических лент в 6 и 4 полосы. Нижний состоит из треугольников, также составленных из четырех полос. Кроме этого, сосуд украшен четырьмя полукруглыми налестками. Поверхность амфоры светло-желтого цвета (ангобирована), местами бутристая. Тесто однородное, хорошо отмучено, практически без примесей, с редкими включениями толченой ракушки. Черепок в изломе светло-серый, ближе к поверхности красноватый. Роспись хорошо сохранилась благодаря качественному обжигу и ангобу. Дно плоское, венчик слегка выступает наружу и подгранен. Высота — 19 см, диаметр венчика — 10 см, высота горловины — 4 см, диаметр сосуда в месте наибольшего расширения — 19,5 см, диаметр днища — 6,5 см.

Рис. 2. 1 — местонахождение памятника, 2—5 — могильник Кунича — Пришанская гора. Погребение 1-2007 (начало).

2. Светлоглиняная двуручная шаровидная амфора (рис. 2: 5) — приземистая, с уплощенными плечиками и низкой горловиной. Роспись сохранилась плохо и просматривается в основном в местах, покрытых известковым налетом.

Тем не менее, видно, что орнаментальная схема в общих чертах повторяет роспись сосуда № 1. Она также состоит из двух орнаментальных поясов и также украшена геометрическими лентами из нескольких параллельных

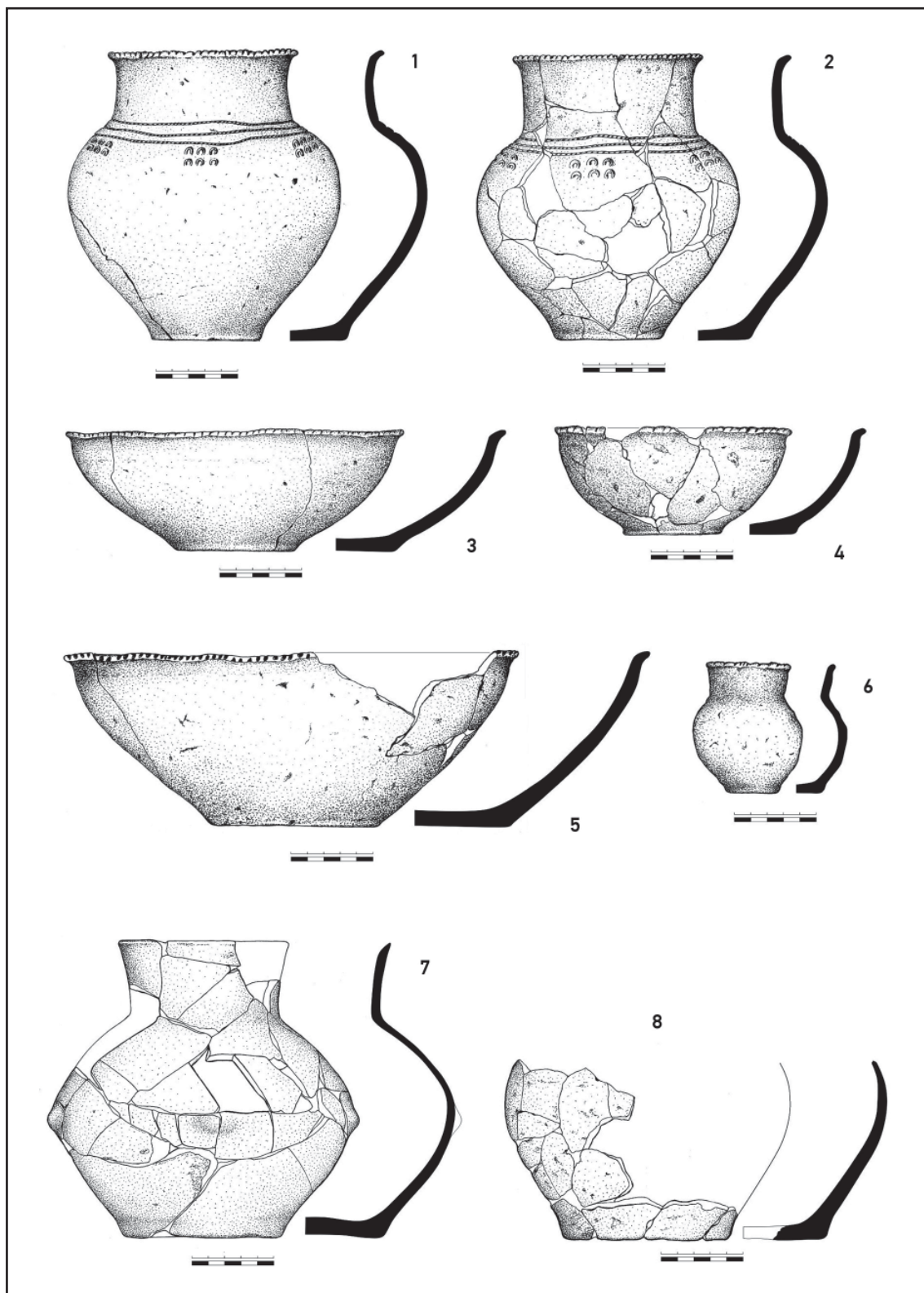

Рис. 3. Могильник Нунича — Пришанская гора. 1—6 — погребение 1-2007 (продолжение). 7—8 — погребение 2-2009.

полос. Кроме этого, нижняя часть сосуда также украшена треугольниками. Поверхность красноватая, покрыта микротрещинами, мажется. Тесто хорошо отмучено, однородное, с редкими включениями толченой ракушки, слюды и мелкого шамота. По бокам амфо-

ры располагаются две ручки, обращенные вверх выступами-рожками и снабженные отверстиями диаметром в 2—3 мм. Дно слегка вогнутое, горловина слегка сужается кверху. Высота амфоры — 13,5 см, диаметр венчика — 7 см, высота горловины — 1,2 см, мак-

№2. 2010

симальный диаметр сосуда — 17 см, диаметр дна — 6,5 см.

3. Полусферическая крышка (рис. 2: 4), изготовлена в той же манере, что и амфора. Дно слегка вогнутое, ручки расположены ближе к середине, присутствуют отверстия диаметром в 4—5 мм. Роспись не сохранилась, однако следы краски все же заметны, хотя реконструировать роспись не представляется возможным. Внутренняя поверхность крышки покрыта охрой. Высота крышки — 6 см, диаметр венчика — 11,5 см, диаметр дна — 4 см.

4. Миниатюрный сосудик (рис. 3: 6) также был обнаружен в миске (№ 9). Поверхность грубая, бугристая, заглажена пучком травы. Обжиг неравномерный, цвет поверхности варьирует от светло-серого до насыщенного красного. Черепок в изломе черный, тесто с растительными примесями, дресвой, ракушкой и крупным шамотом. Дно плоское, венчик орнаментирован небольшими вдавлениями. Высота — 8 см, диаметр венчика — 5 см, высота горловины — 2 см, максимальный диаметр — 6,5 см, диаметр дна — 3 см.

5. Горшок (рис. 3: 2) с высоким цилиндрическим горлом и расширяющимся в верхней трети туловом. Венчик отогнут наружу и украшен валиком с вдавлениями. Дно плоское, с отпечатками параллельных бороздок. Переход от горловины к тулову украшен тремя полосами шнурового орнамента. Ниже шнура, на плечиках, сосуд орнаментирован шестью группами подковообразного штампа (2 ряда по 3 элемента). Обжиг неравномерный, цвет поверхности варьирует от темно-серого до красновато-коричневого, пятнами. Черепок в изломе черный, состав теста: растительные примеси, крупный шамот, ракушка, дресва. На дне видны отпечатки рогожки в виде параллельных бороздок 5—6 мм, отстоящих друг от друга на расстоянии 2—3 мм. Высота — 17,5 см, диаметр венчика — 11,5 см, высота горловины — 5 см, наибольший диаметр сосуда — 16 см, диаметр дна — 6,5 см.

6. Практически идентичный предыдущему по морфологии горшок (рис. 3: 1) с высоким цилиндрическим горлом был обнаружен в миске (№ 7). Однако сохранность его намного лучше. Обжиг неравномерный, поверхность пятнистая, цвет тяготеет к терракотовому. Тесто по составу схоже с тестом сосуда № 5: также присутствуют растительные примеси, крупный шамот, ракушка и дресва. В изломе черепок черный. Орнамент также идентичен орнаменту сосуда № 5: сочетание шнура с подковообразным штампом. На дне видны четкие

и довольно глубокие отпечатки параллельных волокон (рогожки), представляющих собой бороздки шириной 4—5 мм на расстоянии друг от друга в среднем до 3 мм. Высота — 18 см, диаметр венчика — 12 см, высота горловины — 4,5 см, наибольший диаметр — 17 см, диаметр дна — 7 см.

7. Миска с отогнутым наружу, слегка подгранным и украшенным вдавлениями венчиком (рис. 3: 3). Поверхность сосуда хорошо заглажена, частично подлощена. Обжиг неравномерный, поверхность пятнистая, цвет внешней поверхности от красновато-коричневого до темно-серого, внутренней — в основном от светло-коричневого до светло-серого. В тесте отмечено наличие крупного шамота, ракушки и дресвы. Высота — 7 см, диаметр венчика — 20,5 см, диаметр дна — 7 см.

8. Миска большого диаметра (рис. 3: 5). Венчик украшен вдавлениями по краю и отогнут наружу. Поверхность грубая, обжиг неравномерный, поверхность пятнистая, цвет внешней поверхности — от ярко-красного до темно-серого, внутренней — от светло-коричневого до серого. Черепок в изломе темно-серый. Тесто по составу сходно с тестом миски № 7: крупный шамот, толченая ракушка и дресва. Высота миски — 10,5 см, диаметр венчика — 27,5 см, диаметр дна — 10 см.

9. Небольшая миска (рис. 3: 4). Поверхность грубая, слабо заглаженная. Венчик украшен валиком с косыми вдавлениями. Дно плоское, профилированное. В тесте очень крупный шамот, ракушка и дресва. Цвет внешней поверхности варьирует от светло-красного до темно-серого и черного. Высота — 6,5 см, диаметр венчика 14,5 см, диаметр дна — 6 см.

Погребение 2-2009

В 2009 г. при повторном осмотре карьера в западной его части была найдена нижняя часть сосуда из мелкоструктурной глины, по всей видимости, выпавшая из заполнения при добыче глины. При доследовании были обнаружены и остальные фрагменты сосуда в виде развала в плотном глинистом заполнении. Впоследствии сосуд был восстановлен, представляя собой археологически целую форму. Рядом, в 20—30 см от первого, лежал еще один развал сосуда крайне плохой сохранности. В том же заполнении были найдены фрагменты костей, которые с определенной долей уверенности можно определить как человеческие. Таким образом, с полной вероят-

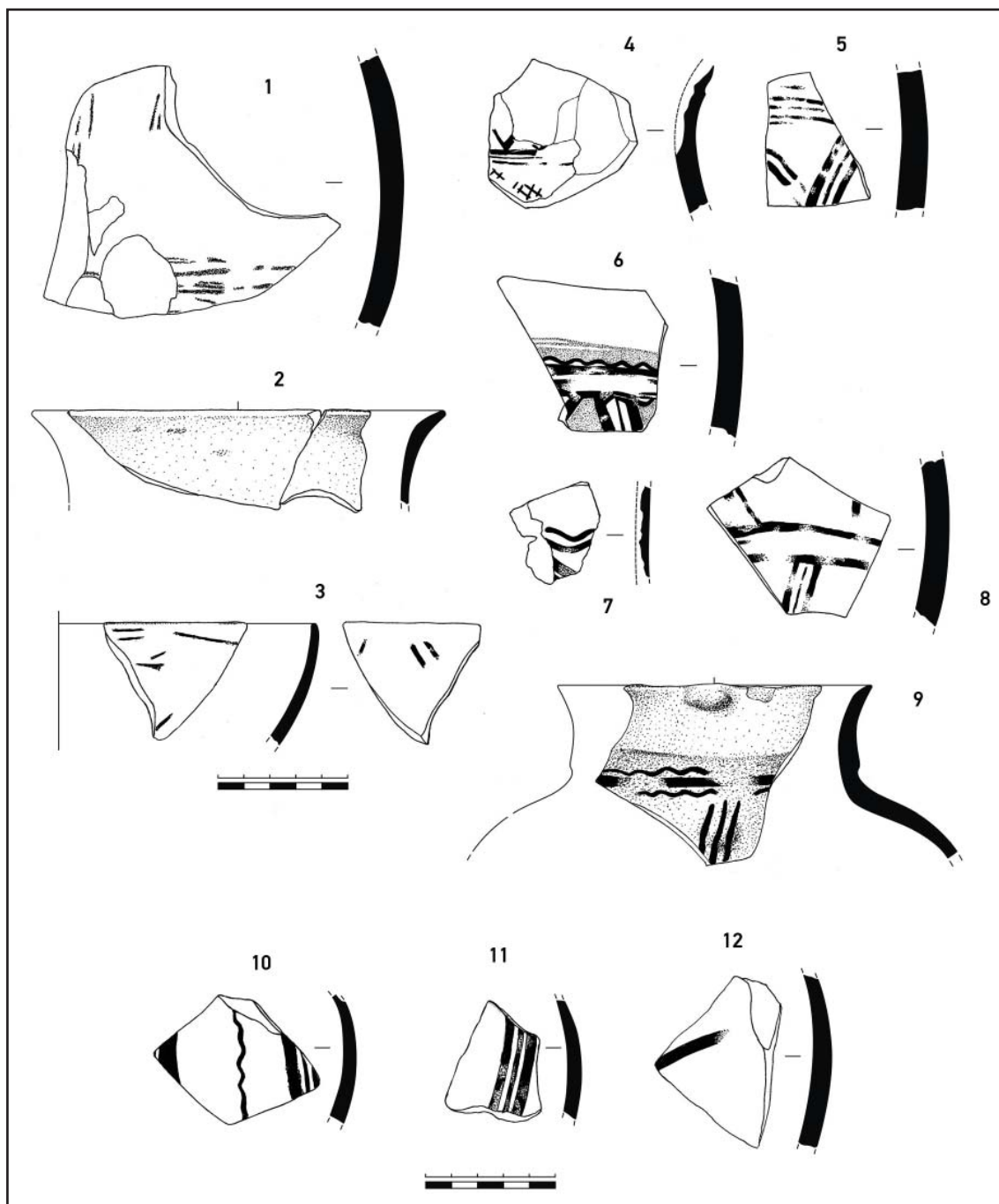

Рис. 4. 1—9 — могильник Кунича - Пришанская гора. Керамика из скопления. 10—12 — подъемный материал с поверхности поселения Кунича - северный склон Пришанской горы.

ностью можно считать данный комплекс разрушенным погребением.

Описание находок:

1. Светлоглиняная амфора из мелкоструктурной глины с высоким цилиндрическим горлом и хорошо выраженным двухчастным туловом (рис. 3: 7). Четко оформлен переход от днища к тулову. Венчик немного отогнут наружу, сужается кверху. В центральной части тулова, в месте наибольшего расширения, сосуд украшен четырьмя полукруглыми

налепами. На дне сохранились отпечатки волокон (рогожки), отстоящих друг от друга на 3—4 мм, при ширине волокна 5—6 мм. Цвет поверхности (как внутренней, так и внешней) варьирует от оранжевого до светло-красного. Сосуд покрыт ангобом (местами серого цвета). Тесто однородное, в составе присутствует шамот, ракушка. Черепок в изломе от светло-оранжевого до серого цвета. Высота сосуда — 18 см, диаметр венчика — 10,5 см, высота горловины — 4,5 см, диаметр сосуда в месте наибольшего расширения 18,5 см, диаметр дна — 9,5 см.

№2. 2010

2. Округлотельный сосуд (рис. 3: 8). Развал этого сосуда состоял из гораздо меньшего количества фрагментов. Тем не менее, удалось восстановить форму от дна до места наибольшего расширения тулова и установить диаметр днища. Поверхность пятнистая, обжиг неравномерный, цвет варьирует от серого до коричневого, местами оранжевый. Сохранность сосуда плохая, черепок крохкий, в изломе черный. В тесте крупный шамот. Высота сохранившейся части — 10—11 см, диаметр дна — 10 см. Диаметр сосуда в месте наибольшего расширения тулова предположительно 17—17,5 см.

Скопление керамики

Кроме того, в 50 м от предполагаемого захоронения, на противоположной стороне карьера, было обнаружено скопление керамики и костей животных, которое, вероятно, относится к хозяйственной яме. Скопление состояло из 30 фрагментов грубой (кухонной) керамики и 18 фрагментов из мелкоструктурной глины (из них 8 с остатками росписи — рис. 4: 1—8) и 5 фрагментированных костей животных. Неподалеку от скопления, на расстоянии около метра, на той же глубине, были обнаружены еще несколько фрагментов керамики (рис. 4: 9), которые также можно отнести к этому слою.

Кухонная керамика тонкостенная (толщина стенок не превышает 7 мм, встречаются также фрагменты толщиной до 4 мм). Обжиг неравномерный, поверхность практически не обработана, исключение составляет небольшой фрагмент дна с заглаженной поверхностью. Цвет поверхности варьирует от темно-серого до светло-коричневого и светло-оранжевого. В целом, по составу теста керамика довольно однородная. Ее отличает обилие толченой ракушки, иногда в крупных фрагментах, а также полное отсутствие шамота, что, безусловно, отличает ее от кухонной керамики из открытых погребений. Черепок, как правило, рыхлый и в изломе темно-серого или коричневого цвета.

Что касается столовой керамики, она демонстрирует большее разнообразие как по обработке поверхности, так и по орнаментальным мотивам. Она отличается хорошим обжигом и хорошо отмученным тестом практически без неорганических примесей, у четырех фрагментов в составе теста есть мелкий шамот и слюда. Поверхность, в основном, светло-серо-желтая или оранжевая, на пяти фрагментах видны следы ангоба. В изломе черепок светло-желтый, иногда светло-серый. Некоторые фрагменты обнаруживают

следы вторичного обжига, а один серьезно пострадал в результате воздействия высокой температуры (поверхность приобрела серый цвет и местами вздулась). Сохранившаяся роспись, как правило, является монохромной — темно-коричневой — исключение составляет фрагмент с бихромной (черной с красным — рис. 4: 9) и с красной (рис. 4: 1) росписью. Элементы декора представлены лентами из трех широких полос с тонкой «медианой» (рис. 4: 4—8), волнистыми линиями (рис. 4: 6,7,9) и «сеточкой» (рис. 4: 4).

Общая протяженность могильника. Непосредственно к югу от карьера находится резкий склон, поэтому маловероятно, что некрополь мог простирается дальше в южном направлении. Что касается севера, то сразу за карьером начинается поле, на котором проводилась неглубокая вспашка, что исключает возможность обнаружения каких-то четких видимых границ памятника. Тем не менее, было констатировано, что разрозненные позднетрипольские черепки попадают на протяжении не менее 30—40 м от карьера. Очевидно, площадь могильника должна быть не меньше этих размеров и составляет, в таком случае, не менее 1200—1500 кв. м. Если предположить, что захоронения занимают с запада на восток всю поверхность холма, то площадь памятника может приближаться к 2000—3000 кв. м.

Поселение Кунича — северный склон Пришанской горы

Поселение было выявлено по скоплениям обмазки, а также находкам посуды позднетрипольского облика. Оно находится к северу от могильника, на расстоянии 700—800 м, на пологом склоне (рис. 1). Площадь поселения распаивается. Размеры памятника — около 300×400 м. Поднятые фрагменты столовой и кухонной керамики в основном, невыразительны, орнамент сохранился на трех фрагментах (рис. 4: 10—12).

Поселение Кунича — у Вороньего леса

Поселение находится в 3 км севернее с. Кунича, в 1 км восточнее дороги Кунича-Каменка, на поле, примыкая к урочищу «Вороний лес» (рис. 1). Площадь поселения составляет примерно 550×400 м, южная его часть засажена плодовыми деревьями. По поселению проходит земляная дорога. Также на территории памятника находятся два неглубоких

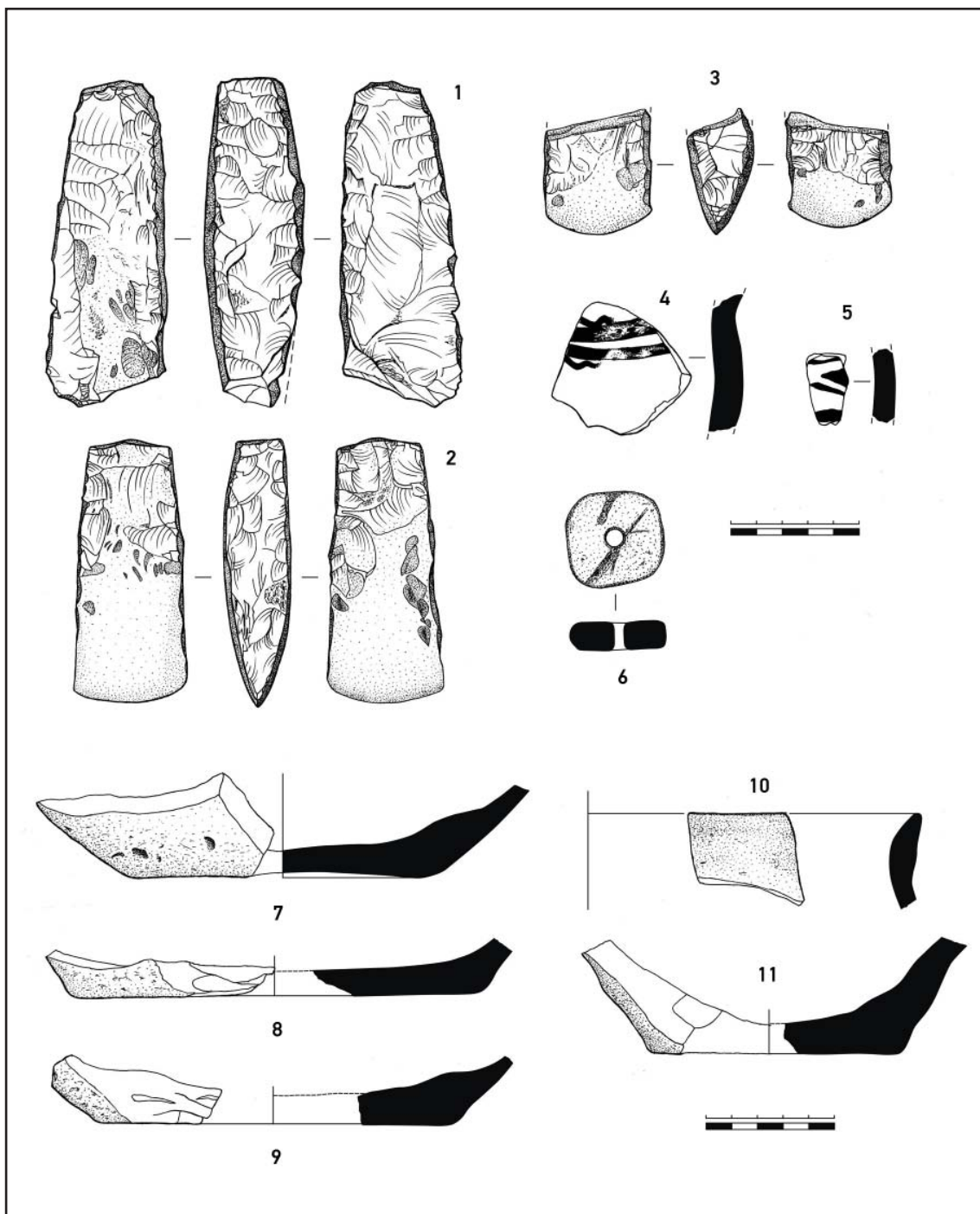

Рис. 5. 1—6 — материалы с поселения Кунича — у Вороньего леса, 7—11 — материалы с поселения Кунича — Савостьянова долина.

оврага, в одном из которых издавна существует источник. На данный момент площадь поселения задернована и количество поднятого керамического материала незначительно, однако, по свидетельству местных жителей, раньше в пахоте встречалось огромное количество обмозки и фрагментов сосудов. Лишь на поверхности земляной дороги удалось проследить четкое скопление, площадью не менее 5×3 м, состоящее из обмозки и небольших

фрагментов посуды. Очевидно, это остатки жилища.

Материал, собранный с поверхности памятника, состоит из керамики и орудий труда из кремня и глины.

Керамика. Как указывалось выше, территория поселения задернована, поэтому количество собранных фрагментов керамики невелико. Всего удалось собрать около двадцати черепков небольших размеров, два из которых

№2. 2010

носят следы орнамента. На остальных орнамент, очевидно, не сохранился. Все черепки происходят от стенок сосудов. Большинство фрагментов красноватого (иногда – желтоватого) цвета, изготовлены из хорошо отмученной, без видимых примесей, глины, поверхность заглажена, обжиг хороший. Один фрагмент принадлежит к сосуду типа Кукутень С, изготовлен из теста с примесью ракушки, два других содержат шамот. Сохранившаяся на двух фрагментах роспись (рис. 5: 4-5) представляет собой геометрические фигуры, нанесенные коричневой краской на желтый (красноватый) фон. На одном фрагменте заметна композиция из двух широких параллельных горизонтальных линий, по краям которых находятся более тонкие горизонтальные волнистые линии. В росписи второго фрагмента угадывается орнамент из горизонтальных и диагональных линий, а также контуры треугольной (?) фигуры.

Орудия труда. Орудия труда представлены изделиями из кремня и глиняным пряслищем.

Изделия из кремня. К данной категории относятся четыре предмета:

1. Кремневый топор (рис. 5: 2). Целый, изготовлен из серого с белыми вкраплениями непрозрачного днестровского кремня. Изделие клиновидного типа, с широким обухом и тщательно отшлифованной режущей частью. Размеры орудия: длина — 100 мм, ширина обуха — 34 мм, ширина колющей части — 44 мм, толщина в средней части — 28 мм.

2. Кремневый топор (рис. 5: 1). Фрагментирован (отсутствует режущая часть, также заметны глубокие поздние сколы в середине поверхности изделия), степень сохранности — около 80%. Клиновидного типа, с широким обухом. Слегка асимметричен. Размеры орудия: длина сохранившейся части — 122 мм, ширина обуха — 28 мм, ширина в средней части — 43 мм, толщина в средней части — 33 мм.

3. Кремневый топор (рис. 5: 3). Фрагментирован (представлен сохранившейся режущей частью), степень сохранности — около 20%. Очевидно, изделие аналогично первым двум и обладало клиновидной формой с плоским и широким обухом. Размеры орудия: длина (сохранившейся части) — 44 мм, ширина режущей части — 40 мм, максимальная толщина — 25 мм.

4. Кремневый отщеп из темно-серого с белесыми вкраплениями кремня, часть покрыта коркой.

Другие находки из кремня. Данная категория представлена двумя фрагментами кремневых желваков, покрытых коркой, на одном из которых (массивном, весом в 200—300 гр.)

отчетливо видны следы сколов, произведенных отбойником. Заслуживает внимания тот факт, что данный желвак представляет собой конкрецию черного, без вкраплений, непрозрачного вольнского кремня.

Изделия из глины. К данной категории относится одно глиняное пряслище (рис. 5: 6). Изделие плоское, подтрапециевидной, почти квадратной формы, с округленными углами, перфорированно в центре. Ребра изделия также подкруглены и заглажены. Изготовлено из хорошо отмученного теста с примесью слюды. Размеры: ширина — 38—40 мм, толщина — 11 мм, диаметр отверстия — 7 мм.

Датировка поселения. Очевидно, обнаруженное поселение относится к позднему этапу Кукутень-Триполья. К сожалению, как уже указывалось, количество орнаментированных фрагментов керамики крайне невелико, что затрудняет четкую датировку материала. Тем не менее, судя по имеющимся в распоряжении декорированным черепкам, а именно, по сочетанию тонких волнистых и широких прямых горизонтальных линий, поселение может быть датировано выхватинским временем (Дергачев 1980: рис. 22; Маркевич 1981: рис. 89).

Поселение Кунича — Савостьянова Долина

Поселение находится в 200 м к востоку от с. Кунича, в урочище «Савостьянова Долина», на распаханном поле. Площадь памятника составляет около 300×500 м. На поверхности отчетливо видны скопления обмазки. Всего было собрано 25 фрагментов керамики, а также две фрагментированные зернотерки. Все обнаруженные керамические черепки относятся к разряду столовой посуды и выполнены из мелкоструктурной глины. Тесто однородное, хорошо отмученное, с растительными примесями, тонким шамотом и слюдой. Цвет поверхности красновато-оранжевый и серовато-желтый, местами розоватый. Роспись не сохранилась. Из собранного материала отметим фрагмент округлотелого горшка (?) с отогнутым, слегка закругленным и утолщенным венчиком (рис. 5: 10), а также четыре фрагмента днищ, одно из которых слегка вогнутое, а три — выделены (рис. 5: 7—9, 11). К сожалению, точная хронологическая атрибуция поселения невозможна из-за отсутствия росписи. По технологическим параметрам посуды памятник может датироваться этапом Кукутень АВ — Триполье В I—В II, либо поздним Трипольем.

Культурно-хронологическая интерпретация могильника Кунича — Пришанская Гора

По целому ряду параметров, прежде всего керамике, погребения из Куничи могут датироваться гординештским временем. На это указывает характерная роспись в виде пересекающихся лент, образованных узкими полосками равной толщины. В то же время, расписной декор других обнаруженных в карьере (в скоплении) керамических фрагментов намного более разнообразен, отличаясь от орнамента сосудов из погребения 1. Также в инвентаре обоих погребений отсутствуют такие типично гординештские формы, как грибовидные крышки и миски с косо срезанным внутрь профилированным венчиком. К тому же положение погребенного из первого захоронения — на левом боку — отличается от абсолютного большинства гординештских захоронений лесостепной зоны, где фиксируется положение на правом боку (Ларина 2003: 75). Названные обстоятельства определяют необходимость более детального анализа куничского комплекса в целях уточнения его культурно-хронологической позиции в поздне трипольской колонке памятников лесостепи Пруто-Днестровского междуречья.

Тип памятника и особенности погребального обряда

В лесостепной зоне поздне трипольские грунтовые могильники известны в выхвatinской и гординештской локальных группах (Дергачев, Манзура 1991; Ларина 2003). Выхвatinские комплексы, прежде всего, эпонимный могильник, изучены лучше (Дергачев 1978). Для гординештского времени достоверно зафиксирован только один грунтовый могильник, Гординешть-мыс (Манзура, Тельнов 1992), где исследовано только одно захоронение. Еще в двух случаях, в Тэура-Ноуэ (Ларина 2003: 62) и Боросоая (Chirica, Tanasachi 1985: 306) были обнаружены единичные грунтовые экстрамуральные погребения. Следов могильников в обоих случаях выявить не удалось, что, однако, не исключает возможность того, что они там существовали.

Об особенностях погребального обряда могильника из Куничи мы можем судить лишь по погребению № 1. Захоронение

не было разрушено в древности, яма вытянуто-подовальной формы, скелет лежал по линии ЮЗ-СВ на левом боку, с согнутыми в коленях ногами и головой на СВ. По целому ряду параметров погребение не соответствует большинству гординештских захоронений региона, для которых характерно положение на правом боку, ориентация в секторе юг, юго-восток, запад, разрушение могилы в древности и использование огня в погребальном ритуале (Ларина 2003: 75). Единственные обрядовые характеристики захоронения из Куничи, которые приближают его к известным нам гординештским погребениям, это такие общие признаки, как слабая скорченность скелета, согнутые в коленях ноги, согнутые, по всей видимости, в локтях руки и яма вытянутой подовальной формы. Следует, однако, заметить, что те же черты присущи, например, и Выхвatinскому могильнику (Дергачев 1978: 27), так что диагностирующими эти признаки в нашем случае выступать не могут.

Инвентарь

Все находки из погребений в Куниче являются керамическими: 11 сосудов (9 из погребения 1-2007 и 2 из погребения 2-2009). В захоронении № 1 все сосуды лежали у головы погребенного, большинство из них (8) — за черепом. Отметим большое количество керамики, равно как и отсутствие украшений и орудий труда. Для большинства экстрамуральных (грунтовых и курганных) гординештских захоронений региона характерно небольшое количество керамики (исключением является лишь погребение из Гординешть-мыс, где были обнаружены фрагменты, по крайней мере, от семи сосудов — Манзура, Тельнов 1992: 121), и присутствие других категорий инвентаря — орудий труда и украшений из кости, кремня, раковин, камня и т. д. (Дергачев, Манзура 1991: 140—143; Ларина 2003). Тем не менее, учитывая немногочисленность известных нам гординештских погребальных комплексов, состав и количество инвентаря погребений из Куничи не могут быть приняты в качестве диагностирующих признаков.

Керамика

Основным этнокультурным показателем для атрибуции могильника из Куничи является посуда, анализ которой представляется целесообразным провести отдельно для погребений и выявленного керамического скопления.

По технологическим признакам посуду из погребений некрополя можно разделить на две категории: сосуды из мелкоструктурной, однородной, хорошо отмученной глины с незначительными примесями мелкого шамота и толченой ракушки и сосуды, в глине которых содержатся обильные примеси крупного шамота, ракушки, слюды, дресвы. Обжиг первой категории в целом более высокого качества, присутствует ангоб, поверхность хорошо заглажена, цвет поверхности однороден. Обжиг второй группы неравномерен, цвет поверхности пятнистый, варьирует. В целом, эти две категории соответствуют общим условиям группам «столовой» и «кухонной» керамики, принятым для описания позднетрипольской посуды (Збеневич 1974; Дергачев 1980). Категория 1 представлена четырьмя сосудами (3 в погребении 1-2007 и 1 в погребении 2-2009), категория 2 — семью керамическими единицами (6 в погребении 1-2007 и 1 в погребении 2-2009).

Морфология и стилистика посуды погребений из Кунича также может быть рассмотрена в рамках двух представленных технологических категорий.

В столовой керамике присутствуют следующие формы:

1. **Амфоры** с высоким цилиндрическим горлом и двухчастным округлым туловом. Венчик слегка отогнут наружу, на тулове присутствуют по четыре полукруглых налпа. Дно одного из сосудов (погребение 2-2009) выделено. Роспись, разделенная на два орнаментальных пояса, сохранилась только на одном сосуде (1 из погребения 1-2007) и состоит из пересекающихся лент, составленных из полос одинаковой ширины (в верхней части), и треугольников, образованных аналогичными лентами в нижнем поясе. Очевидно, роспись на втором сосуде не сохранилась. На дне одной из амфор есть отпечатки рогожки.

2. Приземистая двуручная шаровидная **амфора**, с низким горлом и уплощенными плечиками. Ручки проколоты. Роспись также состоит из двух орнаментальных поясов, повторяя в общих чертах декор формы № 1.

3. Полусферическая **крышка** с проколотыми ручками. Роспись не сохранилась, однако об ее присутствии свидетельствуют отдельные сохранившиеся линии. Отметим присутствие охры на внутренней поверхности сосуда.

Кухонная посуда представлена следующими формами:

1. **Горшки** с высоким цилиндрическим горлом и реповидным туловом. Венчик этих

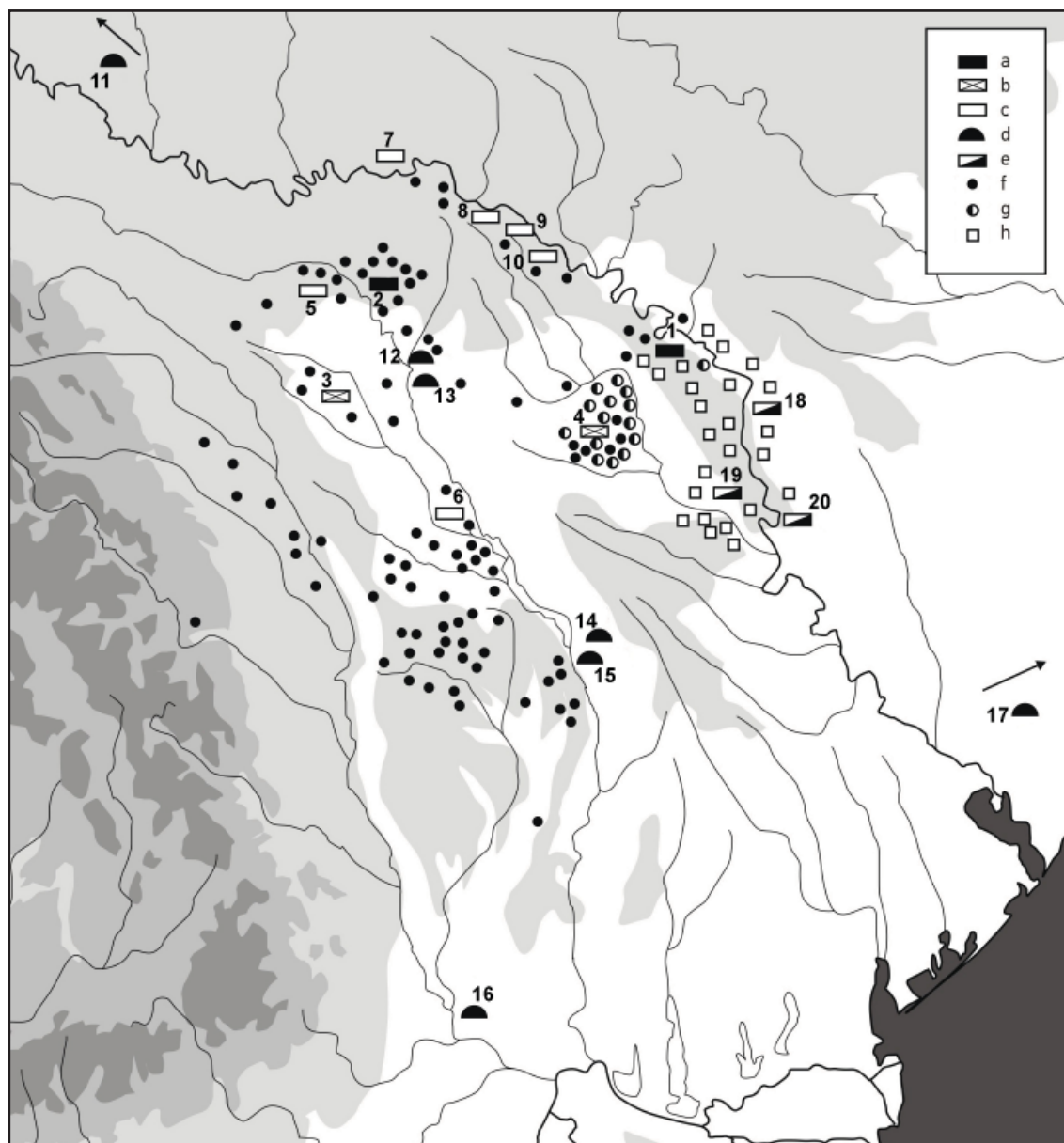
сосудов отогнут наружу и украшен валиком с вдавлениями. На переходе от горловины к тулову присутствуют три полосы орнамента, состоящего из отпечатков перевитого шнура. Ниже этих линий, на плечиках, горшки украшены группами подковообразного штампа. На дне есть отпечатки рогожки. Возможно, к данной категории принадлежит и разрушенный сосуд из погребения 2-2009, который, однако, обладает баночной формой тулова.

2. Миниатюрный **сосудик** с высоким расширяющимся горлом, округлой формой тулова и выделенным днищем. Венчик украшен валиком с вдавлениями.

3. **Миски** разных диаметров, с отогнутым, украшенным валиком с вдавлениями венчиком и профилированным днищем, на котором присутствуют отпечатки рогожки.

Морфология сосудов первой категории находит многочисленные аналогии на позднетрипольских памятниках Пруто-Днестровского региона. Так, с общей точки зрения, эти сосуды соответствуют типам А4 и А5 предложенной В. А. Дергачевым общей классификации позднетрипольских форм столовой посуды (Дергачев 1980: 56, рис. 6). Двухчастная форма тулова, высокое цилиндрическое горло, присутствие налепов, плоское или выделенное днище сближают амфоры первого типа из Кунича с находками с гординештских памятников — эпонимного поселения (Маркевич 1981: рис. 81: 1, 4), поселения Кырничень-пе-Коастэ в Румынии (Dumitroaia 2000: fig. 19: 5) и др. В то же время, цилиндрическое горло и выделенное днище зафиксировано для керамики поселений типа Кирилень (Бикбаев 1994: 66). Шаровидные приземистые амфоры с крышками также известны на гординештских (Гординешть II—Маркевич 1981: рис. 81: 5; Хородиштя, Рьшешть — Dumitroaia 2000: fig. 7: 3; 26: 4) памятниках.

Орнамент столовой керамики из куничских захоронений представляет собой более редкое явление в позднетрипольской среде региона. Разделение росписи из пересекающихся лент с полосками одинаковой ширины на два орнаментальных пояса присутствует как в выхватинской группе (Дергачев 1978: рис. 14), так и в гординештской керамике (Маркевич 1981: рис. 81: 4; Dumitroaia 2000: fig. 25: 12), причем в последнем случае это является более характерным. Интересным является сочетание пересекающихся лент верхнего пояса с треугольными фигурами нижней части композиции. Оно является более редким и, кроме поселений (Маркевич 1981: рис. 80: 4), известно для сосудов из курганных погребений, некоторые из которых

Рис. 6. Могильник из Куничи в контексте поздне трипольских погребальных (а-е) и поселенческих (f-h) памятников региона: а. — грунтовые могильники гординештского времени (1 — Куничи; 2 — Гординешть-Мыс); b — отдельные грунтовые захоронения гординештского времени (3 — Боросоая; 4 — Тэура Ноуэ); с — интрамуральные погребения гординештского времени (5 — Хородиштя; 6 — Кырничень пе Коастэ; 7 — Цвикловць; 8 — Мерешовка; 9 — Тэтэрзука Ноуэ XV; 10 — Покровка V); d — подкурганные захоронения гординештского времени (11 — Завишня; 12 — Думень 16, 17, 18/3; 13 — Костешть 4/1; 14 — Обилень 4/8; 15 — Сэрэтен 2/11; 16 — Лиешть 78/22; 17 — Вишневатое); e — могильники выхватинского времени (18 — Выхватинць; 19 — Оксентя; 20 — Голерканы I); f — поселения Гординешть-Хородиштя; g — выхватинские поселения; h — кириленские поселения (по: Бикбаев 1994; Дергачев 1980; Дергачев, Манзура 1991; Ларина 2003; Manzura 1994; Dumitroaia 2000).

находятся довольно далеко от гординештского ареала (Обилень — Levițki și al. 1996: fig. 40: 2; Владимировка — Збенович 1974: 155, рис. 45: 5). При этом на сосудах из курганных комплексов присутствует и орнамент в виде диагональной сетки. Отметим, что эти захоронения традиционно связываются с усатовской культурой, а погребение из Владимировки синхронизируется В. М. Бикбаевым с памятниками типа Кирилень (1994: 69). Интересно,

что также в курганных памятниках, где они подобным же образом сочетаются с росписью в виде лент, находят свои аналогии проколотые ручки с «рожками» амфор второго типа из Куничи (Соколово, Рисовое, Завишня — Дергачев, Манзура: рис. 85: 5; 86: 16; 89: 2).

Морфология сосудов второй категории также является типичной для поздне трипольских памятников региона. Реповидное тулово, отогнутый украшенный валиком

№2. 2010

с вдавлениями венчик, выделенное дно горшков находят четкие аналогии на гординештских и кириленских поселениях (Дергачев 1980: рис. 31; Маркевич 1981: рис. 82; Бикбаев 1994: рис. 1), то же касается и мисок. Отметим отсутствие у мисок из Куничи косоугольного внутрь венчика, типичного для гординештских материалов. Аналогии венчикам мисок из Куничи известны в Кирилень (Бикбаев 1994: рис. 1: 23).

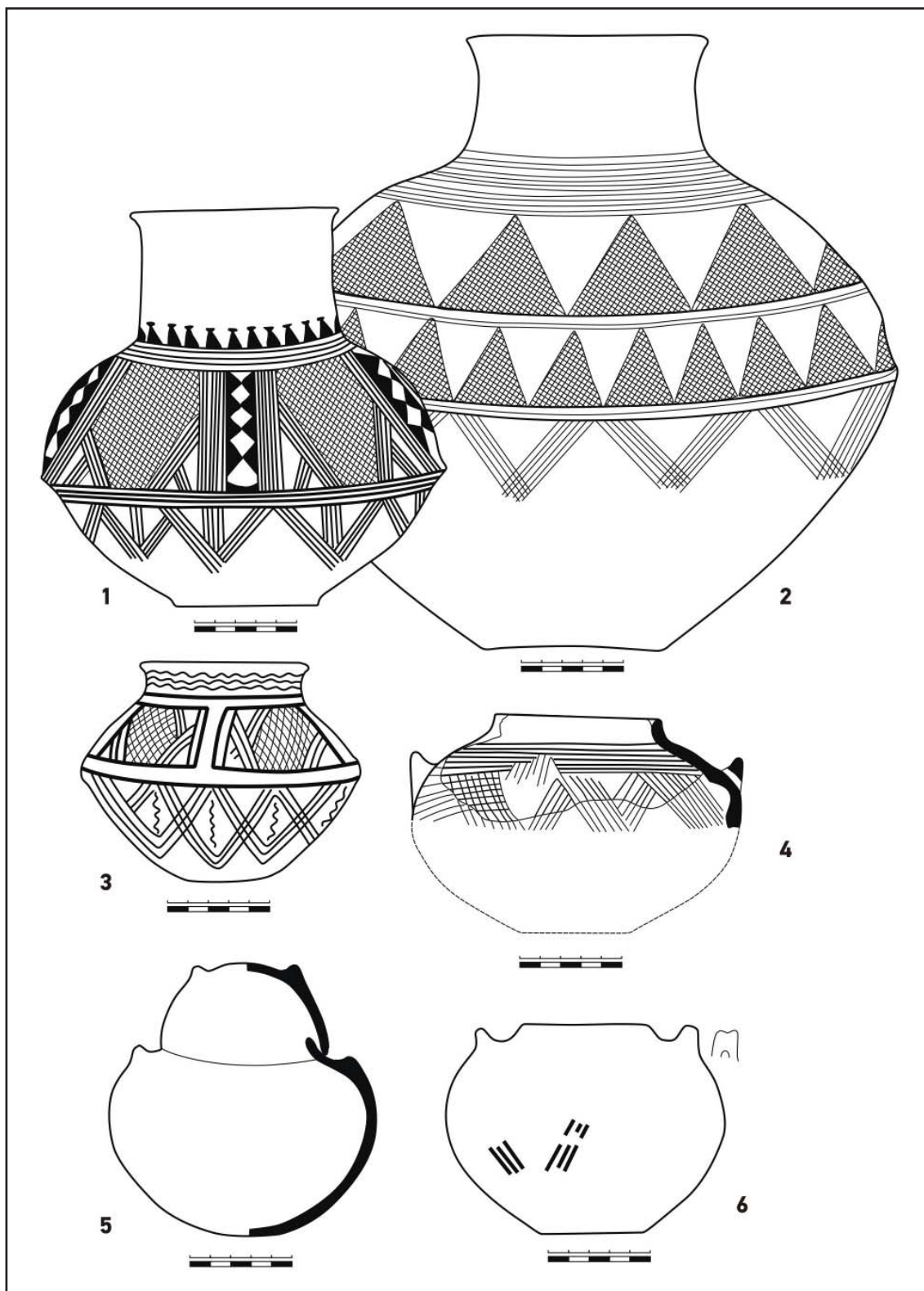
Декор сосудов второй категории можно подразделить на три вида — вдавления на валике, характерные для венчиков сосудов, полосы из шнурового орнамента и отпечатки подковообразного штампа. Первые два типа декора широко распространены на кухонной посуде гординештских и кириленских памятников (Дергачев 1973; 1980: рис. 31; Бикбаев 1994: рис. 1). Подковообразный штамп встречается в этой зоне редко, он характерен в первую очередь для усатовских памятников (Патоква 1979: рис. 35; Петренко 1989: рис. 37).

Керамика из скопления также представлена фрагментами как столовой, так и кухонной посуды. По своим параметрам она отличается от керамики из погребений. С технологической точки зрения, отметим отсутствие шамота в кухонной посуде. Существенна и разница в орнаменте: он представлен геометрическими фигурами, образованными сочетаниями волнистых линий, диагональной сетки, диагональных и горизонтальных лент из двух толстых линий с тонкой медианой посередине. Особенности декора посуды из скопления приближают ее к керамике выхватинского типа, для которой типичны подобные орнаментальные элементы и композиции (Дергачев 1980: рис. 28), а также к посуде памятников типа Кирилень (Бикбаев 1994: рис. 2; Vodean 2004: fig. 5).

Резюмируя сказанное выше, можно констатировать, что находки из карьера возле Куничи группируются в два комплекса: погребения с керамикой, которая находит свои аналогии на кириленских и гординештских памятниках, и скопление керамики выхватинского облика, которая, однако, также известна и на кириленских поселениях. В этой связи возникает вопрос о соотношении захоронений и обнаруженного скопления. К сожалению, имеющиеся в распоряжении данные не позволяют нам дать четкое определение характера этой взаимосвязи. Возможны следующие ситуации. Погребения и скопление представляют собой два одновременных археологических комплекса. В таком случае, вероятно, что скопление происходило из ямы, находящейся на периферии поселения вы-

хватинского времени, которое потом было перекрыто кириленским (гординештским?) могильником. Однако следует отметить, что в стенках карьера следов культурного слоя или жилищно-хозяйственных сооружений выявить не удалось. Отсутствовала обмазка. Учитывая, что непосредственно с юга к карьере примыкает крутой склон, и единственным направлением, в котором могло находиться поселение, является север. Именно к северу от могильника располагается поселение «Кунича — Северный склон Пришанской горы». Однако смущает достаточно большое расстояние между этим памятником и обнаруженным в карьере керамическим скоплением — не менее 700—800 м. С другой стороны, не исключено, что подобная ситуация является отражением современного состояния поверхности пологого склона, находящегося между котлованом и поселением. Возможно, оно простирается вплоть до могильника, но не было обнаружено на поверхности. Другим вариантом является одновременность погребений и скопления керамики, что определенно указало бы на кириленскую датировку комплекса. К сожалению, ни один из предложенных сценариев не может быть четко обоснован или опровергнут без проведения более детального обследования комплекса, в первую очередь — стационарных археологических исследований на могильнике и поселении.

Таким образом, предварительно представляется обоснованным отнести могильник к предгординештскому-гординештскому времени. Как уже указывалось, в погребальном ритуале и в инвентаре захоронений отсутствует ряд черт, определяемых исследователями как типично гординештские. Также отсутствуют некоторые типично гординештские керамические формы. В то же время, многочисленные, прежде всего морфологические и стилистические аналогии посуде из Куничи известны на кириленских поселениях. Все это определяет нашу интерпретацию некрополя как принадлежащего к *кириленской* группе. Окончательную культурную принадлежность могильника можно будет определить только на основе более многочисленного материала. Показательно, что Кунича располагается в своеобразной интерференционной зоне между всеми тремя интересующими нас культурными группами — выхватинской, кириленской и гординештской (см. рис. 6), характер взаимодействий которых еще до конца не выяснен. Рассматриваемый сквозь призму распространения различных форм позднетрипольского погребального обряда, могильник из Куничи, безусловно, представляет собой

Рис. 7. Аналогии столовой керамики из могильника Кунича — Пришанская гора. 1 — Обилень 4/8 (по Levički et. al. 1996: fig. 40: 2), 2 — Гординешть II (по Дергачев 1973: рис. 2), 3 — Владимировка 6/1 (по Збеневич 1974: рис. 45: 7), 4 — Хородишта (по Dumitroaia 2000: fig. 7: 3), 5 — Рышешть (по Dumitroaia 2000: fig. 26: 4), 6 — За-вишня (по Дергачев, Манзура 1991: рис. 89: 2).

важное явление в среде погребальных памятников лесостепи Пруто-Днестровской зоны. Своеобразны амфоры № 1 и 2 из погребения 1-2007, чей орнамент в погребальном кон-

тексте находит свои аналогии только в подкурганых комплексах, некоторые из которых синхронизируются с кириленским временем (Бикбаев 1994). Очевидно, керамика с декором

№2. 2010

в виде двух орнаментальных поясов, нижний из которых образован треугольными фигурами, занимает свое место в сложной мозаике распространения в степи позднетрипольских элементов (Мовша 1984; 1985; Манзура 1990). Возможно, если будущие исследования подтвердят кириленскую датировку памятника, определенному пересмотру (удревнению) могут быть подвергнуты и механизмы распространения гординештской керамики в Северо-Западном Причерноморье.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть целесообразность проведения археологических раскопок на могильнике. Сохранность памятника очень хорошая — он находится на поле с неглубокой вспашкой. Как уже указывалось, поверхностный осмотр территории указал на значительную площадь некрополя — не менее 1200—1500 кв. м. Учитывая, что последними стационарными исследованиями позднетрипольского могильника являются небольшие по объему раскопки Выхватинского некро-

поля, проведенные еще четверть века назад И. В. Манзурой и А. В. Субботиным (Манзура, Субботин 1989), актуальность возможных исследований в Куниче очень высока как для археологии Республики Молдова, так и для исследований позднего Триполья в целом. Только шурфовки и/или раскопки способны дать ответ на многочисленные вопросы, связанные с находками с Пришанской горы — полноценная культурно-хронологическая атрибуция могильника, выявление его взаимосвязи с поселением, разрешение ситуации, порожденной обнаружением в карьере скопления с керамикой отличного, от посуды из захоронений, облика. В более широком контексте могильник из Куничи способен предоставить любопытнейшие данные для уточнения характера процессов, происшедших в Пруто-Днестровском междуречье в период финального энеолита и связанных с динамикой, генезисом и трансформацией многочисленных позднетрипольских культурных групп.

Литература

- Авилова Л. И. 1986. Погребальный обряд энеолитических земледельцев Юго-Восточной Европы. *КСИА* 185, 9—14.
- Бикбаев В. М. 1994. Предгординештские памятники типа Кирилень в Северной Молдове. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э.* ТДК. Тирасполь: ПГКУ, 64—69.
- Дергачев В. А. 1973. Позднетрипольские поселения у с. Гординешты. *АИМ* (1970—1971), 90—100.
- Дергачев В. А. 1978. *Выхватинский могильник*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В. А. 1980. *Памятники позднего Триполья. Опыт систематизации*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В. А., Манзура И. В. 1991. *Погребальные комплексы позднего Триполья*. Кишинев: Штиинца.
- Захарук Ю. М. 1971. Памятники касперівського типу. В: Даниленко В. Н. (отв. ред.). *Археологія Української РСР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 183—186.
- Збенович В. Г. 1974. *Позднетрипольские племена Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Круц В. О. 1993. Етапи і напрямки розселення племен трипільської культури. *Подільська старовина*. Вінниця: ВКМ, 35—44.
- Ларина О. В. 2003. Позднетрипольское погребение гординештского типа на Днестре. В: Sava E. (red.). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chișinău: CEP USM, 57—80.
- Манзура И. В. 1990. О распространении гординештских культурных элементов в Северном Причерноморье. В: Дергачев В. А. (отв. ред.). *Археологические исследования молодых ученых Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 25—39.
- Манзура И. В., Субботин А. В. 1989. Новые раскопки Выхватинского могильника. *АИМ* (1984), 76—95.
- Манзура И. В., Тельнов Н. П. 1992. Проблема позднетрипольского погребального обряда лесостепной зоны Днестровско-Карпатских земель (некоторые итоги и перспективы изучения). В: Гросу В. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы*. Кишинев: Штиинца, 118—130.
- Маркевич В. И. 1981. *Позднетрипольские племена Северной Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Мовша Т. Г. 1960. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения. В: Федоров Г. Б. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и РНР*. Кишинев: Штиинца, 59—76.
- Мовша Т. Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ИДУ, 60—83.
- Мовша Т. Г. 1985. Поздний этап трипольской культуры. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 223—255.
- Патокова Э. Ф. 1979. *Усатовские поселения и могильники*. Киев: Наукова думка.
- Петренко В. Г. 1989. Усатовская локальная группа. В: Патокова Э. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю. *Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 50—124.
- Петренко В. Г. 1994. Относительно систематизации памятников позднего периода Триполье-Кукутень. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э.* ТДК. Тирасполь: ПГКУ, 61—64.
- Придорожнов С. В. 2007. *Кунича, до востребования...* Кишинев: Elena V. I.
- Цвек Е. В. 2004. Восточнотрипольская культура и ее место в энеолите Европы. В: Вейдико М. Ю. (ред.). *Перший всесвітній конгрес «Трипільська цивілізація»*. ТД, Київ: КІСД, 61—63.

- Bem C. 2007. *Traian — Dealul Fântânilor. Fenomenul Cucuteni A-B*. MNIR Monografii V. București: Editura Cetatea de Scaun.
- Bodean S. 2004. Așezări eneolitice de lângă satele Chetroșica Veche și Climăuții de Jos. *Tyragetia* XIII. Chișinău, 22—29.
- Chirica V., Tanasachi M. 1985. *Repertoriul arheologic al județului Iași*. Vol. I—II. Iași: Academia de Științe sociale și politice.
- Dumitroaia Gh. 2000. *Comunități preistorice din nord-estul României. De la cultura Cucuteni pînă în bronzul mijlociu*. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis VII. Piatra-Neamț: Editura Constantin Mătasă.
- Levițki O., Manzura I., Demcenko T. 1996. *Necropola tumulară de la Sărăteni*. Bibliotheca Thracologica XVII. București: Vavila Edinf.
- Manzura I. 1994. Manifestări culturale în perioada de tranziție. *Thraco-Dacica* XV, nr. 1—2. București: Institutul Român de Tracologie, 103—119.
- Videiko M. 1995. Archaeological characteristics of the Sofievka type cemeteries. In: Videiko M.Y., Kadrow S. (eds). *Cemeteries of the Sofievka type: 2950—2750 BC*. BPS 3. Poznan: IOP, 15—134.

Статья поступила в номер 10 февраля 2010 г.

Denis Topal (Kishinev, Moldova). High Anthropological School.

Denis Topal (Chișinău, Moldova). Universitatea «Școala Antropologică Superioară».

Топал Денис Афанасьевич (Кишинев, Молдова). Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: denis.topal@gmail.com

Stanislav Țerna (Kishinev, Moldova). Master anthropology. High Anthropological School.

Stanislav Țerna (Chișinău, Moldova). Magistrul de antropologie. Universitatea «Școala Antropologică Superioară».

Церна Станислав Валентинович (Кишинев, Молдова). Магистр антропологии. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: temastas@mail.ru

Б. Говедарица, И. В. Манзура

Новые материалы раннего бронзового века на Тилигульском лимане

B. Govedarica, I. V. Manzura.

New Material of the Early Bronze Age at the Tiligul estuary.

The article is devoted to publication of archaeological sites located in the vicinity of the village of Koshary (Odessa area) on the western shore of the Tiligul estuary. The first site is a flat cemetery of the Late Copper Age and Early Bronze Age. In the cemetery, three graves were uncovered which are related to the Usatovo culture of the Early Bronze Age. One of the graves contained two clay vessels with corded ornamentation. The second site is a settlement which consists at least of two cultural layers. The lower layer is probably related to the Catacomb culture (final stage of the Early Bronze Age). According to three radiocarbon dates it can be dated to the last quarter of the 3rd millennium BC. The upper layer contains material of the Sabatinovka culture of the Late Bronze Age.

B. Govedarica, I. V. Manzura.

Materiale noi din epoca bronzului timpuriu pe limanul Tiligului.

Articolul este dedicat introducerii în circuitul științific a monumentelor arheologice din apropierea s. Koșary (regiunea Odesa), pe malul de vest al limanului Tiligului. Primul sit este reprezentat de o necropolă plană din perioada eneoliticului tardiv — bronzului timpuriu. În cadrul necropolei au fost depistate trei înhumări aparținând culturii Usatovo de la începutul epocii bronzului. Unul dintre morminte conținea două vase, ornamentate cu șnur. Al doilea sit este reprezentat de o așezare din epoca bronzului ce este alcătuită din cel puțin două nivele. Stratul inferior poate fi probabil legat de cultura catacombelor de la sfârșitul perioadei timpurii a epocii bronzului. Trei datări radiocarbon permit atribuirea acestui strat la ultimul sfert al mil. III î.e.n. Stratul superior conține vestigii din cultura Sabatinovka, aparținând perioadei tardive a epocii bronzului.

Б. Говедарица, И. В. Манзура.

Новые материалы раннего бронзового века на Тилигульском лимане.

Статья посвящена публикации археологических памятников, расположенных у с. Кошары (Одесская область), на западном берегу Тилигульского лимана. Первый памятник представлен грунтовым могильником позднего энеолита-раннего бронзового века. На могильнике были открыты три погребения, относящиеся к усатовской культуре начала бронзового века. Одно из погребений содержало два сосуда, украшенных шнуровым орнаментом. Второй памятник представлен поселением бронзового века, которое состоит, по меньшей мере, из двух культурных слоев. Нижний слой, вероятно, может быть связан с катакомбной культурой конца раннего бронзового века. По трем радиоуглеродным датам этот слой может быть отнесен к последней четверти III тыс. до н.э. Верхний слой, скорее всего, относится к сабаатиновской культуре позднего бронзового века.

Keywords: Northwest Pontic, Tiligul estuary, Usatovo culture, Catacomb culture, Sabatinovka culture.

Cuvinte cheie: Spațiul nord-vest pontic, limanul Tiligului, cultura Usatovo, cultura catacombelor, cultura Sabatinovka.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Тилигульский лиман, усатовская культура, катакомбная культура, сабаатиновская культура.

Памятники первобытной археологии в районе Тилигульского лимана исследуются уже на протяжении многих лет. За это время были открыты и изучены многочисленные погребальные и поселенческие комплексы эпохи энеолита и бронзового века. В 2008 и 2009 годах совместная археологическая экспедиция Одесского археологического музея, Немецкого археологического института (Берлин) и Высшей антропологической школы (Кишинев) провела раскопки археологических памятников, которые находятся приблизительно в 2 км к югу от села Кошары Коминтерновского района Одесской области (46°38'29" С и 31°09'26" В).¹ Памятники включают могильник позднего энеолита-ранней бронзы и поселение бронзового века, расположенные в местности «Змеиная Балка» (рис. 1).

Могильник «Змеиная Балка»

Могильник «Змеиная Балка» расположен на небольшом мысу (около 2000 кв. м) правого коренного берега Тилигульского лимана, возвышающегося на 17—18 м над уровнем моря, приблизительно в 100 м к юго-юго-востоку от поселения бронзового века с одноименным обозначением и в 620 м к северо-северо-востоку от античного городища (рис. 1). По приблизительным оценкам, площадь памятника, вероятно, может составлять около 1200 м. Могильник был открыт в 1999 г. Е. Ф. Рединой, обнаружившей на поверхности мыса остатки каменных сооружений. Раскопки на памятнике проводились в 2005—2006 гг. С. М. Агульниковым (Агульников, Редина 2005; 2006; 2007), в результате чего была вскрыта площадь около 133 кв. м и было обнаружено 10 погребений позднего энеолита-раннего бронзового века. В 2008 г. на северной половине мыса была проведена геомагнитная съемка, в результате которой некоторые аномалии были выявлены в северо-восточной части памятника. В 2009 г. на месте обнаружения аномалий и к западу от раскопа 2005 г. были проведены раскопки общей площадью 168 кв. м. Вследствие этого общая исследованная площадь памятника составила около 300 кв. м (рис. 2). Раскопки проводились путем закладки секций шириной 2 м и длиной 10—12 м, разделенных бровками шириной 0,5 м и ориентированных параллель-

но раскопу 2005 г., то есть в меридиональном направлении. В результате полевых исследований были обнаружены три погребения, расположенные в непосредственной близости друг от друга и составлявшие одну компактную группу (рис. 2). Продолжая нумерацию предыдущих полевых сезонов, открытые погребения были обозначены номерами 11—13.

Стратиграфия памятника на участке, исследованном в 2009 г., практически не отличается от той, что была зафиксирована за годы предыдущих раскопок. На глубине от поверхности до 0,2 м залегал темный гумусный слой. Ниже, на глубине 0,2—0,4 м, залегал серый черноземный слой с переходом в светло-желтоватый предматериковый суглинок. На глубине 0,4—0,6 м находился светло-желтоватый предматериковый суглинок, ниже которого залегал глиняный материковый слой.

Погребение 11 было обнаружено в 9,2 м к северо-западу от погребения 3 (раскоп 2005 г.), на глубине 0,39 м от современной поверхности (рис. 2). Могильная яма (1,2×0,68 м, отмеченная глубина 0,17—0,22 м) неправильной овальной формы выделялась темным заполнением на фоне предматерикового суглинка. Заполнение состояло из очень плотного темно-серого грунта.

Погребенный (подросток) лежал в слабо скорченном положении на левом боку, головой на восток-северо-восток. От правой руки сохранилась только плечевая кость, вытянутая вперед. Левая рука согнута в локте и кистью была уложена перед лицом погребенного. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под тупым углом, а в коленях под острым углом (рис. 3: 1).

Инвентарь: 1. Амфора с приземистым округлым туловом и двумя ручками стояла перед погребенным. Сосуд изготовлен из глины с примесью мелкотолченой ракушки. Поверхность хорошо заглажена и подлощена. В верхней части она имеет желтоватый цвет, а в придонной — серый. Дно слегка вогнутое, с отпечатками цинковки. Под венчиком имеются округлые проколы. Основание горла украшено горизонтальной лентой из трех-четырёх шнуровых линий. На тулово нанесено 14 вертикальных лент, состоящих из трех шнуровых линий. Размеры амфоры: высота — 13,2 см, диаметр венчика — 11,3 см, диаметр тулова — 18,3 см, диаметр дна — 7 см (рис. 3: 2).

2. Кубок с округлым туловом и высокой цилиндрической горловиной стоял рядом с амфорой. Сосуд изготовлен из массы с незначительной примесью мелкотолченой ракушки. Обжиг очень слабый. Поверхность хорошо

¹ Авторы выражают сердечную благодарность Е. Ф. Рединой за всестороннюю помощь и поддержку при организации и проведении раскопок.

Рис. 1. Расположение памятников у «Змеиной Балки».

заглажена, серого цвета. Горловина украшена вертикальными лентами из трех шнуровых линий. Основание горла опоясано тремя горизонтальными шнуровыми линиями. Под ними, на плечиках, имеется горизонтальный ряд небольших овальных углублений. Дно небольшое, плоское. Размеры сосуда: высота — 6,5 см, диаметр венчика — 5,2 см, диаметр тулова — 6,6 см, диаметр дна — 1,7 см (рис. 3: 2).

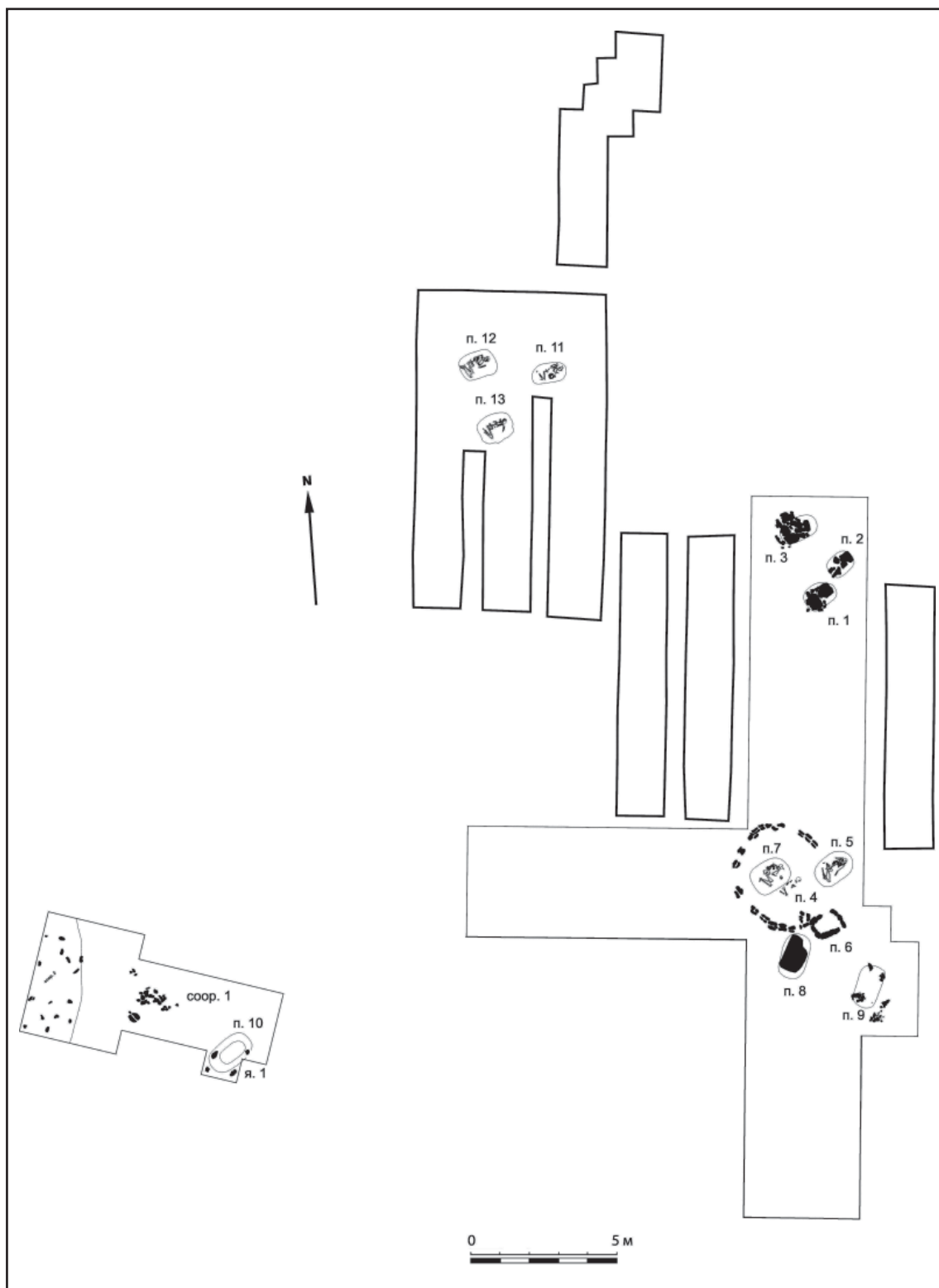
Погребение 12 обнаружено в 1,25 м к западу-северо-западу от погребения 11, на глубине 0,35 м от современной поверхности (рис. 2). Могильная яма подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами (1,22×0,9 м, отмеченная глубина 0,27 м) выделялась темным заполнением на фоне предматерикового суглинка. Заполнение состояло из темно-серого сравнительно плотного грунта.

Погребенный (взрослый) лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток-северо-восток. Левая рука согнута и кистью уложена перед лицом. Правая рука согнута и кистью залегает у локтя левой руки. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, в коленях — под острым углом. Погребение безынвентарное (рис. 3: 4).

Погребение 13 обнаружено в 1,5 м к юго-западу от погребения 11, на глубине 0,35 м от современной поверхности (рис. 2). Могильная яма (1,25×1 м, отмеченная глубина 0,22 м) неправильной овальной формы выделялась темным заполнением на фоне предматерикового суглинка. Заполнение состояло из очень плотного темно-серого грунта.

Погребенный (взрослый) лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток-северо-восток. Руки согнуты и кистями уложены перед лицом. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, в коленях — под острым углом. Погребение безынвентарное (рис. 3: 5).

Погребальный обряд открытых могильных комплексов вполне соответствует усадовской культуре начала бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Об этом свидетельствуют такие признаки, как форма могильных ям, скорченное на левом боку положение погребенных и их ориентировка головами в восточном секторе. К числу четких диагностирующих признаков, определяющих культурно-хронологическую позицию исследованных захоронений, можно отнести сосуды, содержащиеся в погребении 11. В частности, кубок с округлым туловом и высокой

Рис. 2. Общий план могильника «Змеиня Балка».

цилиндрической горловиной (рис. 3: 2) находит очевидные параллели в близких по технологии изготовления, форме и орнаментации сосудах из курганных и грунтовых могильников в Усатово-Большом Куяльнике (Патокова 1979: рис. 31: 2; 46: 1). В свою очередь, амфо-

ра из этого же погребения (рис. 3: 3) по всей совокупности признаков аналогична целой серии сосудов из могильника усатовского типа в Маяках (Патокова, Петренко 1989: рис. 20: 1, 7, 11, 15; 27: 8). Таким образом, в силу приведенных параллелей связь исследованных

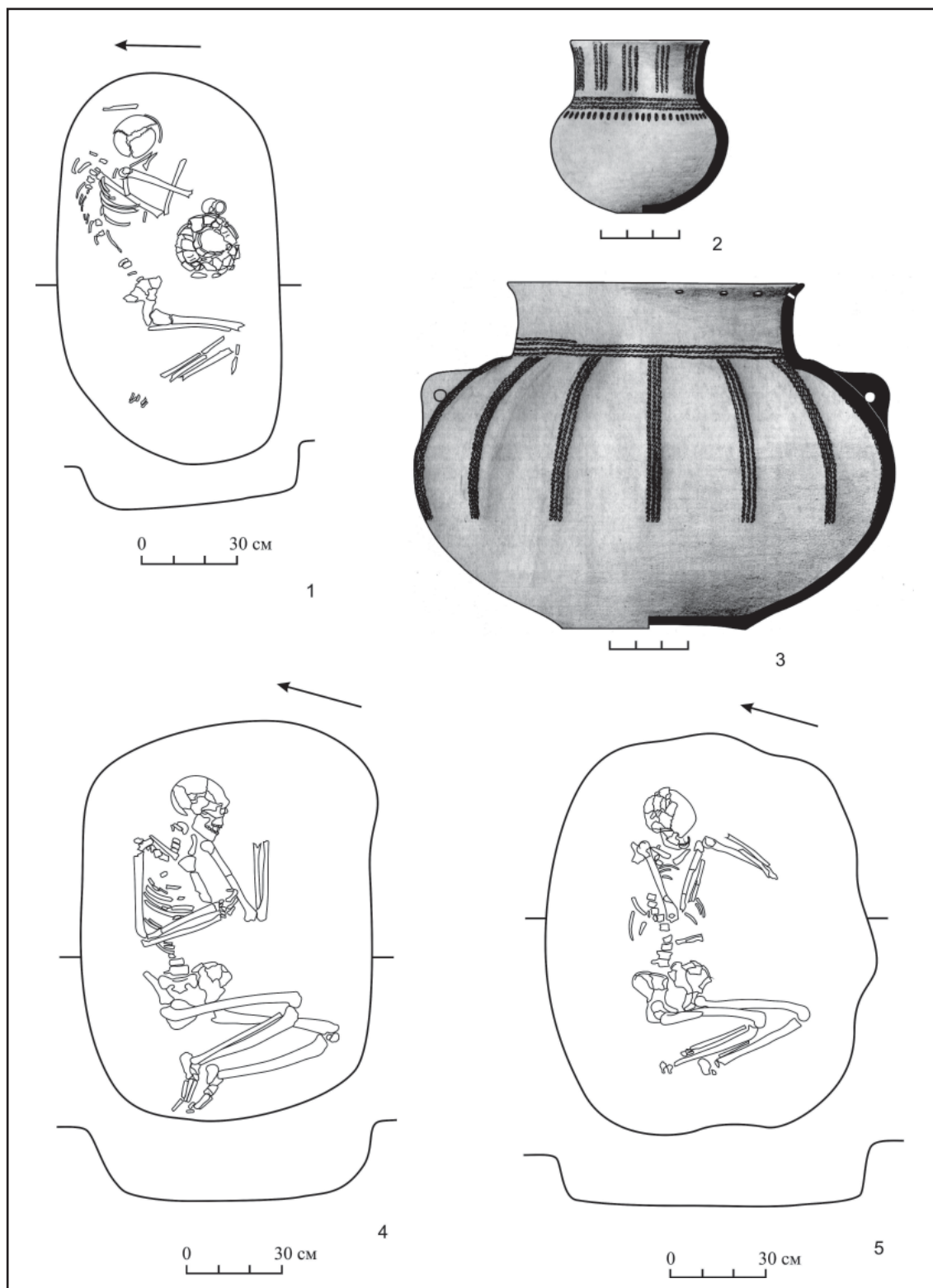

Рис. 3. Планы и инвентарь погребений могильника «Змеиная Балка».

погребений с памятниками усатовского типа, в сущности, не вызывает особых сомнений. Открытие четко идентифицированных усатовских комплексов вблизи с. Кошары позволяет вполне уверенно провести восточную границу этой культуры по Тилигульскому лиману.

Далее к востоку памятники собственно усатовской культуры пока не обнаружены.

Обращает на себя внимание компактное размещение комплексов поблизости друг от друга и несколько поодаль от других захоронений могильника (рис. 2). В определенной

степени такое пространственное соотношение погребений напоминает планировку могил на первом грунтовом некрополе в Усатово, которые также располагались небольшими отдельными группами. Вполне вероятно, что данные погребения могильника «Змеиная Балка» принадлежат членам одного семейного коллектива, похороненным на специально отведенном участке в пределах общего родового кладбища.

Поселение «Змеиная Балка» (Кошары IV)

Поселение бронзового века было открыто В.Г. Петренко в 1988 г. и обозначено как Кошары IV. На основе подъемного материала оно было отнесено к сабагиновской культуре позднего бронзового века. Памятник расположен приблизительно в 2 км к югу от с. Кошары (рис. 1) и в непосредственной близости к северо-северо-западу от одноименного могильника. Общая площадь поселения, вероятно, не превышает 5000 кв.м. Большая часть памятника ежегодно распаивается, тогда как незначительный по площади участок, занимающий три небольших мыса южного борта «Змеиной Балки», остается задернованным. На пашне наблюдаются небольшие пятна скоплений культурных остатков, состоящих, главным образом, из раковин и костей животных. Керамика встречается крайне редко.

Основной целью раскопок являлось определение характера поселения и состояния культурного слоя. В силу поставленных исследовательских задач на поселении были заложены шесть небольших шурфов общей площадью 56 кв. м (рис. 1). Два шурфа 2×2 м (№№ 4 и 5) находились на пашне, в местах наибольшего скопления культурных остатков. Еще четыре шурфа (№№ 1—3, 6) располагались на задернованной поверхности мысов. Шурф № 6, исследованный в 2009 году, является продолжением шурфа № 2 2008 года, примыкая к нему с севера. В большинстве шурфов какие-либо сооружения выявлены не были. Материалы представлены раковинами, отдельными мелкими костями животных и единичными фрагментами керамики. В то же время, ряд конструкций был открыт в шурфах №№ 2 и 6.

На раскопе прослежена следующая стратиграфия. На глубине от поверхности до 0,2 м залегал темный гумусный слой. Ниже, на глубине 0,2—0,4 м, залегал серый черноземный слой с переходом в светло-желтоватый предматериковый суглинок. На глубине 0,4—0,6 м находился светло-желтоватый предматерико-

вый суглинок, ниже которого залегал глиняный материковый слой. Основная концентрация находок наблюдалась на глубине 0,2—0,35 м от современной дневной поверхности, что, вероятно, соответствует мощности культурного слоя поселения.

Как уже отмечалось выше, наибольшее скопление материалов, а также определенные сооружения были выявлены только в шурфах №№ 2 и 6. Первое сооружение было обнаружено в шурфе № 2, на глубине 0,2—0,39 м от современной поверхности. Оно представляло собой подпрямоугольную в плане каменную кладку и располагалось в северной части шурфа, в кв. А/1. Мощность кладки равнялась 19 см, размеры 0,6×0,5 м. Каких-либо находок среди камней не отмечалось. Находки или какие-то сооружения отсутствовали и под камнями.

В южной части шурфа, в кв. Б/1—2, были выявлены контуры округлой ямы № 1 диаметром до 1,25 м, глубиной до 0,48 м от современной поверхности, заполненной костями животных. Среди костей животных, на гл. 0,32 м от современной поверхности, была обнаружена черепная крышка, принадлежавшая ребенку.

На глубине 0,45 м в центральной части шурфа № 2 было выявлено вытянутое углубление глубиной до 0,61 м, идущее в северном направлении. Какие-либо находки в данном углублении отсутствовали. Продолжение этого сооружения было открыто в шурфе № 6. В целом оно представляло собой ровик шириной 0,9—1 м на уровне обнаружения и глубиной 1—1,1 м от уровня современной поверхности. В шурфе № 6, в створе ровика и к западу от него, было расчищено беспорядочное скопление камней средних размеров, залегающих на глубине 0,3—0,5 м от современной поверхности.

Собранный в ходе раскопок и обследования поверхности поселения материал представлен тремя индивидуальными находками и керамикой.

К числу индивидуальных находок относится ножевидная пластина из серого непрозрачного кремня, обнаруженная в шурфе № 2, в слое, на глубине 0,25—0,47 м от современной поверхности (рис. 5: 17). Пластина в сечении трапециевидная, с мелкой краевой ретушью. Длина пластины 6,2 см, ширина 2,6 см.

Вторая индивидуальная находка представлена обломком топора, изготовленного из темно-серого камня кристаллической породы, который был обнаружен в шурфе № 2, в слое, на глубине 0,25—0,47 м от современной поверхности (рис. 5: 18). Другой фрагмент

№2. 2010

этого же топора был обнаружен на пахотном поле при обследовании поверхности поселения. Топор, по-видимому, имел в плане ромбовидную форму и прямоугольное поперечное сечение. Поверхность изделия относительно хорошо зашлифована. Сохранившаяся длина топора 9,1 см, реконструируемая ширина, вероятно, равняется приблизительно 6,3 см.

Полуовальный обломок уплощенного орудия, изготовленного из светлого песчаника, был обнаружен в шурфе № 2, на гл. 0,25 м. Длина сохранившейся части орудия 5,4 см, ширина 5 см.

Наиболее многочисленная категория находок представлена керамикой, которая происходит, главным образом, из шурфов. В небольшом количестве она была обнаружена на поверхности при осмотре памятника. Всего в ходе раскопок и обследования площади поселения было получено 346 фрагментов от различных сосудов. Условно весь керамический материал на основе технологических признаков может быть разделен на три количественно неравнозначные группы, или категории.

К первой, самой многочисленной, категории (272 фрагмента) относится достаточно грубая по своим характеристикам керамика с толщиной стенок в основном от 0,8 до 1,0 см (рис. 3: 1—19; 2: 1—14). В отдельных случаях толщина стенок достигала 1,2 см. Сосуды были вылеплены из плохо промешанной глиняной массы с добавлением минеральных примесей, по-видимому, шамота и дресвы. Черепок относительно плотный, в изломе, как правило, черный, крошится. Тулово сосудов часто грубо заглажено снаружи, со следами очень широкого полосчатого сглаживания наподобие псевдоканнелюр (рис. 5: 8—10, 12). Также довольно часто встречается горизонтальное и диагональное сглаживание частой гребенкой с узкими зубцами снаружи и внутри сосудов. Иногда поверхность внешних стенок достаточно ровная и гладкая, без следов сглаживания (рис. 5: 11). Горловина обычно обработана более тщательно, здесь поверхность относительно ровная, со следами довольно тонкого горизонтального полосчатого сглаживания (рис. 5: 1, 2, 4, 7). Внутренняя поверхность также может быть весьма ровной и гладкой. Внешняя поверхность преимущественно серого или темно-серого цвета. Внутренняя поверхность, как правило, черного цвета, реже темно-серого или серого.

Точную форму сосудов в силу значительной фрагментированности материала установить достаточно сложно. В основном это

относительно крупные, плоскодонные, широко открытые горшки с округлым или реповидным туловом и сравнительно высокой цилиндрической горловиной (рис. 4: 1—8). В некоторых случаях горловина отделена от тулова четко выраженным порошком (рис. 4: 17). В данной группе также присутствуют фрагменты от двух мисок (рис. 4: 10, 19; 5: 6). На одном фрагменте имеется горизонтальная ручка с двумя вертикальными проколами (рис. 4: 16). Выделяются венчики нескольких основных типов: 1 — прямые закругленные венчики (рис. 4: 5, 10), 2 — отогнутые закругленные венчики (рис. 4: 2, 3, 7, 9), 3 — приостренные отогнутые венчики, иногда с выделенной закраиной (рис. 4: 1, 4) и, наконец, 4 — уплощенные венчики. В свою очередь, венчики четвертого типа включают, по меньшей мере, три варианта. Первый вариант составляют простые прямые уплощенные венчики (рис. 4: 6). Ко второму варианту относятся относительно широкие венчики с выделенной диагонально расширяющейся закраиной (рис. 5: 2, 3). Третий вариант представлен широкими венчиками, которые оформлены в виде четко выраженного широкого прямоугольного воротничка (рис. 5: 5). При этом ширина среза плоского венчика намного превышает толщину стенок. В единственном случае засвидетельствован венчик с внутренней закраиной (рис. 4: 19). Вся посуда плоскодонная; иногда донце имеет выделенную закраину (рис. 4: 23—25).

Орнаментация на посуде рассматриваемой категории отмечена в незначительном количестве. Наиболее часто встречается орнамент из горизонтальных налепных валиков, иногда украшенных пальцевыми вдавлениями и ногтевыми насечками (рис. 4: 11—14, 18). Изредка на стенки или горло сосудов нанесены ряды овальных пальцевых вдавлений с ногтевыми отпечатками посередине или без них (рис. 4: 2). К числу редких находок относится фрагмент горловины и венчика горшка, украшенный оттисками «фальшивого» шнура, или штампа, в виде «личинок» (рис. 5: 3), а также верхняя часть сосуда с горизонтальными оттисками грубого шнура под венчиком и на горловине (рис. 4: 1). На некоторых фрагментах также имеется орнамент в виде продолговатого неглубокого штампа (рис. 4: 19; 5: 6) или глубоких прочерченных линий (рис. 4: 15).

Вторая категория керамики представлена всего 20 фрагментами стенок (рис. 5: 16, 19, 20). В технологическом отношении она отличается более высоким качеством, относительно тонкостенная, толщиной

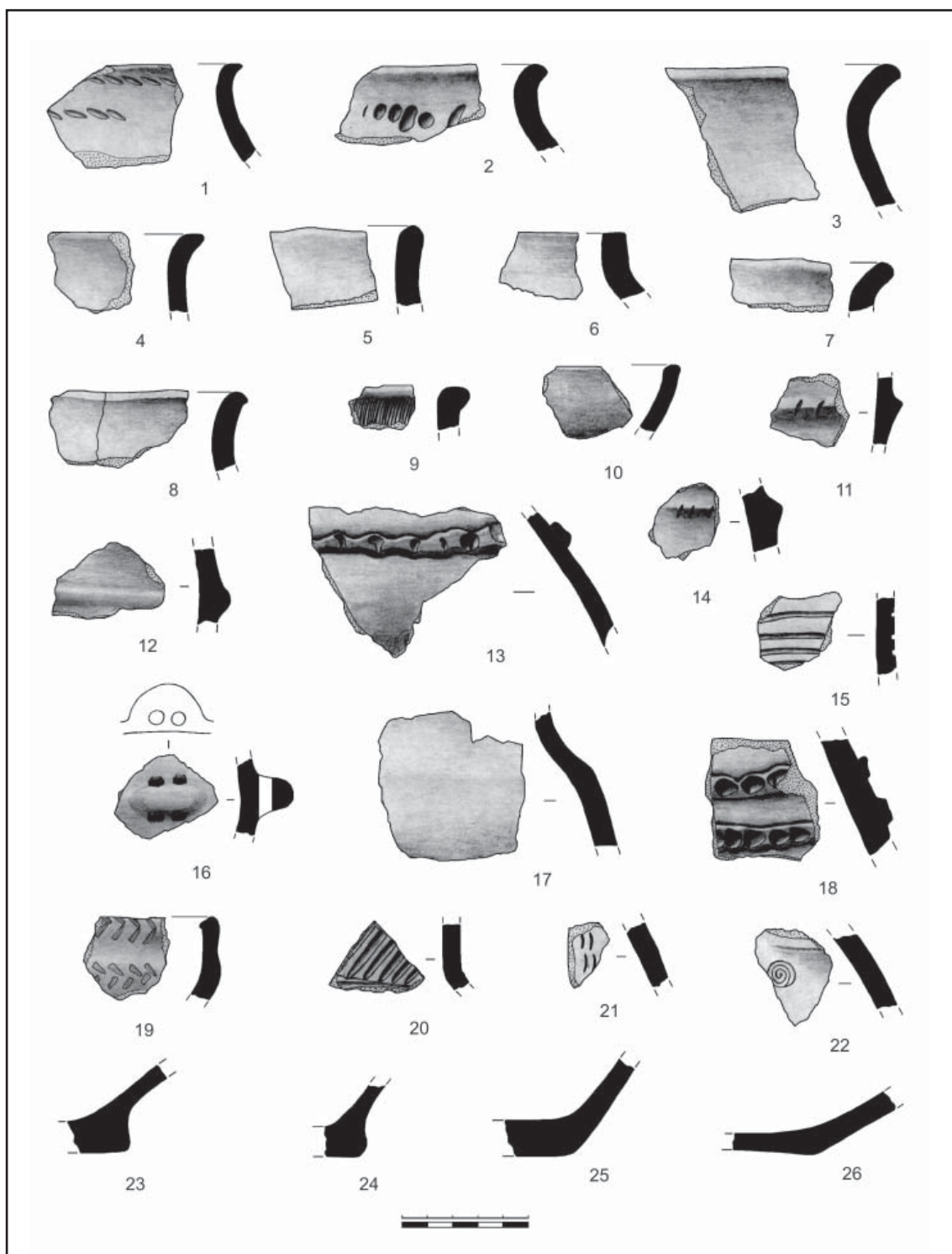

Рис. 4. Керамика поселения «Змеиная Балка» (Кошары IV).

0,7—0,8 см. Глиняная масса более плотная и однородная, с минеральной примесью, в изломе черная. Внешняя поверхность шершавая, напоминающая покрытие барботином, коричневого цвета, но также попадаются фрагменты с более гладкой поверхностью. Внутренняя поверхность или со следами полосчатого сглаживания, или сравнительно гладкая, черного или серого цвета. Форма со-

судов не устанавливается. Орнамент на данной категории посуды не встречается.

Третья категория керамики (54 фрагмента) относится к разряду самой высококачественной (рис. 4: 21, 22, 26; 5: 13, 15). Посуда в основной массе тонкостенная (0,5—0,7 см) и по технологическим признакам отчасти напоминает керамику второй категории. Масса плотная, с минеральной примесью. Внешняя

№2. 2010

и внутренняя поверхности довольно тщательно заглажены, относительно ровные, иногда со слабыми следами лощения. Внешняя поверхность сосудов в основном коричневатых, красноватых, реже серых или темно-серых оттенков. Внутренняя поверхность в основном серая или темно-серая, иногда черная. Фрагменты происходят, вероятно, от небольших округлотелых сосудов, точная форма которых не устанавливается. Донца сосудов плоские или слегка вогнутые (рис. 4: 26).

Орнамент на керамике рассматриваемой группы встречается сравнительно редко. Главным образом, это направленные вершинами вниз ряды прочерченных треугольников, свисающие от горловины на плечики (рис. 5: 15), а также неглубокие линии, образующие крестовидные фигуры и выполненные в той же технике. На одном фрагменте стенки находились ряды ногтевых углублений (рис. 4: 21). Еще один фрагмент стенки был украшен комбинацией маленьких

Рис. 5. Керамика и индивидуальные находки поселения «Змеиная Балка» (Кошары IV).

овальных вдавлений и прочерченных линий (рис. 5: 13). В этой же группе керамики имеется фрагмент стенки, орнаментированный округлым штампом со спиралью внутри (рис. 4: 22).

Несмотря на определенную технологическую однородность керамики в пределах отдельных категорий, в ее составе, вероятно, присутствуют материалы различных, хронологически разнородных, культур. Часть керамики можно, по всей видимости, отнести к сабагиновской культуре позднего бронзового века. На это, в частности, указывает орнаментация в виде горизонтальных валиков и прочерченных линий, наиболее характерная

для сабагиновской посуды (рис. 4: 11—14, 18; 5: 13, 15). Похожая техника орнамента, к примеру, встречается на керамике сабагиновского поселения Вороновка II (Ванчугов и др. 1991: рис. 41: 4—11; 15: 3; 16: 18, 19; 18: 14). Вместе с тем, возможно, правы те исследователи, которые выделяют в рассматриваемом керамическом ансамбле материалы более раннего времени и связывают их с позднекатакомбной, или ингульской, культурой (Агульников, Редина 2007: 169). Действительно, часть керамики первой категории демонстрирует определенное сходство с материалами катакомбной культуры. Такая культурно-хронологическая интерпретация подтверждается тремя радио-

Лаб. номер	Возраст ВР	δC^{13}	1 σ	2 σ
Hd — 28320	3817±30	-20.4	cal BC 2296— 2202	cal BC 2434— 2142
Hd — 28427	3752±20	-20.5	cal BC 2199— 2139	cal BC 2274— 2047
Hd — 28461	3789±22	-19.6	cal BC 2281— 2149	cal BC 2290— 2141

углеродными датами, полученными по костям животных из шурфа № 2:

Как видно, все даты укладываются в последнюю четверть III тыс. до н. э., что соответствует периоду существования ингульской культуры (Kaiser 2003: 78). В этом

случае поселение у с. Кошары, с точки зрения дальнейших исследований, приобретает особое значение, учитывая крайнюю малочисленность и плохую изученность поселенческих памятников катакомбной культуры.

Литература

- Агульников С. М., Редина Е. Ф. 2005. Могильник эпохи ранней бронзы Змеиная Балка у с. Кошары. *Revista arheologică* 1 (2), 267—276.
- Агульников С. М., Редина Е. Ф. 2006. Могильник эпохи ранней бронзы на Тилигульском лимане. В: *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму XIII*. Запоріжжя, 43—47.
- Агульников С. М., Редина Е. Ф. 2007. Могильник «Змеиная Балка» у села Кошары, Одесской области. *Tyragetia* I (1), 169—180.
- Ванчугов и др. 1991: Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Петренко В. Г. 1991. *Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.
- Патокова Э. Ф. 1979. *Усатовское поселение и могильники*. Киев: Наукова думка.
- Патокова Э. Ф., Петренко В. Г. 1989. Усатовский могильник Маяки. В: Патокова Э. Ф., Петренко В. Г., Бурдо Н. Б., Полищук Л. Ю. *Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.
- Kaiser E. 2003. *Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut*. Archäologie in Eurasien 14. Mainz: von Zabern.

Статья поступила 30 января 2010 г.

Blažoje Govedarica (Berlin, Germany). Professor. German Archaeological Institute.

Blažoje Govedarica (Berlin, Germania). Profesor. Institutul de arheologie a Germaniei.

Благое Говедарица (Берлин, Германия). Профессор. Немецкий археологический институт.

E-mail: bgo@eurasien.dainst.de

Igor Manzura (Kishinev, Moldova). Doctor of history. High Anthropological School.

Igor Manzura (Chişinău, Moldova). Doctor în istorie. Universitatea «Şcoala Antropologică Superioară».

Манзура Игорь Васильевич (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: igormanzura@mail.ru

С. Н. Попович

Новые находки антропоморфных стел в Пруто-Днестровском междуречье

S. N. Popovici.

New Discoveries of Anthropomorphic Stellae in the Prut-Dniester Interfluve.

The article publishes two new findings of Early Bronze Age anthropomorphic stellae from Băcioi (near Kishinev). No tumuli traces were to be seen on the surface, therefore these sculptures come from a disturbed complex. According to a series of parameters, these are the first findings of sculptures of such type in the central zone of Prut-Dniester interfluve. Both stellae bear remarkable ornamental elements: a belt (stellae nr.1) and an asterisk (stellae nr.2). The analogies for Băcioi sculptures allow dating them with the Early Bronze Age period.

S. N. Popovici.

Noi descoperiri de stele antropomorfe în spațiul Pruto-Nistrean.

În articol sunt introduse în circuitul științific două noi stele antropomorfe din epoca bronzului timpuriu, descoperite în împrejurimile Chișinăului, lângă s. Băcioi. Urmele unor tumuli nu au fost sesizate, deci, acestea pot proveni dintr-un complex distrus. După o serie de parametri, acestea sunt primele stele de acest tip descoperite în afara spațiului funerar în zona centrală a spațiului Pruto-Nistrean. Se remarcă elementele ornamentale de pe stelele publicate: brîul (stela nr.1) și asteriscul-rozeta (stela nr.2). Mai multe analogii permit încadrarea sculpturilor din Băcioi în epoca bronzului timpuriu.

С. Н. Попович.

Новые находки антропоморфных стел в Пруто-Днестровском междуречье.

Статья посвящена введению в научный оборот двух новых антропоморфных стел раннего бронзового века, обнаруженных в окрестностях Кишинева, возле с. Бэчой. В месте обнаружения находок не удалось выявить каких-либо следов кургана, следовательно, изваяния происходят из разрушенного комплекса. По ряду параметров это первые находки подобных стел в центральной зоне Пруто-Днестровского междуречья. Выделяются орнаментальные элементы на скульптурах — пояс (стела № 1) и астериск (стела № 2). Аналогии изваяниям из Бэчой позволяют датировать их ранним бронзовым веком.

Keywords: Anthropomorphic Stellae, Băcioi, Early Bronze Age, Ornamental Elements, Disturbed Complex.

Cuvinte cheie: stele antropomorfe, Băcioi, bronzul timpuriu, elemente ornamentale, complex distrus.

Ключевые слова: антропоморфные стелы, Бэчой, ранний бронзовый век, орнаментальные элементы, разрушенный комплекс.

Монументальная скульптура ранних скотоводческих обществ Северного и Северо-Западного Причерноморья уже длительное время находится в центре научных интересов русских и западных исследователей (Титенко 1955: 78—79; Крылова 1976: 36—46; Rîvan 1925: 423—427; Canarache 1953: 709—722; Häusler 1966 и др.). Данному вопросу посвящена обширная литература, и учеными высказан целый ряд довольно сходных предположений относительно пространственного и хронологиче-

ского распространения этих скульптур. Однако многие вопросы, связанные с происхождением, культурной атрибуцией, классификацией и типологией каменных изваяний остаются до сих пор неразрешенными. В сложившейся ситуации введение в научный оборот новых материалов должно способствовать разрешению некоторых проблем, стоящих перед исследователями. Публикации нескольких недавних находок антропоморфных стел с Южно-Молдавского плато и посвящена данная статья.

Весной 2008 г. автор предпринял ряд археологических разведок в области муниципалитета Кишинэу, в частности, в микрорайоне Бэчой-Костюжень. Здесь, в двух километрах к северо-западу от населенного пункта Бэчой, были обнаружены две антропоморфные стелы (рис. 1: 1—4). Первая скульптура (№ 1) находилась на поверхности. Она была изготовлена из известняковой плиты, на поверхности которой видны четкие следы обработки. Подчеркнута голова фигуры высотой в 20—22 см и шириной в 35 см. Ниже смоделировано левое плечо шириной в 10 см. Примерно в середине изваяния неглубокой канавкой передан пояс. Основание стелы обработано более небрежным образом. Размеры скульптуры: высота — 65 см, ширина — 48 см, толщина варьирует между 10—15 см (рис. 1: 3).

Вторая антропоморфная стела была обнаружена на расстоянии примерно 20—25 м к юго-востоку от первого изваяния. Типологически она схожа с первой скульптурой, обладая, однако, несколькими отличительными признаками. Как и первое изваяние, стела № 2 изготовлена из массивной известняковой плиты. На поверхности заметны отчетливые следы обработки, в особенности в верхней части, где подчеркнуты голова и правое плечо. В центре скульптуры находится изображение астериска, образованное наложением четырех резных линий, длина каждой из которых составляет 15—20 см, соответственно, длина одного луча находится в пределах 5—8 см. Размеры: высота — 53 см, ширина — 43 см, ширина верхней части (головы) — 32 см, ширина правого плеча — 6 см, толщина скульптуры — 10—15 см (рис. 1: 4).

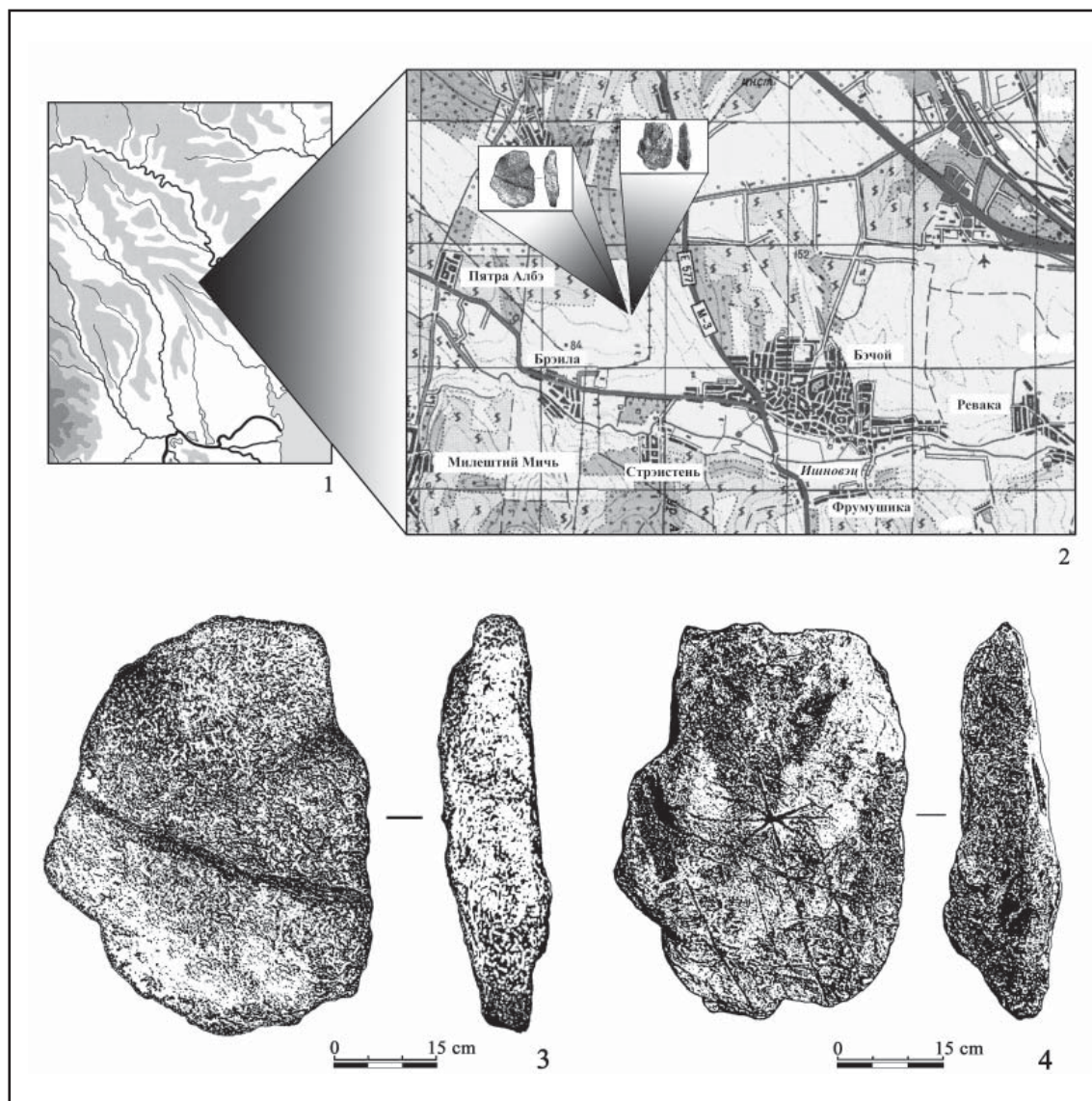

Рис. 1. 1—2 — географическое расположение находки из Бэчой; 3 — стела №1; 4 — стела №2.

№2. 2010

Согласно классификации, предложенной Е. Новицким для аналогичных находок Северо-Западного Причерноморья, наши скульптуры в большей степени соответствуют типу II-Г (Новицкий 1990: 22—24). Учитывая скромные размеры бэчойских изваяний и их типологические характеристики, можно утверждать, что это первые находки в центральной зоне Пруто-Днестровского междуречья стел подобного типа вне определенного погребального комплекса. Похожее антропоморфное изваяние без реалистичных черт, но с четко подчеркнутыми головой и плечами, известно из Анений Ной, около 30 км к востоку от с. Бэчой (Новицкий 1990: 127). Оно также представляет собой случайную находку.

В то же время, изображения на бэчойских скульптурах находят свои аналогии среди памятников Северного и Северо-Западного Причерноморья. Такой элемент, как пояс, присутствующий на первой стеле, широко распространен в антропоморфной скульптуре региона. Однако он встречается чаще всего на реалистичных изображениях и очень редко на тех, где подчеркнуты лишь голова и плечи. Подобные экземпляры известны из Новоселицы 19/17 (Субботин и др. 1995: 84—86) и Олэнешть 2/5 (Яровой 1990: 160). Отдельный интерес представляет собой изображение астериска/розетты на стеле № 2, которое является первой на-

ходкой подобного орнаментального элемента на антропоморфном изваянии в данном регионе. Аналогичные изображения представлены в большем количестве дальше на востоке, в ареале кеми-обинских памятников (Щепинский 1963: 38—47; Щепинский 1973: 21—28; Щепинский 2002: 45—60), которые рассматриваются в качестве регионального варианта ямной культурно-исторической общности (Шапошникова и др. 1986: 21—36; Тощев 2007: 59—93). В кеми-обинском ареале подобные изображения присутствуют в декоре как каменных плит из погребальных ям, так и широко распространенных в среде данных обществ антропоморфных скульптур. Территориально самые близкие аналогии изображениям с поверхности стелы № 2 известным на поверхности изваяний из Старых Беляр, происходящих из заполнения ямы/кенотафа № 16 кургана № 1 (Петренко 1991: 86—87).

Стелы из Бэчой могли происходить из разрушенного кургана, следы которого на поверхности обнаружить не удалось. Их датировка должна восходить к раннему бронзовому веку, т. е. к периоду, с которым соотносятся и другие находки разных форм и размеров из зоны Центрального молдавского плато и Южно-молдавской равнины — скульптуры из Кетросу 1/3 (Яровой 1983: 111—113), Березки (Рикман 1961: 17), Бэлцаты (Рикман 1961: 40) и Рошкань (Дергачев и др. 1989: 29).

Литература

- Дергачев и др. 1989: Дергачев В. А., Борзьяк И. А., Манзура И. В. 1989. *Рошканские курганы*. Кишинев: Штиинца.
- Крылова Л. П. 1976. Керносовский идол/стела. В: Березанская С. С., Отрощенко В. В., Телегин Д. Я. (ред.). *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев: Наукова думка, 36—46.
- Новицкий Е. Ю. 1990. *Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Элита.
- Петренко В. Г. 1991. Курган бронзового века у с. Старые Беляры. В: Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Петренко В. Г. *Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова Думка, 77—91.
- Рикман Э. А. 1961. *Памятники древнего искусства Молдавии (по археологическим данным)*. Кишинев: Штиинца.
- Субботин и др. 1995: Субботин Л. В., Островерхов А. С., Дзиговский А. Н. 1995. *Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык*. Одесса: Гермес.
- Титенко Г. Т. 1955. Каменная стела из с. Первомаевка. *КСИА АН УССР* 5, 78—79.
- Тощев Г. Н. 2007. *Крым в эпоху бронзы*. Запорожье: ЗНУ.
- Шапошникова и др. 1986: Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. 1986. *Ямная культурно-историческая область (Южнобугский вариант)*. САИ, Б1—3.
- Щепинский А. А. 1973. Антропоморфные стелы Північного Причорномор'я. *Археологія* 9, 21—28.
- Щепинский А. А. 1963. Памятники искусства раннего металла в Крыму. *СА* (3), 38—47.
- Щепинский А. А. 2002. *Памятники кеми-обинской культуры (САИ)*. Запорожье: ЗНУ.
- Яровой Е. В. 1983. Охранные раскопки кургана у с. Кетросы. В: Кетрару Н. А. (ред.). *Первобытные древности Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 110—128.
- Яровой Е. В. 1990. *Курганы энеолита—эпохи бронзы Нижнего Поднепровья*. Кишинев: Штиинца.
- Canarache V. 1953. Considerații asupra unei statui inedite din timpul orânduirii comunei primitive în Dobrogea. *SCIV* 4 (3—4), 709—722.
- Häusler A. 1966. Anthropomorphe Stelen des Eneolithkums im nordpontischen Raum. *WZMLUH* G, H. 15, 29—73.
- Pîrvan V. 1925. La statue-menhir de Hamanja. *Dacia* II, 422—429.

Serghei Popovici (Kishinev, Moldova). Junior research fellow. Cultural Heritage Institute, Moldova Academy of Sciences.

Serghei Popovici (Chişinău, Moldova). Colaborator științific inferior. Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei.

Попович Сергей Николаевич (Кишинев, Молдова). Младший научный сотрудник. Институт культурного наследия, Академия наук Республики Молдова.

E-mail: popovicisergiu@mail.ru.

Рецензии

Reviews

Recenzii

Л. С. Клейн

Еще раз о так называемых зооморфных скипетрах

Полемическая заметка о книге В. А. Дергачева

«О скипетрах, о лошадях, о войне»

Новый 2007 год для меня начался с ознакомления с новой книгой В. А. Дергачева «О скипетрах, о лошадях, о войне», датированной 2007 годом. Книга (Дергачев 2007) великолепно издана и сработана автором на славу. В ней В. А. Дергачев еще раз показал себя как замечательный мастер археологического исследования, обладающий разнообразными методами, знаток широкого круга древностей, страстный и опытный полемист. Сейчас нет лучшего и наиболее полного исследования этой оригинальной категории энеолитических древностей, ставших уже классическим предметом испытания сил для археологов разных стран. Я очень благодарен автору за то, что эта великолепная книга посвящена (в числе нескольких других ученых) мне, и я могу оценить ту деликатность, с которой автор отвергает мою гипотезу, не акцентируя на этом внимания, — только мельком (с. 150) ссылается на мою небольшую заметку по данному предмету и отмечает «изолированность» моей позиции. Скрытая полемика, тем не менее, остается полемикой, и я хочу защитить свою позицию, так как отказываться от нее и после столь увесистого собрания аргументов не считаю возможным, а тема эта является для книги центральной.

Речь идет о так называемых зооморфных каменных скипетрах энеолита. В них видели то гиппопотама, то носорога, то свинью, то змею, то (чаще всего) лошадь, притом взнузданную, и в связи с последней идентификацией строили гипотезы о роли этих скипетров как знаков власти всадников в энеолите. В эрмитажных тезисах 1990 года (Клейн 1990) я опубликовал свое мнение о том, что эти предметы вовсе не скипетры (у них нет проуха для рукояти), и что изображена не свинья, не змея и не лошадь, а мифическое животное — единорог (там неизменно есть рог

на лбу или темени). Дергачев же отвергает эту идею и еще раз обосновывает традиционную трактовку. Вкратце логическая цепочка его заключений сводится к следующему:

1. Эти так называемые зооморфные скипетры (общим числом 36) делятся на две основные группы — реалистичные и схематические, а каждая из них — на три: предельно обобщенные формы, промежуточные и предельно усложненные. Предельно обобщенные формы (самые простые) обеих основных групп практически совпадают. Классификация объективна, так как к одинаковой группировке пришли украинские и западные исследователи.

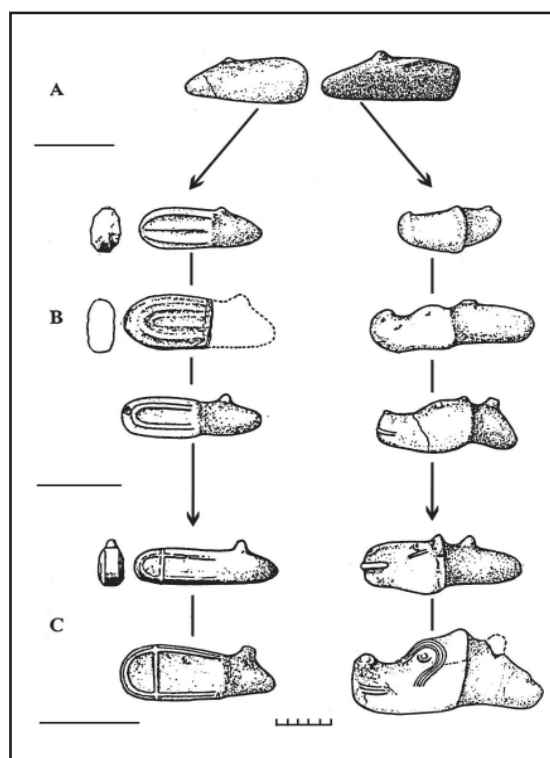

Рис. 1. Развитие «скипетров» по В. А. Дергачеву (Дергачев 2007: рис. 21 на с. 118).

2. Все эти группы можно представить как развитие одного исходного типа.

3. Таким исходным типом является предельно обобщенная разновидность. От нее идет развитие к разворачиванию в реалистический образ и в условное детализированное («предельно усложненное») изображение (рис. 1).

4. Это доказывается хронологическим соотношением комплексов: хвалынские скипетры раньше, «новоданиловские» позже.

5. Этот реалистический образ — несомненно, образ коня, что доказывается сравнением пропорций с реальными головами лошадей, а искажение — результат экспрессивного выделения существенных деталей головы — глаз и ноздрей. «Рог» же — это намёк на подстриженную гриву. Действительно, на скипетре из Кайраклии вместо одного рога — четыре зубца, как на «скипетре-кинжале» из Оленеостровского могильника (рис. 2).

6. Конь — взнузданный. Это документируется изображением капзуга на морде — вертикальной чертой, отделяющей переднюю часть морды (рис. 3).

7. В каждом из этих предметов полированная половина (морда животного) — это опознаваемая, значащая часть, а шершавая задняя часть предназначена для крепления рукояти.

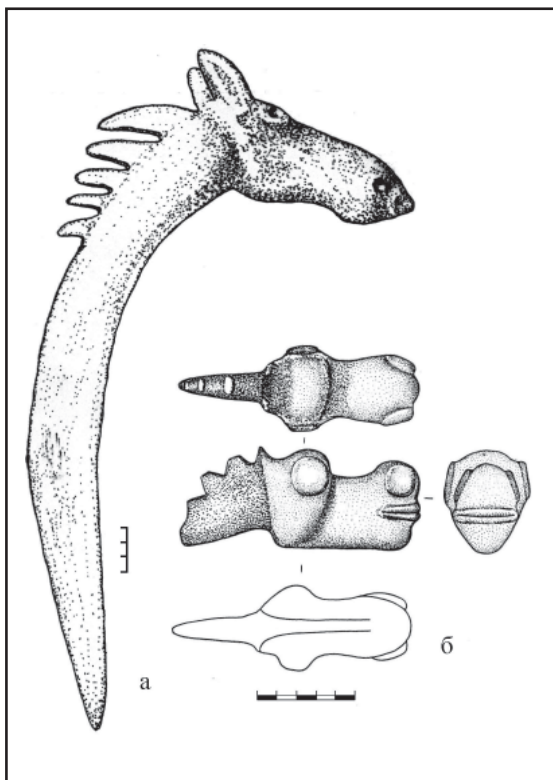

Рис. 2. Зубцы, трактуемые как грива: а) скипетр из Оленеостровского могильника, б) «скипетр» из Кайраклии (по Дергачев 2007).

8. Рукоять мыслится как изогнутый на конце стержень с муфтой, в которую входит задняя часть анализируемого предмета. Моделью для целого служат цельные палеолитические «жезлы вождей» с окончанием в виде лошади и неолитические «кинжалы» с рукоятью в виде головы животного (рис. 4).

9. Функциональное назначение этих предметов — знаки власти, а именно скипетры. По этому случаю рассматривается роль скипетров у древних греков и т. п.

10. Из наличия скипетров с изображением коня выводится социальная структура энеолитических обществ, в которых применялись эти скипетры, а также подтверждается наличие домашней лошади.

11. Поскольку из двух районов обнаружения скипетров (восточного — средневожского и западного — карпато-дунайского) схематические преобладают в средневожском (рис. 5), а они признаны ранними, исходными, то средневожский район должен считаться исходным для формирования всего типа (а заодно и для одомашнивания коня).

12. Одомашнивание коня в энеолите, конечно, доказывается отдельно, но (ввиду трудности различения костей домашних и диких особей) — косвенными данными, в частности, рассмотрением состава стада домашних животных: он должен быть сбалансированным — если уменьшается доля, скажем, крупного рогатого скота, то должна возрасти доля лошади. В случае уменьшения другого скота лошади, устанавливаемые по костям, должны быть признаны домашними — чтобы заполнить брешь.

Таков ход рассуждений. Рассмотрим его критически.

1. У меня нет возражений против первого пункта, хотя аргументация его ссылкой на то, что несколько разных авторов пришли к одинаковому в деталях решению, не увеличивает впечатление об объективности решения: упоминаемые работы западных и украинских авторов появились не одновременно — вполне возможно заимствование идеи, а не совпадение независимых решений.

2. Второй пункт также не стану оспаривать, хотя в принципе возможны и другие трактовки типологического различия, не обязательно деривационные. Что тут развитие, а не вариативность, нужно было бы специально доказывать.

3. Против третьего пункта возражаю решительно. Дергачев исходит из догмы эволюционизма: развитие от простого к сложному (с. 114). Еще эволюционисты Уильям Холмс и Оутис Мейсон, а особенно антиэволюционисты

№2. 2010

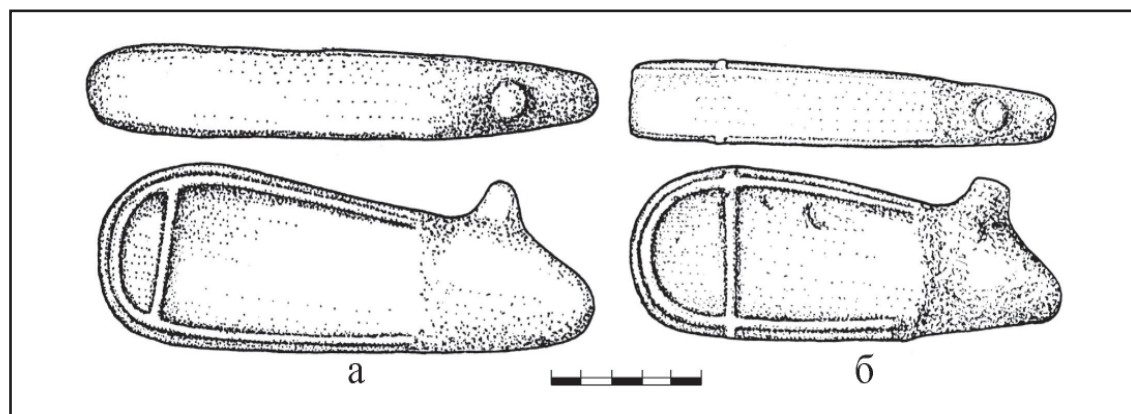

Рис. 3. Предполагаемые изображения капцуга: а) «скипетр» из Архары, б) «скипетр» из Куйбышевского музея (по Дергачев 2007).

сты Хьяльмар Столпе и Альфред Хэддон показали, что вполне возможен и противоположный ход изменений, а в семиотике и художественном творчестве, когда речь идет о конкретных произведениях, а не о целых жанрах, он преобладает. Как представляет себе Дергачев сценарий процесса изменения «скипетров»? Сначала появились «предельно обобщенные», скажем прямо, неопределенные формы, а потом постепенно они стали обретать реальные очертания животного и одновременно символизироваться, превращаясь в его схематический вариант? Но по каким приметам вначале эти «абстрактные» формы опознавались как образы животных владельцами «скипетров» и окружающими? А если они были условными символами изначально, то зачем потом нужно было придавать им реальные очертания? Процесс обычно идет противоположным путем: примитивным является использование реальных форм в качестве наглядных символов, и лишь затем, после привыкания и образования навыков изошренного узнавания, происходит увеличение условности.

Другое дело, что можно предположить рост умения: первоначальные формы — грубые, мало детализированные, а поздние формы — более совершенные, с лучшей, более реалистичной передачей очертаний и деталей. Но грубые, неумелые формы передачи деталей отличаются от обобщения, условности, избегания деталей. Здесь именно обретение большей условности. К тому же очень трудно вообразить, как это схематизация, геометризация, превращение реалий в орнамент (в каннелюры и U- и O-образные линии) были тенденцией, параллельной со стремлением к увеличению реальности, как эти две несовместимые тенденции развивались параллельно в одной и той же среде.

Для меня несомненно, что развитие здесь шло от реалистичных форм к более условным,

схематичным. Что же касается обобщенных форм, то они появлялись как упрощение более сложных, когда можно было затратить меньше труда (когда будущий обладатель изделия был менее престижной личностью).

4. Те хронологические факты, которые Дергачев подтверждает намеченный им путь развития (точнее, одну его ветвь), меня

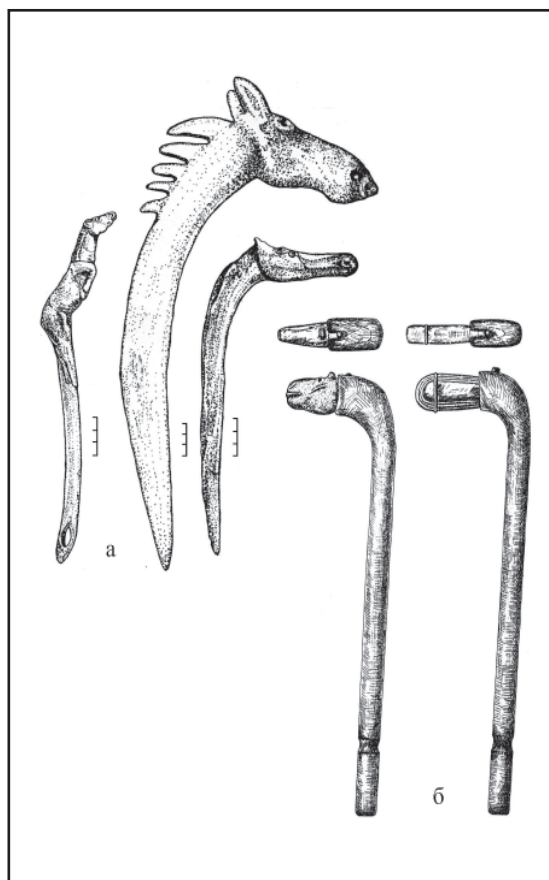

Рис. 4. Реставрация В.А. Дергачева: а) модель для реставрации — палеолитические и неолитические жезлы; б) предполагаемый облик энеолитического скипетра на рукояти с муфтой (по Дергачев 2007).

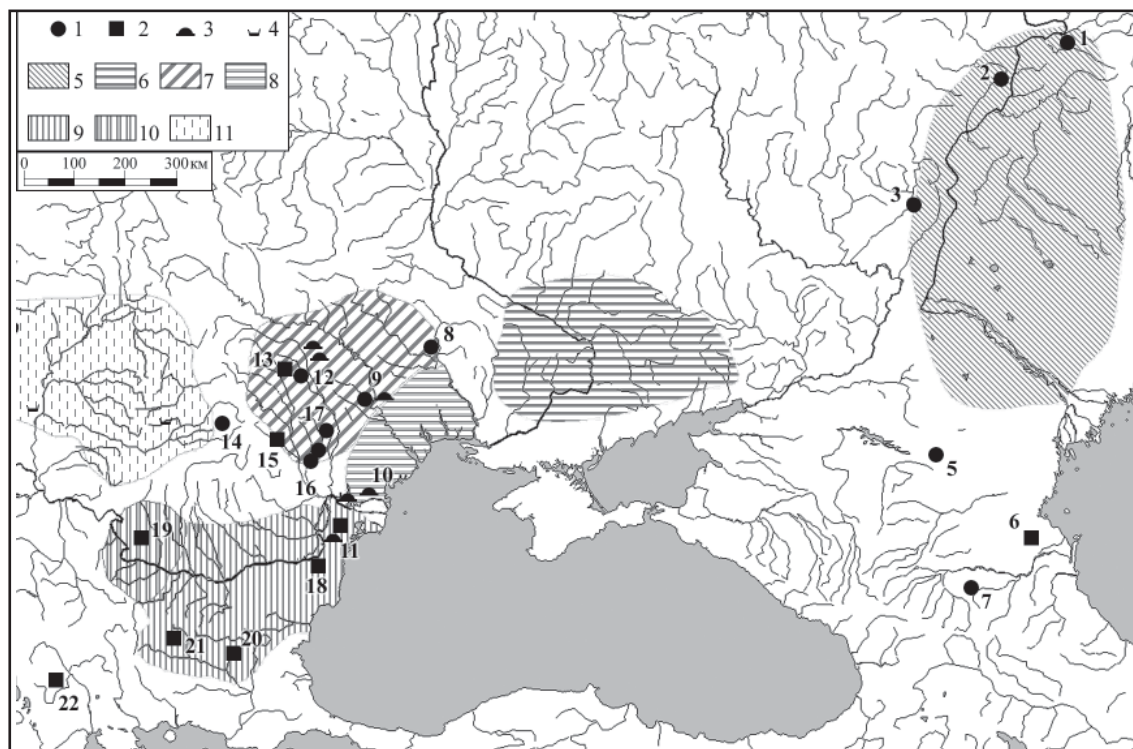

Рис. 5. Карта распространения «скипетров» (по Дергачев, Сорокин 1986).

не убеждают. Это не система, а изолированные фрагменты (один хвальинский, другой — новоданиловский), и они несут все приметы такого рода фактов: хронологические соотношения культур не устоялись, положение находок внутри культур ненадежно, сами стратиграфические данные могут оказаться и результатом ошибок при первоначальной фиксации (пока они не подтверждены другими фактами). Чтобы выдвинуть утверждение о стратиграфическом превышении одного типологического типа над другим Монтелиус считал необходимым минимум несколько отдельных случаев фиксированных отношений, а на основании одного — не решался. А тут один, да еще столь неясный.

5. Дергачев положил немало усилий, чтобы доказать, что изображен конь, а не змея, гиппопотам, свинья и т. п. Его доказательства у меня особых возражений не вызывают, поскольку предположенный мною единорог имел облик коня, только с рогом на лбу. А все «скипетры», даже самые схематичные, без рога не обходятся. Поскольку четыре зубца вместо одного рога есть только в одном случае («скипетр» из Кайраклии), а в десятках случаев — один рог, то это вряд ли стяжение стриженной гривы до одного зубца, а скорее превращение рога в одном-единственном случае в ряд зубцов в результате забвения и непонятности исходного образа. К тому же, если и можно было бы предположить какую-то генетическую связь между неолитическим Оленеостровским

могильником и случайной (энеолитической по типу) находкой на юге Молдавии, то ведь на предмете из Оленеостровского могильника явно изображен лось или лосиха, а не лошадь, и зубцы на шее — это никак не подстриженная грива, а либо рудименты рогов (их трудно было вырезать в избранной технике), либо деталь фантастического животного на основе лося.

Искажение пропорций ряда скипетров вплоть до превращения головы коня в голову «курносого» бульдога очень уж не вяжется с образом реального коня, а вот образ мифологического животного мог видоизменяться гораздо более свободно, поскольку реального единорога никто не видел и здесь был простор для фантазии творцов.

6. Вертикальная черта, принимаемая за капцуг (и якобы документирующая взнузданность), есть только на схематизированных, обобщенных изображениях, а на реалистических ее нет — за одним исключением: на «скипетре» из Сэлкуцы волнистая линия проходит вертикально на уровне глаз. Поэтому разумнее считать все эти вертикали не изображением капцуга, а деталью орнамента — схематизацией обводки глаз (ср. скипетр из Касимчи — рис. 6).

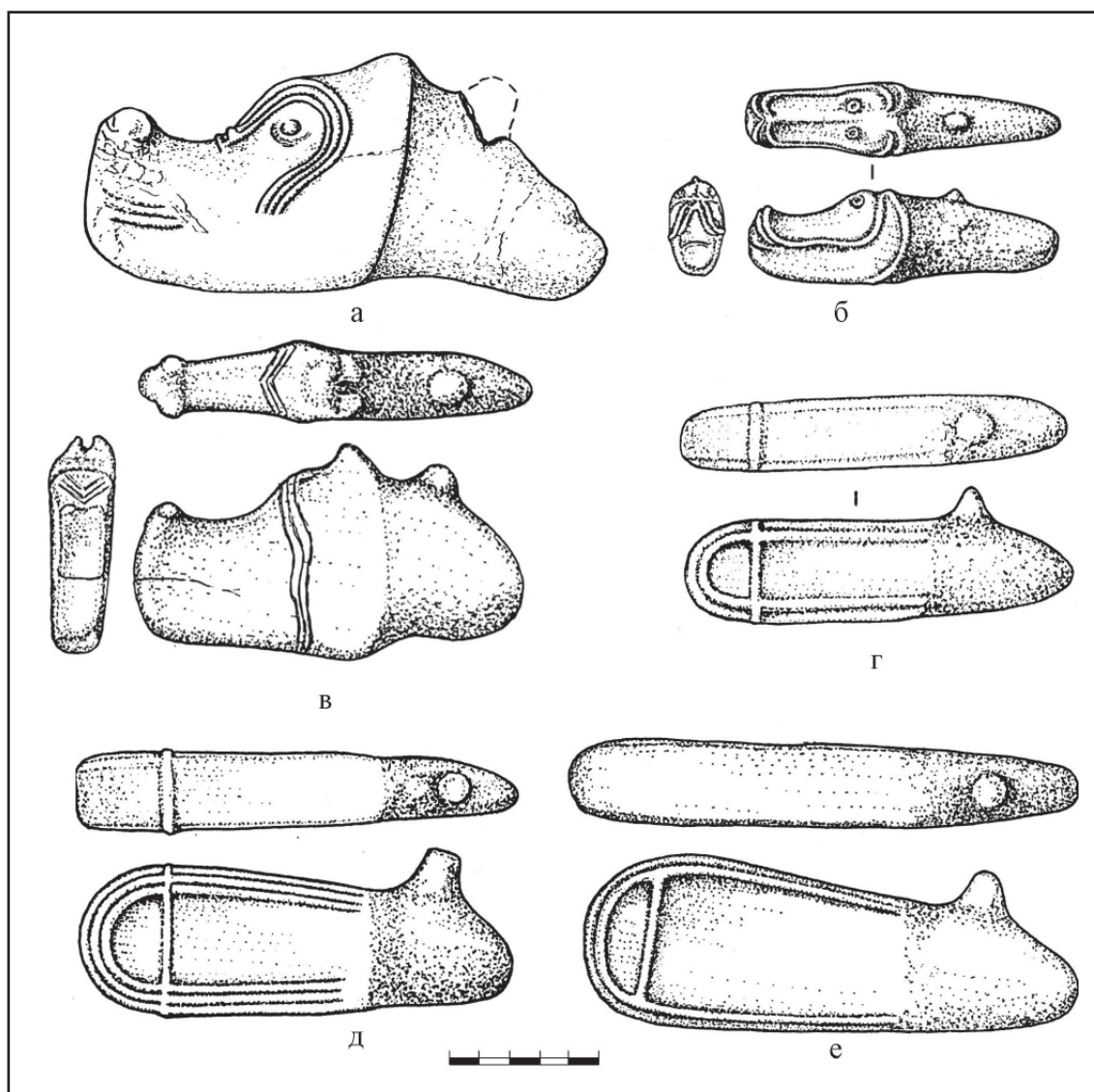
7. Чем доказывается, что шершавая часть «скипетра» действительно предназначена для крепления в рукояти, а не для простого держания рукой, обнаженной или через какую-то ткань?

№2. 2010

Дергачев хочет быть объективным и до приведения доказательств не выдвигать решений. Он заявляет: «если в историографической части работы мы, вслед за нашими предшественниками, свободно оперировали по отношению к интересующей нас категории материалов такими понятиями, как “скипетры” или “жезлы”, то, приступив к разработке их классификации и типологии, мы отказались от этих понятий, используя более узкий по значению термин — “навершие”». Но и термин «навершие» уже предполагает доказанную реконструкцию — позицию наверху некоего стержня, рукояти, вообще чего-то. А с какой стати я должен вместе с Дергачевым предполагать именно такую позицию этих предметов? Дергачев опирается на «их конструктивность, вполне очевидную для каждого специалиста, за исключением, пожалуй, самого Л. С. Клейна» (с. 151). Ссылка

на очевидность — аргумент из репертуара Косинны. Много (не только в археологии) было всем очевидно, а оказалось не так.

8. Невиданной представляется реконструируемая форма рукояти — изогнутый стержень, как у рукояти втульчатого кельга, но с муфтой на конце и вертикальным положением «орудия». Сам же Дергачев заявляет: «ни в Восточной, ни в Юго-Восточной Европе нет (по крайней мере, автору не известно) ни одного другого предмета с подобной своеобразной системой крепления к рукоятке» (с. 112). Но это и должно было побудить автора задуматься: а реалистична ли такая реконструкция? Цельными моделями для нее послужили изогнутые палеолитические «жезлы вождей», но, во-первых, это цельные изделия (без муфты), совсем другая конструкция, а во-вторых, это же палеолит — за более чем

Рис. 6. Происхождение вертикалей, принимаемых за изображение капцуга: «скипетры» а) Касимча, б) Суводол, в) Сэлкуца, г) Обыршень, д) Орджоникидзе, е) Куйбышевский музей (по Дергачев 2007).

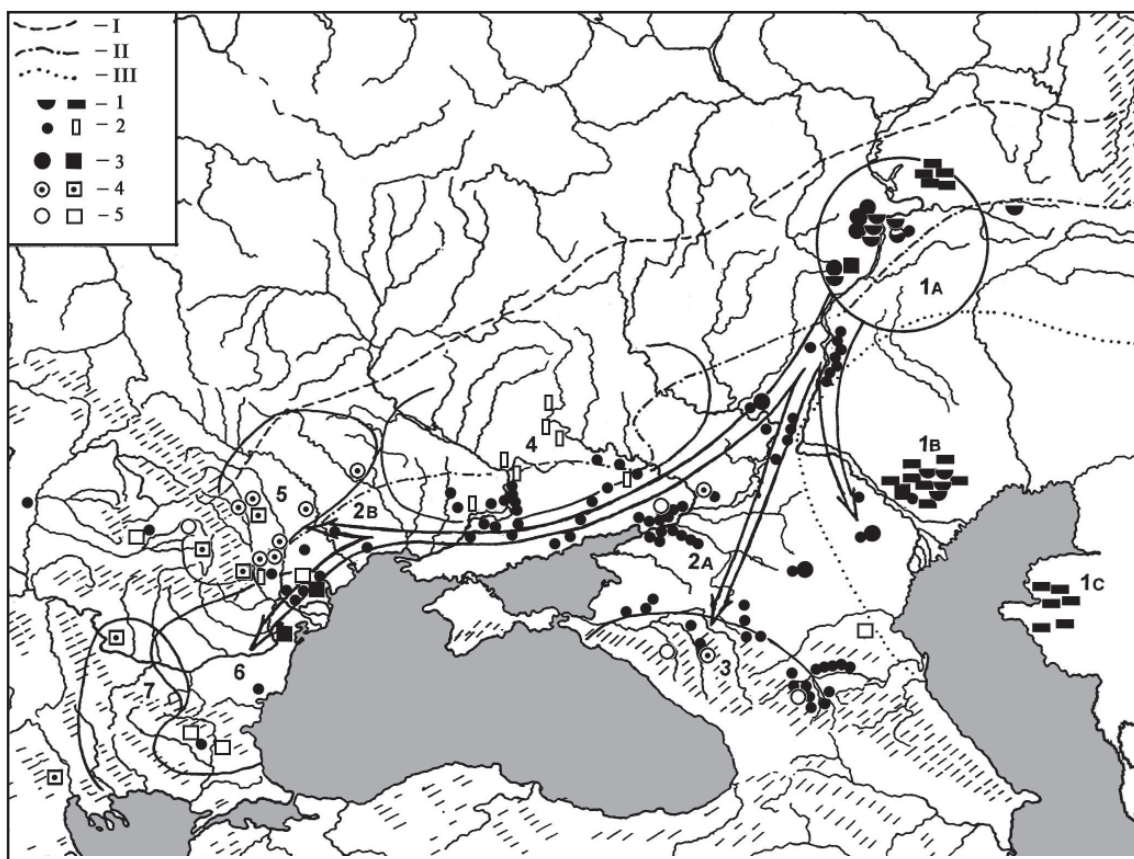

Рис. 7. Карта соотношения скипетров с типами памятников (по Дергачев 2007).

десять тысячелетий до анализируемых предметов.

9. Коль скоро рукояти у этих зооморфных предметов не было (по крайней мере, рукоять остается недоказанной), то и скипетрами их считать нет оснований. Все рассуждения о скипетрах у Гомера очень интересны и плодотворны, но к основному сюжету отношения не имеют.

10. И не скипетр, и не конь. Стало быть, все выводы о социальной структуре и т.п. повисают в воздухе. Да если бы и конь... Культ коня не обязательно связан с его одомашниванием. В таких же формах существовали культы медведя и лося, но не выводим же мы из этого их одомашнивание. Иначе самой домашней следовало бы признать палеолитическую лошадь, не говоря уж о мамонте.

11. Коль скоро схематические изображения, скорее всего, являются дериватами реалистических, то необоснованны и выводы о Среднем Поволжье как исходном очаге зарождения идеи «зооморфных скипетров». А был ли то очаг зарождения коневодства, нужно решать по другим данным.

12. Во всяком случае, соотношение видов животных в стаде выглядит малоубедительным аргументом в пользу одомашненной

лошади. Мало ли по каким причинам может изменяться состав стада в сторону «несбалансированности»? Вот Маша Левайн (Левине) анализировала половозрастной состав табуна Деревки и показала, что представленный там костями табуна имеет все признаки дикого табуна, компонуемого естественными нормами природы, а не домашнего, формируемого искусственно забоем, отбором и т.п. (Levine 1990). Это звучит убедительно. Дергачев напрасно не обратил внимания на эту работу.

Что касается самих «скипетров», то я продолжаю считать их изображениями единорога и в связи с мифом о Единороге и Деве интерпретировать эти предметы как жреческие орудия дефлорации. Единорог, так же, как другие конеподобные образы — кентавр, Ашвины-Диоскуры, — относился у индоевропейцев к божествам инициаций, хранителям и распорядителям девственности, норм добрачного возраста. Возникли ли эти функции в культе коня дикого или домашнего, неясно. Во всяком случае, нет никаких оснований считать коней на Керносовском идоле и в росписи новосвободненской гробницы в Кладах домашними, как это делает Дергачев (с. 298, 299). Уж не думает ли он, что на плитах мегалита в Кладах

№2. 2010

изображена пастораль — сидящий пастушок (почему-то без головы), а вокруг него пасутся лошади? Мне-то видится там божество смерти (и рождений) и кони совсем другой природы — «дивьи кони» (дикие = божьи), совершающие вокруг божества ритуальный обход — прадакшину...

По-видимому, те немногие авторы, которые настаивали на западном происхождении «скипетров» (Д. Берчу, А. Хойслер, В. А. Сафронов), правы. На карте распространения скипетров (рис. 7 — Дергачев 2007, карта 2 на с. 147) видно, что реалистические «скипетры», находимые, главным образом, на поселениях (пустые квадратики), были распространены в Карпато-Дунайском бассейне у сельскохозяйственного населения. Это, видимо, и есть очаг зарождения типа. По мере продвижения на восток изображения схематизировались — легко заметить, что россыпь схематических «скипетров» (пустые кружки) занимает пространство Попрутья, Поднестровья и Побужья, т. е. к востоку от очага зарождения. На границе со степью тип был заимствован степным населением. Однако можно полагать, что группа подвижного населения, заимствовавшего этот тип, быстро продвинулась на восток — тип распространился в степях Предкавказья и Нижнего Поволжья, заходя в лесостепное Среднее Поволжье, но он совершенно отсутствует на огромной промежуточной территории — на Украине между Южным Бугом и Подоньем. На востоке,

в Предкавказье и Поволжье, преобладает уже схематический вариант «скипетра», и находят его нередко в погребениях (на западе только два случая). Что это была за группа, сказать трудно. На карте обе области соединяет новоданиловская культура, но она же заполняет и пространство, свободное от «скипетров» на Украине. Значит, либо нужно предположить, что некая небольшая часть новоданиловской культуры переселилась с ее западного края на восточный, унеся с собой заимствованный у земледельцев тип (и тогда нужно попытаться расчленить новоданиловскую культуру, что и делает ряд исследователей), либо посредником была какая-то иная культурная группа.

Не все разделы книги Дергачева я разбираю в этой заметке, а только те, что касаются интересующей меня темы. Правда, она в книге — центральная. Еще раз подчеркиваю, что считаю книгу В. А. Дергачева очень ценной и поучительной, несмотря на то, что полемицирую с ее выводами. Интересно ведь не только открытие истин, но и пути к ним. А на избранном пути В. А. Дергачев проделал много интересной и полезной работы. Выполненные им разработки и обобщения значительных групп материала останутся в науке, если даже его выводы из них не удержатся в ней. Разработанные им варианты исследовательских методов послужат образцами для многих исследователей — для тех, кто решится на столь же трудоемкую работу.

Литература

- Дергачев В. А. 2007. *О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Клейн Л. С. 1990. О так называемых зооморфных скипетрах энеолита. *Проблемы древней истории Се-*

верного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Тезисы конференции, посвященной 90-летию Б. А. Латынина. Ленинград: Гос. Эрмитаж, 17—18.

- Levine M. A. 1990. Dereivka and the problem of horse domestication. *Antiquity* 64 (245), 727—740.

Статья поступила в номер 20 мая 2008 г.

Leo Klejn (St.-Petersburg, Russia). Professor. European University at Saint-Petersburg.

Leo Klejn (S.-Petersburg, Rusia). Profesor. Universitatea Europeană din S.-Petersburg.

Клейн Лев Самойлович (Санкт-Петербург, Россия). Профессор. Европейский университет Санкт-Петербурга.

E-mail: lsklejn@gmail.com

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
Археологія	— Археологія. Киев
ГМВ	— Государственный Музей Востока. Москва
ЕТЦ	— Енциклопедія трипільської цивілізації. Київ
ЗНТШ	— Записки Наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. Львів
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИИМК АН СССР	— Институт истории материальной культуры Академии наук СССР. Ленинград
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
КДУ	— Кам'яна доба України. Київ
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института Археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии Наук Украинской ССР. Киев
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» РАН. Санкт-Петербург
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград
РА	— Российская археология. Москва
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд. Москва.
СА	— Советская археология. Москва
САИ	— Свод археологических источников. Москва-Киев
СЭ	— Советская этнография. Москва
ТГИМ	— Труды Государственного Исторического Музея. Москва.
ААМТ	— Advances in Archeological Method and Theory. Tuscon
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford
BPS	— Baltic-Pontic Studies. Poznań
JNES	— Journal of Near Eastern Studies. Chicago
RA	— Revista Arheologică. Chişinău
SCIV(A)	— Studii și cercetări de istorie veche (și arheologie). Bucureşti
WZMLUH	— Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität. Halle

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet

M. Baković, B. Govedarica. **Findings from the Princely Burial Mound Gruda Boljevića in Podgorica, Montenegro.**

Rostunov V.L. 2007. *Epokha eneolita — sredney bronzy tsentralnogo Kavkaza*. Tom III. Opyt rekonstruktsii sakralnogo prostranstva rannikh kurganov Evropy i severnogo Kavkaza. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy Institut Gumanitamykh Issledovaniy.

N.B. Burdo. **Realistic figurines of the Trypillia-Cucuteni culture: systematization, typology, interpretation.**

Bibikov S.N. 1953. Rannetripolskoe poselenie Luka-Vrublevetskaya na Dnestre: K istorii rannikh zemle-del.-skotovod. plemen na yugo-vostoke Evropy. *MIA* 38.

Bobrinskiy A.A. 1901. Kurgany i sluchaynye arkhelogicheskie nakhodki bliz mestechka Smely. *Dnevnik raskopok 1889—1897 gg.* T. III. Sankt-Peterburg.

Burdo N.B. 2001. Terrakota tripilskoy kultury. V: *Davnaya keramika Ukrainy*. Kyiv: Akademiya, 61—145.

Burdo N.B. 2003. Rannyotripilske poselennya Luka-Vrublivetska i problema sinkhronizatsii Prekukuteni-Kukuteni-Tripillya. *ZNTSh* 236, 66—88.

Buzyan G.M., Bilousko V.M. 2009. Materialy tripilskogo poselennya Gremyachka. In: Vasilyev S.A., Kulakovskaya L.V. (red.). *S.N. Bibikov i pervobytnaya arkhelogiya*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 323—328.

Buzyan G.M., Yakubenko O.O. 1998. Doslidzhennya tripilskogo poselennya Krutukha-Zholob poblizu Pereyaslava-Khmelnitskogo. *AVU* 1997—1998 rr., 59—61.

Chernish E.K. 1982. Eneolit Pravoberezhnoy Ukrainy i Moldavii. In: Masson V.M., Merpert N.Ya. (red.). *Eneolit SSSR*. Moskva: Nauka, 166—347.

Entsiklopediya tripilskoy tsivilizatsii (ETC). T. I, II. Pod red. M.Yu. Videyko. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, 2004.

Gamchenko S. 1926. Sposterezheniya nad danimi doslidiv tripilskoy kulturi 1909—1913 rr. In: Kozlovska V. (red.). *Tripilska kultura v Ukraini*. Vip. 1. Kyiv: Vidavnistvo Ukrainsoy Akademii nauk, 31—42.

Gusev S.O. 2009. Antropomorfna plastika serednyobuzhkoj lokalnoy grupi tripilskoy kulturi (etap VI-VII — SI). V: Vasilyev S.A., Kulakovskaya L.V. (red.). *S.N. Bibikov i pervobytnaya arkhelogiya*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 306—316.

Khvoyka V. 1901. Kamenny vek Srednego Pridneprovya. *Trudy XI Arkheologicheskogo syezda v Kieve v 1899 godu*. T. 1. Moskva, 730—812.

Korvin-Piotrovskiy A. 2008. Ukraina v epokhu eneolita (V—IV tys. do n.e.). In: Korvin-Piotrovskiy A., Menotti F. (red.). *Tripolskaya kultura v Ukraine. Poselenie-gigant Talyanki*. Kiev: Institut Arkheologii NAN Ukrainy, 10—32.

Kotova N.S. 2002. *Neolitizatsiya Ukrainy*. Lugansk: Shlyakh.

Kruts i dr. 2008: Kruts V., Korvin-Piotrovskiy A., Menotti F., Ryzhov S., Chernovol D. 2008. Raboty Tripolskoy ekspeditsii v 2007 g. In: Korvin-Piotrovskiy A., Menotti F. (red.). *Tripolskaya kultura v Ukraine. Poselenie-gigant Talyanki*. Kiev: Institut Arkheologii

NAN Ukrainy, 109—131.

Kruts V. 2008. Poselenie-gigant Talyanki. In: Korvin-Piotrovskiy A., Menotti F. (red.). *Tripolskaya kultura v Ukraine. Poselenie-gigant Talyanki*. Kiev: Institut Arkheologii NAN Ukrainy, 49—70.

Kruts V.A., Korvin-Piotrovskiy A.G., Ryzhov S.N. 2001. *Tripolskoe poselenie-gigant Talyanki. Issledovaniya 2001 g.* Kyiv: Institut Arkheologii NAN Ukrainy.

Kruts V.O. 1968. Poselennya-giganty. *Pamyatki Ukrainy* 1, 19—21.

Makarenko M.O. 1926. Etyudy z obsyagu tripilskoy kultury. In: Kozlovska V. (red.). *Tripilska kultura v Ukrainy*. Vyp. 1. Kyiv: Vidavnistvo Ukrainsoy Akademii nauk, 165—186.

Markevich V.I. 1970. Mnogosloynoe poselenie Novye Ruseshty 1. *KSIA* 123, 56—68.

Markevich V.I. 1981. *Pozdnetripolskie plemena Severnoy Moldavii*. Kishinev: Ştiinţa.

Markevich V.I. 1985. *Dalekoe — blizkoe*. Kishinev.

Movsha T.G. 1875. *Antropomorfna plastika Tripolya (realisticheskij stil)*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kyiv.

Movsha T.G. 1953. K voprosu o razvitii tripilskoy antropomorfnoy plastiki. *KSIA AN USSR* 2, 85—87.

Movsha T.G. 1960. K voprosu o tripilskikh pogrebeniyakh s obryadom trupopolozheniya. *Materialy i issledovaniya po arkhelologii Yugo-Zapada SSSR i Rumynskoy Narodnoy Respubliki*. Kishinev: Cartea Moldoveneasca, 59—76.

Movsha T.G. 1969. Ob antropomorfnoy plastike tripilskoy kultury. *SA* (2), 15—34.

Movsha T.G. 1973. Novi dani pro antropomorfnu realistichnu plastiku Tripillya. *Arkheologiya* 11, 3—21.

Movsha T.G. 1979. Novye dannye po ideologii tripilskokukutenskikh plemen. In: Artemenko I.I. (red.). *Pervobytnaya arkhelogiya. Poiski i nakhodki*. Kyiv: Naukova dumka, 185—198.

Ovchinnikov E.V. 2004. Zelena Dibrova. In: *Entsiklopediya tripilskoy tsivilizatsii*. T. II. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, 181—182.

Ovchinnikov E.V., Kvitnitskiy M.V. 2002. Novi znahidki tripilskoy antropomorfnoy plastiki z realistichnimi risami. *Arkheologiya* (3), 134—143.

Passek T.S. 1941. *Tripilska kultura*. Kyiv: Vid-vo AN URSR.

Passek T.S. 1947. K voprosu o drevneyshem naselenii Dneprovsko-Dnestrovskogo basseyna. *SE* 6/7, 14—38.

Passek T.S. 1949. Periodizatsiya tripilskikh poseleniy (III—II tysyacheletiya do n.e.). *MIA* 10.

Patokova E.F. 2004. Realistichna statuetka z Mayakiv. In: *Entsiklopediya tripilskoy tsivilizatsii (ETT)*. T. II. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, 444—445.

Patokova E.F. 1986. Antropomorfna plastika Mayatskogo mogilnika. In: Dzis-Rayko G.A. (red.). *Pamyatniki drevnego iskusstva Severo-Zapadnogo Prichernomorya*. Kyiv: Naukova dumka, 5—20.

PLATAR. *Kolektsii predmetiv starovini rodin Platonovikh ta Tarut. Katalog*. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, 2004.

Pogozheva A.P. 1983. *Antropomorfna plastika Tripolya*. Novosibirsk: Nauka.

Shmagliy N.M., Videyko M.Yu. 2001—2002. Maydanetskoie — tripilskiy protogorod. *Stratum plus* (2), 44—140.

Sokhatskiy M.P., Tkachuk T.M. 2004. Koshilovetskiy tip

№2. 2010

- (grupa). V: Videyko M.Yu. (red.) *Entsiklopediya tripilskoy tsivilizatsii*. T. II. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, 259—260.
- Sokhatskiy ta in. 2007: Sokhatskiy M., Nikitin O., Kovalyukh M., Videyko M. 2007. Pershi doslidzheniya DNK za antropologichnimi materialami tripilskoy kulturi iz pecheri Verteba. In: Videyko M., Kot S. (red.). *Tripilska kultura. Poshuki, vidkrittaya, svitoviy kontekst*. Kyiv: TOV «Spadshchina» LTD, 141—146.
- Telegin D.Ya. 1968. Novi znakhidki naydavnishikh skulpturnikh zobrazen na teritorii Ukraini. *Narodna tvorchist ta etnografiya* 1. Kyiv, 71—74.
- Veprina V.I. 1976. *Neolit yamochno-grebenchatoy keramiki na Ukraine*. Kyiv: Naukova dumka.
- Yakubenko O.O. 2004. Realistichnaplastikav Natsionalnomu muzei istorii Ukraini. In: *Entsiklopediya tripilskoy tsivilizatsii*. T. II. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, 443—444.
- Yakubenko O.O. 2006. Kolektsii iz rozkopok V.V. Khvoyki na tripilskikh poselenyakh u Natsionalnomu muzei istorii Ukraini. In: *Doslidzhennya tripilskoy tsivilizatsii u naukoviy spadshchini Vikentiya Khvoyki*. Ch. II. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, 45—70.
- Zbenovich V.G. 1989. *Ranniy etap tripolskoy kultury na teritorii Ukrainy*. Kiiv: Naukova dumka.
- A. A. Romanchuk. Axe-Celts, Sickles and Incised Pottery Community in Carpathian-Dniester Region during.**
- Agulnikov S.M. 2005. Khronologiya i periodizatsiya belozerskikh pamyatnikov Pruto-Dnestrovskogo mezhdurechya. *Revista arheologica (S.N.)* I (1), 77—91.
- Chemienko Yu.A. 1993. Stroitelnoe delo Belozerskoy kultury: traditsii i innovatsii. In: Vanchugov V.P. (otv. red.). *Drevnosti prichernomorskikh stepey*. Kiev: Naukova dumka, 40—45.
- Chernyakov I.T. 1985. *Severo-Zapadnoe Prichernomorje vo vtoroy polovine II tysyacheletiya do n.e.* Kiev: Naukova dumka.
- Chernykh E.N. 1976. *Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR*. Moskva: Nauka.
- Chernykh E.N. 1978. *Gornoe delo i metallurgiya v drevneyshey Bolgarii*. Sofiya: Izdatelstvo na BAN.
- Dergachev V.A. 1997. *Metallicheskie izdeliya: k probleme genezisa kultur rannego galshtata Karpato-Danubio-Nord-Pontiyskogo regiona*. Kishinev: Akademiya Nauk Moldovy.
- Dergachev V.A., Bochkarev V.S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy*. Kishinev: Vysshaya Antropologicheskaya Shkola.
- Gotsev A., Shalhanova T. 2004. Keramicheskii kompleks «Kamen Rid», Severo-Vostochnaya Bolgariya i ranniy zhelezny vek vostochnobalkanskogo kulturnogo kruga. In: Niculiță I.T. (red. resp.). *Tracii și lumea circumponică*. Chișinău: Reclama, 60—61.
- Kashuba M.T. 1999. «Drugaya» chemolesskaya kultura Srednego Dnestra po L.I. Krushelnitskoy. *Stratum plus* (3), 369—389.
- Kashuba M.T. 2000. Rannee zhelezo v lesostepi mezhdru Dnestrom i Siretom. *Stratum plus* (3), 241—488.
- Levitsky O.G. 2002. Rannegalshtatskie obshchnosti i kultura Belozerka v Severnom Prichernomorje — o dialoge mirov. In: Chetraru N.A. (otv. red.). *Severnoe Prichernomorje: ot eneolita k antichnosti*. Tiraspol: Tipar, 180—205.
- Romanchuk A.A. 2003. Kultura Saharna-Solonceni i vozniknovenie ornamentirovannogo galshtata. *Stratum plus* (3), 8—117.
- Romanchuk A.A. 2009. Kulturno-khronologicheskoe i geneticheskoe sootnoshenie rannikh grupp KRShK. In: Stepanov V.P. (otv. red.). *Sokhranenie kulturnogo naslediya v stranakh Evropy: materialy konferentsii*. Kishinev: Biznes-Elita, 53—56.
- Romanchuk A.A. 2009 a. Metallicheskie izdeliya (kelty i serpy) i genezis istoricheskoy obshchnosti KRShK epokhi rannego galshtata Karpato-Dnestrovskogo regiona. *MASP* 9, 54—67.
- Romanchuk A.A. 2009 b. Basarabskiy impuls i final kultury Saharna-Solonceni. *Stratum plus* (3), 297—307.
- Stoyanov T., Nikov K. 2003. Spasitelni sondazhni prouchvaniya na obekti ot rannozhelyaznata epokha v zemlishchetu na s. Rogozinovo, Kharmanliysko. *Godishnik na Sofiyskiya Universitet "Sv. Kliment Okhridski"*. *Istoricheski fakultet. Spetsialnost arheologiya* 2, 7—92.
- Vanchugov V.P. 1983. Baltskaya gruppa pamyatnikov epokhi pozdney bronzy. In: Dzis-Rayko G.A. (otv. red.). *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomorja*. Kiev: Naukova dumka, 88—101.
- Vanchugov V.P. 1993. Keramika s procherchennym ornamentom iz pamyatnikov pozdney bronzy Severo-Zapadnogo Prichernomorja. In: Vanchugov V.P. (otv. red.). *Drevnosti prichernomorskikh stepey*. Kiev: Naukova dumka, 28—39.
- S.V. Ivanova. Natural Resources and Economics of Ancient Societies.**
- Agricola G. 1972. *O mestorozhdeniyakh i rudnikakh v staroe i novoe vremya*. Moskva: Nedra.
- Analiz 2008: *Analiz rynka povarennoy soli v SNG*. 2008.: www.newchemistry.ru/rep.php?id=533
- Barabash i dr. 2005: Barabash A.F., Kuznetsov Yu.A., Lukyanova G.A. 2005. *Lechenie i profilaktika domashnikh zhivotnykh i ptitsy*. Moskva: Stalker ASE.
- Barbaro I. 1971. Puteshestvie v Tanu. In: Skrzhinskaya E. Ch. (red.) *Barbaro i Contarini o Rossii*. Moskva: Nauka, 137—167.
- Boltenko M.F. 1925. Raskopki Usatovobolshekuyalnitkogo polya kulturnykh ostatkov (bliz Odessy). *Visnik Odeskoi komisii kraeznavstva*. (2/3) 48—66.
- Brokgauz F.A., Efron I.A. 1992. *Entsiklopedicheskii slovar*. Moskva: Terra.
- Bruyako I.V., Yaroshevich Yu.I. 2001. *Gorodishche u s. Novoselskoe na Nizhnem Dunae*. Odessa: Hermes.
- Chernyakov I.T. 1979. Kulturno-khronologicheskoe svoeobrazie pamyatnikov epokhi bronzy Severo-Zapadnogo Prichernomorja. In: *Problemy epokhi bronzy yuga Vostochnoy Evropy*. Tezisy dokladov konferentsii. Donetsk, 8—10.
- Chernykh E.N. 1978. *Gornoe delo i metallurgiya v drevneyshey Bolgarii*. Sofiya, Izdatelstvo BAN.
- Chernykh L.A. 2002. Problemy izucheniya metalloproizvodstva stepnykh kultur Ukrainy (epokha eneolita-sredney bronzy). In: Tolochko P.P. (gol. red.). *Suchasni problemi arheologii*. Kyiv: Naukova dumka, 240—242.
- D'Ascoli E.D. 1902. Opisaniye Chyornogo morya i Tatarii, sostavil dominikanets Emiddio Dortelli D'Ascoli, prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634. In: *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva Istorii i Drevnostey*. T. XXIV, 96—134.
- Dergachev V.A. 1980. *Pamyatniki pozdney Tripolya*. Kishinev: Știința.
- Dergachev V.A., Manzura I.V. 1991. *Pogrebalnye komplekсы pozdney Tripolya*. Kishinev: Știința.

- Dyugamel A.O. 1966. Statisticheskaya tablica Severnogo Rumelii. In: *Slavyanskoe Vozrozhdenie*. Moskva: Nauka, 187—203.
- Evlia Çelebi. 1961. *Kniga puteshestviya*. Vyp. 1. Zemli Moldavii i Ukrainy. Moskva: Nauka.
- Evlia Çelebi. 1983. *Kniga puteshestviya*. Vyp. 3. Zemli Zakavkazya i sopredelnykh oblastey Maloy Azii i Irana. Moskva: Nauka.
- Evseev A.A. 2000. *Atlas mira dlya minerologa*. Moskva: Assotsiatsia Ekost.
- Fedorov P.V. 1963. Stratigrafiya chetvertichnykh otlozheniy Krymsko-Kavkazskogo poberezhya i nekotorye voprosy geologicheskoy istorii Chernogo morya. *Trudy GIN AN SSSR* 88.
- Frankfort i dr. 1984: Frankfort G., Frankfort G.A., Wilson J., Jacobsen T. *V preddverii filosofii. Dukhovnye iskaniya drevnego cheloveka*. Moskva: Nauka.
- Gabdullin R.R. 2005. *Istoricheskaya geologiya*. Moskva: Izd-vo MGU.
- Gey A.N. 2000. *Novotitorovskaya kultura*. Moskva: Novy Sad.
- Herodot. *Istoriya*. Kniga IV Melpomena.
- Iessen A.A. 1947. *Grecheskaya kolonizatsia Severnogo Prichernomor'ya*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh.
- Ivanova S.V. 2001. *Sotsialnaya struktura naseleniya yamnoy kultury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*. Odessa: Druk.
- Izbitser E.V. 1993. *Pogrebeniya s povozkami stepnoy polosy Vostochnoy Evropy i Severnogo Kavkaza III—II tys. do n.e.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg.
- Kamenskiy A.G. 1990. Rezultaty spektralnogo i metallograficheskogo issledovaniya metallicheskikh predmetov iz pamyatnikov epokhi bronzy s territorii Moldovy. In: Yarovoy E.V. *Kurgany eneolita-bronzy Nizhnego Podnestrovyia*. Kishinev: Ştiinţa.
- Kantemir D. 1973. *Opisanie Moldavii*. Kishinev: Cartea Moldovenească.
- Karaulov V.B., Nikitina M.I. 2006. *Geologiya. Osnovnye ponyatiya i terminy*. Moskva: Editorial URRS.
- Khromov S.S. 2004. Limany kak sreda formirovaniya rekreatsionnykh resursov na severnom poberezhye Chernogo morya. *Visnik Odeskogo Natsionalnogo Universitetu. Geografichni ta geologichni nauki*. T. 9 (4), 115—128.
- Klochko V.I. 2004. Metalurgiya ta metaloobrobne virobnitstvo tripil'skoi kulturi. *Entsiklopediya Tripil'skoi tsivilizatsii*. T.1. Pod red. Videyko M. Yu. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, 219—222.
- Klochko V.I. 2006. *Ozbroennya ta viyskova sprava davnego naselennya Ukraini (5000—900 rr. do R.H.)*. Kiev: ArtEk.
- Klochko V.I., Manichev G.S. 2002. Davnya metalurgiya: metodi, dosyagnennya i perspektivi doslidzhen. In: Tolochko P.P. (gol. red.). *Suchasni problemi arkeologii*. Kyiv: Naukova dumka, 91—92.
- Konkova L.V. 1979. Metallograficheskoe issledovanie metallicheskikh izdeliy iz pamyatnikov usatovskogo tipa. In: Patokova E.F. *Usatovskoe poselenie i mogilniki*. Kiev: Naukova dumka, 161—176.
- Konikov E.G. 2004. Ekzodinamichna model umov osadkonakopichennya i formuvannya beregovikh sistem pivnichno-zakhidnoi chastini Chornogo morya protyagom ostannikh 18000 rokov. *Visnik Odeskogo Natsionalnogo Universitetu. Geografichni ta geologichni nauki*. T.9 (4), 161—179.
- Kotova N.S. 1997. Neolitchna epokha. In: Tolochko P.P. (otv. red.). *Davnya istoriya Ukraini*. T.1. Kyiv: Naukova dumka, 167—238.
- Kovaleva I.F. 2002. K vydeleniyu territorialnykh grupp v postmariupolskoy kulture. In: Munchaev R.M. (otv. red.). *Problemy arkeologii Evrazii*. Moskva: Institut arkeologii RAN, 51—67.
- Kravets D.P. 2001. O khozyaystve plemen Donetskoy katakombnoy kultury. *Starozhitnosti stepovogo Prichernomor'ya ta Krimu IH*, 38—49.
- Kruts V.A. 1977. *Pozdnetripolskie pamyatniki Srednego Podneprov'ya*. Kiev: Naukova dumka.
- Kruts V.O. 1997. Svit skotariv. In: Tolochko P.P. (otv. red.). *Davnya istoriya Ukraini*. T.1. Kyiv: Naukova dumka, 234—273.
- Kuzminova N.N., Petrenko V.G. 1989. Kulturnye rasteniya zapade Stepnogo Prichernomor'ya v seredine III—II tys. do n.e. In: Tolochko V.V. (otv.red.). *Problemi istorii ta arkeologii davnego naselennya Ukrain'skoi RSR. Tezi dopovidey konferentsii*. Kyiv; Odesa: Naukova dumka, 119—120.
- Lucas A. 1958. *Materialy i remeslyenne proizvodstva Drevnego Egipta*. Moskva: Inostrannaya literatura.
- Malyukevich A.E., Petrenko V.G. 1993. Usatovskiy kompleks s figurnymi pronizyami iz kurgana v nizovyakh Dunaya. *Drevnee Prichernomor'ye*. KSOAO, 25—30.
- Manzura I.V. 2001/2002. Manzura Problema formirovaniya kultur rannego bronzovogo veka na Severo-Vostochnykh Balkanakh. *Stratum plus* (2), 468—485.
- Manzura I.V. 2003/2004. Severnoe Prichernomor'ye v eneolite i bronzovom veke: stupeni kolonizatsii. *Stratum plus* (2), 63—85.
- Merpert N. Ya. 1974. *Drevnyeshie skotovody Volzhsko-Uralskogo mezhdurechya*. Moskva: Nauka.
- Morgunova N.L., Kravtsov A. Yu. 1994. *Pamyatniki drevneyamnoy kultury na Ileke*. Ekaterinburg: UIF Nauka.
- Movsha T.G. 1985. Pozdnyy etap tripolskoy kultury. In: Artemenko I.I. (otv.red.). *Arkeologiya Ukrain'skoy SSR*. T. 1. Kiev: Naukova dumka, 223—262.
- Movsha T.G. 2000. K probleme vzaimodeystviya drevnykh zemledeltsev Tripolsko-Kukutenskoy obshchnosti s nositelyami kultur Pontyiskikh stepy. In: Marina Z.P. (otv. red.). *Labores pariunt honores. Problemy arkeologii Podneprov'ya*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskiy Natsionalnyy Universitet, 29—52.
- Nikolov V. 2008. *Praistoricheski soledobiven tsentr Provadiya-Solnitsata*. Sofiya.
- Nikolova L. 2000. Yamnaya kultura na Balkanakh (Dinamika struktury pogrebalnogo obryada i sootnoshenie s drugimi kulturami ranney bronzy). *Stratum plus* (2), 423—458.
- Okhotnikov S.V., Ostroverkhov A.S. 1991. Podvodnye arkeologicheskie issledovaniya v Severo-Zapadnoy chasti Chernogo morya. *Izuchenie pamyatnikov istorii i kultury v gidrosfere* 2, 19—27.
- Orlovskaya L.B. 1990. Spektroanaliticheskoe issledovanie tsvetnogo metalla epokhi ranney bronzy Moldavii (predvaritelnye itogi). In: Yarovoy E.V. *Kurgany eneolita-epokhi bronzy Nizhnego Podnestrovyia*. Kishinev: Ştiinţa, 241—245.
- Ostroverkhov A.S. 2001/2002. Drevneyshee arkeologicheskoe steklo Vostochnoy Evropy (konets IV tys. do n.e.— pervaya polovina VII v. do n.e.). *Stratum plus* (2), 386—430.
- Ostroverkhov A.S. 1985. Steklyannye busy v pamyatnikakh pozdnego Tripolya. In: Stanko V.N. (otv.red.) *Novye materialy po arkeologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka, 174—180.
- Patokova E.F. 1979. *Usatovskoe poselenie i mogilniki*. Kiev: Naukova dumka.

№2. 2010

- Petrenko V.G. 1987. O genezise stepnykh pozdnetripolskikh pamyatnikov. In: Maksimov E.V. (otv. red.). *Aktualnye problemy istoriko-arkheologicheskikh issledovaniy. Tezisy dokladov VI respublikanskoj konferentsii molodykh arkheologov*. Kiev: Naukova dumka, 128.
- Petrenko V.G. 1989. Usatovskaya lokalnaya gruppa In: Patokova E.F., Petrenko V.G., Burdo N.B., Polishchuk L. Ju. *Pamyatniki tripolskoj kultury v Severo-Zapadnom Prichernomorje*. Kiev: Naukova dumka, 81—129.
- Petrenko V.G. 1989 a. Pamyatniki eneolita i povorot epokhi k bronzovomu veku v Severo-Zapadnom Prichernomorje. In: *Istoriya i arkheologiya Nizhnego Podunavya*. Reni.
- Petrenko V.G. 1991. K otноситelnoy khronologii usatovskoy grupy In: Yarovoy E.V. (otv. red.) *Drevneyshie obshchnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomorja (V tys. do n.e.— V v.n.e.)*. Kiev: Naukova dumka, 74—75.
- Petrenko V.G. 1997. Zoloto i srebro v eneolite Severo-Zapadnogo Prichernomorja. In: *Novye stranitsy drevney istorii Yuzhnoy Ukrainy. Tezisy dokladov konferentsii. Nikolaev: Vozmozhnosti Kimmerii*, 31—32.
- Petrenko V.G. 2003. Eponimne Usatove ta problema genezi usatovskoi kulturi In: Chernyakov I.T. (gol. red.). *Tripilska tsivilizatsiya u spadshchini Ukraini. Konferentsiya, prisvyachena 110-richchyu vidkrittya tripilskoi kulturi*. Kyiv: Prosvita, 137—144.
- Petrin V.F. 2000. Nizhnee Podnestrovyekaketalonarkheologopetrograficheskogo poligona. In: Yarovoy E.V. (otv. red.) *Chobruchskiy arkheologicheskij kompleks i drevnie kultury Podnestrovyia. Materialy polevogo seminaru*. Tiraspol: Pridnestrovskiy Gosudarstvennyy Universitet.
- Potekhina I.D. 1989. Antropologicheskie materialy iz mogilnika Mayaki. In: Patokova E.F., Petrenko V.G., Burdo N.B., Polishchuk L. Yu. *Pamyatniki tripolskoj kultury v Severo-Zapadnom Prichernomorje*. Kiev: Naukova dumka, 125—133.
- Potekhina I.D. 1994. Proiskhozhdenie i geneticheskie svyazi nositeley nekotorykh ranneeneoliticheskikh kultur yuga Vostochnoy Evropy. In: Yarovoy E.V. (otv. red.). *Drevneyshie obshchnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomorja (V tys. do n.e.— V v.n.e.)*. Tiraspol: Pridnestrovskiy Gosudarstvennyy Universitet, 32—34.
- Pozin M.E. 1974. *Tekhnologiya mineralnykh soley*. Leningrad: Khimiya.
- Rubruck W. 1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Wilhelma de Rubrucka*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoy literatury.
- Rudnye poleznye iskopaemye. 2009. Fiziko-geograficheskij oblik Bolgarii. <http://geobulgaria.ru/rudnye-poleznye-iskopaemye>
- Ryndina N.V. 1993. *Drevneyshee metalloobrabatvyayushchee proizvodstvo Jugo-Vostochnoy Evropy (istoki razvitiya v neolite-eneolite)*. Avtoref. diss... d-ra ist. nauk. Moskva.
- Ryndina N.V. 2002. Fenomen «serebristykh» pokrytiy na izdeliyakh iz myshyakovykh splavov rannego bronzovogo veka (yug Vostochnoy Evropy). In: Yarovoy E.V. (otv. red.) *Drevneyshie obshchnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomorja (V tys. do n.e.— V vek n.e.)*. Materialy III mezhdunarodnoy konferentsii. Tiraspol: Pridnestrovskiy Gosudarstvennyy Universitet, 92—96.
- Ryndina N.V., Degtyareva A.D. 2002. *Eneolit i bronzovy vek*. Moskva: Moskovskiy Gosudarstvennyy Universitet.
- Semenov Ju.I. 1986. Obmen ekonomicheskij. In: Pershic A.I., Trayde D. (otv. red.). *Sotsialno-ekonomicheskie otnosheniya i sotsionormativnaya kultura. Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov*. Moskva: Nauka, 93—96.
- Shmakov I. 1867. Odesskiy limany In: *Trudy Odesskogo statisticheskogo komiteta*. Odessa.
- Shnirelman V.A. 1988. Proizvodstvennye predposylki razlozheniya pervobytnogo obshchestva. In: Bromley Yu.V. (otv. red.). *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha klassoobrazovaniya*. Moskva: Nauka, 5—139.
- Shvebs G.I. (red). 1988. *Limanno-ustevye komplekсы Prichernomorja*. Leningrad: Nauka.
- Skalkovskiy A.A. 1853. *Opyt statisticheskogo opisaniya Novorossiyskogo kraya*. Ch. 2. Odessa.
- Solovyev L.N. 1947 Sledy drevnego solyanogo promysla bliz g. Sukhumi i g. Ochamchire. *Trudy Abkhazskogo gosudarstvennogo muzeya* 1, 23—55.
- Srebrodolskiy B.I. 1984. *Yantar*. Moskva: Nauka.
- Svinyin P.P. 2006. Opisaniye Bessarabii. In: *Stratum plus* (5), 344—352.
- Videyko M., Burdo N. 2004. Zhivotnovodstvo tripolskoj kultury v period 5400—2750 gg do n.e. In: Koško A., Szmyt M. (red). *Nomadizm i pastoralizm w międzryczcu Wisly i Dniepru (neolit, eneolit, brązu)*. Poznań, 67—93.
- Yarovoy E.V. 1985. *Drevneyshie skotovodcheskie plemena Yugo-Zapada SSSR*. Kishinev: Ştiinţa.
- Yarovoy E.V. 1990. *Kurgany eneolita-epokhi bronzy Nizhnego Podnestrovyia*. Kishinev: Ştiinţa.
- Yarovoy E.V. 2000. *Skotovodcheskoe naselenie Severo-zapadnogo Prichernomorja epokhi rannego metalla*. Avtoref. diss. dokt. ist. nauk. Moskva.
- Yovanovich B. 1994. Eneoliticheskoe srebro Balkan i Severo-Pontiyskogo regiona. In: Yarovoy E.V. (red.). *Drevneyshie obshchnosti zemledeltsev i skotovodov V tys. do n.e.— V v.n.e.* Tezisy dokladov konferentsii. Tiraspol: Pridnestrovskiy Gosudarstvennyy Universitet, 41—42.
- Zbenovich V.G. *Pozdnetripolskie plemena Severnogo Prichernomorja*. Kiev: Naukova dumka.
- Zhuravlev O.P. 2008. *Tvarinnitstvo ta mislivstvo u tripilskikh plemen na teritorii Ukraini*. Kyiv: Shlyakh.
- L. Klejn. **Once Again on the So Called Zoomorphic Scepters. A Polemic Note on V. A. Dergachev's Book «About Scepters, Horses and War»**
- Dergachev V.A. 2007. *O skipetrakh, o loshadyakh, o voyne. Etyudy v zashchitu migratsionnoy kontseptsii M. Gimbutas*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.
- Klejn L. S. 1990. O tak nazyvaemykh zoomorfnykh skipetrakh eneolita. *Problemy drevney istorii Severnogo Prichernomorja i Sredney Azii (epokha bronzy i rannego zheleza)*. Tezisy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu B.A. Latynina. Leningrad: Gos. Ermitazh 17—18.
- Levine M.A. 1990. Dereivka and the problem of horse domestication. *Antiquity* 64 (245), 727—740.

- D. A. Topal, S. V. Țerna. **A Cemetery and Settlements of the Late Tripolye Culture near the Village of Cunicea (Florești District, Republic of Moldova).**
- Avilova L. I. 1986. Pogrebalny obryad eneoliticheskikh zemledeltsev Yugo-Vostochnoy Evropy. *KSIA* 185, 9—14.
- Bikbaev V. M. 1994. Predgordineshtskie pamyatniki tipa Kirilen v Severnoy Moldove. In: Yarovoy E. V. (otv. red.). *Drevneyshie obshchnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo prichernomor'ya V tys. do n. e. — V v. n. e. TDK*. Tiraspol: PGKU, 64—69.
- Dergachev V. A. 1973. Pozdnetripolskie poseleniya u s. Gordineshty. *AIM* (1970—1971), 90—100.
- Dergachev V. A. 1978. *Vykhvatynskiy mogilnik*. Kishinev: Știința.
- Dergachev V. A. 1980. *Pamyatniki pozdnego Tripolya. Opyt sistematizatsii*. Kishinev: Știința.
- Dergachev V. A., Manzura I. V. 1991. *Pogrebalnye komplekсы pozdnego Tripolya*. Kishinev: Știința.
- Kruts V. O. 1993. Etapi i napryamki rozselennya plemen tripolskoi kulturi. *Podilska starovina*. Vinnitsya: VKM, 35—44.
- Larina O. V. 2003. Pozdnetripolskoe pogrebenie gordineshtskogo tipa na Dnestre. In: Sava E. (red.). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chișinău: CEP USM, 57—80.
- Manzura I. V. 1990. O rasprostraneniі gordineshtskikh kulturnykh elementov v Severnom Prichernomor'ye. In: Dergachev V. A. (otv. red.). *Arkheologicheskie issledovaniya molodykh uchenykh Moldavii*. Kishinev: Știința, 25—39.
- Manzura I. V., Subbotin A. V. 1989. Novye raskopki Vykhvatynskogo mogilnika. *AIM* (1984), 76—95.
- Manzura I. V., Telnov N. P. 1992. Problema pozdnetripolskogo pogrebalnogo obryada lesostepnoy zony Dnestrovsko-Karpatykh zemel (nekotorye itogi i perspektivy izucheniya). In: Grosu V. I. (otv. red.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii i etnografii Moldovy*. Kishinev: Știința, 118—130.
- Markevich V. I. 1981. *Pozdnetripolskie plemena Severnoy Moldavii*. Kishinev: Știința.
- Movsha T. G. 1960. K voprosu o tripolskikh pogrebeniyakh s obryadom trupopolozheniya. In: Fedorov G. B. (otv. red.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii yugo-zapada SSSR i RNR*. Kishinev: Știința, 59—76.
- Movsha T. G. 1984. Khronologiya Tripolya-Kukuteni i stepnye kultury epokhi rannego metalla v ee sisteme. In: Kovaleva I. F. (otv. red.). *Problemy arkheologii Podneprov'ya*. Dnepropetrovsk: IDU, 60—83.
- Movsha T. G. 1985. Pozdnyy etap Tripolskoy kultury. In: Telegin D. Ya. (otv. red.). *Arkheologiya Ukrainskoy SSR*. T. 1. Kiev: Naukova dumka, 223—255.
- Patokova E. F. 1979. *Usatovskie poseleniya i mogilniki*. Kiev: Naukova Dumka.
- Petrenko V. G. 1989. Usatovskaya lokalnaya gruppa. In: Patokova E. F., Petrenko V. G., Burdo N. B., Polishchuk L. Yu. *Pamyatniki tripolskoy kultury v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye*. Kiev: Naukova Dumka, 50—124.
- Petrenko V. G. 1994. Otnositelno sistematizatsii pamyatnikov pozdnego perioda Tripole-Kukuten. In: Yarovoy E. V. (otv. red.). *Drevneyshie obshchnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya V tys. do n. e. — V v. n. e. TDK*. Tiraspol: PGKU, 61—64.
- Pridorozhnov S. V. 2007. *Kunicha, do vostrebvaniya...* Kishinev: Elena V. I.
- Tsvek E. V. 2004. Vostochnotripolskaya kultura i ee mesto v eneolite Evropy. In: Videyko M. Yu. (red.). *Pershiy vsesvitniy kongres "Tripilska tsivilizatsia"*. TD. Kyiv: KISD, 61—63.
- Zakharuk Yu. M. 1971. Pamyatki kasperivskogo tipu. In: Danilenko V. N. (otv. red.). *Arkheologiya Ukrainskoy RSR*. T. 1. Kiev: Naukova Dumka, 183—186.
- Zbenovich V. G. 1974. *Pozdnetripolskie plemena Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova Dumka.
- E. V. Izbitser. The Chariot with the Brake, or Reconstructions off the Handle.**
- Cherednichenko N. N. i dr. 1976. Otchet o rabote Verkhnetarasovskoy ekspeditsii v 1976 g. *NA IA NAN Ukrainy. F.E.* 1976/2.
- Cherednichenko N. N., Pustovalov S. Zh. 1991. Boevye kolesnitsy i kolesnichie v obshchestve katakombnoy kultury. *SA* (1), 206—216.
- Gening i dr. 1992: Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey* 1. Chelyabinsk. Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Gey A. N. 2000. *Novotitarovskaya kultura*. Moskva: Stary sad.
- Izbitser E. V. 2009. Povoзка iz pogrebeniya 32 Bolshogo Ipatovskogo kurgana i odnoosnye stepnye povozki epokhi sredney bronzy. *Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza* 9, 125—130.
- Koltukhov i dr. 1994: Koltukhov S. G., Kisly A. E., Toshchev G. N. 1994. *Kurgannye drevnosti Kryma (po materialam raskopok Severo-Krymskoy ekspeditsii v 1994—1992 gg.)*. Zaporozhye: Zaporozhskiy gosudarstvennyy universitet.
- Kozhin P. M. 1985. K probleme proiskhozhdeniya kolesnogo transporta. In: Piotrovskiy B. B. (otv. red.). *Drevnyaya Anatoliya*. Moskva: Nauka, 169—182.
- Krylova L. P. 1970. Otchet o raskopkakh v 1969—1970 gg. *NA IA NAN Ukrainy. F.E.* 1969—1970/106.
- Pustovalov S. Zh. 1998. Nekotorye problemy izucheniya kolesnogo transporta epokhi bronzy. In: Toshchev G. N. (otv. red.). *Problemy izucheniya katakombnoy kulturno-istoricheskoy obshchnosti (KKIO) i kulturno-istoricheskoy obshchnosti mnogovalikovoy keramiki (KIOMK)*. Zaporozhye: Zaporozhskiy gosuniversitet, 50—55.
- Pustovalov S. Zh. 2000. Kurgan «Tyagunova Mogila» i problemy kolesnogo transporta yamno-katakombnoy epokhi v Vostochnoy Evrope. *Stratum plus* (2), 296—321.
- Pustovalov S. Zh. 2005. *Sotsialniy lad katakombnogo suspilstva Pivnichnogo Prichernomor'ya*. Kiiv: Shlyakh.
- Pustovalov S. Zh. 2008. Yamno-katakombnye transportnye sredstva i kriterii vydeleniya boevykh kolesnits epokhi bronzy. In: Vasilenko A. N. (avtor proekta). *Proiskhozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva*. Lugansk: Globus, 100—112.
- L. Nikolova. Toward Theory of Accumulation and Treasuring of Wealth in Prehistory (With Reference to the Balkans).**
- Nikolov V. 1974. *Gradeshnitsa*. Sofia: Nauka i izkustvo.

A. V. Dyachenko. Eustatic Fluctuations of the Black Sea Level and Dynamics of the Development of Cucuteni-Tripolye Community Population.

- Bezusko L.G., Kotova N.S. 1997. Kultura lineynolentochnoy keramiki na Ukraine i ee prirodnoe okruzhenie. In: Bulatovich S.A. i dr. (red.). *Arkheologia i etnologia Vostochnoy Evropy (materialy i issledovaniya)*. Odessa: Germes, 140—153.
- Bruyako i dr. 1991: Bruyako I. V., Karpov V.A., Petrenko V.G. 1991. Izmenenie urovnya Chernogo morya ot epokhi kamnya do srednikh vekov (po rezul'tatam issledovaniya severo-zapadnogo shelfa). *Izuchenie pamyatnikov istorii i kultury v gidrosfere* 2. Moskva, 8—18.
- Bruyako I. V., Sapozhnikov I. V. 2009. Kolebania urovnya morya v kontse pleystotsena — pervoy polovine golotsena (okolo 40—4 tys. let nazad) i arkheologia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. *Stratum plus* (2), 299—314.
- Burdo N.B., Kovalyukh M.M. 1998. Novi dani pro absolutne datuvannya Tripillya A. *AVU* 1997—1998 rr., 60—61.
- Burdo N.B., Videyko M. Yu. 2007. Fenomen Tripillya u tsivilizatsiyi istorii Ukraini (Pokhodzhennya, khronologiya, zvyazki, etnokulturniy ta tsivilizatsiyi aspekti tripil'skoy kulturi). In: Videyko M., Kot S. (red.). *Tripil'ska kultura. Poshuki, vidkrittya, svitoviy kontekst*. Kyiv: TOV «Spadshchina» LTD, 15—27.
- Buzyan G. 2003. Piznyotripil'ske poselennya Krutukha-Zholob na Livoberezhzhi Dnipra. In: Chernyakov I. T. ta in. (red.). *Tripil'ska tsivilizatsia u spadshchini Ukraini*. Kyiv: Prosvita, 288—298.
- Chernysh E.K. 1977. Formirovanie lokalnykh variantov tripil'skoy kultury. *Tez. dokl. Vsesoyuzn. konfer. «Noveyshie otkrytia sovetskikh arkheologov»*. Moskva, 18—21.
- Dergachev V.A. 1980. *Pamyatniki pozdnego Tripolya*. Kishinev: Ştiinţa.
- Dergachev V. 2005. Neolitizatsia Severo-Pontiy'skoy zony i Balkan v kontekste razlivov morey. *RA (S.N.)* 1 (1), 4—44.
- Dergachev V.A. 2007. *O skipetrakh, o lozhadyakh, o voyne. Etyudy v zashchitu migratsionnoy kontseptsii M. Gimbutas*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria.
- Dyachenko A. V. 2008. Krupnye poseleniya v sisteme otноситel'noy khronologii zapadnotripil'skikh pamyatnikov Bugo-Dneprovskogo mezhdurechya. *Materiali ta doslidzhennya z arkheologiyi Skhidnoy Ukraini* 8, 10—19.
- Dyachenko A. V. 2009 a. K probleme otноситel'noy khronologii pamyatnikov tomashevskoy i kosenovskoy lokalnykh grupp zapadnotripil'skoy kultury (paleodemograficheskiy aspekt). In: Vasilyev S.A., Kulakovskaya L. V. (red.). *S.N. Bibikov i pervobytnaya arkheologia*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 291—298.
- Dyachenko O. V. 2009 b. Prostorova organizatsia zakhidnotripil'skogo suspilstva u mezhrichchi Pivden'nogo Bugu ta Dnipra. *Magisterium. Arkheologichni studii*, 36. Kyiv, 19—26.
- Gaskevich D. 2007. Sinkhronizatsiya bugo-dnistrovskogo neolitu i neolitu Skhidnoy Evropy. Problema radiovugletsevikh dat. In: Bakalarska L. (red.). *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Warszawa: Krajowy ośrodek badań i dokumentacji zabytków, 115—147.
- Kremenetskiy K.V. 1991. *Paleoekologia drevneyshikh zemledel'tsev i skotovodov Russkoy ravniny*. Moskva: IG AN SSSR.
- Kruts V.A. 1977. *Pozdnetripil'skie pamyatniki Srednego Podneprov'ya*. Kiev: Naukova dumka.
- Kruts V.A. 1989. K istorii naseleniya tripil'skoy kultury v mezhdurechye Yuzhnogo Buga i Dnepra. *Pervobytnaya arkheologia. Materialy i issledovaniya*. Kiev: Naukova dumka, 117—132.
- Kruts V.O. 1993. Pitannya demografii tripil'skoy kulturi. *Arkheologia* 3, 30—36.
- Kruts V.O. 2003. Do problemi poselen-gigantiv tripil'skoy kulturi v Bugo-Dniprovskomu mezhrichchi. *Trypil'ski poselennya-giganti*. Kyiv: Korvin Press, 71—73.
- Kruts V. 2008. Otnositelnaya i absolyutnaya khronologiya pamyatnikov tripil'skoy kultury Bugo-Dneprovskogo mezhdurechya i Srednego Podneprov'ya (daty ne kalibrovannye). In: Korvin-Piotrovskiy A., Menotti F. (red.). *Tripil'skaya kultura v Ukraine. Poselenie-gigant Talyanki*. Kiev: Institut arkheologii NAN Ukrainy, 227—238.
- Larina O., Okhrimenko G. 2007. Kraynyaya vostochnaya periferia zapadnoy lineynoy keramiki (prostranstvenno-geograficheskiy aspekt). *RA (S.N.)* III (1—2), 89—109.
- Manzura I. V. 2003—2004. Severo-Zapadnoe Prichernomor'ye v eneolite i nachale bronzovogo veka: stupeni kolonizatsii. *Stratum plus* 2, 63—85.
- Movsha T.G. 1984. Khronologiya Tripolya-Kukuteni i stepnye kultury epokhi rannego metalla v ee sisteme. *Problemy arkheologii Podneprov'ya III—I tys. do n.e.* Dnepropetrovsk: Izd-vo DGU, 60—84.
- Movsha T.G. 1990. Kosenovskaya lokalnaya gruppa tripil'sko-kukutenskoy obshchnosti. *Tez. dokl. mezhdunar. nauch.-praktich. istor.-krajeved. konfer. Problemy istorii i arkheologii Nizhnego Podnestrov'ya* 1. Belgorod-Dnestrovskiy, 57—59.
- Pashkevich G.O. 2004. Prirodni umovi isnuvannya plemen tripil'skoy kulturi: V: Videyko M. Yu. (gol. red.). *Entsiklopedia tripil'skoy tsivilizatsiy v 2 h tomah*. T. 1. Kn. 1. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, 116—122.
- Petrenko V.G. 1989. Usatovskaya lokalnaya gruppa. In: Patokova E.F., Petrenko V.G., Burdo N.B., Polishchuk L. Yu. *Pamyatniki tripil'skoy kultury v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye*. Kiev: Naukova dumka, 81—124.
- Rassamakin Yu. Ja. 2004. Stepi Prichernomor'ya v konteksti rozvitku pershikh zemlerobskikh suspilstv. *Arkheologia* 2, 3—26.
- Ryzhov S.M. 1993. Nebelivska grupa pamyatok tripil'skoy kulturi. *Arkheologia* 3, 101—114.
- Ryzhov S.N. 2000. Raspisnaya keramika tomashevskoy lokalno-khronologicheskoy gruppy tripil'skoy kultury. *Stratum plus* 2, 459—473.
- Ryzhov S.M. 2007. Suchasniy stan vivchennya kulturno-istorichnoy spilnosti Kukuten-Tripillya na teritoriyi Ukraini. V: Rassamakin Yu., Ryzhov S. (red.). *O Olzhich. Arkheologia*. Kyiv: Vid-vo im. Oleni Teligi, 437—477.
- Sorokin V. Ya. 1989. Kulturno-istoricheskie problemy plemen Srednego Tripolya Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurechya. *Izvestia AN MSSR. Seria obshchestvennykh nauk* 3. Kishinev: Ştiinţa, 45—54.
- Tsvek O.V. 2006. *Poselennya skhidnotripil'skoy kulturi (korotkiy naris)*. Kyiv: KP OTI.
- Van der Pliht i dr. 2007: Van der Pliht J., Shishlina N.I., Hedzhes R.E.M., Zazovskaya E.P., Sevastyanov V.S., Chichagova O.A. Rezervuarnyy effekt i rezul'taty datirovaniya katakombnykh kultur Severo-Zapadnogo Prikaspiya, *RA* 2, 39—47.
- Zaliznyak L.L. 2005. Chornomorskiy potop ta yogo

- arkheologichni naslidki. *Arkheologia* 3, 3—12.
- Zbenovich V.G. 1989. *Poselenie Bernashevka na Dnestre*. Kiev: Naukova dumka.
- E. Kaiser. Egalitarian Society of Pastoralist Herdmen Versus Nomadic Warriors. An Attempt to Reconstruct the Social Structure of the Yamnaya and Catacomb cultures.**
- Bratchenko S.N., Shaposhnikova O.G. 1985. Katakombnaya kulturno-istoricheskaya obshchnost. V: Telegin D. Ya i dr. (red.). *Arkheologiya Ukrainy SSR*. T. 1. Kiev: Naukova dumka, 403—420.
- Cherednichenko N.N., Pustovalov S. Zh. 1991. Boevye kolesnitsy i kolesnichie v obshchestve katakombnoy kultury (po materialam raskopok v Nizhnem Podneprovye). *SA* (4), 206—216.
- Dovzhenko N.D., Rychkov N.A. 1988. K probleme sotsialnoy stratifikatsii plemen yamnoy kulturno-istoricheskoy obshchnosti. In: Shaposhnikova O.G. i dr. (red.). *Novye pamyatniki yamnoy kultury stepnoy zony Ukrainy*. Kiev: Naukova Dumka, 27—40.
- Gey A.N. 1991. Novotitarovskaya kultura (predvaritel'naya kharakteristika). *SA* (1), 54—71.
- Ivanova S.V. 2001. *Sotsialnaya struktura naseleniya yamnoy kultury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*. Odessa: Druk.
- Kon i vsadnik 2003. *Kon i vsadnik. Vzgl'yad skvoz veka*. Vystavka 21.03.—29.09.2003 g. Moskva: Gosudarstvenny istoricheskiy muzey, Gosudarstvenny muzey Vostoka.
- Korobkova G.F., Shaposhnikova O.G. 2005. *Poselenie Mikhaylovka — etalonnaya pamyatnik drevneyamnoy kultury*. Sankt-Peterburg: Institut istorii materialnoy kultury RAN.
- Lagodovska i dr. 1962: Lagodovska O.F., Shaposhnikova O.G., Makarevich M.L. 1962. *Mikhaylivske poselennya*. Kyiv: AN Ukrainy SSR.
- Merpert N. Ya. 1978. O plemennykh soyuzakh drevneyshikh skotovodov stepey Vostochnoy Evropy. V: Kropotkin V.V., Matyushin G.N., Peters B.G. (red.). *Problemy sovetskoy arkheologii*. Moskva: Nauka, 55—63.
- Nikolova A.V., Chernikh L.A. 1997. Do odnei z kontseptsii sotsialnogo rozvitku nosiyv katakombnoy kulturi. *Arkheologia* (1), 107—119.
- Pustovalov S. Zh. 1992. *Vozrastnaya, polovaya i sotsialnaya kharakteristika katakombnogo naseleniya Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka.
- Shaposhnikova O.G. 1985. Yamnaya kulturno-istoricheskaya obshchnost. V: Telegin D. Ya. i dr. (red.). *Arkheologia Ukrainy SSR*. T. 1. Kiev: Naukova dumka, 336—352.
- Shilov V.P. 1964. Problemy osvoineniya stepey Nizhnego Povolzh'ya v epokhu bronzy. *ACGE* 6, 86—102.
- A. M. Smirnov. Emptiness of Dolmens: Loss of Contents or Norm of Burial Practice.**
- Antonova E.V. 1984. *Ocherki kultury drevnykh zemledeltsev Peredney i Sredney Azii*. Moskva: Nauka.
- Chechenov I.M. 1970. Grobnitsa epokhi ranney bronzy v g. Nalchike. *SA* (2), 110—124.
- Chechenov I.M. 1984. Vtorye kurgannye gruppy u seleniy Kishpek i Chegem II. In: Markovin V.I. (otv.red.). *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii*. T. 1. Nalchik: Elbrus, 164—253.
- Dmitriev A.V. 2001. Kamennye ispoliny Chernomor'ya. In: Piotrovskiy Yu.Yu. (nauch.red.). *Dolmeny. Sovremenniki drevnykh tsivilizatsiy*. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatelstvo, 56—87.
- Jakobsen T. 1995. *Sokrovishcha tmy. Istoria mesopotamskoy religii*. Moskva: Nauka, GRVL.
- Kerenyi K. 2000. *Elevsin: arkhetipicheskiy obraz materi i docheri*. Moskva: Refl-buk.
- Kilunovskaya M.E., Semionov V.I. A. Olennye kamni Tuvy. Ch. 1: Novye nakhodki, tipologiya i voprosy kulturnoy prinadlezhnosti. *AV* 5, 143—154.
- Klejn Leo. 2004. *Voskresenie Peruna: k rekonstruktsii vostochno-slavyanskogo yazychestva*. Sankt-Peterburg: Evrazia.
- Kononenko E.I. 1999. Syuzhetno-kompozitsionnye skhemy v gliptike Dvurechya III tys. do n.e. In: Alpatkina T.G. i dr. (red. sovet). *Drevnie gemmy i kamni Vostoka*. TD konferentsii, aprel 1999, Moskva. Moskva: GMV, 14—16.
- Krylova L.P. 1976. Kernosovskiy idol (stela). In: Berezanskaya S.S. i dr. (red. koll.). *Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, 36—46.
- Kulikova O.P., Trifonov V.A. 2001. Kak sokhranit dolmeny — kulturnoe nasledie drevnykh narodov Zapadnogo Kavkaza. In: Piotrovskiy Yu.Yu. (red.). *Dolmeny. Sovremenniki drevnykh tsivilizatsiy*. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatelstvo, 92—105.
- Maksimov S.V. 1986. *Literaturnye puteshestviya*. Moskva: Sovremennik.
- Markovin V.I. 1978. *Dolmeny Zapadnogo Kavkaza*. Moskva: Nauka.
- Markovin V.I. 1994. Dolmeny Zapadnogo Kavkaza. In: Kushnaryova K.H., Markovin V.I. (otv.red.). *Arkheologiya. Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza*. Moskva: Nauka, 226—253.
- Markovin V.I. 1997. *Dolmennyye pamyatniki Prikubanya i Prichernomor'ya*. Moskva: Institut arkheologii RAN.
- Otto V.F. 2000. Smysl Elevsinskiykh misteriy. In: Kerenyi K. *Elevsin: arkhetipicheskiy obraz materi i docheri*. Moskva: Refl-buk, 251—274.
- Ponyrko N.V. 1984. Svyatochny i maslenichny smekh. In: Likhachyov D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. *Smekh v Drevney Rusi*. Leningrad: Nauka.
- Popova T.B. 1963. *Dolmeny stanitsy Novosvobodnoy*. TGIM XXXIV.
- Rezeplkin A.D. 1987. K interpretatsii rospisi iz grobnitsy maykopskoy kultury bliz stanitsy Novosvobodnaya. *KSIA* 192, 26—33.
- Rezeplkin A.D. 1989. *Severo-Zapadny Kavkaz v epokhu ranney bronzy (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov novosvobodnenskogo tipa)*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Leningrad.
- Smirnov A.M. 2000. Syuzhet «zagon dlya skota i zhivotnykh» na eneoliticheskikh stelakh Prichernomor'ya: variant analogiy i interpretatsii. *Stratum plus* (2), 571—583.
- Smirnov A.M. 2001. Izobrazheniya khramovykh struktur i syuzhetov v evropeyskom megaliticheskom iskusstve v IV—III tys. do n.e.: opyt identifikatsii. In: Devlet M.A. (otv. red.). *Mirovozzrenie drevnego naseleniya Evrazii*. Moskva: Stary sad, 60—89.
- Smirnov A.M., Smirnov N.A. 2004. Nekotorye dannyye k obosnovaniyu predstavleniya o dolmene kak «uterus». In: *EvrAsia. Etnokulturnoe vzaimodeystvie i istoricheskie sudby*. TD konferentsii 16—19 noyabrya 2004 g. Moskva, 122—124.

№2. 2010

- Smimov A.M. 2005. Nekotorye dannye k voprosu o spetsifike pogrebeniy v dolmenakh Zapadnogo Kavkaza. In: Marchenko I.I. (otv. red.). *Chetyortaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya*. TD. Krasnodar, 267—269.
- Smimov A.M. 2006. «Zhenskoe bozhestvo i khram» v iskusstve monumentalnoy skulptury i arkhitektury Evropy v IV—III tys. do n.e. *AV* 13, 281—296.
- Sokolova V.K. 1977. Ob istoriko-etnograficheskom znachenii narodnoy poeticheskoy obraznosti (obraz svadby — smerti v slavyanskom folklore). In: Putilov B.N. (otv. red.). *Folklor i etnografiya: svyazi folklor a s drevnimi predstavleniyami i obryadami*. Leningrad: Nauka.
- Trifonov V.A. 2001. Chto my znaem o dolmenakh Zapadnogo Kavkaza i chemu uchit istoria ikh izucheniya? In: Piotrovskiy Yu.Yu. (nauch. red.). *Dolmeny. Sovremenniki drevnikh tsivilizatsiy*. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatelstvo, 20—55.
- Trifonov V.A. 2009. Dolmen v p. Dzhubga (predvaritelnye rezultaty issledovaniya). *Vestnik RGNF* 1 (54), 152—162.
- S. Popovich. New Discoveries of Anthropomorphic Stellae in the Prut-Dniestrer Interfluve.**
- Dergachev i dr. 1989: Dergachev V.A., Borziak I.A., Manzura I.V. 1989. *Roshkanske kurgany*. Kishinev: Ştiinţa.
- Krylova L.P. 1976. Kernosovskiy idol/stela. In: Berezanskaya S.S., Otroschenko V.V., Telegin D Ya. (red.). *Eneolit i bronzovyy vek Ukrainy*. Kiev: Naukova Dumka, 36—46.
- Novitskiy E.Ju. 1990. *Monumentalnaya skulptura drevnyshikh zemledeltsev i skotovodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*. Odessa: Elita.
- Petrenko V.G. 1991. Kurgan bronzovogo veka u s. Starye Belyary; In: Vanchugov V.P., Zaginaylo A.G., Kushnir V.G., Petrenko V.G. 1991. *Voronovka II. Poselenie pozdnego bronzovogo veka v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye*. Kiev: Naukova Dumka, 77—91.
- Rikman E.A. 1961. *Pamyatniki drevnego iskusstva Moldavii (po arkheologicheskim dannym)*. Kishinev: Ştiinţa.
- Shaposhnikova i dr. 1986: Shaposhnikova O.G., Fomenko V.N., Dovzhenko N.D. 1986. *Yamnaya kulturno-istoricheskaya oblast (Yuzhnobugskiy variant)*. SAI, vyp. B1—3.
- Shchepinskiy A.A. 1963. Pamyatniki iskusstva rannego metalla v Krymu. *SA* (3), 38—47.
- Shchepinskiy A.A. 1973. Antropomorfni stely Pivnichnogo Prichernomor'ya. *Arkheologia* 9, 21—28.
- Shchepinskiy A.A. 2002 *Pamyatniki Kemi-obinskoy kultury (Svod arkheologicheskikh istochnikov)*. Zaporozhye: ZNU.
- Subbotin i dr. 1995: Subbotin L.V., Ostroverkhov A.S., Dzigovskiy A.N. 1995. *Arkheologicheskie drevnosti Budzhaka. Kurgany vostochnogo poberezhya ozera Sasyk*. Odessa: Germes.
- Titenko G.T. 1955. Kamennaya stela iz s. Pervomaevka. *KSIA AN USSR* 5, 78—79.
- Toshchev G.N. 2007. *Krym v epokhu bronzy*. Zaporozhye: ZNU.
- Yarovoy E.V. 1983. Okhrannye raskopki kurgana u s. Chetrosu. In: Chetraru N.A. (red.). *Pervobytnye drevnosti Moldavii*. Kishinev: Ştiinţa, 110—128.
- Yarovoy E.V. 1990. *Kurgany eneolita-epokhi bronzy Nizhnego Podnestrovyia*. Kishinev: Ştiinţa.
- the Neolithic Pottery with Comb Decoration in the South of Eastern Europe.**
- Belanovskaya T.D. 1983. Rakushechnoyarskaya kultura vremeni neolita i eneolita na Nizhnem Donu. In: *Problemy khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov stepnoy zony Severnogo Kavkaza*. Rostov na Donu: RGU, 10—15.
- Belanovskaya T.D. 1995. *Iz drevneyshego proshlogo Nizhnego Podonya*. S.-Peterburg: Izd-vo S.- Peterburgskogo universiteta.
- Bibikov S.N. 1959. Nekotorye voprosy zaseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu paleolita. *SA* (4), 19—28.
- Boriskovsky P.I. 1963. *Otchet o rabote Odesskogo paleoliticheskogo otryada v 1963 g.* Kyiv. Naukovy arkhiv IA NANU. № 1963/28.
- Burdo N.B., Stanko, V.N. 1981. Eneoliticheskie nakhodki na stoyanke Mirmoe. In: Mezentseva G.G. (otv. red.). *Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka, 17—22.
- Chairkina N.M. 2009. Kulturno-khronologicheskaya spetsifika neoliticheskikh kompleksov Severnogo Zauralya. In: Vasilyev S.A. (otv. red.). *Vzaimodeystvie i khronologia kultur mezolita i neolita Vostochnoy Evropy*. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu N.N. Gurinoy. S.-Peterburg: IIMK RAN/MAE RAN, 179—181.
- Chemysheva E.K. 1996. Bugo-dnestrovskaya kultura. In: Oshibkina S.V. (otv. red.). *Arkheologia. Neolit Severnoy Evrazii*. Moskva: Nauka, 19—26.
- Danilenko V.N. 1955. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Yuzhnobugskogo otryada za 1955 g.* Kyiv. Naukovy arkhiv IA NANU. № 1955/8.
- Danilenko V.M. 1957. Doslidzhennya neoliticheskikh pamyatok na Pivdennomu Buzi. *Arkheologia* H, 36—49.
- Danilenko V.N. 1958. *Arkheologicheskie issledovaniya na Yuzhnom Buge v 1957—1958 gg. Otchet o rabote Srednebugskoy neoliticheskoy ekspeditsii*. Kyiv. Naukovy arkhiv IA NANU. № 1958/5.
- Danilenko V.N. 1959—1961. *Otchet ob issledovanii Bugskoy ekspeditsii IAANUSSR neoliticheskikh pamyatnikov na Yuzhnom Buge v 1959—1961 gg.* Kyiv. Naukovy arkhiv IA NANU. № 1959—1961/7.
- Danilenko V.N. 1962. Arkheologicheskie issledovaniya v zonakh stroitelstva GES na Yuzhnom Buge v 1959—1960 gg. *KSIA AN USSR* 12, 23—27.
- Danilenko V.N. 1969. *Neolit Ukrainy: glavy drevney istorii Yugo-Vostochnoy Evropy*. Kiev: Naukova dumka.
- Danilenko V.M. 1971. Bugo-dnistrovskaya kultura. In: Telegin D. Ya. (vidp. red.) *Arkheologia URSS*. T. 1. Kyiv: Naukova dumka, 85—96.
- Danilenko V.N. 1974. *Eneolit Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka.
- Danilenko V.N. 1985. Bugo-dnestrovskaya kultura. In: Telegin D. Ya. (otv. red.). *Arkheologia Ukrainy SSR*. T. 1. Kiev: Naukova dumka, 118—126.
- Gaskevich Dmitro. 2001. Regionalni osoblivosti u neolitizatsii Prip'yatskogo Polissya. *Gistarychno-arkhealagichny zbornik* 16, 36—49.
- Gaskevich D.L. 2003. *Kremyany inventar neoliticheskikh kultur Ukrainy*. Avtoref. dis... kand. ist. nauk. Kyiv.
- Gaskevich D.L. 2005. Kremyani viroby kukrekskoy kulturnoy traditsii v inventari bugo-dnistrovskikh pamyatok Pobuzhzhya. *Arkheologia* (3), 24—37.
- Gaskevich D. 2007. Sinkhronizatsiya bugo-dnistrovskogo neolitu ta neolitu Tsentralnoy Evropy: Problema radiovugletsevikh dat. In: Gierlach M., Bakalar-

D. L. Gaskevych. North-Pontic Impresso: Origin of

- ska L. (red.) *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, Łańcut, 26—28 X 2005 r. Warszawa: Krajowy Ośrodek Badań i Dokumentacji Zabytków, 115—147.
- Gaskevich D. 2008 a. Forma dna keramichnogo posudu bugo-dnistrovskikh pamyatok Lisostepovogo Pobuzhzhya. *Arkheologicheskiy almanakh* 19. Donetsk: OOO «Apeks», 275—307.
- Gaskevich D.L. 2008 b. Keramika «samchinskogo» tipu ta problemi periodizatsii bugo-dnistrovskoy neolitichnoy kulturi. *KDU* 11, 157—187.
- Gotun ta in. 2007. Gotun I.A., Gaskevich D.L., Kazimir O.M., Lisenko S.D., Petrauskas A.V., Petrauskas O.V. Poselennya mizh Hodosivkoyu ta Lisnikami: Doslidzhennya 2003 r. *Pivnichna ekspeditsia IA NAN Ukrainy: Materiali i doslidzhennya* I. Kyiv: VD “Stilos”.
- Kachinsky N.A. 1965. *Fizika pochvy*. Uchebnoe posobie. Ch. 1. Moskva: Vysshaya shkola.
- Kalechits E.G. 1987. *Pamyatniki kamennogo i bronzovogo vekov Vostochnoy Belorussii*. Minsk: Nauka i tekhnika.
- Kotova N.S., Tuboltsev O.V. 1992. Pozdnyaya surskaya kultura i ee okruzhenie. *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma* 3, 8—23.
- Kotova N.S. 1994. Mariupolskaya kulturno-istoricheskaya oblast (Dnepro-donskoe mezhdurechye). *Arkheologichni pamyatki ta istoria starodavnyogo naselennya Ukrainy* 1. Kovel: Vezha, 1—143.
- Kotova N.S. 2002. *Neolitizatsia Ukrainy*. Lugansk: Shlyakh.
- Kotova N.S., Kovalyukh N.N. 2002. Katalog radiouglerodnykh dat neoliticheskikh pamyatnikov Ukrainy (Prilozhenie 1) In: Kotova N.S. *Neolitizatsia Ukrainy*. Lugansk: Shlyakh, 85—105.
- Kotova N.S., Pashkevich G.A. 2002. Katalog otpechatkov kulturnykh rasteniy na keramike neoliticheskikh kultur Ukrainy (Prilozhenie 2) In: Kotova N.S. *Neolitizatsia Ukrainy*. Lugansk: Shlyakh, 106—110.
- Krizhevskaya L. Ya. 1992. Nachalo neolita v stepyakh Severnogo Prichernomor'ya. *Arkheologicheskie izyskaniya* 5. S.-Peterburg: IIMK AN SSSR.
- Kosinskaya L.L. 2004. Problemy khronologii Zapadno-sibirskogo neolita (k voprosu o roli radiouglerodnogo datirovaniya). In: Timofeev V.I., Zaytseva G.I. (otv. red.). *Problemy khronologii i etnokulturnykh vzaimodeystviy v neolite Evrazii*. S.-Peterburg: IIMK RAN, 301—307.
- Kosinskaya i dr. 2006: Kosinskaya L.L., Dubovtseva E.N., Yudina E.A. 2006. Poselenie Bystry Kulyogan 66 i bystrinskaya arkheologicheskaya kultura. In: Kosinskaya L.L., Trufanov A. Ya. (red.). *Poselenie Bystry Kulyogan 66: pamyatnik epokhi neolita Surgut'skogo Priobya*. Ekaterinburg-Surgut: Uralskoe izd-vo, 57—67.
- Larina O. 2006. Neoliticheskaya keramika poselenia Tatarăuca Noua XV (k probleme ischeznoventia kulturny lineyno-lentochnoy keramiki). *Revista Arheologică (Serie nouă)* II: 1—2, 35—55.
- Lozovsky V.M. 2003. Perekhod ot lesnogo mezolita k lesnomu neolitu v Volgo-Okskom mezhdurechye. In: Timofeev V.I. (otv. red.). *Neolit — eneolit yuga i neolit severa Vostochnoy Evropy*. S.-Peterburg: IIMK RAN, 219—240.
- Manko V.O. 2006. Neolit Pivdenno-Skhidnoy Ukrainy. *KDU* 9.
- Manko V.O., Sapozhnikov I.V. 2007. Neolitichniy gospodarsko-pobutoviy kompleks Plyutovichche I u Chornobil'skomu Polissi. *KDU* 10, 235—242.
- Markevich V.I. 1974. *Bugo-dnestrovskaya kultura na territorii Moldavii*. Kishinev: Stiinta.
- Neprina V.I. 1969. Teterevskoe poselenie dnepro-donetskoj kultury. *SA* (2), 134—139.
- Potekhina I.D. 1999. *Naselenie Ukrainy v epokhi neolita i rannego eneolita po antropologicheskim dannym*. Kiev: IA NANU.
- Sapozhnikova G.V. 2007. Pro elementi vidtvoryvalnogo gospodarstva v piznyomu paleoliti i mezoliti Ukrainy. *KDU* 10, 126—130.
- Sher Ya. A. 2004. Stil v pervobytnom iskusstve. In: Izobrazitelnye pamyatniki: stil, epokha, kompozitsii. *Materialy V tematicheskoy nauchnoy konferentsii*, Sankt-Peterburg, 1—4 dekabrya 2004 g. S.-Peterburg: S-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 10—13.
- Shorin A.F. 2009. Khronostratigrafia neoliticheskikh kompleksov Koksharovskogo kholma v Srednem Zauralye. In: Vasilyev S.A. (otv. red.). *Vzaimodeystvie i khronologiya kultur mezolita i neolita Vostochnoy Evropy*. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu N.N. Gurinoy. S.-Peterburg: IIMK RAN/MAE RAN, 176—178.
- Stanko V.N. 1967. Nekotorye voprosy pozdnego mezolita Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (po materialam raskopok stoyanki Girzhevo). *ZOAO* 2 (35), 155—168.
- Stanko V.N. 1982. *Mirnoe. Problema mezolita stepy Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka.
- Stanko V.N., Svezhentsev Yu.S. 1988. Khronologiya i periodizatsia pozdnego paleolita i mezolita Severnogo Prichernomor'ya. *Byulleten komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* 57, 116—119.
- Telegin D. Ya. 1968. *Dnipro-donetska kultura: do istorii naselennya epokhi neolitu — rannyyogo metalu pivdnyia Skhidnoy Evropy*. Kyiv: Naukova dumka.
- Telegin D. Ya. 1977. Retsenzia na knigu: V.I. Markevich. *Bugo-dnestrovskaya kultura na territorii Moldavii*. *Arkheologia* 23, 88—91.
- Telegin D. Ya. 1988. Oblasti kultur epokhi neolita yuga Evropeyskoj chasti SSSR, ikh khronologiya i periodizatsia. In: Kovaleva I.F. (otv. red.). *Arkheologicheskie pamyatniki Podneprov'ya v sisteme drevnostey Vostochnoy Evropy*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskiy gosudarstvennyy universitet, 33—56.
- Telegin D. Ya. 1991. *Neoliticheskie mogilniki mariupolskogo tipa*. Kiev: Naukova dumka.
- Telegin D. Ya. 1995. Neoliticheskaya keramika romankovskogo tipa v Kievskom Podneprov'ye. *RA* (1), 110—120.
- Telegin D. Ya., Titova E.N. 1998. Poselenia dnepro-donetskoj etnokulturnoy obshchnosti epokhi neolita. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Kiev: Naukova dumka.
- Timofeev i dr. 2004. Timofeev V.I., Zaytseva G.I., Dolukhanov P.M., Shukurov A.M. *Radiouglerodnaya khronologiya neolita Severnoy Evrazii*. S.-Peterburg: Teza.
- Titova E.N. 1990. O kontaktakh naselenia kievo-cherkasskoj i bugo-dnestrovskoj kultur. In: Neprina V.I. (otv. red.). *Kamenny vek na territorii Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, 28—39.
- Tovkaylo M.T. 2004. Do problemi datuvannya bugo-dnistrovskogo neolitu. *KDU* 5, 236—246.
- Tovkaylo M. 2005. Neolit Stepovogo Pobuzhzhya. *KDU* 6.

№2. 2010

- Tsybriy V.V. 2005. *Neolit Nizhnego Dona i Severo-Vostochnogo Priazovya*. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. S.-Peterburg.
- Tuboltsev O.V. 2003. Neopublikovannye materialy po rannemu neolitu Nadporozhya. *Naukovi pratsi istorichnogo fakultetu Zaporizkogo derzhavnogo universitetu XVIII*, 28—49.
- Usacheva I.V. 2005. «Utyuzhki» v kulturakh Evrazii. *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii* 6. Tyumen: Izd-vo Instituta problem osvoenia Severa Sibirskogo otdelenia RAN, 12—23.
- Vybornov A.A. 1992. *Neolit Prikamya*. Samara: Izd-vo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.
- Vybornov A.A. 2000. Srednevolzhskaya kultura. *Izvestia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. Spets. vyp. «Istoria Samarskogo Povolzhya s drevneyshikh vremen do nashikh dney». Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 177—215.
- Vybornov A.A. 2008. Novye dannye po radiouglerodnoy khronologii neoliticheskoy keramiki Volgo-Kamya. *Arkheologia, Etnografya i Antropologia Evrazii* 4, 15—24.
- Vybornov i dr. 2008: Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V. 2008. K radiokarbonovoy khronologii neolita Srednego Povolzhya: zapadny region. *RA* (4), 64—71.
- Vybornov i dr. 2009: Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V. 2009. K radiokarbonovoy khronologii neolita Srednego Povolzhya: vostochny region. *RA* (3), 58—65.
- Yanevich O.O. 2008. Khronologia piznyomezolitichnoy murzak-kobinskoy kulturi Girskogo Krimu. V: Kulakovska L.V. (vidp. red.). *Doslidzhennya pervisnoy arkeologii v Ukraini (Do 50-richchya vidkryt'ya paleolitichnoy stoyanki Radomishl)*. Materiali mizhnarodnoy arkeologichnoy konferentsii «Radomishl ta yogo istoria», 3—4 zhovtnya 2006 r. Kyiv: Korvin Press, 135—145.
- Zaliznyak L.L. 1979. Neolitichni pam'yatki r. Zdvizh. *Arkheologia* 31, 54—65.
- Zaliznyak L.L., Balakin S.A., Okhrimenko G.V. 1987. Neolitichni poselemya Korma-1 ta Krushniki na Zhitomirshchini. *Arkheologia* 58, 64—73.
- Zaliznyak L.L. 1998. *Peredistoria Ukraini X—V tis. do n. e.* Kyiv: Biblioteka ukraintsya.
- Zaliznyak L.L., Manko V.O. 2004. Stoyanki bilya s. Dobryanka na r. Tikich ta deyaki problemi neolitizatsiyi Serednyogo Podniprovyia. *KDU* 5, 137—168.
- Zaliznyak L.L. 2005. Finalnyepaleoliti mezolitkontinentalnoy Ukraini. Kultumiy podil ta periodizatsia. *KDU* 8.
- Zaliznyak L.L. 2006. Grebenikivska mezolitichna kultura: pokhodzhennya, khronologia, istorichna dolya. *Arkheologia* (4), 3—18.
- Zhuravlev O.P., Kotova N.S. 2002. Katalog osteologicheskikh materialov neoliticheskikh pamyatnikov Ukrainy (Prilozhenie 3). In: Kotova N.S. *Neolitizatsia Ukrainy*. Lugansk: Shlyakh, 111—119.

B. Govedarica, I. Manzura. New Material of the Early Bronze Age at the Tiligul Estuary.

- Agulnikov S.M., Redina E.F. 2005. Mogilnik epokhi ranney bronzy Zmeinaya Balka u s. Koshary. *Revista arheologică* 1 (2), 267—276.
- Agulnikov S.M., Redina E.F. 2006. Mogilnik epokhi ranney bronzy na Tiligulskom limane. In: *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomorya i Krimu XIII*. Zaporizhzhya, 43—47.
- Agulnikov S.M., Redina E.F. 2007. Mogilnik «Zmeinaya Balka» u sela Koshary, Odesskoy oblasti. *Tyragetia* I (1), 169—180.
- Patokova E.F. 1979. *Usatovskoe poselenie i mogilniki*. Kiev: Naukova dumka.
- Patokova E.F., Petrenko V.G. 1989. Usatovskiy mogilnik Mayaki. In: Patokova E.F., Petrenko V.G., Burdo N.B., Polishchuk L.Yu. *Pamyatnikitripolskoy kultury v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye*. Kiev: Naukova dumka.
- Vanchugov i dr. 1991: Vanchugov V.P., Zaginaylo A.G., Kushnir V.G., Petrenko V.G. 1991. *Voronovka II. Poselenie pozdnego bronzovogo veka v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye*. Kiev: Naukova dumka.

Требования к материалам, предоставляемым в редакцию журнала «Stratum plus»

Stratum plus — международный научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии принимаются к публикации материалы по древней и средневековой истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит на русском языке. Все публикации рецензируются и содержат резюме на английском и русском языках, а также на государственном языке Республики Молдова.

Адрес: MD-2024, Республика Молдова,

Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.

Университет «Высшая антропологическая школа»

Журнал *Stratum plus*

Тел./факс: (+373 22) 92 66 63

E-mail для авторов: stratumplus@gmail.com

Web: www.ant.md/stratum **E-shop:** www.e-anthropology.com

Stratum plus выходит шесть раз в год по единому издательскому плану:

№	Тематика номера	Материалы принимаются не позднее:	Время выхода номера
1-й номер	Палеолит. Мезолит	1 ноября	январь-февраль
2-й номер	Неолит. Энеолит. Бронзовый век	1 декабря	март-апрель
3-й номер	Ранний железный век. Античная эпоха	1 января	май-июнь
4-й номер	Римское время. Эпоха великого переселения народов	1 февраля	июль-август
5-й номер	Средние века	1 марта	сентябрь-октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	1 апреля	ноябрь-декабрь

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассчитывать на выход в соответствующем тематическом номере следующего годового цикла.

Требования к авторам

При подготовке работ к публикации в журнале *Stratum plus* следует строго выполнять следующие редакционные требования:

Оригинальность

К публикации допускаются оригинальные, не публиковавшиеся ранее материалы. Автор материала обязан проинформировать редактора номера, если он посылает статью одновременно в несколько изданий или в печати находится измененная версия той же статьи, а также о том, в каких печатных изданиях ранее публиковались данные материалы.

Материалы на других языках принимаются для перевода и публикации в журнале на русском языке по согласованию с редактором номера.

Научная этика

- *Stratum plus* не печатает статьи о материалах, которые могут считаться похищенными.
- Редакция журнала следует закону об авторском праве Республики Молдова и соответствующим международным соглашениям.
- Автор вправе свободно распоряжаться опубликованным материалом и переиздавать его в любых других изданиях. Однако он должен делать это, не нарушая исключительных прав журнала *Stratum plus*, указывая место первой публикации материала.
- *Stratum plus* может предоставить право третьей стороне на переиздание, в случае, если получено разрешение от автора соответствующего материала. Если же автор отказывается третьей стороне, то редакция *Stratum plus* действует в соответствии с решением автора.
- Призываем всех авторов соблюдать научную корректность в работах, содержащих критику в адрес коллег. В противном случае редакция оставляет за собой право отклонить материал или исправить его стиль.
- Все материалы рассматриваются редколлегией журнала *Stratum plus* и отсылаются при необходимости минимум двум анонимным рецензентам. При этом основное внимание обращается на научную ценность статьи, ясность изложения и требования научной этики.

Структура подачи материалов:

Материалы предоставляются в завершённом виде, соблюдая следующие требования:

- Сопроводительное письмо в электронном виде, включающее полную контактную информацию об авторе (Ф. И. О., страна, город, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, почтовый и электронный адрес, контактные телефоны);
- Подтверждение. Автор присылает в бумажном или отсканированном виде подтверждение (в свободной форме) об оригинальности статьи/монографии с личной подписью;
- Название статьи/монографии;
- Ключевые слова или выражения (от 5 до 10 слов) на русском и английском языках;
- Резюме на русском и английском языках;
- Текст в электронном виде (в печатном виде текст высылается на адрес редакции — по желанию автора или по требованию редакции);
- Список использованной литературы (требования к оформлению см. ниже);
- Список подписей к иллюстрациям (на русском и **английском**¹ языках);
- Список используемых сокращений;
- Таблицы/диаграммы и исходные материалы (файлы), использованные для их построения;
- Если публикация требует специфического шрифта (для редких языков), необходимо приложить шрифт в виде файла (*.ttf или другой формат подобных файлов).

Технические требования

Текст

Материалы принимаются в форматах *.doc и *.rtf.

Объем

Монографии

Объем монографии, представляемой в журнал, вместе с иллюстрациями, заголовками к ним и списком литературы, не должен превышать половину объема номера журнала, то есть 150 страниц. Для справки: в стандартную страницу нашего журнала помещается около 5000 знаков кириллицы (с пробелами, без заголовков и иллюстраций).

Статьи

Объем статьи/рецензии, представляемой в журнал, согласовывается с редактором номера.

Резюме

Объем резюме, представляемого в журнал, ограничивается 500—2000 символов для статьи и до 5000 для монографии (с пробелами).

Иллюстрации

- Иллюстрации принимаются в растровом формате (оттенки серого) *.tif и *.jpg (без сжатия) с разрешением не менее 300 dpi (на реальный размер изображения) и в векторном формате (*.ai, *.eps, в исключительных случаях — *.cdr), а также на бумаге в контрастном чёрно-белом варианте. Фотографии контрастные.
- Необходимо приложить список иллюстраций в отдельном текстовом файле.
- Диаграммы должны быть оформлены в программах типа MS Excel. При этом обязательно вместе с диаграммами MS Excel предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.
- Если рисунок содержит номера или текст, они должны быть впечатаны в электронном виде, а не вписаны от руки.
- Список подписей к иллюстрациям даётся в конце текста статьи или монографии.

Библиография и система ссылок

Настоятельно рекомендуем авторам, присылающим для публикации в журнал *Stratum plus* свои статьи и монографии, использовать нижеприведенные системы составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии.

В случае невыполнения данной рекомендации присланные материалы будут отсылаться обратно для доработки.

Оформление ссылок в тексте статьи:

(Govedarica 2004: 55 ff.).

(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)

(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)

(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)

(Herod. Hist. IV, 2)

¹ список подписей на английском языке предоставляется для публикаций в номерах начиная с 2011 года.

(Быт. 2: 15)
(16 Пчелы, 142(141))

Оформление списка литературы:

Ссылка на книгу/монографию²:

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger—Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Вишняцкий Л. Б. 2005. *Введение в преисторию: Проблемы антропогенеза и становление культуры*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. *И...Разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

В том случае, если монография опубликована в одном из номеров продолжающегося издания, ее название приводится курсивом. Затем следует название и номер выпуска, набранные обычным шрифтом. Если название издания дается в сокращенном виде, тогда место издания не указывается, поскольку оно приводится в списке сокращений. Например:

Пассек Т. С. 1949. *Периодизация трипольских поселений*. МИА 10.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.

Ссылки на другие типы работ³:

Ссылка на сборник статей и материалы конференций:

Братченко С. Н., Константиnescу Л. Ф. 1987. Александровский энеолитический могильник. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 17—31.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Tărgoviște. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Auxiette G. 1995. La parure en schiste. In: Plett M., Plateaux M. (dir.). *Le site néolithique de Berry-au-Bac „Le Chemin de la Pêcheur” (Aisne)*. Paris: CNRS éditions, 181—183.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium*, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Ссылка на раздел (главу) в томе многотомного издания:

Телегин Д. Я. 1985. Среднепалеолитическая культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Ссылка на статью в продолжающемся издании:

Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. *КСИА* 115, 45—49.

Корневский С. Н. 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой). *МИИХН СК* 1, 96—147.

Amiot C. 1985. Un fragment de bracelet en schiste trouvé à Crenay (Haute-Marne). *Préhist. Protohist. Champ. Ard.* 9, 19—21.

Kaufmann D., Günther H. 1984. Ein Siedlung mit Gesichtsdarstellung der späten Stichbandkeramik von Heldringen, Kr. Artern. *AuF* 29: 4, 153—160.

Ссылка на статью в периодическом издании:

Рунич А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.

Рассамакин Ю. Я., Будников О. Б. 1993. Проблемы раннего степового энеолита у світлі вивчення нових пам'яток. *Археологія* (3), 128—142.

Ссылка на диссертацию

Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс... д-ра филол. наук. Москва.

Ссылка на автореферат

Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725—1880 гг.* Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва.

Ссылка на интернет-ресурс

Бузина О. 2006. Миф о трипольском горшке. *Отрывки из «Тайной истории Украины»*: tabloid.1bs.ru/node/559.

² Указание издательства обязательно.

³ Указание издательства и страниц обязательно; для сборников статей необходимо указать редактора.

Ссылка на архивные материалы

НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16.

Дитлер П. А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера*. Архив ИАРАН, № 2662.

Порядок работы с принимаемыми материалами

1. Авторы получают подтверждение о получении материала в редакцию (обычно по электронной почте).
2. Редактор принимает решение о соблюдении технических норм материала, его тематическом соответствии и необходимости его отсылки рецензентам (не менее чем двум).
3. В случае необходимости материал отсылают рецензентам, от которых поступает рецензия в срок не более месяца. В порядке исключения этот процесс может занять больше времени, так как может быть затруднен поиск соответствующего рецензента.
4. Редактор после получения рецензий принимает окончательное решение о публикации материала.
5. В течение месяца редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.
6. После того как материал принят в печать, внесение дополнений или изменений не допускается. Если автор желает внести изменения, материал может быть отложен до начала работы над следующим номером журнала.
7. Автор опубликованного материала получает авторский экземпляр журнала. Кроме того, предоставляется скидка в 30% от розничной стоимости журнала, в котором публиковался автор, и 10% от розничной цены любого другого номера журнала, выпущенного в текущем году.

Requirements to contributions to *Stratum plus*

Stratum plus is an international journal of archaeology and cultural anthropology. It aims to present results of analytical research, interpretations and new sources. Besides contributions on archaeology and cultural anthropology we also accept studies in early and medieval history, ethnology, numismatics, epigraphics and other historic disciplines.

The journal is published in the Russian language. All contributions are reviewed and supplied with abstracts in English, Russian and Moldova state language.

Address: MD-2024, Republic of Moldova,

Kishinev, Str. Zimbrului 10a.

High Anthropological School

Stratum plus Journal

Tel./fax: (+373 22) 92 66 63

E-mail for contributions: stratumplus@gmail.com

Web: www.ant.md/stratum **E-shop:** www.e-anthropology.com

Stratum plus comes out six times following the schedule:

	Subject	Paper submission deadlines	The issues comes out in
№ 1	Palaeolithic. Mesolithic.	1 November	January-February
№ 2	Neolithic. Bronze Age.	1 December	March-April
№ 3	Iron Age. Ancient Time.	1 January	May-June
№ 4	Roman Time. The Migration Period.	1 February	July-August
№ 5	Middle Ages.	1 March	September-October
№ 6	Numismatics. Epigraphics.	1 April	November-December

Any contribution received after the deadline can be published in the respective thematic volume in the following year.

Notes for Contributors

While preparing your contributions to *Stratum plus*, please following these publication rules:

Originality

We accept only original material that has not been published elsewhere. The contributor shall inform the editor if the same paper is submitted simultaneously elsewhere, or if a different version of the same paper is in press. As well, the contributor shall inform the editor where this material has been already published.

Contributions in other languages to be translated and published in the journal in the Russian language shall be negotiated with the editor of the respective volume.

Scholarly ethics

- *Stratum plus* does not publish articles about material which may be considered as looted.
- *Stratum plus* follows the Republic of Moldova law on copyright and the respective international conventions.
- Contributors shall be entitled to freely possess their published materials and republish it elsewhere. However, they shall not violate *Stratum plus* exclusive rights, and therefore shall be required to indicate the first publication of their materials.
- *Stratum plus* may offer the right to republication to a third party upon consent of the respective contributor. Should the contributor refuse, *Stratum plus* shall abide by the contributor's decision.
- We urge all contributors to observe scholarly ethics in papers that contain critics to their colleagues. Otherwise, the editors shall reserve the right to reject the material or correct its style.
- All contributions are examined by the *Stratum plus* editors and, if necessary, sent to at least two anonymous reviewers. The editors mainly focus on scholarly values of material, clarity of narration and ethic requirements.

Structure of contributions:

Materials shall be submitted in complete form, following these requirements:

- Cover letter in electronic form, including contributor's full contact details (name and surname, country, city, scholarly degree and title, place of work and position, mail and email addresses, contact telephone)
- Confirmation. Contributors shall send a signed statement (paper copy or a scanned document), in a deliberate form, confirming originality of the submitted article/monograph.
- Title of the article / monograph

№2. 2010

- Key words (5 to 10 words) in Russian and English
- An abstract in Russian and English
- Text in electronic form (printed copy shall be sent subject to the contributor's own desire or editors' demand)
- List of references (see requirements below)
- List of subtitles to figures
- List of abbreviations
- Tables/graphs and original material (files), on which these are built
- If your material requires a specific font (for rare languages), the respective font file shall be submitted as well.

Technical requirements

Text

Contributions shall be accepted in *.doc and *.rtf formats.

Length

Monographs

A monograph submitted to the journal along with all its figures, subtitles to them and list of references shall not exceed one half of the volume's length, i.e. 150 pages. For your information: a standard page in our journal includes about 5,000 cyrillic characters (with spaces, without headlines and figures).

Articles

Length of an article/review shall be negotiated with the volume's editor.

Abstract

Length of an abstract shall be limited to 500-2,000 characters for an article and up to 5,000 characters for a monograph (with spaces).

Illustrations

- Illustrations shall be submitted in bit map (gray scale) *.tif and *.jpg (uncompressed) with resolution of no less than 300 dpi (to the real image size) and in vector format (*.ai, *.eps, in exceptional cases in *.cdr), as well as on paper in contrast black and white version. Photographs shall be high contrast.
- List of figures shall be submitted in a separate text file.
- Graphs shall be made in programs like MS Excel. Besides, please, attach the original tables to the MS Excel graphs.
- If an illustration contains numbers or a text, they must be inserted electronically (no manual work).
- List of titles to figures shall be given after the text of the article or monograph.

Bibliography and references

We insistently recommend the contributors of articles and monographs to use the following system of references in the text and list of references.

Contributions failing to follow this recommendation shall be sent back for improvements.

References in the text:

(Govedarica 2004: 55 ff.).

(Вишняцкий 2005: 213, рис. 3)

(Тельнов и др. 2002: 28—29, рис. 6: 10, 12—19; 7: 5, 7, 16—22; 8: 2—5)

(НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16)

(Herod. Hist. IV, 2)

(Genes.2: 15)

(16 Bees, 142(141))

List of references:

Reference to a book /monograph¹:

Govedarica B. 2004. *Zeptertäger—Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Steppenraum Sudost- und Osteuropas*. Mainz: Zabern.

Вишняцкий Л. Б. 2005. *Введение в преисторию: Проблемы антропогенеза и становление культуры*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

Тельнов и др. 2002: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович А. 2002. *И...Разошлись славяне по земле*. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

If a monograph is published in one of the volumes of a continued publication, its title shall be indicated in italic,

---

¹ It is mandatory to indicate the publisher.

followed by the title and the number of the volume, in plain font. If the title is given in abridged form, place of publication shall not be indicated, because it is mentioned in the list of abbreviations. For example:

Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений. МИА 10.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград.

Other references ²:

Reference to a collective volume and conference proceedings:

Братченко С. Н., Константиnescу Л. Ф. 1987. Александровский энеолитический могильник. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 17—31.

Angelova I. 1991. Chalcolithic Necropolis near the Town Tărgoviște. In: Lichardus J. (Hrsg.). *Kupferzeit als historische Epoche*. Bonn: Habelt, 101—105.

Auxiette G. 1995. La parure en schiste. In: Ilett M., Plateaux M. (dir.). *Le site néolithique de Berry-au-Bac „Le Chemin de la Pêcherie“ (Aisne)*. Paris: CNRS éditions, 181—183.

Рындина и др. 1993: Рындина Н. В., Иденбаум Г. В., Колосова В. С. 1993. Сульфидные медные плавки в металлургии позднего энеолита Северо-Восточных Балкан. В: Georgieva P. (ed.). *The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium*, 28—30. August 1992, Nessebur, Bulgaria. Sofia: New Bulgarian University, 137—145.

Reference to a section (chapter) in a book published in many volumes:

Телегин Д. Я. 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 305—320.

Reference to an article in a serial publication:

Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. *КСИА* 115, 45—49.

Кореневский С. Н. 1998. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой). *МИИХН СК* 1, 96—147.

Amiot C. 1985. Un fragment de bracelet en schiste trouvé à Crenay (Haute-Marne). *Préhist. Protohist. Champ. Ard.* 9, 19—21.

Kaufmann D., Günther H. 1984. Ein Siedlung mit Gesichtsdarstellung der späten Stichbandkeramik von Heldringen, Kr. Artern. *AuF* 29: 4, 153—160.

Reference to an article in a periodical:

Рунич А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. *СА* (1), 228—233.

Рассамакин Ю. Я., Будников О. Б. 1993. Проблемы раннего степового энеолиту у світлі вивчення нових пам'яток. *Археологія* (3), 128-142.

Reference to a dissertation

Свинцов В. И. 1997. *Логические основы редактирования текста*. Дисс... д-ра филол. наук. Москва.

Reference to a dissertation abstract

Пшеничная Т. А. 1984. *Русская техническая книга, 1725-1880 гг.* Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва.

Reference to a web resource

Бузина О. 2006. Миф о трипольском горшке. *Отрывки из «Тайной истории Украины»*: tabloid.1bs.ru/node/559.

Reference to an archive

НАРМ. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15-16.

Дитлер П. А. 1962. *Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1962 году в Лабинском районе, бывшем Ярославском, Краснодарского Края в пос. Колосовка на р. Фарс под руководством П. А. Дитлера*. Архив ИАРАН, № 2662.

Procedure for acceptance

1. Receipt of a contribution shall be confirmed to contributors (usually by email)
2. The editor shall decide whether or not the contribution corresponds to all technical and thematic requirements and whether to send it to reviewers (not less than two).

² It is required to indicate the publisher and the number of pages; it is mandatory to indicate the editor in case of collective volumes.

Nº2. 2010

3. If necessary, the contribution shall be sent to reviewers, who are expected to give their feedback within a month. In exceptional cases, this procedure may take more than one month, if the appropriate reviewer is hard to find.

4. Once the reviews have been received, the editor shall make final decision on publication of the contribution.

5. Within a month, the editors shall inform the contributor on whether his/her contribution is accepted or not (with due explanations in the latter case, based on reviewers' opinion), or whether it requires some improvements.

6. Once the contribution has been accepted for publication, no further additions or changes are admitted. If the contributor wishes to make any further changes, the contribution may be postponed until the next volume of the journal is in process.

7. The contributors whose papers have been published shall be entitled to a free copy of this volume of the journal. Besides, they shall benefit of a 30% discount of retail price of the same volume and a 10% discount of retail price of any other volume published in the same year.

Издательский дом
«Stratum plus»
Stratum Publishing House

Subscription

Since early 2010 we will offer an opportunity to purchase High Anthropological School University books and periodicals in our e-shop *Stratum Publishing House*.

We can offer you different types of subscription to the international periodical journal *Stratum plus*:

Large: printed and online version of the journal and access to the electronic archive of previous issues back to 1999

Combined: printed and current online versions of the journal

Standard: printed version of the journal

Online: online current version of the journal

The annual subscription package includes six volumes. Each new volume shall be sent to the subscriber according to the publishing schedule.

Annual Subscription Rates

Цены на подписку

	Institutional Учреждениям	Individual Частным лицам	Student's Студентам
Large Расширенная	502€ or 748\$	235€ or 350\$	235€ or 350\$
Combined Комбинированная	269€ or 401\$	128€ or 191\$	106€ or 158\$
Standard Стандартная	240€ or 358\$	114€ or 170\$	97€ or 144\$
Online Онлайн	228€ or 340\$	109€ or 162\$	92€ or 137\$

Подписка

Предлагаем Вам различные варианты подписки на международный периодический журнал «Stratum plus»:

Расширенная. Формат данной подписки дает возможность получать печатную версию журнала, доступ к его электронной версии, а так же неограниченный доступ к электронному архиву журнала «Stratum plus», начиная с 1999 года.

Комбинированная. Формат данной подписки дает возможность получать печатную версию журнала, а так же доступ к электронной версии и его соответствующим приложениям.

Стандартная. В рамках данной категории подписчики получают исключительно печатную версию журнала.

Электронная. В рамках данной категории подписчики получают доступ исключительно к электронной версии журнала и его соответствующим приложениям.

Годовой комплект подписки состоит из шести номеров. Каждый новый номер подписчик получает согласно издательскому графику журнала «Stratum plus»

Stratum plus. Nr. 1. **Средний палеолит: в поисках динамики** (*Middle Palaeolithic: In Search for Dynamics*)

Stratum plus. Nr. 2. **Воины медного века** (*Copper Age Warriors*)

Stratum plus. Nr. 3. **Скифские интерпретации** (*Scythian Interpretations*)

Stratum plus. Nr. 4. **Полевой дневник: Римское время** (*Field Journal: Roman Time*)

Stratum plus. Nr. 5. **Русское время** (*Russian Time*)

Stratum plus. Nr. 6. **Причерноморские этюды** (*Black Sea Studies*)

2005-2009

Set	114€
One	19€
Student	20€
Individual	47€
Institutional	280€

Stratum plus. Nr. 1. **В эпоху мамонтов** (*The Age of Mammoths*)

Stratum plus. Nr. 2. **Дискурс цивилизаций** (*Discourse of Civilizations*)

Stratum plus. Nr. 3. **Скифия, Фракия и эллинский мир** (*Scythia, Thrace and Hellenic World*)

Stratum plus. Nr. 4. **Между певкинами и феннами** (*Inter Peucinos Fennoesque*)

Stratum plus. Nr. 5. **Мастера средневековья** (*Medieval Masters*)

Stratum plus. Nr. 6. **Печати времени** (*Marks of Time*)

2003-2004

Set	103€
One	17€
Student	18€
Individual	36€
Institutional	210€

2001-2002

Set	97€	102€	199€
One	16€	17€	34€
Student	16€	17€	34€
Individual	16€	17€	34€
Institutional	16€	17€	34€

Stratum plus. Nr. 1. **В начале был камень** (*In the Beginning Was the Stone*)

Stratum plus. Nr. 2. **Земля Триполиада** (*The Tripoliada Land*)

Stratum plus. Nr. 3. **Старая Скифия** (*Old Scythia*)

Stratum plus. Nr. 4. **На окраинах античного мира** (*On the Outskirts of the Ancient World*)

Stratum plus. Nr. 5. **Славянские древности** (*Antiquities of the Slavs*)

Stratum plus. Nr. 6. **Знаменья цивилизаций** (*Omens of Civilizations*)

2000

Set	54€	60€	125€
One	9€	10€	20€
Student	9€	10€	20€
Individual	9€	10€	20€
Institutional	9€	10€	20€

Stratum plus. Nr. 1. **Время последних неандертальцев** (*The Time of the Last Neanderthals*)

Stratum plus. Nr. 2. **Рождение Европы** (*The Birth of Europe*)

Stratum plus. Nr. 3. **Мельпомена археологическая** (*Melpomene Archaeologica*)

Stratum plus. Nr. 4. **Время великих миграций** (*The Time of Great Migrations*)

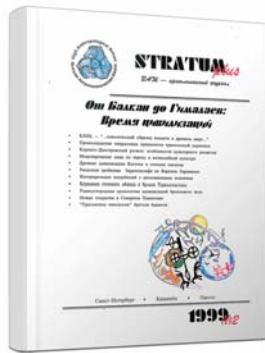
Stratum plus. Nr. 5. **Великая Скуфь** (*The Great 'Skuf'*)

Stratum plus. Nr. 6. **Печать презренного металла** (*The Mark of the Contemptible Metal*)

Stratum plus. Nr. 1. **Время собирать камни** (A Time to Gather Stones Together)

Stratum plus. Nr. 2. **От Балкан до Гималаев: время цивилизаций** (From the Balkans to the Himalayas)

Stratum plus. Nr. 3. **Скифский квадрат** (Scythian Rectangle)

Stratum plus. Nr. 4. **Время «Че»** (The Time of 'Che')

Stratum plus. Nr. 5. **Неславянское в славянском мире** (Non-slavic in the Slavic World)

Stratum plus. Nr. 6. **Время денег** (The Time of Money)

1999

Set	54€
One	9€
Student	6€
Individual	10€
Institutional	20€
	125€

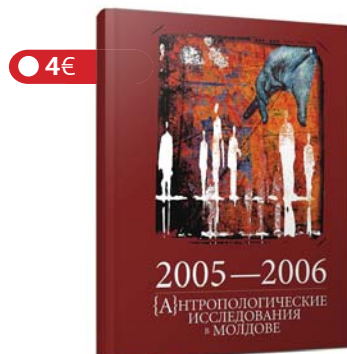

Стратум: структуры и катастрофы (Stratum: Structures and Catastrophes.)

Стратум + Петербургский археологический вестник (Stratum + St.-Petersburg Archaeologicheskyy Vestnik.)

1997

4€

4€

Антропологические исследования в Молдове (Anthropological Studies in Moldova)

13€

И. В. Брумяко. **Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р.Х.)** (I. V. Bruyako. *Early Nomads in Europe (10th—5th cc. B.C.)*)

11€

В. А. Дергачёв, В. С. Бочкарёв. **Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы** (V. A. Dergachev, V. S. Bochkarëv. *Metal Sickles of the Late Bronze Age in Eastern Europe*)

3€

П. П. Бырня, Т.Ф. Рябой. **Два клада из Старого Орхея** (P. P. Birnya, T. F. Ryaboy. *Two Hoards from Old Orhei*)

1st edition
1-ое издание

3€

2nd edition
2-ое издание

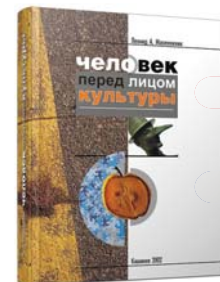
6€

Л. А. Мосионжник. **Антропология цивилизаций** (L. A. Mosionjnic. *Anthropology of Civilisations*)

3€

Н. П. Тельнов, В. П. Степанов, Н. Д. Руссев, Р. А. Рабинович. **«И... разошлись славяне по земле»** (N. P. Telnov, V. P. Stepanov, N. D. Russev, R. A. Rabinovich. *“And... the Slavs Spread Across the Earth”*)

1st edition
1-ое издание

5€

2nd edition
2-ое издание

6€

Л. А. Мосионжник. **Человек перед лицом культуры** (L. A. Mosionjnic. *Human in Face of Culture*)

1st edition
1-ое издание

4€

2nd edition
2-ое издание

6€

Л. Б. Вишняцкий. **Введение в преисторию** (L. B. Vishnyatski. *Introduction to Pre-History*)

4€

В. М. Массон. **Первые цивилизации и всемирная история** (V. M. Masson. *First Civilizations and World History*)

7€

Я. М. Копанский. **Еврейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период** (Ya. M. Kopansky. *Jewish National Movement in Bessarabia in Interwar Period*)

3€

А. А. Романчук, И. Н. Тащи. **Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы** (A. A. Romanchuk, I. N. Taschy. *The Ukrainian Population of Bulaesty and Early History of Moldavian Principality*)

5€

Л. А. Мосионжник. **Синергетика для гуманитариев** (L. A. Mosionjnic. *Synergetics for Humanities*)

3€

Н. Д. Руссев. **На грани миров и эпох** (N. D. Russev. *On the Edge of Civilizations and Epochs*)

Stratum plus. №2 (2010)
Культурная антропология • Археология.
Кишинев. Университет «Высшая антропологическая школа». 2010. — 348стр.

Подписано к печати 31. 03. 2010 г.

Университет «Высшая антропологическая школа», «Stratum plus» Р. Р.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «таймс». Тираж 500 экз. Заказ № 1797.
Отпечатано в Центральной типографии:
г. Кишинев, ул. Флорилор, 1